"KHRISTIANSKOE CHTENIE"

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

издаваемое

при

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

1862.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. 22 іюня, 1862 года.

Цензоръ ***Архимандритъ Фотій.***

I.

МІРЪ, ПО ВЗОРУ ЕВАНГЕЛІЯ,

И ГОНЕНІЕ ЕГО НА ДУХЪ ХРИСТІАНСТВА.

Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное. Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и иждёнутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ (Мат. 5, 10. 11).

Господь Спаситель нашъ, предрекая вѣрнымъ ученикамъ своимъ разныя страданія и скорби, неминуемо имѣющія постигнуть ихъ со стороны міра, во злѣ лежащаго, въ тоже время утѣшаетъ ихъ небеснымъ утѣшеніемъ. И благопотребно было такое утѣшеніе: міръ языческій, со всею лютостію и злобою, возсталъ на Вѣру Христову и на учениковъ Христовыхъ при самомъ появленіи христіанства: апостолы, первые проповѣдники Вѣры Христовой, всѣ подверглись мученіямъ за проповѣдь евангельскую; на вѣрующихъ и исповѣдующихъ имя Христово цѣлыхъ три столѣтія были воздвигаемы отъ міра такія гоненія и мученія, которыхъ лютость ужасаетъ самую мысль и воображеніе.

Въ настоящее время, въ странахъ христіанскихъ, гдѣ

Вѣра Христова исповѣдается самими вѣнценосцами и покровительствуется ими,—благодареніе Господу,—нѣтъ и не можетъ быть такихъ гоненій за Вѣру христіанскую. Но и нынѣ, какъ и всегда, не безъ гоненій на Вѣру Христову и христіанъ. И нынѣ могутъ быть изгнанные *правды ради*; и нынѣ могутъ поносить и пронесть имя вѣрующихъ, яко зло, Сына человѣческаго ради. Нынѣ нѣтъ гоненій явныхъ и открытыхъ на христіанъ, но есть прикровенныя и тайныя; есть и явныя, но лукавыя и коварныя,—гонятъ не прямо Вѣру Христову, а духъ Вѣры и истинныхъ ея послѣдователей; такъ что истинное христіанство и теперь въ гоненіи отъ міра.

Что это за міръ? Какъ онъ гонитъ христіанство? и за что?

Кто это міръ — гонитель христіанъ? — Это, конечно, не міръ видимый, вещественный, и не твари неразумныя одушевленныя, которыя, возставая, безвредно впрочемъ для Вѣры, на падшихъ человѣковъ, истиннымъ христіанамъ — великимъ угодникамъ Божіимъ, не рѣдко охотно покаряются и служатъ, и которыя отъ христіанъ ложныхъ такъ часто сами гонимы, будучи покоряемы ими *суетѣ и работѣ истлѣнію*. Это не есть также общество человѣческое, все безъ изъятія; тѣмъ паче не міръ гражданскій или государство въ странахъ христіанскихъ, которое болѣе или менѣе способствуетъ успѣхамъ распространенія Вѣры Христовой.—Міръ, о которомъ неоднократно говорилъ Спаситель, какъ о врагѣ и гонителѣ Евангелія и учениковъ Его,— о которомъ слово Божіе говоритъ, что *онъ во злѣ лежитъ*, это люди, не вѣрующіе въ истиннаго Бога, служащіе ложнымъ богамъ,—а въ нихъ и чрезъ нихъ, — одному лжебогу—*богу вѣка сего*, который дерзко восхищая се-

бѣ божественную власть, говоритъ: *аще падъ поклонишися мнѣ, вся тебѣ дамъ*; это—люди, *ходившіе* и ходящіе *по князю власти воздушныя* (Еф. 2, 2,), творящіе волю или похоти его, *сѣдящіе во тмѣ и сѣни смертнѣй.* Сюда принадлежатъ такъ же служащіе ложному пророку, и тѣ, которые ожидаютъ ложнаго Мессію, отвергнувшіе истиннаго. По неизреченной благости своей, Господь пришелъ на землю, *разрушилъ дѣла діавола* (Іоан. 3, 8), и всѣхъ, хотящихъ идти за Нимъ и вѣрующихъ въ Него, извелъ *изъ тмы въ чудный свѣтъ свой* (Втор. 2, 4), *изъ области сатанины* въ царство свое; устроилъ свое царство, — Церковь свою, создалъ новый міръ—христіанскій, который долженъ вести жизнь по духу и правиламъ Евангелія. Этотъ духъ, эта жизнь по Евангелію и составляетъ собственно христіанство или истинно-христіанскую жизнь, и, такъ сказать, существо христіанина. Но какъ Господь, вводя въ царство свое, не отъемлетъ у насъ свободы или произволенія, и многіе, вѣрующіе въ Него, вопреки волѣ Его, по злоупотребленію своей свободы, не держатся правилъ и законовъ Его царства, т. е. закона евангельскаго; то и въ міръ христіанскій привходитъ многое не христіанское,—духъ и правила жизни міра языческаго. Почему, Евангеліе подъ словомъ міръ, который изображаетъ оно *лежащимъ во злѣ* и враждебнымъ христіанству, разумѣетъ,—послѣ языческаго міра,—и христіанъ, которые не христіанскаго духа. Такъ, и среди христіанства есть міръ, который составляется изъ самыхъ христіанъ и, къ прискорбію, изъ большей ихъ части.

Что же именно это за люди? Это не только тѣ, которымъ приличествуютъ слова Писанія: *тѣлесни, духа не имуще* (Іуд. 1, 19); не только ведущіе жизнь плот-

скую и чувственную; не только люди, преданные грубымъ порокамъ и страстямъ; но и стоящіе выше этой чувственной жизни, *плотскіе или душевніи*, какъ именуетъ ихъ Слово Божіе. Это люди не рѣдко даже честной и безукоризненной жизни, въ глазахъ и по суду другихъ, особенно подобныхъ имъ, исправные по службѣ, если они ее занимаютъ, — люди образованные, со вкусомъ и приличіями свѣта,—люди даже прекраснаго, такъ называемаго, характера и добраго, или вѣрнѣе, мягкаго по природѣ сердца,—ласковые, учтивые, предупредительные, пріятные въ обращеніи и даже иногда благотворительные. Но если всё это у нихъ не для Бога, а только для свѣта, изъ угожденія ему и для своихъ выгодъ; если все это у нихъ нисколько не проникнуто духомъ Евангелія и не по его внушенію: это—міръ. Ибо и въ языческомъ образованномъ мірѣ можно находить почти то же. — Міръ въ христіанствѣ—это люди, которыхъ правила жизни нисколько не изъ Евангелія, а всѣ изъ внушенія растлѣнной ихъ природы, изъ обычаевъ и примѣровъ свѣта; они водятся не страхомъ Божіимъ, не совѣстію, не закономъ Господнимъ, а совсѣмъ иными побужденіями; они угождаютъ только себѣ, а не Богу, ищутъ только временныхъ выгодъ и счастія, не заботясь о спасеніи. Дѣло спасенія у нихъ не только не первое дѣло, какъ бы надлежало, а едва-ли есть и послѣднее.—Міръ въ христіанствѣ — это не только тѣ, которые, будучи христіанами, не рѣдко опровергаютъ истины Вѣры; но и тѣ, которые вѣруютъ слабо и съ сомнѣніемъ, и которые вѣру свою не прилагаютъ къ жизни, и не стараются о томъ,—напр. вѣруютъ въ будущую вѣчную жизнь, а живутъ такъ, какъ бы вовсе не ожидала ихъ жизнь вѣчная; вѣру-

ютъ въ Бога, но мысль о Богѣ не проникаетъ ихъ жизни и дѣлъ, — жизнь и дѣла ихъ идутъ по другимъ мыслямъ и началамъ. *Не предложиша Бога предъ собою*, и посему *растлѣша и омерзишася въ начинаніяхъ своихъ* (Пс. 13, 1).—Міръ въ христіанствѣ—это люди, которые вѣруютъ во Христа, но вмѣстѣ и *врази креста Христова*, не въ томъ смыслѣ, чтобы они не признавали нужною для спасенія своего вѣру въ крестную жертву Христову, и не вѣрили въ нее; а въ томъ разумѣ, что не признаютъ нужною для сего крестную, крестомъ внушаемую намъ жизнь *распятую*, — т. е. не распинаютъ *своей плоти со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), *не сораспинаются Христу*: не почитаютъ этого и нужнымъ для своего спасенія, и ведутъ жизнь по внушенію растлѣнной природы. Ихъ-то Апостолъ называетъ, и называетъ съ плачемъ, *врагами креста Христова, имъ же богъ чрево* (Фил. 3, 19). Они вѣруютъ въ Бога и устами исповѣдаютъ Его, а жизнію *отметаются Его*,—не служатъ, не угождаютъ Ему. Они, хотя и безъ сознанія о томъ, своими дѣлами и жизнію служатъ иному богу—богу вѣка сего, ему угождаютъ, *творя его дѣла и его похоти*. Служатъ ему иные, какъ плѣнники, *уловленные имъ живо въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26), служатъ нехотя, по безсилію вырваться изъ сѣтей его; другіе служатъ охотно, какъ дѣти, любятъ жизнь и дѣла, по духу его. Сіи-то послѣдніе въ особенности составляютъ міръ въ христіанствѣ. Это не вообще грѣшники, потому что и тѣ, которые христіане по духу и жизни, и истинныя чада Церкви, не могутъ не грѣшить. Совершенно безгрѣшенъ одинъ Богъ. Но между грѣшникомъ и грѣшникомъ — большое различіе. Иное — грѣхъ невольный, грѣхъ слабости, нечаянности,

претвновеніе, паденіе, увлеченіе, краткая дремота грѣховная; иное — грѣховная жизнь, охотная преданность грѣху и поверженіе въ него, лежаніе въ тинѣ грѣха и намѣренный сонъ грѣховный. Христіанинъ не мірскаго духа, если грѣшитъ, грѣшитъ по слабости, а не по нерадѣнію; грѣшитъ, но въ то же время *соуслаждается закону Божію* (Рим. 7, 22), хвалитъ искренно добродѣтель и благочестіе, уважаетъ отъ души и ублажаетъ людей, ведущихъ жизнь благочестивую. *И праведникъ седмижды на день падаетъ*—мыслію, желаніемъ, словомъ и даже дѣломъ; но тотъ же часъ и востаетъ; ибо если седмижды на день падаетъ, — значитъ не лежитъ и не засыпаетъ сномъ грѣховнымъ, но востаетъ и окаяваетъ себя: христіане, по имени, а не по духу и жизни, христіане не христіанскаго, а мірскаго или языческаго духа, грѣшатъ охотно и не удерживаются отъ грѣховъ, не рѣдко даже хвалятся ими, поставляя славу и честь въ томъ, что̀ составляетъ предметъ стыда и безчестія— *слава ихъ въ студѣ ихъ*; у нихъ не только жизнь, а самый образъ мыслей и правила жизни, большею частію, превратны и противны Евангелію.

Такъ, и среди христіанства есть міръ, — есть люди, чуждые духа Христова, которыхъ духъ и правила жизни противны духу и правиламъ Евангелія. — Этотъ міръ находится въ всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ жизни. И какъ христіане евангельскихъ правилъ и христіанскаго духа есть во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ; такъ равно и христіане не нехристіанскаго духа или міръ. Воинъ, *довольный оброками своими* или жалованьемъ царскимъ, живущій скромно и воздержно и въ духѣ вѣры, готовый положить свой животъ за Вѣру, царя и отечество; купецъ, помнящій Бога и добросо-

вѣстно куплю дѣющій, — суть люди не отъ міра, не мірскаго духа. Напротивъ пастырь, ищущій не блага и спасенія паствы, а своихъ только выгодъ, есть человѣкъ отъ міра. Самыя обители иноческой жизни, если въ нихъ живетъ нерадѣніе духовное и забвеніе правилъ не только иноческой, но и воообще христіанской жизни; если дѣйствуютъ и живутъ въ нихъ тѣже похоти и страсти, какія и въ людяхъ духа мірскаго,— что̀ иное, какъ не тотъ же міръ, хотя по внѣшности и устраненный отъ міра? Людей мірскихъ или міръ, и— собственно христіанъ различаютъ не званія и одежда, а дѣла, и особенно духъ и правила жизни. Даже одинъ и тотъ же человѣкъ, по временамъ, бываетъ отъ міра, и не отъ міра. Если мы, напр., во время говѣнія, приготовляясь къ исповѣди и св. Причастію, искренно перемѣняемъ образъ мыслей и чувствъ, намѣренія и расположенія духа мірскія на христіанскія; тогда мы—не міръ, люди не отъ міра. Если же мы, по безпечности и небреженію, опять возвращаемся къ прежнему образу мыслей, чувствъ и расположенію духа; тогда мы опять принадлежимъ не къ христіанамъ, по жизни и духу, а къ міру. Міръ — всѣ тѣ изъ насъ, которыхъ духъ и правила жизни чужды духа Христова, евангельскаго,—которые водятся страстями, грубыми ли то, или утонченными. И, къ сожалѣнію, такихъ людей въ христіанствѣ несравненно бо̀льшая часть.

Сей-то міръ среди христіанства, более или менѣе гонитъ христіанство, или, точнѣе, гонитъ духъ христіанскій и тѣхъ, которые водятся имъ. *Какъ гонитъ?* — разнымъ образомъ и мѣрами. *Отъ сонмищъ ижденутъ вы*, сказалъ Господь ученикамъ своимъ, предрекая имъ гоненія отъ міра. Это сбывается, болѣе или менѣе, и

надъ всѣми истинными послѣдователями Христа, истинными христіанами. Міръ, какъ скоро ощутитъ въ комъ либо духъ христіанскій, благочестивый образъ мыслей и чувствъ, — начнетъ удаляться отъ него, и его удалять отъ себя, прекращать съ нимъ дружбу и общеніе; —изженетъ его отъ своихъ сонмищъ, или собраній, лишитъ его своей искренности, довѣрія и сочувствія. Міръ чуждается и отвращается людей такого духа.

Но эта холодность и отчужденіе міра, относительно христіанъ истинныхъ, есть только начало, низшая степень его гоненія на нихъ. Этого отчужденія міра истинные христіане, особенно *утвердившіеся во внутреннемъ человѣкѣ* (Еф. 3, 16), даже ищутъ и желаютъ, дабы не соединиться съ тлетворнымъ міромъ въ образѣ мыслей и въ духѣ. Міръ имѣетъ даже положительную непріязнь къ людямъ христіанскаго духа и прямо выражаетъ ее,—злорѣчитъ на нихъ, осуждаетъ ихъ, ихъ образъ жизни и правила, клевещетъ на нихъ, подвергаетъ ихъ осмѣянію, — *проноситъ имя ихъ, яко зло, изрекаетъ всякъ золъ глаголъ на нихъ* (Мат. 5, 5). Ты любишь молиться усердно, часто ходишь въ церковь, строго соблюдаешь посты;—міръ назоветъ тебя святошею, ханжею. Вы почитаете нужнымъ сохранять самособранность духа, входить, хотя по временамъ, въ себя, удаляетесь пустословія, шумныхъ, соблазнительныхъ и вредныхъ для нравственнаго чувства собраній: —васъ назовутъ людьми страннаго характера и вкуса, не умѣющими жить въ свѣтѣ, не знающими приличій и хорошаго тона, людьми, отставшими отъ образованія вѣка! И сколько здѣсь бываетъ насмѣшекъ надъ вами и вашими правилами жизни! А эти стрѣлы—острыя и разженныя — для чувствительныхъ и неутвердившихся

въ благочестіи душъ, часто бываютъ столько же язвительны и жгучи, какъ и копія и гвозди, которыми гонители мучили христіанъ первыхъ вѣковъ.

Міръ, даже и въ собственномъ смыслѣ и прямо, гонитъ христіанъ, — подвергаетъ ихъ разнымъ навѣтамъ и изгнанію. Благочестіе малое и таящееся міръ еще сноситъ и какъ бы прощаетъ; но если человѣкъ такъ проникнутъ евангельскимъ духомъ, что распространяетъ свой образъ мыслей и духъ на другихъ; — міръ такъ ожесточается и злится, что иного изгоняетъ съ одного мѣста и града, а другаго и съ лица земли. Такъ былъ гонимъ святой Златоустъ, котораго за то, что обличалъ пороки и нечестіе міра, люди мірскаго духа называли человѣкомъ злорѣчивымъ и безпокойнымъ; такъ гнали св. Аѳанасія великаго; такъ гнали апостола Павла и всѣхъ апостоловъ; такъ гнали самаго Іисуса Христа, о которомъ (страшно сказать) говорили люди нечестивые: *неистовъ есть* или фанатикъ, *льститъ народы*, *бѣса иматъ* (Іоан. 8, 48). и под. Такъ, болѣе или менѣе, міръ гонитъ и Его послѣдователей.

За что же міръ такъ гонитъ истинныхъ христіанъ, вѣрныхъ послѣдователей Христовыхъ? Это лучшіе изъ людей, по образу мыслей, нравамъ и правиламъ жизни; это искреннѣйшіе благожелатели человѣчества; это полезнѣйшіе люди для общества, добросовѣстно исполняющіе всякое дѣло своего званія. Что́ же за причина гоненія на нихъ отъ міра?—Главную причину этого высказалъ самъ Господь. *Аще бы отъ міра бысте были*, говорилъ Онъ ученикамъ своимъ, *міръ убо свое любилъ бы; яко же отъ міра нѣсте, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Не дивитеся, яко міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Мене изгнаша и васъ иждену̀тъ* (Іоан. 15, 18 — 19).

Такъ, главная причина гоненія отъ міра на христіанъ истинныхъ, та, что они *не отъ міра*, что между ними и міромъ большое различіе,—бездна утвердися.

Христіане истинные и міръ,—*разнаго происхожденія*, по духу и правиламъ жизни. Христіане—*чада Божіи*, поколику *родившись* отъ Бога, *ходятъ въ обновленіи жизни*, *родъ избранъ*, *царское священіе*. Міръ, живущій не по духу Евангелія, есть духовное сѣмя змія, *чада діавола*, *похоти отца своего творящія* (Іоан. 8, 42).

У міра и христіанъ истинныхъ свой *различный взглядъ на вещи*, и *различная*, одна другой противоположная *мудрость*. По взгляду истиннаго христіанина, жизнь настоящая есть время сѣянія, приготовленія къ вѣчности, время заслугъ, подвиговъ, труда; а вѣчность — время покоя и воздаяній; самъ онъ — странникъ и пришлецъ на землѣ. По взгляду міра, настоящая жизнь есть время наслажденій, покоя, утѣхъ;—вѣчность и небо—есть неизвѣстная страна, о которой онъ мало и думаетъ.— А потому и мудрость у нихъ чрезвычайно одна отъ другой различная. Христіанинъ истинный, вмѣстѣ со Христомъ, почитаетъ блаженными плачущихъ, гонимыхъ за правду и ненавидимыхъ; называетъ умѣющими жить и ублажаетъ тѣхъ, которые *распинаютъ плоть свою со страстьми и похотьми*, терпятъ лишенія и скорби, не стараются *воспріимать благая въ животѣ своемъ*, —ублажаетъ, ибо они получатъ воздаяніе тамъ. Міръ объ этомъ судитъ совсѣмъ иначе,—этотъ образъ жизни онъ почитаетъ неумѣньемъ жить; такая крестная жизнь, по суду его, *юродство*, т. е. глупость. Мудрымъ онъ почитаетъ того, кто умѣетъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы извлекать изъ него свои земныя выгоды, находить и разнообразить свои удовольствія.

У христіанъ и міра *равный и духъ*. Въ духѣ христіанина живетъ страхъ Божій и любовь къ Богу и ближнимъ; въ духѣ человѣка міра не страхъ Божій, а страхъ суда міра или понятій его; не любовь къ Богу и ближнимъ, а одна любовь къ себѣ, и развѣ—къ любящимъ его.

Отсюда у нихъ *различны и правила жизни и цѣли*. Главное правило жизни истиннаго христіанина—исполнять волю Божію и угождать Богу;—цѣль—спасеніе вѣчное. Главное правило христіанина, по имени только, а не по духу—ходить не по волѣ Божіей, а *въ волях своего сердца* или похотяхъ, угождать себѣ, или и другимъ, для своей пользы; главная цѣль—честь, богатство, удовольствіе. Онъ обращаетъ вниманіе не на то, что заповѣдуетъ Богъ, а что скажетъ міръ, какъ живутъ въ мірѣ, какія его правила и требованія. Для него сдѣлать напр. посѣщеніе, по правиламъ приличія міра, важнѣе, нежели быть въ храмѣ при богослуженіи.

У христіанъ и міра *свой языкъ различный*; различіе это не въ словахъ, а въ предметѣ и духѣ рѣчи или бесѣды. Языкъ или слово христіанина есть слово правды, истины и назидательности, — *слово гнило* если не никогда, то рѣдко *исходитъ изъ устъ его*; *слово его солію растворено и подаетъ благодать слышащимъ*. Языкъ міра есть языкъ, большею частію, пустословія, осужденія, злорѣчія, лести и обмана. — Человѣкъ съ духомъ міра, если говоритъ, то *всегда отъ земли глаголетъ*, и всегда только о земномъ. О небесномъ—о предметахъ благочестія вы никогда не услышите слова изъ устъ его, развѣ въ духѣ насмѣшки надъ подобными предметами. Въ добромъ духѣ онъ постыдится и говорить о томъ: потому что это не принято у людей образованныхъ и достойныхъ, по его суду, подражанія во всемъ.

Такъ много несходства между человѣкомъ христіаниномъ и человѣкомъ отъ міра. Истинный христіанинъ, по духу и правиламъ жизни, не принадлежитъ міру. Христіанинъ, не отъ міра, чужой какъ бы для міра, по духу и жизни. Здѣсь-то главная причина нелюбви и непріязни къ нему міра. Христіанинъ чужой, по духу, для міра; потому и міръ чуждается его. *Яко же отъ міра нѣсте, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы.* Ибо всякій любитъ свое, и подобный подобнымъ услаждается.

Кромѣ сего, христіанинъ—не отъ міра, своею жизнію обличаетъ жизнь міра, противную Евангелію. Его жизнь есть безмолвный, но сильный и краснорѣчивый проповѣдникъ въ мірѣ. Его забота о спасеніи обличаетъ духовную безпечность, его воздержаніе обличаетъ не воздержанныхъ, его крестная, строгая къ себѣ жизнь обличаетъ изнѣженную и роскошную жизнь міра, который позволяетъ себѣ все, лишь бы это не было противно приличію и суду людскому.—Христіанинъ своею жизнію будитъ людей мірскаго духа— востать отъ сна грѣховнаго, заставляетъ обратиться къ себѣ и войти въ себя,—а чрезъ это безпокоитъ ихъ совѣсть. Онъ тоже среди людей міра, упоенныхъ грѣховными утѣхами, чтὸ трезвый среди опьяненныхъ, сидящій вдали и не участвующій въ ихъ буйныхъ радостяхъ и забавахъ,—онъ имъ противенъ и страшенъ. Притомъ христіанинъ, не сообразуясь во многомъ съ правилами и обычаями міра, *во злѣ лежащаго*, тѣмъ самымъ противится ему,—опровергаетъ правила его. Почему міръ, за все это, негодуетъ на него и мститъ ему; *свяжемъ*, говорятъ люди, водящіеся духомъ міра, *свяжемъ праведнаго, яко не потребенъ намъ есть*, — *ибо противится*

дѣломъ нашимъ.—Міръ называетъ истиннаго христіанина, съ благочестивымъ духомъ, святошею и ханжею,—приписывая ему духъ лицемѣрія и ношеніе личины; всякое даже благочестіе называетъ ханжествомъ, — почитая это излишествомъ въ нравственной жизни. И это для того, дабы защитить и оправдать свою неблагочестивую, нехристіанскую жизнь, почитая благочестивую жизнь или не возможною или не нужною, а достаточною одну мірскую честность. Думать и говорить иначе, хвалить и уважать этихъ людей и ихъ жизнь онъ не хочетъ;—ибо это значило бы сознать свои правила лживыми и фальшивыми. Впрочемъ, міръ вполнѣ и не можетъ понять и оцѣнить истинно христіанской жизни и ея духа, напримѣръ святаго и свѣтлаго уединенія, внутренней непрестанной молитвы, печали по Богѣ и радости о Господѣ. Ибо подобное понимается только подобнымъ, духовное — духовнымъ. Духовный или истинный христіанинъ *востязуетъ, понимаетъ вся, а самъ ни отъ кого не востязуется* (1 Кор. 2, 14). Міръ плотянъ или душевенъ, а истинный христіанинъ — духовенъ, поелику *духомъ ходитъ и духомъ умерщвляетъ дѣла плотская.*

По всѣмъ этимъ и многимъ другимъ причинамъ, міръ отвращается отъ истинныхъ христіанъ, негодуетъ на нихъ, гонитъ ихъ. А въ немъ и чрезъ него гонитъ ихъ главный еще врагъ—всегдашній и непримиримый врагъ Христа и христіанъ—*богъ вѣка сего* или міра, во злѣ лежащаго; какъ и первенствующихъ христіанъ гнали люди нечестивые, они ихъ всаждали въ темницы и мучили, а Господь сказалъ еще прежде: *се имать діаволъ всаждати отъ васъ въ темницы* (Апок. 2, 10), — значитъ, чрезъ людей, гналъ христіанъ самъ духъ злобы,

а злые люди были только его орудіями и сотрудниками. А потому гоненія отъ міра или отъ людей не-Христова духа на истинныхъ христіанъ никогда не прекратятся. Вражда, положенная Богомъ, между Сѣменемъ жены— т. е. между Христомъ и Его послѣдователями, и между сѣменемъ змія—т. е. имъ и его чадами, по духу,—будетъ продолжаться до конца міра, когда Іисусъ Христосъ *положитъ вся враги своя подъ нози свои*; до тѣхъ поръ міръ будетъ гнать истинныхъ христіанъ.

Кто же мы, какого духа? Обратимся къ самимъ себѣ. Если нужно испытывать духъ другихъ по слову Божію: *искушайте духи, аще отъ Бога суть*, — для того, дабы знать, съ кѣмъ и какъ обращаться, и имѣть ли общеніе духа; тѣмъ нужнѣе испытывать себя, — *коего духа есмы*. — Кто же мы? Какого духа — Божія, или міра? Чьи мы — Христовы, или отъ міра? Приложивъ все сказанное къ совѣсти, каждый легко можетъ узнать — кто и чей онъ — Христовъ или отъ міра. — Въ этомъ отношеніи три рода людей въ христіанствѣ;—одни (малая часть) вполнѣ и неизмѣнно принадлежащіе Христу, и гонимые міромъ; другіе и не отъ міра, но и не вполнѣ принадлежатъ Христу, — хотѣли бы послѣдовать Ему, но боятся особенно суда людей мірскихъ, и колеблются между правилами Евангелія и судомъ міра; третьи вполнѣ отъ міра, и гонятъ тѣхъ, которые не держатся его правилъ.

Вы, которые постоянно послѣдуете Христу, не смотря на непріязнь міра! Блаженны вы,—ибо къ вамъ относится слово Христово: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и иждепутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.* Утѣшайтесь съ тѣми, которые говорили: *го-*

ними терпимъ, скудими утѣшаемся. Будьте тверды, *непоступни въ вѣрѣ* и исповѣданіи,—*претерпите до конца. Мзда ваша многа на небесѣхъ.*

Вы, кои колеблетесь между Евангеліемъ и правилами міра, боясь суда мірскаго! Обратитесь ко Христу, и— утвердитесь. Вы дорожите въ этомъ случаѣ судомъ и понятіями міра? Напрасно! Чтò это за судъ и понятія, по которымъ главныя правила Евангелія и его мудрость почитаются юродствомъ или безуміемъ, по которымъ благочестивые люди—*отребіе или соръ презрительный*? Стоютъ ли уваженія этотъ судъ и понятія? Сія мудрость міра есть по истинѣ *буйство предъ Богомъ* или безуміе, по слову Божію. Теперь, такъ какъ эти понятія — понятія большей части людей; то они пересиливаютъ въ умахъ людей мудрость евангельскую и дѣлаются господствующими мнѣніями. Но придетъ день, когда самъ міръ узнаетъ, что его мудрость есть истинное буйство предъ Богомъ, и съ удивленіемъ увидитъ, что *тѣ*, кои были у него *отребіемъ и въ посмѣхъ*, явятся въ чести и славѣ. Вы боитесь суда міра? Но вспомните, что мы на вѣчную жизнь будемъ судимы не по суду и понятіямъ міра, а по Евангелію — судомъ Божіимъ. Убойтеся этого суда, по истинѣ, важнаго и страшнаго! — Вы дорожите дружбою и благоволеніемъ міра? Но помните, что *любы міра сего — вражда на Бога* (Іак. 4, 4); и: *иже хощетъ быти другъ міру, врагъ Божій бываетъ.* Врагъ Божій бываетъ! Страшное состояніе! Лучше, стократно лучше—потерять ласку и навлечь непріязнь всего міра, нежели быть врагомъ Божіимъ, и лишиться Его благоволенія!

Тѣ, наконецъ, кои вполнѣ духа мірскаго, и гонятъ людей не отъ міра, пусть вникнутъ, чтò ихъ за духъ,—

чьи они, кому принадлежатъ, кому помогаютъ!.. Духа ли Христова тѣ, кои гонятъ духъ Его въ Его послѣдователяхъ? *Аще же кто духа Христова не имать*, тотъ не Его. Если же не Его—не Христовъ,—чей же онъ?!.. Но безъ Христа нѣтъ спасенія,—*несть иного имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4, 12). Они дорожатъ благоволеніемъ міра, и полагаются на міръ;—да вѣдаютъ они, что не только благоволеніе міра, а образъ міра, и похоти его, и самый міръ прейдетъ, а творяй *волю Божію пребываетъ во вѣкъ*, — ибо утвержденъ на твердомъ, незыблемомъ камени—Христѣ. Да вѣдаютъ они, что *ненавидящіе Сіона*— т. е. Церковь или членовъ Христовыхъ, *посрамятся отъ Господа, яко трава бо огнемъ будутъ изсохше* (Пс. 128, 5).

Будемъ любить всѣхъ людей, но не любить духа міра — его противоевангельскихъ мыслей, чувствъ и правилъ. Все, не противное Евангелію, да будетъ соблюдаемо нами. И если этотъ духъ живетъ въ насъ и движетъ нами,—будемъ, при помощи Божіей, изгонять его изъ себя, дабы, иначе, онъ не изгналъ насъ изъ вѣчнаго, небеснаго царства Христова. Будемъ усвоять себѣ духъ Христовъ—евангельскій, и другихъ, по мѣрѣ возможности, вводить въ этотъ духъ, дабы всѣмъ намъ, по благодати Божіей, соединиться со Христомъ и наслѣдовать блаженство вѣчное.

А. Ф.

II.

РАЗБОРЪ СУЖДЕНІЙ

НОВѢЙШИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ О НОЕВОМЪ ПОТОПѢ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ УЧЕНІЕМЪ СЛОВА БОЖІЯ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ.

(Окончаніе).

в) Въ осадкахъ, происшедшихъ отъ послѣдняго всеобщаго наводненія на землѣ и называемыхъ дилювіальными,—говорятъ геологи,—не встрѣчается окаменѣлыхъ остатковъ человѣческаго организма такъ же, какъ не встрѣчаются они и въ древнѣйшихъ формаціяхъ первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ; слѣдовательно, это наводненіе, подобно прочимъ, происходило прежде появленія рода человѣческаго на землѣ, до нашего историческаго времени, и было однимъ изъ геологическихъ переворотовъ, послѣ котораго начался новый порядокъ вещей въ природѣ (¹).

Для поясненія указываемыхъ въ такомъ сужденіи обстоятельствъ, сколько дозволяютъ геологическія дан-

(¹) *Buckland*, Geology and Mineralogy. T. I. p. 94. *Wagner* во 2-мъ изданіи своей Geschichte der Urwelt T. I, p. 528. *Kurtz* говоритъ: man noch nie und nirgends im eigentlichen Fluthlande Menschenknochen gefunden hat. Bibel und Astron. 1858 p. 439.

ныя, собранныя до настоящаго времени, въ вопросѣ объ ископаемыхъ остаткахъ человѣческаго организма нужно отличать два періода времени, которые здѣсь смѣшиваются и тѣмъ затемняется дѣло, именно: періодъ, предшествовавшій дилювіальнымъ наносамъ, во время котораго напластовались въ корѣ земнаго шара формаціи первичныя, вторичныя и третичныя, и періодъ дилювіальныхъ образованій, соотвѣтствующій времени всеобщаго наводненія на землѣ.

Въ *первомъ* изъ этихъ періодовъ случаи нахожденія ископаемыхъ людей, дѣйствительно, чрезвычайно рѣдки; даже до нашего времени, можно сказать, не обслѣдованъ окончательно и со всѣхъ сторонъ ни одинъ изъ такихъ фактовъ, когда человѣческіе организмы или по крайней мѣрѣ произведенія рукъ человѣческихъ находимы были внѣдренными въ видѣ окаменѣлостей въ формаціяхъ первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ. Извѣстно нѣсколько подобныхъ случаевъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшіе суть слѣдующіе. Въ западной Индіи на островѣ Гваделупѣ найдены человѣческіе остовы въ твердомъ известковомъ камнѣ, наполненномъ раковинами и кораллами; кромѣ того тамъ же находятся наконечники стрѣлъ, обломки глиняной посуды и другія вещи, принадлежавшія людямъ (1). Ученый *Клауссенъ* (Claussen), изслѣдовавшій болѣе 100 пещеръ въ Бразиліи, изъ которыхъ около 80-ти наполнены костями вымершихъ животныхъ, въ одной изъ нихъ открылъ часть человѣческаго остова, лежавшаго въ почвѣ не взрытой, сохранившагося даже съ ногтями на ногахъ,

(1) Одинъ изъ этихъ остововъ находится въ британскомъ музеумѣ и описанъ *Кёнигомъ* (König) въ Philos. Transact. Vol. CIV. pag. 101.

и при немъ нѣсколько глиняныхъ сосудовъ, покрытыхъ сталагмитами ([1]). Въ коллекціи палеонтолога *Бушѐ-де-Перта* (Boucher de Perthes), которую составилъ онъ изъ различныхъ предметовъ, встрѣчающихся въ древнихъ геологическихъ формаціяхъ, находятся въ значительномъ количествѣ каменные топоры, состоящіе изъ грубыхъ эллиптическихъ кусковъ, обточенныхъ по всей своей окружности; они найдены въ такой формаціи, древность которой далеко превосходитъ древность нижнихъ слоевъ нильскихъ наносовъ и въ которой встрѣчаются остатки первобытнаго слона, ископаемаго быка и подобныхъ вымершихъ породъ ([2]). Извѣстно и то, что всѣ такіе случаи, при малочисленности своей, еще подвергаются геологами сомнѣнію или касательно дѣйствительности самыхъ остатковъ человѣческаго организма и человѣческаго искуства, или касательно отношенія ихъ къ той почвѣ, въ которой они найдены. Такъ *Букландъ*, разсуждая объ этомъ предметѣ, говоритъ: „случайное открытіе человѣческихъ костей и произведеній искуства въ какой-нибудь формаціи, на нѣсколько футовъ ниже земной поверхности, не даетъ рѣшительнаго доказательства одновременности ихъ съ тою горною породою, въ которой они заключены; всеобщій обычай погребать мертвыхъ и нерѣдкое обыкновеніе полагать съ покойникомъ различныя орудія и сосуды, представляютъ легкое объясненіе присутствія человѣческихъ костей въ

([1]) Bulletin Academ. Bruxell. T. VIII. p. 16. и Jahrbuch. von Bronn. 1841. p. 497.

([2]) Antiquités celtiques et antediluviennes, par Boucher de Perthes. Paris. 1849. Достовѣрность открытій его повѣрена рядомъ ученыхъ путешественниковъ, разсматривавшихъ его коллекцію. См. Bulletin de la Société d'Antropologie de Paris. T. I. Fasc. I. 1860. Presse scientifique 1 octobr. 1860. Revue de Géologie et de Paléontolog. par Meunier, и пр.

формаціяхъ, доступныхъ для погребенія мертвыхъ; замѣчательнѣйшій и единственный случай, когда человѣческіе скелеты найдены въ сплошной известковой скалѣ, былъ на морскомъ берегу въ Гваделупѣ; но нѣтъ никакого основанія считать эти кости весьма древними; потому что горная порода, въ которой они находятся, весьма новаго образованія и состоитъ изъ сплоченныхъ вмѣстѣ раковинъ и коралловъ, которыя обитаютъ въ сосѣднихъ водахъ" (1). На эти сужденія замѣтимъ, что горная порода гваделупская, можетъ быть, дѣйствительно весьма недавняго происхожденія и открытіе человѣческихъ скелетовъ въ тамошнемъ мѣстѣ (единственное во времена Букланда), можетъ быть, не составляетъ рѣшительнаго доказательства существованія человѣческаго рода до потопа; но чтобы новѣйшаго происхожденія были всѣ тѣ мѣстности, въ которыхъ послѣ найдены части организма человѣческаго на различныхъ глубинахъ и притомъ вмѣстѣ съ костями животныхъ вымершихъ и признаваемыхъ до-дилювіальными,—этого нельзя признать за фактъ несомнѣнный безъ другихъ болѣе положительныхъ доказательствъ. Человѣческія окаменѣлости были находимы въ корѣ земнаго шара при обстоятельствахъ довольно разнообразныхъ, и слѣдовательно для опроверженія допотопной древности всѣхъ ихъ, равно и тѣхъ, которыя могутъ быть найдены въ разныхъ частяхъ свѣта (2), нужно было бы основа-

(1) Die Urvelt und ihre Wunder, von Buckland, aus englich von *Werner*. Stuttg. 1837. pag 67.

(2) Особенно въ странѣ, еще почти не изслѣдованной въ этомъ отношеніи, но заслуживающей особеннаго вниманія,—въ Малой Азіи, которая признается колыбелію рода человѣческаго на основаніи Св. Писанія и по всѣмъ соображеніямъ историческимъ, географическимъ и лингвистическимъ.

тельно опровергнуть порознь древность каждой формаціи, въ которой онѣ встрѣчаются или послѣ встрѣтятся, нужно было бы устранить несомнѣнными доказательствами и всѣ другіе, въ тѣхъ же самыхъ формаціяхъ находимые, признаки ихъ допотопной древности; а на всѣ догадочныя объясненія, подобныя употребляемымъ Букландомъ, можно сказать словами одного естествоиспытателя, не менѣе другихъ занимавшагося этимъ предметомъ, *Линка* (Link): „эти объясненія суть только уловки — вытти изъ затрудненій, которыя открытыми фактами противопоставляются геологическимъ теоріямъ о переворотахъ на земной поверхности; ибо кто можетъ повѣрить существованію кладбищъ человѣческихъ въ пластованныхъ формаціяхъ, содержащихъ въ себѣ окаменѣлые остатки животныхъ, и въ мѣстахъ столь обширныхъ и столь отдаленныхъ другъ отъ друга? Пусть вѣритъ этому, кто хочетъ“ (1). Чрезвычайная же рѣдкость случаевъ нахожденія человѣческихъ остатковъ въ земныхъ пластахъ, которая главнымъ образомъ подаетъ поводъ сомнѣваться въ дѣйствительности и тѣхъ, которые встрѣчаются, отнюдь не должна вести къ тому заключенію, какое выводятъ отсюда геологи, тѣмъ болѣе, что эта чрезвычайная рѣдкость ихъ объясняется весьма естественно и правдоподобно самымъ способомъ внѣдренія органическихъ окаменѣлостей въ корѣ земнаго шара.

Окаменѣлые остатки органическихъ существъ находятся только въ осадочныхъ формаціяхъ земной коры и сохраненіемъ своимъ обязаны именно тому обстоятель-

---

(1) *Linck*-а, Monde primitif. T. I. pag. 146. Traduit de *Mullet* съ нѣмецкаго: Die Urvelt und das Alterthum erläutert durch die Naturkunde, 2 Aufl. 1834.

ству, что они внѣдрены въ этихъ формаціяхъ. Чтобы какое-нибудь органическое тѣло, растеніе или животное, сдѣлалось окаменѣлостію, нужно, чтобы оно находилось въ жидкости, въ которой были бы растворены минеральныя частицы, чтобы эти частицы осадились, проникли органическое тѣло и обняли его со всѣхъ сторонъ, и такимъ образомъ оградили его отъ соприкосновенія съ воздухомъ и съ чистою водою,—двумя стихіями, какъ необходимыми для бытія тварей, такъ и разрушительными для нихъ послѣ ихъ смерти. На поверхности или близко къ поверхности земли тѣла́ разрушаются на составные элементы свои скорѣе, нежели минеральныя частицы успѣютъ покрыть ихъ и замедлить ихъ разрушеніе; и потому осадочныя формаціи съ органическими окаменѣлостями какъ нынѣ образуются, такъ и прежде образовались обыкновенно на днѣ озеръ и морей, въ устьяхъ рѣкъ, въ низменныхъ мѣстахъ, заливаемыхъ водою и пр. Отсюда очевидно, какія органическія тѣла преимущественно должны подвергаться окаменѣнію и сохраняться; это — тѣ организмы, которые по природѣ своей должны жить въ моряхъ, озерахъ и рѣкахъ, или по своимъ природнымъ привычкамъ держатся болѣе близъ воды; изъ животныхъ же, обитающихъ на сушѣ и не имѣющихъ особенной наклонности къ водѣ, могутъ встрѣчаться въ состояніи окаменѣлостей только тѣ, которыя случайно попали въ водяные осадки, или теченіемъ рѣкъ, дождей, морскихъ приливовъ и отливовъ, увлечены живые или мертвые на дно морей и озеръ. Такой ходъ образованія окаменѣлыхъ органическихъ остатковъ самымъ очевиднымъ образомъ доказывается тѣмъ, что изъ царства животнаго и растительнаго, во всѣхъ изслѣдованныхъ форма-

ціяхъ и пластахъ, большинство окаменѣлостей составляютъ твари морскія, озерныя и рѣчныя, напр. полипы и моллюски, раки и рыбы, лягушки и крокодилы; а изъ животныхъ, обитающихъ на сушѣ, въ числѣ окаменѣлостей встрѣчаются столь немногія, что можно считать ихъ истинными рѣдкостями и исключеніями; напр. изъ 155 видовъ извѣстныхъ, нынѣ живущихъ обезьянъ, между окаменѣлостями найдено не болѣе 9 видовъ. Даже и тѣ самыя тѣла, которыя по своему положенію находились въ условіяхъ, благопріятствовавшихъ осажденію ихъ въ водныхъ формаціяхъ, не могли всѣ безъ исключенія сохраниться въ тѣхъ осадкахъ, которыми были закрыты. Тысячи обстоятельствъ имѣютъ вліяніе на сохраненіе или разложеніе организмовъ въ нѣдрахъ земной коры. Глина, состоящая изъ мелчайшихъ элементовъ, гораздо лучше сохраняетъ органическіе остатки, нежели песчаникъ, состоящій изъ зеренъ болѣе крупныхъ; въ пескѣ, не имѣющемъ цемента или подвергавшемся частымъ передвиженіямъ, они могутъ даже совершенно разлагаться, не оставляя никакого слѣда. Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ (напр. *Кювьè*), надобно сказать, что ископаемые организмы, хотя бы они были собраны со всего земнаго шара, не представляютъ всего богатства растеній и животныхъ извѣстнаго времени,—что отъ прошедшихъ вѣковъ осталась въ видѣ окаменѣлостей только малая часть существъ, населявшихъ тогда землю, —что окаменѣніе есть только исключеніе изъ общаго закона, по которому всякое тѣло по смерти разлагается на свои составные элементы; и слѣдовательно, если какого-нибудь рода растеній и животныхъ изъ нынѣ существующихъ не встрѣчается ни въ одной изъ из-

вѣстныхъ въ геологіи формацій, это отнюдь не значитъ, будто такой родъ вовсе не существовалъ до нашего времени ни въ какомъ мѣстѣ земнаго шара. Присутствіе хотя одной окаменѣлости какого - нибудь растенія или животнаго въ извѣстной формаціи можетъ вести къ заключенію о существованіи подобныхъ растеній или животныхъ и въ другихъ мѣстахъ земнаго шара въ одно съ нею время; но ненахожденіе — не должно вести ни къ какому заключенію. Можно ли, напримѣръ, заключить, будто до сихъ поръ нѣтъ на землѣ ни растеній, ни животныхъ, ни людей, на всемъ земномъ шарѣ, изъ того, что вовсе нѣтъ ихъ въ песчаныхъ пустыняхъ Африки, или будто эти пустыни гораздо древнѣе всѣхъ существъ потому, что вовсе не заключаютъ ихъ въ себѣ? „Ископаемые остатки земнородныхъ тварей, равно какъ рѣчныхъ и морскихъ,—говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ геологовъ (¹), — суть слѣды только тѣхъ органическихъ тѣлъ, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ могли быть покрыты въ нѣдрахъ водъ осадками; изъ нихъ земнородные могутъ дать только приблизительную идею о совокупности животныхъ и растеній, жившихъ на пути водъ, текущихъ на материкахъ, или на берегахъ морей, но не могутъ дать намъ понятія о томъ, какъ были населены внутреннія части материковъ, возвышенныя мѣста и высо-

---

(¹) *Прево* (Prévost) въ Documents pour l'histoire des terrains tertiaires, 1827.—По соображеніямъ *Бронна*, всѣхъ *видовъ* флоры и фауны древняго времени можно полагать около 2,000,000 (500,000 растеній и 1,500,000 животныхъ), но изъ нихъ сохраниться въ землѣ могла только 0,10 часть, т. е. около 200,000 видовъ, а открыть можно надѣяться лишь 0,05 часть т. е. 100,000, изъ которыхъ въ его время было дѣйствительно открыто не болѣе 20,421, именно: 2,055 видовъ растеній и 24,366 животныхъ. Geschicht. der Natur. B. 3. Abtheil. 2. p. 797 и 798.

кія горы (ne peuvent nous faire connaitre, comment étaient peuplés l'interieur des continents, les points élevés et les hautes montagnes)". Прилагая эти несомнѣнныя истины къ окаменѣлымъ остаткамъ человѣческаго рода, мы можемъ и должны сдѣлать такое заключеніе: если остатковъ людей не находится въ первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ формаціяхъ, изслѣдованныхъ доселѣ, то это не значитъ, будто родъ человѣческій вовсе не существовалъ въ то время, когда осаждались эти формаціи,—онъ могъ существовать въ тоже время въ другихъ мѣстамъ земнаго шара (изчисленныя формаціи находятся не вездѣ); если даже остатковъ людей рѣшительно нѣтъ и не будетъ найдено нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ, то опять не слѣдуетъ, будто родъ человѣческій не существовалъ до потопа ни на какомъ мѣстѣ; —онъ могъ не находиться въ такихъ обстоятельствахъ, которыя способствовали бы ему обращаться въ окаменѣлости. Люди по природѣ своей не созданы ни рѣчными, ни морскими, ни земноводными животными; напротивъ изъ существъ земнородныхъ они — самые неспособные жить на водѣ и въ мѣстахъ влажныхъ. Люди отъ природы не имѣютъ особенной наклонности къ водѣ; напротивъ прямое ихъ назначеніе въ отношеніи къ землѣ ограничивается болѣе сушею и самое древнее занятіе состоитъ въ земледѣліи или скотоводствѣ на поляхъ и лугахъ. У людей почти никогда и нигдѣ не было обыкновенія бросать умершихъ въ моря или рѣки (1); напротивъ у бóльшей части народовъ умершіе люди

(1) Только одни индійцы имѣли обыкновеніе бросать покойниковъ въ волны своей священной рѣки—Ганга; но этотъ обычай ограничивался ихъ небольшою мѣстностію и древность его не должна восходить далеко.

благоговѣйно были выносимы изъ жилищъ и погребаемы въ землѣ недалеко отъ поверхности, а у иныхъ были сожигаемы въ полѣ такъ, что отъ нихъ не оставалось почти никакихъ слѣдовъ. Остаются одни только случайныя обстоятельства, заблужденія на пути, кораблекрушенія, морскія сраженія, мѣстныя наводненія, которыя могли ввергать людей въ водные осадки и дѣлать ихъ окаменѣлостями; но такіе случаи съ одной стороны не могли быть многочисленны, съ другой не требуютъ непремѣнно, чтобы они совершались въ то время и въ тѣхъ мѣстностяхъ, когда и гдѣ отлагались формаціи первичныя, вторичныя и третичныя, и наконецъ могли не оставлять впослѣдствіи даже никакихъ слѣдовъ по особенному свойству человѣческаго организма. „Можетъ быть,—говоритъ ученый *Шубертъ*, — легчайшая разрушимость человѣческаго тѣла, которою оно отличается отъ тѣлъ всѣхъ большихъ животныхъ, отняла остатки древнѣйшихъ народовъ у позднѣйшихъ изслѣдованій. Хотя человѣческія тѣла, высушенныя въ муміи, сохраняются въ продолженіи тысящелѣтій, но при нѣкоторомъ вліяніи извнѣ, какъ то: отъ воды или сыраго воздуха, трупъ человѣка истлѣваетъ гораздо скорѣе, нежели трупъ животныхъ (verwest der Leichnam des Menschen viel schneller als jener der Tiere); между костями различныхъ родовъ человѣческія разпадаются прежде всѣхъ; и природа обильнѣйшимъ количествомъ фосфора въ тѣлесномъ организмѣ своего любимца-человѣка, по видимому, сократила время послѣдняго претворенія его тѣла. Такъ, тѣ внѣшнія условія, которыя въ теченіи нѣсколькихъ тысящелѣтій удержали тѣла животныхъ древнѣйшаго періода міра отъ истлѣнія, повидимому недостаточны для того, чтобы предохра-

нить отъ разрушенія человѣческое тѣло въ теченіи болѣе краткаго времени. Въ гипсовыхъ и соляныхъ горахъ сѣверной Франціи остовы нѣкоторыхъ земныхъ животныхъ сохранились довольно хорошо; напротивъ найденное въ Зальцбургѣ человѣческое тѣло, которое можетъ быть нѣсколько столѣтій лежало въ такомъ же соляномъ и гипсовомъ растворѣ, каковы и упомянутыя горы, спустя нѣсколько дней на воздухѣ обратилось въ прахъ (zerfliessen) (¹)."

Если же о первомъ, допотопномъ періодѣ времени нельзя сказать, что родъ человѣческій тогда еще не существовалъ, хотя остатковъ людей того времени почти не сохранилось, то тѣмъ болѣе нельзя сказать этого о *второмъ* періодѣ, который соотвѣтствуетъ времени всеобщаго наводненія на землѣ. Новѣйшія изслѣдованія рѣшительно доказываютъ, что въ наносахъ, относящихся ко времени всемірнаго наводненія, находится немало окаменѣлыхъ остатковъ человѣческаго организма или человѣческаго искуства, которые должны измѣнить геологическій взглядъ на самое это событіе. Вотъ нѣкоторые факты (²). Во Франціи близъ Нарбонны въ пещерѣ Бизъ (Bize) и въ пещерахъ Пондра и Сувиньярга въ департаментѣ Гара, вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ, найдены зубы человѣка и черепки глиняной посуды, съ явными слѣдами копоти отъ огня, въ пластахъ, состоящихъ изъ голышей, глины и краснаго известняка. Близъ Сомьеръ (Sommières) естествоиспы-

(¹) Nachtseite der Naturwissenschaft, von Schubert. 3 Aufl. pag. 177.

(²) Они исчислены у *Бронна* въ Geschichte der Natur, 3 Abtheil. p. 836 и 837; у *Монье* въ сочиненіи: Dieu, l'homme et le monde, T. III. p. 381—384; въ Nouvelle Encycloped. Theol. подъ словомъ Homme, Tom. XLVIII. pag. 718—721; и во многихъ другихъ сочиненіяхъ.

татель *Дюма* (Dumas) нашелъ человѣческія кости большаго роста въ сталагмитовомъ осадкѣ, вмѣстѣ съ остатками животныхъ какъ вымершихъ, такъ и нынѣ существующихъ. Человѣческія кости, которыя описалъ *Тидманъ* (Tiedmann) самымъ точнымъ образомъ, находятся въ берегахъ Мейса въ Белгіи; между ними найдены два человѣческіе черепа, которые были совершенно въ тѣхъ же обстоятельствахъ и въ той же степени цѣлости, какъ и смѣшанныя съ ними кости вымершихъ животныхъ. Геологъ *Буè* (Bouè) въ 1822 году нашелъ на берегу Аара человѣческія окаменѣлости на различныхъ глубинахъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ничто не заставляетъ предполагать существованія кладбища. Онъ же сдѣлалъ извѣстными другіе человѣческіе черепы, которые графъ Разумовскій открылъ въ Бадѣ близъ Вѣны вмѣстѣ съ костями животныхъ вымершихъ, или такихъ, которыя живутъ теперь только въ странахъ экваторіальныхъ. Долины Дуная доставляютъ человѣческіе черепы, подобные открытымъ г. Буè и находимые на различныхъ глубинахъ. Кости человѣческаго организма, съ остатками другихъ ископаемыхъ, найдены въ гипсовомъ грунтѣ узкой долины Ельстеръ (Elster), простирающейся отъ Кашвица (Kaschvitz) до Кострица (Kostritz). Въ американскихъ пещерахъ, вмѣстѣ съ костями вымершихъ мастодонтовъ, находимы были кости рукъ человѣческихъ; и пр. и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, изслѣдованныхъ съ ученою основательностію, невозможно представить никакихъ сомнѣній ни касательно дѣйствительности самыхъ остатковъ человѣческаго организма, ни касательно отношенія ихъ къ окружающимъ ихъ предметамъ, т. е. здѣсь уже невозможно сказать безъ противорѣчія очевиднымъ фактамъ, буд-

то человѣческія окаменѣлости, хотя находятся вмѣстѣ съ допотопными животными, но не принадлежатъ одному съ ними времени. Посему нѣкоторые изъ новѣйшихъ естествоиспытателей уже открыто начинаютъ признавать существованіе рода человѣческаго въ періодъ дилювіальный. Такъ одинъ изъ нихъ, описывая костяныя пещеры въ разныхъ странахъ свѣта и находимые въ нихъ организмы животныхъ и человѣка, говоритъ: „все свидѣтельствуетъ о современности человѣка съ этими изчезнувшими животными и удостовѣряетъ въ томъ, что климатъ этихъ странъ былъ теплѣе теперешняго, сносный для жизни гіенъ и львовъ (1)". Правда, во всѣхъ подобныхъ изслѣдованіяхъ опять можетъ поражать наблюдателя то обстоятельство, почему, при чрезвычайной многочисленности остатковъ вымершихъ животныхъ въ періодъ дилювіальный, окаменѣлые остатки человѣческіе не только не составляютъ обыкновенной принадлежности наносовъ того времени, а попадаются въ нихъ только какъ случайныя рѣдкости (2). Но это обстоятельство съ одной стороны легко объясняется тѣмъ же замѣчаніемъ *Шуберта*, которое сдѣлано объ организмахъ человѣческихъ, еще болѣе древнихъ, подвергшихся истлѣнію преимущественно предъ остатками животныхъ; а съ другой стороны представляетъ поводъ къ одному изъ правдоподобнѣйшихъ заключеній,

---

(1) Проф. *Куторга* въ Естест. Ист. земной коры. С. П.-Б. 1858. стр. 83.

(2) Всѣхъ случаевъ, когда найдены остатки людей въ дилювіумѣ Америки, Европы и другихъ странъ, не считая произведеній человѣческаго искуства, было до настоящаго времени около 60; чаще стали встрѣчаться человѣческіе организмы въ новѣйшихъ наносахъ и осадкахъ, въ такъ называемомъ аллювіумѣ и въ торфяникахъ, принадлежащихъ къ новѣйшему времени.

до какого только можно доходить на основаніи естественныхъ данныхъ и какое дѣлаютъ безпристрастнѣйшіе изслѣдователи въ настоящемъ случаѣ. Именно: ученый *Керль* (Keerl) говоритъ: „по св. Писанію, равно какъ и по древнимъ преданіямъ народовъ, Азія есть колыбель человѣческаго рода; хотя не невозможно, однако весьма невѣроятно, чтобы прежде потопа родъ человѣческій уже распространился *по всей земли*; и самъ Букландъ замѣчаетъ, что по изслѣдованіямъ, предпринятымъ въ Европѣ и Америкѣ въ нѣкоторомъ объёмѣ, эти материки во время потопа еще не были населены людьми (¹)". „Вѣроятно,—говоритъ *Шубертъ*,—что тогдашній родъ человѣческій распространился только еще на малой части древняго міра, и что та огромная гробница, которую воды устроили нѣкогда погибшимъ первобытнымъ людямъ, находилась при цвѣтущихъ источникахъ Ганга или Инда (²)". „Какъ далеко,—говоритъ А. *Вагнеръ*, — могъ распространиться родъ человѣческій прежде потопа, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Впрочемъ то обстоятельство, что кости человѣческія, въ странахъ доселѣ изслѣдованныхъ, именно въ Европѣ и Америкѣ, или вовсе не найдены вмѣстѣ съ ископаемыми остатками допотопныхъ животныхъ, или встрѣчаются между ними какъ величайшія рѣдкости, даетъ право заключать, что эти материки тогда еще не были населены людьми,—что предъ потопомъ географическое распространеніе человѣка ограничивалось переднею Азіею (Vorderasien) и ея ближайшими окрестностями (³)".

(¹) Der Mensch, das Ebenbild Gottes, von Keerl, 1861. pag 490 и 491.
(²) Въ указан. сочиненіи, на стр. 177.
(³) Въ 1-мъ изданіи Geschichte der Urwelt, pag. 526 и 539.

Послѣ такихъ замѣчаній специалистовъ не только не удивительно, что ископаемые люди весьма рѣдки и въ ближайшее ко всемірному потопу время, но скорѣе можно удивляться тому, какимъ образомъ оказались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы и Америки и тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются,—можно спрашивать, какой причинѣ и какому событію они обязаны своимъ занесеніемъ въ извѣстныя мѣстности и сохраненіемъ въ видѣ окаменѣлостей. Дѣйствительно, въ геологіи есть нѣсколько предположеній, въ которыхъ хотятъ самыми простыми причинами объяснить внѣдреніе человѣческихъ организмовъ или частей ихъ вмѣстѣ съ вымершими животными въ дилювіальныхъ пластахъ; но при внимательномъ изслѣдованіи открывается, что никакими обыкновенными физическими причинами, помимо всемірнаго наводненія, объяснить это явленіе невозможно. Организмы человѣческіе преимущественно находятся въ такъ называемыхъ костяныхъ пещерахъ, вмѣстѣ съ остатками допотопныхъ животныхъ, гіенъ, львовъ, медвѣдей, оленей и пр. Наполненіе пещеръ подобными остатками *одни* изъ естествоиспытателей объясняютъ тѣмъ, будто животныя были занесены туда и изгрызены дикими плотоядными звѣрями, для которыхъ эти пещеры служили жилищами и которые наконецъ сами положили тамъ же свои кости [1]. Но противъ такого мнѣнія нужно сказать, что нѣкоторыя пещеры, прежде занесенія туда глины и голышей съ другими принадлежностями, не могли быть обитаемы звѣрями по своей формѣ и расположенію стѣнъ; въ иныя не могли быть втащены никакими звѣрями огромные остатки ма-

---

[1] У *Монье* въ указ. сочиненіи, на стр. 341—343.

монтовъ, какіе отрыты, напримѣръ, въ пещерѣ на островѣ Падрессѣ (Padresse); въ иныхъ остается неизъяснимымъ, почему плотоядные звѣри не тронули костей малыхъ животныхъ, какъ то: полевыхъ мышей, ежей, кротовъ, птицъ; въ иныхъ, напр., въ пещерѣ д-Аргу (d'Argou) въ департаментѣ восточныхъ Пиренеевъ, вовсе не найдены кости звѣрей плотоядныхъ между лежащими тамъ костями быковъ, лошадей, овецъ, оленей и другихъ животныхъ такихъ, которыя никогда не имѣютъ привычки жить въ пещерахъ; наконецъ въ иныхъ органическіе остатки не покоятся на днѣ пещеръ или на поверхности образовавшихся въ нихъ наносовъ, но наполняютъ эти самые наносы снизу до самаго верху пещеръ, такъ что до разработки не было въ нихъ ни входа, ни выхода. Отсюда слѣдуетъ, что эти убѣжища были наполнены не живыми существами и не при помощи живыхъ существъ, но ихъ трупами, при помощи нѣкоторой посторонней причины. *Другіе* изъ естествоиспытателей объясняютъ наполненіе костяныхъ пещеръ напоромъ воды изъ сосѣднихъ морей, увлекшимъ будто бы всякаго рода осадки и органическія существа въ эти горныя разсѣлины [1]. Но при такомъ предположеніи остается неизъяснимымъ, какимъ образомъ въ одной и тойже пещерѣ могли оказаться животныя, которыя никогда не могли обитать въ одной и тойже мѣстности (тѣмъ болѣе организмы людей, которыхъ еще не было во многихъ странахъ свѣта), и какимъ образомъ они попали въ тѣ изъ пещеръ, кото-

---

[1] Профессоръ Куторга въ Естест. Исторіи зем. коры, на стр. 83-й, говоритъ: «поднятыя горы двинули передъ собою потоки водъ, которые, захвативъ съ земли глины, известь и кости животныхъ и человѣка, влили ихъ въ пещеры».

рыя лежатъ высоко надъ уровнемъ моря (отъ 700 до 1000 футовъ), тогда какъ при напорѣ воды на ограниченномъ пространствѣ всего естественнѣе ожидать, что животныя, обитающія на мѣстахъ возвышенныхъ, были бы увлечены въ низменныя долины, а не на оборотъ—изъ низменныхъ мѣстъ на возвышенныя. Не станемъ распространяться здѣсь о другихъ предположеніяхъ, объясняющихъ это явленіе причинами, нынѣ дѣйствующими въ природѣ, которыя будто бы нѣкогда могли произвести то, чего послѣ того времени уже никогда не производили и не производятъ. Изъ всѣхъ подобныхъ соображеній остается несомнѣннымъ только то, что наполненіе пещеръ дилювіальными наносами и заключающимися въ нихъ органическими тѣлами совершилось посредствомъ перенесенія всего этого водою (par transport), и притомъ часто изъ странъ весьма различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга,—перенесенія, которое безъ разбора увлекало всѣ роды матеріальныхъ обломковъ и животныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые изъ организмовъ человѣческихъ, которое вторгло ихъ въ горныя ущелія на различныхъ высотахъ, раздробивъ и перемѣшавъ ихъ самымъ безпорядочнымъ образомъ. Посему, если чрезвычайное множество истребленныхъ животныхъ въ періодъ дилювіальный „можетъ быть приписано только одновременной могущественной катастрофѣ“ (¹), то присутствіе между ними нѣсколькихъ костей человѣческаго организма въ разныхъ странахъ свѣта служитъ новымъ доказательствомъ дѣйствительности этой катастрофы,—всемірнаго потопа.

(¹) Слова А. Вагнера, изъ 1-го изданія Gesch. der Urvelt, стр. 237 и 238.

Такимъ образомъ указаніе естествоиспытателей на остатки человѣческаго организма, будто бы начавшіе существовать только послѣ всемірной водной катастрофы, оказывается произвольнымъ и несогласнымъ съ вѣрными геологическими данными; а потому и основанное между прочимъ на этомъ указаніи сужденіе объ упоминаемомъ въ словѣ Божіемъ всемірномъ потопѣ, будто онъ есть одинъ и послѣдній изъ многихъ геологическихъ переворотовъ, должно быть признано несправедливымъ и также произвольнымъ. Между тѣмъ, раскрывая этотъ предметъ со стороны естествознанія и при помощи добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей природы, мы встрѣтились съ такими сужденіями, которыя весьма близко подходятъ къ истинамъ св. Писанія какъ о первобытномъ человѣчествѣ вообще, такъ и о всемірномъ потопѣ, столь важномъ для первобытныхъ тварей, проясняя нѣсколько эти истины, а еще болѣе сами проясняясь ими. Мы видѣли, что по свидѣтельству геологическихъ данныхъ представляется весьма вѣроятнымъ, что родъ человѣческій до потопа еще не былъ распространенъ даже по всей Европѣ, не говоря о другихъ болѣе отдаленныхъ частяхъ свѣта, между тѣмъ какъ животныя уже были разсѣяны во множествѣ по всей землѣ, какъ показываютъ многочисленные остатки ихъ въ допотопныхъ формаціяхъ. Этотъ фактъ стоитъ въ прямомъ согласіи съ ученіемъ слова Божія о томъ, что люди первоначально были сотворены только въ одной четѣ и поселены на одной избранной мѣстности, изъ которой, какъ изъ центра, могли распространяться по землѣ только постепенно, мало по малу. Тогда какъ при сотвореніи царства растительнаго Господь Богъ сказалъ: *да произраститъ земля* (безъ опредѣленія ка-

кой-либо мѣстности) *быліе травное и древо плодовитое*; тогда какъ при сотвореніи царства животныхъ Онъ сказалъ: *да изведутъ воды* (опять безъ ограниченія какимъ-нибудь мѣстомъ) *гады душъ живыхъ и птицы летающыя по тверди небеснѣй*; и еще: *да изведетъ земля душу живу, четвероногая и гады и звѣри земли по роду: и бысть тако* (Быт. 1, 11. 20. 24); одинъ только человѣкъ имѣлъ то преимущество предъ всѣми земными тварями, что самъ Богъ *сотвори человѣка, мужа и жену сотвори ихъ, и насади Господь Богъ рай во Едемѣ на востоцѣхъ, и введе тамо человѣка, егоже созда* (Быт. 1, 27. 2, 8). Но не смотря на высокое преимущество человѣка, развращеніе первобытныхъ поколѣній человѣческихъ было причиною того, что *Богъ помысли, яко сотвори человѣка на земли, и размысли*, и рѣшился спустя не очень много времени отъ начала міра, именно около 2,260 лѣтъ (время, дѣйствительно недостаточное для размноженія и распространенія людей по всей землѣ), *потребить человѣка отъ лица земли* посредствомъ всемірнаго потопа (Быт. 6, 6. 7). Поразительное истребленіе животныхъ допотопнаго міра, преимущественно въ періодъ дилювіальный, доказываетъ всю громадность этой кары Божіей, отъ которой собственно человѣческихъ организмовъ ни одного цѣлаго не сохранилось въ естественной исторіи земнаго шара. Впрочемъ немногіе раздробленные остатки допотопныхъ организмовъ человѣческихъ, сохранившихся въ геологическихъ формаціяхъ, преимущественно въ тѣхъ же дилювіальныхъ, представляютъ существенное тождество людей первобытнаго и настоящаго міра и доказываютъ, что человѣкъ остался существовать на землѣ и послѣ страшной всемірной катастрофы; эта загадка природы ближайшимъ и точ-

нымъ образомъ объясняется сказаніемъ слова Божія, что милосердый Господь изъ того же рода человѣческаго, назначеннаго къ истребленію, избралъ нѣсколько людей, болѣе достойныхъ, праведнаго *Ноя* и немногочисленное его семейство, — чудеснымъ образомъ спасъ ихъ *въ ковчегѣ* и происшедшимъ отъ нихъ потомствомъ вновь населилъ всю землю (Быт. 7, 23. 8, 17).

Въ заключеніе разбора сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о Ноевомъ потопѣ скажемъ вообще, что многочисленные факты естествознанія, открытые до настоящаго времени и изслѣдованные безпристрастно, болѣе доказываютъ *всеобщность* и *единственность* въ своемъ родѣ бывшаго нѣкогда наводненія на землѣ, нежели мысли противныя тому, и такимъ образомъ свидѣтельствуютъ объ этомъ событіи согласно какъ съ *историческими* преданіями народовъ, такъ и съ *религіозно-нравственнымъ* сказаніемъ слова Божія. Всемірный потопъ, упоминаемый въ св. Писаніи, всеобщій потопъ, оставшійся въ памяти древнѣйшихъ народовъ, всеземное наводненіе, оставившее неизгладимые слѣды на земной поверхности, есть одинъ и тотъ же Ноевъ потопъ. Мало того: какъ по ученію слова Божія главнымъ виновникомъ столь громаднаго событія былъ самъ Богъ, наведшій потопныя воды на землю, и какъ въ преданіяхъ народныхъ дѣло всеобщаго наводненія приписывается Существу высочайшему; такъ и природа довольно ясно намекаетъ, что всеобщее наводненіе на землѣ было совершенó не силами естественными, которыя для него не достаточны. Это—событіе чрезвычайное и безпримѣрное въ естественной исторіи земнаго шара. Со-

стояніе, въ какомъ находился нашъ земной шаръ во время всемірнаго потопа, можетъ быть сравниваемо только съ первобытнымъ состояніемъ земли еще до отдѣленія суши отъ воды, когда земля *бѣ невидима и неустроена и тма верху бездны* (Быт. 1, 2), по внутренней важности и внѣшнему объёму этихъ состояній; слѣдовательно и сила, дѣйствовавшая въ томъ и другомъ случаѣ, должна быть одинакова: какъ тогда для приведенія въ порядокъ созидаемаго міра *Духъ Божій ношашеся верху воды* (Быт. 1, 2), такъ и во время всемірнаго потопа начало, продолженіе и окончаніе его въ извѣстное время и въ извѣстныхъ предѣлахъ, было дѣломъ того же Духа Божія, который, по выраженію св. Псалмопѣвца, *возсѣдалъ надъ потопомъ и будетъ возсѣдать во вѣкъ* (по слав. *Господь потопъ населяетъ и сядетъ Господь Царь во вѣкъ.* Псал. 28, 10).

Е. Ловягинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХЪ ПАТРІАРХОВЪ,
ОТЪ ВЗЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ (1453 г.) ДО 1836 ГОДА,
ОТЪ ГЕОРГІЯ II (СХОЛАРІЯ) ДО ГРИГОРІЯ VI.

(*Окончаніе*).

1774 г.

70) *Софроній II*, патріархъ іерусалимскій, получившій полное еллинское образованіе, прекрасно знавшій и арабскій языкъ, владѣвшій перомъ, отличавшійся добродѣтельною жизнію и всѣми уважаемый [1]. Но онъ далеко не имѣлъ государственной мудрости и дѣятельности своего предшественника Самуила. Въ слѣдствіе этого его считали безпечнымъ и робкимъ, и думали, что онъ принялъ бремя патріаршества болѣе по честолюбію, нежели по сознанію собственныхъ силъ. Надеждъ, возлагаемыхъ на него, онъ ничѣмъ не оправдалъ, какъ только своими церковными поученіями, обнаруживающими обширность его свѣдѣній въ Писаніяхъ и боголюбивую душу. Онъ патріаршествовалъ 6 лѣтъ и скончался патріархомъ (обстоятельство весьма рѣдкое, особенно для патріарховъ, занимавшихъ пре-

---

(1) При немъ, въ 1774 г., умеръ султанъ Мустафа III, и наслѣдовалъ ему братъ Абдулъ Амитъ IV.

столъ по взятіи Константинополя). На мѣсто его возведенъ

1780 г.

71) *Гавріилъ IV*, митрополитъ древнихъ Патръ, родомъ изъ Смирны, человѣкъ благообразной наружности, добраго нрава, преданнѣйшій Церкви, владѣвшій хорошимъ голосомъ и знатокъ церковнаго пѣнія. Онъ также умеръ на престолѣ, послѣ трехлѣтняго патріаршества, — а на мѣсто его поставленъ

1784 г.

72) *Прокопій*, родомъ изъ Пелопонеса, митрополитъ смирнскій, архіерей почтенный и хорошо образованный, но вспыльчивый въ высшей степени. Вслѣдствіе этого, послѣ пятилѣтняго патріаршества, онъ сосланъ на Аѳонъ, — а преемникомъ ему назначенъ

1789 г.

73) *Неофитъ VII*, смирнскій урожденецъ и епископъ маронійскій, отчасти оправдавшій общія надежды своимъ благоразуміемъ, добротою и благочестіемъ. Онъ заслужилъ имя политика (потому что болѣе другихъ уступалъ просьбамъ людей знатныхъ) и способнаго къ управленію дѣлами [1]. Но и онъ, послѣ пятилѣтняго патріаршества, сосланъ на Аѳонъ, — а поставленъ на его мѣсто

1794 г.

74) *Герасимъ III*, митрополитъ дерконскій, родомъ кипрянинъ, получившій полное еллинское и духовное

(¹) При немъ, въ 1790 г., по смерти Абдулъ Амита воцарился Селимъ III, сынъ Мустафы III.

образованіе, человѣкъ безукоризненный и почтенный, но уже престарѣлый и немощной. Поэтому чрезъ 3 года онъ отрекся и оставаясь въ Константинополѣ, жилъ въ Терапіи, гдѣ и скончался. Преемникомъ его былъ

1797 г.

75) *Григорій V*, митрополитъ смирнскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ по взятіи Константинополя патріарховъ. Онъ былъ родомъ изъ Димистаны (по нѣкоторымъ, древняго Эриманѳа, или правильнѣе, Псофиды), аркадской деревни въ Пелопонесѣ. Сначала онъ именовался Георгіемъ, родился въ 1751 г. отъ бѣдныхъ родителей,—отца Димитрія и матери Асимины. Съ самаго нѣжнаго возраста онъ имѣлъ наклонность къ монашеской жизни. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ своей родины. Оттуда, достигнувъ уже двадцатилѣтняго возраста, перешелъ въ Смирну, къ родственнику своему іеромонаху Анѳиму, экклисіарху смирнскаго храма св. Георгія и живя у него, слушалъ уроки въ училищѣ. Митрополитъ смирнскій Прокопій, узнавъ о его благочестивой жизни, горячей ревности о дѣлахъ церковныхъ и о успѣхахъ его въ наукахъ, сдѣлалъ его іеродіакономъ, чрезъ нѣсколько времени архидіакономъ, а потомъ и протосингелломъ смирнской митрополіи (¹). Бывъ призванъ на патріаршество, митрополитъ смирнскій Прокопій (см. подъ 1784 г. выше), по соборному опредѣленію поставилъ митрополитомъ Смирны Григорія, который богоугодно пасъ эту церковь 13 лѣтъ, а затѣмъ возведенъ на престолъ патріаршій.

(¹) Тогда Григорій переложилъ на общенародный языкъ слова Златоуста о Священствѣ, и издалъ ихъ въ Венеціи (въ 1782 г.). А въ 1810 г. онъ издалъ переводъ бесѣдъ Василія Великаго на Шестодневъ.

Строгое благочестіе, простой образъ жизни, смиренная одежда, нестяжательность, горячая ревность по Вѣрѣ, неусыпная попечительность о благоустроеніи церковномъ, неослабная дѣятельность, презрѣніе опасностей, твердость убѣжденій и безтрепетное защищеніе ихъ: все это заставляло уважать его и бояться. Тотчасъ по вступленіи на патріаршій престолъ, онъ возстановилъ обветшалую патріархію, обязалъ къ денежному пособію архіереевъ, игуменовъ, священниковъ и діаконовъ, потомъ учредилъ въ ней, съ разрѣшенія султана, типографію, заботливо слѣдя за изданіемъ книгъ; онъ издалъ между прочимъ соборныя опредѣленія о точномъ соблюденіи Божественныхъ каноновъ. Съ величайшею ревностію и весьма часто онъ поучалъ слову Божію въ церкви. Онъ неустрашимо отвергалъ нѣкоторыя несправедливыя требованія правительства и другихъ сановниковъ.

Въ 1798 г. онъ избавилъ отъ большой опасности цѣлую Амвракійскую область. Господствовавшіе тогда на Іоническихъ островахъ французы послали въ Превезу и особенно на берега Арты тайныхъ провозвѣстниковъ свободы, и поколебали мысли многихъ людей. Нѣкоторые уже открыто носили кокарду, которая была условнымъ знакомъ французскихъ демократовъ. Губернаторъ Янины Али-паша, узнавъ объ этомъ, увѣдомилъ Порту объ опасности измѣны со стороны подданныхъ, и предложилъ свои услуги для ихъ вразумленія. Порта же, зная замыслы Али (который искалъ повода къ увеличенію предѣловъ своего управленія и завладѣнію этихъ прибрежныхъ мѣстъ), предписала ему оставаться въ покоѣ, а сама готовила между тѣмъ другаго пашу къ походу противъ странъ, возбудившихъ подозрѣ-

нія. О тайныхъ приготовленіяхъ узнали тогдашніе наши дипломаты и просили патріарха принять на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ. Григорій написалъ прошеніе Портѣ, чтобы прекращеніе этихъ мнимыхъ волненій было поручено Церкви, которая считаетъ слухи объ нихъ неосновательными и возникшими вслѣдствіе сосѣдства съ французами. Султанъ благосклонно принялъ предложеніе патріарха и согласился съ нимъ. Приснопамятный Григорій посылаетъ въ тѣ мѣста экзархомъ (какъ будто по какой либо другой причинѣ), состоявшаго при немъ въ то время великаго протосингелла Іоанникія константинопольца, человѣка благоразумнѣйшаго, бывшаго въ послѣдствіи митрополитомъ елассонскимъ, а потомъ и филиппопольскимъ. Поспѣшно прибывъ на мѣсто, поговоривъ съ людьми благоразумными и раскрывъ имъ опасность, онъ остановилъ горячность легкомысленныхъ и не предвидѣвшихъ конца событій, и устроивъ все съ величайшимъ благоразуміемъ, успѣлъ получить отъ артскаго муллы удостовѣрительное донесеніе (Илами), что въ тѣхъ мѣстахъ господствуетъ величайшее спокойствіе и чистосердечная преданность и покорность правительству, и что нѣтъ никакой опасности и ни тѣни возмущенія. Тоже самое засвидѣтельствовали Портѣ и туземцы всеподданнѣйшими адресами. По возвращеніи своемъ экзархъ Іоанникій представилъ дѣло въ такомъ видѣ патріарху, а патріархъ Портѣ, и подозрѣнія ея разсѣялись (особенно когда она изъ устъ патріарха узнала, что все почти это дѣло было клеветою Али-паши, составленною для его собственной цѣли), а Амвракія избавилась отъ страшной опасности нашествія турокъ. Такимъ-то образомъ устроилъ все это славный Григорій.

Онъ отослалъ также проживавшихъ въ Константинополѣ архіереевъ, — каждаго въ его епархію, удержавъ при себѣ только немногихъ. Этотъ поступокъ его показался деспотическимъ, почему онъ и навлекъ на себя неудовольствіе сильныхъ архіереевъ, которые жили въ Константинополѣ, какъ члены синода, но съ другой стороны и потому, что чрезвычайно любили свободную и роскошную жизнь Константинополя, имѣя въ своихъ епископіяхъ мѣстоблюстителей и получая оттуда годовые доходы. Черезъ нѣсколько времени умеръ сильный покровитель Григорія Константинъ Ханджери, господарь Валахіи (¹) и потому Григорій, оставшись безъ поддержки, лишился патріаршества, управлявъ имъ 1½ года, и сосланъ на Аѳонъ. На его же мѣсто снова при-

(¹) Бывшіе по временамъ великіе драгоманы и тѣ изъ нихъ, которые возводились въ достоинство молдавскихъ господарей, имѣли большое вліяніе на избраніе и смѣну патріарховъ константинопольскихъ. До нѣкоторой степени это можетъ быть оправдано тѣмъ, что лица эти были членами не только Церкви, но и эллинскаго народа, вслѣдствіе чего участіе ихъ при избраніи патріарха было гораздо законнѣе, нежели то, какое имѣютъ посланники нѣкоторыхъ западныхъ государей Европы при избраніи папы Но повсюду бываютъ злоупотребленія. Многіе изъ грековъ, занимавшіе важныя государственныя должности, возбуждаемые нѣкоторыми безпокойными архіереями (къ чему иногда присоединялась и личная выгода), соглашались и часто содѣйствовали несправедливымъ сверженіямъ патріарховъ и возвышеніямъ архіереевъ, и возмущали спокойствіе Церкви, которую въ другое время ревностно защищали отъ угнетенія варварскаго правительства, вмѣстѣ съ тѣмъ оказывая и народу многоразличныя благодѣянія (почему имена ихъ и записаны какъ въ церковной, такъ и въ гражданской исторіи грековъ). Но этими благодѣяніями не отвергается мысль, высказанная нами прежде, что всякій разъ, когда въ управленіе Церкви вмѣшиваются свѣтскія лица, они извращаютъ священные каноны, которыхъ они поставлены хранителями, и тѣмъ всегда вредятъ Церкви.

Около половины XVII столѣтія (въ 1660 г.) греки стали занимать должность великаго драгомана. Первый опредѣленъ въ эту должность Панагіотъ, бывшій драгоманомъ австрійскаго посольства. За нимъ слѣ-

глашенъ, жившій тамъ въ изгнаніи и пользовавшійся покровительствомъ Ипсиланти,

1799 г.

Неофитъ VII, во 2-й разъ. Онъ богоугодно управлялъ патріаршествомъ 2 года и 6 мѣсяцевъ. Въ 1801 году онъ хотѣлъ возвести приснопамятнаго и по многимъ добродѣтелямъ достоблаженнаго митрополита ларискаго Діонисія Калліарха, на вдовствующую митрополію Ефеса; но бывшій прежде митрополитъ Арты, а въ то время дерконскій Макарій (человѣкъ смѣлый, дѣятельный и склонный къ обидамъ) горячо возсталъ противъ этого и не только воспрепятствовалъ возведенію Діонисія, но и при содѣйствіи сильной его партіи (гла

довалъ Александръ Маврокордато (въ 1681 году). Точно также и въ достоинство господарей Валахіи и Молдавіи греки возведены не только съ 1719 года, начиная съ Николая Маврокордато, но за 70 почти лѣтъ прежде. Господари Александръ, Илія, Левъ и Стефанъ были греки. Въ драгоманы же флота поступали лица греческаго происхожденія уже въ послѣдствіи, и эти должности оставались за константинопольскими греками до начала греческаго восстанія (1821 г.). Съ половины XVIII столѣтія и далѣе въ Константинополѣ было цѣлыхъ девять знаменитыхъ домовъ, изъ которыхъ обыкновенно избирались драгоманы и господари. Дома эти слѣдующіе:

1) Маврокордато.

2) Гики (отъ 1-го Григорія Гики въ 1717 г. и отъ 1764 г. и далѣе).

3) Ипсиланти (они въ послѣдствіи убѣжали въ Россію).

4) Караджа (и эти выѣхали въ началѣ XIX вѣка).

5) Маврогени (эта фамилія дала одного только господаря (Aislértnr), возвысившагося въ это достоинство изъ драгомана флота въ 1782 г., и въ послѣдствіи одного драгомана флота).

6) Ханджери (процвѣтавъ въ позднѣйшее и короткое время, и они остались въ бездѣйствіи съ 1810 г. и далѣе).

7) Мурузи.

8) Каллимахи.

9) Суццо (три послѣднія фамиліи оставались на сказанныхъ должностяхъ до греческаго восстанія).

вою которой былъ Александръ Суццо, въ послѣдствіи господарь), онъ получилъ Ефесъ (куда черезъ два года, по смерти его, былъ поставленъ митрополитомъ Діонисій), а Неофитъ сосланъ на Аѳонъ. Преемникомъ его былъ

1801 г.

76) *Калиникъ V*, прежде бывшій митрополитъ адріанопольскій, а потомъ никейскій, родомъ изъ Кизика въ Виѳиніи, человѣкъ хотя изнѣженный и любившій покой, но умный, не сребролюбивый и сострадательный. Онъ оказалъ значительное содѣйствіе просвѣщенному предпріятію приснопамятнаго Димитрія Мурузи, который пользуясь благосклонностію султана Селима III, учредилъ въ Константинополѣ, именно въ Куручесмѣ, большую школу, названную „школою народа", употребивъ на это много собственныхъ средствъ, и получивъ много пожертвованій отъ своихъ братьевъ, господаря Александра и бывшаго въ послѣдствіи драгоманомъ Панагіота Мурузи. Дѣлали приношенія и многіе другіе изъ знатныхъ константинопольцевъ. Почелъ за честь послѣдовать ихъ примѣру и патріархъ Каллиникъ: онъ предложилъ богатое пожертвованіе отъ всѣхъ архіереевъ, которыхъ увѣщевалъ къ этому патріаршей циркулярной грамотой. Но такъ какъ въ то время, фанаріоты французской партіи, и особенно Суццо, имѣли болѣе силы, нежели принадлежавшіе къ русской партіи покровители патріарха Каллиника, Ипсиланти и Мурузи, то первые и принудили Каллиника проситься, послѣ пятилѣтняго патріаршества, на покой, за что, избѣжавъ ссылки, онъ получилъ по крайней мѣрѣ позволеніе жить въ Константинополѣ. Они же употребили свое вліяніе, чтобы снова былъ вызванъ съ Аѳона

1806 г.

Григорій V, во второй разъ; по возвращеніи своемъ онъ показался болѣе снисходительнымъ и менѣе строгимъ, чѣмъ прежде. Но при всемъ томъ когда кто нибудь изъ сильныхъ склонялъ его на дѣло несправедливое, онъ вмѣсто отвѣта показывалъ находившійся у него ключъ отъ аѳонской келліи, въ которой онъ жилъ изгнанникомъ, выражая тѣмъ, что онъ скорѣе согласенъ на вторичную ссылку, чѣмъ на несправедливыя предложенія сильныхъ. Немедленно по вступленіи на престолъ онъ разослалъ окружныя наставленія христіанамъ о пользѣ образованія и учрежденія школъ (¹) и улучшеніи уже существующихъ по образцу константинопольскихъ. Спустя нѣсколько времени внезапно появился передъ Константинополемъ англійскій флотъ (флотъ вошелъ, какъ угроза султану, чтобы онъ отказался отъ союза съ Наполеономъ). Тогда турецкое правительство разослало глашатаевъ, чтобы созвать работниковъ, для скорѣйшаго возведенія укрѣпленій передъ дворцомъ, и на этотъ зовъ изъ разноплеменныхъ жителей города стекалось большое множество желающихъ работать, каждый понародно слѣдуя за своими руководителями. Тогда и приснопамятный Григорій, какъ духовный вождь христіанъ (каковымъ его признаетъ Порта), въ сопровожденіи архіереевъ и множества христіанъ явился, по совѣту тогдашняго драгомана Александра Ханджери, на береговыя укрѣпленія, и самъ подавалъ примѣръ работникамъ, собственными руками нося землю, въ при-

(¹) См. его прекрасное окружное наставленіе касательно учрежденія школъ, напечатанное въ послѣдствіи въ Λόγιος Ἑρμῆς въ 1819 г., стр. 203.

сутствіи султана, смотрѣвшаго изъ оконъ дворца. Поэтому и государь возлюбилъ его и въ знакъ высокой чести и полнаго благоволенія подарилъ ему шубу изъ куньяго мѣха. Когда же страхъ этотъ прошелъ, Григорій снова принялся за свои дѣла и занялся устроеніемъ патріархіи. Тогда же онъ отослалъ (жившихъ въ Константинополѣ) старѣйшихъ архіереевъ въ ихъ епископіи. Едва прошли два года его патріаршества, какъ вторгшійся въ Константинополь Мустафа Байрактаръ возвелъ на престолъ (въ 1808 г.) султана Махмута II [1]. И Григорій вдругъ лишенъ престола, который похитилъ

1808 г.

Калликикъ IV, во второй разъ. Наскучивъ покоемъ, онъ пожелалъ снова не душеполезныхъ и великихъ подвиговъ патріаршества, но пустой и временной славы. И такъ какъ онъ не могъ достигнуть желаемаго средствами позволенными, то прибѣгъ къ средствамъ непозволительнымъ. Онъ поднесъ Байрактару (сдѣлавшемуся довѣреннымъ лицемъ султана) большую сумму денегъ и утвержденъ патріархомъ безъ собранія голосовъ, безъ избранія, безъ вѣдѣнія синода [2], а Григорій по

---

(1) Въ 1807 г., когда Селимъ былъ низверженъ съ престола, воцарился султанъ Мустафа IV, сынъ Абдулъ Амита. Спустя годъ Байрактаръ явился съ цѣлію снова посадить на престолѣ Селима. Но Селимъ былъ задушенъ Мустафою и трупъ его выброшенъ изъ дворца. Низвергнувъ Мустафу, Байрактаръ возвелъ на престолъ брата его Махмута II.

(2) Говорятъ, что возвышенію Каллиника содѣйствовали нѣкоторые клирики, его родственники, обѣщавъ множество денегъ вельможамъ, если онъ получитъ патріаршество, а сами они отличныя епископіи. Когда же Каллиникъ вступилъ на патріаршій престолъ и лицами, имѣвшими въ своихъ рукахъ власть, рѣшено было изгнаніе заранѣе назна-

повелѣнію султана отправился на островъ Халки на покой. Синодъ сильно возмутился вторженіемъ Каллиника, какъ беззаконнымъ и уничтожающимъ предоставленное ему Самуиломъ за пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ право смѣны и избранія патріарха. Впрочемъ онъ успокоился по неволѣ, и уступилъ непреоборимой силѣ тогдашнихъ обстоятельствъ, выжидая благопріятной минуты для сверженія Каллиника, не дверьми вошедшаго, а инудѣ прелѣзшаго. И вотъ, когда исчезъ, какъ дымъ, великій Мустафа Байрактаръ (янычары взорвали на воздухъ его домъ порохомъ), тотчасъ же былъ изгнанъ и Каллиникъ, патріаршествовавшій около десяти мѣсяцевъ. Патріаршество же принялъ

1809 г.

77) *Іеремія* I, митрополитъ митиленскій, родомъ критянинъ, мужъ благоразумный, миролюбивый, знакомый съ турецкимъ языкомъ, съ турецкими нравами, обычаями и законами, но не получившій еллинскаго (классическаго) образованія. Онъ ограждалъ церковь отъ преслѣдованія со стороны сильныхъ, особенно во времена войнъ и смутъ, и управлялъ патріаршествомъ боголюбезно. Сожалѣя о собственной необразованности, онъ питалъ величайшую любовь къ просвѣщенію, и много содѣйствовалъ распространенію его въ народѣ. Будучи уже старъ и подверженъ болѣзнямъ, онъ чрезъ три года и нѣсколько мѣсяцевъ отрекся и удалившись въ Митиленъ, прожилъ тамъ еще нѣсколько лѣтъ, и

ченныхъ къ тому епископовъ, для замѣщенія ихъ по условію—родственниками патріарха, то Каллиникъ мужественно воспротивился этому, выставляя на видъ, что это противно и церковнымъ законамъ и постановленіямъ верховной власти въ пользу подданныхъ.

окончилъ жизнь въ глубочайшей старости. Преемникомъ его былъ

1813 г.

78) *Кириллъ* VI, митрополитъ сначала иконійскій, потомъ своей родины Адріанополя; онъ былъ мужъ мудрый, строгой жизни, обладавшій какъ еллинскимъ, такъ и церковнымъ образованіемъ (¹), зналъ турецкій языкъ. Онъ всегда хотѣлъ первенствовать и между людьми образованными, которыхъ онъ впрочемъ любилъ и уважалъ, на столько, на сколько и они уступали литературнымъ сужденіямъ патріарха! Въ особенности большую и чистую ревность имѣлъ онъ о предметахъ божественныхъ, и слову Божію часто училъ въ церкви. Ни одного изъ церковныхъ дѣлъ онъ не совершалъ произвольно, но всё съ общаго согласія духовенства. Когда убѣжалъ изъ Валахіи господарь Іоаннъ Караджа въ слѣдствіе замысловъ противъ него султана, на его мѣсто былъ назначенъ Александръ Суццо, другъ и покровитель патріарха Григорія. При посредствѣ Суццо Кириллъ, послѣ шестилѣтняго почти патріаршества, отрекся, удалился на свою родину — въ Адріанополь, гдѣ во время греческаго возстанія принялъ блаженный конецъ, бывъ повѣшенъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г.; на его мѣсто соборно же избранъ

1819 г.

Григорій V, въ третій и послѣдній разъ. Онъ прибылъ въ Константинополь 19 января 1819 г., чрезъ

(¹) Въ 1802 г., будучи архидіакономъ патріарха Каллиника, онъ издалъ въ Константинополѣ *τα τετράςιχα τοῦ Πτωχοπροδρόμου*, каталогъ патріарховъ и другія любопытныя сочиненія. Сдѣлавшись же митрополитомъ иконійскимъ, онъ издалъ хорографическій указатель иконійской епархіи.

два почти мѣсяца по отреченіи Кирилла. Въ этотъ же промежутокъ времени управлялъ патріаршествомъ, какъ мѣстоблюститель, приснопамятный митрополитъ, сначала елассонскій, а потомъ филиппопольскій Іоанникій, константинополецъ, бывшій первоначально архидіакономъ и протосинггелломъ патріарха Григорія. Это тотъ самый экзархъ, который былъ посланъ въ Арту и избавилъ эту страну отъ султанскаго гнѣва. Свидѣтелями его добродѣтелей и подвиговъ, совершенныхъ имъ на общее благо, и любви къ просвѣщенію были Елассонъ, гдѣ онъ былъ митрополитомъ съ 1798—1808, и Филиппополь, наслаждавшійся его пастырствомъ въ теченіи другаго десятилѣтія. Вскорѣ по возвращеніи Григорія, Іоанникій почилъ о Господѣ (3 февраля 1819 г.), проживъ пятьдесятъ два года. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, замѣчая, что въ нѣкоторыхъ греческихъ училищахъ воспитанники съ бо́льшею любовію занимались новѣйшей философіей, не заботясь о еллинскомъ образованіи, онъ въ окружномъ своемъ наставленіи убѣждалъ обращать преимущественное вниманіе на изученіе отечественнаго языка и не пренебрегать, ради философіи, матери и кормилицы философіи. И самую философію онъ совѣтовалъ изучать любомудро, избирая то, что въ ней было полезнѣйшаго и необходимѣйшаго въ тогдашнихъ обстоятельствахъ грековъ, а не тратить времени на пустыя и безполезныя умозрѣнія, которыя, наполняя молодыя головы самоувѣренностію, часто дѣлали изъ нихъ людей безполезныхъ для отечества. Къ этому совѣту побудила патріарха и неблагопріятная молва, распускаемая нѣкоторыми изъ вельможъ, будто подданные (греки) изучаютъ тактику (такъ называли варвары преподаваемыя въ знаменитѣйшихъ училищахъ

Греціи физическія и математическія науки) [1]. Онъ снова выслалъ нѣкоторыхъ архіереевъ изъ столицы въ ихъ епархіи и ревностно трудился для общаго блага. Когда узнали въ Константинополѣ (10 февраля 1821 г.) о вступленіи знаменитаго Александра Ипсиланти въ Молдавію, и ожидали греческаго возстанія, самъ визирь призывалъ патріарха, вмѣстѣ съ драгоманомъ Мурузи и сталъ дружески выпытывать у нихъ, не знаютъ ли они чего нибудь о волненіи въ Пелопонесѣ, или другихъ греческихъ областяхъ. Оба отвѣчали, что не имѣютъ никакого свѣдѣнія о возстаніи подданныхъ (грековъ), и думаютъ, что мѣстные губернаторы по своей обязанности бодрствуютъ, наблюдая за общественнымъ спокойствіемъ. Послѣ этого разговора визирь отпустилъ ихъ благосклонно, давъ приказаніе немедленно увѣдо-

---

[1] Объ этой молвѣ сообщилъ патріарху приснопамятный Скарлатъ Каллимахъ и просилъ его принять мѣры предосторожности. Этотъ Скарлатъ былъ человѣкъ благочестивый и любитель просвѣщенія; будучи впослѣдствіи господаремъ Молдавіи, покровительствовалъ ясскому училищу и доставлялъ также изъ доходовъ княжества филологической гимназіи Смирны средства содержанія. Кромѣ того онъ поддерживалъ издававшуюся въ Вѣнѣ литературную газету. Совершенно несправедливо нѣкоторые писатели приписываютъ Каллимахамъ нелюбовь къ просвѣщенію и говорятъ, что подъ ихъ вліяніемъ изданы патріархомъ Григоріемъ окружныя наставленія его и что самъ патріархъ былъ гонителемъ наукъ. Достаточно вспомнить заботливость Григорія объ умноженіи школъ, или сличить его наставленіе съ тѣмъ, что пишутъ его порицатели (Кума Ист. Челов. Дѣл. т. 12, стр. 514), чтобы убѣдиться въ неосновательности этой клеветы. Обвиняютъ также Григорія (Кума, тамъ же), будто онъ сталъ виновникомъ изгнанія изъ Константинополя въ Митиленъ Константина Мурузи, который по возвращеніи былъ великимъ драгоманомъ, а потомъ казненъ 2 апрѣля 1821 г. Но патріарха увѣрили, что Мурузи этою временною ссылкою избавится отъ большаго несчастія и тѣмъ вовлекли въ ошибку. По возвращеніи Мурузи, Григорій, убѣдившись, что онъ былъ обманутъ, жалѣлъ о своей ошибкѣ и со слезами просилъ прощенія.

мить его, если что либо узнають. Между тѣмъ посажены были въ тюрьму пять синодальныхъ архіереевъ. Убито было нѣсколько свѣтскихъ лицъ, бывшихъ въ родствѣ съ константинопольцами, находившимися въ Молдавіи. Въ слѣдъ за тѣмъ 23 марта фирманомъ предписано было патріарху объявить окружною грамотою амнистію всѣмъ, кто введенный обманомъ, былъ вовлеченъ въ общество гетеристовъ, отлучить въ тоже время Ипсиланти и всѣхъ возмутителей, наложить на нихъ ужаснѣйшія проклятія, разрѣшить клятвенныя обѣщанія гетеристовъ, и благосклонно принимать приходящихъ съ раскаяніемъ, и доносить о нихъ, чтобы правительство могло достойно вознаградить ихъ. Вотъ что предписывалось фирманомъ и принесшій его на словахъ прибавилъ, что одна только надежда на успокоеніе грековъ избавляетъ ихъ отъ султанскаго гнѣва. Вслѣдствіе этого собрался синодъ и для удовлетворенія султана написалъ грамоту въ краткихъ и грозныхъ выраженіяхъ. Грамота эта всенародно была прочитана въ церкви, въ присутствіи двухъ патріарховъ (вселенскаго и іерусалимскаго), синода, всего духовенства, константинопольскихъ грековъ, — господарей, драгомановъ и другихъ знатныхъ лицъ и всего народа. Тутъ же были и критскіе турки и другіе, хорошо знавшіе греческій языкъ, которые подслушивали, читалось ли отлученіе и все, что̀ было предписано, и написано ли все это вполнѣ согласно съ повелѣніемъ. Въ слѣдующее же воскресенье Вайй (1 апрѣля) пришла вѣсть о возстаніи Пелопонеса, и немедленно на другой день казненъ великій драгоманъ Константинъ Мурузи, и съ нимъ нѣкоторые другіе изъ константинопольцевъ и много другихъ знатныхъ лицъ; иныхъ же заключили въ тюрь-

му [1]. Потомъ въ теченіе всей страстной недѣли городъ былъ наполненъ толпами вооруженныхъ турокъ, которые убивали всѣхъ попадавшихся имъ грековъ, кромѣ духовныхъ, чтобы не возбудить подозрѣнія въ патріархѣ и не подать ему повода скрыться. Въ день Пасхи (10 апрѣля), тотчасъ по окончаніи богослуженія пришелъ въ патріархію новый драгоманъ Аристархъ Ставраки (сосланный спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Азію, гдѣ онъ изрубленъ въ куски). Къ патріарху онъ не пошелъ, но собравъ синодъ изъ четырехъ или пяти архіереевъ, потребовалъ, чтобы они немедленно избрали новаго патріарха. И избраніе пало на Евгенія писидійскаго. Дрожа и плача, онъ отправился, чтобы получить отъ великаго визиря утвержденіе въ своемъ званіи. Въ это время окружила толпа вооруженныхъ людей патріархію, схватила Григорія и повела его къ министру иностранныхъ дѣлъ, а потомъ къ великому визирю для допроса, послѣ котораго онъ былъ повѣшенъ надъ дверью патріархіи. Въ ту пору, какъ онъ висѣлъ, возвратился новый несчастный патріархъ, и вошелъ въ патріархію

---

(1) Тогда (въ великую пятницу) министръ иностранныхъ дѣлъ предписалъ патріарху стеречь семейство блаженной памяти Димитрія Мурузи, въ его домѣ. Патріархъ отвѣчалъ, что онъ стражей не имѣетъ. «Пусть будутъ ими и монахи», возразили дававшіе приказаніе. И такъ посланы были два священника патріаршихъ, стеречь семейство, но оно во время ихъ сна убѣжало. Спустя нѣсколько времени въ домъ пришли палачи, чтобы схватить дѣтей и супругу Мурузи. Не найдя никого, кромѣ спавшихъ священниковъ, они схватили ихъ и заковали въ цѣпи. А патріархъ вовсе не подвергся отвѣтственности и не былъ осужденъ за побѣгъ фамиліи Мурузи. И такъ ошибаются тѣ, которые между прочимъ считаютъ и побѣгъ семейства Мурузи «за предтечу осужденія патріарха». Смерть его была порѣшена тотчасъ же, какъ скоро пришла вѣсть о возстаніи родины его, Пелопонеса, причиною его казни было провозглашено то, что онъ признавался соучастникомъ измѣнниковъ.

мимо еще неостывшаго трупа! Приснопамятный Григорій, равно какъ и повѣшенные вмѣстѣ съ нимъ въ другихъ мѣстахъ города, оставались на висѣлицахъ три дня ([1]), а послѣ того тѣло его влачили по улицамъ евреи, а потомъ бросили въ море. Чрезъ три дня, когда многострадальное тѣло патріарха выплыло на поверхность моря, его взялъ одинъ судохозяинъ, уроженецъ Іоническихъ острововъ, по имени Склавосъ, и перевезъ въ Одессу, гдѣ оно похоронено съ особенною торжественностію. Всѣ эти событія описаны въ послѣдствіи, находившимся въ то время въ Одессѣ, очевидцемъ Константиномъ Экономосомъ ([2]). Преемникомъ приснопамятнаго Григорія сдѣлался.

1821 г.

79) *Евгеній I*, митрополитъ писидійскій, человѣкъ образованный, но во всѣхъ отношеніяхъ уступавшій

([1]) За четыре дня до пасхи великій визирь требовалъ отъ Сехуль-Ислама законнаго осужденія патріарха, какъ соучастника и даже виновника возстанія его соотечественниковъ пелопонезцевъ. Добросовѣстный турокъ потребовалъ доказательствъ преступленія, и такъ какъ ихъ не было, не подписалъ судебнаго приговора, замѣтивъ, что «законъ никогда не казнитъ невинныхъ вмѣсто ихъ виновныхъ родственниковъ». Въ слѣдствіе этого онъ былъ изгнанъ и, увезенный ночью, умерщвленъ близъ Халкидона. Приговоръ тотъ часъ же подписанъ его преемникомъ. Этотъ послѣдній, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ (въ іюнѣ), видя себя въ опасности, испросилъ позволенія отправиться въ Мекку и Медину для поклоненія святынямъ Магомета. Когда онъ плылъ уже близъ Хіоса, съ нимъ встрѣтился греческій флотъ. Греки взявъ Сехуль-Ислама (вовсе не зная, что онъ приговорилъ патріарха къ постыдной смерти), повѣсили его на гротъ-мачтѣ судна. Такіе то удивительные примѣры суда Божія представляетъ исторія возстанія.

([2]) См. Кон. Экономоса надгробное слово патріарху Григорію, и другое его слово, при годичномъ поминовеніи Григорія и архіереевъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ нимъ (въ церковныхъ словахъ стр. 1 — 62). См. также разборъ этихъ словъ, сдѣланный ученымъ М. Схина въ Зрителѣ (Θеотисъ) № 8, статья А. 1—8 въ 1837 г.)

Григорію и по тогдашнему смутному состоянію дѣлъ въ высшей степени жалкій! Тѣмъ неменѣе онъ охранялъ, какъ могъ, достоинство патріарха. Чрезъ двѣнадцать дней послѣ его избранія, въ праздникъ святаго Георгія, яростные турки, устремившись во многія другія мѣста, бросились въ патріархію и, разломавъ двери, разграбили все, что нашли, перерѣзали и тѣхъ, кто имъ попался, схвативъ самаго патріарха, они влачили его во всѣ стороны, по волоску вырывали изъ его бороды, били кулаками и требовали отъ него денегъ,—и онъ отдалъ все, что имѣлъ. Оставленный наконецъ, онъ снова патріаршествовалъ, перенося ежедневно ужасы и непрестанныя заботы, наконецъ истощенный заболѣлъ и умеръ, чрезъ полтора почти года многобѣдственнаго патріаршества. На его же мѣсто возведенъ

1822 г.

80) *Анѳимъ III*, по происхожденію пелопонесецъ, урожденецъ острова Наксоса, бывшій первоначально митрополитомъ смирнскимъ (неславнымъ преемникомъ знаменитѣйшаго Григорія), а изъ Смирны возведенный Евгеніемъ на митрополію халкидонскую, человѣкъ не очень образованный, но пріятный въ обхожденіи, любившій церковную службу, любимый народомъ, которому по слабости своей иногда и потакалъ. Но сдѣлавшись патріархомъ при такихъ страшныхъ обстоятельствахъ, что замѣчательнаго могъ онъ совершить? Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ много добра по своей кротости и умѣнью отвращать гнѣвъ турокъ. Едва патріаршествовавъ два года, онъ былъ сверженъ съ престола, какъ человѣкъ недѣятельный и недостойный, и хотѣлъ жить

гдѣ нибудь близъ Константинополя. Но такъ какъ какой-то бродяга возмутилъ многихъ ремесленниковъ и къ патріархіи собралась большая толпа, громко кричавшая и требовавшая, чтобы онъ остался патріархомъ, то турецкое правительство было раздражено и едва не умертвило Анѳима, какъ народнаго возмутителя, но постыдившись, вслѣдствіе частыхъ обличеній въ убійствѣ приснопамятнаго патріарха Григорія, которыя слышало отъ европейцевъ, ограничилось изгнаніемъ его во внутреннюю Азію, въ Кесарію. Спустя семь лѣтъ, вслѣдствіе многихъ ходатайствъ, онъ получилъ позволеніе отправиться на покой въ Смирну, гдѣ и умеръ въ глубокой старости всѣми любимый и почитаемый. Вмѣсто же его на патріаршество возведенъ

1824 г.

81) *Хрисанѳъ*, мужъ ученый, дѣятельный и любитель еллинскаго образованія и свободы. Впрочемъ онъ оказался человѣкомъ очень властолюбивымъ, почему наконецъ и былъ возненавидѣнъ, и оклеветанный съ безчестіемъ сосланъ въ Кесарію. Съ дозволенія султана снова возвратившись оттуда, онъ покоился на островѣ Халки и тамъ скончался. Когда онъ палъ, преемникомъ его сдѣлался

1826 г.

82) *Агаѳангелъ*, митрополитъ халкидонскій (1), происходившій изъ одного мѣстечка близъ Адріанополя, мужъ

(1) Агаѳангелъ (какъ и Анѳимъ) взошелъ на патріаршій престолъ изъ тюрьмы Бостанджи паши, куда съ 1821 по 1827 годъ заключались по нѣскольку архіереевъ по очередно въ залогъ вѣрности христіанскихъ подданныхъ турецкому правительству. Преемникомъ Агаѳангела въ

получившій еллинское богословское образованіе, знавшій русскій языкъ, а отчасти и французскій, добродѣтельный и благоразумный, но чрезмѣрно строгій и, кажется, ревностный служитель турецкаго правительства. Когда ярость турокъ противъ грековъ нѣсколько утихла, въ Константинополь стало стекаться съ разныхъ сторонъ множество духовныхъ лицъ, которые причиняли большое безпокойство патріарху. Онъ выслалъ ихъ къ своимъ мѣстамъ, а нѣкоторыхъ даже отправилъ въ ссылку, гдѣ они среди ужаснѣйшихъ бѣдствій доходили до отчаянія. Впрочемъ большую часть этой жестокости приписываютъ вліянію какого-то Василія, который изъ угодливости туркамъ преслѣдовалъ грековъ. Молва обвиняла Агаѳангела сверхъ того и въ сребролюбіи. Патріаршествовавъ 4 года, онъ сосланъ въ Кесарію, оттуда въ послѣдствіи возвратился въ Адріанополь, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ и скончался, оставивъ, увы! множество денегъ. Преемствовалъ же ему

1830 г.

83) *Констанцій I*, архіепископъ синайскій, родомъ изъ Константинополя, мужъ боголюбезный, мудрый мудростію божественною и человѣческою, знавшій греческій, латинскій, французскій и даже русскій (который изучилъ, проживая сначала въ Кіевѣ архимандри-

---

тюрьмѣ со 2-го сентября 1826 г былъ митрополитъ визійскій Іоасафъ, человѣкъ добродѣтельный и образованный, который и на визійской епископіи, перенесъ множество разнообразныхъ бѣдствій, бывъ ограбленъ турками и часто подвергаясь опасности жизни, а потомъ, когда брошенъ былъ за народъ въ страшную тюрьму Бостанжи паши, цѣлый годъ терпѣлъ еще болѣе тяжкія мученія. Жизнь свою онъ кончилъ на своей родинѣ Андросѣ, терпя многія лишенія и забытый своими соотечественниками.

томъ тамошняго синайскаго метоха) языки, нрава кроткаго и исполненный многихъ добродѣтелей. Еще при Агаѳангелѣ онъ съ острова Антигони былъ приглашенъ въ патріархію для обсужденія проекта, излагавшаго обязанности патріарха и синода, на основаніи божественныхъ каноновъ, и имѣвшаго цѣлью благоустроеніе церковныхъ дѣлъ, пришедшихъ въ разстройство во время безпорядка. Во то время Констанцій изъявилъ согласіе на этотъ проектъ, а по избраніи своемъ въ патріархи клятвенно обѣщалъ соблюденіе его. Онъ управлялъ церковію боголюбезно. Но носилась молва, что часто и этому мудрому патріарху Констанцію препятствовалъ въ исполненіи его обязанностей Стефанъ Вогориди, послѣдній изъ знаменитыхъ константинопольскихъ фанаріотовъ ([1]), родомъ болгаринъ. Онъ часто вмѣшивался въ дѣла церкви, а патріархъ по излишней своей довѣрчивости часто подчинялся его волѣ не ко благу церкви. При всемъ томъ Констанцій сіялъ на патріаршемъ престолѣ, какъ дневное свѣтило. Въ четвертый годъ его патріаршества на него (или правильнѣе сказать, на церковь) возсталъ другой злѣйшій врагъ, нѣкто Панагіотаки, сынъ табачнаго торговца (по турецки Тютюнджи), одинъ изъ низшихъ сановниковъ Валашскаго княжества, льстецъ сильныхъ, близкій къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, принялъ подъ свое покровительство бывшаго митрополита терновскаго, Констанція, человѣка мало образованнаго, который какъ-то беззаконно занявъ митрополію тер-

---

([1]) Братомъ этого Стефана Вогориди былъ знаменитый своею ученостію и сочиненіями Аѳанасій Вогориди, умершій въ 30-хъ годахъ въ Парижѣ.

новскую, соборно былъ низверженъ при патріархѣ Констанціѣ, когда прежній законный пастырь ея былъ возстановленъ. И этотъ-то бывшій митрополитъ терновскій, по совѣту и при посредничествѣ Панагіотаки, подалъ турецкому министру доносъ, будто патріархъ изгналъ его изъ митрополіи за то, что въ войну Россіи съ Турками (1829 — 1830) онъ не послушалъ его совѣта помогать русскимъ, стоявшимъ лагеремъ близъ Тернова и въ окрестныхъ селеніяхъ Ѳракіи, и будто патріархъ убѣдилъ и многія семейства болгаръ переселиться въ Крымъ и въ другія области Россіи! Турецкій министръ черезъ Панагіотаки потребовалъ отъ патріарха, чтобы онъ возвратилъ терновскую каѳедру Констанцію; патріархъ отказалъ въ этомъ, какъ въ дѣлѣ беззаконномъ; тогда министръ отправился къ султану и представилъ патріарха человѣкомъ опаснымъ. Въ слѣдствіе этого и вышло повелѣніе султана, что такъ какъ патріаршествующій Констанцій просилъ увольненія отъ патріаршества по старости лѣтъ, то пусть онъ будетъ уволенъ, и пусть свободно живетъ, гдѣ ему угодно. Мудрый любитель безмолвія, Констанцій съ радостію удалился на покой на любимый свой островъ Антигони, гдѣ написалъ множество сочиненій къ общей пользѣ Церкви. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы безъимянно, какъ напримѣръ археологическое описаніе Александріи и Константиніада (археологическое описаніе Константинополя). Этому новому свѣтильнику Церкви нашего времени былъ преемникомъ

1834 г.

84) *Констанцій II*, митрополитъ терновскій, получившій престолъ при посредствѣ турецкаго министра

и продавца табака. Но прибывшій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Константинополь благочестивый сербъ князь Милошъ убѣдилъ турецкое правительство, что прежній патріархъ оклеветанъ; вслѣдствіе чего Констанцій былъ свергнутъ съ престола. Возводится же на него общимъ голосомъ синода

1834 г.

85) *Григорій VI*, сначала бывшій митрополитомъ пелагонійскимъ, а потомъ серрскимъ (Σεῤῥεῶν), родомъ изъ Константинополя изъ Фанаря, мужъ благоразумный и ревнитель православія и другихъ добродѣтелей; онъ обладалъ также даромъ слова, получилъ образованіе въ богословіи и другихъ наукахъ и былъ воспитанникомъ мудраго и приснопамятнаго митрополита дерконскаго Григорія (принявшаго мученія въ 1821 г. вмѣстѣ съ соименнымъ патріархомъ и другими сподвижниками іерархами), при которомъ былъ діакономъ.

Въ Пафлагоніи и особенно въ Серрахъ Григорій показалъ себя покровителемъ образованія, поддерживалъ существовавшія училища и основывалъ новыя. Въ его патріаршество армяне снова начали свои прежніе происки. Они испросили отъ Порты фирманъ на производство починокъ въ той части іерусалимскаго святогробскаго храма, гдѣ изъ снисхожденія имъ издревле было позволено совершать литургію. Нѣчто подобное и гораздо болѣе страшное они замышляли и въ 1808 г., когда былъ пожаръ въ храмѣ св. гроба, а именно чрезъ всесильнаго тогда Мустафу Байрактара, они выхлопотали фирманъ въ качествѣ главныхъ строителей возсоздать храмъ. Но Мустафа погибъ прежде, чѣмъ этотъ фирманъ былъ изданъ и храмъ снова воздвигнутъ пра-

вославными. И вотъ въ 1836 г. армяне снова стали добиваться права производить постройки въ извѣстной части храма, желая считаться на будущее время какъ бы по праву ктиторами и владѣтелями этой святой обители, которая искони составляетъ собственность православныхъ; армянъ же и западныхъ въ этой церкви только терпятъ. Узнавъ объ этомъ, блаженнѣйшій патріархъ іерусалимскій Аѳанасій сдѣлалъ и съ своей стороны все, что отъ него зависѣло, сообщилъ также объ этомъ дѣлѣ и вселенскому патріарху, и ревнитель Григорій протестовалъ противъ дерзости армянъ, съ какою они, обманувъ Порту, получили фирманъ, противный древнимъ постановленіямъ; въ тоже время дѣло это представилъ Портѣ состоявшій при ней посланникомъ православной Россіи Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ, и Порта взяла назадъ повелѣніе, и церковь іерусалимская избавилась отъ навѣта чужестранцевъ. Достопочтенны и мудрость во Христѣ и неутомимая заботливость патріарха Григорія, съ какими онъ наблюдалъ за чистотою божественныхъ догматовъ благочестія и за неприкосновенною цѣлостію богодухновенныхъ и отеческихъ ученій и преданій апостольской восточной Церкви ([1]). Онъ съ силою возвышалъ отеческій свой голосъ. Онъ призывалъ всѣхъ священныхъ пастырей къ величайшей бдительности и внимательности въ исполненіи ихъ высокихъ обязанностей. Онъ поручилъ нѣсколькимъ благочестивымъ и мудрымъ людямъ наблюденіе, чтобы слово Божіе возвѣщаемо было въ древле отеческой чистотѣ, и съ большою ревностію и ду-

([1]) Окружное посланіе патріарха Григорія и письмо его къ жителямъ Смирны.

ховною мудростію управлялъ церковью Божіею, боголюбезно и богоугодно, право правя слово истины и соблюдая словесныхъ овецъ божественной паствы отъ всѣхъ опасностей и преткновеній, какъ достойный преемникъ Григоріевъ, ему соименныхъ, Златоустовъ и прочихъ святыхъ Отецъ нашихъ.

III.

ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ ИЗДАННЫХЪ Д. Е. КОЖАНЧИКОВЫМЪ СОЧИНЕНІЙ О РАСКОЛѢ.

Прошлый годъ былъ особенно счастливъ для людей, занимающихся изученіемъ раскола. Не говоря о многихъ статьяхъ о расколѣ полемическаго и историческаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, наша литература пріобрѣла въ прошломъ году сочиненія о расколѣ особеннаго рода,—какихъ не было въ печати до 1861 года. Мы имѣемъ въ виду изданныя въ прошломъ году сочиненія самихъ раскольниковъ. Вслѣдъ за появленіемъ въ свѣтъ „Описанія" раскольническихъ сочиненій Александра Б., явилось въ прошломъ году еще нѣсколько сочиненій въ этомъ же родѣ. „Житіе протопопа Аввакума," имъ самимъ написанное, „Исторія Выговской старообрядческой пустыни," составленная раскольникомъ Иваномъ Филипповымъ, „Разсказы изъ исторіи старообрядства по раскольническимъ рукописямъ," переданные С. Максимовымъ, „Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ и сказаніе о хранительномъ

быліи, мерзскомъ зеліи, еже есть табацѣ“ (два старинныя произведенія раскольнической литературы),—вотъ перечень сочиненій, которыми подарилъ публику въ прошломъ году Д. Е. Кожанчиковъ,—издатель указанныхъ сочиненій (¹). Нельзя не порадоваться такому явленію и не поблагодарить отъ души издателя за его умѣнье угадывать потребности общества. Расколъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время обратилъ на себя серьёзное вниманіе всѣхъ образованныхъ людей, — а между тѣмъ ничто такъ не помогаетъ изученію этого замѣчательнаго явленія, какъ знакомство съ самыми произведеніями раскольнической литературы. Само собою разумѣется, что всѣ изчисленныя выше сочиненія суть не болѣе, какъ матеріалы, надъ обработкой которыхъ еще нужно много трудиться, чтобы достигнуть желаемыхъ результатовъ. Но трудъ не можетъ устрашать человѣка серьёзнаго, лишь бы только было надъ чѣмъ трудиться — съ пользою и успѣхомъ.

Впрочемъ, отдавая должную справедливость г. Кожанчикову за его изданія, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ тѣми надеждами, которыя высказываются въ предисловіяхъ указанныхъ сочиненій — то издателемъ ихъ, то самими авторами. „Издавая эти произведенія въ свѣтъ, говоритъ г. Кожанчиковъ (въ предисловіи къ повѣсти о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ), мы думаемъ положить начало предпріятію, важность котораго несомнѣнна и для науки, и для жизни. Ничто такъ не задерживаетъ развитія мысли, ничто такъ не проти-

(¹) Въ прошломъ же году издано г. Кожанчиковымъ еще одно сочиненіе подъ названіемъ: «Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія,» извлеченныя изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи—г. Есиповымъ, но объ немъ мы поговоримъ послѣ.

вится внесенію въ жизнь вольнаго воздуха и свѣта, какъ таинственная оболочка, въ которую ставятъ историческія обстоятельства извѣстную идею или явленіе: много понятій въ жизни, много суевѣрныхъ убѣжденій только и держатся, благодаря тому, что они не имѣютъ возможности высказаться и вполнѣ обнаружить себя. При свѣтѣ яснаго дня разлетаются тѣ сумрачные призраки, въ какіе любитъ одѣвать суевѣрная мысль и напуганное чувство—предметы жизни обыденной; ихъ чарующее значеніе исчезаетъ, уступая мѣсто трезвому взгляду на протекшее и настоящее. Долгое время произведенія раскольничьей литературы производили обаятельное дѣйствіе запрещеннаго плода: преслѣдуемыя обществомъ, они тѣмъ съ большею силою дѣйствовали на души простолюдиновъ, усыпляя мысль и внушая благоговѣйное, непоколебленное сомнѣніемъ чувство вѣры въ ихъ непреложную истину. Раскольникъ не думалъ надъ ними, не стремился объяснить ихъ,—онъ читалъ ихъ тѣмъ съ большею теплотою и довѣріемъ, чѣмъ сильнѣе были внѣшнія гоненія судьбы. Этимъ наивнымъ отношеніемъ, этимъ не заслуженнымъ почетомъ — онъ какъ бы стремился вознаградить столь же не заслуженное презрѣніе къ нимъ. Оттого съ такимъ подозрительнымъ упорствомъ онъ отстаивалъ ихъ, не довѣряя голосу науки, стремившейся дать имъ надлежащую цѣну и смыслъ, и едва ли раскольникъ не былъ правъ въ этомъ случаѣ: видя враждебное отношеніе къ предмету, съ которымъ связывалось много дорогихъ его воспоминаній, онъ, само собою разумѣется, долженъ былъ бросить тѣнь на чистоту побужденій, руководившихъ людьми, рѣшившимися объяснить ему смыслъ его писаній; вмѣстѣ съ этимъ онъ подозрительно взглянулъ и на

самыя объясненія и остался при своемъ наивномъ, вѣрующемъ отношенія къ нимъ, снова читалъ ихъ—„ничтоже сумняся“; противъ такого печальнаго общественнаго антагонизма есть одно средство — это приведеніе въ извѣстность самихъ памятниковъ его умственной жизни, ихъ объясненіе не въ духѣ угожденія исключительной партіи, а вполнѣ историческое, руководимое спокойною любовью, какую долженъ имѣть изслѣдователь къ предмету своего изысканія. День обнародованія произведеній раскольничьей литературы и объясненія ихъ—будетъ днемъ побѣды разума и науки надъ темнымъ суевѣріемъ: дѣлаясь достояніемъ всѣхъ и каждаго, они потеряютъ тотъ обаятельный фантастическій свѣтъ, въ какой одѣвало ихъ смутное сознаніе раскольника; они станутъ вещью обыкновенною, простою, которая не запугиваетъ сознанія сумрачными страшилами, а укрѣпляетъ и просвѣщаетъ его. Однимъ словомъ, изъ предметовъ суевѣрія—они сдѣлаются предметами науки, доступной каждому“. Оставляя въ сторонѣ фразы и риторику, мы получимъ изъ всей этой длинной тирады слѣдующую простую мысль: преслѣдованіе раскольничьей письменности не только не приносило никакого плода, напротивъ положительно было вредно—въ томъ отношеніи, что придавало ей обаятельность запрещеннаго плода и чрезъ это поселяло въ раскольникахъ съ одной стороны убѣжденіе въ справедливости ихъ писаній, а слѣдовательно и содержащихся въ нихъ вѣрованій, — съ другой—нерасположеніе къ гонителямъ и недовѣріе къ ихъ объясненіямъ смысла этихъ писаній; единственное средство—поправить ошибку состоитъ въ обнародованіи, въ приведеніи въ извѣстность всѣхъ произведеній раскольничьей литературы, которыя чрезъ это

самое потеряютъ свою таинственность и неразлучную съ нею обаятельность,—суевѣріе изчезнетъ, истина восторжествуетъ. Что преслѣдованіе произведеній раскольничьей письменности—дѣло не хорошее, вредное, даже не совсѣмъ нравственное, объ этомъ никто не будетъ спорить. Насиліе вообще, и въ частности въ дѣлѣ вѣры, не только не ведетъ къ цѣли, но даже не рѣдко отдаляетъ отъ ней. Послѣднее и самое крайнее средство противъ всякаго не правомыслящаго должно состоять, по духу Евангелія, въ наученіи его и, въ случаѣ упорства, въ признаніи заблуждающаго человѣкомъ опаснымъ для общества правовѣрующихъ и въ предостереженіи послѣднихъ отъ ложнаго его ученія. Далѣе этого не можетъ простираться никакая власть не только церковная, обязанная руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ духомъ кротости и любви, но даже и свѣтская, если она не захочетъ взять на себя дѣла выше своихъ силъ и средствъ, правъ и обязанностей,—т. е. распоряжаться убѣжденіями человѣка, которыя должны считаться святыней и которыя могутъ жить среди самыхъ жестокихъ пытокъ и разнаго рода смертей.

Не одобряя такимъ образомъ дѣйствій власти прежняго времени въ отношеніи къ раскольничьей письменности, мы однакоже не можемъ вполнѣ отдаться и тѣмъ надеждамъ, осуществленія которыхъ ждутъ отъ обнародованія произведеній раскольничьей литературы, отъ признанія за нею права гражданства. По крайней мѣрѣ изданіе раскольничьихъ сочиненій въ томъ видѣ, въ какомъ появились въ свѣтъ указанныя выше произведенія, едва ли можетъ вести къ тѣмъ отраднымъ результатамъ, какіе обѣщаетъ г. издатель. Что подобныя изданія могутъ мало по малу „восполнять существовав-

шій доселѣ во всѣхъ почти сочиненіяхъ о расколѣ весьма важный и существенный недостатокъ—знанія внутренней его жизни“, что въ сочиненіяхъ самихъ раскольниковъ мы найдемъ не только то, за что упрекаютъ расколъ, но и оправданія самихъ обвиняемыхъ, въ слѣдствіе чего судъ о расколѣ можетъ быть безошибочнѣе и безпристрастнѣе, что вообще изданіе произведеній раскольничьей литературы можетъ служить самымъ лучшимъ, хотя и не единственнымъ, средствомъ къ болѣе полному и всестороннему изученію раскола,—въ этомъ мы не сомнѣваемся, и уже имѣли случай заявить объ этомъ предметѣ наше мнѣніе (¹). Но чтобы считать обнародованіе письменности раскольничьей *единственнымъ* средствомъ къ искорененію заблужденій раскола и къ возвращенію заблуждающихъ на путь истины, для этого нужно имѣть мало практическаго знакомства съ расколомъ. Нѣтъ спора, что „таинственность даетъ всякому темному дѣлу привлекательность, что она заманиваетъ любопытство, раздражаетъ воображеніе, располагаетъ къ увлеченіямъ и тѣмъ самымъ затуманиваетъ разсудокъ, и заблужденію придаетъ призрачную форму убѣжденія.“ Но чтобы и одного „оглашенія заблужденій“ было достаточно для ихъ изчезновенія, этого мы рѣшительно не понимаемъ. Представимъ себѣ человѣка, который по какому либо обстоятельству впалъ въ заблужденіе касательно извѣстнаго предмета. Съ теченіемъ времени его заблужденіе становится извѣстнымъ другимъ лицамъ и даже объявляется печатно. Чтоже? ужели послѣ этого заблуждающій оставитъ свое ложное мнѣніе—потому только, что оно сдѣлалось из-

(¹) Христ. Чт. 1861. Іюнь, стр. 464—5.

вѣстнымъ и другимъ, особенно когда это мнѣніе составляетъ его *искреннее убѣжденіе*, когда за него онъ готовъ перенести и даже перенесъ немало огорченій и страданій?? Не думаемъ. А между тѣмъ таковы всѣ заблужденія раскола. Для большинства раскольниковъ это — святыня, искреннія убѣжденія, сама вѣра Христова, спасающая человѣка. За свои заблужденія расколъ двѣсти лѣтъ страдалъ, не ослабѣвая, а напротивъ мужаясь съ каждымъ новымъ на него гоненіемъ. Легко ли разстаться съ мыслями, купленными такой дорогой цѣной? И ужели для этого достаточно только вывести ихъ на свѣтъ Божій? Нѣтъ! мы думаемъ, на-оборотъ. Обнародованіе раскольничьей письменности, полезное для науки и, можетъ быть, еще для издательской дѣятельности, можетъ послужить, при неумѣньи вести дѣло, во вредъ жизни и обществу. Объяснимся.

Хотя раскольники отличаются бóльшею грамотностію, чѣмъ православные,—разумѣемъ въ этомъ случаѣ низшіе классы общества,—тѣмъ неменѣе и въ расколѣ большинство заблуждающихъ не знаетъ даже читать. Само собой понятно послѣ этого, что изданія раскольничьей письменности прежде и скорѣе всего попадутъ въ руки тѣмъ изъ раскольниковъ, которые извѣстны подъ именемъ раскольническихъ большаковъ, учителей, —лицъ, которыя и заправляютъ массою. А эти послѣдніе, т. е. наставники раскола, какъ всякому извѣстно, имѣютъ свои причины стараться, чтобы число ихъ учениковъ не только не уменьшалось, напротивъ увеличивалось болѣе и болѣе. И вотъ однимъ изъ средствъ къ распространенію раскола въ рукахъ начетчиковъ раскольническихъ будутъ изданія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Понять высокую цѣль подобныхъ

изданій они не въ состояніи, да можетъ быть и не захотятъ; а между тѣмъ въ нихъ они найдутъ доказательства на всѣ тѣ мысли, въ которыхъ стараются утвердить своихъ слушателей; -печать, обаятельная сила которой для простолюдиновъ извѣстна каждому, придастъ заблужденію еще болѣе вѣроятности, а открытое, свободное распространеніе раскольничьей письменности посредствомъ печати, находящейся въ зависимости отъ цензуры духовной и свѣтской, можетъ подать мысль, что вѣрно сама власть церковная и свѣтская наконецъ поняла, что произведенія раскольничьей литературы не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ правды... И это не мечты, а истина, къ сожалѣнію, оправданная опытомъ. Въ прошломъ году намъ удалось провести нѣсколько лѣтняго времени въ одномъ селѣ П. губерніи, въ которомъ число раскольниковъ простирается до нѣсколькихъ тысячъ. При первой встрѣчѣ съ священникомъ этого села намъ пришлось выслушать отъ него слѣдующія горькія истины: „что это тамъ дѣлается у васъ въ Петербургѣ. Писали да печатали сперва противъ раскола, а теперь уже стали печатать и „въ пользу раскола“ (этимъ священникъ указывалъ на извѣстное „описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола“ Александра Б., появившееся въ началѣ прошлаго года). Когда я объяснилъ священнику всю пользу подобныхъ изданій для науки, онъ замѣтилъ: „въ томъ-то и бѣда, что у васъ тамъ все говорятъ о наукѣ, да объ идеяхъ, а на жизнь-то и взглянуть не хотятъ. А вотъ посмотрите-ка, что дѣлаетъ ваша наука у насъ: „описаніе“ явилось въ нашемъ селѣ, я думаю, скорѣе, чѣмъ узнали объ немъ ваши ученые, да пусть бы только явилось, Богъ съ

нимъ, въ этомъ еще не большая бѣда,—такъ нѣтъ,—наши раскольники носятся съ нимъ, какъ съ Евангеліемъ, да то и дѣло твердятъ православнымъ: посмотрите, посмотрите, наконецъ, стали печатать и въ нашу пользу, поняли, видно, что вѣра наша правая; вѣдь это изъ Петербурга, гдѣ самъ Царь живетъ. Какъ ни забавны всѣ эти толки, съ грустію продолжалъ добрый пастырь, но отъ нихъ происходитъ много зла. Благодаря „описанію," я уже не досчитываюсь многихъ изъ своихъ прихожанъ; другіе—начинаютъ колебаться и рѣдко стали ходить въ церковь,—а этой дурной знакъ. Что будетъ дальше, знаетъ одинъ Богъ." Такимъ образомъ мы на дѣлѣ увидѣли подтвержденіе мысли, высказанной нами въ библіографическихъ замѣткахъ о сочиненіи Александра Б. (¹), т. е. что подобныя изданія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, могутъ послужить во вредъ раскольникамъ. Мало этого: они не безопасны, какъ показываетъ опытъ, для самаго православія —въ томъ отношеніи, что простой народъ нашъ, не въ состояніи будучи состязаться съ раскольническими наставниками о вѣрѣ, по не имѣнію основательныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, легко можетъ повѣрить внушеніямъ раскольническимъ, подтверждаемымъ печатными книгами, и—переходить въ расколъ.

Если же такими печальными послѣдствіями сопровождалось по мѣстамъ появленіе въ свѣтъ такого сочиненія, какъ „описаніе" г-на Б., въ которомъ авторъ не рѣдко разоблачаетъ ложь раскольническую; то что же сказать о сочиненіяхъ въ родѣ „Исторіи Выговской пустыни" или „Житія протопопа Аввакума," которыя

(¹) Христ. Чт. 1861. Іюнь. Стр. 466.

суть не болѣе, какъ буквальная перепечатка раскольническихъ рукописей? Вредъ отъ подобныхъ изданій можетъ быть еще бо̀льшій. Въ этомъ случаѣ раскольническимъ наставникамъ уже нѣтъ нужды дѣлать перерывы и скачки при чтеніи своимъ слушателямъ подобныхъ изданій, какъ дѣлаютъ они при чтеніи книгъ, въ которыхъ на выписки изъ раскольническихъ рукописей находятся замѣтки и опроверженія, обыкновенно, опускаемыя чтецами, какъ не нужныя или даже еретическія; Исторія Выговской пустыни можетъ быть прочитана съ начала до конца,—и впечатлѣніе у слушателей будетъ одно — въ пользу раскола.

Высказывая эти мысли, мы далеки отъ того, чтобы возставать противъ подобнаго рода изданій; польза ихъ для науки и для самаго раскола—на *будущее*, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ близкое время, несомнѣнна. При пособіи такихъ изданій расколъ можетъ быть изученъ вполнѣ, а слѣдовательно скорѣе можетъ быть отыскано и средство къ уврачеванію больныхъ. Теперь, при недостаткѣ ясныхъ и отчетливыхъ свѣдѣній о заблужденіяхъ раскола, не рѣдко полемика православныхъ или не достигаетъ цѣли, или даже приносить положительный вредъ тѣмъ, что часто навязываетъ раскольникамъ, по незнанію дѣла, такія мысли и дѣла, которыя и не существуютъ въ расколѣ, значитъ, раздражаетъ раскольниковъ клеветою, или, еще хуже—горячится изъ-за такихъ вещей, существованіе которыхъ въ расколѣ болѣе или менѣе законно, по крайней мѣрѣ исторически, и слѣдовательно возставать противъ которыхъ значитъ тратить по-пусту и время и трудъ. Не то будетъ, когда знакомство съ письменностію раскольническою обрисуетъ расколъ въ его настоящемъ свѣтѣ. Слабыя

стороны будутъ открыты и легко устранены; узнанная вполнѣ болѣзнь, судя по свойству, давности, остротѣ, заставитъ озаботиться пріисканіемъ надежнаго, серьёзнаго и, можетъ быть, болѣе терпѣливаго способа леченія; то, чего держится расколъ, какъ преданія старины, какъ исторической основы жизни нашихъ предковъ, естественно, будетъ исключено изъ круга предметовъ, подлежащихъ осужденію, и на оборотъ, можетъ вызвать сочувствіе къ заблуждающимъ, не справедливо подвергавшимся за нихъ нареканіямъ и даже гоненіямъ; вражда раскола къ православію мало по малу изчезнетъ и выработаются данныя для заключенія мира, такъ давно нарушеннаго и такъ давно желаннаго.

Но если обнародываніе раскольнической письменности несомнѣнно обѣщаетъ пользу въ будущемъ, то съ другой стороны нельзя же закрывать глазъ отъ вреда, какой можетъ происходить отъ этого въ настоящемъ. Можно ли же указать какія либо средства къ тому, чтобы если не уничтожить совершенно этотъ вредъ, то по крайней мѣрѣ ослабить его, или, что̀ было бы еще лучше, не позволить ему долго продолжаться?

Мы уже замѣчали, что главное зло, которое можетъ произойти и дѣйствительно происходитъ отъ изданія въ свѣтъ произведеній раскольничьей литературы, зависитъ отъ необразованности низшихъ классовъ нашего общества, въ которыхъ по преимуществу и гнѣздится расколъ. Значитъ, чѣмъ энергичнѣе будутъ мѣры правительства и общества къ распространенію въ народѣ образованія, тѣмъ скорѣе можно ожидать „внесенія въ жизнь вольнаго воздуха и свѣта,“ тѣмъ быстрѣе младенческій взглядъ нашихъ простолюдиновъ на многіе предметы жизни и вѣры уступитъ мѣсто взгляду солид-

ному и трезвому. Само собою разумѣется, что рука объ руку съ образованіемъ народа вообще должно итти образованіе его религіозное. Горько, но приходится сознаться, что главная причина успѣха раскольнической пропаганды скрывается въ недостаточномъ знаніи нашимъ народомъ истинъ вѣры. Раскольникъ—начетчикъ, который во время своей бесѣды ссылается и на Іоанна Златоустаго, и на Ефрема Сирина, и на Кирилла Іерусалимскаго ,—да это-такое диво для нашего православнаго простолюдина, знающаго только, что въ постъ нельзя приготовлять пищи съ масломъ, и однакожъ не умѣющаго сказать двухъ словъ на исповѣди,—что не повѣрить пропагандисту значило бы не дорожить вѣрой и спасеніемъ;—а въ подобномъ равнодушіи нельзя упрекнуть нашъ простой народъ. Пастыри церкви должны обратить вниманіе на этотъ предметъ. Этого требуетъ и ихъ святое служеніе, и даже собственная польза и спокойствіе. Когда православные десятками и сотнями переходятъ въ расколъ, священники теряютъ въ нихъ своихъ прихожанъ и подвергаются необходимости писать начальству разнаго рода объясненія по этому предмету,—дѣло крайне непріятное. Не наше дѣло входить здѣсь въ разсужденіе о томъ, какъ удобнѣе приходскимъ священникамъ заняться религіознымъ образованіемъ своихъ прихожанъ и имѣютъ ли они для этого, при настоящемъ бытѣ сельскихъ причтовъ, и время и средства. Мы только указываемъ имъ на ихъ священный долгъ, отъ исполненія котораго они не въ правѣ отказаться. Въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній и препятствій священники могутъ обращаться за совѣтомъ къ своему начальству, которое. надѣемся, не откажется подать имъ руку помощи.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Умственно-религіозное образованіе народа, о которомъ доселѣ почти и не думали, это такая не легкая вещь, что нужны цѣлые десятки лѣтъ самой энергической дѣятельности цѣлаго общества, чтобы явилось раньше или позже развитое, сознательное молодое поколѣніе, которое бы могло понять несостоятельность порядка вещей, существующаго въ расколѣ, какъ сектѣ религіозной. А между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ, не ожидая, скоро ли рѣшатъ вопросы о томъ, кому быть учителями въ сельскихъ школахъ, по какимъ книгамъ воспитывать юное поколѣніе и проч. и проч. Расколъ, заманчивый по самой обстановкѣ своей, не только не ослабѣваетъ, напротивъ съ каждымъ новымъ годомъ пріобрѣтаетъ себѣ больше и больше послѣдователей—не только „путемъ естественнаго рожденія,“ но и путемъ своей живой проповѣди, проникнутой горячею любовію къ истинѣ, больше впрочемъ смутно чувствуемой, чѣмъ ясно понимаемой и выражаемой въ болѣе доступной массѣ—рѣчи простонародной. Православные, совращаемые въ расколъ, лишаясь вѣрныхъ средствъ ко спасенію, становятся во враждебное отношеніе къ обществу, въ которомъ чрезъ это дробятся силы и замедляется движеніе впередъ. А тутъ еще начинается изданіе разныхъ раскольническихъ сочиненій, которыя въ рукахъ плохаго пониманія вещей или неблагонамѣренности дѣлаются новымъ средствомъ къ распространенію въ массѣ темныхъ понятій, которыхъ и безъ того не мало въ головахъ русскаго люда,—новымъ толчкомъ къ регрессивному движенію цѣлыхъ милліоновъ..... Остановить явленіе въ свѣтъ подобныхъ изданій нѣтъ возможности, да и было бы грѣшно.

Остается продолжать начатое въ видахъ пользы науки, но только съ возможно-меньшимъ вредомъ для общества и жизни. А для этого, мы думаемъ, не достаточно съѣздить въ Пустозеренъ, на рѣку Печору, или въ другое какое либо мѣсто, купить тамъ, или пріобрѣсть другимъ какимъ нибудь способомъ, нѣсколько раскольничьихъ рукописей и потомъ, явившись съ ними въ Петербургъ, перефразировать ихъ содержаніе или сдѣлать подстрочный переводъ ихъ, и за тѣмъ отдать ихъ г-ну Кожанчикову для изданія. Такой трудъ слишкомъ легокъ, чтобы отъ него можно было ожидать особенно серьёзныхъ послѣдствій и добрыхъ плодовъ и для науки. Въ этомъ случаѣ мы скорѣе готовы отдать преимущество тому порядку вещей, котораго держится г. Кожанчиковъ. А этотъ порядокъ таковъ: берется раскольничья рукопись и печатается „съ соблюденіемъ въ точности ея орѳографіи, безъ исправленія даже явныхъ ошибокъ.“ Въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ не видно претензіи на авторство, не остается мѣста сомнѣнію, все ли и такъ ли передано въ книгѣ, что̀ содержится въ рукописи, и наконецъ—открывается обширное поле для филологическихъ и грамматическихъ соображеній,—тѣмъ болѣе, что вопросъ объ орѳографіи въ настоящее время снова поднятъ и даже признанъ дѣломъ важнымъ, для котораго собираются десятки ученыхъ. Будемъ говорить прямѣе.

Изданіе раскольничьихъ рукописей,—дѣло несомнѣнно полезное во многихъ отношеніяхъ, не такъ однако же просто само въ себѣ, чтобы за него можно было приняться безъ предварительнаго уясненія цѣли подобнаго предпріятія. А эту цѣль, намъ кажется, нельзя ограничивать только тѣмъ, чтобы пустить въ продажу

ту или другую напечатанную рукопись. Быть можетъ, подобный взглядъ на дѣло имѣетъ свои выгоды, — но наука безкорыстна и чуждается всякихъ интересовъ. Правда, и для ней найдется въ изданіяхъ подобнаго рода своей процентъ—невѣсомый. Ознакомившись чрезъ печатныя сочиненія раскольниковъ съ ихъ „вымыслами", лица, занимающіяся наукой, напр. „нашею народною исторіею", будутъ „безошибочнѣе въ своихъ выводахъ". Но во первыхъ—такихъ лицъ, сравнительно съ тѣми, которыя только читаютъ книги, слишкомъ мало, а во вторыхъ, для этихъ лицъ — подобныя сочиненія нерѣдкость. Не думаемъ по крайней мѣрѣ, чтобы у людей, специально занимающихся расколомъ или вообще нашею народною исторіею, не было, напр. „Исторіи Выговской пустыни", или „Житія протопопа Аввакума". Намъ кажется, не будетъ новостію ни для кого, если мы скажемъ, что множество раскольничьихъ книгъ и рукописей издавна существуетъ по разнымъ книгохранилищамъ нашимъ, только, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени мало обращали у насъ вниманія на эти драгоцѣнные матеріалы. Такимъ образомъ наука выигрываетъ, собственно говоря, немного отъ изданій г-на Кожанчикова. Можетъ ли быть польза отъ нихъ для общества? Пользу для раскола мы уже указали; для православнаго общества вмѣсто пользы можетъ быть вредъ въ томъ отношеніи, что тѣ изъ его членовъ, которые не въ состояніи дѣлать „критическаго разбора фактамъ" (а такихъ большинство), легко повѣрятъ раскольничьимъ „вымысламъ", и оставятъ православіе. Конечно, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ господъ, это — пустяки; но мы еще разъ заявляемъ, что думать, будто и въ расколѣ также легко достигнуть спасенія, какъ и

въ союзѣ съ Церковію православною, значитъ плохо понимать учрежденный Господомъ порядокъ нашего спасенія. Что же остается дѣлать?

Намъ думается, что до тѣхъ поръ, пока народъ нашъ остается на той степени умственно-религіознаго развитія, на какой онъ находится теперь, изданіе въ свѣтъ раскольничьихъ сочиненій должно быть подчинено нѣкоторымъ ограниченіямъ.

И во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы предоставлять это дѣло частнымъ лицамъ, которыхъ цѣли иногда могутъ ограничиваться личнымъ интересомъ, лучше бы, намъ кажется, поручить изданіе раскольничьихъ сочиненій цѣлому обществу людей, спеціально приготовленныхъ къ такому труду. Что правительство свѣтское и духовное, а равно общество могутъ и должны не стѣсняться составленіемъ подобнаго „общества", существованіе котораго, конечно, потребуетъ нѣкоторыхъ, и, можетъ быть, не малыхъ жертвъ матеріальныхъ, этого, кажется, нѣтъ нужды и доказывать. Дѣло такъ важно, что всякіе расчеты—въ сторону. Для Церкви расколъ служитъ врагомъ, который не позволяетъ, или, по крайней мѣрѣ, препятствуетъ ей средства, дарованныя Господомъ, прилагать ко спасенію душъ, искренно желающихъ спасенія. Общество имѣетъ въ расколѣ противника всѣмъ его прогрессивнымъ движеніямъ. Стóитъ подумать о средствахъ лучше узнать этого могучаго исполина, его стремленія и желанія справедливыя и мечтательныя, чтобы, удовлетворивъ однимъ и устранивъ другія, войти съ нимъ въ союзъ для совокупнаго, дружнаго дѣйствованія. Если существуютъ у насъ общества экономическое, археологическое, исторіи и древностей русскихъ и многія другія, то почему же бы не

быть послѣ этого обществу для изданія въ свѣтъ сочиненій раскольничьихъ, когда, по увѣренію нѣкоторыхъ, они „одни въ состояніи выяснить окончательно этотъ туманный и запутанный вопросъ въ русской жизни, который заурядъ съ московской земщиной, съ народными движеніями на Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Новгородѣ, представляетъ самыя яркія и законченныя картины въ Русской исторіи“, который — „*едва ли не вся исторія русскаго народа*“, его жизни умственной, религіозной, гражданской. А что всего лучше изданіе раскольничьихъ сочиненій въ свѣтъ поручить цѣлому обществу, а не частнымъ лицамъ, это можетъ быть доказано слѣдующими соображеніями. Никто не будетъ спорить, что чѣмъ скорѣе совершится подобное предпріятіе, тѣмъ лучше для православія и для раскола, тѣмъ успѣшнѣе вполнѣ можетъ быть изученъ расколъ, тѣмъ, слѣдовательно, быстрѣе можетъ совершиться его примиреніе съ православнымъ обществомъ, которое, узнавъ въ своемъ недавнемъ врагѣ своего роднаго брата, далеко не такъ испорченнаго, какъ представляли расколъ досслѣ, позаботится устранить причины взаимныхъ недоразумѣній и вражды другъ къ другу. Но частныя лица, какъ бы ни велико было ихъ усердіе къ дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, никогда не въ состояніи будутъ вести его съ желаемою быстротою. Во-первыхъ, частныя лица никогда не могутъ имѣть достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для такого огромнаго предпріятія, какъ изданіе въ свѣтъ произведеній раскольничьей литературы. Мы знаемъ, да и кому неизвѣстно это, что число раскольничьихъ сочиненій очень и очень не мало, и многія изъ нихъ до того объемисты, что для изданія одного такого сочиненія потребуются значительные рас-

ходы. Кромѣ того—и это самое важное—частныя лица, даже тѣ, которыя посвятили себя изученію раскола, имѣютъ у себя далеко не полное собраніе произведеній раскольничьей литературы, и притомъ никто изъ нихъ не можетъ поручиться, что имѣющіяся у него раскольничьи сочиненія суть болѣе характеристическія, яснѣе и полнѣе рисующія духъ раскола и его стремленія. А поступать въ такомъ важномъ дѣлѣ *по случаю*, т. е. печатать, что̀ попадется подъ руки, значитъ шутить съ предметомъ, стоющимъ полнаго и самаго серьознаго вниманія каждаго. Не того можно ожидать, если бы образовалось „общество" для изданія раскольничьей письменности. Остановки въ дѣлѣ изъ - за средствъ къ его совершенію въ такомъ случаѣ не можетъ быть. Правительства и духовное и свѣтское, понимая всю важность цѣли такого общества, конечно, не откажутъ ему въ своей помощи; притомъ общество и само по себѣ можетъ располагать бо̀льшими средствами, чѣмъ частныя лица. А главное: тогда можно надѣяться, что будутъ являться въ печати раскольническія сочиненія дѣйствительно полезныя и необходимыя для цѣли. Мы уже говорили, что не смотря на тайну, въ какой хранили раскольники произведенія своей литературы, безчисленное множество сочиненій раскольническихъ находится въ рукахъ правительства духовнаго и свѣтскаго, благодаря тѣмъ временамъ, когда разорялись раскольничьи скиты и молельни, все имущество которыхъ поступало въ распоряженіе власти. Изъ пріобрѣтенныхъ такимъ способомъ сочиненій раскольничьихъ, правда, многія уже не существуютъ на свѣтѣ, благодаря тому пренебреженію, съ какимъ доселѣ смотрѣли на произведенія невѣждъ, а иногда и—оффиціальнымъ распоря-

женіямъ—жечь „злую прелесть". Но при всемъ томъ и теперь—въ разныхъ книгохранилищахъ стоятъ цѣлые шкафы, наполненные книгами въ кожаныхъ переплетахъ съ застежками и—запечатанные. Распечатать эти недоступныя доселѣ большинству хранилища можно безъ труда и „общество", по распоряженію правительства, будетъ имѣть у себя тысячи экземпляровъ сочиненій раскольничьихъ различнаго содержанія и разныхъ періодовъ жизни раскола. Дѣлать изъ многаго выборъ, печатать, что̀ есть лучшаго и болѣе существеннаго, дѣлать изданія по исправнѣйшимъ спискамъ,—это уже обязанность общества. Но при этомъ не можемъ не замѣтить, что при сужденіи о томъ, какія изъ раскольничьихъ сочиненій болѣе заслуживаютъ правъ на изданіе, не лишне имѣть въ виду то обстоятельство, что не то только важно, что̀ можетъ показаться такимъ людямъ образованнымъ. Расколъ—малообразованный и малоразвитый имѣетъ свой уголъ зрѣнія на предметы, и то, что̀ кажется пустяками для человѣка умнаго и развитаго, можетъ быть дорого и важно для раскольника. Впрочемъ выборъ сочиненій раскольничьихъ для изданія ихъ въ свѣтъ будетъ опредѣляться главнымъ образомъ цѣлію такого предпріятія. Поэтому, если цѣль „общества" будетъ состоять въ томъ, чтобы ознакомить публику не только съ догматическою стороною раскола, не только съ его историческою жизнію, но и съ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ раскола въ ту или другую пору его жизни, въ такомъ случаѣ, исключенія изъ круга сочиненій, подлежащихъ изданію, будутъ рѣдки. Одно только можно порекомендовать въ этомъ случаѣ,—то, чтобы на сочиненія раскольническія позднѣйшаго вре-

мени, въ которыхъ излагаются результаты, добытые расколомъ въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, такъ сказать, послѣдніе его выводы въ догматикѣ и современные, насущные запросы жизни, было обращено особенное, преимущественное вниманіе. А при этомъ неизбѣжнымъ представляется для „общества" напередъ познакомиться съ расколомъ лицемъ къ лицу, изучить, по возможности, настоящую жизнь его, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, а не какъ изображается на бумагѣ, на которой всего не напишешь. Тогда, и только тогда, видно будетъ, чтò расколъ считаетъ въ своемъ ученіи важнымъ и неизмѣннымъ, святымъ и неприкосновеннымъ, чего держится по привычкѣ, и чтò уже самъ оставилъ, сознавъ свою ошибку. Для примѣра укажемъ на слѣдующій пунктъ ученія раскольническаго. Какъ извѣстно всякому, безпоповцы, провозгласившіе, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ правильнаго священства, признали вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе, что нѣтъ и не можетъ быть нынѣ и таинствъ. На этомъ основаніи, они, между прочимъ, опредѣлили проводить всѣмъ дѣвственную жизнь. Но время показало, что составить опредѣленіе легче, чѣмъ исполнить его. Является Иванъ Алексѣевъ, который, возмутясь распутною жизнію своихъ собратій, начинаетъ проповѣдывать, что бракъ — дѣло законное и неизбѣжное, и что его можно заключать и безъ церковнаго благословенія. И вотъ тогда, какъ поморцы, не соглашаясь прямо признать ученіе Алексѣева правильнымъ, терпятъ однакожъ въ своемъ обществѣ новоженовъ, ѳедосѣевцы отвергаютъ ихъ, какъ еретиковъ. И что же? Чрезъ нѣсколько времени поморцы и сами признали необходимость брака, а въ настоящее время и ѳедосѣевцы поступаютъ также, хотя и

доселѣ въ ихъ сочиненіяхъ можно встрѣтить мысли, что „за неимѣніемъ православнаго священства бракъ состояться не можетъ, и потому подобаетъ всѣмъ жить цѣломудренно“. Издателямъ раскольничьихъ сочиненій должны быть знакомы подобные метаморфозы въ ученіи раскольниковъ, и особенно послѣдніе выводы раскола.

Далѣе: самое изданіе въ свѣтъ раскольническихъ сочиненій, по нашему мнѣнію, должно быть подчинено извѣстнымъ правиламъ, которыя опредѣляются самою сущностію дѣла. И во-первыхъ, намъ кажется, нельзя поступать въ этомъ случаѣ такъ, какъ сдѣлалъ г-нъ Б. въ своемъ „Описаніи“, помѣстивъ въ немъ разобранныя имъ сочиненія невполнѣ, а отрывками. Подобный порядокъ, не объяснимый никакимъ соображеніемъ, кромѣ развѣ желанія—сократить трудъ переписки, заключаетъ въ себѣ положительную невыгоду — ту, что оставляетъ читателя въ недоумѣніи, все ли передано авторомъ изъ того, что̀ содержится въ извѣстномъ раскольническомъ сочиненіи, такъ ли онъ понялъ или даже хотѣлъ понять то или другое мѣсто, передаваемое отрывочно, не опустилъ ли чего такого, что̀ въ состояніи объяснить, почему и какъ извѣстный раскольническій писатель пришолъ къ такому, а не другому взгляду на дѣло, — однимъ словомъ: въ напечатанномъ подобнымъ образомъ раскольническомъ сочиненіи читатель видитъ только отрывки изъ него, а не самое сочиненіе, и долженъ или вѣрить на слово автору „Описанія“, или—позаботиться пріобрѣсть самую рукопись. Не говоримъ уже о томъ, что подобное сокращеніе сочиненій даетъ мѣсто произволу въ самыхъ заключеніяхъ о писателѣ ихъ и достоинствѣ самыхъ сочиненій, между тѣмъ какъ сполна напечатанная рукопись мо-

жетъ служить для читателя контролемъ надъ издателемъ, или авторомъ, а для самаго автора самымъ сильнымъ побужденіемъ произносить свои заключенія и выводы болѣе осмотрительно и справедливо. Тѣми же недостатками отличается и переводъ и перифразъ раскольническихъ рукописей при изданіи ихъ, что находимъ мы, напр., въ „Разсказахъ изъ исторіи старообрядства по раскольничьимъ рукописямъ", переданныхъ г. Максимовымъ. Вѣримъ г. Максимову, что онъ дѣлалъ свое дѣло „безъ всякой предвзятой мысли и въ возможно упрощенной формѣ". Но все же это—форма г. Максимова, а не старца Пахомія, не Аввакума, не Андрея Денисова, а кромѣ собственной предвзятой мысли можетъ быть еще неумѣнье передавать точно и вѣрно чужія мысли,—недостатокъ немаловажный; а кто читателю поручится, что г. Максимовъ чуждъ этого недостатка? Правда, г. Аристовъ говоритъ, что „небольшая книжка г. Максимова служитъ отличнымъ руководствомъ, какъ можно изъ раскольническихъ сочиненій добывать матеріалы для исторіи и для уясненія взгляда на появленіе и жизнь раскола", что г. Максимовъ „смотритъ прямо и безпристрастно на сочиненія раскольниковъ", не скрывая недостатковъ ихъ, что онъ не ограничился только *вѣрной* передачей содержанія рукописей, но во многихъ мѣстахъ даже дополнялъ недостатокъ свѣдѣній, находящихся въ рукописяхъ, указаніемъ на посторонія свидѣтельства (1). Но во-первыхъ, много есть лицъ, которыя, не замѣчая, какъ проходитъ „Время", могутъ однакожъ натолкнуться на небольшую книжку г. Максимова, и не знать объ ней мнѣнія г. Аристова. Во

(1) Время, 1862 г. январ. критич. обоз. стр. 91.

вторыхъ, нынѣ какъ-то мало вѣрятъ въ авторитеты, и лучше хотятъ руководиться во всемъ своею собственною головой; — быть можетъ, не хорошее направленіе умовъ, но иногда оправдываемое самымъ дѣломъ. Примѣръ недалекъ. По словамъ г. Аристова, книжка г. Максимова — образецъ для подражанія, а между тѣмъ, на основаніи одного только предисловія ея читатель можетъ придти къ совершенно другому заключенію о достоинствѣ труда г. Максимова. Такъ г. Максимовъ говоритъ, что онъ „на этотъ разъ останавливается съ особенною охотою на старцѣ Корниліѣ, какъ на одномъ изъ ревностнѣйшихъ и счастливѣйшихъ распространителей раскола. Онъ почему-то былъ не замѣченъ всѣми, писавшими о русскомъ расколѣ, и даже въ самыхъ поименныхъ перечняхъ раскольничьихъ проповѣдниковъ имя его было пропущено“ (¹). Между тѣмъ всякій знаетъ, что и въ исторіи русской Церкви пр. Филарета (²), и особенно въ исторіи русскаго раскола пр. Макарія (³) упоминается о Корниліѣ, и въ послѣднемъ сочиненіи даже довольно подробно. Очевидно, г. Максимовъ мало знакомъ съ литературой противораскольнической; а послѣ этого, какъ же ему вѣрить? Это, замѣтитъ намъ г. Аристовъ,—мелочи и не касаются самыхъ разсказовъ г. Максимова. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на другія мѣста „небольшой книжки“, изъ которыхъ будетъ видно, что довѣрять умѣнью г. Максимова „добывать изъ раскольническихъ сочиненій матеріалы для исторіи раскола“ не совсѣмъ можно. Г. Мак-

(¹) Стр. III и IV.
(²) Часть III, стр. 112.
(³) Изд. I-е стр. 174, примѣч. 316 и стр. 250.

симовъ, какъ видно (1), не только дополнялъ содержаніе раскольническихъ рукописей сторонними свидѣтельствами, но и исправлялъ замѣченныя имъ въ сказаніяхъ раскольниковъ историческія невѣрности. Вездѣ ли онъ поступалъ такъ, или только тамъ, гдѣ угодно было? Если вездѣ, въ такомъ случаѣ, что̀ значатъ извѣстія, сообщаемыя г. Максимовымъ, о томъ, что въ числѣ противниковъ преобразованіямъ Никона былъ Иванъ Насѣдка (2), что патріархъ Іосифъ умеръ въ 1657 году (3), что исправлялъ книги при Никонѣ Арсеній Сухановъ (4)? Вѣдь всѣ эти свѣдѣнія рѣшительно несправедливы. Если же г. Максимовъ исправлялъ сказанія раскольниковъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то въ какихъ именно? Читатель этого не можетъ знать, когда свѣдѣнія раскольниковъ передаются въ перифразѣ и переводѣ, такъ что не знаешь, слова ли это раскольниковъ, или дополненія самаго г. Максимова. Кстати о дополненіяхъ. Передавая сказанія раскольниковъ объ Арсеніѣ, котораго Никонъ вызвалъ изъ Соловецкаго монастыря, и сдѣлалъ справщикомъ книгъ, г. Максимовъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Шушеринъ такъ говоритъ объ Арсеніѣ: „послаше же (Никонъ) съ милостынею старца Арсенія Суханова во Аѳонскую гору и во иныя святыя старожитныя мѣста, да оттуду староописанныя книги притяжутъ. Тойже принесъ изъ святыя горы Аѳонскія зѣло много древнихъ на греческомъ языкѣ писанныхъ книгъ, числомъ яко пятьсотъ. Еще и патріархи и иніи мнози не менѣе двоюсту различныхъ

(1) Стр. 43 и 46.
(2) Стр. 13.
(3) Стр. 15.
(4) Стр. 16.

древнихъ книгъ приела". Тотъ же Арсеній, замѣчаетъ авторъ разсказовъ, посылаемъ былъ патріархомъ и во Іерусалимъ для снятія подлинной мѣры храма Воскресенія, для новаго Іерусалима патріаршаго (1). Такимъ образомъ, г. Максимовъ Арсенія, справщика книгъ при Никонѣ, принимаетъ за одно лицо съ Арсеніемъ Сухановымъ, между тѣмъ, какъ это — два совершенно отдѣльныхъ лица. Что же это за дополненія свѣденій? Но пусть бы г. Максимовъ только показалъ, что онъ самъ не знаетъ, что Арсеній Сухановъ — не Арсеній грекъ, справщикъ книгъ, противъ котораго такъ возстаютъ раскольники. Нѣтъ! онъ навязываетъ свое незнаніе раскольникамъ, и передавая ихъ сказаніе объ Арсеніѣ въ *текстѣ*, самовольно называетъ его Сухановымъ. „Посѣщая темницы тамошнія (въ Соловецкомъ монастырѣ), говоритъ г. Максимовъ, Никонъ входитъ въ тотъ казаматъ, гдѣ заключенъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ, сосланный сюда патріархомъ Іосифомъ" и затѣмъ передаетъ мнимое предсказаніе Арсеніемъ Никону (2) патріаршества. Между тѣмъ въ подлинной рукописи раскольнической, содержаніе которой передаетъ г. Максимовъ, читаемъ это мѣсто такъ: „Никону митрополиту посѣщающу въ темницахъ сущихъ и между прочими пріиде во узилище, идѣже сѣдяше сосланный отъ патріарха Іосифа въ заточеніе за нѣкоторыя Богу и законамъ противныя тяжкія вины чернецъ нѣкій, именемъ Арсеній, мужественный новинамъ и ересямъ защитникъ". Умѣетъ ли послѣ этого г. Максимовъ точно и вѣрно передавать содержаніе раскольническихъ

---

(1) Стр. 51.
(2) Стр. 48 свес. стр. 16.

рукописей?... Нѣтъ! чтобы дѣлать дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, надлежащимъ образомъ, недостаточно только побывать на рѣкѣ Печорѣ и запастись тамъ раскольническими сочиненіями. Для этого нужна еще со стороны издателей подобныхъ сочиненій предварительная подготовка къ дѣлу, чтобы оно было дѣйствительно полезно для науки. Всего же лучше, если за это дѣло возмется цѣлое общество лицъ, спеціально приготовленныхъ къ такому предпріятію. Но объ этомъ мы уже говорили. А теперь замѣтимъ, что послѣ всего сказаннаго, кажется, ясно видна справедливость нашего требованія, чтобы рукописи раскольническія не передавались въ перифразѣ и переводѣ—что́ автора не можетъ удерживать отъ разнаго рода вольностей и промаховъ, а читателей — отъ недовѣрія къ умѣнью автора излагать дѣло надлежащимъ образомъ, или отъ ошибокъ, имъ допущенныхъ—но печатались сполна. Вѣдь не всякій читатель можетъ имѣть подъ руками подлинныя сочиненія раскольниковъ, чтобы повѣрить составленные по нимъ разсказы. Да и какая польза въ разсказахъ для подобныхъ читателей? Разсказы пріобрѣтутъ тѣ лица, у которыхъ нѣтъ раскольническихъ сочиненій, которые слѣдовательно должны на-слово вѣрить разскащику, иногда и невѣрному.

Наконецъ—справедливо желать, чтобы изданіе раскольническихъ сочиненій не ограничивалось одной перепечаткой ихъ, — это ужъ слишкомъ безгрѣшно, и г. Кожанчиковъ, напечатавшій подобнымъ образомъ „Исторію Выговской пустыни", или „Житіе протопопа Аввакума"—пусть не мечтаетъ, будто онъ сдѣлалъ огромную услугу наукѣ и обществу,—но чтобы сказанія раскольниковъ повѣрялись и, гдѣ нужно, исправлялись

и объяснялись. Если не справедлива, какъ мы уже замѣчали (1), мысль, будто въ сочиненіяхъ раскольниковъ содержатся однѣ только *баски*,—то съ другой стороны нельзя утверждать, чтобы не было въ нихъ и много такого, что̀ дѣйствительно далеко отъ истины. Несправедливости и вымыслы, находящіеся въ раскольническихъ сочиненіяхъ, произошли не отъ того только, что авторы ихъ, какъ люди, удалившіеся отъ общей жизни православнаго общества и заключившіеся въ своихъ скитахъ и пустыняхъ, о многомъ писали, такъ сказать, по слухамъ, а какъ лица, не получившія надлежащаго образованія, простыя, неразвитыя, многаго и понять не могли, или лучше, на все смотрѣли съ своей точки зрѣнія,—но и отъ того, что раскольническіе писатели, какъ вожатаи раскола, имѣвшіе причины и считавшіе своею обязанностію не допускать своихъ кліентовъ до соединенія съ православнымъ обществомъ, не рѣдко выдумывали разныя небылицы на тѣ или другія лица съ цѣлію поселить въ раскольникахъ отвращеніе и къ тѣмъ сословіямъ, къ которымъ эти лица принадлежали. Въ этомъ случаѣ, всего болѣе, какъ извѣстно, нападали раскольники на патріарха Никона, Императора Петра I и др. Въ жизни и дѣятельности напр. патріарха Никона, кажется, нѣтъ ни одного частнаго случая, которому бы раскольники не дали своего особеннаго, самаго темнаго смысла. Печатать подобнаго рода вымыслы и клеветы раскольниковъ, безъ означенія ихъ лживости, значило бы съ одной стороны не дорожить истиною, не уважать доброй памяти общественныхъ дѣятелей,—съ другой—давать малосвѣдущимъ

(1) Христ. Чт. 1861 г. Іюнь. Стр. 466.

раскольникамъ поводъ думать, будто эти вымыслы—сущая правда, и чрезъ это укоренять въ нихъ предубѣжденія противъ православнаго общества, и безъ того очень сильныя. Мы понимаемъ, что наше требованіе не легко для исполненія, что оно указываетъ на необходимость ученой, серьозной подготовки къ дѣлу со стороны издателей. Но по этому-то между прочимъ мы и говорили, что изданіе раскольническихъ сочиненій всего лучше можетъ быть ведено цѣлымъ обществомъ лицъ, знатоковъ раскола, которые совокупными силами скорѣе преодолѣютъ указанную нами трудность. Говоря о необходимости критическаго разбора фактовъ, содержащихся въ раскольническихъ сочиненіяхъ, мы имѣемъ въ виду не одну историческую сторону дѣла, но и догматическую, т. е. считаемъ нужнымъ дѣлать *объясненія* самаго *ученія*, находящагося въ томъ или другомъ раскольническомъ сочиненіи. Это значитъ не то, будто нужно писать подробныя опровerженія того или другаго пункта ученія раскольническаго,—это обязанность полемики; а то, что необходимо показывать историческое значеніе каждаго религіознаго вѣрованія раскольниковъ, т. е. тѣ не рѣдко *условныя* обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на его происхожденіе, развитіе, измѣненіе и проч. и проч. Не лишнимъ также было бы показывать при этомъ истинный смыслъ тѣхъ частныхъ фактовъ и свидѣтельствъ, которыми раскольники подтверждаютъ ту или другую мысль. Это—самая слабая сторона въ расколѣ, но вмѣстѣ и самая гибельная для неопытныхъ людей. Писатели раскольническіе бо̀льшею частію поступаютъ такъ: отыскиваютъ какой-либо частный случай, исключеніе изъ древней церковной практики, и потомъ, на осно-

ваніи такого исключенія строятъ общую мысль, что такъ *и должно быть*, когда такъ *было прежде*. Или прiискиваютъ свидѣтельство древности о какомъ либо предметѣ, и затѣмъ, давши ему свой смыслъ, и для этого не рѣдко опустивъ нѣсколько словъ, объясняющихъ сущность дѣла, приводятъ это свидѣтельство въ доказательство своей предзанятой мысли. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы могли бы указать множество примѣровъ, но ограничимся только нѣкоторыми. Такъ отыскавъ въ Прологахъ и Житіяхъ святыхъ примѣры того, что нѣкоторые святые, не имѣя священнаго сана, крестили *въ случаѣ нужды* другихъ, раскольники утверждаютъ, что и вообще простолюдину можно совершать крещеніе. Или на томъ основаніи, что о нѣкоторыхъ святыхъ не сказано, чтобы они, живя въ пустыняхъ, причащались Тѣла и Крови Христовой, раскольники учатъ, что можно спастись и безъ Евхаристіи. Очевидно, все это—натяжки,—тѣмъ болѣе не справедливыя, чѣмъ меньше настоящее положеніе раскольниковъ похоже на состояніе древнихъ христіанъ въ первые вѣка Церкви Христовой... Впрочемъ мы не беремъ на себя труда опредѣлять въ точности, въ чемъ должны состоять „объясненія памятниковъ умственной жизни раскола"; мы только заявляемъ наше убѣжденіе, что изданіе въ свѣтъ раскольническихъ сочиненій безъ критическаго разбора фактовъ историческихъ и объясненія самаго ученія, не только не можетъ принести особенной пользы наукѣ, но еще можетъ быть вредно для жизни. Оно дастъ раскольническимъ наставникамъ возможность усилить свою пропаганду—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока лица, которыя занимаются, или будутъ заниматься нашею народной исторіею „не сдѣ-

лаютъ" безошибочныхъ выводовъ „изъ одностороннихъ" и не рѣдко „вымышленныхъ" сказаній раскольническихъ. Само собою разумѣется, что объясненія разнаго рода сказаній раскольниковъ должны дѣлаться „не въ духѣ угожденія исключительной партіи," а безпристрастно и спокойно, съ полною любовію къ заблуждающимъ и ихъ немощамъ, но въ то же время и *безъ ненависти* къ противной сторонѣ, которая (ненависть) можетъ возникнуть въ довѣрчивомъ читателѣ раскольническихъ сочиненій, наполненныхъ постоянными и слезными жалобами на несправедливости православныхъ,—жалобами, часто преувеличенными, а иногда и положительно ложными (какова большая часть жалобъ раскольническихъ на жестокости Никона), какъ случилось это, напр., съ г. Аристовымъ, который, прочитавъ разсказъ о Никонѣ Андрея Денисова, переданный г. Максимовымъ, увлекся клеветами раскольниковъ на патріарха до того, что обвиняетъ его „въ размашистой и шумной жизни", тогда какъ Никонъ и на патріаршемъ престолѣ остался тѣмъ же строгимъ подвижникомъ, какимъ былъ въ Анзерскомъ скиту.

Что же касается самыхъ изданій о расколѣ, которыя послужили поводомъ къ нашимъ замѣткамъ, то мы не намѣрены вести подробной рѣчи объ нихъ. Скажемъ только нѣсколько словъ объ „Исторіи Выговской пустыни." Она издана, по словамъ г. Кожанчикова, по рукописи Ивана Филиппова. Мы имѣемъ у себя рукопись Ивана Филиппова, только въ ней нѣтъ многихъ главъ, помѣщенныхъ въ изданіи Кожанчикова, именно—нѣтъ первыхъ 18 главъ, и рукопись наша прямо начинается съ 19 главы (по изданію Кожанчикова) словами: „аще убо древніи нечестивіи и безумніи еллини." За тѣмъ

въ нашей рукописи нѣтъ 7 послѣднихъ главъ изъ повѣсти, „о злоключеніи на Выговскую пустынь“ чрезъ Ивана Круглаго, именно — начиная съ 24 главы по 30 включительно. Отчего эта разность, трудно сказать. Счетъ главъ въ нашей рукописи идетъ въ порядкѣ, а между тѣмъ многихъ главъ не достаетъ. Не включилъ ли г. Кожанчиковъ въ свое изданіе и такія главы, которыя не принадлежатъ Филиппову, не составляютъ части его Исторіи Выговской пустыни, а представляютъ совершенно отдѣльное сочиненіе, только помѣщенное въ одномъ сборникѣ съ рукописью Ивана Филиппова, какъ имѣющее связь съ ней по содержанію? О послѣднихъ главахъ „повѣсти о злоключеніи на Выговскую пустынь“ еще можно думать (на основаніи содержанія ихъ), что они составляютъ часть исторіи Филиппова и суть его произведеніе, хотя по складу рѣчи они не похожи на остальныя. Но первыя 18 главъ едва ли можно считать произведеніемъ Филиппова и частію его исторіи, потому что они не только по языку разительно отличаются отъ главъ дальнѣйшихъ, но и по содержанію не имѣютъ съ ними прямой непосредственной связи, или говорятъ о томъ, о чемъ рѣчь идетъ въ слѣдующихъ главахъ. Такъ во 2 главѣ (по изданію Кожанчикова) говорится о православіи до-Никоновской церкви, о Никонѣ (при чемъ разсказываются всѣ возможные вымыслы о разныхъ случаяхъ его жизни) и его мнимыхъ нововведеніяхъ и жестокостяхъ, которыя будто бы употреблялъ патріархъ при введеніи въ церковь своихъ новоисправленныхъ книгъ. Эта глава, не имѣющая никакой прямой связи съ Исторіей Выговской пустыни, написана, какъ замѣтилъ самъ издатель (стр. XII), до того нелѣпо и высокопарно, съ такою злостію

противъ Никона и съ такимъ пристрастіемъ къ расколу, что едва ли ее можно считать произведеніемъ Ивана Филиппова, который, по справедливому замѣчанію Александра Б. (опис. ч. I., стр. 203), рѣзко отличается отъ другихъ раскольническихъ писателей спокойствіемъ и умѣренностію, правдивостію и безпристрастіемъ, уваженіемъ и почтительностію къ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ рѣчь идетъ о разныхъ расколоучителяхъ, будто бы пострадавшихъ отъ Никоновыхъ учениковъ, и въ числѣ этихъ лицъ упоминается Игнатій Соловецкій, Пименъ, Даніилъ Викулинъ, Епифаній и другіе, о которыхъ рѣчь идетъ и въ дальнѣйшихъ главахъ, начиная съ 19-й, которою собственно и начинается сочиненіе Филиппова—по нашей рукописи. Что же это значитъ? Къ чему Филиппову нужно было говорить объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, и притомъ одно и тоже, въ разныхъ главахъ одного и того же сочиненія? А подобныхъ повтореній множество. Вотъ одно для примѣра *самое замѣтное*. Во 2-й главѣ (стр. 23) читаемъ о митрополитѣ новгородскомъ Макаріѣ слѣдующее: „егда бысть на Никоновомъ соборищи, колебашеся и той, яко піянъ, страха ради, аще и неволею, бояся прещенія и мукъ и сана изверженія и ссылки и заточенія и бояся царскаго гнѣва и отъ Никона оклеветанія. И той яко человѣкъ поползеся внесенныя Никономъ новости пріяти. Охъ прелести твоея душегубительныя, мірская славо; аще и сумнѣніемъ томимъ, но книги новопечатныя пріятъ отъ Никона и взя и привезе съ собою въ великій Новградъ во архіерейскій свой домъ Премудрости Божіей, и его архіерейскаго дома казначій и ключарь, мужіе великаго книжнаго разсужденія бяху и духовны видяще сіе

вельми о томъ опечалишася и смутишася и съ великою печалiю приступльше, моляху Макарiя глаголюще: молимъ тя Владыко, не попусти сего новаго яда на сыновъ твоея пасты, но скрый сiе Никоново новолюбное жало въ нѣдрахъ земли общѣя нашея матери, яже присно помогаетъ летающей отъ змiя, Iсусовѣ прекрасной нѣвѣстѣ церкви Христовѣ; сiя же слыша Макарiй стыдомъ лице свое покрываше, яко дерзну прiяти новостiю поврежденныя книги Никономъ; того ради повелѣ оныя затворити во едину отъ полатъ, близъ Софiйскаго дому и двери тыя запечатати своею архiерейскою печатiю. И бяше сокровенъ Никоновыхъ новостей ножъ въ каменныхъ полаты тоя ножнахъ и Арсенiево жало въ крѣпкихъ стѣнахъ хранящеся. Тѣмъ же аще и шумяше Никоновыхъ новостей громъ по всей Россiи, обаче въ области великоновоградской епархiи не слышахуся страшныя его гласы, якоже въ прочихъ епархiяхъ, зане Макарiй митрополитъ удержа у себе новыя книги, данныя ему отъ Никона; хотя въ то время оной митрополитъ Макарiй отъ Никона и прочихъ новолюбителей многое порицанiе и озлобленiе претерпѣ въ животѣ своемъ.“ Въ главѣ 19-й, которою, повторимъ, начинается въ нашей рукописи исторiя Ивана Филиппова, говорится о Макарiѣ слѣдующее: „доколѣ же бѣ въ Новоградѣ Макарiй митрополитъ, мужъ кроткiй и благоразумный и древлецерковнаго благочестiя добрый исповѣдникъ, дотолѣ въ новогородской епархiи и олонецкомъ уѣздѣ, вси древнихъ церковныхъ преданiй хранители Никоновыхъ новинъ непринимаху и старопечатныя безъ боязни содержаху книги и по нимъ славословiе Божiе совершающе въ мирѣ и тишинѣ пребываху, той бо митрополитъ аще и бѣ на Никоновомъ

соборищи и боязни ради неволею подписася на отверженіе древнихъ уставовъ, яже Никонъ отложи; обаче пришедъ во свою митрополію, въ великій Новградъ, новопечатныя книги и двочастный крестъ, по совѣту иконома своего и ризничаго и прочихъ благосовѣстныхъ священнаго сана мужей, вложи въ едину нѣкую палату и заключи ю и запечата, да Никоново новшество, при животѣ его въ великомъ Новѣградѣ и въ окрестныхъ монастырехъ и въ предѣлехъ его не разсѣяно будетъ; самъ же древлепечатныя книги содержаше и по тѣмъ церковную совершаше службу" (стр. 79 и 80). Всякій согласится, что кромѣ „яда, жала, змія, ножа, громовъ" и подобныхъ высокопарныхъ до нелѣпости выраженій, въ 19-й главѣ говорится о Макаріѣ тоже самое, что̀ и во 2-й главѣ. Чѣмъ же объяснить подобныя повторенія? — Тѣмъ только и можно, что первыя 18 главъ, помѣщенныя въ изданіи Кожанчикова, составляютъ отдѣльное сочиненіе отъ Исторіи Выговской пустыни, и слѣдовательно не принадлежатъ Ивану Филиппову. Тѣмъ болѣе необходимо допустить это, что 19 глава составляетъ приступъ къ дальнѣйшимъ главамъ,— такой же, какой находится и въ 1-й главѣ, составляющей приступъ къ слѣдующимъ 17 главамъ. А это прямо показываетъ, что съ этой главы (19) начинается новое сочиненіе. Трудно сказать, кому принадлежатъ первыя 18 главъ, помѣщенныя въ изданіи г. Кожанчикова. Ихъ витіеватый до напыщенности слогъ, нелѣпости, передаваемыя въ этихъ главахъ про Никона, ненависть писателя къ православію, доходящая до дерзкихъ выходокъ противъ него,—все это такъ и наводитъ мысль на Семена Денисова, который былъ знакомъ „съ грамматическимъ и риторическимъ искуствомъ,"

но злоупотреблялъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ до крайности и преимущественно предъ другими раскольническими писателями отличался враждою къ православію, пристрастіемъ къ расколу и возмутительною живостью (¹). Въ Каталогѣ Павла Любопытнаго говорится, что Семенъ Денисовъ написалъ, между прочимъ, „пылкое, занимательное и убѣжденіемъ горящее отвѣтное слово внѣшнимъ о разномъ ихъ насиліи и явномъ тиранствѣ, чинимымъ по своей дерзости и невѣжеству благочестивымъ староверамъ и старообрядцамъ за вѣрованіе ихъ по Духу Христовой Церкви и священіе его догматовъ и обрядовъ.“ Содержаніе 18 главъ, о которыхъ идетъ рѣчь, соотвѣтствуетъ этому заглавію; въ нихъ говорится о раскольникахъ, сгорѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ, будто бы вслѣдствіе преслѣдованія ихъ со стороны православныхъ. Это — какъ бы продолженіе Винограда Россійскаго. Кстати о самосожигательствѣ раскольниковъ. Въ предисловіи къ „Исторіи Выговской пустыни“ говорится объ этомъ предметѣ слѣдующее: „многіе предполагали, что самосожженіе былъ особенный раскольническій догматъ. Если принять это за положеніе, то въ подтвержденіе его должны быть въ исторіи раскола факты, доказывающіе, что раскольники сожигались сами собой, единственно изъ догматическаго убѣжденія—для спасенія души своей, или потому, что велѣли такъ ихъ учители: это все равно. Если бы это было такъ, то у насъ были бы факты самосожженія добровольнаго, возбужденнаго этимъ ученіемъ, внѣ всякихъ другихъ, побуждающихъ къ тому причинъ. Мы такихъ фактовъ не встрѣтили. Напротивъ мы находимъ

(¹) Опис. Алек. Б. ч. I. стр. 90.

факты, доказывающіе положительно, что самосожженіе было не догматъ, не ученіе, а крайнее выраженіе борьбы съ сильнѣйшею властію, слѣдствіе убѣжденія въ своемъ безсиліи, въ невозможности избѣгнуть отъ наказанія,—средство уравнять свое безсиліе пожертвованіемъ личностей. Что предшествовало самосожженію? Извѣстіе, что идутъ подъячіе, начальники съ солдатами и понятыми—захватить укрывающихся раскольниковъ; за тѣмъ слѣдовало соглашеніе раскольниковъ не отдаваться въ руки гонителей. Но чѣмъ противустоять силѣ? Они сбираются вмѣстѣ въ часовнѣ, въ церкви, въ избѣ, или въ ригѣ, загораживаютъ себя бревнами, заборами, прокладываютъ вездѣ смольемъ и соломою, запираютъ двери, окна, ворота, укрѣпляютъ ихъ перекладинами, бревнами, крѣпкими задвижками, и ожидаютъ своихъ гонителей; только при ихъ появленіи и только при нападеніи ихъ зажигался безчеловѣчный огонь, въ которомъ погибали они съ своими отцами, женами и дѣтьми. „Отойдите, кричали они гонителямъ, оставьте насъ, или мы сгоримъ“. Были случаи, что гонители отходили и самосожигатели не сожигались и оставляли свое намѣреніе. Всѣ извѣстные случаи самосожженія были всегда и не иначе какъ въ виду явившихся для захваты раскольниковъ воинскихъ командъ и, большею частію во время нападенія ихъ на жилища раскольниковъ. Что заставляло тогда нѣкоторыхъ фанатиковъ, увлекавшихъ съ собой не свѣдущихъ сельскихъ жителей, принимать такую страшную мѣру? Отвѣтъ на это они сами даютъ, описывая исторически вѣрное изображеніе формы современнаго преслѣдованія раскольниковъ: „вездѣ чепи брячаху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служаху: вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической

повседневно омочахуся. Проповѣдницы Никоновыхъ новинъ, яростію, гнѣвомъ и мучительствомъ, вмѣсто кроткаго духа дышаху: битіемъ и ранами, а не благодатію Христовою увѣщеваху: лукавствомъ и коварствомъ злобнымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привождаху, и отъ таковаго насилованнаго лютаго мучительства обліяхуся вся грады кровію; утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ стенаніи и плачи и въ стонаніи пустыни и дебри... Иные страдали за вѣру, другіе укрывались, кто куда могъ", иные при появленіи наѣзда гонителей „съ оружіемъ и пушками" боящеся ихъ мучительства, сами сожигахуся". Вотъ объясненіе самосожигательства, обнаруженное раскольниками и подтвержденное фактами, изложенными въ главахъ 3, 4, 7 и 8 по 18-ю рукописи Ивана Филипова. Факты эти вѣрны, потому что подтверждаются также множествомъ слѣдственныхъ дѣлъ того времени, сохранившихся и до насъ дошедшихъ; по этимъ дѣламъ сверхъ того видно, что всѣ случаи самосожженія возбуждены были арестованіемъ раскольниковъ, и преимущественно за два предмета: за распространеніе раскола и за не платежъ податей, или двойнаго оклада, положеннаго съ раскольниковъ" (¹). Таковъ взглядъ издателя „Исторіи Выговской пустыни" на самосожигательство раскольниковъ,— взглядъ нужно сказать не новый, но преувеличенный до крайности. Еще въ началѣ *прошедшаго* года въ одномъ свѣтскомъ журналѣ (²) былъ высказанъ подобный же взглядъ на разсматриваемый предметъ. „Есть поводъ думать, говорилось въ этомъ журналѣ, что не одно толь-

(¹) **Пред. стр. V—VII.**
(²) **Русскій Вѣст. Совр. Лѣтоп. № 4.**

ко невѣжество и не одинъ религіозный фанатизмъ побуждали раскольниковъ приступать къ такому отчаянному рѣшенію: *въ иныхъ случаяхъ* самосожигатели ссылались на притѣсненія чиновниковъ и мѣстнаго духовенства въ преслѣдованіи раскола". Эту отчасти справедливую мысль издатель „Исторіи Выговской пустыни" распространилъ на всѣ случаи самосожигательства раскольниковъ и утверждаетъ, что оно происходитъ не изъ догматическаго ученія заблуждающихъ, а вслѣдствіе преслѣдованія раскола со стороны православія. Что усиленное и неосторожное употребленіе противъ раскольниковъ строгихъ мѣръ чиновниками и мѣстнымъ духовенствомъ было иногда причиной (внѣшней) самосожигательства раскольниковъ, этого отвергать нельзя. Стоитъ прочитать указъ 1761 г. 19 іюня и другой 1762 г. 1 февраля, чтобы убѣдиться, что раскольники сожигались иногда, какъ сами они говорили „отъ причиняемыхъ имъ по одному ихъ расколу притѣсненій и забиранію подъ караулъ" (¹). Но *всѣ случаи* самосожигательства и другихъ родовъ самоубійства раскольниковъ объяснять одними преслѣдованіями раскола—значитъ просто не знать этихъ случаевъ. Г. Кожанчиковъ говоритъ, что онъ не нашелъ фактовъ въ исторіи раскола, которые бы доказывали, что раскольники сожигались сами собой, единственно изъ догматическаго убѣжденія. Очень можетъ быть, только это не значитъ, чтобы такихъ фактовъ не было. Въ 18 первыхъ главахъ изданной имъ „Исторіи Выговской пустыни" дѣйствительно нѣтъ ни одного случая, когда бы раскольники сожглись сами собой, а не въ слѣдствіе опасенія

(¹) Пол. Собр. Зак. т. XV, №№ 11, 277 и 11, 434.

попасть въ руки сыщиковъ. Но за чѣмъ же такъ довѣрчиво смотрѣть на разсказы писателя этихъ главъ, за чѣмъ было не обратиться къ другимъ сочиненіямъ о томъ же предметѣ и не разъяснить дѣла, заслуживающаго полнаго вниманія? Мы беремъ на себя трудъ указать г-ну Кожанчикову случаи самосожигательства и другихъ родовъ самоубійства раскольниковъ, которые покажутъ, что взглядъ его на этотъ предметъ крайне преувеличенъ и даже несправедливъ. Въ концѣ XVII в. появляется въ Сибири одинъ расколоучитель, по имени Дометіанъ (попъ, прежде бывшій православнымъ), который начинаетъ проповѣдывать поселянамъ, чтобы всѣ они оставляли церкви и домы свои и бѣжали къ нему въ пустыни, потому что настало царство антихриста и скоро будетъ второе пришествіе Христа. Но такъ какъ еще прежде Дометіана въ Сибири проповѣдывали другіе расколоучители, которые между прочимъ, заповѣдывали ученикамъ своимъ предавать себя на добровольное огненное сожженіе, которое фанатики называли вторымъ крещеніемъ,—то собравшіеся къ Дометіану поселяне въ числѣ 1700 человѣкъ стали требовать, чтобы онъ совершилъ надъ ними это второе крещеніе. „Собралось ко мнѣ въ пустыню, писалъ Дометіанъ постригшему его въ иночество чернецу Иванищу, добродѣтельные мужи и жены, дѣвы и отроки, и всѣ просятъ втораго не оскверняемаго крещенія огнемъ,--что повелитъ твоя святыня?“ Иванище отвѣчалъ просто и коротко: „заварилъ кашу, ну и ѣшь ее, какъ хочешь.“ Тогда Дометіанъ началъ приготовляться къ сожженію себя и своихъ учениковъ, велѣлъ наносить въ избы разныя удобосгараемыя вещества: смолу, бересть, ленъ, сѣру, порохъ. И несмотря на то, что не только никто не пре-

слѣдовалъ указанныхъ раскольниковъ, но еще посланные отъ Сибирскаго митрополита Павла, услышавшаго о намѣреніи раскольниковъ, священники и другія лица убѣждали ихъ не губить себя, Дометіанъ съ 1700 человѣкъ все-таки сгорѣлъ (1). Точно также, безъ всякаго преслѣдованія со стороны православныхъ, сгорѣлъ другой сибирскій расколоучитель Васька Шапошникъ— вмѣстѣ съ своими учениками (2). Преосв. Игнатій Тобольскій разсказываетъ еще случай добровольнаго, независимаго ни отъ какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, самосожигательства раскольниковъ. Въ нижегородской губерніи, въ двухъ дворцовыхъ селахъ: Княгининѣ и Мурашкинѣ раскольники условились предать себя на сожженіе. Въ назначенный день всѣ они собрались въ одно гумно и, связавъ себя веревками человѣка по два и по три вмѣстѣ, вошли, какъ выражается Игнатій, „въ храмину хлѣбнаго просушительства, сирѣчь въ овинъ“ и, взобравшись на колосники, послали двухъ человѣкъ зажечь овинъ. Овинъ былъ зажженъ и всѣ погибли въ пламени кромѣ посланныхъ, которыхъ страхъ не допустилъ вскочить въ горѣвшій уже овинъ. Преосвященный прибавляетъ, что всѣ приготовленія къ сожженію раскольники дѣлали тайно, такъ что изъ православныхъ никто даже и не зналъ объ ихъ намѣреніи (3) Св. Дмитрій Ростовскій передаетъ въ своемъ Розыскѣ (4) еще нѣсколько случаевъ саможигательства раскольниковъ, бывшихъ въ началѣ XVIII в. Раскольники-крестьяне сожигались, не смотря на то, что помѣщики ихъ на-

(1) Игнат. Митр. Тобол. посланіе III гл. 31.
(2) Тамъ же гл. 33.
(3) Тамъ же гл. 27.
(4) Ч. III, 24 гл.

рочно пріѣзжали отклонить заблуждавшихъ отъ пагубнаго намѣренія. Протоіерей Андрей Іоанновъ разсказываетъ поразительный случай — подобнаго рода. Въ 1781 г. во время пасхи один ъ раскольникъ Кіевской губерніи, въ слободѣ Злынкѣ, перекрестилъ свою беременную жену и троихъ дѣтей, а потомъ въ слѣдующую ночь убилъ ихъ сонныхъ. На утро, явившись въ правленіе, онъ смѣло объявилъ свое преступленіе, говоря: „я мучитель былъ своимъ, а вы будете мнѣ; итакъ онѣ отъ меня, а я отъ васъ пострадаю, и будемъ въ купѣ за старую вѣру въ царствѣ небесномъ мученики“ (¹). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ замѣчательный случай добровольнаго самоубійства раскольниковъ въ саратовской губерніи. Какой-то бродяга, по имени Фалалей, послѣдователь глухой нѣтовщины, явился близъ села Копена и внушилъ свои мысли о добровольномъ самоубійствѣ, какъ единственномъ въ настоящее антихристово время условіи спасенія, сыну одного крестьянина, по имени Алексѣю, который въ свою очередь нашелъ не мало послѣдователей этому ученію между крестьянами. Вскорѣ рѣшено было всѣми: приготовить въ уединенномъ мѣстѣ близъ рѣчки Перевозинки пещеру и, собравшись въ ней, заморить себя голодомъ. По счастію, отецъ Алексѣя, Яковъ Евимовъ Юшкинъ, узналъ о намѣреніи своего сына и, наказавъ его розгами, остановилъ на время дѣло. Но когда Евимовъ отправился (въ 1802 г.) по дѣламъ своимъ въ Пензу, Алексѣй снова приступилъ къ исполненію своего намѣренія, уговоривъ своихъ послѣдователей въ числѣ 84 человѣкъ разнаго пола и возраста

(¹) Полн. истор. извѣстіе ч. II, стр. 147—8. изд. 1799 г.

уйти тайно ночью въ приготовленную пещеру. Когда всѣ вошли въ нее, Алексѣй сталъ увѣщевать ихъ быть твердыми въ своемъ намѣреніи, увѣряя, что „для душъ ихъ отверзаются врата рая.“ Въ самой пещерѣ сложено было много соломы и хворосту для того, чтобы въ случаѣ розыска или, какъ говорилъ Алексѣй, погони отъ антихриста, не попасть живыми въ руки его слугъ, но тотчасъ зажечь солому и хворость и задушиться. Неожиданный случай еще разъ спасъ заблуждающихъ отъ ужасной смерти. Одна изъ бывшихъ тутъ женщинъ, пораженная мыслію о предстоящей участи, стала просить Алексѣя отпустить ее на рѣку, чтобы напоить умиравшаго отъ жажды ребенка; а между тѣмъ, пользуясь темнотою ночи, она сперва скрылась, по выходѣ изъ пещеры, въ кустарникахъ, потомъ вышла въ поле и, нашедши ночевавшихъ тутъ людей, объявила, что Алексѣй Юшкинъ привелъ на Перевозинку много людей и хочетъ заморить ихъ въ пещерѣ голодомъ. Поселяне тотчасъ же дали знать объ этомъ бурмистру и священнику, которые немедленно собрали народъ и послали на указанное мѣсто. И такъ какъ женщина предварила, что если сидѣвшіе въ пещерѣ замѣтятъ производимый за ними поискъ, то немедленно зажгутъ солому и хворость и погибнутъ въ огнѣ,—поэтому посланные постарались подойти къ пещерѣ предъ утренней зарей и, сколько возможно, тихо. Въ это время Алексѣй Юшкинъ былъ зачѣмъ-то на берегу рѣчки. Увидѣвъ толпу, направляющуюся къ пещерѣ, Юшкинъ опрометью побѣжалъ туда, крича: „антихристъ идетъ, спасайтесь, не давайтесь живые въ руки“. Самъ же между тѣмъ бросился въ рѣку и старался захлебнуться, но былъ вытащенъ. Сидѣвшіе въ пещерѣ зажгли солому

и хворостъ, чтобы задохнуться въ дыму. Видя, что увѣщанія выйти изъ пещеры не дѣйствуютъ на раскольниковъ, поселяне стали заливать огонь чрезъ отверстіе и силою вытаскивать сидѣвшихъ въ пещерѣ. Къ сожалѣнію, отверстіе было такъ мало, что чрезъ него можно было только пролѣзть человѣку. Произошло страшное смятеніе. Изувѣры пришли въ изступленіе и стали вырываться изъ рукъ спасителей, рубить себѣ пальцы и под. Одинъ крестьянинъ, схвативъ дѣвочку, ударилъ ее о камень, но къ счастію не убилъ до смерти; потомъ схватилъ мальчика и ударилъ также о камень и убилъ до смерти, говоря при этомъ: „за Христа убиваю". Скоро впрочемъ самоубійцы были обезоружены и спасены. Главный виновникъ всего Алексѣй Юшкинъ былъ сосланъ на островъ Эзель, убившій мальчика — роскольникъ—въ монастырь на покаяніе, а остальные прощены и отданы подъ надзоръ вотчиннаго начальства. Но этимъ дѣло не кончилось. Сперва тайно, а потомъ и гласно стало опять распространяться между крестьянами гибельное ученіе; явился новый учитель Исай Алексѣевъ, а за тѣмъ освободился изъ подъ церковнаго покаянія раскольникъ, убившій мальчика, и сталъ помогать Алексѣеву въ проповѣди. Когда же ихъ сослали (въ 1822 г.) въ Сибирь за распространеніе раскола, явился въ село Копену (около 1826 г.) старый проповѣдникъ самоубійства, Алексѣй Юшкинъ, освобожденный изъ ссылки Императоромъ Александромъ Павловичемъ чрезъ посредство Аракчеева. Впрочемъ Юшкинъ недолго находился въ Копенѣ. Скрывшись неизвѣстно куда-то, онъ оставилъ вмѣсто себя сына своего Ивана проповѣдникомъ ученія о самоубійствѣ. И вотъ въ 1827 г. молодой Юшкинъ, вѣрный ученію изувѣрнаго отца, съ жа-

ромъ принялся за исполненіе его плановъ. Онъ уговорилъ предаться самоубійству около 60 человѣкъ раскольниковъ, обѣщая собственноручно препроводить ихъ въ царство небесное. Въ овинѣ на конопляннникѣ несчастные одинъ за другимъ клали головы на плаху и Юшкинъ хладнокровно наносилъ имъ смертные удары. Такъ погибло 35 человѣкъ и погибли бы всѣ, тамъ собравшіеся, если бы одна женщина, ужаснувшаяся кроваваго зрѣлища, не ударила въ набатъ. Сбѣжавшійся народъ спасъ остальныхъ. На допросахъ Юшкинъ былъ спокоенъ, какъ будто бы ни въ чемъ не виноватый. Наказанный, онъ былъ сосланъ въ каторжную работу (1). Наконецъ укажемъ еще нѣсколько случаевъ самосожигательства раскольниковъ, бывшихъ въ недавнее время. Въ 1860 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, одинъ изъ казанскихъ мѣщанъ, тайно принадлежавшій къ расколу, затопивши у себя дома печь, голый бросился въ нее, мгновенно былъ охваченъ пламенемъ и, прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ войти въ комнату, сгорѣлъ. Въ томъ же году 13 декабря крестьянинъ деревни Бурковой, Можайскаго уѣзда, Яковъ Григорьевъ, разложивъ костеръ дровъ въ своемъ овинѣ, поджегъ его и, нанеся себѣ нѣсколько ударовъ топоромъ на ногахъ и на лѣвой рукѣ, легъ животомъ на горѣвшій костеръ, но, будучи не въ силахъ вынести боль, сталъ кричать. На крикъ сбѣжались сосѣди и сняли вольнаго мученика съ костра. Григорьевъ объявилъ, что хотѣлъ страдать для спасенія своей души и грѣшнаго тѣла (2). Много можно было бы указать и другихъ случаевъ, но до-

(1) Прав. Собесѣд. 1861 г. апр. стр. 433—441.
(2) Рус. Вѣст. Соср. Лѣтоп. 1861 г. № 4.

вольно. И изъ указанныхъ всякій можетъ видѣть, что объяснять самосожигательство и другіе виды самоубійства раскольниковъ одними преслѣдованіями заблуждающихъ — значитъ не знать ни исторіи раскола, ни ученія раскольниковъ. Если же ко всему сказанному прибавить еще то обстоятельство, что самосожигательство свойственно только *нѣкоторымъ* раскольническимъ сектамъ, хотя законы одинаково простираются *на всѣхъ*, и притомъ совершается въ мѣстахъ, гдѣ не употреблялись противъ раскола особенно строгія мѣры и притѣсненія, и въ такое время, когда законы были очень снисходительны къ раскольникамъ, — въ такомъ случаѣ еще яснѣе откроется несправедливость мысли, будто самосожигательство происходитъ не изъ ученія раскольниковъ, а отъ однихъ внѣшнихъ причинъ, отъ насилія и притѣсненій расколу. Нѣтъ, побужденіямъ къ самосожигательству и другимъ видамъ самоубійства *въ большей части случаевъ* служатъ для раскольниковъ-безпоповцевъ не внѣшнія гоненія, даже не умопомѣшательство религіозное, не фанатизмъ, — а то несчастное убѣжденіе, будто нынѣ царствуетъ на землѣ антихристъ, который оскверняетъ своимъ богоборнымъ духомъ все,—не только всѣ предметы и священныя дѣйствія Православной Церкви, но и всѣ правительственныя учрежденія и распоряженія, всю гражданскую и семейную жизнь, даже до пищи. Мало это: есть секты въ расколѣ, которыя убѣждены, что антихристомъ осквернены скоты, звѣри, самыя стихіи: земля, воздухъ, вода и пр... (1) Какъ такой мрачный взглядъ на все окружающее можетъ довести раскольника до самоубійства, это довольно об-

---

(1) Пол. Ист. Изв. Іоаннова ч. II, стр. 176—7.

стоятельно объяснено въ статьѣ „о самосожигательствѣ раскольниковъ“, помѣщенной въ Православномъ Собесѣдникѣ (1). Рекомендуемъ прочитать эту статью издателю „Исторіи Выговской пустыни“, и тогда онъ узнаетъ, что самосожигательство раскольниковъ имѣетъ основаніе въ ихъ догматическомъ ученіи, хотя усиленію его могутъ благопріятствовать и внѣшнія причины, особенно притѣсненія раскола.

И. Нильскій.

(1) Апрѣль 1861 г.

О НАЦІОНАЛЬНОМЪ И РЕЛИГІОЗНОМЪ ДВИЖЕНІИ
РУССКАГО НАРОДА ВЪ ГАЛИЦІИ.

Противодѣйствіе со стороны русской національности въ Галиціи натиску полонизма всегда было въ большей или меньшей степени, смотря по обстоятельствамъ. Поляки никогда не хотѣли признавать русскихъ особымъ народомъ, но смотрѣли на нихъ, какъ на отрасль того же польскаго народа, только огрубѣвшую — охолопившуюся. Съ этою цѣлію (такъ какъ образованный классъ народа и имѣвшій болѣе моральной и правительственной власти всегда стоялъ на сторонѣ поляковъ), они старались соединить русскихъ съ собою въ политическомъ отношеніи посредствомъ языка, вводя оный въ суды и школы,—въ религіозномъ отношеніи—посредствомъ распространенія латинскихъ обрядовъ и догматовъ въ уніатской церкви. Въ 1840-хъ годахъ текущаго столѣтія національность русскихъ почти совсѣмъ была подавлена; въ школахъ, даже сельскихъ, почти совершенно не учились по русски, чиновники въ правительственныхъ мѣстахъ, даже духовныя особы въ ихъ консисторіяхъ не могли и не смѣли говорить, не только писать по русски; метрическія книги въ церквахъ ведены были на польскомъ или латинскомъ языкѣ, многіе изъ священниковъ уніатскихъ не умѣли даже читать богослужебныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ, и

потому вводили въ русскіе приходы чисто латинское богослуженіе; проповѣди вездѣ произносимы были къ народу на польскомъ языкѣ. Были по временамъ нѣкоторые поборники національности и восточнаго вѣроисповѣданія въ Галиціи изъ духовныхъ, но ихъ было три—четыре человѣка, и на нихъ смотрѣли какъ на полусумасшедшихъ, и они не могли произвести никакого вліянія на народъ. Въ такомъ положеніи было дѣло до 1848 года. Когда въ этомъ году объявлена была правительствомъ равноправность національностей и вѣроисповѣданій, поднялся и руской народъ. Первою мыслію духовенства, такъ какъ оно стояло, и доселѣ одно стоитъ во главѣ національнаго движенія русскихъ, было завести по всѣмъ сельскимъ приходамъ русскія школы; въ одинъ—два года заведено было такихъ школъ до тысячи. Не только духовенство, но и весь, хотя небольшой, образованный классъ русскаго народа, до сихъ поръ называвшійся польскимъ, заговорилъ по-русски; появились въ первый разъ въ Галиціи русскія туземныя газеты, русскія книги, выразилось желаніе основать народный домъ въ Львовѣ, гдѣ бы была русская семинарія, русскій университетъ, русская публичная библіотека, русскій музей, русская церковь, русское казино. Этотъ русскій народный домъ, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ Львовѣ, теперь приведенъ почти къ окончанію, стоитъ больше милліона гульденовъ и весь выстроенъ на счетъ русскаго народа по вкладамъ, сборамъ и подаяніямъ. — Тогда губернаторомъ Галиціи былъ графъ Стадіонъ; народъ русскій много одолженъ ему; онъ первый, какъ не полякъ, призналъ оффиціально національную самостоятельность въ Галиціи русскаго народа, а извѣстный русскій ученый

и исторіографъ Діонисъ Зубрицкій тогда же издалъ этнографическое описаніе Галиціи и фактически доказалъ, раздѣливъ Галицію на восточную и западную,—что на одинъ милліонъ поляковъ въ Галиціи русскаго народонаселенія до двухъ съ половиною милліоновъ. Вмѣстѣ съ національнымъ движеніемъ русскихъ въ Галиціи проявилось, какъ естественное слѣдствіе, и религіозное движеніе. Духовенство обратилось къ старинѣ, къ обрядамъ восточной Церкви, къ славянскому богослужебному языку, къ народному языку въ проповѣдяхъ. Враги русской національности—поляки, особенно римско-польское духовенство, ласкавшее себя близкою надеждою совершенно ополячить русскихъ и, испугавшись теперь отдѣленія ихъ отъ себя какъ въ политическомъ, такъ и религіозномъ отношеніи, очернили ихъ предъ римскимъ дворомъ и австрійскимъ правительствомъ, какъ самыхъ отчаянныхъ схизматиковъ (православныхъ) и москалей. Папа послалъ для разбора церковныхъ дѣлъ извѣстнаго польскаго емигранта Терлецкаго, перешедшаго изъ католиковъ въ уніаты и сдѣлавшагося уніатскимъ священникомъ съ цѣлію соединенія всѣхъ славянъ подъ главенствомъ папы. Терлецкій, не доѣхавъ до Галиціи, былъ схваченъ саксонскимъ правительствомъ въ Дрезденѣ, какъ политическій агентъ, и, послѣ заключенія въ тюрьмѣ, такъ какъ и австрійское правительство, опасаясь его политическихъ тенденцій, не допустило ему въѣздъ въ Австрію, изъ Дрездена долженъ былъ возвратиться въ Бельгію и потомъ въ Парижъ, гдѣ основалъ русскую уніатскую церковь. Австрійскому правительству тоже не нравилось національное движеніе русскихъ, потому что оно было не только славянское, но и русское, высказывавшееся въ

пользу Россіи и православія; но по обстоятельствамъ оно до времени не могло ничего сдѣлать и молчало. Началась реакція; въ управленіе внутреннею политикою Австріи вступилъ министръ Бахъ, конституція была уничтожена, Австрія была провозглашена одною нѣмецкою державою, народности изчезли предъ всепоглощающимъ германизмомъ. Тогда началось снова угнетеніе или совершенное уничтоженіе и русской національности и церкви въ Галиціи. Собственно нѣмецкое народонаселеніе въ Австріи сравнительно съ другими національностями незначительно и не въ состояніи само съ ними справиться; обыкновенно оно употребляетъ для сего другія націи, руководясь извѣстнымъ правиломъ: divide et impera: такъ и въ дѣлѣ съ галицкими русскими оно употребило поляковъ. Въ Галицію назначенъ былъ губернаторомъ графъ Голуховскій. Согласно съ видами правительства онъ дѣйствовалъ противъ русской національности въ Галиціи, какъ самый рьяный полякъ. Водворяя въ школахъ и судахъ нѣмецкій языкъ, какъ языкъ правительственный, онъ старался всюду вводить вмѣстѣ и языкъ польскій, представляя оный правительству языкомъ, господствующимъ въ цѣлой Галиціи; языкъ русскій совершенно былъ оставленъ въ школахъ, русскія газеты были запрещены; осталась одна русская оффиціальная газета, поддерживаемая самимъ правительствомъ и издаваемая въ Вѣнѣ, но она была писана такимъ языкомъ, котораго сами русскіе не понимали. Русскія книги перестали выходить, потому что предписано было не писать инымъ языкомъ, кромѣ того, который употребляется въ оффиціальной газетѣ, а имъ никто не хотѣлъ писать; даже гражданскія буквы были запрещены, какъ московскія и пото-

му опасныя, а дозволено было печатать книги только церковнославянскими буквами. Говорившій по-русски едва не почитался измѣнникомъ государству, а неспокойнымъ человѣкомъ, москалемъ — непремѣнно. Проповѣдывать по церквамъ опять начали по-польски, метрическія книги писать по-польски или латински, всякое русское движеніе дѣлалось тяжкимъ преступленіемъ. Такъ во время крымской компаніи нѣсколько человѣкъ русскихъ поселянъ обратились къ одному священнику съ просьбою помолиться въ церкви за успѣхъ русскаго воинства; дѣло было въ самомъ глухомъ и отдаленномъ приходѣ, о которомъ прежде и знать мало знали, но подняло такую суматоху, что сейчасъ о немъ дали знать и въ Вѣну и въ Римъ. Бѣднаго священника засудили, лишили мѣста, а приходъ подпалъ самому строгому надзору. Въ то же время русскіе молодые гимназисты открыли у себя въ Львовѣ литературныя собранія. Эти собранія такъ напугали и поляковъ и правительство, что, придавши имъ значеніе политичекое, многихъ молодыхъ 14—16-лѣтнихъ мальчиковъ посадили въ крѣпость, другихъ исключили изъ гимназіи съ рѣшеніемъ не опредѣлять ни въ какія учебныя заведенія, чтобы при наступленіи годовъ конскрипціи взять ихъ въ солдаты. Чтобы совершенно искоренить всякую русскую національность въ Галиціи, нѣмцы, наущаемые поляками, придумали наконецъ самое сатанинское средство—лишить народъ своего языка и своей письменности. Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и вѣроисповѣданій посланъ былъ изъ Вѣны въ Львовъ одинъ чехъ чиновникъ Иречекъ съ предписаніемъ собрать вмѣстѣ всѣхъ польскихъ и русскихъ литераторовъ и ученыхъ и въ этомъ собраніи рѣшить вопросъ: какой

языкъ и какое правописаніе дать русскимъ? Правительствомъ были уже подготовлены къ этому и дѣятели, разумѣется, всѣ—поляки, а изъ русскихъ главные смотрители училищъ Черкавскій, Полянскій; отъ духовенства уніатскаго не ожидали противодѣйствій; составленъ былъ и планъ: ввести въ употребленіе русскій языкъ болѣе передѣланный на польскій и русское правописаніе замѣнить латинскимъ, послѣ перевесть богослужебныя книги на этотъ народный языкъ и напечатать ихъ тоже латинскими письменами, такъ чтобы нигдѣ и духу не было кирильской русской письменности. Собраніе было открыто торжественно подъ предсѣдательствомъ самаго губернатора графа Голуховскаго. Казалось, все должно было исполниться по желанію поляковъ и правительства; но здѣсь неожиданно спасъ русскую національность и церковь отъ совершеннаго истребленія патріотическій голосъ русскаго духовенства, того загнаннаго духовенства, которое было оставлено поляками въ совершенномъ презрѣніи. Каноники львовскіе Куземскій, Малиновскій, священникъ и профессоръ Головацкій сильно возстали противъ предложенія министерства, особенно первый. Въ пламенной рѣчи своей къ собранію онъ съ горестію вычислилъ предъ лицемъ самаго губернатора всѣ козни его и польскихъ чиновниковъ противъ русской націи, всѣ интриги, какія они употребляютъ предъ правительствомъ, чтобъ очернить въ глазахъ его народъ русскій, всѣ извращенія ими правительственныхъ распоряженій, служившихъ хотя отчасти къ благу русскихъ, и заключилъ свою рѣчь указаніемъ, что народность русская жива и сильна еще въ Галиціи вопреки ихъ предположеніямъ, что введеніе латинскихъ буквъ вмѣсто русскихъ, исключеніе русска-

го языка, уничтоженіе древне-славянскаго языка при богослуженіи, будетъ принято народомъ за явный насильственный способъ ополячить и олатинизировать его и можетъ произвести въ народѣ, теперь тихомъ, спокойномъ, терпѣливомъ, явныя возмущенія противъ правительства. Собраніе не могло не признать въ словахъ г. Куземскаго и его товарищей голоса истины; слухъ о извращеніи и уничтоженіи русскаго языка сталъ уже волновать народъ и въ Львовѣ и въ его окрестностяхъ; но чтобы не показаться совершенно пораженнымъ и поддержать свой правительственный авторитетъ, собраніе ограничилось перемѣною нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ русскомъ языкѣ, уничтоженіемъ буквы Ъ—и разошлось тихо. Прошолъ еще годъ. Въ 1860 году издано было въ Австріи новое уложеніе, была объявлена конституція и вмѣстѣ съ нею опять была объявлена свобода всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій.—Опять возбудился въ русскомъ народѣ духъ національности, опять пошли новыя интриги поляковъ противу русскихъ. Первая борьба началась при открытіи провинціальнаго сейма въ Львовѣ. Выборы такъ устроены въ Австріи, что большая часть депутатовъ, избранныхъ на сеймъ, выпадаетъ на сторону помѣщиковъ, аристократіи, адвокатовъ и высшаго духовенства; къ сожалѣнію у русскихъ въ Галиціи нѣтъ ни аристократіи, ни помѣщиковъ, ни высшихъ служащихъ лицъ. Когда начались на сеймѣ разсужденія о потребностяхъ страны, о нуждахъ народныхъ, естественно большинство голосовъ оказалось на сторонѣ поляковъ въ ущербъ интересамъ русскаго народа. Послѣ сеймъ провинціальный сталъ избирать депутатовъ на сеймъ государственный въ Вѣну. Депутатами отъ тѣхъ округовъ,

которые населены чисто русскимъ народомъ, поляки, большіе числомъ, чтобы показать Австріи, что они собственно составляютъ народъ въ Галиціи,—постарались избрать простыхъ крестьянъ, которые не умѣютъ ни читать, ни писать, ни слова не понимаютъ по нѣмецки и слѣдовательно по-неволѣ не могутъ возражать противу поляковъ. Но это политическія, можно такъ назвать, внѣшнія продѣлки поляковъ; тамъ же, гдѣ поляки и русскіе живутъ лицемъ къ лицу другъ съ другомъ въ Галиціи, тамъ началась и идетъ внутренняя и упорная борьба.—Не признаваемые поляками за отдѣльный народъ, русскіе тѣмъ сильнѣе во всемъ и вездѣ стараются проявить себя русскими, чѣмъ болѣе встрѣчаютъ противодѣйствій со стороны своихъ противниковъ. Такъ—вмѣстѣ съ открытіемъ сейма началась въ Львовѣ издаваться русская газета „Слово." Языкъ этой газеты уже не тотъ, которымъ издается правительственная русская газета въ Вѣнѣ „Вѣстникъ", которой никто не читаетъ, — но языкъ высокорусскій, образованный, очень близкій къ великорусскому языку; многія статьи пишутся даже на чистомъ великорусскомъ нарѣчіи самими туземцами. Вообще надобно замѣтить, что галицкорусское нарѣчіе ближе подходитъ къ великорусскому, чѣмъ даже наше малороссійское. Причина тому самая простая; — малороссійское нарѣчіе у насъ жило и живетъ въ устахъ не только простаго, но и образованнаго класса народа; оно совершенствуется, измѣняется; оно имѣетъ у насъ не большую, но собственную литературу; у русскихъ въ Галиціи языкъ былъ достояніемъ только простаго народа, литературы не было, единственнымъ русскимъ чтеніемъ народа было священное Писаніе и богослужебныя книги, а клас-

са образованнаго, особенно духовенства — нѣсколько книгъ, по временамъ заходившихъ въ Галицію изъ Великороссіи; слѣдовательно образцомъ языка для нихъ служили тѣ же книги, которыя и у насъ. Но теперь и по другой причинѣ русскіе въ Галиціи оказываютъ наклонность къ великорусской литературѣ. Малорусская литература въ Россіи незначительна; заводить имъ свою отдѣльную литературу въ Галиціи на своемъ нарѣчіи нѣтъ ни средствъ, да и не логично; они видятъ, что великорусская литература по своей обширности возметъ наконецъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми меньшими русскими литературами. Зачѣмъ же вводить новыя попытки духовно дѣлить народъ. Поэтому галицкимъ русскимъ не нравится даже и особенная литература въ Малороссіи; они спорятъ противъ нее, не принимаютъ ее, видя въ этомъ возможность въ послѣдствіи и политическаго дѣленія Руси. А имъ не хочется ее дѣлить. Имъ не нравится даже названіе ни Великоруссіи, ни Малоруссіи, ни Бѣлоруссіи, ни Червонной Руссіи, произшедшее отъ поляковъ и іезуитовъ, и неосторожно принятое великоруссами. Имъ хочется видѣть одну Русь во всѣхъ краяхъ, гдѣ говорятъ по-русски. Въ слѣдъ за газетою появилось и много русскихъ книгъ туземнаго произведенія, которыя только ожидали случая видѣть свѣтъ и постарались воспользоваться благопріятнѣйшими, чѣмъ прежде, обстоятельствами; большая часть этихъ книгъ касается или церкви восточной или исторіи Галиціи. Столкновеніе русскихъ студентовъ съ польскими въ львовскомъ университетѣ и прочихъ школахъ Галиціи выразило внутреннее движеніе и во внѣшнихъ проявленіяхъ. Русскіе открыли въ Львовѣ „Бесѣду Русскую“ или Казино, гдѣ собираются по ве-

черамъ всѣ молодые русскіе люди, литераторы, духовенство, ученое сословіе, выписываютъ и читаютъ всѣ славянскія газеты, декламируютъ стихи и всѣ новѣйшія произведенія русской литературы, поютъ народныя пѣсни, совѣщаются о дѣлахъ, касающихся умственной и церковной жизни народа. Открылись и постоянно открываются подписки на всѣ возможныя патріотическія предпріятія, наприм. подписка на довершеніе народнаго дома, о которомъ говорено было выше, подписка на вспомоществованіе лицамъ духовнаго званія и литераторамъ, на пенсіоны ихъ вдовамъ и сиротамъ, на временное вспомоществованіе студентамъ, на постоянныя стипендіи студентамъ, на заведеніе школъ для дѣвицъ, на заведеніе и умноженіе русскихъ сельскихъ школъ, на постройку и украшеніе церквей. И народъ какъ ни бѣденъ, но охотно жертвуетъ, такъ что собираются большія суммы. Духовенство служитъ душею и двигателемъ всѣхъ этихъ патріотическихъ предпріятій; частные люди отъ себя много заводятъ стипендій. Народная внѣшняя жизнь особенно выразилась во Львовѣ, Коломыѣ и другихъ мѣстечкахъ на святкахъ. Въ Львовѣ дано было два русскихъ бала, происшествіе дотолѣ не слыханное, когда поляки совершенно отвергали существованіе особеннаго русскаго народа въ Галиціи. Большая часть собранія была въ народномъ русскомъ костюмѣ; между игрою, студенты университета и семинаріи пѣли народныя русскія пѣсни и кантаты, нарочно на сей случай сочиненныя, большею частію въ честь поборниковъ народности и настоящаго національнаго движенія, а что самое лучшее—эти балы доставили фонду на вспомоществованіе студентамъ около тысячи гульденовъ.

Народное политическое движеніе или проявленіе политической національной жизни въ русскомъ народѣ, не могло не проявиться и въ церкви, какъ основѣ національности, и здѣсь высказалось оно довольно рѣзко. Сначала появились въ газетѣ „Слово“ статьи одного сельскаго священника г. Наумовича о томъ, что русскій восточный обрядъ въ церкви испорченъ, олатинизованъ, что русскимъ, чтобы быть русскими, должно держаться тѣхъ прежнихъ обрядовъ церкви, которые были при введеніи уніи, что нововведенія въ церкви должно выбросить. При общемъ стремленіи возстановить національность это было, можно сказать, сигналомъ всеобщаго движенія въ уніатской церкви, къ священнику Наумовичу посыпались адресы сочувствія и благодарности со всѣхъ сторонъ, отъ всего духовенства и образованнаго класса народа. Священники, особенно молодые, съ жаромъ принялись устроять олтари, царскія двери, церковныя завѣсы, выбросили изъ церквей всѣ колокольчики, употребляемые при совершеніи таинства Евхаристіи и отослали ихъ въ Львовъ для устройства изъ нихъ одного большаго русскаго колокола къ соборной церкви, стали по большей части отпускать длинные волосы и бороды и такимъ образомъ во внѣшнемъ принимать видъ восточныхъ священниковъ, чтò особенно нравилось народу. Богослуженіе стали совершать по стариннымъ служебникамъ, у кого какіе были, а кто не имѣлъ ихъ — по крайнему разумѣнію. Отъ того и вышла большая бѣда: старыхъ служебниковъ было мало; латиняне почти всѣ ихъ истребили, новымъ уніатское духовенство не хотѣло во всемъ слѣдовать, и—вышла такая разладица при богослуженіи, что въ каждой церкви была какая нибудь особенность. Рвеніе

священниковъ сообщилось и молодому поколѣнію клириковъ, готовящихся къ священству въ львовской и вѣнской семинаріяхъ. Молодые клирики начали читать русскія книги, особенно касающіяся устройства церковнаго обряда; отъ обряда дѣло дошло до догматовъ, которые преподавались уже имъ католическими профессорами, разумѣется, по римской догматикѣ, о догматахъ восточной церкви они не имѣли уже никакого понятія; отъ другихъ догматовъ дѣло дошло и до главенства папы. И этотъ догматъ подвергся при національномъ воззрѣніи сомнѣнію.—Изъ школъ дѣло стало переходить въ практику. Наприм. студентамъ семинаріи и университета въ Львовѣ запрещено было служить панихиду по одномъ русскомъ литераторѣ; они собрались въ православную полковую церковь, пѣли сами цѣлую литургію и панихиду и даже *Вѣрую* прочитали безъ приложенія *и Сына*.—Такая демонстрація не понравилась не только свѣтскимъ, но даже и высшимъ духовнымъ уніатскимъ властямъ; начались изслѣдованія, которыя повели только къ тому, что теперь въ православную военную церковь собирается необыкновенное множество уніатовъ, и когда нѣтъ мѣста въ церкви, такъ какъ она мала, то народъ стоитъ около церкви. — Въ церкви вѣнской уніатской семинаріи воспитанники румунской націи оказывали сопротивленіе принять проректоромъ семинаріи священника изъ Галиціи подъ тѣмъ предлогомъ, что галицкіе уніаты много удалились отъ восточнаго обряда и неправильно совершаютъ литургію. И теперь почти каждую недѣлю бываютъ столкновенія при богослуженіи въ вѣнской уніатской церкви между галичанами и румунами. Румуны, когда совершается на ихъ языкѣ богослуженіе, хотятъ, чтобы совершаема была

проскомидія и затворялись, когда слѣдуетъ, царскія двери, что и исполняется, потому что они высказали желаніе ректору оставить семинарію, если богослуженіе не будетъ совершаться такъ, какъ совершается въ ихъ сторонѣ; галицкіе русскіе хотятъ того же, и священники ихъ затворяютъ царскія врата. На русское богослуженіе почти постоянно является министерскій совѣтникъ каноникъ Шашкевичъ и силою отворяетъ царскія врата, хотя самъ и не служитъ. Колокольчики при богослуженіи уничтожены уже и въ Вѣнѣ. Два-три раза покупала ихъ церковь, и все пропадаютъ.

Такое движеніе въ народѣ и церкви, разумѣется, не могло не обратить на себя вниманія поляковъ и особенно католическихъ польскихъ священниковъ. Сначала они посылали своихъ шпіоновъ въ русскія уніатскія церкви подслушивать и присматривать, что тамъ говорится и дѣлается, потомъ стали подговаривать народъ противъ священниковъ, заставляя его даже силою подавать начальству жалобы на своихъ священниковъ; но когда не успѣли въ этомъ, собрали всѣ статьи, помѣщенныя въ газетѣ „Слово" и письма священника Наумовича, перевели ихъ и послали въ Римъ къ папѣ съ доносомъ, разумѣется, преувеличеннымъ, о всемъ, что дѣлается въ уніатской церкви въ галиціи, *о переходѣ ея къ схизматикамъ*. Свѣтская власть въ Галиціи, находящаяся большею частію подъ вліяніемъ поляковъ, съ своей стороны донесла о томъ же австрійскому правительству, перетолковавши все какъ явное стремленіе Галиціи къ русскимъ, къ москалямъ. Римъ испугался, поручилъ папскому нунцію въ Вѣнѣ разобрать это дѣло строжайшимъ образомъ. Нунцій приказалъ латинскому епископу въ Львовѣ призвать къ себѣ священника

Наумовича и его сообщниковъ и произвести надъ ними судъ. Священникъ Наумовичъ отказался итти на судъ римскаго епископа на томъ основаніи, что онъ не подчиненъ юрисдикціи римскаго прелата, что у нихъ есть свой митрополитъ и свои епископы. Когда объ этомъ донесено было въ Римъ, папа приказалъ уніатскому митрополиту Яхимовичу разобрать дѣло о священникѣ Наумовичѣ и принять мѣры къ тому, чтобы остановить движеніе къ нововведеніямъ и не давать распространяться схизмѣ. Митрополитъ Григорій Яхимовичъ— почтенный старецъ, и въ душѣ большой патріотъ. Хотя онъ и не во всемъ раздѣляетъ восторженные порывы молодой, не всегда въ дѣйствіяхъ своихъ соображающейся съ обстоятельствами, партіи ревнителей чистоты народности и церкви; но видя истину въ ея стремленіи, видя, что этому стремленію сочувствуетъ вся масса русскаго народа, онъ поставленъ былъ предписаніемъ папы въ самое затруднительное нравственное и политическое положеніе (зная, можетъ быть, образъ мыслей и чувствованій митрополита, римскій дворъ потому и обратился въ первый разъ за изслѣдованіемъ дѣла не къ нему, а къ епископу римскому). Папскій нунцій въ Вѣнѣ и само австрійское правительство требовали, чтобы онъ непремѣнно послалъ къ клиру окружное посланіе и запретилъ ему дѣлать нововведенія въ обрядахъ церкви, предписавъ оставаться при прежнихъ. Митрополитъ долго отговаривался, писалъ къ папѣ въ Римъ, просилъ у него позволенія созвать мѣстный соборъ для разсмотрѣнія дѣла и получилъ на то согласіе; между тѣмъ, клевреты правительства, суффраганъ епископъ Литвиновичъ и каноникъ Шашкевичъ успѣли сочинить окружное посланіе къ клиру, не

упоминая ничего о соборѣ. Митрополитъ долженъ былъ подписать это посланіе; но чтобы успокоить клиръ и показать народу сочувствіе къ нему и къ самому дѣлу, онъ вопреки просьбамъ и требованіямъ противниковъ приписалъ въ концѣ посланія, что какъ скоро ему дозволятъ государственныя занятія (онъ членъ высшей палаты государственнаго совѣта и присутствуетъ теперь въ сеймѣ), онъ созоветъ въ Львовѣ соборъ и съ нимъ разсудитъ, какія должно и можно будетъ сдѣлать исправленія въ обрядахъ церкви. — Сколько это посланіе было противно и митрополиту и клиру, можно видѣть изъ того, что оно сообщено было клиру на латинскомъ языкѣ (на русскомъ не хотѣли его печатать, чтобы оно оставалось неизвѣстнымъ народу); что въ перемышльской епархіи, которая не состоитъ въ вѣдѣніи митрополита, а другаго епископа, не приняли его и не сообщали клиру, не смотря на всѣ требованія власти; что оно не было даже напечатано и въ русской газетѣ „Слово“, издающейся подъ покровительствомъ митрополита, а напротивъ, когда напечатала его польская газета „Денникъ“ съ примѣчаніями, въ „Словѣ“ появились отвѣтъ и критика на эти примѣчанія и снова статьи объ обрядахъ церкви священника Наумовича и другихъ; что митрополитъ, выдавши посланіе, уѣхалъ изъ Вѣны къ празднику Рождества и съ тѣхъ поръ доселѣ не возвращался, сдѣлавшись нездоровъ тѣлесно, а болѣе душевно. Надобно однакоже было что нибудь сдѣлать съ священникомъ Наумовичемъ и предъ правительствомъ и предъ римскою куріею и предъ народомъ. Всѣ ожидали рѣшенія этого дѣла съ большимъ нетерпѣніемъ. Митрополитъ позвалъ самъ Наумовича къ себѣ во Львовъ, онъ не явился къ сроку и пропустилъ дней десять, вѣроятно

желая напередъ узнать мысли и настроеніе духа митрополита; когда наконецъ явился, митрополитъ наказалъ его на нѣсколько дней у себя арестомъ за ослушаніе власти духовнаго начальства и неявку къ сроку, потомъ дня три постоянно призывалъ его къ себѣ, говорилъ съ нимъ, разсуждалъ, совѣтовался, и покончилось дѣло тѣмъ, что чрезъ нѣсколько дней появилась въ газетѣ „Слово“ статья Наумовича, гдѣ онъ, какъ говорится, послѣдуя отеческимъ совѣтамъ митрополита, видя его любовь къ народу, заботу о сохраненіи чистоты обрядовъ восточной церкви и увѣренный въ его непоколебимомъ желаніи созвать соборъ для устройства церковныхъ дѣлъ, отказывается отселѣ дѣлать самовольно какія либо измѣненія въ существующихъ теперь обрядахъ церкви и проситъ всю братію послѣдовать его примѣру оставаться покойными и ожидать рѣшеній отца-митрополита. Явившись въ „Бесѣду,“ г. Наумовичъ былъ принятъ русскими съ восторгомъ. Ему говорили рѣчи, въ честь его пѣли кантаты, онъ благодарилъ и отвѣчалъ только просьбою держаться митрополита и слѣдовать его распоряженіямъ, какъ человѣка, искренно желающаго добра народу и пекущагося о благосостояніи церкви и чистотѣ греко-каѳолическаго обряда. Тѣмъ дѣло пока и кончилось.

Кончилось со стороны русскихъ уніатовъ, но не со стороны ихъ враговъ поляковъ, отступниковъ русской народности, не со стороны римской іерархіи и вспомоществующихъ имъ правительственныхъ лицъ. Какъ слышно, правительство писало въ Римъ, прося папу запретить митрополиту Яхимовичу созывать въ Галиціи соборъ для устройства дѣлъ уніатской церкви, потому что по всѣмъ соображеніямъ перевѣсъ долженъ остать-

ся на сторонѣ уніатовъ, и теперь, будто бы, созваніе этого собора запрещено. Послѣдствія покажутъ, на сколько это справедливо. — Священники сельскіе въ большей или меньшей степени поставлены подъ надзоръ мѣстныхъ властей свѣтскихъ и съ большою осторожностію допускаются теперь до занятія мѣстъ сколько нибудь значительныхъ. На дняхъ вышло распоряженіе намѣстничества львовскаго, чтобы русскіе не смѣли даже употреблять нигдѣ своего отчества, а подписывались и именовались вездѣ только именемъ и прозваніемъ, потому что Ивановичъ, Петровичъ и под., есть уже сближеніе съ великоруссіею. Даже наименованіе младенца при крещеніи даетъ иногда поводъ властямъ подозрѣвать народъ въ наклонности къ Россіи. Такъ въ одномъ мѣстѣ дано было новорожденной дѣвочкѣ имя— Александра; послѣ крещенія, по обычаю страны, пропѣли новокрещенной многая лѣта. Власти низшія довели до свѣдѣнія высшихъ, что дѣвочкѣ дано было имя русскаго Императора и подъ этимъ предлогомъ ему пѣли многая лѣта. Наконецъ слышно, что губернатору Галиціи графу Менсдорфъ - Пульи, за потворство русскимъ изъявлено уже было неудовольствіе, и правительство по проискамъ поляковъ, готовитъ въ губернаторы Галиціи снова графа Голуховскаго.

Въ ноябрѣ прошлаго года, Галиція по управленію раздѣлена была на восточную и западную; изъ одного намѣстничества составлено два — Краковское и Львовское; впрочемъ эта мѣра чисто финансовая, для сокращенія судебныхъ инстанцій и уменьшенія числа чиновниковъ. Въ обоихъ намѣстничествахъ—чиновники нѣмцы и поляки, въ высшихъ инстанціяхъ дѣла отправляются ими на нѣмецкомъ и отчасти на польскомъ языкѣ;

Русскій языкъ допущенъ только въ низшихъ инстанціяхъ, и губернаторъ цѣлой области Галицкой остается въ одномъ лицѣ. Что бы ни говорили и ни дѣлали однако же враги русской національности и народной церкви въ Галиціи, какихъ бы козней ни употребляли, но чувство и имя русское тамъ уже заявлены торжественно и останутся непоколебимо; русская національность день ото дня будетъ болѣе развиваться и чѣмъ болѣе будетъ встрѣчать препятствій, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться, такъ что и сами поляки, въ послѣднее время, признали уже, что въ Галиціи есть особенная русская нація, имѣющая собственную церковь, не латинскую. Галиція раздѣлена пока въ судебномъ отношеніи на восточную и западную, но она сверхъ того раздѣлена явственно по народностямъ на русскую и польскую. При ходѣ дѣлъ, какой теперь видѣнъ, ничего нѣтъ не вѣроятнаго, что въ послѣдствіи и въ административно-политическомъ отношеніи она можетъ составить двѣ отдѣльныя области.

Протоіерей Михаилъ Раевскій.

Вѣна, 12 апрѣля 1862 г.

I.

О ХРИСТІАНСКОЙ ЧИСТОТѢ СЕРДЦА.

Блажени чистіи сердцемъ: яко тіи Бога узрятъ (**Матѳ. 5, 8**).

Требованіе чистоты сердечной есть одно изъ самыхъ важныхъ и существенныхъ требованій Вѣры христіанской и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ главныхъ признаковъ, которыми христіанство отличается отъ всѣхъ вѣрованій и ученій человѣческихъ. Справедливо конечно, что и простой, здравый смыслъ въ каждомъ человѣкѣ, даже не исповѣдующемъ религіи Христовой, не можетъ не отдать нравственнаго преимущества тому, кто не только наружно добръ и благожелателенъ въ отношеніи къ другимъ, но таковъ и по внутреннимъ расположеніямъ своего сердца, не только по требованію внѣшнихъ приличій является цѣломудреннымъ, но и въ глубинѣ души отвращается отъ всякаго разврата, отъ всякаго нецѣломудреннаго и нечистаго пожеланія, кто скроменъ не предъ людьми только, но и самъ въ себѣ не гордится и не превозносится никакими своими достоинствами, честенъ и справедливъ не по одному требованію внѣшняго закона, не по желанію награды или страху наказанія, но и по внушенію внутренняго закона совѣсти, по живому и глу-

бокому расположенію души къ добру и правдѣ. Но какъ бы ни было, только естественная житейская мудрость, если и признаетъ внутреннюю чистоту сердца и совѣсти высокимъ нравственнымъ достоинствомъ въ человѣкѣ, тѣмъ не менѣе часто соглашается и съ тѣмъ, что безъ этого достоинства можно обходиться, что люди, какъ существа не всевѣдущія, преимущественно обращаютъ вниманіе на наружность и по ней судятъ о самыхъ внутреннихъ достоинствахъ человѣка, что поэтому имъ нѣтъ никакого дѣла до того, что̀ у насъ на умѣ и въ сердцѣ, лишь бы наружно мы были добры въ отношеніи къ нимъ.

Таково ученіе человѣческое, уступчивое и измѣнчивое, часто до противорѣчія самому себѣ. Но не таково божественное ученіе Евангелія. Оно отъ всѣхъ своихъ послѣдователей всегда и во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ ихъ жизни непремѣнно требуетъ совершенной чистоты сердца и совѣсти, никогда и ни для кого не уменьшая и не ослабляя силы и важности этого требованія. Оно ясно и опредѣленно учитъ, что какъ бы ни была прекрасна и благовидна наружная сторона нашей жизни, какъ бы ни были справедливы и законны всѣ наши дѣла и отношенія къ другимъ, какъ бы ни были славны и общеполезны наши заслуги предъ обществомъ,—но безъ внутренней чистоты сердца и совѣсти, безъ живой и искренней любви къ добру, они жалки и ничтожны и не имѣютъ никакой нравственной цѣны предъ очами Божіими. Фарисеи были по наружности весьма благочестивы, но такъ какъ ихъ наружности совершенно противорѣчило внутреннее настроеніе ихъ сердецъ, то Спаситель говорилъ, что они трудятся *всуе*, — напрасно (Марк. 7, 7). — Не забудемъ

при этомъ, что Евангеліе, въ своемъ требованіи отъ насъ чистоты сердца, имѣетъ въ виду не одни наши расположенія чисто грѣховныя и злыя, но и всякія мысли и желанія безцѣльныя и праздныя, преслѣдуетъ всякую разсѣянность ума и сердца, — пустыя мысли, пустыя мечты воображенія. Оно требуетъ отъ насъ самой полной сосредоточенности въ самихъ себѣ, постояннаго самоиспытанія, постояннаго наблюденія надъ внутреннимъ состояніемъ нашего духа: *всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце: отъ сихъ бо исходища живота* (Притч. 4, 23); *сердце мужа да мыслитъ праведная* (15, 29),— требуетъ непрестаннаго памятованія о Богѣ и нашихъ отношеніяхъ къ Нему: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 18).

Пристрастному къ удовольствіямъ чувственнымъ, привыкшему къ безпечности и разсѣянности, такое требованіе можетъ показаться чрезмѣрно строгимъ и суровымъ. Но если судить объ этомъ требованіи не подъ вліяніемъ страстей и слабостей, а въ состояніи духа болѣе или менѣе спокойномъ, при свѣтѣ здраваго разсудка и опыта жизни, а болѣе всего при свѣтѣ евангельскаго ученія; то легко можно видѣть, что это требованіе вполнѣ справедливо и законно, потому что сообразно съ высшими и лучшими потребностями нашей природы, и по своимъ слѣдствіямъ весьма благотворно для насъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Лучшею и превосходнѣйшею стороною своего бытія и жизни человѣкъ есть существо чисто духовное. А это не предполагаетъ ли само собою, что область нравственной дѣятельности человѣка никогда и ни въ какомъ случаѣ не должна ограничиваться одною внѣшнею, видимою стороною его жизни и поведенія? Не ведетъ

ли это необходимо къ тому заключенію, что человѣкъ измѣняетъ своей природѣ, собственному человѣческому достоинству, и становится ниже самаго себя въ томъ случаѣ, когда дѣйствуетъ справедливо и законно не по внутреннему расположенію души, но только примѣняясь къ извѣстнымъ обстоятельствамъ времени и мѣста, къ обычаямъ вѣка, къ наклонностямъ и взглядамъ извѣстныхъ лицъ, изъ боязни суда гражданскаго или суда общественнаго мнѣнія? — Что подобный образъ жизни и поведенія ниже природы человѣка и противорѣчитъ ея существеннымъ и главнымъ требованіямъ,—въ этомъ удостовѣряетъ насъ сама же природа наша. Когда она еще не вполнѣ искажена и испорчена, когда человѣкъ еще не привыкъ къ жалкому раздвоенію между внутреннимъ состояніемъ своего духа и внѣшнимъ поведеніемъ, не привыкъ обманывать и лицемѣрить; тогда всякій обманъ, такъ или иначе имъ допущенный, крайне возмущаетъ его душу. Посмотрите на невинное дитя, еще не навыкнувшее притворяться, еще искреннее и чистосердечное: какихъ страданій и нравственныхъ мукъ стоитъ ему сказать ложь, даже въ томъ случаѣ, когда эта ложь можетъ быть почему либо выгодна для него, когда, напримѣръ, она можетъ избавить его отъ заслуженнаго упрека отца или матери, наставниковъ и воспитателей. И какъ часто въ подобныхъ случаяхъ голосъ совѣсти пересиливаетъ даже страхъ упрека и наказанія! Какъ часто допущенный обманъ искупается потомъ горькими слезами, раскаяніемъ, и собственнымъ признаніемъ въ немъ дитяти!—Чтò—это, какъ не вопіющій голосъ самой природы, свидѣтельствующій о томъ, что внутренняя чистота сердца и души, чистота побужденій и помысловъ столь же важна и обязательна для человѣка, какъ и наружная бла-

говидность и честность поведенія, что послѣдняя должна быть только точнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ первой? Только впослѣдствіи одна привычка являться нравственнымъ наружно притупляетъ это чувство нравственнаго стыда и болѣе и болѣе заглушаетъ голосъ совѣсти. Но никогда эта привычка не можетъ быть нажита безъ внутренней борьбы, безъ горькихъ упрековъ совѣсти, безъ томительныхъ терзаній сердца. — Когда развратъ еще не обратился въ постоянную и долговременную страсть,—развращенный живо чувствуетъ и сознаетъ, какъ онъ жалокъ, какъ ничтоженъ и грязенъ при всей своей видимой чистотѣ, при всемъ своемъ наружномъ уваженіи къ невинности и цѣломудрію, и бываетъ не доволенъ самъ собою, хотя бы общество, среди котораго онъ живетъ и мнѣніемъ котораго дорожитъ, вовсе не знало о его проступкахъ и не отказывало ему въ своемъ уваженіи. Когда блюститель правды и закона еще не вполнѣ погрязъ въ порокѣ лихоимства и неправосудія; тогда совѣсть живо даетъ ему чувствовать, какъ мало онъ достоинъ той довѣренности, которою облекло его общество, и того уваженія, которое воздаютъ ему другіе. Словомъ: каждый порокъ, особенно въ началѣ своего развитія, сопровождается горькими упреками совѣсти, жестокими и мучительными страданіями души, хотя бы онъ былъ неизвѣстенъ другимъ и не унижалъ человѣка въ глазахъ общества. — Чтò—и это, какъ не вопіющій голосъ природы, самое очевидное и разительное свидѣтельство ея о томъ, что человѣкъ долженъ быть нравственнымъ не наружно только, но и внутренно, не одними дѣлами, но и помышленіями, не только *неповиненъ руками*, но и *чистъ сердцемъ* (Псал. 23, 4)?— Наконецъ, сколько бы человѣкъ ни погрязалъ во злѣ,

сколько бы ни ожесточался въ своихъ порочныхъ привычкахъ, онъ очень рѣдко доходитъ до такой наглости и безстыдства, чтобы вовсе не скрывать своихъ пороковъ и преступленій. Напротивъ, бо̀льшая часть людей, даже самыхъ порочныхъ и законопреступныхъ, скрывая отъ общества свои пороки, вмѣстѣ съ тѣмъ стараются скрыть и крайне безобразное состояніе своего духа, стараются такимъ образомъ увѣрить другихъ, что по своимъ внутреннимъ расположеніямъ, по душѣ и сердцу, они—люди нравственно-добрые. Что выражаетъ и это, какъ не ту истину, что человѣкъ и по внутреннимъ расположеніямъ своего сердца долженъ быть добрымъ, что какъ бы ни была прекрасна, благовидна и законна его внѣшняя жизнь, но сама по себѣ она не даетъ ему никакого права на нравственное уваженіе другихъ, коль скоро дознано, что по душѣ и сердцу онъ не таковъ, какимъ казался по его внѣшнимъ дѣламъ? Подлинно, и природа человѣческая проповѣдуетъ намъ тоже, что̀ и Евангеліе: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. 5, 20).

Если мы обратимся собственно къ ученію христіанскому, то увидимъ, что заповѣдь о чистотѣ сердечной основывается на такихъ истинахъ христіанства, которыя составляютъ сущность, основаніе самаго христіанства.

Прежде всего христіанское ученіе основываетъ заповѣдь о чистотѣ сердца на понятіи о вездѣсущіи и всевѣденіи Божіемъ. Какимъ образомъ изъ этихъ понятій о Богѣ вытекаетъ обязанность для человѣка соблюдать въ чистотѣ умъ, сердце и всѣ силы души, — это само собою ясно и очевидно для всякаго.

Но Вѣра и Церковь поставляютъ христіанина не въ это только отношеніе къ Богу, основанное на Его всевѣденіи и вездѣсущіи: въ такомъ отношеніи къ Нему находятся и всѣ Его созданія; отъ вездѣсущія и всевѣденія Его не можетъ утаиться и самый адъ, какъ бы онъ ни былъ далекъ отъ Бога, теменъ и мраченъ: *нагъ адъ предъ Нимъ* (Іов. 26, 6). Нѣтъ, Вѣра и Церковь вводятъ христіанина въ особенное, самое близкое общеніе и единеніе съ Богомъ. По благодатному возрожденію въ новую жизнь въ таинствѣ крещенія, по общенію съ Іисусомъ Христомъ въ таинствѣ причащенія, христіанинъ дѣлается живымъ храмомъ Божіимъ, во Христѣ пребываетъ, и Христосъ въ немъ пребываетъ (Іоан. 6, 56), живетъ не столько жизнію своею, сколько жизнію Божіею (Кол. 3, 3). Поэтому и соблюденіе внутренней, нравственно-духовной чистоты для христіанина стольже важно и необходимо, какъ и соблюденіе внѣшней чистоты, порядка и благоговѣнія въ видимомъ, рукотворенномъ храмѣ, какъ мѣстѣ особеннаго благодатнаго присутствія Божія, — тѣмъ болѣе, что самые храмы христіанскіе созидаются и освящаются именно для совершенія въ нихъ молитвъ, священнодѣйствій и таинствъ, приближающихъ насъ къ Богу и соединяющихъ съ Нимъ, для достиженія великой цѣли христіанства — основать внутрь насъ благодатное царство Божіе. А если такъ; то не трудно понять, какъ законопреступно, по суду Евангелія, поступаетъ тотъ, кто допускаетъ въ своемъ сердцѣ помыслы и желанія порочныя, богопротивныя, хотя наружно и ведетъ себя по - христіански. Въ самомъ дѣлѣ, когда злоба и вражда гнѣздятся въ нашемъ сердцѣ: тогда, по смыслу ученія христіанскаго, чѣмъ это будетъ, какъ не поруганіемъ нашей внутрен-

ней, духовной святыни? Когда мысль о Богѣ, о нашемъ вѣчномъ назначеніи, о нашемъ благодатномъ единеніи съ Іисусомъ Христомъ или никогда или крайне рѣдко занимаетъ насъ, когда всѣми нашими дѣлами и словами, помыслами и желаніями управляетъ самолюбіе и своекорыстіе, когда день и ночь мы помышляемъ только о собственной чести, выгодахъ, объ удовольствіяхъ и радостяхъ земныхъ: тогда въ существѣ дѣла чѣмъ инымъ это будетъ, какъ не превращеніемъ нашего внутренняго храма Божія въ шумное и безпорядочное торжище міра сего? Когда зависть и ненависть, ненасытимое корыстолюбіе, досада и гнѣвъ, страсть злорѣчіемъ и клеветою убивать доброе имя и честь ближняго владѣютъ нашимъ сердцемъ и всею душою: тогда чѣмъ это будетъ въ смыслѣ духовно-нравственномъ, какъ не вторженіемъ разбойниковъ и татей, хищныхъ звѣрей и нечистыхъ животныхъ въ наше внутреннее святилище? Когда постоянно занимаютъ человѣка помыслы сладострастія, помыслы о грубыхъ чувственныхъ удовольстіяхъ: тогда храмомъ ли Божіимъ будетъ его сердце, или домомъ пьянства и разврата?... Правда, ученіе христіанское не воспрещаетъ намъ помышлять и о земномъ, не воспрещаетъ желать и временныхъ, земныхъ благъ; но вмѣстѣ заповѣдуетъ, чтобы подобныя желанія нашего сердца и помышленія ума всегда освящаемы были мыслію о Богѣ, были чисты и невинны, достойны величія Божія,—подобно тому, какъ и въ видимый храмъ Божій не воспрещается намъ вносить нѣкоторые предметы, взятые изъ собственныхъ жилищъ нашихъ, но непремѣнно требуется, чтобы эти предметы были всегда достойны святости мѣста, въ которое мы приходимъ.

Такимъ образомъ не трудно понять, что не соблюдать христіанской заповѣди о чистотѣ сердца, или же явно отвергать ее, какъ нѣчто чрезмѣрно строгое и суровое, не всегда нужное и необходимое для жизни, есть то же, что̀ и отвергать христіанство въ его существѣ, въ его духѣ и силѣ, превращать его въ одинъ внѣшній, видимый обрядъ, значитъ въ міръ христіанскій вводить фарисейство.

Но фарисейство—не истинная Вѣра, не истинное Богопочтеніе. Вѣра Христова всегда зиждетъ счастіе и благоденствіе человѣка; она спасла и спасаетъ міръ: фарисейство нѣкогда погубило цѣлый народъ іудейскій и доселѣ погубляетъ очень многихъ.—Поэтому и Евангеліе, когда требуетъ отъ насъ совершенной чистоты души и сердца, требуетъ не чего либо чисто духовнаго, не имѣющаго никакого отношенія къ нашей обыкновенной земной жизни, требуетъ не ради единаго Бога, но и ради насъ самихъ, ради ближнихъ нашихъ, имѣетъ въ виду не одно наше вѣчное спасеніе, но и земное, внѣшнее и видимое счастіе и благополучіе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ евангельское требованіе чистоты души и сердца до того ясно и очевидно соединяется съ благотворными послѣдствіями для самой чувственной нашей стороны,—для нашего здоровья и крѣпости тѣлесной, что не нужно почти никакого напряженія разсудка, чтобы замѣтить эту связь. Такъ, требуя вообще чистоты сердца, ученіе евангельское обязываетъ насъ не имѣть ни малѣйшей злобы и вражды, зависти и ненависти противъ ближняго. Кто не видитъ, что здѣсь идетъ дѣло не объ одной нашей душѣ, но и о самомъ тѣлѣ, — такъ какъ кто не знаетъ, что эти страсти, питаемыя и усиливаемыя въ сердцѣ, волнуютъ

и возмущають не только душу, но и тѣло, дѣйствують разрушительно на самыя первыя и необходимыя условія нашей тѣлесной жизни,—питаніе и кровообращеніе, не рѣдко отнимають у нась и самый сонъ, столь необходимый намъ для возстановленія силъ тѣлесныхъ, равно какъ бодрости и свѣжести силъ духовныхъ? Кому не приходилось по крайней мѣрѣ слышать о томъ, какъ злоба и гнѣвъ, когда имъ давали усиливаться до крайней степени, часто дѣлались причиною жесточайшихъ страданій и болѣзней и даже преждевременной и мгновенной смерти людей гнѣвливыхъ?—Требуя вообще чистоты сердца, христіанство требуеть оть нась изгнанія изъ души всякихъ помысловъ развратныхъ и сладострастныхъ. Кто опять не видитъ, что и здѣсь идеть дѣло не объ одной душѣ, но и о тѣлѣ, такъ какъ кто не знаеть, что страсть разврата, столь гибельная и разрушительная для нашего тѣлеснаго здоровья, болѣе всего усиливается и поддерживается нечистыми пожеланіями сердца и грязными представленіями воображенія, и, напротивъ, ничѣмъ такъ легко и скоро не можетъ быть обезсилена и подавлена, какъ изгнаніемъ ихъ изъ души?

Сколько благотворна евангельская заповѣдь о чистотѣ сердца въ отношеніи къ намъ самимъ, столько благотворна она и въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ.— Правда, мы не всегда можемъ ясно видѣть и примѣчать, какъ благотворно вліяніе на общественную жизнь людей, дѣйствующихъ честно и добросовѣстно именно по искреннему, глубокому душевному убѣжденію въ достоинствѣ правды и добра сравнительно со всякимъ обманомъ и ложью. Но за то можемъ иногда примѣчать, какъ зловредно и гибельно вліяніе людей, не имѣющихъ

въ сердцѣ искренняго и живаго расположенія къ правдѣ и добру. — Каковъ вообще образъ жизни и дѣятельности подобныхъ людей? Тамъ, гдѣ они надѣются быть видимы отъ человѣкъ (Матѳ. 6, 1), они располагаютъ свою внѣшнюю жизнь, свои слова и дѣла весьма благоприлично и законно; но въ тоже время, питая въ сердцѣ — источникѣ жизни вовсе не законные помыслы и желанія, они, нисколько не колеблясь, переводятъ ихъ и въ свою внѣшнюю жизнь, когда надѣются избѣжать суда гражданскаго, или суда общественнаго мнѣнія. А такой образъ ихъ жизни можетъ ли принести существенную пользу обществу? Неоспоримо, конечно, что и одна наружная сообразность поступковъ съ требованіями закона, даже безъ искреннихъ и чистосердечныхъ побужденій къ добру, приноситъ нѣкоторую пользу обществу: по любви ли къ правдѣ, или по своекорыстнымъ расчетамъ, судья исполняетъ правильно и точно законъ гражданскій, — въ томъ и другомъ случаѣ онъ исполняетъ его, какъ должно, — оправдываетъ невиннаго и осуждаетъ виновнаго. Но если такой человѣкъ и приноситъ нѣкоторую, иногда очень важную и замѣтную, пользу обществу: за то въ другихъ случаяхъ наноситъ ему величайшій вредъ и ущербъ, что́ одною рукою созидаетъ, то́ разрушаетъ другою. Въ самомъ дѣлѣ, принесемъ ли мы существенную пользу обществу, если въ одномъ случаѣ оправдаемъ человѣка невиннаго, а въ другомъ — тайною клеветою и происками низвергнемъ съ мѣста также невиннаго человѣка: чего тутъ болѣе — пользы ли отъ нашего правосудія, оправдавшаго человѣка, жизнь котораго, можетъ быть, имѣла вліяніе на двухъ или трехъ ему подобныхъ, или вреда отъ нашихъ тайныхъ происковъ, низвергшихъ человѣка,

жизнь и дѣятельность котораго, можетъ быть, имѣла благотворнѣйшее вліяніе на цѣлыя сотни и тысячи другихъ людей? Принесемъ ли положительную пользу обществу, если предъ очами свѣта, въ собраніи своихъ знакомыхъ, ведемъ себя почтительно и уважительно со всѣми, бываемъ ласковы и радушны даже съ людьми далеко низшими насъ по званію и состоянію, громче другихъ говоримъ объ уваженіи къ правамъ и достоинствамъ всякаго человѣка, а тамъ, гдѣ никто не видитъ насъ, дѣлаемъ крайне-возмутительныя обиды, насилія и притѣсненія: чего тутъ болѣе,—пользы ли отъ нашихъ словъ, которыми, можетъ быть, никто не тронулся и не убѣдился, или вреда отъ нашихъ дѣлъ, причинившихъ тысячи печалей и страданій нашимъ ближнимъ? Принесемъ ли существенную пользу обществу, если въ своей общественной жизни мы всегда справедливы, а въ своей частной жизни — крайне развратны: чего здѣсь болѣе—пользы ли отъ нашей справедливости, быть можетъ, только вынужденой, или вреда отъ нашего разврата, можетъ быть, растлѣвающаго невинность и повергающаго въ нравственную грязь и нечистоту свою несчастную жертву, дѣйствующаго крайне соблазнительно на другихъ, вносящаго слезы и горе, раздоръ и брань въ цѣлыя семейства? Принесемъ ли обществу существенную пользу, если по-временамъ жертвуемъ на какія либо благотворительныя и богоугодныя учрежденія, но постоянно, во всякое время обманываемъ ближнихъ своихъ въ дѣлахъ купли и продажи: чего здѣсь болѣе—пользы ли отъ нашихъ пожертвованій, или зла отъ нашей недобросовѣстности, готовой обманомъ выманивать деньги, — можетъ быть, послѣднія деньги у бѣдняка, добытыя пóтомъ и кровью? — Подлинно, въ

обществѣ гражданскомъ только тотъ — истинно полезный дѣятель, кто чистъ сердцемъ, — любитъ и творитъ правду всегда и во всемъ, внутренно и наружно.

Не то же ли самое должны мы сказать и въ отношеніи къ Вѣрѣ и Церкви? Недостатокъ искренности и чистоты сердца не приноситъ и здѣсь никакой существенной пользы ни лицемѣру, ни Вѣрѣ, ни Церкви. Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что и одно наружное, безъ всякаго участія сердца, безъ усвоенія себѣ духа Вѣры, исполненіе предписаній и обрядовъ Церкви во всякомъ случаѣ гораздо лучше, нежели открытая холодность и равнодушіе къ Вѣрѣ, или, что еще хуже, открытое и наглое кощунство и вольномысліе въ отношеніи къ истинамъ Вѣры и учрежденіямъ Церкви. При всемъ томъ внимательное наблюденіе жизни въ ея многоразличныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ можетъ увѣрить насъ, что зло, въ какомъ бы видѣ оно ни являлось, всегда производитъ слѣдствія по существу своему одни и тѣже, — а потому и недостатокъ чистоты сердца и души въ дѣлахъ Богопочтенія иногда производитъ такой же соблазнъ, какъ и открытое невѣріе, — фарисейство по своимъ слѣдствіямъ иногда является ни чѣмъ не лучше саддукейства. Въ самомъ дѣлѣ, открытое кощунство и вольномысліе очень многихъ увлекаютъ въ сомнѣніе и невѣріе касательно Вѣры христіанской. Но на человѣка, мало знакомаго съ ея силою и духомъ, имѣющаго понятія о ней самыя общія и поверхностныя, не такое же ли дѣйствіе производитъ и лицемѣріе въ дѣлахъ Вѣры и благочестія? Коль скоро онъ видитъ и убѣждается, что нѣкоторые изъ христіанъ являются ревностными исполнителями обрядовъ Вѣры и Церкви, но въ то

же время дозволяютъ себѣ совершать дѣла, крайне несообразныя съ нравственнымъ закономъ Евангелія; то ему легко притти къ мысли, что христіанство не имѣетъ никакого существеннаго, живаго и дѣйствительнаго отношенія къ жизни, что оно—одна буква, а не духъ, одна форма, одинъ обрядъ, что можно жить по всѣмъ нохотямъ своего сердца и въ тоже время имѣть еще право называть себя христіаниномъ.—Ужасная, разрушительная, погибельная мысль! Но и этимъ дѣло не кончается: тѣ, которые, подобно древнимъ саддукеямъ, потеряли живую вѣру въ безсмертіе души и вѣчное назначеніе человѣка, вѣру въ божественность религіи Христовой, такъ что она для нихъ служитъ *юродствомъ* и *соблазномъ* (1 Кор. 1, 18. 23), которые поэтому готовы глумиться надъ самыми высокими подвигами христіанскаго самоотверженія, надъ дѣлами благочестія самаго искренняго и непритворнаго,—тѣ ни чѣмъ такъ не пользуются къ кощунству противъ Вѣры и Церкви, какъ именно неискренностію и лицемѣріемъ, которое они иногда дѣйствительно замѣчаютъ въ нѣкоторыхъ христіанахъ. „Посмотрите"—вопіютъ съ злорадованіемъ въ подобныхъ случаяхъ эти люди,—„посмотрите: вотъ эти христіане, иногда подающіе милостыню нищимъ, но попирающіе судъ и правду, обманывающіе, грабящіе и разоряющіе сотни и тысячи своихъ ближнихъ! Вотъ эти молитвенники, такъ ревностно и усердно вопіющіе къ Богу, съ такимъ смиреніемъ и умиленіемъ преклоняющіе колѣна во храмѣ, а внѣ храма такъ жестокіе и холодные, недоступные никакимъ мольбамъ и просьбамъ. Что же такое ихъ вѣра—не одно ли суевѣріе? Что такое ихъ богопочтеніе—не одинъ ли пустой обрядъ? Что такое все ихъ благочестіе—не одно

ли пустосвятство и ханжество?“ Не приходится ли иногда слышать и подобныя ужасныя рѣчи? Хуже всего то, что онѣ очень часто бывають направлены не противъ пороковъ и слабостей людскихъ, но именно противъ Церкви и Вѣры; хуже всего то, что ими стараются поразить всѣхъ безъ исключенія,—искреннихъ и неискреннихъ въ дѣлахъ благочестія; ужаснѣе и жалче всего то, что они соблазняютъ людей слабыхъ и неопытныхъ въ Вѣрѣ, питаютъ, поддерживаютъ и усиливаютъ злобу и ожесточеніе противъ Вѣры въ сердцахъ невѣрующихъ.

Такимъ образомъ, природа и Евангеліе, благо наше собственное и благо всего общества, благо самой Вѣры и Церкви, необходимо требуютъ отъ насъ христіанской чистоты сердца и совѣсти. Удивительно ли, что и всѣ великіе учители Вѣры и подвижники благочестія ни о чемъ столько не заботились въ своей жизни, какъ именно о чистотѣ всѣхъ помышленій своего ума и желаній сердца? Удивительно ли, что и другимъ они внушали сохранять сердце и умъ свободными и чистыми не только отъ всякаго злаго желанія и мысли, но и отъ всякой мысли праздной, отъ всякой внутренней разсѣянности, отъ которой такъ легко и удобно, незамѣтно для самаго себя, можно перейти къ мыслямъ и желаніямъ порочнымъ и законопреступнымъ?

Только людямъ, непонимающимъ силы и духа ученія Христова, такой взглядъ святыхъ подвижниковъ можетъ показаться слишкомъ строгимъ и суровымъ, слишкомъ взыскательнымъ и требовательнымъ, тогда какъ въ существѣ дѣла это—взглядъ самый простой и естественный, вполнѣ сообразный и съ природою человѣка и съ Откровеніемъ Божественнымъ,—скажемъ болѣе,—

вполнѣ сообразный съ тѣмъ, что мы ежедневно замѣчаемъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ и въ окружающей насъ видимой природѣ. Такъ, признаемъ ли мы вполнѣ годнымъ и полезнымъ дерево, цвѣтущее со-внѣ, но внутри уже сгнившее и изъѣденное червями? Признаемъ ли полезною для общества монету, истинную по своимъ внѣшнимъ знакамъ, но фальшивую по своему составу? Признаемъ ли прочнымъ и благонадежнымъ здоровье человѣка, у котораго наружность кажется цвѣтущею, а внутренность пожирается не излечимою, смертельною болѣзнію? Что же удивительнаго, если и христіанство, если всѣ великіе учители и подвижники благочестія мало цѣнятъ, или—вѣрнѣе—нисколько не цѣнятъ внѣшней, хотя бы самой доброй и полезной, жизни человѣка въ томъ случаѣ, когда она не исходитъ отъ сердца чистаго, когда она—не болѣе, какъ прекрасная оболочка, скрывающая растлѣніе и безобразіе нашего внутренняго человѣка?—И не потому ли этотъ взглядъ для многихъ кажется чрезмѣрно суровымъ и строгимъ, что въ нихъ самыя высшія и лучшія, собственно духовно-нравственныя потребности или подавлены и убиты окончательно, или по крайней мѣрѣ заглушены и обезсилены пожеланіями грубыми и чувственными,—что область ихъ жизни до того узка и тѣсна, что для наполненія ея вполнѣ достаточно однихъ наружныхъ благоприличій свѣта, одной внѣшней законности и справедливости?—Не потому ли, что о самой природѣ человѣка и ея потребностяхъ они судятъ болѣе сами по себѣ, по своимъ слабостямъ и порокамъ, по состоянію собственнаго ума и сердца, а не по существеннымъ потребностямъ нашей природы, не по основнымъ и кореннымъ законамъ ея жизни, которые

всегда и во всемъ сообразны съ законами жизни евангельской?

Скажутъ, что для достиженія той чистоты сердца, которой требуетъ отъ насъ Евангеліе, нужно весьма много усилій и трудовъ, много терпѣнія? Точно, ученіе Христово и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, требуетъ отъ христіанина труда и самоотверженія, терпѣнія и долготерпѣнія. И чтоже можетъ быть страннаго и непонятнаго въ такомъ требованіи? Развѣ въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ все, болѣе или менѣе великое и высокое, достойное удивленія и почестей міра сего, можетъ быть достигнуто безъ терпѣнія и труда? Если величіе и слава міра сего часто требуютъ подвиговъ, простирающихся до крайняго изнеможенія, до потери силъ, здоровья, даже жизни: то дивно ли, что и христіанская чистота сердца, которая только одна можетъ сдѣлать наши дѣла истинно великими въ очахъ безконечно—великаго Бога, также для пріобрѣтенія и сохраненія своего требуетъ не мало трудовъ и подвиговъ? И если для земнаго счастія и благополучія такъ многіе рѣшаются на величайшіе труды, и при всемъ томъ часто не достигаютъ своихъ цѣлей: то ужели безъ труда и лишеній можно достигнуть того величайшаго, нескончаемаго и непреходящаго блаженства, которое Христосъ-Спаситель обѣщаетъ всѣмъ чистымъ сердцемъ — въ непосредственномъ лицезрѣніи Божіемъ, въ ближайшемъ общеніи съ Нимъ, въ причастіи Его безконечной жизни и славы,—и которые они получатъ несомнѣнно, потому что Обѣщающій есть вѣчная и непреложная истина, и слово Его не прейдетъ, хотя бы прешли небо и земля (Матѳ. 18, 35)?

Ѳ. Надеждинъ.

О ВѢРѢ, КАКЪ ОСНОВАНІИ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ мертвы и дѣла безъ вѣры, потому что именно она, а не что нибудь иное, составляетъ корень и источникъ всего, что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только составляетъ добродѣтель и похвалу (Фил. 4, 8). Поставляя такимъ образомъ достоинство дѣлъ нашихъ въ существенную зависимость отъ вѣры, не выражаемся ли мы слишкомъ строго и односторонне? Ибо опытъ представляетъ намъ довольно примѣровъ соблюденія закона при отсутствіи вѣры. Есть люди равнодушные къ тому, что выше земли. Всего, что напоминаетъ о Богѣ, о небѣ, они или совсѣмъ избѣгаютъ, или касаются только для того, чтобы посмѣяться. И однако о нихъ вовсе нельзя сказать, чтобы они не заботились о справедливости, поступали противъ внушеній любви, оскверняли себя вопіющими пороками; напротивъ, они являются людьми правдивыми, честными, ревностными исполнителями обязанностей своего званія. И однакоже—стóитъ нѣсколько глубже войти въ предметъ, не увлекаться однимъ поверхностнымъ взглядомъ на него, и—мы увидимъ, справедливо ли Писаніе, непрестанно научающее насъ, что жизнь истекаетъ изъ вѣры.

Прежде всего вопросъ: если не вѣра, чтожъ другое

составляетъ источникъ, изъ котораго проистекаетъ честность и добродѣтель?

Чтобы получить правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, всмотримся въ жизнь. Вотъ, мы видимъ людей, всѣми любимыхъ, и любимыхъ не безъ основанія, потому что во всемъ обхожденіи ихъ проглядываетъ такая безпритязательность, такая мягкость нрава и желаніе добра всѣмъ, что невольно располагаешься любить ихъ. Ихъ ласковость приковываетъ, ихъ сочувствіе привлекаетъ, участіе трогаетъ, дружество обворожаетъ,—и однако въ нихъ нѣтъ того, что мы называемъ самымъ драгоцѣннымъ благомъ,—нѣтъ вѣры. Всѣ эти, сами въ себѣ прекрасныя, качества, о которыхъ сейчасъ упомянуто, суть въ нихъ не что̀ иное, какъ богатые и блестящіе природные дары ихъ. Что они — добры, это ихъ счастіе, а не добродѣтель,—преимущество, а не пріобрѣтеніе, не заслуга. Всякой напр. встрѣчалъ въ жизни своей людей, въ обхожденіи съ которыми онъ никакъ не могъ освободиться отъ какого-то неизъяснимаго страха и отъ которыхъ спѣшилъ отдалиться какъ можно скорѣе, —людей, которые, вовсе не будучи злыми, чувствуютъ себя какъ бы легче, находятъ какое-то внутреннее удовольствіе и успокоеніе, когда съумѣютъ сказать или сдѣлать другимъ что нибудь непріятное, и на оборотъ —есть характеры, такіе мягкіе и добрые, что ихъ отталкиваетъ все грубое, жесткое, рѣзкое; они не только не возбуждаютъ непріятностей, но напротивъ дѣлаютъ все, чтобы только отъ нея уберечься. Но не священію христіанскою Вѣрою, а своимъ природнымъ качествамъ обязаны они тѣмъ, что не имѣютъ терній— желчнаго укора, горькаго осужденія, наглой обиды, ядовитой мести. Они чувствуютъ, что если бы употре-

били что нибудь подобное въ обращеніи съ людьми, это было бы болѣзненно-чувствительно для нихъ самихъ,—и вотъ уже одно себялюбіе заставляетъ ихъ бѣжать борьбы, къ которой они ни расположены, ни приготовлены.

Далѣе: мы не можемъ умолчать о томъ чрезвычайномъ вліяніи на человѣческую дѣятельность, какое въ малыхъ дѣлахъ производится суетностію, а въ большихъ—гордостію. Сколько дѣлъ, съ преждевременною похвалою превознесенныхъ выше звѣздъ, проистекло изъ этого сильнаго, но мутнаго источника! Гордость, окрѣпшая, полная, о, къ чему неспособенъ этотъ исполинъ? Прежде, чѣмъ явилось христіанское смиреніе и въ своемъ тихомъ, святомъ дѣланіи произвело явленія, своимъ величіемъ, славою и прочностію превосходящія всѣ произведенія гордости,—гордость управляла самыми даровитыми умами и составляла основную черту языческаго величія. Сколько людей искало смерти ради земнаго безсмертія, потому что въ другое они не вѣрили! Какъ ни страшна должна была казаться для нихъ бездна ничтожества, гордость вела ихъ на встрѣчу ей, тщеславіе пышно набрасывало на нее блестящій покровъ свой и, ради воображаемаго вѣнца вѣчной славы, они безстрашно бросались въ глубину бездонную. Сколько людей отказывалось отъ удовольствій дозволенныхъ и радостей невинныхъ — съ твердостію, подавлявшею всякое желаніе въ самомъ его зародышѣ,—людей, желѣзно-строгихъ къ самимъ себѣ, во всемъ отказывавшихъ своему сердцу, все презиравшихъ, съ непоколебимою стойкостію управлявшихъ своею волею,—и все это изъ высокомѣрія, изъ гордости. Подъ ея рѣзцомъ образовывались такіе желѣзные характеры; она умѣла доводить

волю до не естественной силы: эти люди хотѣли быть ни отъ кого независимыми, не желали быть никому, кромѣ себя, обязанными, и—разумѣется, достигали такой твердости, которая была бы достойна удивленія и уваженія, если бы происходила изъ другихъ побужденій. Не скроемъ, что здѣсь къ нечистому и испорченному примѣшивалось иногда и нѣчто чистое, благородное. Такъ, напр. всегда останется образцомъ пламеннаго патріотизма та мать, которая, когда послѣдняго сына ея принесли убитымъ съ поля сраженія, презрѣвъ слабость своего пола, благодарила боговъ, что сынъ ея умеръ героемъ. Но показала ли бы она такую же силу, если бы сынъ ея умеръ безъ славы, безъ почета, въ уединенной тишинѣ дома? Или еще: когда одинъ отецъ предалъ своего сына, бывшаго въ ослѣпленіи и увлеченнаго кознями, сѣкирѣ палача, — конечно, здѣсь дѣйствовало уваженіе къ безпристрастной правдѣ. Но одно ли оно? Сердце отца боролось съ саномъ судьи, и не гордость ли была той гирей, которая дала послѣднему рѣшительный перевѣсъ на колебавшихся вѣсахъ. Онъ боялся показаться слабымъ, и—произнесъ приговоръ, который нигдѣ не нашелъ себѣ сердечнаго сочувствія, а возбудилъ только холодное удивленіе.

Не менѣе могущественно и влiятельно по своимъ дѣйствіямъ, хотя гораздо болѣе низко и отвратительно по своему проявленію, себялюбіе. Не говоримъ о той обыденной честности, которая вѣчно боязливо посматриваетъ на протянутую ферулу закона и виновницей которой служитъ не совѣсть, а страхъ; и самая, по видимому, благородная дѣятельность, если только она не отъ вѣры, будетъ двусмысленна по своему происхожденію и подозрительна по содержанію. Одна лишь вѣра

есть истинный пробный камень нашихъ дѣйствій. Возьмите самое достохвальное, по видимому, дѣло, не находящееся ни въ какомъ отношеніи къ вѣрѣ, разсмотрите его въ его основныхъ побужденіяхъ,—чтó останется въ сущности? Эгоизмъ, положимъ, едва замѣтный, чрезвычайно скрытый, до высшей степени утонченный, но, чтó бы ни говорили, все же эгоизмъ.

Отъ источниковъ честности, которой не достаетъ вѣры, перейдемъ къ свойствамъ такой честности. Что здѣсь прежде всего бросается въ глаза, это слѣдующая черта: она неустойчива и непостоянна, — да и не можетъ быть иначе; потому что ей не достаетъ истинно-духовнаго оживленія, равно какъ и единственно-надежной опоры. Какъ жалка всякая добродѣтель, не проникнутая и не подерживаемая жизненнымъ дыханіемъ этой высокой, небесной силы! Обыкновенно, стóитъ она очень дорого своему, если можно сказать, подвижнику и, однакожъ, онъ не находитъ въ ней истинной отрады. Да, онъ хорошо видитъ, на какой слабой и бренной основѣ покоится она, и каждое мгновеніе долженъ опасаться, что вотъ-вотъ придетъ искушеніе, котораго она не выдержитъ, — приблизится врагъ, который съ торжествомъ похититъ ее въ добычу себѣ,— настанетъ борьба, которая кончится для нея позорнѣйшимъ и печальнѣйшимъ пораженіемъ. Напр. кто нибудь, не знающій вѣры, счастливо одолѣлъ нападеніе зла. Чтó помогло ему въ такомъ удачномъ исходѣ? То, что онъ не былъ въ извѣстное время настроенъ поддаться злу. Его защитило какое нибудь предостереженіе. Чей нибудь горькій опытъ научилъ его осторожности, побудилъ къ осмотрительности. Но явись искуситель въ другое, болѣе удобное время,—можетъ ли этотъ

человѣкъ съ полнымъ, спокойнымъ убѣжденіемъ сказать: нѣтъ, и тогда я не послушалъ бы его голоса, не увлекся бы его обольщеніями? Подобно перемѣннымъ настроеніямъ души, большое вліяніе на образъ дѣйствій человѣка безъ вѣры производятъ также и принятые въ обществѣ взгляды, которые сами по себѣ для человѣка вѣрующаго или ничего не значатъ, или значатъ очень мало. Многіе, напр. не разъ простиравшіе свою руку къ неправедному пріобрѣтенію, вдругъ стали удерживаться отъ него,—почему? потому только, что боятся суда общественнаго мнѣнія. Многіе, для которыхъ изреченіе Господа: *блаженнѣе есть паче даяти, неже пріимати*, всегда оставалось рѣшительно непонятнымъ,—однако подаютъ милостыню, хотя и противъ своей воли, потому что видятъ, какъ ея ждутъ отъ нихъ, потому что глаза всѣхъ устремлены на нихъ: страхъ подвергнуться униженію или насмѣшкѣ одерживаетъ верхъ надъ жадностію. Многіе только своему положенію въ жизни обязаны тѣмъ, что удерживаются отъ паденія въ тину грѣховную, въ глубину пороковъ, къ которымъ влечетъ ихъ развращенное существо ихъ. Многіе только по наружности чисты и не заслуживаютъ наказанія, а внутри—полны всякой нечистоты и совершенно безотвѣтны предъ людьми и Богомъ. Да, едва можно измѣрить, какою дорогою цѣною покупается всякая добродѣтель, не освященная вѣрою. И однакожъ ревнитель такой добродѣтели никогда не можетъ быть вполнѣ увѣренъ въ совершенномъ обладаніи ею, потому что мірская честность находится въ большой зависимости отъ силы обстоятельствъ. Многіе до тѣхъ поръ хороши, пока имъ хорошо. Съ успѣхами ихъ мірскихъ стремленій процвѣтаютъ и ихъ, такъ называемыя, добродѣтели: ошибут-

ся въ расчетѣ, — и добродѣтели какъ не бывало. Человѣку, неизмѣнно-счастливому, разумѣется, можетъ не быть трудно — поступать честнымъ образомъ, оставаться вѣрнымъ добру и, по крайней мѣрѣ, остерегаться большихъ ошибокъ и опасныхъ проступковъ. Такой человѣкъ часто вовсе не знаетъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ къ Богу,—даже его собственныя внутреннія качества составляютъ для него область невѣдомую. Но бываютъ такія напасти, которыя съ непреоборимою силою разрываютъ всѣ, такъ крѣпко сотканныя, оболочки самообольщенія; тогда освѣщаются и разоблачаются всѣ такъ долго закрываемыя тайники сердца; шумъ бури будитъ усыпленныс умы и ясно становится, что это за люди—ангелы ли это свѣта, или демоны тьмы? Не будемъ же относиться къ жизни слишкомъ легко! Она можетъ захватить насъ — безпечныхъ и гордыхъ съ такой стороны, что въ безсиліи и горѣ мы должны будемъ гибнуть, если только сила Божія не поддержитъ насъ. А если такъ, то почему не почтить этой силы болѣе всего, почему не стремиться къ ней всѣми порывами духа, какъ къ высочайшему, драгоцѣннѣйшему сокровищу? Только чрезъ вѣру имѣемъ мы истинную жизнь, чрезъ вѣру во имя Того, Кто есть Христосъ, Сынъ Божій (Іоанн. 20, 31)!

II.

ОХРАНЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ВѢРЫ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Всякая истина, какъ скоро становится достояніемъ умовъ человѣческихъ, неизбѣжно разнообразится въ пониманіи и сознаніи, получаетъ разныя видоизмѣненія отъ примѣси личныхъ взглядовъ каждаго. Ту же участь, съ первыхъ дней распространенія Евангелія Христова, стали испытывать и небесныя истины Христовой Вѣры. Мы видимъ еретиковъ въ самой апостольской Церкви. Всѣ посланія апостоловъ наполнены предостереженіями противъ ложныхъ учителей и лжеученій. *Блюдитеся*, писалъ св. Апостолъ къ юной колосской церкви, *да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по стихіямъ міра, а не по Христѣ* (Кол. 2, 8). *Азъ бо вѣмъ*, говорилъ тотъ же Апостолъ ефесскимъ пастырямъ, при послѣдней разлукѣ съ ними, *яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада. И отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе глаголющіи развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе. Сего ради бдите*... (Дѣян. 20, 29. 30. 31). Эта примѣсь личныхъ взглядовъ къ положительной ис-

тинѣ, это видоизмѣненіе ея въ сознаніи частныхъ лицъ, часто не важныя сами по себѣ въ обыкновенныхъ истинахъ и ученіяхъ человѣческихъ, всегда бываютъ важны въ истинахъ богооткровенныхъ, въ дѣлѣ Вѣры Христовой. Это зависитъ отъ важности самыхъ истинъ Вѣры. Вѣра Христова дана намъ для нашего вѣчнаго спасенія; отъ ней зависитъ наша вѣчная жизнь. То или другое *исповѣданіе* ея приводитъ насъ или къ вѣчной жизни, или къ вѣчной погибели и смерти; отъ исповѣданія Вѣры зависитъ также цѣлость самаго Евангелія и Церкви. Потому православная Христова Церковь, вмѣстѣ съ распространеніемъ ученія Христова, всегда принимала самыя дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы *исповѣданіе* его вѣрующими привести къ должному *единству*, какъ едина и неизмѣнна сама истина Христова, дать ему *правый* видъ, какъ *право* само Евангеліе, — охранить его отъ примѣси ложныхъ мнѣній человѣческихъ. Длинный рядъ постановленій церковныхъ, клонящихся прямо къ охраненію православія въ обществахъ христіанскихъ, служитъ самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ материнской заботливости Церкви о сохраненіи цѣлости Вѣры въ умахъ и сердцахъ чадъ своихъ.

Мѣры, какія принимала православная каѳолическая Церковь къ охраненію Вѣры, при всемъ ихъ разнообразіи, могутъ быть раздѣлены на два рода. Однѣми изъ нихъ опредѣлялся порядокъ *ученія*, или *просвѣщенія* въ обществѣ вѣрующихъ; другими—порядокъ ихъ христіанской жизни; однѣ прямѣе относятся къ охраненію догматической, другія—къ охраненію *дѣятельной* стороны Вѣры, хотя обѣ эти части тѣснѣйшимъ образомъ связываются между собою и въ своемъ содержаніи, и въ жизни людей.

1. Къ средствамъ перваго рода относятся:

а) *Проповѣдь устная и письменная.* Заблужденіе, какого бы предмета оно ни касалось, есть бóльшею частію плодъ неяснаго, недостаточнаго, *нераздѣльнаго* пониманія его. Потому достаточное просвѣщеніе людей свѣтомъ Христовой Вѣры есть лучшее средство къ охраненію этой послѣдней отъ примѣси ложныхъ мнѣній. Вслѣдствіе чего Церковь каѳолическая всѣми мѣрами заботилась о томъ, чтобы чада ея всегда имѣли достаточное просвѣщеніе въ Вѣрѣ. Постояннымъ и необходимымъ способомъ для этого была *проповѣдь* устная и письменная. *Како увѣруютъ, его же не услышаша, како же услышатъ безъ проповѣдующаго* (Рим. 10, 14.)? Главнымъ назначеніемъ и обязанностію апостоловъ было именно то, чтобы *пребывать въ служеніи слова* (Дѣян. 6, 4). Чтобы не отвлекаться отъ этого служенія никакими другими занятіями, апостолы поставили въ Церкви нарочитыхъ мужей, подъ именемъ діаконовъ, для исправленія разныхъ внѣшнихъ дѣлъ Церкви, а сами опредѣлили себя исключительно на служеніе проповѣдничества. *Призвавше же дванадесять множество ученикъ, рѣша: не угодно есть намъ, оставльшимъ слово Божіе, служити трапезамъ. Усмотрите убо, братіе, мужи отъ васъ свидѣтельствованны седмь, исполнены Духа Свята и премудрости, ихже поставимъ надъ службою сею: мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (Дѣян. 6, 2—4). Съ этимъ словомъ они обтекли всю вселенную, всюду возвѣщая Христа, Божію силу и Божію премудрость. Они учили народъ и въ собраніи, публично, и частно, по домамъ (Дѣян. 20, 20), проповѣдывали слово благовременно и безвременно, обличали, запрещали, умоляли со всякимъ долготерпѣніемъ (2 Тим. 4, 2), такъ что, прощаясь съ

ефесскими пастырями, св. апостолъ Павелъ, не обинуясь, могъ торжественно сказать о себѣ: *бдите, поминающе, яко три лѣта, день и нощь, не престаяхъ, уча со слезами единаго когождо васъ* (Дѣян. 20, 31). Кромѣ устной проповѣди, они употребляли и письменную: гдѣ не могли быть сами, а между тѣмъ видѣли нужду проповѣди, туда писали, посланіями разрѣшали разныя недоумѣнія и вопросы Вѣры, прекращали безпорядки, внушали и разъясняли разныя догматическія понятія и правила благочестія. Длинный рядъ писаній апостольскихъ служитъ живымъ, краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ ихъ проповѣдническихъ трудовъ. Апостолы и по смерти учатъ насъ правой Вѣрѣ въ своихъ писаніяхъ. Но съ появленіемъ апостольскихъ писаній не умолкъ голосъ и устнаго проповѣдничества въ Церкви. Церковь всегда живо сознавала, что, кромѣ этого, свыше откровеннаго письменнаго слова, которое сдѣлалось источникомъ Вѣры, необходимо другое, неумолкающее, устное слово,—устная проповѣдь, которая изъ того небеснаго источника должна проводить въ народъ живыя струи спасительной истины, раскрывать его свѣтъ и передавать умамъ, почерпать изъ него жизнь и силу и воодушевлять ею сердца вѣрующія, согрѣвать ихъ въ любви къ Богу, очищать религіозныя понятія, утверждать нравственныя убѣжденія. Оттого, когда смерть сомкнула молніеносныя уста апостоловъ,—проповѣдническое слово стало гремѣть въ устахъ ихъ преемниковъ: Игнатіевъ, Поликарповъ, Климентовъ, Иринеевъ, Ѳеофиловъ, Меѳодіевъ, Василіевъ, Григоріевъ, Златоустовъ. Необъятные томы посланій, поученій и бесѣдъ, оставленныхъ отцами, показываютъ, что проповѣдь, и устная и письменная, всегда была и почиталась необходи-

мою потребностію въ Церкви. Кромѣ этихъ памятниковъ проповѣдничества, свидѣтельствующихъ о ревности пастырей къ утвержденію слова Христова въ умахъ и сердцахъ людей, мы находимъ и положительные законы, которыми Церковь обязывала преемниковъ апостольскаго служенія къ неопустительному, усердному проповѣдничеству. *Проповѣдуй слово*, завѣщавалъ Апостолъ преемнику своего служенія Тимоѳею, *настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ: и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснямъ уклонятся. Ты же трезвися о всемъ,... дѣло сотвори благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори. Азъ убо жренъ бываю, и время моего отшествія наста* (2 Тим. 4, 2 — 6). Такъ завѣщавалъ Апостолъ, видя близость своей кончины. Вмѣстѣ съ тѣмъ апостолы вмѣняли своимъ преемникамъ въ обязанность — поощрять и другихъ, подчиненныхъ имъ, лицъ къ неослабному проповѣдничеству. Такъ въ первомъ посланіи къ тому же Тимоѳею Апостолъ заповѣдуетъ ему поощрять усердныхъ къ дѣлу проповѣдничества пресвитеровъ наградою сугубой чести. *Прилѣжащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются: паче же труждающіися въ словѣ и ученіи. Глаголетъ бо писаніе: вола молотяща не обротиши: и: достоинъ дѣлатель мзды своея* (1 Тим. 5, 17. 18). Правила апостольскія, принятыя православною Церковію въ кодексъ своихъ законовъ, епископовъ и пресвитеровъ, нерадивыхъ въ проповѣдничествѣ, почитаютъ недостойными своего сана и служенія. „Епископъ, или пресвитеръ, не радящій о причтѣ и о людяхъ, и не учащій ихъ благочестію, да будетъ от-

лученъ. Аще же останется въ семъ нерадѣніи и лѣности: да будетъ изверженъ“ (Ап. 58). Эти правила постоянно сохраняли свою силу въ Церкви и были подтверждаемы ею на своихъ соборахъ. 19-е правило VI вселенскаго собора обязываетъ пастырей Церкви къ тому, чтобы они во всѣ дни, а особенно во дни воскресные и праздничные, говорили къ народу поученія. „Предстоятели церквей должны во вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія“... Но особенно важно было въ этихъ установленіяхъ Церкви для охраненія Вѣры то, что какъ сами св. апостолы, такъ, по примѣру ихъ, и послѣдующая каѳолическая Церковь заповѣдывали учить не иначе, какъ на основаніи словъ Писанія и Преданія, избѣгать въ ученіи Вѣры тонкостей и хитросплетеній, а твердо держаться положительнаго ученія. *Образъ имѣй здравыхъ словесъ, иже отъ мене слышалъ еси*, писалъ Апостолъ къ Тимоѳею, *въ вѣрѣ и любви, яже о Христѣ Іисусѣ. Доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ, живущимъ въ насъ* (2 Тим. 1, 13. 14). *Потщися себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины. Скверныхъ же тщегласій отметайся: наипаче бо преспѣютъ въ нечестіе* (2 Тим. 1, 15. 16). Что заповѣдывали апостоты, то подтверждала и послѣдующая Церковь. Тоже, вышеприведенное, правило VI вселенскаго собора говоритъ: „предстоятели церквей... должны по вся дни поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ божественнаго Писанія разумѣнія и разсужденія истины, и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія богоносныхъ Отецъ: и аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то не инако да изъясняютъ оное, развѣ какъ из-

ложили свѣтила и учители Церкви въ своихъ писаніяхъ, и сими болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы, при недостаткѣ умѣнія въ семъ, не уклонитися отъ подобающаго".

Ограждая проповѣдь церковную отъ примѣси ложныхъ умствованій, Церковь опредѣлила *порядокъ ученія* и другими замѣчательными установленіями. Такъ.

аа) Съ самыхъ временъ апостольскихъ въ Церкви опредѣлено было закономъ, чтобы на іерархическія степени, которымъ принадлежитъ право ученія въ церквахъ, производимы были люди, извѣстные чистотою и твердостію вѣры, и притомъ послѣ долгаго испытанія: „ибо не справедливо, говоритъ 80-е апост. правило, еще не испытанному быти учителемъ другихъ" (Сн. Лаод. 12, 1 Всел. 2. 10, Сард. 10, Карѳ. 45 и др.).

бб) Такъ какъ обязанность блюсти и охранять въ чистотѣ и цѣлости Вѣру православную лежитъ на лицахъ іерархическихъ и особенно на епископахъ, которые, по самому сану, суть лица отвѣтственныя предъ Церковію: то имъ только и принадлежитъ право ученія въ Церкви, или тѣмъ, кому они дозволятъ. Никакой мірянинъ, какъ лицо не испытанной вѣры, и главное—лицо не отвѣтственное, не посвященное въ дѣло учительства, не имѣетъ права произносить въ церквахъ публично никакого поученія. „Не подобаетъ міряшину, говоритъ 64-е правило VI вселенскаго собора, предъ народомъ произносити слово или учити, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися преданному отъ Господа чину, отверзати ухо пріявшимъ благодать учительскаго слова, и отъ нихъ поучатися божественному. Ибо въ единой Церкви разные члены сотворилъ Богъ по слову апостола, которое изъ-

ясняя Григорій Богословъ, ясно показываетъ находящійся въ нихъ чинъ, глаголя: сей, братіе, чинъ почтимъ, сей сохранимъ: сей да будетъ ухомъ, а тотъ языкомъ; сей рукою, а другой инымъ чѣмъ либо; сей да учитъ, тотъ да учится". Церковь всегда строго смотрѣла за проповѣдываніемъ ученія въ храмахъ, и потому епископы, какъ высшая правительственная власть въ Церкви, не позволяли иногда учить въ церквахъ даже пресвитерамъ, когда сомнѣвались или въ ихъ способности, или въ ихъ православіи, и разрѣшали пользоваться правомъ ученія только тѣмъ, за кого не опасались. Такъ, по свидѣтельству Сократа и Созомена, въ Александріи, послѣ того, какъ Арій отступилъ отъ чистоты Вѣры, на всѣхъ тамошнихъ пресвитеровъ наложено было запрещеніе произносить въ церквахъ поученія (Socr. Hist. eccles. lib. V, cap. XXII, p. 236. Conf. Sosom. Hist. eccles. lib VII, cap. XIX, p. 597. Edit. Amst. MDCC. an.).

б) Вторымъ, не менѣе важнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ къ распространенію христіанскаго просвѣщенія въ народѣ служило въ Церкви каѳолической *заведеніе общественныхъ училищъ*. Церковь всегда сознавала ту огромную пользу для успѣховъ православія и огражденія его отъ нападеній и искаженій со стороны враговъ, какая происходитъ отъ подобныхъ учрежденій, и потому съ самыхъ первыхъ вѣковъ стала заботиться объ учрежденіи и распространеніи разсадниковъ просвѣщенія. Такъ, по свидѣтельству Иринея, еще самъ св. Іоаннъ Богословъ основалъ въ Ефесѣ христіанское училище (Jren. lib. II, ad haer c. XXII); въ Александріи также съ самыхъ первыхъ вѣковъ, именно еще въ вѣкѣ апостольскомъ, было основано подобное же учи-

лище и много способствовало успѣхамъ Вѣры. По свидѣтельству Іеронима, самъ евангелистъ Маркъ былъ наставникомъ въ этомъ училищѣ (Catalog. c. XXXVI). Со временъ евангелиста Марка до конца IV вѣка, когда училище перенесено въ Памфилію, а здѣсь до VI вѣка, въ немъ обучались только христіане, новообращенные— начаткамъ христіанства, вѣрные—дальнѣйшимъ тайнамъ откровенія, частію устно, частію писаніемъ, примѣняясь къ состоянію Церкви, колеблемой то гоненіями, то клеветами и возраженіями язычниковъ, то заблужденіями христіанъ ложныхъ. Изъ этого училища вышли въ послѣдствіи многіе великіе учители Вѣры, каковы: Пантенъ, Климентъ, Діонисій Александрійскій, Григорій чудотворецъ и др. Подобныя училища Церковь, по мѣрѣ возможности, заводила, безъ сомнѣнія, и въ другихъ мѣстахъ, и вездѣ, гдѣ заводила, Вѣра имѣла успѣхъ въ своемъ утвержденіи и уясненіи. Особенно стали распространяться училища со времени Константина Великаго, который, для своего времени, издалъ для нихъ постановленія съ такою опредѣленностію, что назначилъ мѣста, число наставниковъ и предметы христіанскаго и нехристіанскаго ученія, обезпечилъ общественнымъ содержаніемъ и предложилъ въ награду почести и помѣстья. Потомъ на западѣ Валентиніанъ Старшій столько возвысилъ христіанскія училища, что капитолію называли при немъ храмомъ и жилищемъ наукъ (Церк. Ист. Иннок. т. I, ст. 231).

Съ другой стороны, общественныя училища, будучи однимъ изъ лучшихъ средствъ къ распространенію свѣта Вѣры, могли бы сдѣлаться и самыми опасными разсадниками ересей, заблужденій и вольномыслія, если бы въ нихъ двигателями просвѣщенія явились люди съ

убѣжденіями неправославными, съ сердцемъ, расположеннымъ не въ пользу цѣлости Вѣры и Церкви, а во вредъ имъ. Потому, если зачѣмъ другимъ, то особенно за училищами и за ходомъ и направленіемъ образованія въ нихъ внимательно должна была слѣдить хранительница чистой истины божественнаго ученія—православная Церковь. Въ ефесскомъ и александрійскомъ училищахъ сами св. апостолы положили начало, указали направленіе и методъ христіанскому образованію, въ первомъ—евангелистъ Іоаннъ, — во второмъ—евангелистъ Маркъ. По смерти этихъ великихъ учителей вселенной, православная Церковь не покинула ихъ благотворныхъ учрежденій на жертву обстоятельствъ, на произволъ людей злонамѣренныхъ и хитрыхъ, но отеческую заботливость объ истинномъ успѣхѣ училищъ и начальственный надзоръ за ними предоставила преемникамъ ихъ — епископамъ, которые, по самому сану своему, должны пещись о чистотѣ Вѣры въ своей паствѣ (Церк. Библ. Ист. Фил. м. м. изд. 1, стр. 759). По свидѣтельству исторіи, Церковь православная поступала такъ всегда, съ самыхъ временъ апостольскихъ, въ отношеніи ко всѣмъ училищамъ, и, въ лицѣ своихъ предстоятелей, всегда внимательно слѣдила какъ за преподаваніемъ ученія въ нихъ, такъ и за правилами жизни и поведенія учащихся. Этотъ отечески-начальственный надзоръ Церкви касался не однихъ только духовныхъ училищъ, но простирался и на училища свѣтскія, въ которыхъ она старалась также дать доброе направленіе и порядокъ самому гражданскому образованію юношества. Такъ отцы труллъскаго собора обратили свою попечительность на современныя имъ училища гражданскаго законовѣдѣнія, и, замѣтивъ въ нихъ нѣ-

которые нравственные безпорядки, напр. то, что воспитанники ихъ свободно ходили, даже были водимы на всенародныя зрѣлища, одѣвались въ разныя неприличныя одежды и т. под., осудили все это, какъ не сообразное съ духомъ чистой христіанской нравственности, и изрекли даже угрозу отлученія за соблюденіе такихъ обычаевъ. „Учащіеся законамъ гражданскимъ, говоритъ 71-е правило этого собора, не должны употребляти эллинскихъ обыкновеній, или быти водимы на зрѣлища, или совершати такъ именуемыя кνлистры (¹), или одѣватися въ одежды, не находящіяся въ общемъ употребленіи, ни въ то время, когда начинаютъ ученіе, ни въ то, когда оканчиваютъ оное, ни вообще въ продолженіи онаго. Аще же кто отнынѣ дерзнетъ сіе дѣлати, да будетъ отлученъ.“

в) Такъ какъ весьма важнымъ средствомъ къ распространенію христіанскаго просвѣщенія въ народѣ всегда служило еще совершеніе богослуженія: то, чтобы и съ этой стороны вѣрующіе получали одно чистое православное ученіе, Церковію опредѣлены были самыя книги, которыя должно и которыхъ не должно читать при богослуженіи. Это опредѣленіе касалось какъ книгъ св. Писанія, такъ и другихъ сочиненій, не вошедшихъ въ составъ книгъ священныхъ. „Для всѣхъ васъ, говорится въ 85 апостольскомъ правилѣ, принадлежащихъ къ клиру и мірянъ, чтимыми и святыми да будутъ книги ветхаго завѣта: Моѵсеевыхъ пять: Бытія, Исходъ, Левитъ, Числа, Второзаконія. Іисуса, сына Навина едина. Судей едина. Руѳь едина. Царствъ четыре. Паралипоме-

(¹) Кνлистры, по мнѣнію Вальсамона, были родъ жребія, посредствомъ котораго учители разбирали себѣ учениковъ (Прим. къ приведенному правилу въ книгѣ правилъ).

нонъ (то есть остатковъ отъ книги дней) двѣ. Ездры двѣ. Есѳирь едина. Маккавейскихъ три. Іова едина. Псалтирь едина. Соломоновыхъ три: Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь пѣсней. Пророковъ дванадесять. Исаіи едина, Іереміи едина, Іезекіиля едина, едина Даніила. Сверхъ же сего вамъ да присовокупится въ замѣчаніе, чтобы юные ваши изучали премудрость многоученаго Сираха. Наши же, то есть новаго Завѣта: Евангелія четыре: Матѳея, Марка, Луки, Іоанна. Павловыхъ посланій четыренадесять. Петра посланія два. Іоанна три. Іакова едино. Іуды едино. Климента посланія два. И постановленія вамъ епископамъ мною Климентомъ изреченныя въ осьми книгахъ (которыхъ не подобаетъ обнародовати ради того, что въ нихъ таинственно) и Дѣянія наши апостольскія.“ Впослѣдствіи, когда „постановленія апостольскія“, составленныя Климентомъ, были повреждены еретиками, православная Церковь въ огражденіе православія исключила ихъ изъ круга книгъ досточтимыхъ или одобренныхъ для чтенія, дабы вмѣстѣ съ истиннымъ ученіемъ апостоловъ не преподавалось православнымъ „порожденій еретическаго лжесловесія“. Указывая на вышеприведенное апостольское правило, VI вселенскій (трулльскій) соборъ во второмъ правилѣ между прочимъ говоритъ: „поелику же въ сихъ (т. е. апостольскихъ) правилахъ повелѣно намъ пріимати оныхъ же св. апостоловъ постановленія, чрезъ Климента преданныя, въ которыя нѣкогда иномыслящіе ко вреду Церкви привнесли нѣчто подложное и чуждое благочестія, и помрачившее для насъ благолѣпную красоту божественнаго ученія: то мы, ради назиданія и огражденія христіаннѣйшія паствы, оныя Климентовы постановленія благоразсмотри-

тельно отложили, отнюдь не допуская порожденій еретическаго лжесловесія, и не вмѣшивая ихъ въ чистое и совершенное апостольское ученіе“. Въ первые вѣка христіанства, можетъ быть, по ревности къ христіанству, а болѣе всего, конечно, по злоумышленію враговъ — еретиковъ и невѣрныхъ, особенно много являлось сочиненій подъ именами св апостоловъ, сочиненій, наполненныхъ ложными мыслями, опасныхъ для православія, вредныхъ для цѣлости Церкви. Потому православная Церковь зорко слѣдила за тѣмъ, какія книги читаются ея чадами, и неоднократно возобновляла и подтверждала на своихъ соборахъ апостольское 85-е правило относительно того, какія книги должно и какихъ не должно читать христіанамъ особенно въ церковныхъ собраніяхъ. Такъ упомянутое правило подтверждено было 60-мъ правиломъ лаодикійскаго собора и 33 правиломъ кареагенскаго собора. Кромѣ этихъ, именно каноническихъ книгъ св. Писанія, читать какія либо другія книги, подъ именемъ каноническихъ, строго воспрещалось православною Церковію. „Постановлено, говорится въ 33 правилѣ собора кареагенскаго, да не читается ничто въ Церкви подъ именемъ божественныхъ Писаній, кромѣ Писаній каноническихъ. Каноническія же Писанія суть сіи: Бытія, Исходъ, Левитъ, Числа, Второзаконіе, Іисусъ Навинъ“ и такъ далѣе перечисляются всѣ тѣ книги, и въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ настоящей нашей Библіи. „Мы пріяли отъ отцевъ, заключаютъ отцы, что сіи книги подобаетъ читати въ церкви“. Сверхъ книгъ св. Писанія, въ церквахъ дозволено было читать и нѣкоторыя другія книги, вновь составленныя вѣрующими, каковы напр: страданія или акты мучениковъ во дни ихъ праздниковъ;

дозволено также слагать и пѣть въ церквахъ священныя пѣсни, произносить молитвы и т. под., какъ видно изъ дошедшихъ до насъ богослужебныхъ памятниковъ древности и изъ донесенія Плинія Младшаго Траяну, въ которомъ онъ говоритъ, что христіане въ своихъ собраніяхъ поютъ гимнъ Христу, какъ Богу и проч. (Plin. lib. X, c. 97). Относительно вновь составленныхъ книгъ для чтенія въ Церкви кареагенскій соборъ, въ 56 правилѣ, говоритъ: „позволяется и впредь читать страданія мучениковъ во дни, когда совершается ежегодная память ихъ". Но эти книги, равно какъ священныя пѣсни и молитвы, не иначе могли быть введены въ церковное употребленіе, какъ по разсмотрѣніи и одобреніи законною церковною властію, т. е. соборомъ епископовъ, или вообще людьми, пользующимися въ Церкви авторитетомъ и властію. Кареагенскій соборъ въ 116 правилѣ говоритъ: „постановлено и сіе: да совершаются всѣми утвержденныя на соборѣ молитвы, какъ предначинательныя, такъ и окончательныя, и молитвы предложенія, или возложенія рукъ: и отнюдь да не приносятся никогда иныя вопреки вѣрѣ, но да глаголются тѣ, кои просвѣщеннѣйшими собраны" (сн. Аѳанасія вел. пос. 39 въ книгѣ правилъ). Сказанія о мученикахъ, составленныя еретиками и неодобренныя церковною властію, не только не дозволялось читать въ церковныхъ собраніяхъ, но повелѣвалось еще предавать огню. „Повѣсти о мученикахъ, говоритъ 63 правило VI вселенскаго собора, врагами истины лживо составленныя, дабы обезславити Христовыхъ мучениковъ, и слышащихъ привести къ невѣрію, повелѣваемъ не обнародовати въ церквахъ, но предавати оныя огню". Подобное постановленіе было сдѣлано и приведено въ

исполненіе еще 1-мъ вселенскимъ никейскимъ соборомъ относительно аріевыхъ сочиненій (Созом. Цер. Ист. кн. 1, гл. 21). Наконецъ VII вселенскій соборъ 9 правиломъ опредѣлилъ: „всѣ еретическія сочиненія, написанныя противъ св. иконъ, отбирать и представлять въ патріаршій константинопольскій дворъ, а скрывающихъ подобныя книги подвергать наказанію. Всѣ дѣтскія басни и неистовыя глумленія и ложныя писанія, сочиняемыя противъ честныхъ иконъ, должно отдавати въ епископію константинопольскую, дабы положены были съ прочими еретическими книгами. Аще же обрящется кто таковыя скрывающій, то епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ да будетъ изверженъ изъ своего чина, а мірянинъ, или монахъ да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго".

г) Для того, чтобы вѣрующіе знали всѣ коренные догматы Вѣры православной, и не разнились другъ отъ друга ихъ пониманіемъ, равнымъ образомъ, чтобы всякое исповѣданіе Вѣры, противное православію, не было принимаемо вѣрующими за исповѣданіе чистое и истинное, напротивъ было сряду отвергаемо, какъ неправославное, Церковь съ самыхъ временъ апостольскихъ составляла сvмволы, или краткіе образцы истинной Вѣры, для всеобщаго руководства, и вводила ихъ въ употребленіе при богослуженіи и совершеніи таинствъ. Такимъ образомъ вѣрующіе естественно пріучались къ чистому и однообразному исповѣданію Вѣры и ограждались отъ приращенія заблужденій и иномыслія. Болѣе другихъ извѣстны изъ исторіи сvмволы: а) Григорія чудотворца, или неокесарійской церкви, б) сvмволъ антіохійскій, в) римскій, извѣстный подъ именемъ апостольскаго, г) іерусалимскій и д) сvмволъ кесарійской

церкви. Всѣ они употреблялись еще въ 3-мъ вѣкѣ, и были составлены съ исключительною цѣлію оградить православіе отъ современныхъ ересей. Впослѣдствіи, когда явилась ересь Арія, отвергавшаго Божество Іисуса Христа и единосущіе Его со Отцемъ, отцы никейскаго собора (1-го вселенскаго) составили еще сvмволъ, направленный противъ помянутаго еретика. Наконецъ, когда явился Македоній съ своимъ богохульствомъ на Духа Святаго, отцы II вселенскаго Собора, осудивъ еретика и его лжеученіе, пересмотрѣли, дополнили никейскій сvмволъ нѣкоторыми выраженіями, изложили православный догматъ о Святомъ Духѣ—противъ Македонія, о Церкви, таинствахъ и будущей жизни и, составивъ такимъ образомъ новый полный сvмволъ, предали его Церкви въ руководство на вѣчныя времена, съ запрещеніемъ измѣнять въ немъ что либо, прибавлять къ нему или убавлять отъ него какія либо истины, выраженія и слова, подъ страхомъ анаѳемы. Этотъ сvмволъ утвержденъ и на послѣдующихъ соборахъ, съ запрещеніемъ впредь составлять новые сvмволы и давать ихъ для изученія невѣрнымъ, или иновѣрнымъ, обращающимся въ православіе. Такъ III вселенскій соборъ 7-мъ своимъ правиломъ опредѣлилъ: „да не будетъ позволено никому произносити, или писати, или слагати иную вѣру, кромѣ опредѣленныя отъ св. Отецъ, въ Никеи-градѣ со Святымъ Духомъ собравшихся. А которые дерзнутъ слагати иную вѣру, или представляти, или предлагати хотящимъ обратитися къ познанію истины, или отъ язычества, или отъ іудейства, или отъ какой бы то ни было ереси, — таковые, аще суть епископы или принадлежатъ къ клиру, да будутъ чужды епископы епископства, а клирики клира; аще же міряне, да бу-

дутъ преданы анаеемѣ" (сн. VI, 1, VII, 1). Этотъ символъ и нынѣ употребляется по всей православной Церкви и служитъ твердою оградою цѣлости и чистоты Вѣры противъ лжи и вольнодумства.

д) Важнымъ средствомъ къ сохраненію православія служило еще въ древней Церкви обыкновеніе, чтобы всякій новопоставленный епископъ, извѣщая другихъ епископовъ о своемъ поставленіи, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ братской любви и единенія, присылалъ имъ исповѣданіе своей Вѣры. Чрезъ это всякій епископъ напередъ объявлялъ всей Церкви, какъ и чему онъ будетъ учить пасомыхъ. Никакое неточное выраженіе, никакая неправославная мысль въ этомъ окружномъ изложеніи Вѣры не могли ускользнуть отъ зоркаго и чистаго взора церковной власти, и тотчасъ же или были исправляемы, или судимы и осуждаемы, вмѣстѣ съ виновникомъ ихъ, если онъ упорствовалъ, не давъ удовлетворительнаго объясненія. Такимъ образомъ обнаружившій какую либо неправославную мысль не могъ остаться учителемъ другихъ, во вредъ православію. Впослѣдствіи ту же силу получила епископская присяга, въ которой каждый новопоставленный епископъ анаеематствовалъ всѣ ереси, осужденныя Церковію, обѣщалъ блюсти единеніе съ прочими епископами, и исповѣдывалъ предъ Церковію Вѣру православную по никео-цареградскому символу, и чрезъ то также заявлялъ предъ Церковію, чему онъ будетъ учить порученный ему народъ. Такъ осторожна, такъ заботлива православная Церковь относительно охраненія святой православной Вѣры! Эта епископская присяга и до сихъ поръ составляетъ неотъемлемую и торжественную часть чинопослѣдованія архіерейской хиротоніи.

е) Какъ бы ни былъ просвѣщенъ ученіемъ Вѣры епископъ, какъ бы зорко ни слѣдилъ онъ за чистотою Вѣры въ своей паствѣ,—въ Церкви всегда могли явиться люди съ вопросами, съ недоумѣніями относительно догматовъ Вѣры и правилъ благочестія, съ такими вопросами и недоумѣніями, которыя не рѣдко и не могли быть разрѣшены единоличною властію епископа. Особенно часто подобные вопросы возникали въ древней Церкви, когда богословская терминологія не была еще строго опредѣлена и когда догматика православная не достигла еще той полноты развитія въ опредѣленіи всѣхъ частныхъ сторонъ догматовъ, какой достигла послѣ VII вселенскаго собора. При такихъ обстоятельствахъ весьма мудрымъ и благодѣтельнымъ для охраненія православія былъ законъ, принятый съ апостольскихъ временъ всею Церковію, чтобы въ каждой области дважды въ году были учреждаемы соборы областныхъ епископовъ для разсужденія о догматахъ благочестія и разрѣшенія разныхъ церковныхъ прекословій, между которыми, безъ сомнѣнія, всегда занимали первое мѣсто прекословія о Вѣрѣ. 37-мъ апостольскимъ правиломъ было постановлено: „дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія, и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія". Это правило было подтверждено впослѣдствіи на нѣсколькихъ соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ (I, 5, IV, 19; антіох. 20, IV, 8, VII, 6. карѳ. 27 и проч.), и всегда имѣло силу въ Церкви. Обязанность наблюдать за составленіемъ этихъ соборовъ и назначать для нихъ мѣсто и время лежала на областномъ митрополитѣ (Антіох. 19, 20). Впослѣдствіи, съ тою же, между прочимъ, цѣлію образовались при во-

сточныхъ патріархахъ постоянные соборы, или сvнoды епископовъ, каковый сvнодъ существуетъ и въ нашей Церкви со временъ Петра Великаго.

2. Средства втораго рода.

а) Первоначальное воспитаніе дается человѣку въ семействѣ. Тамъ впервые и не рѣдко на всегда полагаются въ юную душу сѣмена благочестія, или начала превратныхъ убѣжденій и дѣйствій. Вліяніе родителей на дѣтей неотразимо; такимъ часто бываетъ и вліяніе супруговъ другъ на друга. Потому больше всего и прежде всего надлежало озаботиться Церкви православной объ охраненіи православія въ семействахъ. Церковь не опустила этого изъ виду, и потому браки православныхъ съ неправославными хотя и терпѣла, но допускала ихъ съ извѣстными ограниченіями. Такъ на IV вселенскомъ соборѣ она а) запретила клирикамъ вступать въ бракъ съ иновѣрными лицами изъ язычества, или іудейства, также съ еретичествующими; б) тѣмъ, которые вошли уже въ такіе смѣшанные браки, повелѣла всѣхъ дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ браковъ, крестить въ православной Церкви, а крещенныхъ уже въ еретичествѣ возвращать къ Церкви; в) запретила также дѣтямъ клириковъ вступать въ смѣшанные браки, развѣ въ такомъ только случаѣ, когда лицо иновѣрное, или неправовѣрное обратится къ православной Церкви. 14-е правило упомянутаго собора именно говоритъ: „опредѣлилъ св. соборъ, чтобы никому изъ нихъ (чтецовъ и пѣвцовъ) не было позволено брати себѣ въ жену иновѣрную: чтобы родившіе уже дѣтей отъ таковаго брака, и прежде сего уже крестившіе ихъ у еретиковъ, приводили ихъ къ общенію съ каѳолическою Церковію: а не крестившіе не могли крестити ихъ у

еретиковъ, ни совокупляти бракомъ съ еретикомъ, или іудеемъ, или язычникомъ; развѣ въ такомъ токмо случаѣ, когда лице сочетавающееся съ православнымъ лицомъ, обѣщаетъ перейти въ православную вѣру. А кто преступитъ сіе опредѣленіе святаго собора, тотъ да подлежитъ епитиміи по правиламъ.“ То, что IV вселенскій соборъ запретилъ собственно духовнымъ лицамъ, правила другихъ соборовъ не позволяютъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Такъ лаодикійскій соборъ постановилъ на этотъ предметъ два правила, — одно относительно дѣтей лицъ духовнаго званія, другое относительно всѣхъ православныхъ христіанъ. Первое (правило 10) говоритъ: „не должно церковнымъ безъ разбора совокупляти дѣтей своихъ брачнымъ союзомъ съ еретиками“ (сн. Карѳ. 30). Второе (31): „не подобаетъ со всякимъ еретикомъ заключати брачный союзъ, или отдавати таковымъ сыновъ или дщерей, но паче брати отъ нихъ, аще обѣщаются быти христіанами“. VI вселенскій соборъ 72-мъ правиломъ также постановилъ еще болѣе строгое опредѣленіе: „не достоитъ мужу православному съ женою еретическою бракомъ совокуплятися, ни православной женѣ съ мужемъ еретикомъ сочетаватися. Аще же усмотрѣно будетъ нѣчто таковое, содѣланное кѣмъ либо: бракъ почитати не твердымъ и незаконное сожитіе расторгати, ибо не подобаетъ смѣшивати не смѣшиваемое, ниже совокупляти съ овцею волка и съ частію Христовою жребій грѣшниковъ. Аще же кто постановленное нами преступитъ; да будетъ отлученъ. Но аще нѣкоторые, будучи еще въ невѣріи и не бывъ причтены къ стаду православныхъ, сочетались между собою законнымъ бракомъ: потомъ одинъ изъ нихъ, избравъ благое, прибѣгнулъ къ свѣту истины, а

другій остался въ узахъ заблужденія, не желая воззрѣти на божественные лучи, и аще притомъ невѣрной женѣ угодно сожительствовати съ мужемъ вѣрнымъ, или напротивъ мужу невѣрному съ женою вѣрною, — то да не разлучаются, по божественному апостолу: *святится бо мужъ невѣренъ о женѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ* (1 Кор. 7, 4).“ Впрочемъ, допуская смѣшанныя супружества, заключенныя обоими супругами еще въ невѣріи, и Апостолъ дѣлаетъ это не безъ условій, напротивъ къ своему правилу онъ присовокупляетъ тѣ же два, важныя для Вѣры, условія, какихъ требуетъ Церковь. Это а) чтобы такой супружескій союзъ содѣйствовалъ обращенію супруга невѣрнаго посредствомъ вѣрнаго, а не на оборотъ: *что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши? или что вѣси, мужу, аще жену спасеши?* (ст. 16), — б) чтобы воспитаніе дѣтей принадлежало супругу не невѣрному, а вѣрующему, т. е. чтобы дѣти ихъ были воспитаны въ православной Вѣрѣ: *иначе*, говоритъ Апостолъ, *чада ваша не чиста были бы, нынѣ же свята суть* (ст. 14). Допустивъ безъ всякихъ ограниченій смѣшанныя супружества, Церковь потерпѣла бы отъ нихъ великій вредъ; такъ какъ они, по теснѣйшимъ отношеніямъ между мужемъ и женою, открывали бы широкій путь совращенію христіанъ въ иновѣріе, — православныхъ въ еретичество; особенно же опасность грозила бы дѣтямъ; воспріимчивые ко всему, живя подъ вліяніемъ чуждыхъ православію впечатлѣній, они легко могли бы воспитаться въ духѣ лжи и нечестія; а чрезъ такое воспитаніе новыхъ поколѣній, Вѣра Христова, вмѣсто распространенія, оскудѣвала бы. Поэтому и въ ветхомъ Завѣтѣ строго запрещены были браки съ иновѣрцами. Моисей въ книгѣ Второзаконія

говоритъ: *да не завѣщаеши къ нимъ* (язычникамъ) *завѣта, ниже сватовства сотвориши съ ними: дщери своея не даси сыну его и дщери его да не поймеши сыну твоему. Отвратитъ бо сына твоего отъ Мене и послужитъ богомъ инымъ* (Втор. 7, 3. 4). Сюда же относится и то замѣчательное постановленіе Церкви православной, по которому никто не могъ быть произведенъ ни на какую степень священства прежде, чѣмъ сдѣлаетъ въ дому своемъ всѣхъ православными христіанами, такъ какъ всякое безразличное обращеніе и семейное общеніе православныхъ, особенно пастырей и учителей, съ людьми, чуждыми Вѣрѣ или православію, всегда можетъ быть опасно для цѣлости православной Церкви. Кареагенскаго собора 45 правило говоритъ: „епископы, пресвитеры и діаконы не прежде да поставляются, развѣ когда всѣхъ въ домѣ своемъ содѣлаютъ православными христіанами". Пастырь и учитель другихъ долженъ быть для своихъ пасомыхъ примѣромъ ревности по православію; потому если бы онъ не только терпѣлъ въ своемъ дому неправославныхъ, но имѣлъ семейное, близкое, дружеское, или даже родственное общеніе съ ними, — подобное его поведеніе служило бы соблазномъ для другихъ, или располагало бы ихъ къ безразличію въ Вѣрѣ.

б) Устрояя жизнь семейную такъ, чтобы все въ ней клонилось къ пользѣ православія, Церковь по тѣмъ же правиламъ располагала и общественную жизнь своихъ членовъ, удаляя отъ нихъ все, что могло бы имѣть вредное вліяніе на чистоту ихъ Вѣры. Семейное воспитаніе, какъ ни важно оно для нравственнаго и религіознаго развитія человѣка, составляетъ только начало дѣла. Обстоятельства жизни общественной и люди, съ

которыми живетъ человѣкъ, имѣютъ на него также неотразимое вліяніе. Самыя добрыя сѣмена, вложенныя въ душу ребенка воспитаніемъ семейнымъ, часто глохнутъ въ юношѣ отъ приряженія мертвящихъ началъ разврата и вольномыслія, отъ близкихъ сношеній его въ свѣтѣ съ лицами, дурно направленными. Посему Церковь православная, эта Богомъ поставленная руководительница наша ко спасенію, своими мудрыми правилами такъ устроила порядокъ нашей жизни, чтобы Вѣра православная, это сокровище души, была свободна и безопасна отъ всякихъ вредныхъ вліяній. Для сего Церковь запрещала вѣрнымъ сынамъ своимъ всякое близкое общеніе въ какомъ бы то ни было отношеніи съ невѣрными и еретиками, какъ весьма опасное для цѣлости Вѣры. При взаимномъ частомъ обмѣнѣ мыслей и чувствъ, въ которомъ и состоитъ взаимное общеніе, люди, незамѣтно, многое, если не все, заимствуютъ другъ отъ друга. Достоинство и польза этого обмѣна естественно опредѣляются выборомъ лицъ, съ которыми мы вступаемъ въ близкое сношеніе. Если эти люди строго православные, то, конечно, выборъ нашъ много принесетъ намъ пользы, напротивъ если мы будемъ часто и дружески обращаться съ лицами невѣрующими, или неправовѣрующими, съ лицами вольнодумными, то цѣлость Вѣры всегда будетъ въ опасности. Вольномысліе обольстительно для нашего самолюбія. Потому еще апостолы всячески предостерегали вѣрующихъ отъ близкихъ сношеній съ ложными учителями и вообще лицами, не принадлежащими къ единству ихъ Вѣры. *Блюдитеся*, писалъ Апостолъ, *да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по стихіямъ міра, а не по Христѣ* (Кол. 2, 8). Прощаясь съ

ефесскими пастырями, Апостолъ самымъ трогательнымъ образомъ умолялъ ихъ бодрствовать надъ стадомъ Божіимъ и не допускать въ него хищныхъ волковъ—лжеучителей, не позволять вѣрнымъ никакихъ близкихъ сношеній съ ними. *Не обинухся сказати вамъ всю волю Божію. Внимайте себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею. Азъ бо вѣмъ сіе, яко по отшествіи моемъ внидутъ въ васъ волцы тяжцы, не щадящіи стада. И отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе, глаголющіи развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе. Сего ради бдите*... (Дѣян. 20, 27—31). Св. апостолъ Іоаннъ даже въ частныхъ чертахъ опредѣлилъ порядокъ и характеръ отношеній православныхъ христіанъ къ невѣрнымъ и еретикамъ. *Аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не пріемлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите; глаголяй бо ему радоватися, сообщается дѣломъ его злымъ* (2 Іоан. 1, 11). Какъ учили, такъ и поступали св. апостолы. Они не хотѣли вообще имѣть ничего общаго съ еретиками. Св. апостолъ Іоаннъ не хотѣлъ даже въ банѣ мыться съ еретикомъ Керинѳомъ. По наставленію и примѣру св. апостоловъ и мужей апостольскихъ, у христіанъ первенствующихъ образовался весьма мудрый и спасительный обычай не входить въ разговоры ни съ кѣмъ и заграждать слухъ отъ всякаго, кто сталъ бы произносить какія либо нечестивыя слова, опасныя для Вѣры (Jren. lib. III, cap. IV). Православная Церковь послѣдующихъ вѣковъ со всею строгостію слѣдовала заповѣдямъ апостоловъ. На своихъ соборахъ она положила довольно много опредѣленныхъ и рѣшительныхъ правилъ, которыми запрещается всякое, не только цер-

ковное, но и обыкновенное общественное или житейское общеніе съ еретиками и невѣрными. Именно, запрещается вѣрующимъ имѣть всякое общеніе съ еретиками или невѣрными 1) *въ обрядахъ богослуженія.* Для сего не позволяется православнымъ христіанамъ аа) ходить въ храмы или капища еретиковъ и невѣрныхъ для молитвы, или участія въ ихъ богослуженіи.... „Аще кто изъ клира, говоритъ 65 апостольское правило, или міряниnъ въ синагогу іудейскую, или еретическую войдетъ помолитися: да будетъ и отъ чина священнаго отверженъ, и отлученъ отъ общенія церковнаго". „Не подобаетъ, говоритъ еще 33 правило лаодикійскаго собора, молитися съ еретикомъ или отщепенцемъ" (1). Особенно же не должны имѣть никакого церковнаго общенія съ еретиками лица духовнаго званія, которыхъ примѣръ былъ бы весьма гибеленъ для про-

(1) Въ тѣ времена, когда Церковь Христова страдала отъ гоненій и когда истинно вѣрующіе украшались мученическими вѣнцами, христіане съ особеннымъ усердіемъ собирались на тѣ мѣста, гдѣ погребены были тѣла мучениковъ, пострадавшихъ за святую Вѣру; тамъ христіане и прославляли память мужественныхъ подвижниковъ Вѣры и испрашивали ходатайства ихъ предъ Богомъ о своемъ спасеніи, а не рѣдко по молитвамъ ихъ и данной имъ отъ Бога благодати получали исцѣленія отъ разныхъ недуговъ (Евс. Церк. Ист. т. 9. Cassiod. hist. tripart. 5, 3). Еретики также имѣли своихъ мнимыхъ мучениковъ, умерщвленныхъ язычниками во время общихъ гоненій на христіанство, и также собирались въ память ихъ на кладбища съ своими молитвами. Запрещая вѣрующимъ вообще участвовать въ богослуженіи еретиковъ, св. отцы Церкви запретили имъ въ частности посѣщать и кладбища еретическихъ мучениковъ и искать тамъ какого-либо исцѣленія; такъ какъ подобныя посѣщенія могли бы быть весьма опасными для Вѣры православныхъ. 9-е правило лаодикійскаго собора говоритъ: «на кладбища всякихъ еретиковъ, и въ такъ именуемыя у нихъ мученическія мѣста да не будетъ позволено церковнымъ ходити для молитвы или для врачеванія. А ходящимъ, аще суть вѣрные, быти лишенными общенія церковнаго на нѣкое время» (пр. 34, 35).

стыхъ вѣрующихъ, епископы, пресвитеры, діаконы и проч. „Епископъ, пресвитеръ, или діаконъ, съ еретиками молившійся токмо, да будетъ отлученъ. Аще же позволитъ имъ дѣйствовать что либо, яко служителямъ Церкви, да будетъ изверженъ“ (Апостольск. 45, 46, 47).

бб) Участвовать какимъ бы то ни было образомъ въ празднествахъ съ еретиками и невѣрными. „Аще который христіанинъ, говоритъ 71-е апостольское правило, принесетъ елей въ капище языческое, или въ синагогу іудейскую, въ ихъ праздники, или возжетъ свѣщу, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго“. „Аще кто епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ списка клира постится съ іудеями, или празднуетъ съ ними, или пріемлетъ отъ нихъ дары праздниковъ ихъ, какъ то: опрѣсноки, или нѣчто подобное: да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ“ (Апост. 70). Съ этою цѣлію Церковь православная нарочито учредила праздновать пасху въ такое время, чтобы она никакъ не могла сходиться съ пасхою іудейскою, и подъ строжайшею отвѣтственностію запретила всѣмъ и каждому, особенно же предстоятелямъ Церкви, нарушать опредѣленіе никейскаго собора (1 всел.) о времени празднованія пасхи (Антіох. 1 пр.). „Не должно, по 37 правилу лаодикійскаго собора, принимати праздничные дары, посылаемые отъ іудеевъ, или еретиковъ, ниже праздновати съ ними.“ По 38 правилу того же собора: „не должно принимати отъ іудеевъ опрѣсноки, или пріобщаться нечестіямъ ихъ“. По 39-му: „не должно праздновати съ язычниками и пріобщаться безбожію ихъ“.

вв) Принимать благословенія отъ еретиковъ. „Не по-

добаетъ отъ еретиковъ принимати благословенія, которыя суть суесловія паче, нежели благословенія".

гг) Запретивъ православнымъ чадамъ своимъ посѣщать молитвенныя собранія еретиковъ и молиться съ ними, Церковь запретила и еретиковъ пускать въ храмы православные, если они коснѣютъ въ ереси. „Не допускати еретикамъ коснѣющимъ въ ереси ходити въ домъ Божій" (Лаод. 6).

Наконецъ дд) въ пресѣченіе всякаго религіознаго общенія между православными и невѣрными, Церковь запретила христіанамъ употреблять во взаимныхъ договорахъ, или преніяхъ, языческія клятвы, въ которыхъ обыкновенно призывается во свидѣтели истинности словъ то или другое божество. Безъ сомнѣнія, подъ понятіе: „языческія клятвы" должны быть подведены и всѣ прочія клятвы, въ которыхъ призывается какой либо вымышленный, а не истинный Богъ. Употребленіе подобныхъ клятвъ показывало бы въ христіанинѣ или уваженіе и страхъ къ ложнымъ божествамъ и вѣру въ нихъ, даже большую вѣру, чѣмъ въ истиннаго Бога, и, слѣдовательно, было бы свидѣтельствомъ его невѣрія, его отчужденія отъ христіанства, — или же было бы чистымъ и явнымъ обманомъ, когда, не вѣруя въ подобныхъ боговъ, онъ клялся бы ими для того только, чтобы увѣрить въ истинности своихъ лживыхъ словъ, и слѣдовательно, обмануть другаго. То и другое не согласно съ достоинствомъ христіанина. Потому трулльскій соборъ 49-мъ правиломъ своимъ опредѣлилъ: „кленущихся клятвами языческими правило епитиміи подвергаетъ, и мы таковымъ отлученіе опредѣляемъ". Правило, на которое указываетъ соборъ, изложено Василіемъ Великимъ, который, указывая на употребленіе

христіанами языческихъ клятвъ, какъ на одинъ изъ видовъ отреченія отъ Вѣры, опредѣлилъ: „поелику во время нашествія варваровъ многіе содѣлали преступленія противъ вѣры въ Бога, клявшись языческими клятвами и вкусивъ нѣкоторыхъ оскверненныхъ снѣдей, съ волхвованіемъ принесенныхъ въ жертву идоламъ: то съ таковыми да будетъ поступаемо по изданнымъ уже св. отцами законамъ и правиламъ. Тѣ, которые, претерпѣвъ тяжкое изнуреніе мученіями и не вытерпѣвъ страданія, доведены были до отреченія отъ Христа, три лѣта да будутъ не принятыми въ Церковь, по истеченіи коихъ два лѣта да слушаютъ писанія, три да припадаютъ, и тогда могутъ приняты быти въ общеніе. Безъ великія же нужды вѣру въ Бога предавшіе, и коснувшіеся трапезы бѣсовскія, и клявшіеся языческими клятвами, три лѣта да будутъ изверженными изъ Церкви, два слушающими писанія, три лѣта да молятся въ припаданіи, другія три да стоятъ во время молитвы съ вѣрными, и тогда уже могутъ быть приняты ко общенію св. таинъ“ (прав. 81).

Далѣе 2) каѳолическая Церковь запрещаетъ чадамъ своимъ всякое общеніе съ еретиками, или невѣрными въ ихъ нечестивыхъ, или суевѣрныхъ, вообще несогласныхъ съ ея уставами и духомъ христіанства, *обычаяхъ и правилахъ жизни*. Такъ она осуждаетъ аа) всякаго члена, разумѣется, прежде всего принадлежащаго къ духовному сословію, а потомъ къ разряду міряпъ, кто, подобно древнимъ еретикамъ (энкратитамъ), сталъ бы гнушаться бракомъ, мясомъ, виномъ и т. п. „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина, удаляется отъ брака, и мяса, и вина, не ради подвига воздержанія, но по при-

чинѣ гнушенія, забывъ, что вся добра зѣло, и что Богъ, созидая человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ, и такимъ образомъ хуля клевещетъ на созданіе: или да исправится, или да будетъ изверженъ изъ священнаго чина, и отверженъ отъ церкви. Такожде и міряninъ" (Апост. 51, Гангр. 1, 2, 4, 9, 10, 14 и проч.).

бб) Тѣхъ, которые, подобно древнимъ еретикамъ (Epiphan. haer. 58, August. haer. 37), ложно понимая слова Спасителя о скопцахъ (Мѳ. XIX, 12), скопятъ самихъ себя, или другихъ: „аще кто изъ клира скопитъ себе самаго: да будетъ изверженъ. Ибо убійца есть самаго себе" (Апостол. 23). „Міряninъ, самого себѣ скопившій, на три года отлученъ да будетъ отъ таинствъ. Ибо навѣтникъ есть своея жизни" (Апост. 24). Двукратный соборъ, изъясняя вышеприведенныя правила св. апостолъ, говоритъ: „божественное и священное правило св. апостолъ признаетъ скопящихъ самихъ себя за убійцъ, и, аще суть священники, извергаетъ, аще ли не суть, заграждаетъ имъ восхожденіе въ священство. Отсюда явнымъ становится, яко аще скопящій самъ себя есть самоубійца: то скопящій другаго есть безъ сомнѣнія убійца. Можно же праведно рещи, яко таковый оскорбляетъ и самое созданіе. Того ради святый соборъ опредѣлилъ: аще который епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ обличенъ будетъ, яко оскопилъ кого либо, своеручно ли, или чрезъ повелѣніе: таковый да подвергнется изверженію изъ своего чина, аще же міряninъ, да отлучится отъ общенія церковнаго, развѣ приключившаяся болѣзнь принудитъ къ оскопленію болящаго" (Пр. 8, сн. 1 всел. 1 пр.).

вв) Тѣхъ, которые, и по принятіи христіанства, держатся въ своей жизни языческихъ обычаевъ и суевѣрій, особенно если они имѣютъ религіозный характеръ. Къ такимъ обычаямъ относятся: плясанье, переряживанье самихъ себя, перескакиваніе чрезъ огонь въ извѣстные, особенно священные, дни и т. п. „Такъ называемыя календы, Вота, Врумалія (1) и народное сборище въ первый день марта желаемъ совсѣмъ исторгнути изъ житія вѣрныхъ. Такожде и всенародныя женскія плясанія, великій вредъ и пагубу наносити могущія, равно и въ честь боговъ, ложно такъ еллинами именуемыхъ, мужескимъ или женскимъ поломъ производимыя плясанія и обряды, по нѣкоему старинному и чуждому христіанскаго житія обычаю совершаемыя, отвергаемъ, и опредѣляемъ: никакому мужу не одѣватися въ женскую одежду, ни женѣ въ одежду, мужу свойственную: не носити личинъ комическихъ, или сатирическихъ, или трагическихъ; при давленіи винограда въ точилахъ не возглашати гнустнаго имени Діониса, и, при вливаніи вина въ бочки, не производити смѣха, и, по невѣжеству или въ видѣ суеты, не дѣлати того, что принадлежитъ къ бѣсовской прелести. Посему тѣхъ, которые отнынѣ, зная сіе, дерзнутъ дѣлати что либо изъ вышесказаннаго, аще суть клирики, повелѣваемъ извергати изъ священнаго чина, аще же міряне, отлучати отъ общенія церковнаго“ (VI, 62). „Въ новомѣ-

(1) Подъ именемъ календъ запрещается празднованіе перваго дня каждаго мѣсяца, съ обрядами и увеселеніями, отъ язычества произшедшими: подъ именемъ Вота — остатки языческаго празднованія въ честь Пана; подъ именемъ Врумалія—остатки языческаго празднованія въ честь Діониса или Вакха, котораго одно изъ прозваній есть Вромій. Примѣч. къ книгѣ правилъ.

сячія возжиганіе нѣкоторыми предъ своими лавками или домами костровъ, чрезъ кои, по нѣкоему старинному обычаю, безумно скачутъ, повелѣваемъ отнынѣ упразднити. Посему аще кто учинитъ что либо таковое: то клирикъ да будетъ изверженъ, а міconverted>рянинъ да будетъ отлученъ. Ибо въ 4-й книгѣ Царствъ написано: *и сотвори Манассія олтарь всей силѣ небесный, на дву дворѣхъ дому Господня, и провождаше сыны своя чрезъ огнь, и вражаше и волхвованія творяше, и сотвори чревовѣщателей и волшебницы умножи, и умножи творити лукавое предъ очима Господнима, еже прогнѣвати Его* (4 Цар. 21, 5, 6) (VI, 65).

гг) Тѣхъ, которые занимаются волшебствомъ, или прибѣгаютъ къ волшебникамъ. Суевѣріе, на которомъ основывается волшебство, есть болѣзни души, весьма опасная для православія; происходя отъ невѣжества въ Вѣрѣ, она доходитъ часто не только до искаженія, но и до совершеннаго (хотя не рѣдко и не сознательнаго) отверженія самыхъ коренныхъ догматовъ православія. Занесенная въ Церковь православную отъ язычества, она тѣмъ съ большею силою развивается и тѣмъ больше жертвъ охватываетъ, что предрасположеніе къ ней лежитъ въ самой природѣ человѣка. Главнымъ корнемъ этой болѣзни служитъ въ душѣ нашей склонность къ таинственному и чудесному, по которой каждый изъ насъ еще ребенкомъ населяетъ видимый міръ невидимыми существами и таинственными силами. Такимъ образомъ корни суевѣрія глубоко лежатъ въ душѣ человѣка. Посему Церковь православная всѣми мѣрами старалась удалить членовъ своихъ отъ всего, чтò бы могло питать или развивать въ нихъ какіе либо виды суевѣрія, и осуждала, наравнѣ съ самыми тяжкими преступ-

никами, всѣхъ колдуновъ и волшебниковъ, во всѣхъ ихъ видахъ. Тѣмъ съ большею строгостію осуждала Церковь этихъ суевѣровъ и обманщиковъ, что развитіе суевѣрія было бы неизбѣжнымъ вытѣсненіемъ духа христіанскаго изъ общества вѣрующихъ и воспитаніемъ въ нихъ началъ языческой вѣры: такъ какъ главнымъ качествомъ христіанства служитъ разумность, а язычество все переполнено было суевѣріями и населено чудовищными божествами. Съ другой стороны въ волшебствѣ есть отреченіе отъ Вѣры, когда, человѣкъ, забывъ о всеуправляющемъ Промыслѣ, обращается вмѣсто Него къ пособію демоновъ или вообще темныхъ силъ. Потому св. Василій Великій волшебниковъ осуждаетъ наравнѣ съ убійцами, т. е. подвергаетъ ихъ двадцатилѣтней епитиміи (пр. 56, 57). „Покаявшійся въ волшебствѣ.... да проведетъ въ покаяніи время, положенное для убійцы, съ распредѣленіемъ сообразно тому, какъ самъ себя обличилъ во грѣхѣ" (пр. 65 сн. пр. 72) ([1]). Тѣ, которые, по своему суевѣрію, прибѣгаютъ къ волшебникамъ, ожидая отъ нихъ какой либо пользы, осуждаются на шестилѣтнее покаяніе по 83 правилу того же отца: „волхвующіе и послѣдующіе языческимъ обычаямъ, или вводящіе нѣкіихъ въ домы свои ради изысканія чародѣйства или ради очищенія: лѣто да будутъ плачущими, лѣто слушающими, два лѣта припа-

([1]) Въ 72 правилѣ св. Василій Великій подвергаетъ тому же осужденію и тѣхъ, которые предаются волшебникамъ: «предавшій себя волхвователямъ, или нѣкимъ подобнымъ да будетъ подъ епитиміею столько же времени, сколько убійца.» Но «подъ преданіемъ себя чародѣямъ» разумѣется не одно только прибѣганіе къ ихъ искусству, для мнимой пользы, но соучастіе въ ихъ волшебствѣ, послѣдованіе ихъ ученію и правиламъ, со всѣмъ тѣмъ зломъ, какое отъ волшебства происходитъ (Сн. кур. церк. закон. Іоан. Т. II. стр. 79. 80).

дающими, и едино да стоятъ съ вѣрными, и тако да пріимутся". Анкирскимъ соборомъ опредѣлено было подвергать подобныхъ лицъ пятилѣтней епитиміи (пр. 24), но соборъ трулльскій принялъ и подтвердилъ правило св. Василія Великаго, подвергнувъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ чародѣямъ, правилу шестилѣтія, и указалъ подробно самые виды волхвованія: „предающіеся волшебникамъ, или такъ именуемымъ стоначальникамъ (т. е. старѣйшимъ волхвамъ), или другимъ подобнымъ, дабы узнати отъ нихъ, что восхотятъ имъ открыти, согласно съ прежними отеческими о нихъ постановленіями, да подлежатъ правилу шестилѣтнія епитиміи. Той же епитиміи надлежитъ подвергати и тѣхъ, которые водятъ медвѣдицъ или иныхъ животныхъ, на посмѣшище и на вредъ простѣйшихъ, и, соединяя обманъ съ безуміемъ, произносятъ гаданія о счастіи, о судьбѣ, о родословіи, и множество другихъ подобныхъ толковъ: равно и такъ именуемыхъ облакогонителей (т. е. гадателей о будущемъ по облакамъ, ихъ виду и цвѣту — νεφοδιῶκται), обаятелей—γητευται—посредствомъ призыванія демоновъ, даже именъ нѣкоторыхъ святыхъ, пѣнія мірскихъ или священныхъ пѣсней. дѣлателей предохранительныхъ талисмановъ и колдуновъ" (пр. 61). Тѣхъ, которые, не смотря на всѣ вразумленія и епитиміи церковныя, упорно остаются и коснѣютъ въ этомъ пагубномъ суевѣріи, опредѣлено совсѣмъ извергать изъ общества вѣрующихъ, какъ бы какую опасную заразу. „Закоснѣвающихъ же въ семъ, продолжаютъ отцы того же собора, и не отвращающихся и неубѣгающихъ отъ таковыхъ пагубныхъ и языческихъ вымысловъ, опредѣляемъ совсѣмъ извергати изъ Церкви, какъ и священныя правила повелѣваютъ. Ибо кое

общеніе свѣта ко тьмѣ? якоже глаголетъ апостолъ, или кое сложеніе церкви Божіей со идолы? или кая часть вѣрному съ невѣрнымъ? кое же согласіе Христа съ веліаромъ" (2 Кор. 6, 14—16)? Такъ всегда смотрѣла православная Церковь на волшебство и волшебниковъ, видѣла въ нихъ самую гибельную заразу общества христіанскаго, и поражала ихъ самымъ тяжкимъ судомъ, рѣшительнымъ отсѣченіемъ отъ общества спасаемыхъ. Св. апостолъ Павелъ, исполнившись Духа Святаго, назвалъ Элиму волхва исполненнымъ всякой лести, всякой злобы, сыномъ діавола, врагомъ всякой правды, развратителемъ правыхъ путей Господнихъ, и поразилъ его слѣпотою (Дѣян. 13, 9. 10. 11). Соборъ лаодикійскій извергаетъ всѣхъ волшебниковъ изъ Церкви, особенно если они еще числились въ клирѣ. „Не подобаетъ освященнымъ или причетникамъ быти волшебниками, или числогадателями, или астрологами, или дѣлати такъ именуемыя предохранилища, которыя суть узы душъ ихъ. Носящихъ же оныя повелѣли мы извергати изъ Церкви". Св. Григорій Нисскій осуждаетъ волшебство или чародѣйство, дѣйствующее посредствомъ темныхъ силъ, какъ отступничество отъ Вѣры. Посему тѣхъ, которые добровольно предаются такому душепагубному заблужденію и прибѣгаютъ къ помощи темныхъ силъ съ вѣрою въ нихъ, онъ повелѣваетъ отлучать отъ Церкви на всю жизнь, какъ отступниковъ отъ Вѣры (пр. 2), а увлеченныхъ къ помощи волшебства какою либо нуждою, несчастіемъ, или несносною скорбію души, сравниваетъ съ отпадшими отъ Вѣры во время гоненій, которые не противустали съ твердостію мученіямъ, т. е. опредѣляетъ имъ десятилѣтнее покаяніе (сн. пр. 2 и 3). Ибо какая бы бѣда или зло ни пре-

слѣдовали человѣка, свойственно ли христіанину терять вѣру и упованіе на Бога, и, вмѣсто молитвы о помощи Божіей, вмѣсто преданности волѣ Господней, искать отрады душѣ въ суевѣріи и ждать помощи отъ силъ темныхъ, ложныхъ и человѣку всегда враждебныхъ? „Тѣ, которые приходятъ къ чародѣямъ, говоритъ св. Григорій (въ 3 пр.), или къ прорицателямъ, или къ обѣщающимъ чрезъ демоновъ учинити нѣкое очищеніе, или отвращеніе вреда, подробно да вопрошаются и да испытываются, оставаясь ли въ вѣрѣ во Христа, нѣкоею нуждою увлечены они къ такому грѣху, по направленію, данному имъ какимъ либо несчастіемъ, или несноснымъ лишеніемъ, или совсѣмъ презрѣвъ исповѣданіе, отъ насъ имъ ввѣренное, прибѣгли къ пособію демоновъ. Ибо аще учинили сіе съ отверженіемъ Вѣры, и съ тѣмъ, чтобы не вѣровати, яко Богъ есть покланяемый христіанами, то, безъ сомнѣнія, подвержены будутъ осужденію съ отступниками. Аще же несносная нужда, овладѣвъ слабою ихъ душею, довела ихъ до того, обольстивъ нѣкою ложною надеждою: то и надъ сими такожде да будетъ явлено человѣколюбіе, по подобію тѣхъ, которые, во время исповѣданія, не возмогли противустати мученіямъ". Въ ветхомъ Завѣтѣ самъ Господь осудилъ волшебство, какъ отступленіе отъ Вѣры, и угрожалъ за него конечнымъ погубленіемъ. *Душа, яже аще послѣдуетъ утробнымъ баснемъ, или волхвомъ, яко соблудити въ слѣдъ ихъ, утвержу лице мое на душу ту, и погублю ю отъ людей ея* (Лев. 20, 6).

Далѣе дд) для охраненія какъ Вѣры, такъ и благочестія въ своихъ членахъ, православная Церковь строго запрещала имъ посѣщать народныя языческія зрѣ-

лища и пиршества, на которыхъ всегда они могли бы видѣть дѣйствія и игры, то суевѣрныя, то жестокія и безчеловѣчныя, то соблазнительныя и постыдныя, и съ которыхъ потому всегда возвращались бы съ впечатлѣніями нечистыми, опасными для нравственности, вредными для цѣлости Вѣры. Не даромъ св. Златоустъ такъ много и сильно гремѣлъ противъ народныхъ зрѣлищъ своего времени. Церковь карѳагенская, запрещая православнымъ христіанамъ посѣщать языческія зрѣлища и пиршества, просила себѣ содѣйствія и у гражданской правительственной власти. Карѳагенскій соборъ въ 18 своемъ правилѣ говоритъ: „дѣтямъ священныхъ лицъ не представляти мірскихъ позорищъ и не зрѣти ихъ. Сіе же и всѣмъ христіанамъ всегда заповѣдуемо было, да не входятъ туда, гдѣ бываютъ хуленія“ (сн. Лаод. пр. 54). А въ правилѣ 69-мъ: „подобаетъ просить христіанскихъ царей о семъ: поелику, вопреки божественнымъ заповѣдямъ, во многихъ мѣстахъ отъ языческаго заблужденія привнесенныя пиршества совершаются, такъ что и христіане тайно привлекаются язычниками къ участію въ оныхъ: то да повелятъ воспретити таковыя пиршества, и въ городахъ, и въ селахъ, и наипаче поелику въ нѣкоторыхъ городахъ не страшатся симъ образомъ согрѣшати даже во дни памяти блаженныхъ мучениковъ, и даже въ священныхъ мѣстахъ.“ VI вселенскій Соборъ въ 61 правилѣ „совершенно возбраняетъ быти стихотворцамъ, и ихъ зрѣлищамъ, такожде и зрѣлища звѣриныя творити и плясанія на позорищи“ и подвергаетъ нарушителей этого правила клириковъ изверженію изъ клира, а мірянъ отлученію отъ Церкви. Особенно Церковь не любила, чтобы христіане предавались подобнымъ увеселеніямъ во дни великихъ ея

праздниковъ, которые, по заповѣди Господней, должны быть посвящены на служеніе Богу. Праздники установлены Церковію для воспоминанія великихъ дѣлъ Божіихъ, и считаются лучшимъ временемъ для воспитанія людей въ Вѣрѣ и благочестіи, и потому если когда, то особенно въ эти дни не позволительно христіанамъ удаляться отъ Церкви и предаваться мірскимъ нечистымъ забавамъ и увеселеніямъ. Особенно великъ и важенъ въ христіанской Церкви праздникъ пасхи; это, по выраженію церковной пѣсни, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжествъ. Поэтому Церковь особенно запрещала православнымъ участвовать въ народныхъ зрѣлищахъ въ эти святые дни, а повелѣвала имъ ежедневно присутствовать въ храмахъ и торжествовать память свѣтлаго воскресенія въ псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ. Карѳагенскій соборъ опредѣлилъ (пр. 70): „подобаетъ просити (христіанскихъ государей) такожде и о семъ, — да воспретится представленіе позорныхъ игръ въ день воскресный и въ прочіе свѣтлые дни христіанской вѣры, тѣмъ паче, что въ продолженіе семи дней святыя пасхи народъ болѣе собирается на конское ристалище, нежели въ церковь. Должно премѣнити опредѣленныя для позорищъ дни, когда они встрѣчаются съ праздничными, и никого изъ христіанъ не должно принуждати къ симъ зрѣлищамъ“. Тоже самое постановлено были впослѣдствіи на VI вселенскомъ соборѣ правиломъ 60-мъ: „отъ святаго дня воскресенія Христа Бога нашего до недѣли новыя, во всю седмицу вѣрные должны во святыхъ церквахъ непрестанно упражнятися во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ, радуяся и торжествуя о Христѣ, и чтенію божественныхъ Писаній внимая, и святыми тай-

нами наслаждаяся [1]. Ибо такимъ образомъ со Христомъ купно воскреснемъ: того ради отнюдь въ реченные дни да не бываетъ конное ристаніе, или иное какое-либо зрѣлище".

3) Запрещая православнымъ христіанамъ слѣдовать нравамъ, обычаямъ, ученію невѣрныхъ и еретиковъ, Церковь православная старается удалить чадъ своихъ вообще *отъ всякаго общенія и содружества съ ними*. Потому она постановила не мало и такихъ правилъ, которыми запрещается православнымъ имѣть общеніе съ еретиками и невѣрными въ самыхъ безразличныхъ, повидимому, и обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Таково напр. 11 правило VI вселенскаго собора, которымъ запрещается христіанамъ даже мыться въ банѣ вмѣстѣ съ іудеями, даже принимать отъ нихъ врачебные совѣты и лекарства, и вообще запрещается всякое содружество. „Никто изъ принадлежащихъ къ священному чину, или изъ міряпъ не долженъ ясти опрѣсноки, даваемые іудеями, ни вступати въ содружество съ ними, ни въ болѣзняхъ призывати ихъ, и врачества принимати отъ нихъ, ни въ баняхъ купно съ ними мытися. Аще же кто дерзнетъ сіе сотворити, то клирикъ да будетъ изверженъ, а міряниnъ да будетъ отлученъ." Особенно правила не допускаютъ содружества между клириками и невѣрными, или еретиками. Епископа, который бы сдѣлалъ какое либо завѣщаніе о своемъ имуществѣ въ пользу еретиковъ, или невѣрныхъ, прави-

(1) Обычай благочестивыхъ христіанъ пріобщаться св. Таинъ не только въ первый день пасхи, но и во всю свѣтлую седмицу, существовалъ въ древней Церкви отъ самыхъ первыхъ вѣковъ. Объ немъ упоминаютъ постановленія апостольскія (8, 33), святый Златоустъ (hom. 34 opp. 7, 3), святый Григорій Нисскій (hom 3).

ла подвергаютъ вѣчной анаѳемѣ, даже если бы онъ умеръ, не сдѣлавъ завѣщанія, и имущество его, по законамъ гражданскимъ, перешло къ еретикамъ, или невѣрнымъ — родственникамъ его. Такъ карѳагенскій соборъ 92 своимъ правиломъ опредѣлилъ: „аще который епископъ еретиковъ, или язычниковъ,—сродниковъ, или не принадлежащихъ къ сродству оставитъ наслѣдниками своими, и предпочтетъ ихъ Церкви: таковому и по смерти да будетъ изречена анаѳема и его имя никогда отъ іереевъ Божіихъ да не возносится. Да не можетъ быти ему въ оправданіе и то, аще безъ завѣщанія отъидетъ. Понеже бывъ поставленъ епископомъ, по приличію, долженъ былъ учинити назначеніе своего имущества, сообразное своему званію". Вообще же о клирикахъ тѣмъ же соборомъ было постановлено: „епископы и состоящіе въ клирѣ да не усвоиваютъ ничего тѣмъ, кои не суть православные христіане, хотя бы то были сродники: ничего изъ своихъ вещей, какъ речено, да не упрочиваютъ таковымъ, посредствомъ дара, епископы и состоящіе въ клирѣ" (пр. 31).

в) Наконецъ, чтобы православные христіане не отчуждались отъ церкви Божіей, но всегда были близки къ ней и болѣе и болѣе усовершались въ Вѣрѣ и благочестіи, православные ревностные пастыри требовали, чтобы всякій христіанинъ какъ можно чаще посѣщалъ церковныя собранія, особенно во дни праздничные, и подвергали наказанію 1) тѣхъ, кто, въ продолженіи трехъ недѣль, безъ всякой уважительной причины, не пришелъ бы въ церковь. По правиламъ церковнымъ, клирикъ, замѣченный въ этомъ, долженъ быть изверженъ изъ клира, а міррянинъ отлученъ отъ общенія церковнаго на нѣкоторое время. „Аще кто, говоритъ 80 пра-

вило VI вселенскаго собора, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или кто либо изъ сопричисленныхъ къ клиру, не имѣя никакой настоятельной нужды, или препятствія, которымъ бы на долго устраненъ былъ отъ своея церкви, но пребывая во градѣ, въ три воскресные дни, въ продолженіи трехъ седмицъ, не пріидетъ въ церковное собраніе: то клирикъ да будетъ изверженъ изъ клира, а міранинъ да будетъ отлученъ отъ общенія“. Далѣе 2) правила подвергаютъ клятвѣ или проклятію всякаго, кто сталъ бы отвлекать другихъ отъ храмовъ Божіихъ и заставлять ихъ пренебрегать церковными собраніями. „Аще кто учитъ невозбранно пренебрегати домъ Божій и бывающія въ немъ собранія: да будетъ подъ клятвою“ (Гангр. 5). Наконецъ 3) кто, приходя въ храмъ, только слушалъ бы Писанія, но, по какой бы то ни было причинѣ, не хотѣлъ участвовать въ общей молитвѣ съ народомъ, и особенно сталъ бы уклоняться отъ пріобщенія св. Евхаристіи, — таковыхъ правила удаляютъ отъ общенія церковнаго, съ запрещеніемъ принимать ихъ и во всякой другой церкви. 2-е правило антіохійскаго собора говоритъ: „всѣ входящіе въ церковь и слушающіе священныя писанія, но по нѣкоему уклоненію отъ порядка не участвующіе въ молитвѣ съ народомъ, или отвращающіеся отъ причастія св. евхаристіи, да будутъ отлучены отъ церкви дотолѣ, какъ исповѣдуются, окажутъ плоды покаянія, и будутъ просити прощенія, и такимъ образомъ возмогутъ получити оное... Чуждающихся собраній одной церкви не принимати и въ другой церкви“. Правило, прямо направленное къ пресѣченію расколовъ и раздѣленій въ обществѣ вѣрующихъ!

г) Такимъ образомъ мѣры, какія принимала Церковь къ охраненію православія въ умахъ и сердцахъ своихъ чадъ, состояли вообще въ ученіи, убѣжденіи, запрещеніи, отлученіи и анаѳемѣ или рѣшительномъ отсѣченіи противниковъ православія отъ общества спасаемыхъ. Впрочемъ Церковь прибѣгала къ своей страшной анаѳемѣ уже тогда, когда истощены были всѣ средства кротости и любви для вразумленія заблуждающагося или неправославнаго, какъ это ясно показываетъ ея исторія. Такъ поступать повелѣлъ Церкви самъ Спаситель, когда предписалъ слѣдующій порядокъ судопроизводства: *нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ. Аще же согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебе послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего; аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два, да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь Церкви: аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь* (выраженіе, равносильное слову: анаѳема—Мѳ. 18, 14—17). Но если бы и за этимъ кто сталъ противиться суду Церкви, хулить ее, совращать другихъ, и вообще возмущать общественное спокойствіе, Церковь съ тѣхъ поръ, какъ вошла въ мирный союзъ съ гражданскимъ правительствомъ, обращалась въ такихъ случаяхъ къ суду гражданскихъ начальниковъ, требуя отъ нихъ себѣ защиты и усмиренія возмутителей общественнаго спокойствія и порядка: „аще который пресвитеръ, или діаконъ, говоритъ 5-е правило антіохійскаго собора, презрѣвъ своего епископа, отлучитъ самъ себя отъ Церкви, и нач-

нетъ творити особыя собранія и поставитъ жертвенникъ, а, призываемый епископомъ, не покорится, не восхощетъ ему повиноватися, и, бывъ призываемъ единожды и дважды, не послушаетъ: таковый да будетъ совершенно извержёнъ изъ своего чина, и отнюдь не можетъ до служенія допущенъ быти, ниже паки воспріяти прежнюю свою честь. Аще же упоренъ будетъ, возмущая церковь и возставая противу ея: то, яко мятежникъ, да будетъ укрощаемъ внѣшнею властію". Указывая на это правило, двукратный соборъ, въ свою очередь говоритъ: „подобаетъ священнику Божію вразумляти неблагонравнаго наставленіями и увѣщаніями, иногда же и церковными епитиміями, а не устремлятися на тѣла человѣческія съ бичами и ударами. Аще же нѣкіе будутъ совершенно не покоривы и вразумленію чрезъ епитиміи не послушны: таковыхъ никто не возбраняетъ вразумляти преданіемъ суду мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ. Понеже 5-мъ правиломъ антіохійскаго собора постановлено: производящихъ въ церкви возмущенія и крамолы обращати къ порядку внѣшнею властію".

О гражданскихъ мѣрахъ къ охраненію православной вѣры въ древней церкви.

Когда прошли времена гоненій на Церковь Божію, и цари сдѣлались кормителями и покровителями ея,— съ тѣхъ поръ, т. е. со временъ Константина Великаго, благочестивые греко-римскіе императоры, одинъ за другимъ издавали указы и постановленія въ пользу православія и въ огражденіе его отъ вредныхъ вліяній со

стороны невѣрныхъ и еретиковъ. Государство содѣйствовало Церкви въ исполненіи ея законовъ, утверждало своими законами ея постановленія и придавало имъ силу гражданскихъ законовъ, такъ что все, предписываемое Церковію, предписывалось и правительствомъ гражданскимъ, все, осужденное ею, осуждалось и этимъ послѣднимъ. Въ слѣдствіе сего образовался длинный рядъ законовъ гражданскихъ относительно охраненія православной Вѣры, согласныхъ съ постановленіями Церкви и весьма благодѣтельныхъ для ней. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно замѣчательные.

„Константинъ великій старался служить Богу всѣмъ, а особенно изданіемъ законовъ", пишетъ Созоменъ въ первой книгѣ своей Церковной Исторіи (гл. 8). „При немъ язычникамъ запрещено было приносить жертвы, обращаться къ оракуламъ и таинствамъ, поставлять идоловъ и совершать языческія празднества. Измѣнились также и многіе древнѣйшіе по городамъ обычаи: у римлянъ въ первый разъ тогда запрещено было зрѣлище единоборства, а у финикіянъ, жившихъ въ Ливанѣ и Иліополисѣ, прекратилось обыкновеніе безчестить дѣвъ, прежде, чѣмъ онѣ совокупятся съ мужьями, съ которыми бывало сочетавались законнымъ бракомъ по испытаніи первоначально беззаконнаго смѣшенія. Пріучая воиновъ чтить Бога, какъ чтилъ Его самъ, онъ отмѣтилъ оружіе ихъ символомъ креста; во дворцѣ устроилъ молитвенный домъ и возилъ съ собою сдѣланную на подобіе церкви палатку, когда выступалъ съ войскомъ противъ враговъ, такъ что даже во время пребыванія въ пустынѣ ни самъ онъ, ни войска его не оставались безъ священнаго дома, въ которомъ надле-

жить славословить Бога, молиться Ему и пріобщаться св. Таинъ; ибо за нимъ слѣдовали и священники и діаконы, приписанные къ походной церкви, и по чину церковному исполняли свои обязанности. Съ того времени и римскіе легіоны, которые теперь называются—ἀριθμοί (числами), устроили каждый свою собственную палатку и получили особыхъ священниковъ и діаконовъ. Въ день, называемый Господнимъ, который евреи почитаютъ первымъ днемъ седмицы, а язычники посвящаютъ солнцу, также въ день передъ субботою, узаконилъ онъ (Константинъ) закрывать судебныя мѣста, оставлять занятія и служить Богу посредствомъ молитвъ въ общественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ... издалъ законъ, которымъ отмѣнялась въ судахъ, бывшая прежде въ употребленіи у римлянъ, крестная казнь, и когда чеканилась монета, либо писались его изображенія, повелѣлъ неизмѣнно означать на нихъ и помѣщать этотъ божественный символъ, о чемъ и до нынѣ свидѣтельствуютъ его портреты съ образомъ креста... запретилъ распутство и развратныя связи, которыя до того времени не были преслѣдуемы наказаніемъ, что всякій, если захочетъ обратить вниманіе, замѣтитъ изъ постановленныхъ касательно сего предмета законовъ“ (Созомен. кн. 1. гл. 8. Сокр. Церк. Ист. кн. 1. гл. 18).

Когда возникла ересь Арія и загорѣлись споры и смуты въ Церкви, по настоянію Константина, собранъ былъ въ Никеѣ соборъ вселенскій, на которомъ присутствовалъ и самъ императоръ (Созом. кн. 1, гл. 17). „Соборъ отлучилъ Арія вмѣстѣ съ единомышленниками... А царь назначилъ Арію ссылку и какъ всѣмъ

епископамъ, такъ и народу письменно повелѣлъ считать его и единомыслящихъ съ нимъ за людей нечестивыхъ, и, если найдется какое либо, писанное ими, сочиненіе, предавать его огню, такъ чтобы о немъ и введенномъ имъ ученіи даже и помину не было. А кто будетъ замѣченъ въ утайкѣ, кто тотчасъ же не объявитъ и не сожжетъ, тотъ въ наказаніе подвергнется смерти и уголовной казни. Разослалъ онъ по городамъ и другое посланіе противъ Арія и его единомышленниковъ. Евсевію никомидійскому и Ѳеогнису никейскому (приверженцамъ Арія) повелѣлъ выѣхать изъ городовъ, въ которыхъ они епископствовали. А церкви никомидійской написалъ, чтобы она держалась Вѣры, преданной соборомъ, чтобы въ епископы избирала православныхъ и имъ повиновалась, упомянутыхъ же предала забвенію; и кто будетъ хвалить ихъ или согласно съ ними мыслить, тому угрожалъ наказаніемъ" (кн. 1, гл. 21).

Преслѣдуя ереси, Константинъ Великій издалъ еще противъ всѣхъ, бывшихъ въ то время, еретическихъ обществъ указъ, которымъ „повелѣвалось отнимать у нихъ молитвенные домы и присоединять къ церквамъ, чтобы они не смѣли собираться ни въ частныхъ домахъ, ни публично. Общеніе съ каѳолическою Церковію онъ почиталъ дѣломъ самымъ важнымъ и увѣщавалъ ихъ присоединяться къ ней. Вслѣдствіе этого закона упомянутыя ереси потерпѣли большой ущербъ въ своихъ жертвахъ. При прежнихъ государяхъ, вѣрующіе во Христа хотя и различались въ мнѣніяхъ, но отъ язычниковъ принимаемы были за однихъ и тѣхъ же, и одинаковыя терпѣли отъ нихъ бѣдствія. Тогда состя-

заться между собою, по причинѣ общихъ опасностей, они не могли, и потому общества въ то время свободно дѣлали особыя собранія и, сносясь одно съ другимъ, при самой своей малочисленности, не истреблялись: но послѣ этого закона имъ уже нельзя было собираться ни открыто, ни тайно; потому что епископы и клирики по городамъ тщательно наблюдали за этимъ. Оттого многіе изъ нихъ, побуждаемые страхомъ, присоединились къ вселенской Церкви. Если же другіе и держались прежняго мнѣнія, то умирали, не оставляя послѣ себя преемниковъ своей ереси; потому что не смѣли ни сходиться, ни поучать свободно своихъ единомышленниковъ". Этотъ законъ направленъ былъ преимущественно противъ фригіанъ, маркіонитовъ, павліанъ и другихъ (Созом. кн. 2, гл. 32).

„По слѣдамъ своего отца шли и дѣти" (Ѳеодорит. Церк. Ист. кн. 5 гл. 21), „и много содѣйствовали возрастанію христіанскаго благочестія. Не менѣе своего отца заботились они о (православныхъ) церквахъ; клириковъ, ихъ дѣтей и прислужниковъ удостоивали особенныхъ почестей и освобождали отъ податей, а противъ жертвоприносителей, почитателей идоловъ, или другимъ образомъ совершавшихъ языческое богослуженіе, не только подтвердили отцовскіе законы, но издали и свои. Они повелѣли всѣ находившіеся въ городахъ и селеніяхъ храмы затворить, а нѣкоторые отдать въ пользу церквей, нуждавшихся въ мѣстахъ, или матеріалахъ... Іудеямъ закономъ запрещено было покупать въ рабство кого либо изъ людей, не принадлежавшихъ къ ихъ сектѣ. И кто изъ нихъ поступилъ бы вопреки этому закону, того рабъ отписы-

вался къ государству; а когда купленный, сверхъ того, по обряду іудейскому, подвергся бы обрѣзанію, то купившій присуждался къ уголовному наказанію и лишенію имѣнія. Всячески стараясь о распространеніи христіанской вѣры, цари заботились и о томъ, чтобы лица, по рожденію, не принадлежащія къ іудейству, ненаказанно не переходили въ іудейство, но чтобы всѣ, подавшіе хотя только надежду присоединенія къ христіанству, блюлись для Церкви; ибо христіанство возрастало преимущественно изъ среды язычниковъ" (Созом. кн. 3, гл. 17, стр. 212).

„Затѣмъ Іовіанъ, получивъ царство, подтвердилъ законы, изданные Константиномъ Великимъ противъ язычниковъ. По тѣмъ же самымъ законамъ управлялъ Европою и великій Валентиніанъ. Благовѣрнѣйшій царь Ѳеодосій Великій до корня истребилъ языческое нечестіе и всюду разрушалъ языческія капища или обращалъ ихъ въ христіанскія церкви" (Ѳеодорит. Ц. И. кн. 5, гл. 21, стр. 345). Ѳеодосій Младшій „приказалъ разрушить самые остатки идольскихъ капищъ, чтобы потомки не видѣли и слѣдовъ прежняго заблужденія" (тамъ же гл. 37).

Содѣйствуя Церкви въ борьбѣ съ язычествомъ, благовѣрные государи не менѣе того помогали ей и въ пораженіи ересей. Такъ напр. Ѳедосій Великій въ самомъ началѣ своего царствованія издалъ указъ, въ которомъ изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ вѣровали согласно съ никейскимъ вѣроопредѣленіемъ, „чтобы каѳолическою называлась Церковь только тѣхъ христіанъ, которые признаютъ Святую Троицу равночестною, и чтобы думающіе иначе носили имя еретиковъ, были уни-

жаемы, и ожидали себѣ наказанія" (Созом. Церк. Ист. кн. 7, гл. 4). Впослѣдствіи онъ „снова закономъ повелѣлъ, чтобы неправославные не дѣлали церковныхъ собраній, не учили вѣрѣ, и не рукополагали ни епископовъ, ни кого либо другаго,—чтобы одни изъ нихъ выгнаны были изъ городовъ и селъ, а другіе почитались безславными и не имѣли наравнѣ съ прочими правъ гражданскихъ" (тамъ же гл. 12).

Императоръ Юстиніанъ издалъ въ свою очередь эдиктъ, которымъ утверждались всѣ догматы, исповѣдуемые православною каѳолическою Церковію, и отвергались всѣ ереси, анаѳематствованныя на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ (ap. Leuncl. p. 521). Сверхъ того Юстиніанъ придалъ силу гражданскихъ законовъ всѣмъ церковнымъ правиламъ, постановленнымъ на бывшихъ прежде него соборахъ, и тѣмъ далъ свободу Церкви дѣйствовать въ обществѣ всѣмъ своимъ полномочіемъ. „Постановляемъ, писалъ онъ, чтобы силу законовъ имѣли всѣ церковныя правила, изложенныя или утвержденныя на соборахъ: никейскомъ, константинопольскомъ, ефесскомъ, халкидонскомъ. Ибо догматы этихъ соборовъ мы принимаемъ, какъ слово Божіе, а правила ихъ сохраняемъ, какъ законы" (Novell. 135, an. 553).

Кромѣ этихъ общихъ постановленій въ пользу православія и въ уничтоженіе языческаго и еретическаго нечестія, были издаваемы, отъ времени до времени, по ходатайству Церкви, и нѣкоторыя частныя, также весьма важныя для охраненія православія и уставовъ церковныхъ. Такъ наприм.

а) Согласно съ постановленіями церковными, и граж-

данскіе греко-римскіе законы со всею строгостію преслѣдовали распространителей суевѣрія, колдуновъ, чародѣевъ и т. п., особенно такихъ, которыхъ волхвованія прямо направлены были во вредъ ближнимъ. Такихъ злонамѣренныхъ волшебниковъ греко-римскіе законы осуждали наравнѣ съ отравителями и подвергали тѣхъ и другихъ смертной казни (Leon. et Constantin. *Ἐκλογ. τιτλ. κη* (28) § 24, ap. Leunclav. *Οἱ γόητες καὶ οἱ φάρμακοι, οἱ ἐπὶ βλαβῇ ἀνθρώπων προσλαλοῦντες τοῖς δαίμοσι, ξίφη τιμωρείσθωσαν*).

б) Охраняли уставы церковные касательно священныхъ временъ и образа ихъ празднованія и содѣйствовали православнымъ всѣми мѣрами въ выполненіи этихъ уставовъ. Особенно замѣчательны законы относительно празднованія св. пасхи. По ходатайству Церкви, благочестивые греко-римскіе императоры воспретили народныя зрѣлища во всѣ дни св. пасхи, и простирали это запрещеніе даже на іудеевъ и язычниковъ; какъ тѣ, такъ и другіе также обязывались чтить святые христіанскіе дни, не нарушать ничѣмъ ихъ святости и не считать позволеннымъ себѣ то, что возбранялось христіанамъ. Не дозволялись также въ эти дни никакія частныя и общественныя дѣла, исключая отпущенія рабовъ на волю (которое даже нарочито совершалось во дни пасхи), никакія работы, судебныя изслѣдованія, кромѣ нѣкоторыхъ особенныхъ и чрезвычайныхъ случаевъ, требовавшихъ немедленнаго рѣшенія, никакія казни и т. п. (Cod. Theod. lib. IX tit. 38, Const. 3, 4, Cod. Justin. lib. 1, tit. 4, etcoet).

Подобныхъ частныхъ постановленій, направленныхъ къ охраненію православія, можно бы указать весьма

много, но и этихъ не многихъ, совершенно достаточно, чтобы понять, какъ, со временъ Константина Великаго, и Церковь и государство шли объ руку въ распространеніи и охраненіи св. Вѣры и въ устроеніи, по ея спасительному духу, быта обществъ человѣческихъ.

III.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ и сектахъ протестантскихъ. Историческій очеркъ, священника Скорбященской церкви Евграфа Венискриптова. С.-Петербургъ. 1861.

О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ и сектахъ протестантскихъ, продолженіе историческаго очерка съ указаніемъ на символическія книги каждаго вѣроисповѣданія, — его же.

При крайне ощутительномъ недостаткѣ въ нашей богословской литературѣ сочиненій, посвященныхъ сравнительному обозрѣнію христіанскихъ вѣроисповѣданій, появленіе каждаго новаго произведенія въ этомъ родѣ заслуживаетъ вниманія, и вмѣстѣ — какъ попытка удовлетворить важному пробѣлу въ нашей духовной литературѣ—имѣетъ уже само по себѣ право на признательность со стороны всякаго, сочувствующаго у насъ успѣху духовнаго просвѣщенія.

Отчетливое знакомство съ исторіею и содержаніемъ существующихъ на западѣ христіанскихъ вѣроисповѣданій можетъ служить лучшимъ средствомъ къ уясненію истиннаго значенія нашей православной Церкви по

духу и характеру ея вѣроученія, можетъ показать отношеніе ея къ другимъ христіанскимъ обществамъ и довести насъ до яснаго и сознательнаго уразумѣнія нашихъ отличительныхъ догматовъ.

Двѣ небольшія по объему своему брошюры. заглавіе которыхъ мы выписали, составляютъ. какъ видно изъ помѣщеннаго въ первой изъ нихъ „предувѣдомленія". начало ряда „трактатовъ богословско-полемическаго содержанія, которые авторъ, не назначая себѣ опредѣленнаго срока, намѣренъ издать постепенно въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ. Изъ того же „предувѣдомленія" мы узнаемъ, что появившіеся въ печати „Очерки"—равно какъ имѣющіе послѣдовать за симъ „Трактаты" — составлены авторомъ по запискамъ, читаннымъ имъ студентамъ с.-петербургской духовной академіи, въ бытность его баккалавромъ академіи по Обличительному Богословію. Хотя начатый о. Бенескриптовымъ трудъ такимъ образомъ еще не конченъ, но, зная назначеніе и цѣль изданныхъ уже брошюръ, мы позволимъ себѣ произнести объ нихъ свое мнѣніе.

Опредѣлимъ сначала, каковъ долженъ быть характеръ всякаго богословско-полемическаго сочиненія примѣнительно къ современнымъ требованіямъ науки и жизни. и посмотримъ потомъ. на сколько трудъ автора удовлетворяетъ этимъ требованіямъ.

По поводу появленія Обличительнаго Богословія архимандрита Иннокентія „Православное Обозрѣніе" высказало въ одной изъ критическихъ своихъ статей весьма дѣльную и справедливую мысль. что главною опорою всѣхъ полемическихъ трудовъ и вмѣстѣ главнымъ ключемъ для научнаго и безпристрастнаго рѣшенія всѣхъ богословскихъ разногласій должны быть изслѣдованія

церковно-историческія. Одна только исторія можетъ показать намъ съ достаточною ясностію и убѣдительностію корень и источникъ всѣхъ разногласій и раздѣленій, которыми нынѣ существующія общества и вѣроисповѣданія христіанскаго міра отличаются другъ отъ друга; она одна можетъ удовлетворительно объяснить постепенное возникновеніе и взаимное соотношеніе церковно-догматическихъ данныхъ, изъ которыхъ слагается та или другая изъ нынѣшнихъ системъ христіанскаго вѣроученія; она одна наконецъ можетъ пролить яркій свѣтъ на отношеніе этихъ системъ и обществъ къ первобытной апостольской Церкви. Если въ мірѣ идей и въ движеніи человѣческой мысли вообще нѣтъ ничего случайнаго и обособленнаго, но всякое частное явленіе, обусловливаясь предшествующими, само въ свою очередь служитъ къ образованію послѣдующихъ, — то безъ сомнѣнія этотъ общій неоспоримый законъ имѣетъ также полное свое приложеніе къ исторіи христіанской Церкви. Церковь — въ смыслѣ основаннаго Іисусомъ Христомъ общества вѣрующихъ во имя Его — имѣетъ, подобно своему Первообразу и Основателю, двѣ стороны, какъ-бы двѣ природы, Божественную и человѣческую, — въ гармоническомъ, неслитномъ и нераздѣльномъ соединеніи которыхъ заключается ея высшая и конечная цѣль. Соединяясь между собою, эти двѣ природы Церкви (если можно такъ выразиться) должны проникать другъ друга и—при помощи богодарованныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ благодатныхъ средствъ—продолжать тоже общеніе свойствъ божескихъ и человѣческихъ, которое имѣетъ мѣсто въ лицѣ самаго Спасителя. Такъ наприм. непогрѣшимъ, безъ сомнѣнія, только одинъ Богъ, который есть сама истина; святъ также

собственно только единъ Богъ; возрождаетъ и спасаетъ насъ единъ Богъ; — но такъ какъ Церковь есть тѣло Христово, такъ какъ — другими словами — въ Церкви Господь является намъ и вселяется въ насъ, то и Церковь, подъ условіемъ праваго усвоенія даровъ благодати, также непогрѣшима, также свята, также возрождаетъ, освящаетъ и спасаетъ людей. Съ этой божественной своей стороны Церковь очевидно не можетъ быть предметомъ исторіи въ строгомъ смыслѣ этого слова, не можетъ т. е. развиваться и измѣняться: она на всѣ времена останется неизмѣнною, какъ неизмѣнна Божественная Глава ея. Но совсѣмъ другое дѣло, когда посмотримъ на Церковь со стороны ея человѣческаго состава: будучи обществомъ, хотя и богоучрежденнымъ и богохранимымъ, но состоящимъ изъ людей, свобода которыхъ не стѣснена благодатію, Церковь должна по временнымъ и пространственнымъ своимъ проявленіямъ въ людяхъ подчиняться тому же закону, которому вообще подчинена умственная и нравственная жизнь человѣческихъ обществъ. Этотъ законъ заключается именно въ томъ, что какъ родъ человѣческій вообще, такъ въ частности всѣ отрасли нравственно-разумной дѣятельности людей въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, развиваясь, идутъ постепенно къ высшему совершенству или несовершенству, — при чемъ всегда предшествующее состояніе служитъ началомъ, основою и опорою дальнѣйшаго развитія, проявляющагося въ послѣдующемъ за тѣмъ состояніи. И такъ, единство при всемъ разнообразіи, внутренняя систематическая связь при всей разнородности внѣшнихъ явленій, неумолимая логика при всемъ кажущемся хаосѣ частныхъ событій, словомъ

сказать, *органическое развитіе* (какъ пшеницы, такъ и плевелъ, какъ здоровыхъ, такъ и больныхъ частей организма),—вотъ то, что имѣетъ мѣсто въ исторіи нравственнаго міра вообще, и въ *равной мѣрѣ* выражается въ исторіи усвоенія, раскрытія и приложенія къ жизни богодарованныхъ истинъ Откровенія. Если таковъ общій законъ нравственно - религіозной жизни человѣчества, то очевидно, что первое условіе при научной оцѣнкѣ всякаго сочиненія, имѣющаго предметомъ своимъ ученіе о современныхъ сектахъ и вѣроисповѣданіяхъ христіанскаго міра, будетъ заключаться въ рѣшеніи вопроса: на сколько разбираемое сочиненіе остается вѣрнымъ *исторической правдѣ*, другими словами, возводитъ ли авторъ предметъ свой къ его внутреннему единству, раскрываетъ ли онъ ту существенную связь, то органическое сродство, которое имѣетъ мѣсто между церковно - догматическими явленіями, подлежащими его разбору. Безъ выполненія этаго условія всякое богословскополемическое сочиненіе теряетъ внутреннюю свою жизнь, свою *научность*, и дѣлается простымъ агрегатомъ извѣстныхъ свѣдѣній, становится — пожалуй — *матеріаломъ для науки* Сравнительнаго Богословія, но отнюдь еще не самою *наукою*.

Обращаясь теперь къ брошюрамъ о. Бенескриптова, мы при первомъ же взглядѣ увидимъ, что авторъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ никакихъ попытокъ къ живому, наукословному раскрытію своего предмета.

Первая брошюра, несправедливо названная авторомъ „Историческимъ Очеркомъ западныхъ вѣроисповѣданій“, составляетъ сборникъ разныхъ отрывочныхъ свѣденій о внѣшнихъ событіяхъ, сопровождавшихъ отдѣленіе западной церкви отъ восточной и возникновеніе наиболѣе

извѣстныхъ протестантскихъ обществъ. Здѣсь нѣтъ никакой мысли о томъ, чтобы примѣнительно къ главной цѣли автора (богословско-полемической) и согласно съ существомъ самаго дѣла уяснить характеръ и духъ разбираемыхъ вѣроисповѣданій и искать въ историческомъ матеріалѣ ключъ къ уразумѣнію внутренняго значенія тѣхъ догматическихъ данныхъ, изъ которыхъ сложились самыя вѣроисповѣданія. Правда, авторъ, какъ бы чувствуя самъ недостаточность своего метода, иной разъ дѣлаетъ „взгляды" на характеръ и значеніе излагаемыхъ имъ событій, но эти „взгляды" являются до такой степени наивными и поверхностными, что, кажется, лучше было бы, еслибъ авторъ опустилъ ихъ и ограничился одною чистою фактическою стороною дѣла. Вотъ, для примѣра, какъ авторъ, изложивъ нѣкоторыя событія, сопровождавшія образованіе лютеранскаго общества, дѣлаетъ „взглядъ на этотъ періодъ времени": „Судя по состоянію", говоритъ онъ, „въ какомъ находилась западная церковь по отдѣленіи отъ состочной, можно было полагать, что Лютеръ былъ человѣкъ какъ будто (хотя по наружности) съ доброю ревностію для блага истинной церкви, когда онъ имѣлъ столько энтузіазма и силы — возстать противу папы и злоупотребленій церковныхъ, противъ многихъ нововведеній, какія римская церковь, по усвоенному ею себѣ полномочію, сдѣлала безъ совѣщанія съ Церковью вселенскою въ догматахъ Вѣры и церковныхъ постановленіяхъ: но онъ не соотвѣтствовалъ ея ожиданіямъ. Будучи бичемъ папской власти, онъ не былъ орудіемъ Промысла къ водворенію мира и единомыслія между сими двумя церквами, но прокладывалъ себѣ другую дорогу. Это похоже на то, когда кто нибудь, увидѣвъ двухъ враждую-

щихъ между собою соперниковъ, и, *видя справедливую сторону одного* и несправедливую другаго, вступается за обиженнаго, но поразивъ притѣснителя, отходитъ не туда, гдѣ для общаго торжества ожидаетъ его союзникъ, но къ своимъ (*какимъ*?). Впрочемъ въ извиненіе Лютера можно сказать то, что онъ, *имѣя предъ глазами одну римскую церковь*, какъ кажется, *слишкомъ мало зналъ о церкви восточной*, или вообще о Церкви вселенской. Почему видя, что римская церковь, нося названіе католической, въ ученіи и постановленіяхъ своихъ далеко уклонилась отъ идеи истинной Церкви, онъ и поднялъ знамя реформы, въ намѣреніи освободить церковь свою (нѣмецкую), какъ выражается онъ, „отъ работы египетской, отъ плѣна вавилонскаго", и возвести ее къ первоначальной чистотѣ апостольскаго вѣка. По прямымъ соображеніямъ, если Лютеръ хотѣлъ сдѣлать что либо прочное, *ему слѣдовало бы начать съ идеи и авторитета вселенской Церкви*, и показать, что римско-католическая церковь въ ученіе и чиноположенія свои внесла много такого, чего никогда не признавала и не допускала Церковь вселенская: но онъ объявилъ господствующую на западѣ вѣру противною св. Писанію, не справившись предварительно съ тѣмъ, какое вѣроученіе до того времени господствовало во вселенской Церкви. Въ этомъ состояла и вся ошибка реформатора. Правда, судя по тогдашнему состоянію дѣлъ Вѣры на западѣ, поступокъ Лютера *не былъ вполнѣ опрометчивъ*; потому что заблужденія римской церкви, противъ которыхъ возставалъ онъ, были такъ вплетены въ ея систему, что *не оставалось иныхъ мѣръ* къ отсѣченію оныхъ, какъ употребить мечъ самаго Слова Божія, и Лютеръ успѣлъ въ этомъ: но, *съ самодовольной радости* объ

успѣхѣ своихъ предпріятій, онъ не примѣчалъ, что тоже самое оружіе, какое употреблялъ онъ въ ратоборствѣ съ заблужденіями римской церкви, онъ обратилъ и противъ Церкви вселенской, и отсѣкъ онымъ отъ своей вѣры разные существенные догматы, съ одинаковымъ уваженіемъ много вѣковъ содержимые не одною римскою, но и всею вселенскою Церковью. Впрочемъ и то сказать надобно, что Лютеръ *смотрѣлъ на предметы Вѣры съ своей точки зрѣнія, соображаясь съ своими видами.* Возстаніе Лютера, коимъ положено начало такъ называемой реформаціи, имѣло свое основаніе *въ давнишнемъ настроеніи духа народнаго, — не доставало только взрыва*“... (стр. 43—45). Чтó за странная цѣпь обвиненій и извиненій, нападокъ и уступокъ, безъ ясныхъ и сознательно выработанныхъ понятій о предметѣ, безъ всякаго дѣйствительнаго „взгляда“! Можно ли изо всей этой тирады извлечь какое нибудь опредѣленное понятіе о томъ, какъ же авторъ смотритъ на дѣятельность Лютера и на значеніе вызванной имъ религіозной реформы? Лютеръ здѣсь является произвольно и намѣренно противящимся православной истинѣ и однако — дѣйствующимъ только по незнанію; авторъ далѣе обвиняетъ его въ томъ, что онъ, возставъ противъ папства, не справился предварительно съ вѣроученіемъ древней вселенской Церкви,—и вслѣдъ за тѣмъ самъ же увѣряетъ, что Лютеръ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ, благодаря сплетенію истины съ заблужденіями въ системѣ римскаго вѣроученія; далѣе авторъ опять обвиняетъ Лютера въ „самодовольной радости“ и „въ невнимательности къ ученію вселенской Церкви“; потомъ опять оправдываетъ его, говоря, что „Лютеръ смотрѣлъ на предметы вѣры съ своей точки зрѣнія, соображаясь

съ своими видами“,—но не опредѣляетъ, какіе же это „виды“. Наконецъ авторъ самъ же отрицаетъ всѣ свои „взгляды“, приписывая возстаніе Лютера и реформацію „давнишнему настроенію духа народнаго“, для котораго „не доставало только взрыва“. — Съ этой послѣдней точки зрѣнія дѣло Лютера очевидно опять является въ совершенно новомъ свѣтѣ, и изъ чисто *личной* дѣятельности Лютера становится плодомъ подготовленнаго вѣками настроенія общаго. Но какъ именно этотъ „духъ“ возникъ, силою какихъ обстоятельствъ онъ развился и притомъ въ такой, а не другой формѣ, въ чемъ обнаруживался и т. дал., — на эти и подобные имъ вопросы первостепенной важности мы напрасно стали бы искать сколько нибудь удовлетворительнаго и яснаго рѣшенія у о. Бенескриптова.

Если разбираемое нами сочиненіе такъ слабо въ научномъ отношеніи, то — можетъ быть—оно по крайней мѣрѣ сильно своею фактическою стороною, другими словами: не можетъ ли оно служить удовлетворительнымъ сборникомъ свѣденій о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ? Къ сожалѣнію и на этотъ вопросъ приходится намъ отвѣчать отрицательно. Отъ каждаго сборника матеріаловъ по извѣстной отрасли знанія мы въ правѣ требовать по крайней мѣрѣ выполненія двухъ условій: вѣрности избранному предмету и возможной полноты. Между тѣмъ авторъ нашъ, пользуясь, какъ видно, источниками весьма недостаточными (¹) и притомъ безъ собственной критики, нерѣдко говоритъ о предметахъ

(¹) Авторъ не указываетъ, какими именно источниками онъ пользовался при составленіи своего сочиненія, и такимъ образомъ лишаетъ насъ возможности произнести свое сужденіе о достоинствѣ его пособій.

важныхъ и существенныхъ весьма мало и неудовлетворительно, а подробно распространяется при изложеніи событій мало или даже вовсе не имѣющихъ отношенія къ развитію христіанскихъ вѣроисповѣданій. Такъ, наприм., изложивъ кратко въ видѣ небольшихъ параграфовъ, не имѣющихъ между собою прямой связи, исторію возникновенія папской власти и раздѣленія церквей, авторъ совершенно умалчиваетъ о всей дальнѣйшей исторіи западной церкви, не упоминаетъ ни о попыткахъ къ возсоединенію церквей, ни—что̀ особенно нужно бы—о возникновеніи въ западномъ обществѣ всѣхъ тѣхъ догматическихъ и каноническихъ нововведеній, которыя, подготовляя реформацію, вмѣстѣ послужили основою для всего зданія новѣйшаго католицизма. Въ примѣръ того, какъ недостаточны свѣденія, сообщаемыя авторомъ даже о самомъ раздѣленіи церквей, приведемъ повѣствованіе его объ окончательномъ разрывѣ церквей въ XI-мъ вѣкѣ. „Въ X-мъ вѣкѣ не было открытыхъ преній, но въ половинѣ XI-го константинопольскій патріархъ Михаилъ Керулларій, въ соединеніи съ болгарскимъ митрополитомъ Львомъ, снова возвысилъ голосъ противъ распространявшихся на западѣ нововведеній, между прочимъ противъ употребленія въ Евхаристіи опрѣсноковъ. Императоръ Константинъ Мономахъ желалъ было примиренія, но когда папскіе послы, прибывъ въ Константинополь, властительски повелѣвали принять постановленія папскаго двора и всенародно проповѣдывали латинскіе догматы, подвергнувъ проклятію патріарха и всѣхъ его священнослужителей, тогда уже общенародно произнесено было на западную церковь отлученіе ея отъ православнаго „единства“ (стр. 18, 19).—Вотъ все, что о. Бенескриптовъ сообщаетъ намъ объ этомъ со-

бытіи, первостепенномъ конечно по важности своей въ исторіи вѣроисповѣданій и положившемъ собою начало вѣковому разъединенію между восточною и западною церквами, разъединенію, продолжающемуся еще донынѣ и все еще приносящему свои горькіе плоды! Подобная краткость была бы понятна, если бы и другія событія были изложены авторомъ съ такою же сжатостію; но на дѣлѣ мы видимъ другое: не соображаясь съ относительною важностію излагаемыхъ предметовъ, авторъ, какъ сказано, по мѣстамъ распространяется о событіяхъ, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ исторіи вѣроисповѣданій, съ такою обстоятельностію, которая рѣшительно не гармонируетъ съ краткостію изложенія другихъ, болѣе важныхъ церковно-историческихъ явленій. Такъ, наприм. въ статьяхъ объ англійской и шотландской церквахъ излагается довольно подробно ходъ гражданскихъ событій, сопровождавшихъ распрю Генриха VIII-го съ папою и реформаторскую дѣятельность англійскаго правительства, сообщаются свѣденія о судьбѣ шотландской королевы Маріи Стюартъ и о ея отношеніи къ англійской королевѣ Елизаветѣ, говорится о борьбѣ пуританъ съ Іаковомъ I-мъ и проч. и проч., словомъ сказать, излагается множество фактовъ, которые отчасти знакомятъ читателя съ внѣшнею судьбою англо-шотландскаго христіанства, но нисколько не объясняютъ намъ внутренней жизни англійскаго протестантства и постепеннаго развитія его въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно нынѣ является предъ нашими глазами. Трактатъ объ англо-шотландской церкви занимаетъ у автора 15 листиковъ, тогда какъ все сказанное о римско-католической церкви помѣщается на 10-ти. Замѣтимъ притомъ, что англійская церковь,

являющаяся у автора самостоятельнымъ вѣроисповѣданіемъ на ряду съ реформатскимъ и независимо отъ этого послѣдняго, собственно только есть отрасль реформатства, и что наряду съ англійскою церковью и шотландскимъ пуританствомъ имѣли бы право на подобную же самостоятельность реформатскія общества, существующія въ Голландіи, въ Сѣв. Америкѣ и проч. Вообще видно, что авторъ нашъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, съ какою именно цѣлію слѣдуетъ при ученіи о вѣроисповѣданіяхъ излагать историческія свѣдѣнія, и на какія историческія явленія слѣдуетъ обращать вниманіе; *принято* начать разборъ вѣроисповѣданій сообщеніемъ историческихъ свѣденій о ихъ происхожденіи и судьбѣ, — вотъ авторъ и „предупреждаетъ", — какъ самъ говоритъ въ своемъ „предувѣдомленіи", — свои богословско-полемическіе трактаты „нѣкотораго рода" вступленіемъ подъ именемъ историческаго очерка; но чтобы сообщить именно тѣ историческія свѣденія, которыя могли бы служить *дѣйствительнымъ* вступленіемъ, т. е. могли бы пролить свѣтъ на самый духъ, характеръ и содержаніе разсматриваемыхъ вѣроисповѣданій—объ этомъ авторъ очевидно мало заботился.

Вторая брошюра о. Бенескриптова, почему-то названная „продолженіемъ историческаго очерка", сообщаетъ главнымъ образомъ свѣденія о символическихъ сочиненіяхъ, принимаемыхъ западными христіанскими вѣроисповѣданіями. Символическія книги служатъ главнымъ основнымъ источникомъ для правильнаго опредѣленія того, какое собственно понятіе о догматическомъ содержаніи божественнаго Откровенія принято и утверждено извѣстнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ; поэтому знакомство съ вѣроопредѣленіями и символическими

сочиненіями составляетъ на ряду съ историческими свѣденіями необходимый суррогатъ всякаго богословско-полемическаго сочиненія. При важности символическихъ книгъ для точнаго опредѣленія отличительныхъ пунктовъ всякаго вѣроученія западные ученые сдѣлали ихъ даже предметомъ отдѣльной отъ полемическаго богословія науки подъ именемъ *символики* (Symbolik) (¹). Неоспоримо такимъ образомъ, что разборъ символическихъ книгъ необходимо предполагается всякимъ научно-богословскимъ изслѣдованіемъ о христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ; но теперь естественно возникаетъ вопросъ,— на чтó же собственно слѣдуетъ въ этомъ отношеніи обращать вниманіе? Рѣшить этотъ вопросъ не трудно: всякое символическое сочиненіе составлено въ извѣстное время, среди опредѣленныхъ историческихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ его появленіе и такъ или иначе отразившихъ въ немъ свое вліяніе; поэтому прежде всего нѣкоторыя (хотя бы краткія) свѣденія о поводѣ и цѣли составленія извѣстной символической книги необходимы для правильнаго сужденія о ея содержаніи и для яснаго уразумѣнія утверждаемой ею догматической нормы. Далѣе, символическое сочиненіе можетъ заключать въ себѣ (и обыкновенно дѣйствительно заключаетъ) не только изложеніе отличительныхъ пунктовъ вѣ-

---

(¹) Названіе это, впрочемъ, нерѣдко переносится и на такія сочиненія, которыя по характеру и содержанію своему скорѣе соотвѣтствуютъ обличительному богословію; такова наприм. символика *Мелера*, безспорно лучшее изъ догматико-полемическихъ сочиненій, появившихся въ нѣдрахъ римско-католической церкви; такова же популярная символика *Бухмана*, направленная также противъ протестантовъ; таковы же протестантскія символики *Герике*, *Маргейнеке* и друг. Образцомъ символики въ строгомъ смыслѣ этого слова можно назвать символику *Винера*.

роученія, усвоеннаго извѣстнымъ церковнымъ обществомъ, но и раскрытіе обще-христіанскихъ истинъ, не составляющихъ спорнаго предмета и ни сколько не характеризующихъ самаго вѣроисповѣданія; оно можетъ также заключать въ себѣ разныя постановленія, относящіяся къ области внѣшней обрядности или церковной дисциплины и потому лишенныя научно-догматическаго интереса. Естественно поэтому, что научная разработка богатаго символическаго матеріала, принадлежащаго разнымъ вѣроисповѣданіямъ, должна съ одной стороны состоять въ раскрытіи тѣхъ историческихъ фактовъ, которые могутъ пролить свѣтъ на истинное значеніе символовъ, съ другой—въ извлеченіи и группированіи тѣхъ частей символическихъ сочиненій, содержаніемъ и сопоставленіемъ которыхъ обозначаются отличительные догматы извѣстнаго общества и ихъ взаимное соотношеніе.

У о. Бенескриптова мы не находимъ попытки къ выполненію этой задачи. Говоря о римско-католическомъ вѣроисповѣданіи, авторъ нашъ по справедливости указываетъ на вѣроопредѣленія тридентинскаго собора, какъ на главное основаніе римскаго вѣроученія; но, обращаясь за тѣмъ къ содержанію самыхъ вѣроопредѣленій тридентинскихъ, ограничивается изложеніемъ этихъ послѣднихъ по порядку соборныхъ засѣданій, и не дѣлаетъ при этомъ какихъ либо точныхъ разграниченій между предметами общими у римской церкви съ нашею и тѣми, которые имѣютъ значеніе догматическихъ отличій для западной церкви. Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ изложенія автору приходится сообщать подробности о такихъ пунктахъ христіанскаго вѣроученія, которые, будучи достояніемъ не одной римской,

но древле-вселенской православной Церкви, были обстоятельно изложены и определены тридентинскимъ соборомъ въ противодѣйствіе негативному направленію вновь возникавшаго тогда протестантства, но между тѣмъ вовсе не касаются нашихъ разногласій съ римскими католиками;—таковы догматы о свящ. Преданіи, объ условіяхъ оправданія человѣка, о таинствахъ, о безкровной Жертвѣ, о почитаніи святыхъ и проч. Изложеніе этихъ догматовъ, очевидно, совершенно излишне, когда рѣчь идетъ о догматическомъ различіи между нашею и римскою церквами.

Сообщивъ потомъ общее понятіе о прочихъ символическихъ книгахъ римской церкви, авторъ нашъ обращается къ лютеранству, и начинаетъ этотъ трактатъ „предувѣдомленіемъ", изъ котораго мы узнаемъ, что онъ отчасти уже дошелъ до сознанія о тѣхъ недостаткахъ первой его брошюры, на которыя мы уже указали. „Поставивъ себѣ цѣлію", говоритъ авторъ, „сколько возможно короче изложить исторію западныхъ вѣроисповѣданій и сектъ протестантскихъ, мы частію съ намѣреніемъ, частію безъ намѣренія прошли мимоходомъ много такихъ соприкосновенныхъ съ этою исторіею обстоятельствъ, которыя, по суду читавшихъ первую книжку объ этомъ предметѣ, требовали бы тѣмъ не менѣе подробнаго изложенія"... (стр. 51-я). Мы не можемъ здѣсь не останавливаться съ особенною похвалою на выражаемой о. Бенескриптовымъ готовности пользоваться указаніями своихъ читателей и по мѣрѣ силъ своихъ исправлять подмѣченные въ его трудѣ недостатки. Черта, — скажемъ прямо, — сколько похвальная, столько же и рѣдкая: одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ и раздражительныхъ видовъ самолюбія безъ сомнѣнія

есть самолюбіе ученое, авторское; и оно-то часто особенно вредитъ успѣху нашей учебно-богословской литературы. О. Бенескриптовъ отрекается отъ этого недостатка, и мы позволили себѣ прямо высказать свое мнѣніе объ изданныхъ имъ книжкахъ единственно въ надеждѣ на то, что наши замѣчанія будутъ приняты имъ во вниманіе при продолженіи его труда—sine ira et studio. „Удовлетворяя желанію читателей", авторъ—вслѣдъ за упомянутымъ „предувѣдомленіемъ"—помѣстилъ разныя дополнительныя свѣденія о жизни Лютера; но эти дополненія таковы, что они мало могутъ разъяснить внутреннее значеніе произведенной Лютеромъ реформы: не на обстоятельства жизни Лютера слѣдовало бы обращать преимущественное вниманіе, а на самый духъ и характеръ времени, на историческую среду, которая—такъ сказать—вылила виттенбергскаго реформатора въ такой, а не другой формѣ. Сжатый очеркъ подобнаго рода разъяснилъ бы историческое значеніе протестантства и восполнилъ бы пробѣлы первой книжки гораздо лучше и дѣйствительнѣе, чѣмъ всѣ повѣствованія автора о личныхъ дѣйствіяхъ и положеніяхъ Лютера.

Переходя за тѣмъ къ символическимъ книгамъ протестантовъ, авторъ сообщаетъ свѣденія о ихъ происхожденіи и содержаніи, но при этомъ впадаетъ въ тѣ же недостатки, какіе мы указали выше, говоря объ изложеніи имъ символическихъ вѣроопредѣленій тридентинскаго собора.

Вообще, брошюры о. Бенескриптова служатъ яснымъ выраженіемъ младенчества, въ которомъ еще находится у насъ та наука, къ области которой принадлежатъ его труды. Тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ своимъ повторить сказанное нами прежде: *всякій* посильный и

добросовѣстный трудъ, имѣющій цѣлію удовлетворить крайнему недостатку у насъ учебныхъ пособій и руководствъ по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ, заслуживаетъ признательности со стороны всѣхъ, сочувствующихъ успѣху нашего духовнаго просвѣщенія. И каковы бы ни были недостатки подобнаго труда, какъ ни слаба была бы научная обработка избраннаго предмета, во всякомъ случаѣ намъ надобно помнить, что только *постепенно* можно будетъ дойти до какихъ нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Первые опыты научнаго раскрытія извѣстной области знанія имѣютъ, положимъ, огромные недостатки; но, удовлетворяя до нѣкоторой степени насущнымъ потребностямъ, эти труды облегчаютъ путь къ дальнѣйшему, болѣе отчетливому развитію науки. Вотъ почему въ частности брошюры о. Бенескриптова, не смотря на всю ихъ недостаточность, составляютъ явленіе полезное въ нашей богословской литературѣ.

Осининъ.

МИССІОНЕРСКІЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ КИТАЯ.

Издавна и очень нерѣдко китайцы изъявляли готовность принимать св. крещеніе отъ нашихъ пекинскихъ миссіонеровъ. Но святое дѣло это находило препятствіе къ своему осуществленію въ преслѣдованіяхъ китайскаго правительства. Послѣдними трактатами своими съ нашимъ правительствомъ китайское правительство дало своимъ подданнымъ свободу обращенія въ православную вѣру. Это разрѣшеніе не осталось безъ отрадныхъ послѣдствій. По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Пекина, „для дѣйствія нашей тамошней миссіи открылось широкое поле; число обращеній съ каждымъ днемъ увеличивается“ (¹). Но вмѣстѣ съ тѣмъ и потребности усложняются, разнообразятся: а средствъ къ удовлетворенію открывающимся потребностямъ пока очень не много. Иногда дѣло св. крещенія задерживается по самымъ маловажнымъ причинамъ, напримѣръ за недостаткомъ крестовъ, которые обыкновенно возлагаются на каждаго новокрещеннаго. Иркутскій протоіерей о. Прокопій Громовъ, узнавъ о нуждахъ миссіи, пригласилъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему благочестивымъ усердіемъ особъ г. Иркутска помочь этимъ нуждамъ. По приглашенію его было собрано и отправлено въ Пекинъ нѣ-

---

(¹) Письмо настоятеля миссіи о. А. Гурія къ иркутскому протоіерею Прокопію Громову отъ 27-го марта 1862 г.

сколько иконъ и крестовъ. Одинъ изъ миссіонеровъ пекинскихъ, іеромонахъ Исаія, подвизающійся въ святомъ дѣлѣ крещенія китайцевъ, извѣщая о. протоіерея Громова о полученіи иконъ и крестовъ, въ письмѣ своемъ къ нему изъ Пекина отъ 27-го марта нынѣшняго года, изложилъ нѣсколько интересныхъ свѣденій о положеніи православно-миссіонерскаго дѣла въ Китаѣ.

Въ первую свою поѣздку въ окрестныя деревни, совершенную въ октябрѣ прошлаго года, о. Исаія окрестилъ и обучилъ начаткамъ св. Вѣры и молитвамъ 35-ть человѣкъ въ деревнѣ *Дунъ-динъ-анъ.* Во вторую поѣздку, совершенную въ настоящемъ мѣсяцѣ, въ той-же деревнѣ, окрестилъ еще 6-ть человѣкъ. Итого въ мартѣ мѣсяцѣ число деревенскихъ христіанъ возрасло, съ прежними христіанами, до 60-ти человѣкъ обоего пола (¹). Кромѣ того 20 человѣкъ, хорошо изучившихъ Символъ Вѣры, молитву Господню, десять заповѣдей и краткія утреннія и вечернія молитвы, не были крещены имъ единственно по недостатку крестовъ. Теперь же, когда усердіемъ о. Прокопія доставлено 400 крестовъ, въ слѣдующую поѣздку онъ присоединитъ и этихъ къ стаду Христову. Сверхъ того, во вторую же его поѣздку изъявили желаніе креститься еще четыре дома, въ числѣ 17-ти человѣкъ, изъ другой деревни, *Анъ-пинъ*, въ 10-ти русскихъ верстахъ отъ деревни *Дунъ-динъ-анъ*.

Въ эту же послѣднюю поѣздку миссіонеръ о. Исаія въ продолженіе всей третьей седмицы великаго поста

(¹) *Городскіе* христіане,—потомки плѣнныхъ русскихъ, албазинцевъ. *Деревенскіе* — потомки китайцевъ, жившихъ въ услуженіи у нашихъ миссіонеровъ и принявшихъ христіанство. Первые живутъ въ Пекинѣ, послѣдніе—въ окрестныхъ деревняхъ, въ томъ числѣ и въ деревнѣ Дунъ-динъ-анъ.—А. В.

служилъ ежедневно для говѣвшихъ въ деревнѣ Дунъ-динъ-ань. Комната, въ которой совершалось богослуженіе, была благолѣпно украшена привезенною имъ изъ Пекина утварью, и священнослуженіе, по замѣчанію его, производило глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ не только христіанъ, но и язычниковъ. При каждомъ богослуженіи миссіонеръ и сопутствовавшій ему китаецъ-катихизаторъ *Иванъ-юй* сказывали поученія, въ которыхъ объясняли Сумволъ Вѣры. Замѣчательно, что особенно глубокое впечатлѣніе на слушателей производила исторія о сотвореніи міра и человѣка. Въ субботу (10-го марта) миссіонеръ пріобщилъ св. Христовыхъ Таинъ 30 человѣкъ. Въ воскресенье, 11-го марта, онъ послѣ служенія отпѣлъ панихиду по прежде отшедшихъ тамошнихъ православныхъ христіанахъ, совершилъ водоосвященіе и окропилъ св. водою не только домы христіанъ, но и поля и огороды ихъ. Даже язычники, говоритъ о. Исаія, ласково кланялись мнѣ, когда я объявилъ имъ, что кропленіе св. водою низводитъ на ихъ поля благословеніе Божіе, обнаруживающееся въ благораствореніи воздуха и обиліи плодовъ земныхъ, что Господь нашъ милосердъ, сіяетъ солнце свое на злыя и благія, дождитъ на праведныя и неправедныя.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ деревни Дунъ-динъ-ань о. Исаія предложилъ собравшимся проводить его христіанамъ устроить особый молитвенный домъ, самой простой, деревенской архитектуры. Они съ радостію согласились на его предложеніе, особенно когда онъ объявилъ имъ, что въ такомъ случаѣ можетъ пріѣзжать къ нимъ священникъ для богослуженія въ великіе праздники. Мѣсто для постройки часовни крестьяне назна-

чили очень удобное, въ концѣ селенія, и дали слово, составивъ смѣту и посильную складчину, увѣдомить о томъ миссіонера къ празднику Пасхи. По ихъ расчетамъ постройка молитвеннаго дома обойдется не дорого, именно не больше 200 р. сер. „Необходимая утварь, говоритъ о. Исаія, у насъ есть, а иконостасъ можно устроить изъ иконъ, присланныхъ о. протоіереемъ Громовымъ“ (¹).—„На сооруженіе храма, замѣчаетъ онъ, у насъ пока еще нѣтъ средствъ, да и вѣрующихъ очень не много“. Вообще, „слава нашему Пастыреначальнику,“ заключаетъ извѣстіе о своей послѣдней миссіонерской поѣздкѣ о. Исаія; я полный утѣшенія оставилъ юную паству.

„Надобно замѣтить, говоритъ о. Исаія, что китайцы вообще имѣютъ глубокое уваженіе къ книгѣ и во всякомъ случаѣ больше вѣрятъ книгѣ, нежели устной рѣчи. А между китайцами очень много грамотныхъ“. Зная это, наши миссіонеры въ дѣлѣ распространенія св. Вѣры не ограничиваются одною устною проповѣдію. Заботливостію начальника миссіи напечатаны на китайскомъ языкѣ: Краткая священная исторія и Зерцало православнаго исповѣданія: онѣ-то иногда и замѣняютъ устную проповѣдь. Встрѣчая эти книги у своихъ родныхъ или знакомыхъ, китайцы сперва читаютъ ихъ изъ любопытства, а потомъ отверзаются ихъ умныя очи, и они принимаютъ св. крещеніе.

Не оставлены безъ попеченія и юные возрастомъ христіане китайскіе. Кромѣ училища, издавна (²) суще-

(¹) Китайцы съ большимъ уваженіемъ смотрятъ на все древнее и потому старинныя иконы, по замѣчанію о. Исаіи, имѣютъ для нихъ особенно важное значеніе.

(²) Именно—съ 1820 года.

ствующаго при сѣверномъ храмѣ нашемъ въ Пекинѣ, съ разрѣшенія начальника миссіи, въ *ноябрѣ прошлаго года* о. Исаіею открыта еще *школа, въ деревнѣ Дунъ-динъ-анъ*, для обученія тамошнихъ христіанскихъ дѣтей. Предметы преподаванія въ этой школѣ: китайская грамматика и чистописаніе, утреннія и вечернія молитвы, священная исторія и краткій катихизисъ. Учитель— крестьянинъ той же деревни, получившій достаточное образованіе въ упомянутомъ пекинскомъ училищѣ, что при сѣверномъ храмѣ. Учениковъ, на первый разъ, только 6-ть человѣкъ. Дѣти учатся съ большою охотою и, по словамъ о. Исаіи, въ три мѣсяца оказали очень утѣшительные успѣхи.

Безъ сомнѣнія между православными въ Россіи много найдется готовыхъ содѣйствовать чѣмъ можно святому дѣлу Вѣры христіанской въ Китаѣ. Но думаемъ, что многіе изъ усердныхъ христіанъ будутъ затрудняться въ выраженіи своего усердія, не зная, куда и какъ можно адресовать имъ свои пожертвованія на миссіонерскія надобности. Таковыхъ приглашаемъ относиться въ редакцію „Христіанскаго Чтенія", и всякое пожертвованіе ихъ будетъ съ полною готовностію отправляемо ею по назначенію.

А. В.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Святѣйшій Правительствующій Сунодъ циркулярно объявилъ: дѣйствіемъ временъ и обстоятельствъ монастыри въ Россіи раздѣлены на два разряда: на не общежительные, въ которыхъ братія, имѣя общій столъ отъ монастыря, одежду и прочее, имъ потребное, пріобрѣтаютъ каждый для себя собственными распоряженіями, съ помощію жалованья, доходовъ и труда, и на общежительные, въ которыхъ братія все имъ потребное получаютъ отъ монастыря, по распоряженію настоятеля, и трудъ свой предоставляютъ въ общую пользу монастыря. Сіе послѣднее положеніе, очевидно, болѣе споспѣшествуетъ нестяжательности, послушанію и отреченію отъ своей воли. Частое открытіе совѣсти старцамъ и старческое руководство въ духовной жизни въ особенной силѣ и дѣйствіи усматривается въ благоустроенныхъ общежительныхъ монастыряхъ. Посему польза монашества и польза Церкви требуетъ, чтобы общежительные монастыри сохраняемы были неослабно въ характерѣ имъ свойственномъ. Но благоустройству общежительныхъ монастырей не благопріятствуютъ иногда слѣдующія обстоятельства: 1) въ общежительный монастырь опредѣляется иногда настоятель изъ постороннихъ, не знающій особенныхъ постановленій и правилъ

того монастыря, или вообще незнакомый съ устройствомъ общежительныхъ монастырей, или даже совсѣмъ неимѣющій опытности въ монашеской жизни, только что постриженный изъ бѣлаго духовенства. Таковый не безъ труда входитъ съ мѣстною братіею въ отношеніе братолюбія и единодушія, не всегда вѣрно поддерживаетъ мѣстный порядокъ, мало ему извѣстный, и иногда не удерживается и отъ нововведеній, смущающихъ и разстроивающихъ братство; 2) по древней простотѣ, въ нѣкоторыхъ общежительныхъ монастыряхъ, завѣдываніе ими слишкомъ исключительно сосредоточивается въ настоятелѣ. Отъ того произволъ настоятеля, иногда преступаетъ предѣлы; не представляется удобства приспособлять людей къ прохожденію должностей, а въ случаѣ тяжкой болѣзни, или смерти настоятеля, иногда не остается лица, отвѣтствующаго за точную извѣстность и цѣлость монастырской собственности. Въ предупрежденіе таких неблагопріятныхъ случаевъ, признавая благопотребнымъ оградить избраніе настоятелей въ въ общежительные монастыри твердыми правилами, Святѣйшій Синодъ 20-го марта сего года опредѣлилъ: 1) избраніе въ монастыри сіи настоятелей установить на слѣдующихъ основаніяхъ: I) настоятель общежительнаго монастыря избирается преимущественно изъ братіи того же монастыря, а въ случаѣ нужды изъ другаго монастыря, также общежительнаго. II) Избраніе настоятеля происходитъ при благочинномъ монастырей, и, въ случаѣ нужды, при другомъ довѣренномъ отъ епархіальнаго преосвященнаго лицѣ, по молитвѣ въ собраніи всѣхъ монашествующихъ. III) Если не окажется простаго единогласнаго избранія, то предоставляется каждому изъ монашествующихъ отдѣльно, въ своей кел-

лiи, написать имя избираемаго имъ старца, и въ свернутой, или запечатанной запискѣ, по возобновленiи собранiя, положить въ одну общую чашу, изъ которой тогда же записки вынимаются, записываются особо показанныя въ нихъ имена, и отмѣчается, кто сколько разъ поименованъ или, что тоже, кто сколько получилъ голосовъ. IV) Объ избранныхъ братiею кандидатахъ на должность настоятеля, послѣдуетъ ли единогласное избранiе одного лица, или произойдетъ разногласiе, епархiальный преосвященный, съ изъясненiемъ обстоятельствъ избранiя и съ присовокупленiемъ своего мнѣнiя, представляетъ на усмотрѣнiе Святѣйшаго Сѵнода. V) Если бы преосвященный усмотрѣлъ важныя причины, препятствующiя утвержденiю избранныхъ братiею кандидатовъ, то въ представленiи объ нихъ, на основанiи предъидущаго пункта, Святѣйшему Сѵноду, онъ можетъ присовокупить и своего кандидата, но неиначе, какъ изъ тогоже, или другаго, также общежительнаго монастыря. VI) Настоятель общежительнаго монастыря, въ лицѣ намѣстника или казначея, смотря по степени монастыря, имѣетъ дѣятельнаго помощника, который, состоя у него въ послушанiи, наравнѣ съ прочею братiею, содѣйствуетъ ему въ распоряженiяхъ и въ охраненiи монастырской собственности, заступаетъ его мѣсто во время отсутствiя его, и въ случаѣ тяжкой болѣзни или смерти настоятеля, отвѣтствуетъ за сохраненiе порядка и собственности монастыря. VII) Правила сiи примѣняются и къ женскимъ общежительнымъ монастырямъ; 2) какъ нѣкоторые общежительные монастыри имѣютъ свои утвержденные уставы, а другiе, не имѣя ихъ, по преданiю сохраняютъ нѣкоторыя благочестивыя и назидательныя учрежденiя, особенно

имъ принадлежащія; то дабы сохранить сіи учрежденія отъ произвольныхъ измѣненій, предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы каждый настоятель особыя правила и обычаи своего монастыря, повѣривъ точность преданія старѣйшими изъ братій, описалъ обстоятельно и за подписью своею и старшей братіи представилъ преосвященному на разсмотрѣніе и утвержденіе, для неизмѣннаго сохраненія. Марта 20-го дня 1862 года.

— Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, по доходящимъ до него свѣдѣніямъ, что церковнослужители нѣкоторыхъ церквей, а равно и священнослужители при чтеніи шестопсалмія, и прочаго положеннаго по чину богослуженія, произносятъ нѣкоторыя славянскія слова русскимъ нарѣчіемъ и что такимъ произношеніемъ соблазняются многіе благочестивые прихожане,—приказали: предписать циркулярными указами преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ о подтвержденіи подвѣдомственному имъ духовенству, чтобы положенное въ церквахъ чтеніе производимо было не только благоговѣйно и неспѣшно, но и съ правильнымъ произношеніемъ славянскихъ словъ.

— Преосвященный митрополитъ кіевскій Арсеній донесъ Святѣйшему Сѵноду, что 1) кіевскаго уѣзда, села Великихъ Дмитровичъ, священникъ и благочинный Стефанъ *Попѣль* устроилъ въ своемъ домѣ на свой счетъ двѣ школы, изъ коихъ въ первой обучается 25 дѣвочекъ, снабжаетъ эту школу нужными учебниками, и обучаетъ въ другой школѣ 30 мальчиковъ; 2) чигиринскаго уѣзда, села Бирокъ священникъ и благочинный Андрей *Сильчевскій*, пожертвовалъ собственный домъ на приходское училище, гдѣ съ усердіемъ обучаетъ 32

мальчика и 16 дѣвочекъ; 3) липовецкаго уѣзда, села Очеретной, священникъ Сильвестръ *Оппоковъ*, пожертвовалъ собственный домъ на училище и обучаетъ 33 мальчика и 20 дѣвочекъ; 4) васильковскаго уѣзда, села Шамраевки, священникъ Стефанъ *Стасилевичъ* и уманскаго уѣзда, мѣстечка Иваньки, священникъ Іоаннъ *Мацьіовичъ*, каждый обучаетъ въ своей школѣ до 50 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ; 5) священники: кіевскаго уѣзда, села слободы Германовской Андрей *Славинскій*, и чигиринскаго уѣзда, села Болтышки Илія *Богдановъ*, устроили въ своихъ домахъ нѣсколько комнатъ, на свой счетъ, снабжаютъ эти училища учебниками и обучаютъ до 50 мальчиковъ и 26 дѣвочекъ; 6) чигиринскаго уѣзда, села Кохановки, вдова священническая жена, просвирня Анна *Горянская*, отдала свой домъ для помѣщенія училища и отапливаетъ оное на свой счетъ; священническія дочери—дѣвицы: кіевскаго уѣзда, села Великихъ Дмитровичъ, *Евфросинія Попьлева* и того же уѣзда, села слободы Германовской, сирота *Марія Филипповичева*, обучаютъ безмездно въ теченіи 2-хъ лѣтъ до 30 дѣвочекъ чтенію, письму, рукодѣлію и хозяйству; 7) радомысльскаго уѣзда, мѣстечка Чернобыля, ильинской церкви діаконъ Василій *Комарницкій*, съ 1855 года постоянно съ усердіемъ самъ обучаетъ по 35 мальчиковъ и 15-ть дѣвочекъ не только своего прихода, но и другихъ. Святѣйшій Сунодъ, по выслушаніи сего донесенія, опредѣленіемъ 14-го мая сего 1862 года, между прочимъ положилъ: изъ числа вышеозначенныхъ лицъ выдать денежныя награжденія діакону *Комарницкому*, *сто* руб., вдовѣ священника *Горянской*, священнической дочери *Попьлевой* и сиротѣ *Филипповичевой* каждой *по пятидесяти* рублей серебромъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу кавалерской думы, по представленію Святѣйшаго Сvнода, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 3-й день февраля сего года сопричислить къ ордену св. Анны 3-й степени нижеслѣдующихъ лицъ: секретаря олонецкой духовной консисторіи надворнаго совѣтника Ивана *Гиляровскаго*, московскаго 1-й гильдіи купца Давида *Хлудова*, льговскаго потомственнаго почетнаго гражданина Николая *Томилина*, 2-й гильдіи купцовъ: череповскаго Степана *Заводчикова*, московскаго Гавріила *Толоконникова*; *по кіевской епархіи*: священниковъ: Григорія *Асонтовича*, Николая *Дашкевича*, Андрея *Осипьвича*, Георгія *Бавульскаго*, Ѳеофилакта *Актеповича*, Ѳеодора *Буйницкаго*; *по новгородской епархіи*: священниковъ: Павла *Бойцева*, Алексѣя *Нелазскаго*; *по с.-петербургской епархіи*: священниковъ: Петра *Григорьева*, Іакова *Азіатскаго*, Ѳеодора *Добрякова*; *по Грузіи*: протоіереевъ: Захарію *Мжедлова*, Луку *Гацерелова*, священниковъ: Іоанна *Асатіани*, Соломона *Хаханова*, Симеона *Мочарова*, Давида *Кастарадзе*; *по казанской епархіи*: священника Михаила *Круковскаго*; *по астраханской епархіи*: протоіерея Іоанна *Галикарнасова*; *по тобольской епархіи*: протоіерея Іоанна *Заборовскаго*, священниковъ: Тимоѳея *Цвѣткова*, Іоанна *Зубова*; *по ярославской епархіи*: священника Николая *Розова*; *по тверской епархіи*: протоіерея Іоанна *Воронцова*, священниковъ: Алексѣя *Успенскаго*, Іоанна *Лебедева*, Петра *Грязнова*, Николая *Смирнова*, Симеона *Малиновскаго*, Ѳеодора *Никольскаго*, Евѳимія *Томилова*; *по херсонской епархіи*: протоіерея Василія *Ивашкевича*; по *литовской епархіи*: протоіерея Іосифа *Соловьевича*; *по черниговской епархіи*: протоіерея Александра *Миткевича*, священника Григорія *Бѣловскаго*; *по минской епархіи*: протоіереевъ:

Іоанна *Филипповскаго*, Іоанна *Ляцевича*; *по кишиневской епархіи*: протоіерея Григорія *Патрицкаго*; *по донской епархіи*: священника Виктора *Автономова*; *по калужской епархіи*: протоіерея Василія *Сахарова*; *по смоленской епархіи*: протоіереевъ: Алексѣя *Зальсскаго*, Павла *Щировскаго*; *по нижегородской епархіи*: священника Іоанна *Кастальскаго*; *по тульской епархіи*: протоіерея Андрея *Глаголева*, священниковъ: Симеона *Мерцалова*, Петра *Леонардова*, Петра *Чулковскаго*; *по вятской епархіи*: священника Александра *Рязанцова*; *по воронежской епархіи*: протоіерея Іоанна *Соколова*; *по костромской епархіи*: протоіереевъ: Григорія *Георгіевскаго*, Іоанна *Махровскаго*, священниковъ: Василія *Храмковскаго*, Василія *Реформатскаго*; *по орловской епархіи*: протоіереевъ: Іоанна *Свинцова*, Іоанна *Леонутова*; *по тамбовской епархіи*: протоіереевъ: Сократа *Кузмина*, Алексѣя *Ласточкина*, священниковъ: Павла *Тихомирова*, Іоанна *Платонова*, Іоанна *Калинникова*, Никанора *Алѣева*, Василія *Андреева*; *по пермской епархіи*: протоіерея Василія *Зубкова*, священника Іоанна *Василевскаго*; *по томской епархіи*: протоіерея Петра *Васильева*; *по пензенской епархіи*: священниковъ: Евѳимія *Ивенскаго*, Василія *Остроумова*, Михаила *Зыкова*; *по харьковской епархіи*: протоіереевъ: Петра *Раздольскаго*, Никанора *Ильяшева*, Василія *Лопатина*; *по симбирской епархіи*: протоіерея Михаила *Несмѣлова*; *по кавказской епархіи*: протоіереевъ: Александра *Миловидова*, Василія *Попова*; *по самарской епархіи*: священника Іоанна *Веселицкаго*, и по вѣдомству *грузино-имеретинской Святѣйшаго Сѵнода конторы*: священника Іоанна *Алферьева*.

— Высочайшими указами, данными капитулу россійскихъ Императорскихъ и царскихъ орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами:

Ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени, 1862 года февраля 24-го, вице-директоръ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ коллежскій совѣтникъ Василій *Лавровъ*, въ награду отлично-усердной службы и особыхъ трудовъ.

Ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени, 1862 года февраля 24-го, помощникъ юрисконсульта при оберъ-прокурорѣ Святѣйшаго Синода надворный совѣтникъ Василій *Степановъ*, въ награду отлично-усердной службы и особыхъ трудовъ.

Ордена св. Анны 2-й степени, 1862 года марта 28-го, ординарный профессоръ московской духовной академіи магистръ Егоръ *Амфитеатровъ*, въ воздаяніе отлично-усердной службы, 1862 года апрѣля 6-го, коллежскіе совѣтники: оберъ-секретари Святѣйшаго Синода: Иванъ *Терсинскій* и Николай *Олферьевъ*, прокуроръ грузино-имеретинской Святѣйшаго Синода конторы Егоръ *Андреевъ* и начальникъ отдѣленія духовно-учебнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ надворный совѣтникъ Карлъ *Томковидъ*, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ.

Ордена св. Анны 3-й степени, 1862 года апрѣля 6-го, надворные совѣтники: смотритель и учитель 2-го тамбовскаго духовнаго училища Михаилъ *Кузьминъ*, секретарь тобольской консисторіи Василій *Лебедевъ*, коллежскіе ассесоры: помощникъ экзекутора канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Михаилъ *Боголюбскій*, секретарь с. петербургской консисторіи Иванъ *Камчатовъ*, младшій секретарь Святѣйшаго Синода Иванъ *Ненарокомовъ*, и секретарь саратовской консисторіи титулярный совѣтникъ Михаилъ *Окновъ*, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ.

Ордена св. Станислава 2-й степени украшеннаго Императорскою короною, съ мечами надъ орденомъ, 1862 года апрѣля 6-го, членъ общаго присутствія хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ надворный совѣтникъ Карлъ *Жерве*, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ.

Ордена св. Станислава 2-й степени украшеннаго Императорскою короною, 1862 года апрѣля 6-го, коллежскіе совѣтники: учитель московской семинаріи Егоръ *Шавровъ*, оберъ-контролеръ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ Василій *Стефановичъ*, коллежскіе ассесоры: члены общаго присутствія хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ Николай *Гедда*, и Александръ *Ушинскій*, и оберъ-контролеръ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ Александръ *Радкевичъ*, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ.

Ордена св. Станислава 2-й степени, 1862 года апрѣля 6-го, коллежскіе совѣтники: профессоръ тамбовской семинаріи Павелъ *Остроумовъ*, учитель архангельской семинаріи Лука *Корытовъ*, надворные совѣтники: секретарь новгородской консисторіи Тимоѳей *Добронравовъ*, старшій секретарь Святѣйшаго Синода Дмитрій *Кавелинъ*, коллежскіе ассесоры: старшій столоначальникъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ Николай *Алексѣевъ*, бухгалтеръ духовно-учебнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ Василій *Самойловъ*, старшій секретарь Святѣйшаго Синода Александръ *Любарскій*, и помощникъ старшаго чиновника канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Сергій *Керскій*, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ.

Ордена св. Станислава 3-й степени, 1862 года февраля 24-го, академикъ по части живописи Гавріилъ *Яковлевъ*, въ награду полезныхъ трудовъ по внутренней отдѣлкѣ соборной церкви въ с. петербургскомъ воскресенскомъ женскомъ монастырѣ; 1862 года апрѣля 6-го, учитель литовской семинаріи коллежскій совѣтникъ Никодимъ *Шостаковскій*, надворные совѣтники: смотритель и учитель великолуцкаго уѣзднаго училища Андрей *Серебрениковъ*, инспекторъ и учитель 1-го орловскаго духовнаго училища Александръ *Турбинъ*, секретарь вологодской консисторіи Иванъ *Труневъ*, коллежскіе ассесоры: помощники секретарей Святѣйшаго Синода Константинъ *Стратилатовъ* и Евлампій *Рязухинъ*, титулярные совѣтники: врачъ донскихъ духовныхъ училищъ Григорій *Петровъ*, столоначальникъ конторы московской синодальной типографіи Михаилъ *Ракитинъ*, секретарь владимірской консисторіи Александръ *Александровскій*, секретарь грузино-имеретинской Святѣйшаго Синода конторы Михаилъ *Головкинъ*, и младшій чиновникъ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода губернскій секретарь Николай *Богословскій*, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ.

— Списокъ лицамъ, коимъ Всемилостивѣйше пожалованы знаки отличія за заслуги по духовному вѣдомству:

Орденъ св. Анны 2-й степени: московскому 1-й гильдіи купцу Николаю Каулину, *3-й степени*: отставному подполковнику Василію Ростовцову; потомственному почетному гражданину временно-московскому 1-й гильдіи купцу Ивану Прохорову.

Орденъ св. Станислава 2-й степени съ Императорскою

короною: потомственному почетному гражданину с. петербургскому 1-й гильдіи купцу Павлу Кудряшеву; *2-й степени*: отставному штабсъ-капитану Ивану Лукомскому; *3-й степени*: титулярному совѣтнику Михаилу Кириллову; потомственному почетному гражданину московскому 1-й гильдіи купцу Павлу Малютину; московскому 1-й гильдіи купцу Севастіану Саврасову.

МЕДАЛИ.

а) золотыя:

I. Установленныя для дворянъ:

Надворному совѣтнику Михаилу Лонгинову; титулярному совѣтнику Алексѣю Добромыслову; ротмистру Владиміру Штюрмеру; поручику князю Петру Кугушеву; гвардіи подпоручику Василію Рогозину; губернскому секретарю Павлу Григоровичу.

II. Для ношенія на шеѣ.

А) на андреевской лентѣ:

Потомственному почетному гражданину переславлъ-залѣсскому 1-й гильдіи купцу Мартеміану Борисовскому; почетному гражданину московскому 1-й гильдіи купцу Ивану Залогину; купцамъ: московскому 1-й гильдіи Николаю Рожнову; московскому 2-й гильдіи Александру Борисовскому; почетнымъ гражданамъ: бронницкому 1-й гильдіи купцу Алексѣю Кононову и временно-московскому 2-й гильдіи купцу Ивану Прохорову; купцамъ: с. петербургскому 1-й гильдіи Петру Самсонову; кронштатдскому 3-й гильдіи Ивану Осетрову.

в) на владимірской лентѣ:

Потомственному почетному гражданину Алексѣю Тихонову; купцамъ 2-й гильдіи: московскому Павлу Сорокоумовскому; харьковскому Николаю Иконникову; московскому Николаю Ланину; 3-й гильдіи с. петербургскому Алексѣю Волоскову.

в) на аннинской лентѣ:

Потомственнымъ почетнымъ гражданамъ: севастопольскому 1 гильдіи купцу Ивану Пикину, и нижегородскому 2-й гильдіи купцу Ѳеофилакту Пятову; ямбургскому 3-й гильдіи купцу Дмитрію Полякову.

г) на станиславской лентѣ:

Потомственнымъ почетнымъ гражданамъ: херсонскому 1-й гильдіи купцу Ивану Волохину; николаевскому 1-й гильдіи купцу Константину Соболеву; арзамасскому городскому головѣ Николаю Попову; рыльскому потомственному почетному гражданину Николаю Выходцеву; почетному гражданину рыбинскому 3-й гильдіи купцу Алексѣю Мухину; купцамъ 1-й гильдіи: новгородскому Ѳеофилакту Александрову; вильманстрандскому первостатейному Василію Нестерову; глуховскому Артемію Терещенко; царицынскому Егору Воронину; Житомирскому Ивану Муравьеву; ейскому Іероѳею Уварову; бердянскому Адріану Кононенкову; московскому 1-й гильдіи купеческому брату Петру Боткину; макарьевскому 1-й гильдіи купеческому сыну Александру Кокореву; 2-й гильдіи: енотаевскому Ивану Фортакову; московскому Григорію Васильеву; московскому Роману Внукову; с. петербургскому Алексѣю Шевнину; астраханскому Михаилу Козлову; шуйскому Василію Ясюнин-

скому; екатеринбургскому Өедору Михайлову; московскому 2-й гильдіи купеческому брату Дмитрію Калашникову; выборгскому купцу Александру Маркову; 3-й гильдіи: московскому Никифору Каширину; московскому Ивану Хлѣбникову; московскому Петру Демидову; царскосельскому Ивану Борошневу; тверскому Сергѣю Клементьеву; зарайскому Косьмѣ Бѣлоусову; козловскому Өедору Вагину; кременчугскому Гавріилу Суркову; порѣчскому Ивану Куксину; ржевскому Петру Новоторжцеву; посада Дубовки Петру Кулакову; мастеровому царскосельскому дворцоваго правленія Андрею Шарыпину.

СЕРЕБРЯННЫЯ:

I. Для ношенія на шеѣ:

а) НА АННИНСКОЙ ЛЕНТѢ:

Маріупольскому 3-й гильдіи купцу Михаилу Кайбашову; псковскому мѣщанину Василію Бобовкину.

в) НА СТАНИСЛАВСКОЙ ЛЕНТѢ:

Купцамъ 2-й гильдіи: кіевскому Өеодосію Малиновскому; московскому Андрею Ванову; судж̣анскому Ивану Тахтамирову; кашинскому Константину Орѣшникову; 3-й гильдіи: московскому Василію Клаповскому; кіевскому Степану Савицкому; череповскому Ивану Демидову; крестецкому Матвѣю Михайлову; старорусскому Петру Демьянову; московскому Матвѣю Новикову; с. петербургскому Тимоөею Попову; с. петербургскому Михаилу Стречкову; с. петербургскому Ивану Аникину; царсносельскому Ивану Погожеву; кронштадскому Михаилу Семенову; кронштадскому Александру Неуст-

роеву; псковскому Василію Кирпичникову; псковскому Якову Сафьянщикову; касимовскому Калиннику Умнову; скопинскому Никифору Овчинникову; ростовскому Александру Малышеву; рыбинскому Өедору Тюменеву; кашинскому Алексѣю Говядинову; тверскому Андрею Курочкину; осташковскому Егору Бродникову; калужскому Ивану Горбунову; дорогобужскому Ивану Свѣшникову; порѣчскому Егору Шейдину; нижегородскому Василію Вялову; старооскольскому Степану Кореневу; рыльскому Даніилу Кожемякину; рыльскому Порфирію Медвѣдеву; владимірскому Василію Симонову; владимірскому Ивану Бронину; новосильскому Дмитрію Бѣлевцеву; богородицкому Арсенію Тихонову; острогожскому Ивану Шишкѣ; тамбовскому Ивану Жемарину; трубчевскому Гавріилу Едренкину; чердынскому Николаю Верещагину; городищенскому Василію Абросимову; сумскому Александру Духанину; архангельскому Александру Титову; тверскому 3-й гильдіи купеческому сыну Михаилу Барсукову; тульскому 3-й гильдіи купеческому брату Алексѣю Мозжечкову; кіевскому мѣщанину Өедору Бутурлину; московскимъ мѣщанамъ: Михаилу Рыкалову и Гурію Долгоусову; ямщику Алексѣю Горюнову; государственному крестьянину Лукѣ Зайцеву; временно-обязанному крестьянину Петру Осипову.

II. Для ношенія на груди:

а) на аннинской лентѣ:

Государственнымъ крестьянамъ: Петру Григорьеву; Өедору Копѣйкѣ; Ивану Цыганенко; Григорію Пономаренко; временно-обязаннымъ крестьянамъ: Макару Владимірову; Адріану Трофимову.

в) на станиславской лентѣ:

Мѣщанамъ: устюжскому Петру Львову; тверскому Макару Тырымову; астраханскому Якову Миронову; владимірскому Өедору Корженко; тамбовскому Гавріилу Козакову; богодуховскому Ивану Коваленко; поселянину херсонскаго поселенія унтеръ-офицеру Леонтію Чмирь; мастеровому Петру Шулаеву; ямщику Алексѣю Степанову; поселянину 4-й волости 3-го округа херсонскаго поселенія Назарію Магдѣ; поселянину херсонскаго поселенія, селенія Устиновки Игнатію Иващенко; поселянину херсонскаго поселенія, селенія Еланца Евфимію Куценко; казакамъ: Минѣ Куцъ; Ивану Оверченко-Степенко; крестьянамъ: ораніенбаумскаго дворцоваго вѣдомства: Степану Иванову и Антону Воробьеву; царанину Аөанасію Мурсѣ; государственнымъ крестьянамъ: Егору Павлову; Якову Васильеву; Петру Өедорову; Григорію Матвѣеву; Ивану Кривицкому; Петру Гречищеву; Ивану Мартынову; Никифору Калину; Григорію Кащееву; Андрею Певному; Родіону Гончарову; временно-обязаннымъ крестьянамъ: Василію Крахмалю; Никифору Антонову; Тимоөеею Смирнову; Михаилу Тютюкину; Іосифу Прокофьеву; Агаөонику Матвѣеву; Василію Евтихіеву; Матвѣю Шаширину; Василію Лапину; Петру Петрову; Маркелу Игнатьеву; Архипу Михайлову; Михаилу Бѣлизѣ: Дмитрію Мишунову; Андрею Загребину; Осипу Засухину; Ивану Нетребенкову.

— Государь Императоръ въ 19-й день мая сего года Высочайше соизволилъ утвердить докладъ Святѣйшаго Сѵнода о перемѣщеніи епископа мингрельскаго Геронтія, согласно его прошенію, на вакансію викарія грузинской епархіи.

— Государь Императоръ въ 16-й день минувшаго іюня Всемилостивѣйше соизволилъ наградить архіепископа варшавскаго Іоанникія орденомъ св. Владиміра 2-й степени большаго креста.

— Его превосходительство господинъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода Алексѣй Петровичъ Ахматовъ, по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода отъ $^{18}/_{20}$ іюня, имѣлъ счастіе входить со всеподаннѣйшимъ докладомъ Государю Императору о награжденіи орденомъ св. Владиміра 4-й степени священника села Сергіевскаго казанской губерніи Александра Бузановскаго, благодѣтельнымъ вліяніемъ своимъ способствовавшаго къ вразумленію и успокоенію волновавшихся временно-обязанныхъ крестьянъ спасскаго уѣзда. Его Императорскому Величеству благоугодно было на докладѣ о семъ въ 23-й день минувшаго іюня собственноручно написать: „за подобныя похвальныя дѣйствія Я съ удовольствіемъ даю св. Владиміра 4-й степени".

— Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ наградить діакона собора Святыя Троицы лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Михаила Алексѣева, за заслуги по части народнаго образованія, установленною для домашнихъ учителей, серебрянною медалью на Александровской лентѣ для ношенія на груди.

— Ея Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода о сдѣланныхъ пожертвованіяхъ почетнымъ блюстителемъ ярославскаго училища дѣвицъ духовнаго званія ростовскимъ 1-й гильдіи купцомъ Дмитріемъ Плѣшановымъ на церковь и въ пользу воспитанницъ, готовящихся къ выпуску изъ ярославскаго училища, въ 30-й день ми-

нувшаго мая Всемилостивѣйше повелѣть соизволила: объявить Плѣшанову за означенныя пожертвованія благоволеніе Ея Величества.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 20-го апрѣля 1862 года постановлено: священнику села Вачи, муромскаго уѣзда, владимірской епархіи, Ѳедору Сапоровскому и священнику села Алферьева, шуйскаго уѣзда, той же епархіи, Михаилу Виноградову, за полезную дѣятельность ихъ въ помощи больнымъ собственными лекарствами, засвидѣтельствованную преосвященнымъ владимірскимъ, преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Святѣйшій Сѵнодъ, опредѣленіемъ 9/13 іюня 1862 года, положилъ преподать благословеніе: уфимскому 2 гильдіи купцу Любимову, за сдѣланное имъ, въ пользу уфимской спасской церкви, благочестивое приношеніе; помѣщицѣ полковницѣ Шлегель, за сдѣланное ею, въ пользу вологодскаго каѳедральнаго собора, благочестивое приношеніе; вологодскому 2-й гильдіи купцу Леденцову, за сдѣланныя имъ, въ пользу спасокаменскаго монастыря и вологодскаго каѳедральнаго собора, благочестивыя приношенія; отъ 11 мая: церкви села Георгіевскаго въ Раменьѣ, рыбинскаго уѣзда, ярославской губерніи, причетнику Арсенію Лаврову, за занятіе постоянно съ 1839 года обученіемъ крестьянскихъ дѣтей; почетному блюстителю при воронежской семинаріи 1-й гильдіи купцу Александру Петрову, за пожертвованіе въ пользу семинаріи, въ пособіе по содержанію семинарскаго дома и казеннокоштныхъ воспитанниковъ оной пищею и одеждою, шестисотъ руб. сер.; почетному блюстителю по хозяйственной части въ томскомъ духовномъ училищѣ, коллежскому совѣтнику Ивану Дмитріеву Ас-

ташеву, за пожертвованіе имъ, на устройство постельныхъ приборовъ и на шитье платья бѣднымъ ученикамъ означеннаго училища, пятисотъ рублей серебромъ; отъ 31-го мая: купеческимъ дѣтямъ Ѳедору и Семену Григорьевымъ Ѳоминымъ и Іосифу Кузнецову, за пожертвованіе ихъ въ пользу учениковъ волгскаго духовнаго училища, саратовской епархіи; отъ 13-го іюня: почетному блюстителю моздокскаго духовнаго училища, владикавказскому 1-й гильдіи купцу Ивану Лебедеву 1-му, за пожертвованіе деньгами въ число училищныхъ суммъ 100 рублей сереб. и вещами на 62 руб. 25 коп. въ пользу того же училища; отъ 30 іюня: костромскому протоіерею Петру Магницкому и села Будина бѣльскаго уѣзда, смоленской губерніи благочинному священнику Лосевскому за особенное усердіе ихъ къ дѣлу народнаго образованія.

— Преосвященный Ѳеофанъ епископъ тамбовскій донесъ Святѣйшему Сѵноду о слѣдующихъ пожертвованіяхъ въ 1861 году, содѣйствовавшихъ епархіальному начальству къ учрежденію въ г. Тамбовѣ училища дѣвицъ духовнаго званія: преосвященный Николай, бывшій епископъ тамбовскій, пожертвовалъ—1348 р., дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Петровичъ Никифоровъ—1600 рублей, саровская пустынь—1500 рублей, прочіе монастыри тамбовской епархіи единовременно—1890 рублей, редакція тамбовскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей 1000 рублей, усманскаго уѣзда помѣщица Елена Зотова 600 рублей, борисоглѣбскаго уѣзда помѣщица Вѣра Николаевна Воейкова—200 рублей, и помѣщикъ Михаилъ Ивановичъ Штейнъ—100 рублей. По разсмотрѣніи этого донесенія, Святѣйшій Сѵнодъ опредѣленіемъ отъ 10-го іюля сего года положилъ: пре-

освященному Николаю, бывшему епископу тамбовскому, за пожертвованіе имъ 1348 руб. на учрежденіе въ Тамбовѣ училища дѣвицъ духовнаго званія, объявить признательность Святѣйшаго Сѵнода, а прочимъ, поименованнымъ въ репортѣ преосвященнаго епископа тамбовскаго Ѳеофана, лицамъ и мѣстамъ, пожертвованіями своими содѣйствовавшимъ къ учрежденію означеннаго училища, преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 12-го іюня 1862 года положено: согласно съ ходатайствомъ преосвященнаго вятскаго, разрѣшить съ будущаго 1863 года изданіе вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, по представленной имъ, преосвященнымъ, программѣ.

Списокъ духовнымъ лицамъ, удостоеннымъ Всемилостивѣйшихъ наградъ за службу по духовному вѣдомству.

I.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени:

ПО ЕПАРХІЯМЪ:

Тверской: первокласснаго троицкаго колязинскаго монастыря настоятель архимандритъ Августинъ; *херсонской*: настоятель одесскаго Успенскаго второкласснаго монастыря и ректоръ херсонской духовной семинаріи архимандритъ Ѳеофилактъ, города Херсона Успенскаго собора протоіерей и благочинный Максимъ Перепелицынъ; *кишиневской*: курковскаго Рождество-богородичнаго монастыря настоятель и ректоръ кишиневской духовной семинаріи архимандритъ Митрофанъ; *олонецкой*: города Петрозаводска Петропавловскаго каѳедральнаго собора протоіерей и благочинный Ѳеодоръ Рождест-

венскій; *калужской*: ректоръ калужской семинаріи настоятель лихвинскаго покровскаго Добраго монастыря архимандритъ Герасимъ.

Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною.

ПО ЕПАРХІЯМЪ:

Новгородской: города Новгорода николаевскаго Дворищскаго собора протоіерей и благочинный Петръ Голинскій; *с. петербургской*: города С. Петербурга Андреевскаго собора протоіерей и благочинный Александръ Камчатовъ, города С. Петербурга Митрофановской кладбищенской церкви протоіерей Алексѣй Смирновъ, г. С. Петербурга Покровско-коломенской церкви протоіерей и благочинный Θеодоръ Іовлевъ, города С. Петербурга Петропавловской церкви, что при Императорскомъ университетѣ, протоіерей Павелъ Солярскій, города С. Петербурга Преображенской церкви, что на аптекарскомъ островѣ, протоіерей Іоаннъ Исполатовъ; *московской*: Данилова монастыря настоятель архимандритъ Іаковъ; *тобольской*: ректоръ тобольской духовной семинаріи и настоятель тобольскаго Знаменскаго второклассиаго монастыря архимандритъ Паисій; *псковской*: настоятель Псково-печерскаго первокласснаго монастыря и ректоръ псковской семинаріи архимандритъ Аполлосъ, города Пскова каѳедральнаго собора протоіерей Михаилъ Кунинскій; *рязанской*: города Рязани каѳедральнаго Успенскаго собора протоіерей и благочинный Николай Ильдомскій; *тверской*: тверскаго Успенскаго второкласснаго монастыря настоятель и ректоръ тверской семинаріи архимандритъ Серафимъ; *херсонской*: настоятель Бизюкова григоріевскаго второкласснаго мо-

настыря архимандритъ Діонисій, города Одессы каѳедральнаго Преображенскаго собора протоіерей Арсеній Лебединцевъ, города Одессы Срѣтенской церкви протоіерей и благочинный Аѳанасій Шкляревичъ, города Одессы Покровской церкви протоіерей и благочинный Іаковъ Гавель, города Одессы кладбищенской церкви протоіерей Николай Соколовъ; *литовской*: города Бреста Симеоновской церкви протоіерей и благочинный Василій Соловьевичъ; *подольской*: настоятель каменецкаго первокласснаго Свято-троицкаго монастыря, ректоръ подольской духовной семинаріи архимандритъ Палладій; *олонецкой*: настоятель Александросвирскаго второкласснаго монастыря архимандритъ Павелъ; *воронежской*: ректоръ воронежской духовной семинаріи и настоятель Алексѣевскаго второкласснаго монастыря архимандритъ Ѳеодосій; *тамбовской*: тамбовскаго кадетскаго корпуса, Михайло-архангельской церкви, протоіерей и смотритель 1-го тамбовскаго духовнаго училища Іоаннъ Москвинъ; *полтавской*: города Роменъ Свято-духовскаго собора протоіерей и благочинный Діаконенковъ; *пензенской*: краснослободскаго Спасо-преображенскаго заштатнаго монастыря архимандритъ Нифонтъ; *симбирской*: сызранскаго Вознесенскаго первокласснаго монастыря намѣстникъ архимандритъ Августинъ, города Симбирска Вознесенскаго собора протоіерей и благочинный Павелъ Ястребовъ.

Св. Анны 2-й степени.

ПО ЕПАРХІЯМЪ:

Кіевской: кіево-печерской Успенской лавры казначей архимандритъ Ипатій, настоятель Кіево-братскаго учи-

лищнаго первоклассннаго монастыря ректоръ кіевской духовной академіи архимандритъ Филаретъ, ректоръ кіевской духовной семинаріи и настоятель второклассннаго Кіево-пустыннаго николаевскаго монастыря архимандритъ Өеоктистъ, города Кіева подольской Притиско-николаевской церкви протоіерей Никита Дубницкій; *новгородской*: новгородскаго архіерейскаго дома экономъ архимандритъ Авраамій; *московской*: ректоръ Спасо-виѳанской духовной семинаріи архимандритъ Никодимъ, города Москвы Всѣхсвятской, что въ Кулишкахъ, церкви протоіерей и благочинный Іоаннъ Загорскій; *по Грузіи*: настоятель Квабтахевскаго богородичнаго монастыря архимандритъ Тарасій; *астраханской*: настоятель астраханскаго Іоанно-предтеченскаго монастыря и ректоръ семинаріи архимандритъ Веніаминъ, города Астрахани Гостино-николаевской церкви протоіерей Николай Ливановъ; *псковской*: города Пскова Іоанно-Богословской мишаринской церкви протоіерей Игнатій Пикалевъ; *рязанской*: города Рязани каѳедральнаго Успенскаго собора ключарь протоіерей Матѳей Внуковъ; *минской*: Грозовско-слуцкаго монастыря архимандритъ Платонъ, города Минска каѳедральнаго Петропавловскаго собора протоіерей Петръ Елиновскій, города Борисова соборной Воскресенской церкви протоіерей и благочинный Павелъ Лисевичъ; *подольской*: каменецъ-подольскаго уѣзда, села Гуминецъ протоіерей и благочинный Василій Лотоцкій, города Брацлава Успенскаго собора протоіерей и благочинный Евѳимій Лозинскій; *донской*: города Новочеркаска каѳедральнаго Вознесенскаго собора протоіерей и благочинный Василій Смирновъ; *рижской*: города Риги каѳедральнаго Петропавловскаго собора протоіерей Василій Князевъ; *калужской*: города Ка-

луги Архангельской церкви протоіерей Лазарь Зайцевъ; *смоленской*: смоленскаго Троицкаго монастыря настоятель архимандритъ Алексѣй, города Смоленска каѳедральнаго собора протоіерей Парѳеній Доронинъ; *нижегородской*: города Нижняго-Новгорода Варваринской церкви протоіерей Арсеній Драницынъ, города Нижняго-Новгорода Архангельскаго собора протоіерей и благочинный Андрей Аѳиновъ; *владимірской*: переславскаго Никитскаго монастыря архимандритъ Нифонтъ; *томской*: города Темникова соборной Спасо-преображенской церкви протоіерей Іоаннъ Петровъ; *полтавской*: города Переяслава Михайловскаго собора протоіерей и благочинный Павелъ Діомидовъ; *пермской*: настоятель верхотурскаго Николаевскаго второкласснаго монастыря архимандритъ Гавріилъ; *томской*: города Томска Богородице-алексіевскаго монастыря настоятель архимандритъ Викторъ; *харьковской*: города Харькова каѳедральнаго Успенскаго собора ключарь, протоіерей и благочинный Александръ Малиновскій, города Чугуева николаевской церкви протоіерей и благочинный Григорій Дюковъ; *самарской*: ректоръ и профессоръ самарской духовной семинаріи архимандритъ Германъ.

Св. Анны 3-й степени,

ПО ЕПАРХІЯМЪ:

Кіевской: города Кіева Софійскаго каѳедральнаго собора протоіерей Григорій Крамаревъ, города Василькова покровской церкви протоіерей и благочинный Александръ Кашинскій; *новгородской*: новгородскаго Свято-духоваго дѣвичьяго монастыря протоіерей и благочинный Василій Сперанскій, города Новгорода Знаменска-

го собора протоіерей и благочинный Василій Орнатскій; *с. петербургской:* города С. Петербурга Крестовоздвиженской ямской церкви протоіерей Іоаннъ Яхонтовъ, города С. Петербурга Богоявленскаго николаевскаго собора протоіерей Сила Тапильскій, святотроицкія Александро-невскія лавры іеромонахъ Іосифъ, города Кронштадта, Андреевскаго собора протоіерей и благочинный Павелъ Трачевскій; *по Грузіи:* настоятель Давидгареджійской пустыни архимандритъ Григорій, настоятель Хобскаго монастыря архимандритъ Виссаріонъ; *казанской:* города Казани Крестовоздвиженской, что при первой гимназіи, церкви священникъ Василій Лавровъ; *рязанской:* настоятель рязанскаго Богословскаго монастыря игуменъ Ѳеодосій, города Сапожка Успенскаго собора протоіерей и благочинный Григорій Покровскій; *тверской*: города Твери Миновикторской церкви протоіерей и благочинный Іоаннъ Разумихинъ, города Кашина Введенской церкви протоіерей Владиміръ Шавровъ; *херсонской*: города Одессы Срѣтенской церкви протоіерей Георгій Попруженко; *таврической*: города Симферополя каѳедральнаго Александровскаго собора протоіерей и благочинный Григорій Брюховскій, города Симферополя богоугодныхъ заведеній Скорбящей Божіей Матери церкви протоіерей Григорій Левицкій; *литовской*: гродненской губерніи слонимскаго уѣзда, жировицкаго Успенскаго второкласснаго монастыря настоятель архимандритъ Николай, литовскаго архіерейскаго дома экономъ игуменъ Іуліанъ; *варшавской:* города Варшавы каѳедральнаго собора ключарь, протоіерей и благочинный Александръ Метаніевъ; *минской:* новогрудскаго уѣзда села Колпенницы священникъ и благочинный Людвигъ Савичъ; *подольской*: города Каменца Николаевской цер-

кви протоіерей Викторъ Лабейковскій, города Каменецъ-подольска Іоанно-Предтеченскаго собора протоіерей Павелъ Троицкій; *екатеринославской*: города Екатеринослава Покровской церкви протоіерей и благочинный Александръ Поповъ; *калужской*: города Калуги Казанскаго женскаго монастыря протоіерей Василій Рождественскій; *смоленской*: города Смоленска каѳедральнаго Успенскаго собора протоіерей и благочинный Павелъ Ждановъ; *нижегородской*: арзамасскаго Спасскаго третьеклассваго монастыря архимандритъ Іоакимъ, города Нижняго-Новгорода Рождественской церкви протоіерей Іаковъ Милорадовскій; *владимірской*: суздальскаго Спасоевѳиміева второклассваго монастыря настоятель архимандритъ Иларіонъ; *вятской*: города Котельнича Троицкаго собора протоіерей и благочинный Николай Хлопинъ, города Уржума Троицкаго собора протоіерей и благочинный Павелъ Гонорскій; *архангельской*: ректоръ архангельской духовной семинаріи архимандритъ Веніаминъ, города Архангельска боровской Успенской церкви протоіерей и благочинный Ѳедоръ Жиравовъ; *костромской*: настоятель Макаріева успенскаго первокласснаго монастыря архимандритъ Платонъ, города Костромы каѳедральнаго Успенскаго собора протоіерей и благочинный Мартинъ Беневоленскій; *тамбовской*: настоятель тамбовскаго Трегуляева монастыря архимандритъ Викторъ, города Тамбова архидіаконо-Стефановской церкви протоіерей Алексѣй Соколовъ, города Моршанска Вознесенской церкви священникъ Ѳеодоръ Воздвиженскій, города Моршанска Барашевской николаевской церкви священникъ Николай Пономаревъ; *полтавской*: города Полтавы каѳедральнаго Успенскаго собора протоіерей Павелъ Павловскій; *волынской*: заславскаго

уѣзда мѣстечка Судникова протоіерей и благочинный Леонтій Бутовичъ, города Новоградволынска Преображенскаго собора протоіерей Максимъ Гриненковъ, города Ковеля Воскресенской церкви протоіерей и благочинный Александръ Радкевичъ; *томской*: сотрудникъ алтайской духовной миссіи іеромонахъ Акакій, начальникъ алтайской духовной миссіи протоіерей Стефанъ Ландышевъ; *саратовской*: города Саратова Нерукотвореннаго Спаса церкви протоіерей Алексѣй Петровскій; *самарской*: города Самары каѳедральнаго собора ключарь протоіерей Алексѣй Кротковъ.

II.

Наперсными крестами,

А) изъ кабинета Его Императорскаго Величества,

а) украшенными драгоцѣнными каменьями:

По *Грузіи*, города Тифлиса Анчихатскаго собора протоіерей Димитрій Месхіевъ; *вятской*: города Вятки каѳедральнаго Святотроицкаго собора протоіерей и благочинный Азарій Шиллегодскій.

б) золотымъ.

Рязанской епархіи: настоятельница рязанскаго казанскаго третьеклассного монастыря игуменія Екатерина.

Б) Отъ Св. Сѵнода выдаваемыми.

По вѣдомству московской Святѣйшаго Сѵнода конторы, ставропигіальнаго воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря намѣстникъ іеромонахъ Арсеній.

ПО ЕПАРХІЯМЪ:

Кіевской: кіево-печерскія Успенскія лавры келарь іеромонахъ Валентинъ, кіево-печерскія Успенскія лавры іеромонахъ Меѳодій, кіево-печерскія Успенскія лавры іеромонахъ Поліевктъ; *новгородской*: города Новгорода Николо-кочановской церкви священникъ Іоаннъ Валдайскій, валдайскаго уѣзда села Яжелибицъ священникъ и благочинный Николай Мошенскій; *с.-петербургской*: города С.-Петербурга Митрофановско-кладбищенской церкви священникъ Петръ Цвѣтковъ, города С.-Петербурга единовѣрческой Николаевской церкви священникъ Ѳеодоръ Заозерскій, города С.-Петербурга Митрофановско-кладбищенской церкви священникъ Петръ Лебедевъ, города Нейшлота Захарьевской церкви священникъ Симеонъ Скворцевъ, города С.-Петербурга ямской Крестовоздвиженской церкви священникъ Александръ Славинскій, города С.-Петербурга Скорбященской церкви при обуховской мужской больницѣ священникъ Александръ Булгаковъ, города С.-Петербурга единовѣрческой Николаевской церкви священникъ и благочинный Аѳанасій Базаряниновъ, города Кронштадта Николаевской церкви при 1-мъ учебномъ морскомъ экипажѣ священникъ Павелъ Ламановъ, Александроневской лавры іеромонахъ Веніаминъ, Александроневской лавры іеромонахъ Даніилъ, Александроневской лавры іеромонахъ Ѳеодосій, первоклассной троицкой Сергіевской пустыни духовникъ іеромонахъ Маркъ, первоклассной троицкой Сергіевской пустыни казначей іеромонахъ Іосифъ; *московской*: города Москвы никитскаго сорока, покровской, въ Кудринѣ, церкви протоіерей и благочинный Александръ Никольскій, города Москвы каѳедральнаго Архангель-

скаго собора сакелларій пресвитеръ Алексѣй Лебедевъ, города Москвы пречистенскаго сорока, Успенской, что на Могильцахъ, церкви священникъ Ипполитъ Богословскій-Платоновъ, города Москвы Ивановскаго сорока, Сорокосвятской, что у Новоспасскаго монастыря, церкви священникъ Александръ Терновскій, города Москвы, Замоскворѣцкаго сорока, Казанской, что у калужскихъ воротъ, церкви священникъ Алексѣй Ключаревъ, города Москвы, Пречистенскаго сорока, Симеоновской, что на Поварской, церкви священникъ Алексѣй Соколовъ, города Москвы Саввинскаго подворья іеромонахъ Діонисій; *по Грузіи*: настоятель Мингрельскаго - намарневскаго монастыря игуменъ Венедиктъ; *казанской*: города Казани Покровской церкви священникъ Стефанъ Адоратскій, чистопольскаго уѣзда, пригорода Старошешминска священникъ и благочинный Александръ Каѳаровъ; *астраханской*: исправляющій должность эконома астраханскаго архіерейскаго дома священникъ Василій Ильинскій, царевскаго уѣзда, слободы Николаевской протоіерей Герасимъ Геналѣевъ; *тобольской*: кандинскаго Свято-троицкаго монастыря іеромонахъ Мелетій; *ярославской*: города Ростова Вознесенской церкви протоіерей Николай Корсунскій; *псковской*: настоятельница великолуцкаго Вознесенскаго дѣвичьяго третьеклассного монастыря игуменія Палладія, города Опочки Спасо-Преображенскаго собора протоіерей и благочинный Алексѣй Опоцкій; *рязанской*: данковскаго Покровскаго монастыря строитель іеромонахъ Діонисій, города Михайлова Троицкой церкви протоіерей и благочинный Никифоръ Екимецкій; *тверской*: казначей тверскаго архіерейскаго дома іеромонахъ Мартирій, тверскаго Вознесенскаго Оршина монастыря іеромонахъ Александръ,

города Зубцова Успенскаго собора протоіерей и благочинный Іаковъ Малыгинъ, города Старицы Предтеченской церкви священникъ и благочинный Ѳеодоръ Лебедевъ, города Осташкова Троицкаго собора протоіерей и благочинный Іоаннъ Воскресенскій, города Твери Вознесенской церкви протоіерей Александръ Смирновъ; *херсонской*: херсонскаго поселенія селенія Новгородки Троицкой церкви протоіерей Николай Глижинскій, города Новомиргорода Ильинской церкви священникъ Павелъ Діаковскій, херсонскаго поселенія посада Новоархангельскаго Михайловской церкви протоіерей Евдокимъ Лукашевичъ, города Новомиргорода, Николаевскаго собора священникъ Захарій Зюровъ, одесскаго Успенскаго второкласснаго монастыря іеромонахъ Ефремъ; *таврической*: города Керчи, Предтеченской греческой церкви священникъ Захарій Грамматикаки, инкерманской св. Климента папы римскаго киновіи настоятель іеромонахъ Ефремъ, города Симферополя страннопріимнаго Таранова Бѣлозерова дома больничной Свято - Маріинской церкви священникъ Григорій Рыбальскій; *литовской*: гродненской губерніи волковыскаго уѣзда, села Горностаевичъ священникъ и благочинный Іосифъ Восинскій, гродненскаго Борисоглѣбскаго монастыря казначей іеромонахъ Іеронимъ, города Вильно каѳедральнаго собора протоіерей Игнатій Нѣльшевичъ, города Гродно Софійскаго собора протоіерей и благочинный Антоній Шеметилло; *варшавской*: города Варшавы вильской Кладбищенской церкви священникъ Іоаннъ Корженевскій; *могилевской*: города Быхова Преображенской церкви священникъ и благочинный Николай Богдановскій, копысскаго уѣзда, мѣстечка Бобра священникъ и благочинный Самуилъ Богдановскій, гомельскаго уѣз-

да, села Закружья священникъ Іоаннъ Кучинскій, быховскаго уѣзда, села Городца священникъ Константинъ Кушинъ, города Могилева троицкой церкви священникъ Іосифъ Керножицкій, климовицкаго уѣзда, села Забѣлышина священникъ и благочинный Павелъ Зубовскій; *черниговской*: настоятель малиноистровскаго единовѣрческаго Рождество - Богородичнаго монастыря игуменъ Александръ, черниговскаго елецкаго Успенскаго монастыря казначей іеромонахъ Аврамій, глуховскаго Петропавловскаго монастыря казначей іеромонахъ Леонтій, города Конотопа соборной Рождество - Богородичной церкви протоіерей и благочинный Стефанъ Ивашутичъ, новозыбковскаго уѣзда, посада Злынки священникъ и благочинный Николай Покровскій; *подольской*: балтскаго уѣзда, села Горабы протоіерей и благочинный Іоаннъ Слотвинскій, ямпольскаго уѣзда, села Бабгинецъ протоіерей и благочинный Игнатій Писнячевскій, винницкаго уѣзда, мѣстечка Браилова священникъ и благочинный Стефанъ Судынковскій, проскуровскаго уѣзда, села Иванковецъ священникъ и благочинный Аѳанасій Левитскій, винницкаго Благовѣщенскаго дѣвичьяго перваго монастыря настоятельница игуменія Палладія; *кишиневской*: оргѣевскаго уѣзда, селенія Галешты священникъ Іоаннъ Биволъ, города Бендеръ Преображенскаго собора протоіерей и благочинный Ѳеодоръ Солониновъ, города Кишинева Ильинской церкви священникъ Ѳеодоръ Балтага; *олонецкой*: Александро-Свирскаго второклассного монастыря казначей іеромонахъ Антоній; *донской*: Каменской станицы Покровской церкви протоіерей Алексѣй Баженовъ; *иркутской*: города Читы Михаило-Архангельскаго собора протоіерей и благочинный Симеонъ Ильинскій; *екатеринославской*: бах-

мутскаго уѣзда, селенія Ясиноватаго протоіерей и благочинный Іоаннъ Аврамовъ, павлоградскаго уѣзда, села Раздоръ священникъ и благочинный Левъ Діонисьевъ, города Екатеринослава Успенской церкви протоіерей Лаврентій Мальчевскій; *калужской:* города Перемышля Успенскаго собора протоіерей и благочинный Сергій Всесвятскій, города Калуги каѳедральнаго собора священникъ Александръ Покровскій; *смоленской:* дорогобужскаго Болдина монастыря настоятель игуменъ Авраамій, юхновскаго уѣзда, села Слободки священникъ Іаковъ Добротворскій, города Дорогобужа соборной Екатерининской церкви протоіерей и благочинный Іоаннъ Ефремовъ, города Смоленска Одигитріевской церкви священникъ Корнилій Кулагинъ, города Смоленска Богоугоднаго заведенія церкви священникъ Нилъ Солнцевъ; *нижегородской:* города Нижняго-Новгорода каѳедральнаго Спасо-преображенскаго собора ключарь протоіерей Ипполитъ Свѣтовидовъ, города Сергача Владимірскаго собора протоіерей и благочинный Михаилъ Розовъ, семеновскаго уѣзда, села Бора протоіерей и благочинный Николай Успенскій, нижегородскаго уѣзда, села Сарлей священникъ и благочинный Аѳиногенъ Золотницкій, города Нижняго-Новгорода Покровской церкви священникъ Андрей Востоковъ; *курской:* города Бѣлгорода Преображенской церкви священникъ Виссаріонъ Полянскій, города Путивля Николаевской великорѣцкой церкви священникъ Александръ Косминскій, города Суджи Троицкой церкви священникъ Іоаннъ Тарановскій, города Фатежа Покровской церкви священникъ Іоаннъ Городенскій; *владимірской:* настоятельница суздальскаго Ризположенскаго второкласснаго монастыря игуменія Митрополія, города Владиміра Знаменской цер-

кви священникъ Алексѣй Левицкій, города Вязниковъ Введенской церкви священникъ Андріанъ Штернъ, города Мурома Крестовоздвиженской церкви священникъ Панкратій Веселовскій; *тульской*: города Одоева Спасо-преображенской церкви священникъ Іоаннъ Соколовъ; *вятской*: города Елабуги Спасскаго собора протоіерей и благочинный Павелъ Бехтеревъ, малмыжскаго уѣзда, села Аджима священникъ и благочинный Георгій Воецкій, орловскаго уѣзда, села Верховскаго священникъ Трифилій Старцевъ; *архангельской*: строитель заштатнаго Кожеозерскаго монастыря іеромонахъ Парменъ, крестовой архіерейскаго дома церкви іеромонахъ Іосифъ; *воронежской:* города Острогожска Богоявленской церкви священникъ Ефремъ Устиновскій, строитель Донецкаго Успенскаго монастыря іеромонахъ Кассіанъ, казначей Задонскаго Богородицкаго первоклассного монастыря іеромонахъ Аркадій; *костромской*: города Солигалича Рождественскаго собора протоіерей Алексѣй Тихоміровъ, города Ветлуги Воскресенской церкви протоіерей и благочинный Іоаннъ Поспѣловъ; *тамбовской*: строитель Темниковской-Саровской пустыни іеромонахъ Серафимъ, казначей Трегуляева монастыря іеромонахъ Серафимъ, шацкаго Николаевскаго Чернѣева монастыря казначей іеромонахъ Антоній, города Елатьмы Троицкой церкви священникъ Николай Знаменскій, города Темникова соборной Спасо-преображенской церкви священникъ Николай Карамзинъ, города Козлова соборной Покровской церкви священникъ Димитрій Ессіановъ, города Тамбова Троицкой церкви протоіерей Евѳимій Боршевскій, козловскаго Троицкаго монастыря казначей іеромонахъ Павелъ, усманскаго Софійскаго дѣвичьяго монастыря настоятельница игуменія Серафима, города Тамбова Воз-

несенскаго дѣвичьяго монастыря священникъ Григорій Смирновъ, города Тамбова Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря священникъ Василій Кобяковъ; *орловской*: города Ельца Воскресенской церкви протоіерей и благочинный Өедоръ Кутеповъ, сѣвскаго Троицкаго дѣвичьяго монастыря настоятельница игуменія Клеопатра, орловскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря настоятельница игуменія Милитина; *волынской*: житомірскаго уѣзда, села Нехворощи священникъ Аполлинарій Боценовскій, житомірскаго уѣзда, села Красносенки священникъ Симеонъ Должанскій, наставникъ волынской семинаріи іеромонахъ Кириллъ, города Дубенска соборной церкви протоіерей и благочинный Михаилъ Лучицкій, луцкаго уѣзда, села Коршева священникъ и благочинный Петръ Садовскій, владимірскаго уѣзда, села Головля священникъ и благочинный Іоаннъ Старкевичъ, острожскаго уѣзда, села Малаго Скнита священникъ и благочинный Игнатій Хойнацкій, новоградволынскаго уѣзда, села Романовки священникъ Петръ Хойнацкій; *пермской*: екатеринбургскаго уѣзда, села Воскресенскаго протоіерей и благочинный Филаретъ Пономаревъ, екатеринбургскаго уѣзда, Каменскаго завода священникъ и благочинный Матөей Поповъ, екатеринбургскаго уѣзда, сыретскаго завода Симеоно-Аннинской церкви священникъ Василій Констанскій; *томской*: города Томска Благовѣщенскаго собора протоіерей Іосифъ Донецкій; *енисейской*: города Красноярска Воскресенскаго собора протоіерей и благочинный Василій Касьяновъ, города Туруханска Троицкаго монастыря настоятель игуменъ Иліодоръ; *пензенской*: экономъ пензенскаго архіерейскаго дома іеромонахъ Христофоръ, нижеломовскаго уѣзда, села Кевдымельситовой священникъ Стефанъ Адоринскій; *саратов-*

ской: саратовскаго архіерейскаго дома іеромонахъ Антоній; *харьковской*: святогорской Успенской пустыни іеромонахъ Кипріанъ; города Богодухова соборной Успенской церкви протоіерей и благочинный Θеодоръ Рашевскій, сумскаго уѣзда, слободы Низшей Сыроватки протоіерей Алексѣй Люминарскій, купянскаго уѣзда, слободы Гороховатки священникъ Іоаннъ Базилевичъ, заштатнаго города Бѣловодска Николаевской церкви протоіерей Димитрій Донченковъ, города Ахтырки Успенской церкви протоіерей Павелъ Котляревскій; *кавказской*: настоятельница ставропольскаго женскаго Іоанно-Маріинскаго монастыря игуменія Серафима; *уфимской*: бирскаго уѣзда, села Березовки священникъ Іоаннъ Петропавловскій.

III.

Камилавками:

По *вѣдомству грузино-имеретинской Святѣйшаго Синода конторы*: терскаго казачьяго войска станицы Нижне-подгорной священникъ и благочинный Михаилъ Тиховъ, станицы Шелкозаводской священникъ и благочинный Мартинъ Власовъ, кубанскаго казачьяго войска станицы Прочноиконской священникъ Алексѣй Екатеринославскій.

ПО ЕПАРХІЯМЪ:

Новгородской: города Новгорода каѳедральнаго Софійскаго собора священникъ Алексѣй Добрадинъ, города Новгорода Ракомской церкви священникъ Василій Доворецкій, новгородскаго уѣзда, села Высоцкаго священникъ Гавріилъ Θаворскій, демянскаго уѣзда, Семеновскаго погоста священникъ и благочинный Василій Крестецкій,

демянскаго уѣзда, погоста Молвотницъ священникъ и благочинный Іаковъ Полетаевъ, города Валдая Введенской церкви священникъ Миронъ Зимневъ, валдайскаго уѣзда, села Котлована священникъ и благочинный Гавріилъ Рождественскій, череповскаго уѣзда, Николаевской шугободской церкви священникъ и благочинный Павелъ Ильинскій, крестецкаго уѣзда, села Горнешна священникъ Симеонъ Бѣлевскій, старорусскаго уѣзда, села Блазнихи священникъ Θеодоръ Чижевскій, боровичскаго уѣзда, Опеченскаго посада священникъ Евθимій Суглицкій, крестецкаго уѣзда, села стараго Рахина священникъ Стефанъ Багрянскій; *с. петербургской*: города С. Петербурга Симеоновской церкви священникъ Василій Смарагдовъ, города С. Петербурга церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что на Сѣнной, священникъ Іоаннъ Благовѣщенскій, города С. Петербурга единовѣрческой Срѣтенской церкви священникъ Θеодоръ Краснопольскій, лугскаго уѣзда, Щирскаго погоста священникъ Іоаннъ Братолюбовъ, лугскаго уѣзда, села Верхутина священникъ Никифоръ Евдокимовъ, города Выборга Преображенскаго собора священникъ Михаилъ Каменскій, города С. Петербурга каθедральнаго Исаакіевскаго собора священникъ Платонъ Карашевичъ, города С. Петербурга Петропавловской церкви, что при обуховской женской больницѣ, священникъ Николай Духовскій, города С. Петербурга церкви Воскресенія Христова, что въ пересыльной тюрьмѣ, священникъ Василій Предтеченскій, города С. Петербурга церкви св. Апостола Никанора при домѣ призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ человѣколюбиваго общества священникъ Василій Гиляровскій, с. петербургскаго уѣзда, села Усть-Ижоры священникъ Іаковъ Лабецкій;

московской: города Москвы срѣтенскаго сорока, Вознесенской, что на Гороховомъ полѣ, церкви протоіерей Алексѣй Румянцевъ, города Москвы ивановскаго сорока, Маріинской, что при ремесленномъ учебномъ заведеніи, церкви священникъ Димитрій Кастальскій, города Москвы никитинскаго сорока, Татіанинской, что при Императорскомъ московскомъ университетѣ, церкви священникъ Николай Сергіевскій, города Москвы срѣтенскаго сорока, Крестовоздвиженской, что на убогихъ домахъ, церкви священникъ Аѳанасій Крыловъ, города Москвы срѣтенскаго сорока, Георгіевской, на Лубянкѣ, церкви священникъ Ѳеодоръ Чельцевъ, города Москвы китайскаго сорока, Космодаміанской, что въ старыхъ Папѣхъ, церкви священникъ Ѳеодоръ Соловьевъ; *по Грузіи*: набакевскаго прихода священникъ Іессей Кекеловъ, горійскаго уѣзда селенія Чапы священникъ Іонаѳанъ Паркадзе, цылканскаго собора священникъ Шіо Іонинъ, сахастерскаго женскаго монастыря священникъ Іоаннъ Габадзе, сенакской Спасской церкви протоіерей и благочинный Давидъ Кавторадзе; *казанской*: чебоксарскаго уѣзда села Акулева священникъ и благочинный Матѳей Некрасовъ, города Казани Николаевской церкви священникъ Михаилъ Полетаевъ; *астраханской*: города Астрахани Смоленской церкви священникъ Николай Ивановъ, царевскаго уѣзда, села Заплавнаго священникъ Іоаннъ Лавровъ, астраханскаго уѣзда, Казачебугровской станицы священникъ Антоній Касаткинъ; *тобольской*: города Омска казачье-войсковой Николаевской церкви священникъ Іоаннъ Бекрѣевъ, города Тобольска замковской Александроневской церкви священникъ Порфирій Низковскій, петропавловскаго вѣдомства сатницы Пресновской священникъ и благочинный Ми-

хаилъ Пѣтуховъ: *ярославской*: города Углича Николо-Сухопрудской церкви священникъ Платонъ Смирновъ, города Углича Предтеченской церкви священникъ Ѳеодоръ Ширяевъ, города Мышкина соборной церкви Алексѣй Смирновъ, города Романо-Борисоглѣбска Покровской церкви священникъ Ѳеодоръ Покровскій, города Ростова Всѣхъ-Святской церкви священникъ Симеонъ Воскресенскій, города Романо-Борисоглѣбска Воскресенскаго собора священникъ и благочинный Петръ Юрцевъ; *псковской*: псковскаго уѣзда, Славковскаго погоста священникъ и благочинный Василій Цвѣтковъ; *рязанской*: рязанскаго Явленскаго дѣвичьяго монастыря священникъ Димитрій Правдинъ, города Рязани Борисоглѣбскаго собора священникъ Михаилъ Виноградовъ, города Скопина Входоіерусалимской церкви священникъ Василій Лавровъ, рязанскаго уѣзда, села Кузминскаго священникъ и благочинный Іоаннъ Добротворцевъ; *тверской*: города Твери Никитской церкви священникъ Илія Остаповъ, города Торжка Покровской единовѣрческой церкви священникъ Парѳеній Лампсаковъ, города Краснаго Холма Преображенскаго собора священникъ Іоаннъ Кобаровъ, бѣжецкаго уѣзда, погоста Трестенскаго священникъ и благочинный Василій Смирновъ, вышневолоцкаго уѣзда погоста Заборовья священникъ и благочинный Григорій Новоселовъ, новоторжскаго уѣзда, села Константинова священникъ и благочинный Іоаннъ Галаховъ, бѣжецкаго уѣзда, села Рыбинскаго священникъ и благочинный Александръ Введенскій, новоторжскаго уѣзда, села Раменья священникъ и благочинный Михаилъ Анкирскій, города Ржева Оковицкой церкви священникъ Павелъ Крыловъ, *херсонской*: города Александріи Успенскаго собора протоіерей и благочинный Іоаннъ

Сомборскій, города Одессы Покровской церкви священникъ Михаилъ Діевскій, города Херсона Святодуховской церкви священникъ Георгій Вуколовъ, города Елисаветграда Успенскаго собора священникъ Симеонъ Рыбчинскій, бобринецкаго уѣзда, мѣстечка Добровшичновки священникъ и благочинный Александръ Жуковскій, города Одессы Входоіерусалимской церкви священникъ Іоаннъ Грибенко; *таврической*: города Бердянска Вознесенскаго собора протоіерей и благочинный Платонъ Кубеницкій, города Ѳеодосіи греческой Введенской церкви священникъ Антоній Люцидарскій, днѣпровскаго уѣзда, селенія Новой Маячки священникъ Василій Мироновичъ, города Симферополя греческой Троицкой церкви священникъ Іоаннъ Паксимаде; *литовской*: гродненской губерніи волковысскаго уѣзда села Мало - Бржестовицы священникъ и благочинный Стефанъ Бабулевичъ, гродненской губерніи, бѣльскаго уѣзда, села Старо-Карнила священникъ Келестинъ Бренни, ковенской губерніи, новоалександровскаго уѣзда мѣстечка Браславля священникъ Анзельмъ Лечинскій, гродненской губерніи, пружанскаго уѣзда, мѣстечка Шерешева священникъ и благочинный Михаилъ Токаржевскій; *варшавской*: города Люблина Рождество - богородичной церкви протоіерей Климентъ Чеховичъ, радомской губерніи, города Олькуша подвижной таможенной церкви священникъ Евѳимій Новгородовъ, плоцкой губерніи, города Млавы подвижной таможенной церкви священникъ Владиміръ Стабниковъ, августовской губерніи, города Ломжы подвижной таможенной церкви священникъ Левъ Страшкевичъ; *могилевской*: рогачевскаго уѣзда, мѣстечка Чечерска Преображенской церкви священникъ Василій Лепешинскій, оршинскаго уѣзда, мѣстечка Лозны Вознесенской церкви

священникъ Петръ Стратановичъ, города Мстиславля Аѳанасьевской церкви священникъ Сергій Романовскій, города Копыси Преображенской церкви священникъ Михаилъ Бровковичъ; *черниговской*: города Нѣжина Преображенской церкви священникъ и благочинный Петръ Огіевскій, мглинскаго уѣзда, мѣстечка Мѣны священникъ и благочинный Иларіонъ Лашниковъ; *минской*: мозырскаго уѣзда, мѣстечка Турова священникъ и благочинный Симеонъ Лисицкій, пинскаго уѣзда, села Хотеничъ священникъ и благочинный Максимъ Тихановичъ, минскаго уѣзда, мѣстечка Столпцевъ священникъ и благочинный Игнатій Чудиновичъ, духовникъ пинскаго женскаго Варваринскаго монастыря священникъ Григорій Поплавскій; *подольской*: города Каменца Іоанно-Предтеченскаго собора священникъ Евгеній Струмельскій; балтскаго уѣзда, села Борщей священникъ Петръ Юрашкевичъ, ушицкаго уѣзда, села Карачіевяцъ священникъ Лаврентій Гловицкій, проскуровскаго уѣзда, мѣстечка Ярмолинецъ священникъ Димитрій Стрѣльбицкій, проскуровскаго уѣзда, села Сказинецъ священникъ Лука Карсовицкій, города Летичева соборной Михайловской церкви протоіерей и благочинный Николай Любославскій, литичевскаго уѣзда, села Кудынки священникъ и благочинный Андрей Венгржановскій, летичевскаго уѣзда, села Яськовицъ священникъ и благочинный Іаковъ Савицкій, проскуровскаго уѣзда, села Глушковецъ священникъ Іоаннъ Левицкій, летичевскаго уѣзда, мѣстечка Зинькова священникъ Антоній Стемаковскій, летичевскаго уѣзда, села Редчинецъ священникъ Антоній Трублаевичъ, винницкаго уѣзда, села Стадницы священникъ и благочинный Ѳеодоръ Яновицкій, могилевскаго уѣзда, села Посохова священникъ и благочинный

Іоаннъ Папкевичъ, брацлавскаго уѣзда, села Воробьевки священникъ Матѳей Лисецкій, брацлавскаго уѣзда, мѣстечка Печеры священникъ Іосифъ Гаевскій, брацлавскаго уѣзда села Глинянца священникъ Максимъ Маньковскій, проскуровскаго уѣзда, села Аркыдовецъ священникъ Григорій Стришкевичъ; *кишиневской*: города Кишинева Георгіевской церкви священникъ и благочинный Лука Лашковъ; *олонецкой*: города Олонца Николаевскаго собора священникъ и благочинный Михаилъ Прилежаевъ; *донской*: Казанской станицы Архангельской церкви священникъ Георгій Азаровъ, слободы Устьбѣловой Троицкой церкви священникъ и благочинный Іаковъ Евфановъ, города Новочеркаска, Александровской церкви священникъ и благочинный Іоаннъ Диковъ, Верхне-курмоярской станицы Богородицкой церкви священникъ и благочинный Никита Никольскій, города Новочеркаска Троицкой церкви священникъ Іаковъ Соловьевъ, города Новочеркаска Николаевской церкви священникъ Ѳеодоръ Таировъ; *рижской*: города Вендена Спасо-преображенской церкви протоіерей и благочинный Іоаннъ Поспѣловъ, города Верро Екатерининской церкви священникъ и благочинный Александръ Троицкій; *екатеринославской*: екатеринославскаго уѣзда, селенія Діевки священникъ Иларіонъ Гемберовичъ, александровскаго уѣзда, села Покровскаго священникъ и благочинный Тихонъ Деменьтьевъ, павлоградскаго уѣзда, селенія Богуслава священникъ Викторъ Зимовичъ, бахмутскаго уѣзда, села Гришинаго священникъ Іаковъ Карповъ, павлоградскаго уѣзда, села Петровскаго протоіерей Ѳаддей Милченковъ, города Екатеринослава каѳедральнаго собора священникъ Іоаннъ Поддубный, славяно-сербскаго уѣзда, села Штеровки священникъ Георгій Фирсовъ;

калужской: города Калуги Пятницкой церкви протоіерей Гавріилъ Ливановскій, города Серпейска соборной церкви протоіерей и благочинный Василій Ваталинъ, мосальскаго уѣзда, села Спасо-Деменскаго священникъ и благочинный Алексѣй Смирновъ, калужскаго уѣзда, села Грабцова священникъ Θеодоръ Крыловъ; *смоленской*: города Бѣлаго соборной Троицкой церкви протоіерей и благочинный Іоаннъ Аθонскій, ельнинскаго уѣзда, села Устья священникъ и благочинный Іоаннъ Бѣлогорскій, бѣльскаго уѣзда, села Хомки священникъ и благочинный Іоаннъ Верзиловъ, дорогобужскаго уѣзда, села Буды священникъ и благочинный Димитрій Медвѣдковъ, города Гжадска соборной Благовѣщенской церкви священникъ и благочинный Іоасафъ Пушковъ, дорогобужскаго уѣзда, села Чоботовъ священникъ и благочинный Іаковъ Побитовъ, города Вязьмы Благовѣщенской церкви священникъ Григорій Соколовъ, гжадскаго уѣзда, села Купрова священникъ и благочинный Петръ Успенскій; *нижегородской*: города Нижняго-Новгорода Михаило-Архангельскаго собора священникъ Григорій Политковскій, города Макарьева Казанскаго собора протоіерей и благочинный Михаилъ Прозоровскій, макарьевскаго уѣзда, села Воскресенскаго протоіерей и благочинный Іоаннъ Разумовъ, ардатовскаго уѣзда, села Сноведскаго завода священникъ и благочинный Левъ Кириловскій, сергачевскаго уѣзда, села Итманова священникъ Іоаннъ Нечаевъ, города Нижняго-Новгорода ярмарочнаго Спасскаго собора протоіерей и благочинный Стефанъ Добротворскій, горбатовскаго уѣзда, села Варены Казанской церкви священникъ Петръ Альбицкій, города Нижняго-Новгорода Николаевской верхне-посадской церкви священникъ Порфирій Владимірскій, горо-

да Нижняго-Новгорода Георгіевской церкви священникъ Іоаннъ Софійскій, семеновскаго уѣзда, села Пафнутова священникъ Симеонъ Тихонравовъ, макарьевскаго уѣзда, села Просѣки священникъ и благочинный Іоаннъ Утѣхинъ; *курской*: города Курска Подгородной слободы ямской Введенской церкви священникъ Стефанъ Ивановъ, города Щигровъ соборной Троицкой церкви священникъ Алексѣй Красницкій, бѣлгородскаго уѣзда, села Высокаго, Щетинова тожъ, священникъ Василій Ничкевичъ; *владимірской*: города Вязниковъ Троицкой церкви священникъ и благочинный Василій Богородскій, города Суздаля Богородицкой церкви, что при Блохинской богадѣльнѣ, священникъ Александръ Кротковъ, города Переслава Богословской церкви священникъ Петръ Каллистовъ, города Владиміра Спасо-преображенской церкви священникъ Николай Виноградовъ, вязниковскаго уѣзда, села Акиншина священникъ и благочинный Андрей Веселовскій, ковровскаго уѣзда, села Егорья, что за Вазалью, священникъ и благочинный Авраамій Маврицкій, александровскаго уѣзда, села Новинокъ священникъ и благочинный Іоаннъ Сахаровъ, суздальскаго уѣзда, слободы Старопаменной священникъ и благочинный Іоаннъ Семеновскій, суздальскаго уѣзда, села Менчакова священникъ и благочинный Іоаннъ Херасковъ, муромскаго уѣзда, села Карачаровки священникъ Михаилъ Зерновъ; *полоцкой*: города Витебска каѳедральнаго собора священникъ Іосифъ Магай; *вологодской*: города Вологды кирилловской Рождественской церкви священникъ Алексѣй Поповъ, вельскаго уѣзда, григоровской Николаевской церкви священникъ и благочинный Евгеній Кирилловъ, устьсысольскаго уѣзда, ибской Вознесенской церкви священникъ и благочинный Геор-

гій Поповъ; кадниковскаго уѣзда, Николаевской усть-рѣцкой церкви священникъ и благочинный Парменъ Яблоковъ; *тульской*: города Новосиля Николаевской церкви священникъ Іоаннъ Благосклонскій; *вятской*: города Глазова Преображенскаго собора священникъ Михаилъ Сырневъ, малмыжскаго уѣзда, села Мултанскаго священникъ Іоаннъ Каппачинскій, глазовскаго уѣзда, села Унинскаго священникъ Іоаннъ Базилевскій, елабужскаго уѣзда, села Пьяноборскаго священникъ и благочинный Стефанъ Кудрявцевъ, города Котельнича Троицкаго собора священникъ Василій Угольцевъ; *воронежской*: города Нижне-дѣвицка Вознесенской церкви протоіерей и благочинный Елисей Владиміровъ, города Павловска Преображенскаго собора протоіерей и благочинный Павелъ Тимоѳѣевъ, бобровскаго уѣзда, слободы Бутурлиновки священникъ и благочинный Іаковъ Пахомовъ, бобровскаго уѣзда, села Хрѣнова священникъ Александръ Зайцевъ; *костромской*: солигаличскаго уѣзда, села Высокаго священникъ Григорій Чистяковъ, юрьевецкаго уѣзда, села Филосова священникъ Георгій Пребраженскій; *тамбовской*: города Тамбова Покровской церкви протоіерей Павелъ Розановъ, тамбовскаго маріинскаго дѣтскаго пріюта священникъ Захарій Ястребцевъ, борисоглѣбскаго уѣзда, села Бурнакъ священникъ Павелъ Денисовъ, города Усмани соборной Богоявленской церкви священникъ Стефанъ Добровъ, города Моршанска Вознесенской церкви священникъ Димитрій Солертинскій, тамбовскаго уѣзда, села Грязнуши священникъ и благочинный Димитрій Смирновъ, тамбовскаго уѣзда, села Большой Лазавки священникъ Мартынъ Таптыковъ, моршанскаго уѣзда, села Рыбнаго протоіерей и благочинный Іоаннъ Тихонра-

вовъ, тамбовскаго уѣзда, села Разсказова священникъ Константинъ Никифоровъ; *орловской:* города Орла Троицкой церкви священникъ Іоаннъ Аѳанасьевъ, города Карачева Троицкой церкви священникъ и благочинный Дмитрій Азбукинъ, города Кромъ Успенскаго собора протоіерей и благочинный Николай Шубинъ, брянскаго уѣзда, села Дятькова священникъ и благочинный Стефанъ Красовскій, города Болхова Николо-Космо-Даміанской церкви священникъ Димитрій Брянцевъ, города Мценска Введенской церкви священникъ Петръ Брянцевъ, города Ливенъ Сергіевской церкви священникъ Іоаннъ Красовитовъ; *полтавской:* города Полтавы Срѣтенскаго собора протоіерей Николай Кондратовичъ, кобелякскаго уѣзда, мѣстечка Китай-города священникъ и благочинный Алексѣй Сементовскій, полтавскаго уѣзда, села Жуковъ священникъ и благочинный Іоаннъ Токаревскій; *волынской:* ровновскаго уѣзда, села Москвитяновки священникъ и благочинный Леонтій Биличъ, владимірскаго уѣзда, села Шпиколосъ священникъ Антоній Бѣльскій, житомирскаго уѣзда, села Студеницы священникъ Игнатій Боцяновскій, заславскаго уѣзда, села Мыслятина священникъ Ѳеодоръ Домбровскій, владимірскаго уѣзда, села Ощева священникъ Іоаннъ Конашинскій. новоградволынскаго уѣзда, мѣстечка Острополя священникъ Александръ Компанскій, города Волыни каѳедральнаго собора священникъ Василій Княжинскій, заславскаго уѣзда, Городищскаго женскаго монастыря священникъ Іоаннъ Колшанскій, житомирскаго уѣзда. села Славова священникъ Василій Ковалевскій, ковельскаго уѣзда, мѣстечка Маціова священникъ Арсеній Львовичъ, кременецкаго уѣзда, села Сапонова священникъ Георгій Непадкевичъ, кременецкаго уѣзда, села Святца священникъ

и благочинный Василій Сѣлецкій; *пермской*: верхотурскаго уѣзда, богословскаго завода протоіерей и благочинный Іоаннъ Лаговской, города Екатеринбурга каѳедральнаго Богоявленскаго собора священникъ Димитрій Морозовъ, екатеринбургскаго уѣзда Невьянскаго, завода священникъ и благочинный Поликарпъ Шишевъ, ирбитскаго уѣзда, села Байкаловскаго священникъ Зиновій Вишневскій; *томской*: города Барнаула Одигитріевской церкви священникъ и благочинный Михаилъ Богословскій, семипалатинскаго округа, Семипалатинской станицы священникъ Іаковъ Дерябинъ; *пензенской*: города Пензы Введенской церкви священникъ Андрей Рамзайцевъ, нижеломовскаго уѣзда заштатнаго города Верхняго-Лома священникъ и благочинный Платонъ Овновъ, городищскаго уѣзда, села Панцеровки священникъ и благочинный Александръ Сталыпинъ, города Пензы Введенской церкви священникъ Стефанъ Филаретовъ; *саратовской*: города Хвалынска Воскресенскаго собора протоіерей и благочинный Іоаннъ Любомудровъ, города Саратова Введенской церкви священникъ Матѳей Надеждинъ, города Саратова Александро-Невскаго каѳедральнаго собора священникъ Георгій Никольскій, вольскаго уѣзда, села Донгуза священникъ Евѳимій Прозоровскій, города Саратова Духосошественской церкви священникъ Матѳей Розановъ; *харьковской*: харьковскаго уѣзда, слободы Ольшанской священникъ и благочинный Астіонъ Житловъ, города Старобѣльска соборной Покровской церкви протоіерей Петръ Аристовъ, города Ахтырки Николаевской церкви священникъ Рейпольскій, города Ахтырки Архангело-Михайловской церкви священникъ Михаилъ Артемьевъ, города Сумъ Пророко-Ильинской церкви священникъ Прокопій Ставровскій, харьковскаго

уѣзда, слободы Мерфы священникъ Николай Соколовскій, лебединскаго уѣзда, села Боброваго священникъ Василій Елинскій, 2-го округа харьковскаго поселенія селенія Скрыпаева священникъ Михаилъ Масловъ, 2-го округа харьковскаго поселенія слободы Новосерпуховой священникъ Илія Ракшевскій, зміевскаго уѣзда, села Преображенскаго священникъ Петръ Мураховскій; *симбирской*: города Сызрана Преображенской церкви священникъ и благочинный Евѳимій Лебедевъ, города Симбирска Владимірской церкви священникъ Павелъ Никольскій, буинскаго уѣзда, села Тайсей священникъ Петръ Никольскій, города Симбирска Успенской церкви, что при Симбирскомъ удѣльномъ женскомъ училищѣ, священникъ Димитрій Орловъ, города Алатыря Казанской церкви священникъ Василій Смирновъ, карсунскаго уѣзда, села Судасева священникъ и благочинный Александръ Тихомировъ; *камчатской*: города Якутска Предтеченской церкви священникъ Петръ Поповъ, города Якутска Николаевской церкви священникъ Александръ Преловскій, Чаунско-Чукотской миссіонерской церкви священникъ Петръ Суворовъ, заштатнаго города Жиганска Николаевской церкви священникъ Іоаннъ Винокуровъ; *самарской*: города Бугуруслана Вознесенскаго собора протоіерей и благочинный Павелъ Любимовъ, бугурусланскаго уѣзда, Кандызской слободы священникъ и благочинный Герасимъ Преображенскій, города Бузулука священникъ и благочинный Александръ Тихомировъ, города Самары Предтеченской церкви священникъ и благочинный Александръ Цареградскій; *уфимской*: города Уфы Благовѣщенскаго женскаго монастыря священникъ Николай Бугульминскій, города Стерлитамака Богородицкой церкви священникъ и благочинный Василій Софотеровъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТЪ КАНЦЕЛЯРІИ АКАДЕМИЧЕСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1) Коллежскимъ ассесоромъ Васильемъ Ивановичемъ Аристовымъ представлено въ пользу своекоштныхъ студентовъ академіи *пятьдесятъ восемь рублей* — чистаго сбора отъ спектакля, даннаго любителями въ Кронштадтѣ. Объ употребленіи сихъ денегъ будетъ въ свое время напечатано.

2) Тѣмъ же к. асс. В. И. Аристовымъ представлено въ канцелярію *семьдесятъ рублей* чистаго сбора отъ спектакля любителей, даннаго въ Кронштадтѣ 29 іюля, въ пользу народныхъ сельскихъ приходскихъ школъ. Деньги сіи препровождены къ епархіальнымъ преосвященнымъ: олонецкому, рязанскому, смоленскому, костромскому, калужскому, новгородскому (викарію) и тульскому для пріобрѣтенія учебныхъ принадлежностей для школъ, заведенныхъ духовенствомъ ихъ епархій. Первымъ шести архіереямъ послано по 10 р., а послѣднему 9 рублей; шестьдесятъ девять коп. издержано на пересылку; — остается 31 коп.

3) Пожертвованные Р. А. Е. І. сто экземпляровъ Дѣяній и Посланій св. апостоловъ съ Апокалипсисомъ на русскомъ нарѣчіи, въ пользу сельскихъ школъ новосильскаго уѣзда, препровождены къ тульскому преосвященному.

4) Пожертвованія на подобные предметы и впредь будутъ приниматься въ канцеляріи правленія С. П. Б. Академіи.

I.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ДВУНАДЕСЯТИ СВ. АПОСТОЛОВЪ (¹).

Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа... и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка (Матѳ. 28, 19. 20).

Понятна мысль, съ какою устроенный здѣсь храмъ посвященъ имени и покровительству двунадесяти св. апостоловъ Христовыхъ. Создатели св. храма въ пріютѣ высшаго духовнаго просвѣщенія, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду, съ одной стороны, для трудящихся въ этомъ пріютѣ воспитателей и воспитанниковъ въ лицѣ св. апостоловъ дать постоянный образъ совершеннѣйшихъ учениковъ Христовыхъ и учителей церкви Христовой, съ другой стороны, хотѣли они, чтобы св. апостолы Христовы, искушенные собственнымъ долговременнымъ опытомъ на поприщѣ званія ученическаго и учительскаго, съ особенною готовностію, съ особенною любовью приникали на св. храмъ сей, внимали молитвамъ и прошеніямъ, смиренно приносимымъ въ семъ храмѣ,

(¹) Произнесено 30 іюня 1862 г. въ академической церкви И. А. А. В-мъ

тѣми, кому Господь судилъ въ этомъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія трудиться или въ прохожденіи или въ приготовленіи къ прохожденію званія, въ извѣстномъ смыслѣ апостольскаго.

Безъ сомнѣнія эта мысль и всегда, а особливо въ настоящія минуты, сознается какъ тѣми, для которыхъ устроенъ этотъ храмъ, такъ и тѣми, которые возъимѣли усердіе принять участіе въ ихъ молитвѣ. Поэтому, въ день памяти св. апостоловъ, хотѣли бы мы остановить благочестивое вниманіе тѣхъ и другихъ на другой мысли, не менѣе высокой и назидательной, но также ближайшимъ образомъ вызываемой у насъ воспоминаніемъ объ апостолахъ Христовыхъ,—на мысли объ апостольскомъ служеніи въ собственномъ смыслѣ этого слова, особенно въ нашемъ отечествѣ и—въ настоящее время.

Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка.

Шедше научите вся языки: вотъ послѣдняя заповѣдь Спасителя, Господа нашего Іисуса Христа, которую далъ Онъ апостоламъ въ послѣднюю минуту видимаго пребыванія съ ними. *Азъ съ вами есмь во вся дни*: вотъ обѣтованіе, которое Онъ далъ имъ въ минуты видимой разлуки съ Нимъ, и которымъ они должны были одушевлять и укрѣплять себя, при исполненіи послѣдней заповѣди Христовой. Исполненію этой прощальной заповѣди, воодушевляемые послѣднимъ обѣтованіемъ и укрѣпляемые силою Святаго Духа, св. апостолы посвятили всѣ силы душъ и тѣлесъ своихъ, всѣ дни жизни своей. Не смотря ни на какія трудности и препятствія, запрещенія и гоненія, угрозы и мученія, они съ полнымъ

самоотверженіемъ и горящею ко спасенію міра и славѣ Божіей любовію проходили изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, уча, дотолѣ погруженные во тьму невѣрія и лжевѣрія, народы вѣрѣ въ тріединаго Бога, просвѣщая ихъ св. крещеніемъ и наставляя соблюдать правила истиннаго благочестія, заповѣданныя Спасителемъ міра. И вотъ теперь вмѣстѣ со многими милліонами вѣрующихъ мы съ благоговѣніемъ, любовію и благодарностію вспоминаемъ совершенное ими великое дѣло насажденія и распространенія въ мірѣ спасительной Вѣры Христовой, ублажаемъ память ихъ, величаемъ болѣзни и труды ихъ, которыми они трудились во благовѣстіи Христовѣ. Неужели же съ кончиною апостоловъ должно было кончиться ихъ спасительное служеніе? *Шедше научите вся языки*, говоритъ Божественный Учитель святымъ ученикамъ своимъ. Но этой заповѣди во всей полнотѣ ея въ краткій срокъ жизни своей апостолы совершить не могли. Высокое дѣло—продолжить и довершить апостольское служеніе пріяли на себя право и долгъ преемники апостоловъ по благодати, и будутъ продолжать и довершать оное во вся дни до скончанія вѣка. По преемству лицъ и временъ проповѣдь всѣмъ языкамъ достигла и нашего отечества. Огонь благодатнаго ученія чрезъ проповѣдниковъ православной Греціи коснулся и насъ и просвѣтилъ насъ божественнымъ свѣтомъ Евангелія Христова. И вотъ уже многіе вѣки русскій народъ исповѣдуетъ вѣру апостольскую; многіе вѣки лежитъ на русской церкви высокій долгъ распространенія св. Вѣры Христовой между невѣрными. Апостольскій долгъ этотъ наша Церковь, и всегда въ извѣстной мѣрѣ сознававшая и исполнявшая, должна сознать и исполнять

особливо въ нынѣшнее время. Правда, — много есть другихъ странъ и народовъ, хранящихъ въ чистотѣ православно-христіанскую Вѣру. Но кто не знаетъ ихъ тяжкаго положенія? — Кто не знаетъ, что для нихъ въ настоящее время достаточно сохранить чистоту и цѣлость св. Вѣры? За нее пока они должны бороться и дѣйствительно борются всѣми силами и жертвуютъ многими жизнями. Далъ бы Богъ,—скорѣе кончилась бы для нихъ эта борьба побѣдою, тогда, безъ сомнѣнія, изъ среды ихъ вновь стали бы являться ревнители апостоламъ, подобные Кириллу и Меѳодію. Не въ такомъ положеніи—православная русская Церковь: члены ея богаты и числомъ и свободою отъ власти чужеземной, духовнымъ просвѣщеніемъ и средствами вещественными. Правда, вынуждаемые живымъ опытомъ, съ скорбію должны мы сознаться, что въ самомъ обществѣ православныхъ—много, много такихъ, которые не только въ душѣ остаются, но иногда на словахъ и на дѣлѣ являются не христіанами, безъ упованія жизни вѣчной, безъ вѣры въ Бога.... Должны сознаться, что изъ числа православныхъ христіанъ не мало такихъ, которые или коснѣютъ въ невѣдѣніи начальныхъ истинъ св. Вѣры, суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ языческихъ, или при всей видимой образованности, развитости и многознаніи увлекаются всякимъ вѣтромъ ложныхъ и вредныхъ ученій. Поэтому на всѣхъ, кому далъ Богъ свѣтъ и разумъ къ точному и основательному познанію истинъ св. Вѣры, лежитъ священный долгъ прежде всего заботиться о духовныхъ нуждахъ своихъ присныхъ по вѣрѣ. И надо сказать, великій трудъ въ этомъ отношеніи предлежитъ Церкви и лучшимъ людямъ православной Россіи!... И не смотря на все это,—долгъ рус-

ской Церкви и народа гораздо шире, назначеніе гораздо выше. Какъ члены Церкви, мы—вѣрующіе въ Сына Божія Іисуса Христа. „Если же, скажемъ словами знаменитѣйшаго изъ современныхъ намъ проповѣдниковъ Евангелія невѣрнымъ въ Россіи ([1]), если мы искренно вѣруемъ въ Сына Божія Іисуса Христа, то, какъ св. Апостолъ утверждаетъ, въ насъ должны быть *и тѣже чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ* (Филипп. 2, 5). Но въ сердцѣ Іисусовомъ съ милосердіемъ къ заблуждающимъ соединено было пламенное желаніе, чтобы всѣ люди познали единаго истиннаго Бога, и посланнаго Имъ Іисуса Христа, всѣ невѣрные возлюбили св. Вѣру, покорились ей, еще въ этой жизни вкусили отъ плодовъ ея—святыню, и въ вѣчности—жизнь блаженную и славную.“ Церковь Христова въ Россіи есть Церковь апостольская. „Поелику, продолжимъ словами тогоже подражателя апостоловъ, Христова Церковь въ Россіи есть *апостольская*; то надъ нею всегда гремитъ сіе слово Спасителя: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. И се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка.* Поелику Христова Церковь въ Россіи есть *апостольская*; то явиться таковою для стольких народовъ, покоренныхъ россійской державѣ Вседержителемъ Іисусомъ Христомъ, есть священный подвигъ и вѣнецъ чести, который ей принадлежитъ; просвѣтить сіи народы вѣрою во Христа есть высочайшее назначеніе народа русскаго, и племена сіи преданы ему Провидѣніемъ для того, чтобы онъ

([1]) Алтайскій миссіонеръ А. Макарій: «мысли о распространеніи христіанства въ Россіи» (рукопись).

предалъ имъ тотъ же даръ Божій, который самому ему преданъ отъ народа (греческаго), предварившаго насъ въ царствіи Божіемъ." Надобно ли указывать: гдѣ найти тѣхъ, которые ждутъ отъ насъ служенія апостольскаго? Гораздо труднѣе опредѣлить, *сколько* такихъ, и гдѣ нѣтъ такихъ въ обширныхъ предѣлахъ нашего отечества, начиная отъ западныхъ предѣловъ его до самыхъ отдаленныхъ странъ Восточной Сибири и, уже другому свѣту принадлежащей, Америки, отъ крайняго сѣвера, гдѣ одинъ разъ въ году смѣняются день и ночь, до жаркаго климата южныхъ странъ? На этомъ подавляющемъ воображеніе пространствѣ, среди насъ, православныхъ, разсѣяны милліоны не знающихъ истиннаго Бога, невѣрующихъ въ Спасителя міра Господа Іисуса. И если бы вы знали, братія христіане,—какіе дивные сосуды благодати образуетъ св. Вѣра изъ этихъ прежде слѣпыхъ и заблудшихъ людей, такъ что новообращенные ко Христу не рѣдко превосходятъ и давнихъ христіанъ духомъ вѣры и благочестія.—Но не одними предѣлами отечества ограничивается апостольское призваніе русскаго народа. Душевныя нивы сопредѣльныхъ намъ язычниковъ готовы къ жатвѣ, ждутъ только жателей и какъ скоро находятъ ихъ, тотчасъ является обильная жатва для небесной житницы. Особенно же современный опытъ показываетъ, что въ настоящее время, скажемъ съ Апостоломъ, *отверзта* для насъ великая и широкая дверь (1 Кор. 16, 9) вѣры въ обширнѣйшей изъ сопредѣльныхъ намъ странъ—имперіи Китайской. Едва только началась тамъ, — вотъ уже въ наши недавніе дни—проповѣдь Евангелія устами православныхъ проповѣдниковъ нашихъ, какъ вотъ уже мы имѣемъ теперь тамъ немало новыхъ единовѣрныхъ

братій не единицами и не десятками, и несравненно бóльшее число изъявляють полную готовность къ обращенію.

„Что же мнѣ дѣлать“?—можетъ быть, кто-нибудь думаетъ изъ васъ, братія, въ настоящую минуту. „Могу ли, если бы захотѣлъ, чѣмъ-либо послужить такому высокому апостольскому дѣлу, каково распространеніе св. Вѣры между невѣрующими?“—Если бы мы не боялись слишкомъ утомить ваше благочестивое вниманіе, то безъ труда доказали бы, что нѣтъ такого сословія и состоянія въ мірѣ, которое при намѣреніи богоугодномъ не могло бы приносить пользы миссіонерскому дѣлу, что всякая наука можетъ представить Господу участокъ свой, всякое искуство можетъ имѣть свое употребленіе въ службѣ его, всякое художество, всякая опытность, всякое знаніе могутъ быть обращены Церковію на великое дѣло спасенія. Изъ многаго укажемъ хоть не многое. Знаете ли, напримѣръ, какъ живутъ язычники, надъ обращеніемъ которыхъ трудятся наши алтайскіе миссіонеры,—какъ, говоримъ, живутъ они до обращенія своего въ христіанскую Вѣру и на первыхъ порахъ послѣ обращенія? Это—дѣти; но дѣти не смысломъ только, а по самымъ обстановкамъ обыденной жизни. Поэтому, не говоря уже о томъ, что миссіонеры поставляются въ необходимость устроять и потомъ содержать нѣсколько церквей, дѣлать издержки, при крещеніи, на иконы, кресты и т. п., кромѣ этого, миссіонеры большею частію должны бываютъ устроять ихъ осѣдлое обзаведеніе, учить хозяйству, полезнымъ ремесламъ, земледѣлію и т. п., а нерѣдко, особенно вначалѣ, снабжать пищею и сколько нибудь приличною одеждою, лечить больныхъ, притѣсняемыхъ защищать

и т. под. А все это неизбѣжно уже потому одному, что всѣмъ этимъ скрѣпляется присоединеніе новообращенныхъ къ стаду Христову. Въ противномъ случаѣ, или притѣсненія и обиды отъ некрещенныхъ единоплеменниковъ, или грубый кочевой образъ жизни могутъ подавить и совсѣмъ истребить сѣмя св. Вѣры. Сколько разнообразныхъ нуждъ, и сколько надобно имѣть средствъ къ удовлетворенію ихъ! А миссіонеры нерѣдко сами нуждаются въ необходимомъ. Сколькихъ и самыхъ разнородныхъ помощниковъ надобно имѣть имъ: а ихъ самихъ бываетъ нерѣдко по одному, по два тамъ, гдѣ не лишними были бы десятки и болѣе... Значитъ,— было бы искреннее усердіе, а послужить всякій найдетъ чѣмъ въ своемъ родѣ. Никакая незначительная жертва тамъ не будетъ ничтожна; маленькая иконка, деревянный, или мѣдный крестикъ, не говоримъ уже о книгахъ и всякаго рода самой простой одеждѣ,—будутъ приняты тамъ, какъ нѣчто весьма важное и дорогое, потому что весьма необходимы. Но прекращая объ этомъ рѣчь, обращаемся къ вашему усердію христіанскому съ просьбою, которую считаемъ особенно благовременною въ настоящее время.

Слушатели благочестивые! Чрезъ нѣсколько минутъ будетъ совершаемо здѣсь молебное пѣніе св. апостоламъ, молитвенникамъ и покровителямъ сего святаго храма и этого пріюта высшаго духовнаго просвѣщенія. — Изъ первыхъ наставниковъ этого заведенія (въ древнемъ его устройствѣ) вышелъ первый проповѣдникъ христіанской Вѣры „во языцѣхъ монгольскихъ,"— новый апостолъ Христовъ, съ Евангеліемъ протекшій отъ здѣшняго престольнаго града до восточныхъ предѣловъ царства Сибирскаго, святитель Христовъ и чу-

дотворецъ Иннокентій. Изъ питомцевъ здѣшнихъ вышелъ апостолъ нашихъ временъ, положившій твердое основаніе св. Вѣры въ народѣ алтайскомъ, блаженной памяти архимандритъ Макарій. Здѣшніе же питомцы и въ настоящее время съ отраднымъ успѣхомъ проповѣдуютъ Евангеліе за предѣлами отечества, въ странахъ отдаленнаго Китая. Отъ души возблагодаривъ за это Господа, помолимся же, братія, помолимся со всеусердіемъ св. апостоламъ Христовымъ, первымъ проповѣдникамъ Евангелія, чтобы не единицы только, а многія и многія лица какъ изъ этого, такъ и другихъ отечественныхъ разсадниковъ духовнаго образованія являлись самоотверженными проповѣдниками Вѣры между невѣрными, а всѣ они—усердными распространителями живой мысли о настоятельномъ и святомъ долгѣ распространенія св. Вѣры, чтобы эта мысль глубже и глубже проходила въ сознаніе общенародное и возбуждала всѣ классы и состоянія—каждому своимъ образомъ служить высокому и спасительному дѣлу, — быть сотрудниками Іисусу Христу, быть соучастниками апостоловъ Христовыхъ въ возрожденіи племенъ и народовъ, въ просвѣщеніи и спасеніи людей. Аминь.

ПУСТЫННИКИ.

(КАРТИНА АСКЕТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ IV ВѢКА).

На юговосточномъ берегу Чернаго моря, близъ Арменіи, извѣстна была въ древности страна Понтійская. Вдоль и поперегъ искрещена она высокими горами, гребни которыхъ висятъ одинъ надъ другимъ и достигаютъ облаковъ; горные потоки, стремительные и многоводные весною, и большею частію пересыхавшіе лѣтомъ, провели на ней въ разныхъ направленіяхъ глубокіе овраги и обнажили скрытые въ нѣдрахъ земли камни; мѣста, незаваленныя камнями, были густо покрыты или терніемъ ([1]), или огромнымъ лѣсомъ ([2]), такъ что жизнь въ этой горной странѣ сопряжена была съ большими неудобствами по дикости мѣста и по трудностямъ сообщенія. Но неудобная для обыкновенной жизни, древняя Понтія „представляла собою удобное жилище для бѣглецовъ государственныхъ и для бѣглецовъ міра"—аскетовъ ([3]); ея огромныя горы служили для аскетовъ жильемъ, потому что въ этихъ горахъ самою природою устроены были углубленія и пещеры, удобныя для житья. А дороже всего была здѣсь для подвижниковъ тишина, нарушаемая только ревомъ ди-

---

([1]) Твор. св. Григ. Бог. ч. VI, стр. 100.
([2]) Тамъ же, ч. IV, стр. 57.
([3]) Тамъ же, ч. VI, стр. 101.

кихъ звѣрей и воемъ вѣтра, да еще нерѣдко охотниками, гонявшимися за звѣремъ (1). Ко всему этому для характеристики древней Понтіи нужно присовокупить и то, что въ ней былъ „въ мѣру воздухъ и въ рѣдкость солнце" (2), — надъ нею носились постоянные туманы отъ сосѣдняго моря и вмѣстѣ съ облаками и громадными гребнями прятавшихся въ нихъ горъ заслоняли отъ жителей лучи солнца и препятствовали свободному обращенію воздуха.

Въ эту-то страну полторы тысячи лѣтъ тому назадъ (360 — 361) пробирался одинъ молодой путникъ (ему было около 30 лѣтъ). Съ нимъ ничего не было, кромѣ убогаго волосянаго хитона, въ который онъ былъ одѣтъ, и нѣсколькихъ книгъ, которыя онъ несъ въ своихъ рукахъ (3). Поспѣшно шелъ путникъ, не обращая вниманія на острые камни и тернія, которыми усѣяна была дорога, и которые раздирали его босыя ноги. Тяжкое горе было у него на душѣ. Онъ спѣшилъ облегчить это горе въ бесѣдѣ съ другомъ, который жилъ въ этой пустынѣ и давно уже приглашалъ его къ себѣ (4). Мѣсто жительства друга было извѣстно путнику изъ письма сего послѣдняго. Вотъ это письмо: „это (мѣсто, гдѣ жилъ авторъ письма) — высокая гора, покрытая чистымъ лѣсомъ, на сѣверной сторонѣ орошаемая холодными прозрачными водами. По подгорью ея стелется покатая долина, постоянно утучняемая влагами изъ горы. Кругомъ долины самъ собою выросшій лѣсъ изъ различныхъ всякаго рода деревъ служитъ ей, какъ

(1) Тамъ же, ч. VI, стр. 101, св. твор. св. Вас. Вел. ч. VI, стр. 52.
(2) Тамъ же, стр. 99.
(3) Твор. св. Григ. Бог. ч. IV, стр. 308.
(4) Тамъ же ч. VI, стр. 97.

бы оградой, и въ сравненіи съ нею ничего почти не значитъ и Калипсинъ островъ, красотѣ котораго особенно, кажется, дивится Омиръ. Ибо не многаго не достаетъ, чтобы долинѣ, по причинѣ ограждающихъ ее отовсюду оплотовъ, походить на островъ. Съ двухъ сторонъ прорыты глубокіе овраги, а съ боку рѣка, текущая съ стремнины, служитъ также непрерывной и неприступной стѣной. А поелику гора тянется въ обѣ стороны, и луновидными изгибами примыкаетъ оврагамъ, то доступы въ подгорье заграждены. Одинъ только есть въ него входъ, которымъ владѣемъ мы. За мѣстомъ нашего жительства есть другой гребень, возвышенную свою вершину подъемлющій надъ горою, и съ него вся равнина развертывается передъ взоромъ; съ высоты можно видѣть и текущую мимо равнины рѣку, которая, по моему мнѣнію, доставляетъ не меньше наслажденія, какъ и Стримонъ, если смотрѣть на него изъ Амфиполя. Ибо Стримонъ, въ медленномъ своемъ теченіи разливаясь въ видѣ озера, по своей неподвижности едва не перестаетъ быть рѣкою. А эта рѣка, будучи быстрѣе всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, свирѣпѣетъ нѣсколько при сосѣднемъ утесѣ и, отражаясь отъ онаго, кружится въ глубокомъ водоворотѣ, чѣмъ доставляетъ мнѣ и всякому зрителю весьма пріятный видъ, а туземнымъ жителямъ приноситъ самую удовлетворительную пользу, и въ пучинахъ питаетъ неизчислимое множество рыбъ. Нужно-ли говорить о земной прохладѣ и о вѣтеркахъ съ рѣки? Множеству цвѣтовъ и пѣвчихъ птицъ пусть дивится кто другой, а у меня нѣтъ досужаго времени обращать на это вниманія. Изъ всего, что̀ могу сказать о моемъ убѣжищѣ, наиболѣе важно то, что, по удобству положенія, будучи способ-

но произращать всякіе плоды, для меня возращаетъ сладостнѣйшій изъ плодовъ—безмолвіе; потому что не только освобождаетъ отъ городскихъ мятежей, но и не заводитъ къ намъ ни одного путника, кромѣ встрѣчающихся съ нами на звѣриной ловлѣ. Ибо сверхъ всего прочаго здѣсь живутъ стада оленей, дикихъ козъ, зайцы и тому подобное (¹)".

Что-же было за горе у молодаго путника? Онъ былъ оскорбленъ въ самыхъ дорогихъ своихъ убѣжденіяхъ. Отецъ его, вполнѣ зная аскетическія наклонности сына и его благоговѣйный страхъ къ священному сану, противъ воли возложилъ на него этотъ санъ, желая имѣть въ немъ помощника въ управленіи церковію, которой самъ былъ епископомъ. Это принужденіе такъ сильно подѣйствовало на сильную, впечатлительную душу св. Григорія,—этотъ путникъ былъ онъ, — что, по собственнымъ словамъ его, „онъ забылъ все, родителей, отечество, родъ, и ушелъ въ Понтъ, надѣясь тамъ въ божественномъ другѣ найти себѣ врачество отъ горести. Тамъ въ сожительствѣ съ Богомъ трудился онъ, покрытый облакомъ, какъ одинъ изъ ветхозавѣтныхъ мудрецовъ. Это былъ Василій" (²).

Скоро глазамъ путника представилась гора, которой онъ искалъ и на которой подвизался его великій другъ. Гора эта была такъ высока и обрывиста, что взбираться на нее можно было не иначе, какъ человѣку опытному (³). Но эта гора и этотъ трудный путь произвели на св. Григорія благопріятное впечатлѣніе; потому что первая приближала къ Богу, а послѣдній на-

(¹) Твор. Вас. Вел. ч. VI, стр. 51—52.
(²) Твор. св. Гр. Бог. ч. VI, 16.
(³) Тамъ же, стр. 100.

поминалъ о тѣсномъ пути евангельскомъ, ведущемъ къ вѣчной жизни (¹). Въ горѣ было нѣсколько пещеръ. въ которыхъ проводили трудную аскетическую жизнь нѣсколько человѣкъ, собравшихся около св. Василія и избравшихъ его своимъ руководителемъ (²). Благочестивые пустынники не обдѣлывали пещеръ, не приспособляли ихъ къ удобному помѣщенію, а оставили устройство ихъ такимъ, какимъ сдѣлала его природа: все убранство пещеръ состояло изъ древесныхъ вѣтвей, сложенныхъ въ углу и замѣнявшихъ подвижникамъ ложе; тутъ же на полу лежали и священныя книги — самое драгоцѣнное достояніе пустынниковъ и самое лучшее украшеніе ихъ убогихъ пещеръ (³). Въ одной изъ такихъ пещеръ св. Григорій нашелъ своего „божественнаго друга, который и дѣйствительно облегчилъ скорбь его сердца“ (⁴).

Какъ и изъ кого составилась эта необыкновенная община среди дикой пустыни? Какое внѣшнее устройство она имѣла? И какъ текла ея внутренняя жизнь?

Составилась она просто. Первый удалился сюда ея св. основатель, бѣгая суеты мірской и желая жить исключительно для Бога. Аскетъ отъ природы, одаренный сильнымъ умомъ и необыкновенно твердымъ характеромъ, св. Василій еще во время занятія науками въ Аѳинахъ рѣшился посвятить себя аскетической жизни (⁵). Вотъ какъ разсказываетъ самъ онъ о пробужде-

---

(¹) Твор. св. Григ. Богос. стр. 100.

(²) Твор. св. Григ. Бог. ч. VI, стр. 103, сн. твор. Вас. Вел. ч. V, стр. 87.

(³) Тамъ же, ч. IV, стр. 308, сн. ч. I, стр. 127 и 219.

(⁴) Тамъ же, ч. IV, стр. 16.

(⁵) Тамъ же, ч. IV, стр. 81, ч. VI, стр. 97.

нiи въ своей душѣ призванiя къ этой жизни. „Много времени потратилъ я на суету и всю почти юность свою потерялъ въ суетномъ трудѣ, съ какимъ упражнялся въ томъ, чтобы уразумѣть уроки мудрости, обращенной Богомъ въ юродство: когда же наконецъ, какъ бы возставъ отъ глубокаго сна ([1]), обратилъ взоръ къ чудному свѣту истины евангельской и увидѣлъ безполезность мудрости *князей вѣка сего престающихъ* (1 Кор. 2, 6), тогда проливъ много слезъ о жалкой жизни своей, пожелалъ я, чтобы дано мнѣ было руководство къ первоначальному изученiю догматовъ благочестiя. И прежде всего предметомъ моего попеченiя было произвести нѣкоторое исправленiе въ нравѣ, развращенномъ долговременнымъ обращенiемъ съ людьми дурными. Итакъ прочитавъ Евангелiе и увидѣвъ тамъ, что дѣйствительнѣйшее средство къ усовершенiю — продать свое имущество, подѣлиться имъ съ неимущими братiями, и вообще не заботиться о сей жизни, не вдаваться душею ни въ какое пристрастiе къ здѣшнему, пожелалъ я найти какого-нибудь брата, избравшаго этотъ путь жизни, чтобы съ нимъ переплыть

([1]) Св. Василiй не указываетъ здѣсь времени, когда совершился этотъ поворотъ въ его внутренней жизни; но изъ творенiй его святаго друга мы узнаемъ, что это случилось съ нимъ въ Аѳинахъ. Изучивши все, что только можно было изучить въ Понтѣ въ домѣ родителей,— въ Кесарiи и Византiи, онъ отправился для окончанiя своего образованiя въ Аѳины, отъ которыхъ ожидалъ очень многаго. «Но такова человѣческая немощь! Когда надѣясь великаго, вдругъ получаемъ ожидаемое: тогда кажется сiе намъ ниже составленнаго мнѣнiя. И Василiй подвергся сей же немощи, сдѣлался печаленъ, сталъ скорбѣть духомъ, и не могъ одобрить самъ себя за прiѣздъ въ Аѳины, искалъ того, на что питалъ въ себѣ надежды и называлъ Аѳины обманчивымъ блаженствомъ (Твор. Григ. Бог. ч. IV, стр. 73).» Очевидно, запросы великой души были выше того, что могла дать для ихъ удовлетворенiя современная ему языческая наука.

скоропреходящую волну сей жизни. И подлинно многихъ нашелъ я въ Александріи; многихъ—въ прочихъ мѣстахъ Египта, а иныхъ—въ Палестинѣ, въ Килисиріи и въ Месопотаміи; дивился воздержанію ихъ въ пищѣ, дивился терпѣнію въ трудахъ, изумлялся неослабности въ молитвахъ, тому, какъ преодолѣвали они сонъ, не уступая никакой естественной необходимости, всегда сохраняя въ душѣ высокій и непорабощенный образъ мыслей, во алчбѣ и жаждѣ, зимѣ и наготѣ (2 Кор. 11, 17), не имѣя привязанности къ тѣлу, не соглашаясь употребить о немъ сколько нибудь заботы, но живя какъ бы въ чужой плоти, самымъ дѣломъ показали, что́ значитъ быть здѣсь пришельцами (Евр. 11, 13), и что́ значитъ имѣть житіе на небеси (Филип. 3, 20). Подивясь сему и ублаживъ жизнь сихъ мужей, которые на дѣлѣ показываютъ, что носятъ въ тѣлѣ мертвость Іисусову, пожелалъ и самъ я, сколько было мнѣ возможно, сдѣлаться подражателемъ оныхъ мужей“ (¹).

Изъ этихъ словъ мы видимъ, что св. Василій видѣлъ въ аскетической жизни воплощеніе того идеала, который составилъ себѣ о жизни по Евангелію, изучая Евангеліе. Другое побужденіе, тоже очень сильное, хотя и отрицательное, которое тоже имѣло вліяніе на рѣшимость св. Василія, высказываетъ онъ въ слѣдующихъ словахъ. „Доброе въ мірѣ перемѣшано со зломъ и злое гораздо превышаетъ собою доброе. И я, бывъ когда-то на духовныхъ празднествахъ, встрѣтилъ едва одного брата, который, по видимому, боялся Господа, но и тотъ одержимъ былъ діаволомъ, и я услышалъ

(¹) Твор. Вас. Вел. ч. VII, стр. 122—4.

отъ него льстивыя рѣчи и басни, сложенныя на обольщеніе съ нимъ встрѣчающихся; а послѣ него встрѣтилъ я многихъ воровъ, хищниковъ, притѣснителей; видѣлъ безобразную наружность упившихся, и кровь угнетенныхъ; видѣлъ и красоту женъ, которая подвергала искушенію мое цѣломудріе; и хотя избѣгъ я самаго блуда, однакоже осквернилъ дѣвство свое сердечнымъ помышленіемъ. Много, правда, слышалъ я и душеполезныхъ рѣчей; впрочемъ ни въ одномъ изъ учителей не нашелъ добродѣтели, соотвѣтствующей рѣчамъ. А послѣ этого услышалъ еще тысячи плачевныхъ разсказовъ, которые своими изнѣженными звуками вторглись въ душу. Еще слышалъ пріятно звучащія гусли, рукоплесканія скачущихъ, голосъ смѣхотворовъ, слышалъ много глупостей и шутокъ, крикъ безчисленнаго многолюдства; видѣлъ слезы оскорбленныхъ, мученіе отводимыхъ въ неволю, рыданіе подвергаемыхъ пыткѣ. Скажи мнѣ, злая мысль, скажи и ты, демонъ кратковременнаго сладострастія и тщеславія, какая польза видѣть и слышать сіе мнѣ, который не въ силахъ помочь обиженнымъ, не имѣю возможности защитить безсильныхъ, исправить погрѣшившихъ, а скорѣе могу погубить самъ себя? Какъ малое количество чистой воды исчезаетъ при сильномъ возвышеніи вѣтра и пыли: такъ и то, что, по нашему мнѣнію, сдѣлаемъ въ мірѣ добраго, помрачается множествомъ худыхъ дѣлъ. Ибо печальныя событія, какъ остріа, вонзаются въ сердце живущихъ въ мірѣ среди благодушія и радости, чтобы омрачить чистоту псалмопѣнія. Рыданіе и плачь обиженныхъ единоплеменными раздаются для того, чтобы видно было терпѣніе бѣдныхъ. Какая же для меня польза, кромѣ явнаго вреда душѣ? Посему, какъ птица,

переселяюсь въ горы. Ибо *яко птица избавихся отъ сѣти ловящихъ* (Пс. 123, 7) ([1]).

Тѣже побужденія, которыя руководили св. Василіемъ въ выборѣ для себя аскетической жизни, по всей вѣроятности были побужденіями и тѣхъ лицъ, которыхъ мы вскорѣ, послѣ его удаленія въ Понтійскую пустыню, находимъ вокругъ него, и для которыхъ онъ является руководителемъ. Картина жизни, проводимой среди дикой, суровой пустыни, среди всевозможныхъ лишеній и трудовъ, представляла слишкомъ рѣзкій контрастъ съ мірской жизнью, и должна была сильно дѣйствовать на воображеніе благочестивыхъ душъ. Притомъ въ искреннемъ, глубокомъ религіозномъ настроеніи великой души есть всегда что-то невольно къ себѣ влекущее несовсѣмъ испорченное сердце, и покаряющее себѣ всякую несовсѣмъ извращенную волю. Такъ собралось и вокругъ великаго подвижника понтійскаго то небольшое братство, которое нашелъ св. Григорій, посѣтивши своего друга. Тутъ были люди разныхъ званій и состояній, соединенные только единствомъ цѣли и религіознаго одушевленія.

Цѣль, соединявшая всѣхъ этихъ людей, была спасеніе ([2]); средствомъ для ея достиженія было самое строгое и полное исполненіе евангельскаго закона общими силами: „поелику не возможно спастись, не творя дѣлъ, сообразныхъ съ заповѣдію Божіею, а не безопасно пренебрегать чѣмъ нибудь изъ заповѣданнаго; то мы, подвижники благочестія, предпочетшіе жизнь безмолвную и спокойную, какъ споспѣшествующую къ соблюденію евангельскихъ догматовъ, съобща позаботимся и пораз-

([1]) Твор. Вас. Вел. ч. VI, стр. 112—113.
([2]) Твор. св. Вас. Вел. ч. V, стр. 78.

судимъ, какъ сдѣлать, чтобы ничего изъ предписаннаго же осталось у насъ безъ исполненія" ([1]). Такими словами начинаетъ св. Василій изложеніе своихъ письменныхъ правилъ, которыя онъ по просьбѣ своей братіи изложилъ въ видѣ отвѣтовъ на ихъ вопросы ([2]).

([1]) Тамъ же, стр. 94.

([2]) Мы думаемъ, что если не всѣ аскетическія правила св. Василія, извѣстныя между его твореніями подъ названіемъ «правилъ, изложенныхъ въ вопросахъ и отвѣтахъ», и «правилъ, кратко изложенныхъ въ вопросахъ и отвѣтахъ», то большая часть ихъ составлена во время пребыванія его въ Понтійской пустынѣ. Думаемъ такъ потому, что во «вступленіи» къ этимъ правиламъ св. Василій выражается такъ: «поелику по благодати Божіей, во имя Господа нашего Іисуса Христа, сошлись мы вмѣстѣ, предложивъ себѣ одну и туже цѣль благочестивой жизни, и вы изъявляете желаніе узнать нужное ко спасенію, а мнѣ надлежитъ нужда возвѣстить оправданія Божіи.., и къ тому же настоящее время для насъ весьма удобно, а мѣсто сіе безмолвно и доставляетъ полное освобожденіе отъ внѣшняго шума; то...» Св. Григорій Богословъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, которыя онъ написалъ св. Василію въ его уединеніе, по своемъ возвращеніи уже изъ вышеозначеннаго путешествія въ Понтъ, между прочими пріятными воспоминаніями своими о жизни въ Понтійской пустынѣ, высказываетъ и слѣдующее: «кто дастъ мнѣ соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами» (Твор. Гр. Бог. ч. VI стр. 103). Эти слова доказываютъ не только то, что существовали тогда уже «письменные уставы и правила, но и то, что въ ихъ составленіи участвовалъ и св. Григорій. Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что не всѣ эти правила» написаны здѣсь, потому что постановка нѣкоторыхъ вопросовъ и содержаніе отвѣтовъ показываютъ потребности, далеко выходящія изъ круга потребностей малочисленнаго пустыннаго братства, какое было вокругъ св. Василія, и указываютъ на такія обязательства, которыхъ это братство не могло принять на себя. Таковы, напримѣръ, вопросы: 302 о братскихъ запасахъ, изъ избытковъ которыхъ повелѣвается давать постороннимъ; вопр. 292—надобно-ли въ братствѣ быть учителю мірскихъ дѣтей? Вопросы и отвѣты... о принятіи дѣтей въ братство съ обстоятельнымъ изъясненіемъ средствъ къ ихъ содержанію, ихъ образа жизни въ братствѣ, взаимныхъ отношеній другъ ко другу и къ старѣйшинъ братіямъ, о времени произнесенія ими обѣта и проч. При описаніи устройства и жизни понтійской общины мы будемъ ссылаться только на тѣ правила, которыя могли имѣть примѣненіе въ этой общинѣ.

Къ достиженію этой цѣли было направлено все въ общинѣ понтійскихъ отшельниковъ. И прежде всего вступавшій въ общину долженъ былъ отказаться отъ міра, отъ родителей, родныхъ и знаемыхъ, отъ воззрѣній, вкусовъ и привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ мірѣ ([1]).

Отреченіе отъ міра, по мысли св. Василія, должно быть не только полное, но и невозвратное: отказавшійся разъ отъ міра не долженъ былъ въ него возвращаться, какъ навсегда связанный своимъ обѣтомъ ([2]). Что-

([1]) Твор. св. Вас. Вел. ч. V стр. 119 — 124. вопр. 8-й объ отреченіи отъ міра.

([2]) Въ какую внѣшнюю форму облекались всѣ эти обѣты въ общинѣ св. Василія, неизвѣстно. Въ пространныхъ правилахъ, въ 15 отвѣтѣ, на вопросъ о томъ, какъ принимать обѣты отъ дѣтей, воспитанныхъ въ братствахъ и достигшихъ совершеннолѣтія, дѣлавшаго для нихъ возможнымъ произнесеніе обѣта, св. Василій говоритъ: «въ свидѣтели расположенія (поступить въ общину на условіяхъ дѣйствительнаго ея члена) должно брать предстоятелей церкви, чтобы чрезъ нихъ и совершаемо было освященіе тѣла, какъ нѣкоего приношенія Богу, и получило твердость совершенное при свидѣтельствѣ. Ибо сказано: *при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Мѳ. 18, 16). Такимъ образомъ и ревность братіи не подвергнется хулѣ, и тѣмъ, которые посвятили себя Богу, а потомъ намѣреваются уничтожать обѣтъ, не останется предлога къ безстыдству». Въ тѣхъ же правилахъ, въ отвѣтѣ 12, на вопросъ: какъ принимать обязавшихся супружествомъ, —св. отецъ повелѣваетъ принимать «при свидѣтеляхъ». Но въ 19 правилѣ каноническомъ (которыя, какъ извѣстно, были написаны позднѣе) св. Василій выражается такъ: «обѣтъ же мужчинъ (въ предъидущемъ правилѣ рѣчь объ обѣтахъ женщинъ) намъ неизвѣстенъ, развѣ которые причислились къ чину монашествующихъ, о каковыхъ само собою предполагается, что пріемлютъ на себя безбрачную жизнь. Впрочемъ и въ разсужденіи ихъ признано приличнымъ предварительно ихъ спрашивать, и принимать отъ нихъ ясный обѣтъ; почему, когда обратятся къ жизни плотоугодной и сластолюбивой, подвергать ихъ одному наказанію съ блудниками». Здѣсь и рѣчи нѣтъ о свидѣтеляхъ. Особенность отношенія первыхъ (дѣтей и обязанныхъ супружествомъ) и послѣднихъ (людей свободныхъ) къ братству и къ міру, изъясненная св. отцемъ въ представленныхъ имъ причинахъ, вполнѣ объясняетъ намъ эту особенность въ формальностяхъ пріёма, но точный способъ

бы положить последнюю преграду между собою и міромъ, вступавшій въ общину давалъ обѣтъ дѣвства, нестяжательности и безпрекословнаго подчиненія уставамъ братства (1). Всѣми этими обѣтами подвижникъ преграждалъ для себя всѣ пути къ возвращенію въ міръ.

Такъ какъ всѣ эти обѣты очень важны и исполненіе ихъ не всякому по силамъ, то св. отецъ постановилъ подвергать предварительному испытанію всякаго, желавшаго вступить въ братство. Испытаніе это было довольно разнообразно и продолжительно (2), и имѣло въ виду оградить братство отъ наплыва людей, неискренно, или случайно вступавшихъ въ братство, и потомъ легкомысленно оставлявшихъ оное, и тѣмъ вредившихъ общему дѣлу братства (3). Выдержавшій предварительное испытаніе былъ принимаемъ въ братство, гдѣ

принятія обѣтовъ остается все-таки невполнѣ раскрытымъ. Въ первомъ изъ приведенныхъ правилъ не указано ясно значеніе предстоятелей, во 2-мъ значеніе свидѣтелей, а въ 3-мъ, гдѣ не говорится ни о тѣхъ, ни о другихъ, вся формальность принятія обѣтовъ сводится къ формальному вступленію въ общину и словесному завѣренію, дѣлавшимъ обязательнымъ исполненіе всѣхъ правилъ аскетической жизни. Эта послѣдняя форма, какъ болѣе удобопримѣнимая въ тогдашнихъ малолюдныхъ и пустынныхъ общинахъ, была господствующей во всѣхъ,—по всей вѣроятности община понтійская не была здѣсь исключеніемъ. О томъ, какъ смотрѣло на обязательность обѣтовъ большинство подвижниковъ, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

(1) Твор. Вас. Вел. ч. V стр. 70, 71, 432, 466.

(2) «Общій способъ испытанія всѣхъ—извѣдывать, расположены-ли не стыдясь оказывать всякое смиренномудріе, такъ чтобы принимать на себя самыя низкія работы, если разумъ признаетъ дѣланіе ихъ полезнымъ... Особливо же тому, кто изъ жизни знатной поспѣшаетъ къ смиренномудрію въ подражаніе Господу нашему Іисусу Христу, нужно назначать что нибудь, по мнѣнію мірскому, самое постыдное, и наблюдать, съ полнымъ-ли убѣжденіемъ представляетъ себя непраздлющимся дѣлателемъ Богу» (ч. V стр. 126—128. вопр. 10).

(3) Тв. Вас. Вел. ч. V стр. 127.

начиналась для него жизнь, построенная на другихъ началахъ, чѣмъ мірская жизнь: другой былъ здѣсь строй, другія отношенія между членами, другія были привязанности и занятія и наконецъ иная внѣшняя обстановка.

Что возмущало св. Василія въ мірской жизни и преимущественно въ церковной, такъ это ея распущенность: всякой хотѣлъ жить такъ, какъ хотѣлось, а не какъ требовалъ законъ божественный. Строгій мыслитель, человѣкъ, достигшій высокой степени самообладанія, онъ въ этой распущенности видѣлъ причину всѣхъ золъ (¹) и потому для своей пустынной общины начерталъ планъ жизни въ высшей степени стройной и правильной: ничто не было здѣсь забыто—все было взвѣшено, всему указано свое мѣсто въ общемъ строѣ. Идея единства и гармоніи должна была лечь въ основаніе этой жизни: „то общеніе жизни называю совер-

(¹) Глубоко задумываясь надъ раздиравшими въ то время Церковь ересями и разномысліемъ между самыми православными, св. Василій такъ объясняетъ это печальное явленіе въ христіанскомъ мірѣ: «о настоящемъ времени сдѣлалъ я заключеніе, которое страшно, можетъ быть, и странно выговорить, однакоже весьма справедливо будетъ замѣтить, а именно: не въ слѣдствіе ли того, что отмещутся единаго и великаго, истиннаго и единственнаго Царя всяческихъ и Бога, и нынѣ бываютъ такія разногласія и распри между членами Церкви: потому что каждый отступаетъ отъ ученія Господа нашего І. Христа; самовластно же защищаетъ нѣкоторыя разсужденія и собственныя опредѣленія, и хочетъ лучше начальствовать противъ Господа, нежели быть подъ начальствомъ у Господа. Сдѣлавъ такое заключеніе, приходя въ ужасъ отъ того, что нечестіе превосходитъ мѣру, и продолжая свое изслѣдованіе, тѣмъ не менѣе и встрѣчающимся обыкновенно въ жизни убѣдился я въ истинѣ сказанной выше причины. Ибо увидѣлъ, что всякое благочиніе и всякое согласіе между многими до тѣхъ поръ держались съ успѣхомъ, пока сохранялась общая всѣхъ благопокорность къ одному какому-нибудь начальнику; а всякое разногласіе, всякій раздоръ, и даже многоначаліе бываютъ слѣдствіемъ безначалія (ч. V стр. 9).

шеннѣйшимъ, изъ котораго исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположеній, въ которомъ съ корнемъ истреблены всякое смятеніе, споры и ссоры; все же общее, и души, и расположенія, и тѣлесныя силы, и что нужно къ питанію тѣла и на служеніе ему, въ которомъ одинъ общій Богъ, одна общая купля благочестія, общее спасеніе, общіе подвиги, общіе труды, общіе вѣнцы, въ которомъ многіе составляютъ одного, и одинъ не единствомъ, но во многихъ“ (¹). На эти слова можно смотрѣть, какъ на программу подвижнической жизни по идеѣ св. Василія.

Чтобы лучше выяснить для своей общины идеалъ аскетической жизни, св. отецъ указываетъ олицетвореніе этого идеала въ земной жизни Іисуса Христа: „всякое дѣйствіе, возлюбленный, и всякое слово Спасителя нашего Іисуса Христа есть правило и благочестія, и добродѣтели. Для того и воплотился Онъ, какъ бы на иконѣ изображая и благочестіе, и добродѣтель, чтобы каждый и каждая, взирая на Него, по возможности соревновали Первообразному. Ибо для того носитъ наше тѣло, чтобы и мы, сколько возможно, подражали Его житію“ (²). „Подвижники суть точные подражатели Спасителю и Его житію во плоти. Ибо какъ Спаситель, составивъ ликъ апостоловъ, даже и Себя содѣлалъ общимъ для апостоловъ: такъ и сіи, повинующіеся своему вождю, прекрасно соблюдающіе правило жизни, въ точности подражаютъ житію апостоловъ и Господа“ (³).

Ставя предъ своими подвижниками наглядно свой иде-

(¹) Ч. V стр. 427.
(²) Ч. V стр. 379.
(³) Ч. V стр. 426.

алъ, св. Василій далъ такое устройство своей пустынной общинѣ.

Во главѣ ея—настоятель, на этотъ разъ самъ св. Василій. Это—представитель Іисуса Христа ([1]), замѣнявшій подвижникамъ земныхъ родителей ([2]). Онъ долженъ быть добровольно избираемъ братіею ([3]), и когда избранъ, становился головою и сердцемъ и волею всей общины: онъ вносилъ свою мысль и волю и во внутреннюю жизнь подвижниковъ, съ исключительною цѣлію устроять и поддерживать гармонію и единство этой жизни, требуемыя идеей ея ([4]). Онъ долженъ былъ знать всѣ мысли, всѣ желанія, всѣ мечты каждаго брата, чтобы по ихъ сокровеннымъ переливамъ и преломленіямъ судить о состояніи духовной жизни и опредѣлять навѣрное средства къ ея улучшенію. Отъ него выходили всѣ распоряженія, начиная отъ распредѣленія часовъ молитвъ и общихъ собраній, и кончая назначеніемъ частныхъ занятій, работъ, порученій ([5]). Безъ его воли никто не могъ быть принятъ въ братство ([6]), никто не могъ быть наказанъ изъ братіи ([7]), и никто не могъ видѣть братію изъ постороннихъ посѣтителей, хотя бы то ближайшихъ родственниковъ ([8]). Онъ же по большей части и принималъ этихъ посѣтителей вмѣ-

---

([1]) Ч. V стр. 450. «Наставникъ есть ничто иное, какъ человѣкъ, который носитъ на себѣ лице Спасителя, сталъ посредникомъ между Богомъ и людьми, и священнодѣйствуетъ предъ Богомъ спасеніе покорныхъ ему.»

([2]) Ч. V стр. 435.

([3]) Тамъ же стр. 71, 72.

([4]) Тамъ же стр. 426—464.

([5]) Тамъ же стр. 457, 458, 71, 72, 74.

([6]) Тамъ же стр. 268.

([7]) Тамъ же стр. 198, 199.

([8]) Тамъ же стр. 305, 434, 435.

ство тѣхъ, къ кому они приходили, и велъ съ ними бесѣду отъ ихъ лица (1), или поручалъ это кому нибудь изъ старѣйшихъ братій (2). Братія не имѣла права судить о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ настоятеля, а могла дѣлать ему скромныя представленія, если находила ихъ несогласными съ словомъ Божіимъ и вредными для братства (3). Такое необыкновенное положеніе налагало на настоятеля и необыкновенныя требованія: „настоятель, помня заповѣдь Апостола: *образъ буди вѣрнымъ* (1 Тим. 4, 12), долженъ представлять въ своей жизни ясный примѣръ всякой заповѣди Господней, такъ чтобы поучаемымъ не оставлялъ никакого повода почитать заповѣдь Господню невозможною для исполненія, или удобопренебрегаемою“ (4). Стоять на такой нравственной высотѣ—его долгъ предъ самимъ собою (5), а вести на туже высоту и всѣхъ своихъ братій—его долгъ предъ ними (6). Только стояніе на этой высотѣ давало ему право на выборъ его своимъ руководителемъ со стороны братіи (7) и на внесеніе имъ своей воли во внутреннюю и внѣшнюю жизнь братіи (8). Но помня, что до такой нравственной высоты трудно дойти человѣку, настоятель, предварительно всѣхъ своихъ распоряженій по общинѣ, долженъ былъ совѣтоваться съ старѣйшими братіями, „повинуясь наставленію сказавшаго: все дѣлай съ совѣта (Сир. 32, 21) (9).“ Въ случаѣ какой

(1) Тамъ же стр. 74, 75.
(2) Тамъ же стр. 193, 195.
(3) Тамъ же стр. 197.
(4) Тамъ же стр. 189—190.
(5) Тамъ же стр. 189.
(6) Тамъ же стр. 157.
(7) Тамъ же стр. 71, 72.
(8) Тамъ же стр. 79, 80.
(9) Тамъ же стр. 266.

нибудь погрѣшности настоятеля, должны вразумлять его съ соблюденіемъ должнаго уваженія опытнѣйшіе братія (1). Настоятель долженъ смотрѣть на себя, какъ на общаго слугу, и потому не долженъ ограничиваться одними нравственными услугами братіи, но не останавливаться и предъ физическими (2). На случай отлучки, или болѣзни настоятеля ему долженъ быть избираемъ помощникъ братіею изъ среды своихъ членовъ (3).

Между членами общины различались старѣйшіе и младшіе, но это было больше практическое, чѣмъ регламентарное различіе. Старшіе братія, какъ сказано, приглашались на совѣтъ настоятеля; но это не означаетъ ни того, что существовалъ правильно организованный совѣтъ, съ опредѣленнымъ количествомъ членовъ и съ точнымъ разграниченіемъ между ними обязанностей и занятій, ни того, что эти старѣйшіе имѣли какія-нибудь видимыя отличія между младшими. Ихъ преимущества были чисто нравственныя и опредѣлялись степенью ихъ опытности въ духовной жизни. Младшимъ совѣтовалось не вдругъ садиться въ присутствіи старшихъ, и въ молчаніи выслушивать то, что они говорятъ (4). Не возрастъ здѣсь унижался, а имѣлась въ виду нравственная польза послѣднихъ (5). Въ сущности тѣ и другіе были братьями между собою въ строгомъ смыслѣ этого слова, но братьями духовными, во Христѣ (6). Это значитъ, что изъ своей любви другъ

(1) Тамъ же стр. 158.
(2) Тамъ же стр. 162—163.
(3) Тамъ же стр. 193.
(4) Тамъ же стр. 58, 59.
(5) Тамъ же стр. 82, сн. стр. 294.
(6) Тамъ же стр. 76, 77.

къ другу они должны были выдѣлить все, что было личнаго и своекорыстнаго въ этой любви, что отдавало страстнымъ увлеченіямъ, предполагающимъ всегда неравномѣрное распредѣленіе любви между многими. Братія общины должны были любить всѣхъ и каждаго собрата одинаково, ни больше, ни меньше, чѣмъ другихъ, чтобы никого не оскорблять, ни въ комъ не возбуждать зависти и соблазна, и тѣмъ не мутить внутренняго мира братіи и не вносить разстройства въ стройное теченіе общей жизни (1). Все это напоминало бы міръ и мірскія отношенія, отъ которыхъ они отказались, — отношенія всегда болѣе, или менѣе страстныя, тогда какъ, по идеѣ св. Василія, отношенія между братіями должны были быть „безстрастными" (2). Всѣ они

(1) Тамъ же стр. 81, 154, 155.

(2) Тамъ же стр. 75. Св. Василій съ особенною силою настаиваетъ на безстрастности аскета вообще, и въ отношеніяхъ другъ къ другу въ частности: «человѣкъ сотворенъ по образу Божію, а грѣхъ, увлекая душу въ страстныя пожеланія, измѣнилъ красоту образа... И такъ возвратимся къ первоначальной благодати, которой чуждыми сдѣлали мы себя чрезъ грѣхъ, и снова украсимъ себя по образу Божію, безстрастіемъ уподобившись Творцу, употребимъ попеченіе свое на то, чтобы душа наша никогда не была обладаема никакою страстію, а напротивъ того, чтобы мысль наша, при нападеніи искушеній, оставалась непоколебимою, и чтобы чрезъ то содѣлались мы причастниками Божія блаженства» (ч. V, стр. 68). Эти слова ставятъ насъ на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ св. Отецъ, строя идеалъ подвижника. Онъ долженъ достигнуть такого самообладанія, чтобы быть выше всѣхъ и внутреннихъ и внѣшнихъ случайностей въ своей жизни, и строго заправлять всѣмъ ея ходомъ, не допуская ни малѣйшихъ уклоненій. Самая любовь, которая должна быть душою всей его дѣятельности (ч. V стр. 81), должна быть вполнѣ сознательною и находиться подъ неуклоннымъ наблюденіемъ разума (тамъ же стр. 290). Вообще какъ можно больше разумно-духовнаго, и какъ можно меньше безсознательнаго, случайнаго-плотскаго,—вотъ задача внутренней жизни и внѣшней дѣятельности подвижника, надъ которою онъ долженъ трудиться цѣлую жизнь. Чѣмъ ближе подошелъ онъ къ самообладанію, тѣмъ больше онъ—аскетъ. См. ч. VI, стр. 290, 291.

постоянно должны были имѣть въ виду одно — свою цѣль — спасеніе, и стремиться къ ней общими силами: достиженіе спасенія озабочивало ихъ каждаго за себя и всѣхъ другъ за друга,—они помогали другъ другу и словомъ и совѣтомъ, сочувствіемъ и кроткимъ укрекомъ, и нравственнымъ одобреніемъ, и физической помощью ([1]). Въ виду этой цѣли у нихъ не должно было быть ни одного помысла не раздѣленнаго. Ихъ внутренняя жизнь должна быть такъ же ясна каждому изъ нихъ, какъ открыта внѣшняя. Ни въ той, ни въ другой не должно было быть ни одного уголка сокровеннаго ([2]).

„Полное общеніе имущества" дополняло картину полной гармоніи внѣшняго строя. Для аскета „пріобрѣтеніе собственности есть кража", по словамъ св. Василія ([3]). Всѣ братія должны были смотрѣть на все при-

---

([1]) Ч. V, стр. 71, 76, 77, 154, 155.

([2]) Тамъ же стр. 77.

([3]) «Подвижникъ, вступившій въ общество (другихъ подвижниковъ), долженъ быть свободенъ отъ всякаго пріобрѣтенія въ собственность вещей мірскихъ. Ибо если не исполняетъ сего, то, во первыхъ, нарушаетъ строгость общежитія пріобрѣтеніемъ собственности, а сверхъ того самъ на себѣ представляетъ сильное доказательство своего невѣрія, какъ не довѣряющій Богу, что Онъ пропитаетъ собравшихся во имя Его... Вредъ отъ пріобрѣтенія собственности не ограничивается симъ, но простирается далѣе. Ибо домогающійся имѣть что-либо собственное, не объ иномъ чемъ помышляетъ, какъ объ отдѣленіи и отступленіи. А у кого нѣтъ сего въ виду, на что ему имѣть и собственность, когда знаетъ, что рабы Христовы, по благодати Христовой, всегда изобилуютъ всѣмъ необходимымъ. Посему явно, что такой человѣкъ замышляетъ объ отсѣченіи и умерщвленіи собственной души своей, за малое число оволовъ предаетъ собственное свое спасеніе и дѣлается (позвольте мнѣ выразиться нѣсколько смѣло) вторымъ Іудою; начавъ кражею, потому что пріобрѣтеніе собственности есть кража,— и окончивъ предательствомъ, потому что и онъ предаетъ слово истины, какъ Іуда предалъ Господа. Ибо когда у насъ есть правило жи-

надлежащее себѣ, какъ на достояніе общины ([1]). Потому на всякую вещь, принадлежащую извѣстному брату (вынесенную-ли имъ изъ міра, или послѣ пріобрѣтенную), имѣлъ право не тотъ, который въ данное время владѣлъ ею, а тотъ, кому она болѣе другихъ была нужна ([2]). При такомъ отношеніи къ имуществу со стороны частныхъ членовъ общины дѣлалось необходимымъ, чтобы община назначала отъ себя представителя своего права, который бы завѣдывалъ отъ ея имени общимъ достояніемъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. По выбору настоятеля одинъ изъ братіи назначался приставникомъ къ общему достоянію братства. На его рукахъ была общая кладовая, гдѣ хранились одежда, обувь и съѣстные припасы братства ([3]). Изъ всѣхъ, находящихся въ его вѣденіи, вещей онъ выдавалъ каждому то, что находилъ нужнымъ по своему усмотрѣнію ([4]). Онъ же раздавалъ и милостыню изъ запасовъ братства, и старую одежду, возвращаемую ему братіею, какъ негодную для употребленія въ братствѣ ([5]). Въ правилахъ св. Василія заявлено требованіе однообразной одежды

ни — не отдѣляться отъ общества, къ которому присоединились, не пріобрѣтать ничего въ собственность, и вообще не замышлять чего-либо тайнаго и такого, что ко вреду братій служитъ худымъ примѣромъ для спасаемыхъ, и когда послѣ этого кто-нибудь презираетъ страхъ Божій и постановленія Святаго Духа, замышляетъ же сперва хищеніе (потому что пріобрѣтать что̀ бы-то ни было и откуда-бы то ни было—есть хищеніе), а потомъ отступленіе и отдѣленіе; тогда не измѣняетъ-ли онъ слову истины, и не дѣлается-ли вторымъ Іудою, въ своей мѣрѣ продавая истину (ч. V, стр. 465—6)»?

([1]) Ч, V, стр. 258.

([2]) Тамъ же стр. 75, сн. стр.

([3]) Тамъ же стр. 284, 285.

([4]) Тамъ же стр. 287, 288.

([5]) Тамъ же стр. 258, 259.

для братіи ([1]), что и дѣйствительно дѣлалось необходимымъ не только для того, чтобы отличить членовъ братства наглядно отъ простыхъ вѣрующихъ, но и для того, чтобы выдержать послѣдовательно идею равенства между братіею во всемъ, которая требовала заботливо отклонять отъ братіи все, что имѣло бы хотя одинъ видъ неравномѣрнаго распредѣленія чего-нибудь общаго между всѣми. Безъ однообразія въ одеждѣ и обуви положеніе приставника къ этимъ вещамъ было бы очень затруднительно: оно давало бы поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ между нимъ и братіею. Конечно, это требованіе не могло быть выполнено въ такой общинѣ, какая была въ горныхъ пещерахъ Понта вокругъ св. Василія, съ одной стороны потому, что здѣсь не было, да и не могло быть, общихъ запасовъ одежды и обуви, и вступавшіе въ братство по необходимости должны были носить ту одежду и обувь, въ которой пришли изъ міра, а съ другой стороны и потому, что правила св. Василія совѣтуютъ подвижникамъ Понта имѣть не больше одной одежды, которая была бы такъ устроена, что могла бы служить и днемъ и ночью нуждамъ пустынника ([2]). Но приставникъ, о которомъ мы говоримъ, существовалъ и въ Понтійской общинѣ,—онъ завѣдывалъ здѣсь залишнимъ платьемъ и обувью, которую приносили съ собой нѣкоторые братія изъ міра, старой, негодной къ употребленію одеждой и съѣстны-

([1]) Тамъ же стр. 152. «Полезна же и особенность одежды, предупреждающей всякаго и напередъ свидѣтельствующей о нашемъ обѣщаніи жить по Богу».

([2]) «Должно придумать, какъ пріобрѣсти одну такую ризу, чтобы она для всего могла быть достаточною, и для благообразнаго облеченія днемъ и для необходимаго покрова ночью». Ч. V, стр. 152, 159, сн. ч. VI, стр. 12.

ми припасами братства. Въ общежительныхъ монастыряхъ этотъ приставникъ, по правиламъ св. Василія, долженъ быть избираемъ на всю жизнь и имѣть у себя помощника, котораго заранѣе долженъ былъ готовить себѣ въ преемники [1].

Больше не существовало никакихъ должностей въ общинѣ, а всѣ обыкновенныя и случайныя дѣла по внутренней-ли жизни братства, или по внѣшнимъ его сношеніямъ, исполнялись тѣми изъ наличной братіи, кому поручалъ настоятель.

Пустынники Понтійскіе, какъ мы сказали, жили въ горныхъ пещерахъ, съ убранствомъ которыхъ мы уже знакомы. Съ наружностью же самихъ подвижниковъ можетъ познакомить насъ слѣдующее мѣсто изъ письма св. Василія къ другу своему св. Григорію о своей пустыннической жизни: „Смиренному и сокрушенному образу мыслей приличны взоръ печальный и потупленный въ землю, небрежность о наружности, волосы не причесанные, одежда не мытая. Чтò плачущіе дѣлають съ намѣреніемъ, тó у насъ должно дѣлаться ненамѣренно. Надобно, чтобы хитонъ былъ собранъ на тѣлѣ поясомъ, впрочемъ подпояска лежала не выше чреслъ (это было-бы женоподобно), и не такъ слабо стягивалась, чтобы хитонъ могъ развѣваться (это было-бы изнѣженно). Походка должна быть не медленная, которая бы изобличала душевное разслабленіе, и опять не ско-

---

[1] «Если наблюдаетъ (приставникъ) знаніе благочинія и строгость устава; то смѣнять его—дѣло лишнее, лучше же сказать, трудное и неудобное. Но необходимо, чтобы былъ у него сотрудникъ, обязанный помемногу пріучаться къ должности смотрителя, чтобы, когда откроется нужда въ преемникѣ, не придти намъ въ затрудненіе по неимѣнію такого человѣка». Ч. V, стр. 287—288.

рая и торопливая, которая бы обнаруживала изступленныя движенія души... Полезно, если хитонъ имѣетъ столько толщины, что одѣвшій его можетъ согрѣться, не имѣя нужды въ другомъ. Обувь должна быть по цѣнѣ дешевая, но достаточно удовлетворяющая потребности" (1).

Для общихъ собраній—на молитву, чтеніе священнаго Писанія, для назидательныхъ бесѣдъ, были назначены особыя мѣста (2), болѣе удобныя для этой цѣли. Собирались очень просто, созывая другъ друга (3) и по окончаніи дѣла, для котораго собирались, снова расходились или по своимъ пещерамъ, или на обычныя занятія внѣ ихъ (4).

Таковъ былъ внѣшній строй Понтійской общины отшельниковъ. Прежде, чѣмъ раскроемъ картину внутренней ея жизни, считаемъ необходимымъ показать, какъ св. Василій поставилъ свою общину а) къ другимъ подобнымъ же общинамъ и б) къ міру.

а) Св. Василій предвидѣлъ два рода сношеній одной общины съ другою: аа) сношенія настоятелей общинъ и бб) сношенія частныхъ членовъ, и на счетъ этихъ сношеній далъ слѣдующія правила:

аа) Настоятели должны были сноситься между собою по какимъ-нибудь особенно важнымъ и недо-

(1) Ч. VI, стр. 12—13.

(2) Св. Григорій, описывая въ шутливомъ тонѣ внѣшній и внутренній бытъ Понтійской общины въ своемъ письмѣ къ св. Василію, между прочимъ говоритъ: «буду дивиться... этой лежащей внизу пустынѣ, или кротовой норѣ, съ почетными именами: обители, монастыря, училища»... Въ этихъ словахъ мы видимъ указаніе на опредѣленныя мѣста собраній братства для общихъ молитвъ и трудовъ, уединенныхъ размышленій и назидательныхъ бесѣдъ.

(3) Ч. V, стр. 266, 290.

(4) Тамъ же стр. 60, 61.

умѣннымъ вопросамъ, для общаго обсужденія этихъ вопросовъ: „хорошо, чтобы у настоятелей братствъ, въ какія ни есть опредѣленныя времена и на опредѣленныхъ мѣстахъ, бывали собранія, на которыхъ бы сообщали другъ другу о дѣлахъ, встрѣтившихся сверхъ всякаго предположенія, о неудобоисправимыхъ нравственныхъ порокахъ, и о томъ, какъ поступлено въ каждомъ дѣлѣ, чтобы и допущенная кѣмъ-либо погрѣшность достовѣрнѣе открывалась на судѣ многихъ, и правильно сдѣланное подтверждалось свидѣтельствомъ большаго числа“ ([1]).

Сношенія эти должны были дѣлаться „въ духѣ взаимнаго доброжелательства“ и съ полнымъ уваженіемъ къ порядкамъ, заведеннымъ въ каждомъ братствѣ: „заботясь другъ о другѣ, настоятели не должны разорять того, что́ устроено другими и не принимать просто и безъ разбора тѣхъ, которые оставляютъ другія братства. Ибо это есть совершенное замѣшательство, разстройство и разрушеніе духовнаго дѣла“ ([2]).

бб) Частные члены общинъ должны были сноситься другъ съ другомъ, по предварительному сношенію настоятелей, и только для взаимныхъ услугъ на общую пользу: „Если случится, что въ одномъ братствѣ нѣтъ человѣка, котораго можно было бы послать съ пользою, то сосѣднія братства восполнятъ недостатокъ, дѣлая общія посылки, чтобы посылаемые были неразлучны между собою, и при такомъ общеніи съ сильнѣйшими охраняемы были немощные душею и слабые тѣломъ. И это настоятель долженъ дѣлать заблаговременно, что-

([1]) Ч. V, стр. 201.
([2]) Тамъ же стр. 462.

бы при наступленіи нуждъ. не оказалось не возможнымъ такое предохранительное средство по краткости времени“ ([1]).

Общую же пользу и прежде всего нравственную имѣли въ виду братства, отправляя изъ среды своей вмѣстѣ по нѣсколько человѣкъ братій для продажи своихъ издѣлій въ пользу общины. „На установленныя торжища должны сходиться многіе братія, каждый принося свое издѣліе, и въ дорогу отправляться вмѣстѣ, чтобы и путь совершать съ псалмопѣніемъ, молитвами и взаимнымъ назиданіемъ, и пришедши на мѣсто, избирать одну гостинницу, какъ для взаимнаго обереженія, такъ и для того, чтобы не опускать намъ времени ни дневной, ни нощной молитвы, и чтобы встрѣчи съ людьми несговорчивыми и корыстолюбивыми проходили для насъ безъ вреда, когда будемъ сходиться съ ними въ большемъ числѣ, а не одинъ, потому что и самые наглые люди не хотятъ имѣть многихъ свидѣтелей своей несправедливости“ ([2]).

Если же продажа, или обмѣнъ издѣлій происходилъ между представителями разныхъ братствъ, то св. Василій даетъ на такой случай слѣдующее правило: „стараться о томъ, чтобы цѣна была не меньше надлежащей, надобно болѣе покупающему, чѣмъ продающему. Оба же да помнятъ сказавшаго: *тщеты творити мужу праведну не добро*“ (Притч. 17, 26) ([3]).

б) Сношенія съ міромъ — мірскими родственниками друзьями, знакомыми и чужими благочестивые отшель-

---

([1]) Ч. V, стр. 192.
([2]) Тамъ же стр. 183.
([3]) Тамъ же стр. 359.

ники дозволяли себѣ только въ крайнихъ случаяхъ, — или когда сами они по волѣ настоятеля выходили въ міръ по какой нибудь нуждѣ изъ своего уединенія (¹), или когда кто-нибудь изъ родныхъ навѣщалъ ихъ въ ихъ горныхъ пещерахъ (²). Но въ томъ и другомъ случаѣ принимались предосторожности противъ возможнаго въ подобныхъ случаяхъ послабленія аскетическаго настроенія жизни (³). Отправленный волею настоятеля въ міръ, отшельникъ былъ занятъ исключительно даннымъ ему порученіемъ и по исполненіи онаго спѣшилъ немедленно возвратиться въ любезную пустыню, не принося съ собой никакихъ вѣстей изъ міра, — да если бы и принесъ, то братіи заповѣдывалось не слушать ихъ (⁴). Съ приходившими изъ міра посѣтителями братья—отшельники должны были или вовсе не говорить, предоставляя пріемъ ихъ и бесѣду самому настоятелю или тому изъ братіи, кому онъ поручитъ (⁵), или—если получали позволеніе говорить сами, то должны были говорить только о томъ, что̀ было для нихъ единымъ на потребу, имѣя въ виду исключительно душевную пользу посѣтителей, и отклонять отъ себя всѣ разговоры о дѣлахъ міра, даже самыхъ близкихъ ихъ сердцу по прежнимъ отношеніямъ (⁶). Въ основаніи этихъ предосторожностей была не мизантропія, а духовное благо тѣхъ и другихъ. Благочестивые отшельники дозволяли себѣ „общеніе съ другими только для

(¹) Ч V, стр. 53, 54, 272.
(²) Тамъ же стр. 305, 434, 435.
(³) Тамъ же стр. 183, 193.
(⁴) Тамъ же стр. 54, 58, 65.
(⁵) Тамъ же стр. 193—195.
(⁶) Тамъ же стр. 161, 162.

назиданія другихъ и уклонялись отъ общенія только для собственнаго поученія тайнамъ Духа", стараясь въ первомъ случаѣ „сохранить уединеніе среди самаго общества", а во второмъ „соблюдая братолюбіе и человѣколюбіе среди самаго уединенія" (1).

Опредѣливши такъ внѣшній строй и внѣшнія отношенія своей пустынной общины, св. Василій далъ такой видъ внутренней ея жизни.

„Вся жизнь аскета должна быть временемъ молитвы (2), созерцанія (3) и трудовъ (4)." Вотъ какъ распредѣлено было время между этими трояколо рода занятіями въ Понтійской общинѣ.

Въ полночь вставали благочестивые отшельники съ своего жосткаго ложа и начинали „умную бесѣду" съ Предметомъ всей своей любви, всѣхъ своихъ желаній. Во мракѣ ночи раздавалось ихъ стройное пѣніе, сливавшееся съ шумомъ быстротекущаго и бившагося о скалы горнаго потока. Они пѣли боговдохновенныя пѣсни древняго царя-пророка. Ими же встрѣчали они и первые лучи восходящаго солнца. Особенно знаменательныя и дорогія для христіанина событія въ исторіи Христовой Церкви, наполняя душу отшельниковъ благочестивыми чувствованіями, снова поднимали ихъ на молитву. Такъ, въ молитвѣ проводили они третій часъ дня, ознаменованный въ исторіи Церкви сошествіемъ Св. Духа. На молитвѣ же заставалъ анахоретовъ и девятый часъ дня, напоминающій вѣрующему крестную смерть Божественнаго Искупителя. Скудная трапеза ихъ

(1) Тв. св. Григ. Бог. ч. 1, стр 218.
(2) Тв. св. Вас. Вел. ч. V стр. 74.
(3) Тамъ же стр. 225, 228.
(4) Тамъ же стр. 176, 177.

въ полдень предварялась и сопровождалась общими благодарственными молитвами. Наконецъ захожденіе солнца еще разъ соединяло дружные голоса отшельниковъ для славословія Господу и благодаренія за прожитый день. И таже голая земля, тѣже сухія вѣтви вмѣсто изголовья принимали на себя усталые члены благочестивыхъ отшельниковъ до новой полночи. [1] Но и склонившись на свое убогое ложе, долго не спали они, припоминая всѣ событія прожитаго дня, обсуживая мысленно каждое свое дѣло, каждое слово, помышленіе и желаніе, чтобы на другой день искренно открыть настоятелю [2], или опытнѣйшимъ братіямъ [3] всѣ самыя ничтожныя уклоненія отъ аскетически-строгаго направленія жизни.

Послѣ молитвы другимъ важнѣйшимъ занятіемъ аскетовъ было созерцаніе, или богомысліе. По уставу св. Василія, мысль о Богѣ должна быть постоянно присущею подвижнику — молчитъ-ли онъ, или говоритъ, дѣлаетъ что̀, или не дѣлаетъ. „Помня слова Сказавшаго: *еда небо и землю не Азъ наполняю? рече Господь* (Іер. 23, 24); и: *Богъ приближаяйся Азъ есмь, а не Богъ*

---

(1) На основаніи словъ св. Писанія: *седмерицею днемъ хвалихъ Тя о судьбахъ правды Твоея* (Псал. 118, 164),—анахореты, по уставу св. Василія, должны были собираться для молитвы и псалмопѣнія семь разъ въ сутки, въ указанные нами часы (см. ч. V, стр. 74). То и другое— и молитва и псалмопѣніе въ каждый разъ смѣняли одна другое, чтобы не утомить пустынниковъ однообразіемъ: «разсуждаю, что разность и разнообразіе молитвъ и псалмопѣній въ установленные часы полезны по той причинѣ, что единообразіемъ душа не рѣдко приводится въ какое-то равнодушіе и разсѣяніе, а перемѣною и разнообразіемъ псалмопѣнія и чтенія въ каждый часъ вожделѣніе ея пріобрѣтаетъ новыя силы и трезвенность обновляется» (ч. V, стр. 180—181).

(2) Тамъ же ч. V стр. 77, 157.

(3) Тамъ же стр. 157—158.

издалеча (23); и: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. 18, 20), — надобно всякое дѣло совершать, какъ бы оно дѣлалось предъ очами Господа, и всякую мысль слагать, какъ бы Господь назиралъ ее" ([1]). Но это постоянное представленіе себя въ присутствіи Божіемъ, или „памятованіе о Богѣ" составляетъ только одну и притомъ низшую сторону созерцанія. Другую, высшую его сторону, составляетъ постоянное размышленіе о безконечномъ величіи Божіемъ, — такое созерцаніе требуетъ для себя всего человѣка и ведетъ къ безстрастію, или полному самообладанію. При такомъ созерцаніи „прежде всего должны мы всѣми мѣрами удерживать помыслъ, установивъ надъ нимъ трезвенный надзоръ ума, чтобы не дозволять душѣ предаваться необузданнымъ стремленіямъ по влеченіямъ тѣла.... Ибо когда душа, приводя въ движеніе свою мысленную силу, какая естественно вложена въ нее сотворившею ее св. Троицею, желаетъ должнаго и надлежащаго, тогда избѣгаетъ она нападеній тѣла, предусматривая и обуздывая безпорядочныя его движенія, блюдетъ въ себѣ приличную ей тишину, и среди безмолвнаго досуга занимается свойственными ей созерцаніями; и сіе дѣлаетъ, по возможности, возводя внимательный взоръ къ достопокланяемой Троицѣ, и умозаключая о неприступности Божіей славы по преизбытку ея сіянія, о свѣтлости блаженства, о безпредѣльной премудрости, о постоянствѣ и неволненности безмятежія, объ естествѣ безстрастномъ и неподвижномъ... Посему душа, соблюдающая мысленную силу свою въ трезвѣніи и приличныхъ дѣйствованіяхъ, утвер-

([1]) Ч. V стр. 110—111.

дится въ описанныхъ выше созерцаніяхъ, и будетъ упражнять свою нравственность въ томъ, чтò правильно, справедливо, благопристойно и мирно. А какъ скоро прекратитъ размышленіе и перестанетъ углубляться въ надлежащія созерцанія, возставшія тѣлесныя страсти, какъ безчинные и наглые псы, надъ которыми нѣтъ надсмотрщика, начинаютъ сильно лаять на душу, и каждая страсть усиливается всячески истерзать ее, отдѣляя себѣ часть жизненной ея силы" (1). Очевидно, такъ широко понимаемое созерцаніе должно было составлять постоянное занятіе всей жизни аскета и не должно было оставлять его ни въ какое время и ни на какомъ мѣстѣ. Но чтобы оно лучше достигало своей цѣли, св. Василій даетъ общее правило, чтобы непремѣнно каждый изъ братіи посвящалъ нѣсколько часовъ въ день уединенному размышленію о Богѣ (2). А горныя скалы и уединенныя пещеры представляли для этого много удобствъ. Въ часы свободные отъ общихъ молитвъ, общихъ и частныхъ трудовъ безмолвно сидѣли благочестивые отшельники по одиночкѣ, выбирая самыя уединенныя мѣста, погруженные въ самихъ себя и занятые исключительно мыслію о Богѣ, Его безконечныхъ совершенствахъ и дивныхъ дѣлахъ (3). Ничто недолжно

(1) Ч. V, стр. 390, 391.

(2) Тамъ же, стр. 390—391.

(3) Восторженно говоритъ о богомысліи св. Григорій Богословъ, испытавшій на себѣ благотворныя слѣдствія онаго въ своей духовной жизни: «Сѣдая моя голова и согбенные члены склонились уже къ вечеру болѣзненной жизни. Много скорбей встрѣчало мое сердце, а между ними много и кратковременныхъ наслажденій; но я не видалъ еще славы, которая была бы выше и прочнѣе славы—приближаться къ Божеству пренебеснаго Бога» (Тв. св. Гр. Бог. ч. V стр. 256). Путь къ этой славѣ—созерцаніе, или какъ выражается св. Григорій, «мысленное переселеніе къ Богу.» Тамъ же, стр. 123.

было нарушать тогда ихъ строгаго религіознаго настроенія, ихъ внутренней духовной бесѣды съ Господомъ.

Въ промежутки между часами общихъ молитвъ и псалмопѣній, когда отшельники не были заняты и уединеннымъ богомысліемъ, они собирались для общихъ бесѣдъ. Предметомъ этихъ бесѣдъ было всегда дѣло, которому они посвятили свою жизнь. Окруживши своего великаго настоятеля, они или внимали чтенію и толкованію какой-нибудь священной книги (¹), или предлагали ему вопросы, ихъ занимавшіе (²), или обсуждали вмѣстѣ средства къ лучшему устроенію своей духовной жизни (³). Молодые подвижники, также новопоступившіе, въ подобныхъ случаяхъ только слушали бесѣду опытныхъ старцевъ, не принимая въ ней другаго участія: они хранили молчаніе—первый опытъ упражненія въ аскетической жизни (⁴).

Все остальное время, свободное отъ указанныхъ выше занятій, благочестивые отшельники посвящали физическимъ трудамъ. Къ этому побуждало ихъ, съ одной стороны, желаніе не зависѣть ни отъ кого въ средствахъ жизни, съ другой, они видѣли въ этихъ трудахъ могущественное средство къ умерщвленію плоти (⁵). Они сажали и поливали деревья, разводя у себя что-то въ родѣ сада, вывозили на себѣ изъ своихъ пещеръ полусгнившія вѣтви, служившія имъ или изголовьемъ, или ложемъ, то для заравненія какого нибудь оврага (⁶), то для удобренія небольшаго участка земли, разработыва-

(¹) См. V-е письмо св. Григорія Богослова къ св. Василію.
(²) Твор. Вас. Вел. ч. V, стр. 97, 211, 212 и д.
(³) Тамъ же, ч. V стр.
(⁴) Ч. V, стр. 130.
(⁵) Ч. I стр. 41; ч. V, стр. 73, 313, 314, 350, 400.
(⁶) Твор. св. Григ. Богосл. ч. VI, стр. 102.

емаго ихъ собственными руками, гдѣ росли плоды и коренья, служившіе имъ пищею. Одни переносили дрова, заготовленныя на случай зимнихъ вьюгъ и непогодъ, другіе тесали камни для домашнихъ незатѣйливыхъ очаговъ, на которыхъ готовилась суровая трапеза отшельниковъ ([1]), иные плели циновки и корзинки (кошницы), чтобы продажею ихъ пріобрѣсти нѣсколько оволовъ на нужды общины. Одни ухаживали за больными, странными, принимали посѣтителей изъ міра, другіе исполняли какія нибудь иныя порученія настоятеля ([2]). Самыя низкія и тяжелыя работы не должны были никому казаться таковыми, и всякій, на кого только возлагалъ такую работу настоятель, долженъ былъ исполнять её безпрекословно, во имя обѣта безусловнаго послушанія уставамъ братства ([3]). Во всѣхъ изчисленныхъ нами занятіяхъ, не исключая и самыхъ трудныхъ работъ, св. Василій предшествовалъ братіи своимъ примѣромъ. Изъ воспоминаній св. Григорія Богослова о жизни его въ Понтійской пустынѣ мы узнаемъ, что великіе друзья сами копали землю, сажали и поливали деревья, вывозили на себѣ изъ своихъ пещеръ телѣги сору для того, чтобы заровнять какой нибудь оврагъ, такъ что у тружениковъ надолго послѣ того оставались еще на рукахъ мозоли,—наглядное свидѣтельство тяжелыхъ работъ. И среди всѣхъ этихъ тяжкихъ и непрестанныхъ трудовъ аскеты подкрѣпляли себя только вареньями изъ корней и сѣмянъ разныхъ растеній и хлѣбомъ, въ которомъ, по выраженію св. Григорія, „вязли зубы“.

([1]) Твор. св. Григ. Богосл. ч. VI, стр. 103.
([2]) Твор. св. Вас. Вел. ч. V, стр. 184 и дал. 266, 282, 286.
([3]) Тамъ же, стр. 168, 169, 452.

Такъ просто, тихо и мирно текла жизнь въ пустынномъ понтійскомъ братствѣ! Глубокое впечатлѣніе оставила она въ душѣ св. Григорія. Часто въ послѣдствіи вспоминалъ онъ о томъ времени, которое провелъ въ пустынѣ своего друга, называя это время счастливѣйшимъ въ своей жизни, и сожалѣя о томъ, что оно миновало для него невозвратно. *„Кто мя устроитъ по мѣсяцамъ прежднихъ дней* (Іов. 29, 2), въ которые я увеселялся съ тобою злостраданіемъ; потому что скорбное, но добровольное, предпочтительнѣе пріятнаго, но невольнаго. Кто дастъ мнѣ сіи псалмопѣнія, бдѣнія и молитвенныя къ Богу преселенія? Кто дастъ жизнь какъ бы невещественную и безплотную? Кто дастъ согласіе и единодушіе братій, которыхъ ты ведешь на высоту и къ обоженію? Кто дастъ соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто дастъ трудолюбіе въ чтеніи Божіихъ словесъ, и при путеводительствѣ Духа обрѣтаемый въ нихъ свѣтъ? Кто дастъ (скажу о самомъ маломъ и незначительномъ) поденныя и ручныя работы — переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе, поливаніе? Кто дастъ этотъ золотой яворъ, который дороже Ксерксова, подъ которымъ сиживалъ не царь пресыщенный, но монахъ изнуренный, который насадилъ я, напоилъ Аполлосъ, или твоя пречестность, а возрастилъ Богъ къ моей чести, чтобъ сохранялся онъ у васъ памятникомъ моего трудолюбія, какъ читаемъ и вѣримъ, что и въ кивотѣ хранился прозябшій жезлъ Аароновъ? Легче пожелать всего этого, но не такъ легко получишь сіе“ (¹).

(¹) Твор. св. Григ. Богосл. ч. VI, стр. 103.

Мы представили здѣсь очеркъ аскетической жизни въ формѣ общежительной. Аскеты этого рода назывались въ IV вѣкѣ киновитами (κοινόβιοι). Мы избрали понтійскую общину св. Василія потому, что съ одной стороны она устроена была по образцу видѣнныхъ св. Отцемъ на востокѣ, а съ другой потому, что сама послужила въ свою очередь образцемъ для другихъ общежительныхъ обителей, какъ на родинѣ св. Василія, такъ и въ другихъ странахъ православнаго востока. Такимъ образомъ по ней мы можемъ составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о современныхъ ей и позднѣйшихъ общежительныхъ обителяхъ. Отъ тѣхъ, которыя послужили для ней образцемъ, она отличалась бо́льшею опредѣленностью внѣшняго строя и внѣшнихъ отношеній, и бо́льшею стройностью теченія внутренней жизни. Этимъ она обязана была тому уставу, который данъ былъ ей св. Василіемъ. Уставы аскетической жизни, данные своимъ общинамъ преподобными Антоніемъ, Макаріемъ, Иларіономъ, Пахоміемъ и принимавшіеся въ бо́льшей части общежительныхъ общинъ, видѣнныхъ св. Василіемъ на востокѣ, не восходятъ до идеи аскетической жизни, не берутъ на себя устроять цѣльное ея направленіе: они довольно кратки и заключаютъ въ себѣ правила и предписанія частныя, случайныя, отрывочныя. Это скорѣе нравственныя наставленія, чѣмъ каноническія постановленія, записанные обычаи, чѣмъ данные законы, духовные опыты, добытые или собственною подвижническою жизнію великаго Аввы, или другихъ знаменитыхъ подвижниковъ, чѣмъ возведенная въ теорію дисциплина. Уставъ св. Василія организуетъ цѣльный строй аскетической жизни, утверждая его на идеѣ этой жизни. Это не значитъ, что

св. Отецъ создалъ эту идею. Нѣтъ,—она существовала гораздо раньше и существовала неразрывно съ самою аскетическою жизнію. Дѣло св. Василія состояло только въ томъ, что онъ яснѣе, чѣмъ кто нибудь, созналъ её, отвлекъ её отъ факта, съ которымъ она была соединена и посредствомъ ея освѣтилъ самый этотъ фактъ новымъ, яркимъ свѣтомъ. Мы увѣрены, что понтійская община св. Василія по наружности была вѣрнымъ снимкомъ съ какой нибудь общежительной общины египетской, или палестинской,—тѣже пустынныя пещеры, тѣже убогіе хитоны, тѣже задумчивыя и серьёзныя лица, тѣже ручныя занятія, тѣже молитвы и псалмопѣнія. Но мы увѣрены также, что здѣсь ко всему этому относились сознательнѣе, всё это имѣло въ глазахъ членовъ общины особенное значеніе, особенную обязательнность; потому что было стройно организовано—теоретически. Здѣсь личному произволу частнаго члена не было оставлено ничего; тогда какъ тамъ многое, неопредѣленное уставомъ, предоставлялось личному усмотрѣнію каждаго. Кратко — тамъ жизнь слагалась и текла по преданію и имѣла, если не въ цѣломъ, то въ частяхъ, много случайнаго; здѣсь — по теоріи и не должна была имѣть ничего случайнаго. Этою теоретическою постановкою аскетической жизни св. Василій ввелъ её въ новую эпоху ея существованія и положилъ прочное основаніе для дальнѣйшаго ея развитія. Теперь уже признано всѣми, что восточные общежительные монастыри съ конца IV вѣка всѣ приняли уставъ св. Василія, какъ единственно обязательный для внутренняго и внѣшняго своего строя.

Этими общежительными общинами былъ усѣянъ весь

христіанскій востокъ IV вѣка (1). Но это была не единственная форма аскетической жизни. Было множество аскетовъ, которые жили по одиночкѣ, свободно избирая себѣ и мѣсто и родъ подвиговъ. Такъ, нѣкоторые, — какъ Павелъ ѳивейскій или ѳиваидскій,—удалялись въ самую глубь пустынь и многіе годы проводили въ одиночествѣ, не видя лица человѣческаго, и живя въ какой нибудь горной разсѣлинѣ или убогой кельѣ, сдѣланной собственными своими руками, и питаясь плодами и кореньями разныхъ растеній. Аскеты этого рода назывались обыкновенно анахоретами, или отшельниками. Другіе, какъ св. Симеонъ антіохійскій, восходили на столбъ и оставались на немъ безъисходно до конца жизни, занимаясь исключительно молитвенными подвигами и питаясь отъ приношеній благочестивыхъ христіанъ, приходившихъ подивиться необыкновеннымъ подвижникамъ. Эти назывались стилитами или столпниками. Нѣкоторые приказывали задѣлывать себя въ стѣну и въ этомъ тѣсномъ заключеніи жили цѣлые годы, не

(1) На западѣ аскеты впервые появились съ востока, и именно въ сопутствіи св. Аѳанасію александрійскому, когда онъ происками аріанъ принужденъ былъ искать убѣжища въ Римѣ. На первый разъ они были здѣсь довольно дурно приняты, по свидѣтельству блаж. Іеронима (см. его письма къ Павлу; п. 22) и Сальвіана: «въ городахъ Африки, говоритъ этотъ послѣдній, и особенно въ стѣнахъ Карѳагена, какъ только показывался человѣкъ въ плащѣ, блѣдный и съ бритою головою, народъ, столько же злосчастный, сколько и невѣрный, не могъ его видѣть безъ того, чтобы не осыпать проклятіями и оскорбленіями, и если какой либо служитель Божій, явившійся изъ монастырей Египта, или изъ священныхъ мѣстъ Іерусалима, или изъ уважаемой обители какой либо пустыни, приходилъ въ городъ, чтобы выполнить какой нибудь благочестивый обѣтъ, народъ преслѣдовалъ его нанесеніемъ обидъ, гнуснымъ хохотомъ и оскорбительнымъ свистомъ».

Аскеты начали утверждаться здѣсь въ концѣ IV и въ началѣ V в., благодаря покровительству св. Иларія, Амвросія, блаж. Іеронима и Августина.

имѣя возможности перемѣнить мѣста. Были и такіе, которые, не оставляя міра, налагали на себя разные обѣты аскетической жизни, напр. обрекали себя на постъ, молчаніе, всякаго рода воздержаніе, особенно на безбрачіе. Это былъ аскетизмъ на низшей степени. Въ обширномъ же смыслѣ названіе аскетовъ принадлежало всѣмъ вообще подвижникамъ. Было много и другихъ частныхъ видовъ подвижничества (¹).

Было ли что нибудь общее между всѣми этими видами подвижничества? Было и—очень многое.

И прежде всего у всѣхъ этихъ подвижниковъ была одна цѣль, которую они преслѣдовали, это—спасеніе.

(¹) Были анахореты и въ понтійской пустынѣ. Св. Григорій Богословъ въ надгробномъ словѣ св. Василію говоритъ: «много было споровъ и разногласій о жизни пустынническои и уединенно-общежительной. Безъ сомнѣнія та и другая имѣетъ въ себѣ доброе и худое не безъ примѣси. Какъ первая, хотя въ большей степени безмолвна, благоустроена и удобнѣе собираетъ къ богомыслію, но поелику не подвергается испытаніямъ и сравненіямъ, бываетъ не безъ надменія; такъ другая, хотя въ большей степени дѣятельна и полезна, но не изъята отъ мятежей. И Василій превосходнѣйшимъ образомъ соединилъ и слилъ оба сіи рода жизни. Построилъ скиты и монастыри (во время уже своего архіепископства) не вдали отъ общинъ и общежитій, не отдѣлялъ однихъ отъ другихъ, какъ бы нѣкоторою стѣною, и не разлучалъ, но вмѣстѣ и привелъ въ ближайшее соприкосновеніе и разграничилъ, чтобы и любомудріе не было необщительнымъ, и дѣятельность не была нелюбомудренною» (ч. IV, стр. 119). «Но гдѣ были помѣщены эти анахореты? Какъ они жили? И какъ относились къ аскетамъ, жившимъ въ общинахъ? На эти вопросы ни въ твореніяхъ св. Василія, ни въ твореніяхъ св. Григорія мы не находимъ обстоятельныхъ отвѣтовъ. На основаніи двухъ правилъ св. Василія (см. вопр. 138. 160) мы догадываемся, что нѣкоторымъ братіямъ, жаждавшимъ высшаго совершенства, дозволялось выходить изъ общины и поселяться въ какой нибудь уединенной пещерѣ, и потомъ, въ случаѣ нужды, снова возвращаться въ общину. Этихъ анахоретовъ вѣроятно довольно часто навѣщали братья-киновиты, по назначенію настоятеля, принося имъ нужное для жизни и навѣдываясь о ходѣ ихъ уединенныхъ подвиговъ. На эту мысль наводятъ послѣднія слова святаго Григорія (см. твор. св. Вас. Вел. ч. V, стр. 115—117).

Всѣ они пользовались одинаковою свободою—оставлять міръ и избирать себѣ мѣсто и родъ подвиговъ, перемѣнять то и другое, и даже оставлять совершенно и возвращаться снова въ міръ. Въ устройствѣ своей внѣшней и внутренней жизни всѣ подвижники были совершенно самостоятельны. Ни Церковь, ни государство не вступались въ порядки этой жизни,—они установлялись безъ всякаго контроля со стороны внѣшней власти, которая замѣтила ихъ уже тогда, когда формы аскетизма чрезвычайно оразнообразились и каждая успѣла выработать себѣ традиціонную организацію. Вотъ черты сходства между всѣми вообще аскетами.

Аскеты-киновиты имѣли свои особенности. обусловливаемыя ихъ особеннымъ положеніемъ. Соединяясь совершенно свободно для общихъ подвиговъ, всѣ они пользовались полною свободою въ выборѣ себѣ настоятеля. Начало свободнаго выбора настоятеля было общимъ и признаннымъ началомъ во всѣхъ киновіяхъ. Другимъ тоже общепризнаннымъ началомъ у киновитовъ было — безпрекословное повиновеніе свободноизбранному настоятелю. Такимъ образомъ единственная, признанная власть въ киновіяхъ была власть настоятеля. Кромѣ ея киновиты не признавали надъ собой никакой власти. Къ положительной власти церковной они относились, какъ всѣ остальные вѣрующіе. Не имѣя своихъ церквей, они ходили въ приходскія церкви и въ этомъ отношеніи, какъ сами не имѣли никакихъ правъ предъ вѣрующими — мірянами, такъ и надъ собою не давали никакихъ особыхъ правъ священникамъ ни даже епископамъ — признанной государствомъ церковной власти. Зависимость ихъ отъ власти государственной была еще слабѣе, или лучше сказать, — неопредѣлен-

нѣе. Оставляя міръ, они переставали быть членами гражданскаго общества, и возвращая ему всѣ свои права, вмѣстѣ съ тѣмъ слагали съ себя и всѣ свои обязанности къ обществу. Но государство съ своей стороны продолжало относиться къ нимъ, какъ къ обыкновеннымъ своимъ членамъ и при всякомъ удобномъ случаѣ предъявляло на нихъ всѣ свои прежнія права, напр. требовало съ нихъ подати и судило ихъ на основаніи общихъ государственныхъ законовъ.

Такое неопредѣленное отношеніе общихъ и частныхъ аскетовъ къ авторитету церковному и государственному подавало поводъ къ значительнымъ безпорядкамъ. Часто многіе анахореты, опираясь на свое значеніе въ народѣ, закрѣпленное за ними тѣмъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, съ какимъ народъ привыкъ смотрѣть на суровую картину ихъ жизни, вмѣшивались въ дѣла церковныя, становились между епископами и ихъ паствами и, иногда по ревности не по разуму, иногда по честолюбію порицая то образъ мыслей, то образъ дѣйствій первыхъ, производили большое смятеніе и разстройство въ церковной администраціи и жизни. Случай вмѣшательства аскетовъ въ отношенія Евсевія, епископа кесарійскаго (предшественника св. Василія) къ его паствѣ былъ далеко не единственный въ своемъ родѣ (¹).

(¹) «Противъ него (Евсевія) возстаютъ избраннѣйшіе и болѣе мудрые въ Церкви, если только премудрѣе многихъ тѣ, которые отлучили себя отъ міра, и посвятили жизнь Богу,—я разумѣю нашихъ назореевъ, особенно ревнующихъ о подобныхъ дѣлахъ. Для нихъ было тягостно, что презирается ихъ могущество, оскорбленное и отринутое, и они отваживаются на самое опасное дѣло, замышляютъ отступить и отторгнуться отъ великаго и безмятежнаго тѣла Церкви, отсѣкши и не малую часть народа изъ низкаго и высокаго сословія». Твор. св. Григорія Богосл. ч. IV, стр. 84 — 85. См. также твор. св. Вас. Вел. ч. VII, стр. 124.

Онъ служитъ наглядными доказательствомъ того, въ какія двусмысленыя отношенія часто принуждены были становиться другъ къ другу эти двѣ нравственныя силы тогдашняго общества, благодаря неопредѣленности своихъ канонических правъ. Были случаи и преднамѣреннаго злоупотребленія рубищемъ аскета. Такъ, являлись напр. непризванные учители православія, прикрывавшіе вретищемъ подвижника самое тупое невѣжество (1) и самую грубую испорченность нравовъ (2).

(1) «Былъ пиръ,—слова св. Григорія,—и на пиру было не мало людей, и къ намъ (св. Григорію и Василію) благорасположенныхъ, а въ числѣ ихъ находился нѣкто изъ носящихъ имя и образъ благочестія. Пированіе еще не начиналось; слово зашло о насъ, которыхъ, какъ это обыкновенно случается на пирахъ, вмѣсто всякаго другаго междудѣйствія выводятъ на среду. Всѣ дивятся твоимъ совершенствамъ, присовокупляютъ къ тебѣ и меня, какъ упражняющагося въ равномъ съ тобою любомудріи, говорятъ о нашей дружбѣ, объ Аѳинахъ, о нашемъ единодушіи и единомысліи во всемъ; но этотъ любомудренный мужъ находитъ сіе оскорбительнымъ и, съ большою рѣшительностію вскричавъ, говоритъ: «Чтоже это, государи мои, такъ много вы лжете и льстите? Пусть они будутъ похвалены за другое, если угодно, въ томъ не спорю, но несогласенъ въ важнѣйшемъ; за православіе напрасно хвалятъ Василія, напрасно и Григорія; одинъ измѣняетъ вѣрѣ тѣмъ, что говоритъ, а другой тѣмъ, что терпитъ это... Я теперь съ собора, который былъ у мученика Евпсихія; и онъ свидѣтель, что это дѣйствительно такъ. Тамъ слышалъ я, какъ Великій Василій богословствовалъ: объ Отцѣ и Сынѣ превосходно и весьма совершенно, и какъ нелегко было бы сказать всякому другому, а въ ученіи о Духѣ уклонился отъ прямаго пути». См. письмо св. Григ. къ св. Василію Вел. ч. VI, стр. 148—149.

(2) «Я краснѣю выговорить это,—слова блаж. Іеронима,—изъ глубины нашихъ келій мы осуждаемъ свѣтъ; покрытые рубищемъ и пепломъ мы произносимъ приговоры надъ епископами.... Гордость быстро вкрадывается при одиночествѣ: такой-то попостился нѣсколько времени: онъ не видѣлъ ни души; онъ уже думаетъ, что онъ—человѣкъ съ вѣсомъ; онъ забываетъ, кто онъ такой, откуда онъ пришелъ, куда идетъ; и его сердце, и его языкъ заблуждаются уже во всѣхъ отношеніяхъ. Противъ воли Апостола, онъ судитъ служителей другаго; онъ простираетъ свою руку къ тому, что привлекательно для обжорства;

Но сравнительно это были очень рѣдкія и ничтожныя пятна на свѣтломъ фонѣ картины. Въ общемъ,—горы и пустыни востока заключали въ себѣ всё, что было особенно разумнаго, образованнаго, нравственнаго въ тогдашнемъ полу-христіанскомъ, полу-языческомъ обществѣ, „пораженномъ трояким злом: праздностью, испорченностью и нечестіемъ". Два мѣста въ твореніяхъ св. Григорія Богослова особенно рѣзко рисуютъ намъ грустную картину тогдашняго общества, на которой въ необъятномъ величіи выдается строгая фигура великаго аскета понтійскаго, пріобрѣтающая особенно яркій свѣтъ, среди окружающаго её печальнаго мрака. Вотъ эти мѣста. „Былъ голодъ (во время еще пресвитерства св. Василія), и самый жестокій изъ памятныхъ дотолѣ. Городъ изнемогалъ; ни откуда не было ни помощи, ни средствъ къ облегченію зла... Всего же несноснѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ безчувственность и ненасытность имѣющихъ у себя избытки. Они пользуются временемъ, извлекаютъ избытокъ изъ скудости, собираютъ жатву съ бѣдствій... Такъ поступаютъ скупающіе и продающіе пшеницу, не стыдясь родства, не благодаря Бога, отъ Котораго имѣютъ избытки, когда другіе терпятъ нужду... Василій собираетъ въ одно мѣсто уязвленныхъ гладомъ, и иныхъ даже едва дышащихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими толь-

---

онъ спитъ, сколько хочетъ, онъ не уважаетъ никого; онъ дѣлаетъ, что вздумается; онъ считаетъ всѣхъ другихъ ниже себя; онъ чаще находится въ городахъ, чѣмъ въ своей кельѣ; и онъ прикидывается скромнымъ среди своихъ собратій, между тѣмъ какъ въ общественныхъ мѣстахъ безпрестанно толкаетъ прохожихъ». См. письмо 13 къ Марку и 95 къ Рустику.

ко можетъ быть утоленъ голодъ, выставляетъ котлы полные овощей и соленыхъ припасовъ, какими питаются у насъ бѣдные; потомъ, подражая служенію самаго Христа, который препоясавшись лентіемъ, не погнушался омыть ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ или служителей удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ душевнымъ, къ напитанію, присоединивъ честь, и облегчивъ ихъ участь тѣмъ и другимъ (¹).“

Читая эти строки, невольно припоминаешь исполненныя горечи слова самаго св. Василія: „я болѣзновалъ душею, въ многолюдномъ сборищѣ замѣтивъ какую-то скотскую и совершенно неразумную безпечность, а въ управляющихъ имъ застарѣлый и едва исправимый навыкъ къ злу“ (²). Эти слова очень мѣтко характеризуютъ то глупое равнодушіе и безпечность, съ какими смотрѣли на это страшное общественное бѣдствіе и самое общество и его правители. Имъ какъ будто и дѣла нѣтъ до того, что тысячи гибнутъ на ихъ глазахъ безъ всякой помощи. Подлѣ этой дѣйствительно „скотской“ безпечности и безчувственности въ какомъ яркомъ свѣтѣ выдается проникнутая горячимъ сочувствіемъ къ несчастнымъ личность строгаго подвижника! Здѣсь не столько поражаетъ то дѣятельное участіе въ судьбѣ бѣдняковъ, которое принялъ св. Василій, сколько мягкое, предупредительное отношеніе къ ихъ человѣческимъ чувствованіямъ. Строгій подвижникъ, „удовлетворяя тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ душевнымъ, къ напитанію

(¹) Твор. св. Григ. Бог. ч. IV, стр. 90—92.

(²) Твор. св. Василія В. ч. VII, стр. 93.

присоединивъ честь и облегчивъ ихъ участь тѣмъ и другимъ". Эта нѣжность и какая-то особенная деликатность участія св. Василія къ ближнимъ, особенно страждущимъ и несчастнымъ еще яснѣе выдается въ другомъ мѣстѣ изъ твореній св. Григорія. Описывая огромную богадѣльну, построенную св. Василіемъ въ Кесаріи во время уже своего епископства, въ которой находили себѣ пріютъ и пропитаніе бѣдные, убогіе и страдальцы всякаго рода, св. Григорій говоритъ: „теперь нѣтъ уже предъ нашими взорами тяжкаго и жалкаго зрѣлища: не лежатъ предъ нами люди, еще до смерти умершіе, и омертвѣвшіе большею частію тѣлесныхъ своихъ членовъ, гонимые изъ городовъ, изъ домовъ, съ торжищъ, отъ водъ, отъ людей наиболѣе имъ любезныхъ, узнаваемые только по именамъ, а не по тѣлеснымъ чертамъ. Ихъ не кладутъ товарищи и домашніе при мѣстахъ народныхъ собраній и сходбищъ, чтобы возбуждали своей болѣзнью не столько жалость, сколько отвращеніе, слагая жалобныя пѣсни, если у кого остается еще голосъ. Но къ чему описывать всѣ наши злостраданія, когда недостаточно къ сему слово? Василій преимущественно предъ всѣми убѣждалъ, чтобы мы, какъ люди, не презирали людей, безчеловѣчіемъ къ страждущимъ не безчестили Христа—единую всѣхъ Главу; но чрезъ бѣдствія другихъ благоустрояли собственное свое спасеніе, и имѣя нужду въ милосердіи, свое милосердіе давали взаимъ Богу. Посему этотъ благородный, рожденный отъ благородныхъ и сіяющій славою, мужъ не гнушался и лобзаніемъ устъ чтить болѣзнь, обнималъ недужныхъ какъ братьевъ, не изъ тщеславія, но чтобы научить своимъ любомудріемъ —

не оставлять безъ услугъ страждущія тѣла. Это было и многовѣщее и безмолвное увѣщаніе" (1).

И эти великіе, неутомимые подвижники добра, эти свѣтлыя, возвышенныя личности, эти симпатичные, беззавѣтно любившіе своихъ ближнихъ аскеты образовались въ пустыняхъ, горахъ, пещерахъ и пропастяхъ. Сюда убѣгали они изъ погрязшаго во злѣ міра, здѣсь запасались силами на борьбу съ этимъ зломъ и на дѣятельную любовь къ собратьямъ—людямъ, оставленнымъ въ мірѣ. Закаленные въ подвигахъ самоотверженія суровою жизнію, возвращались они въ міръ и съ славою выполняли свое великое, многоплодное служеніе. Такъ воспитались и вышли изъ этихъ пустынь Великіе Василіи, Григоріи, Златоусты, Іеронимы и другіе великіе подвижники добра, правды и святой любви къ ближнему, вдохновлявшіе своимъ пламеннымъ словомъ и самоотверженнымъ дѣломъ на христіанское добро своихъ апатичныхъ, погрязшихъ въ развратѣ, рабствѣ и праздности современниковъ.

Заключимъ нашъ блѣдный очеркъ яркою картиною аскетической жизни, начертанною рукою великаго художника—аскета.

„Есть Божіи служители, — слова св. Григорія Богослова (2),—имъ даруй полную свободу, имъ, которые спокойнымъ умомъ, совершенными душами, многихъ другихъ возводятъ горѣ и дѣлаютъ таинниками небеснаго. Даруй свободу всѣмъ христоносцамъ, которые стоятъ превыше земли, не связаны узами супружества,

---

(1) Твор. св. Григ. Бог. ч. IV, стр. 120, 121.

(2) Письмо это адресовано къ нѣкоему Гелленію, вѣроятно, правителю области, въ которой жили подвижники, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь.

едва касаются міра, день и ночь своими пѣснопѣніями славословятъ Царя, чуждаются земныхъ стяжаній, какими князь міра обольщаетъ жалкихъ земнородныхъ, издѣваясь надъ ними тѣмъ, что отдаетъ эти дары то одному, то другому. — Даруй свободу тѣмъ, которые имѣютъ одно высшее богатство—надежду получить негибнущее и непереходящее изъ рукъ въ руки. Они не имѣютъ нужды въ ребрѣ, которое бы любило плоть свою, не опираются на юную руку, т. е. на дѣтей, не полагаютъ надежды на единокровныхъ и на товарищей, на кровь и на прахъ, который на утро погибнетъ; они въ городахъ и обществахъ не гордятся самонадѣянною крѣпостью, похожею на крѣпость безсильнаго вѣтра, не гоняются за быстролетною человѣческою славою — этимъ услажденіемъ сновидца: но къ Богу возводятъ всецѣлый умъ, къ божественному твердому камени привязываютъ корабль свой. Они — таинники сокровенной жизни Христа Царя, и когда она явится, возблистаютъ славою, созерцая чистое сіяніе Троицы, во едино сходящейся и открывающейся очамъ непорочнымъ, созерцая и великую славу небеснаго воинства, не въ темныхъ обликахъ и не въ немногихъ слѣдахъ истины.“

„Одни изъ нихъ услаждаются пустынными пещерами и вездѣ готовыми на голой землѣ ложами, ненавидятъ же домы, бѣгаютъ городскаго многолюдства, любятъ покой, сродный небесной мудрости: другіе изнуряютъ себя желѣзными веригами, и истончевая плоть, истончеваютъ вмѣстѣ грѣхъ; а иные, заключась въ лѣсныхъ домахъ, подобно звѣрямъ, не встрѣчали и лица человѣческаго. Часто подражая въ половину Христову терпѣнію, по двадцати дней и ночей проводятъ они безъ пищи. Похвалюсь: въ числѣ ихъ была овца и моего

стада—нѣкто ушедшій изъ сего малаго города. А нѣкто связалъ молчаніемъ говорливый языкъ и уста, единымъ же умомъ возносилъ хвалу великому Уму. Былъ и такой, что цѣлые годы, стоя въ священномъ храмѣ, распростиралъ чистыя руки. и вѣждей его не касался сонъ, но, какъ одушевленный камень, (невѣроятное самозабвеніе!) онъ водруженъ былъ во Христѣ. Другому сосѣдъ воронъ удѣлялъ остатки скудной трапезы, и обоимъ доставало одного куска хлѣба. А нѣкто востекъ отсюда на божественную гору ко Христу, съ которой онъ, по совершеніи страданія, оставилъ человѣковъ, и тамъ, не развлекаемый ни словомъ, ни умомъ, ни тѣломъ, стоялъ подъ снѣгомъ и вѣтромъ, и не уступалъ прошеніямъ собравшихся вокругъ него благочестивыхъ мужей. но, воспрянувъ умомъ своимъ отъ земли и ставъ выше людей, крѣпко держался великаго Христа Царя, пока не соградилъ новаго дома себѣ бездыханному, когда для погребенія не нашлось попечительной руки.“

„Всякому пріятно стремленіе къ одной какой нибудь добродѣтели. По причинѣ множества обителей много и способовъ пріобрѣтать ихъ. Но къ чему описывать мнѣ подробно? Они шествуютъ тѣснымъ путемъ, которымъ идутъ здѣсь немногіе изъ людей; они входятъ скорбными вратами, куда со многими трудами вступаютъ добрые. Таково достояніе Христово, такой плодъ своихъ страданій Христосъ приноситъ отъ земли Отцу! Это опора слова, слава людей, основаніе міра, уподобляющееся небеснымъ лѣпотамъ!“

„Во первыхъ, полюби кроткаго Кледонія, который живетъ для бѣдныхъ, и въ даръ Христу принесъ всё, но прежде всего—самого себя, а потомъ уже и то, что

пріобрѣлъ, — принесъ, ничего не оставивъ для земной жизни. Это жемчужина между дорогими камнями; это утренняя звѣзда между звѣздами; это весна между временами года; это роза между растеніями. Украшаясь нѣкогда славою при дворѣ царя земнаго, онъ еще большую славу имѣетъ въ нашей оградѣ, потому что предстоитъ Царю Христу."

„Полюби Евлалія, который многимъ превосходитъ сверстниковъ своихъ"....

„Будь снисходителенъ и къ великому Никодиму, если только услышишь о немъ. Онъ смертную жизнь посвятилъ небесной, поревновалъ о древней жертвѣ великаго отца Авраама, освятивъ Богу двоихъ чадъ, добровольно поспѣшающихъ на священное жертвоприношеніе, и супружество сдѣлалъ добрымъ, и постарался о вѣнцахъ какъ супружеской, такъ и безбрачной жизни, не землѣ предоставилъ перстныя свои отрасли, но чтобы отрѣшившись отъ сея жизни, всецѣло перейти въ горнюю землю, свой класъ вписалъ въ наши лики"....

„Не въ числѣ послѣднихъ и Ѳеогній. Стоя на землѣ, касается онъ небесныхъ престоловъ; онъ ласковъ, сладкорѣчивъ; на цвѣтущемъ лицѣ его всегда видно сіяніе благорасположеннаго духа"....

„Умолчу о Филаделфѣ—моемъ сердцѣ, объ этой благородной крови Макровія, который, изъ всѣхъ овецъ моего стада, есть собственно моя овца; о моемъ другѣ, котораго благосердый Христосъ объемлетъ великими крылами, котораго не надмѣваетъ гордость, овладѣвающая всѣми."

„Умолчу о другихъ свѣтлыхъ звѣздахъ между мужами простаго нрава, даже неизвѣстныхъ многимъ изъ міролюбцевъ, о сихъ достопочтенныхъ членахъ Христо-

выхъ. Ибо кто изчислитъ сіи печати Божественнаго, сіи плотоносныя красоты?“

„Всѣ они — служители всемогущаго Бога, и каждый изъ нихъ совершенъ на особомъ пути благочестія. Легкими стопами попираютъ они землю; это прекрасныя овцы, принадлежащія къ десной сторонѣ; это камни великаго храма, и Христосъ связуетъ ихъ между собою вселюбезнымъ согласіемъ духа. Съ малыми искрами жизни въ скудости проводятъ они настоящую жизнь, не много уступаютъ виновнику зла—чреву, усмиряютъ въ себѣ жестокій мятежъ страстей—эти черныя волны, воздвигаемыя Веліаромъ; полагаютъ мѣрило слову и мѣру молчанію. держатъ въ уздѣ и смѣхъ, и слухъ, и неподвижныя очи. Безъ обуви, съ нечесанными волосами, съ слезами на глазахъ, имѣя у себя одинъ хитонъ, эти земные мертвецы живутъ мыслію въ горнемъ, непрестанно имѣютъ предъ взорами великую Божію славу и тамошнее ликостояніе душъ благочестивыхъ (¹).“

„Видишь ли этихъ людей, которые не имѣютъ у себя ни пропитанія, ни пристанища, не имѣютъ почти ни плоти, ни крови, и тѣмъ приближаются къ Богу (²)“..... „У нихъ волосы сухіе и нечистые, ноги босыя и подобно апостольскимъ ничего не носящія на себѣ мертваго, стриженіе власовъ тому же соотвѣтствующее; одежда, смиряющая гордость, поясъ прекрасный своею неукрашенностію, подбирающій нѣсколько, но ни мало не поднимающій одежды, походка твердая, взоръ неблуждающій, улыбка пріятная, или, лучше сказать, только видъ улыбки, цѣломудренно удерживающій отъ неумѣ-

(¹) Твор. св. Григ. Богосл. ч. IV, стр. 335—342.
(²) Тамъ же, ч. I, стр. 127

реннаго смѣха, слово съ разумомъ, молчаніе драгоцѣннѣйшее самаго слова, хвала, приправленная солію, но не для ласкательства, а въ руководство къ лучшему, умѣренность въ печали и веселости и раствореніе одной другою, мягкость, соединенная съ мужествомъ, и суровость съ скромностію, такъ что одно другому не вредитъ. но одно чрезъ другое дѣлается похвальнымъ, умѣренность въ общеніи съ другими и въ уклоненіи отъ общенія—общеніи для назиданія другихъ и уклоненіи для собственнаго поученія тайнамъ Духа,—общеніи. сохраняющемъ уединеніе среди самаго общества, и уклоненіи, соблюдающемъ братолюбіе и человѣколюбіе среди самаго уединенія“ (¹). Занятія ихъ жизни: „бдѣнія, пощенія, молитвы, слезы, біеніе въ перси, воздыханія изъ глубины сердца, всенощное стояніе, переселеніе умомъ къ Богу, тихій плачъ среди моленій. приводящій въ умиленіе слушающихъ“ (²). „Ихъ утесы и небеса, низложенія и престолы, нагота и риза нетлѣнія, пустыня и торжество на небесахъ, попраніе сластей и наслажденіе нескончаемое, неизреченное. Ихъ слезы потопляютъ грѣхъ, очищаютъ міръ; ихъ воздѣяніе рукъ угашаетъ пламень, укрощаетъ звѣрей, обращаетъ въ бѣгство полки (³)“....

(¹) Твор. св. Григ. Бог., ч. I стр. 219.
(²) Тамъ же, стр. 218.
(³) Тамъ же, стр. 127.

II.

О СВЯЩЕНСТВѢ ПРОТИВЪ БЕЗПОПОВЦЕВЪ.

(ПО ПОВОДУ ПОЯВИВШИХСЯ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ ТОЛКОВЪ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ).

Въ началѣ прошлаго года, по случаю появленія въ свѣтъ книги: „о необходимости священства противъ безпоповцевъ", былъ возбужденъ въ духовныхъ журналахъ (¹) вопросъ о безпоповщинскомъ ученіи касательно священства. Впрочемъ всѣ разсужденія объ этомъ предметѣ „Странника" (за мартъ) и „Православнаго Обозрѣнія" (за тотъ же мѣсяцъ) состояли больше въ разборѣ выше-упомянутой книги, въ указаніи ея достоинствъ и недостатковъ, чѣмъ въ положительномъ изслѣдованіи вопроса. Отъ того къ свѣдѣніямъ о безпоповщинскомъ ученіи касательно священства, какія читатель можетъ найти въ книгѣ А. Предтеченскаго, новаго прибавилось очень не много. Мало этого: рецензіи указанныхъ журналовъ сдѣлали то, что и тѣми данными, какія находятся въ книгѣ „о необходимости священства", теперь почти нельзя пользоваться мало-

(¹) Были толки и въ свѣтскихъ журналахъ: Библіотекѣ для Чтенія, Современникѣ и друг.

свѣдущему читателю по причинѣ тѣхъ разнорѣчивыхъ отзывовъ о книгѣ А. Предтеченскаго, какіе мы находимъ въ „Странникѣ" и въ „Православномъ Обозрѣніи." „Сочиненіе г. Предтеченскаго... (за исключеніемъ указанныхъ недостатковъ) составлено прекрасно. Правильный и стройно выполненный планъ, убѣдительность и, такъ сказать, очевидность доказательствъ и опроверженій, единство и ровность тона и обдуманность способа изложенія, легкость и обработанность языка, ставятъ это сочиненіе на видномъ мѣстѣ. А какъ особенная монографія, посвященная частному вопросу въ наукѣ, оно составляетъ *шагъ впередъ* въ противораскольнической литературѣ." Это послѣднее слово о трудѣ А. Предтеченскаго „Странника," или вѣрнѣе о. Архангельскаго. А вотъ что̀ говоритъ о томъ же самомъ сочиненіи въ „Православномъ Обозрѣніи" г. Добротворскій: „повторяемъ (знакъ, что авторъ искренно убѣжденъ въ томъ, что хочетъ сказать), кромѣ неудачнаго плана и неудовлетворительнаго развитія мыслей, расположенныхъ по этому плану, мы не нашли въ книгѣ „о необходимости священства противъ безпоповцевъ" ничего самостоятельнаго, и не много скажемъ, если скажемъ, что при книгѣ: истинно-древняя и православная Христова церковь, она излишня." Если бы рѣчь шла о какомъ либо художественномъ произведеніи, мы не удивились бы такимъ различнымъ до противоположности сужденіямъ о немъ. При существованіи различныхъ теорій и взлядовъ на искуство,—неодинаковый судъ объ одномъ и томъ же предметѣ искуства, разумѣется, различныхъ лицъ, очень возможное явленіе. Но какъ объяснить это противорѣчіе въ отзывахъ о сочиненіи ученомъ, для правильной оцѣнки котораго требуется толь-

ко знаніе дѣла и желаніе сказать правду? По нашему мнѣнію, подобныя явленія въ нашей литературѣ происходятъ отъ того ошибочнаго мнѣнія современныхъ рецензентовъ, будто критика должна состоять или въ патетическомъ восхваленіи книги, которая нравится, или въ желчной брани сочиненія, которое не нравится. Есть и другая причина промаховъ, подобныхъ указаннымъ выше. Она скрывается въ незнаніи рецензентомъ предмета, о которомъ трактуетъ разбираемая имъ книга. Разумѣется, при этомъ условіи похвалы или ругательства, смотря по обстоятельствамъ, — единственное средство написать рецензію. Въ другихъ странахъ, напр., въ Англіи, критикъ рѣшится писать отзывъ только о такой книгѣ, предметъ которой извѣстенъ ему если не больше, то ничуть не меньше, чѣмъ самому автору. Отъ того тамъ и встрѣчаются рецензіи нерѣдко больше самихъ книгъ разбираемыхъ, гдѣ часто новыхъ свѣдѣній читатель можетъ найти не меньше, чѣмъ въ книгѣ. У насъ дѣло дѣлается проще. У насъ каждый можетъ писать критику на всѣ возможныя сочиненія, нерѣдко и такія, предметъ которыхъ узнаетъ онъ только первый разъ изъ разбираемой имъ книги...

Признавая предметъ, о которомъ писалъ А. Предтеченскій, весьма важнымъ въ расколѣ, мы рѣшились въ настоящей статьѣ представить сущность безпоповщинскаго ученія о священствѣ, а равно доказательства, какія приводятъ безпоповцы въ подтвержденіе своего ученія, вмѣстѣ съ опроверженіемъ ихъ, и основанія православнаго ученія.

Ученіе безпоповцевъ о священствѣ составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ безпоповщинской системы заблужденій. Основываясь на ложномъ ученіи о

пришествіи въ міръ антихриста и воцареніи его въ русской церкви, оно въ свою очередь служитъ основаніемъ для всѣхъ другихъ безпоповщинскихъ заблужденій, отличающихъ безпоповщину отъ поповщины. Спросите безпоповца, почему у нихъ только два таинства: крещеніе и покаяніе, а остальныхъ пяти нѣтъ? Потому, скажетъ онъ вамъ, что нѣтъ теперь въ мірѣ православнаго священства (въ общемъ смыслѣ), которое одно и можетъ совершать муропомазаніе, евхаристію, бракъ, рукоположеніе и елеосвященіе, а остались одни вѣрующіе міряне, которые *по нуждѣ* могутъ только крестить и принимать исповѣдь. Прослѣдите основанія, на которыхъ безпоповцы утверждаютъ свое ученіе о правѣ мірянъ совершать общественное богослуженіе, учить всенародно; и вы опять увидите, что во всѣхъ ихъ высказывается одна мысль — та, что это дѣлается по нуждѣ, по неимѣнію истиннаго священства. Однимъ словомъ: ученіе безпоповцевъ о священствѣ — составляетъ начало (хотя и не первое), изъ котораго логически, необходимо развилась вся система ихъ лжеумствованій. Это, съ одной стороны, указываетъ на необходимость каждому обличителю раскола прежде и болѣе всего обращать вниманіе—на этотъ именно пунктъ безпоповщинскаго ученія, съ другой, — показываетъ несправедливость выраженій въ родѣ слѣдующихъ: безпоповцы *отвергаютъ* таинство причащенія и др. Они не отвергаютъ ни одного таинства, а только не имѣютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ у себя,—потому, что будто бы нынѣ некому совершать ихъ. А устранивъ эту неточность, легко будетъ понять несправедливость и той мысли, высказанной еще митрополитомъ Игнатіемъ (въ третьемъ посланіи) и повторяющейся доселѣ, будто

безпоповцы сходны во многомъ съ лютеранами, которые также не имѣютъ у себя многихъ таинствъ. Лютеране не имѣютъ многихъ таинствъ потому, что не признаютъ ихъ за таинства; безпоповцы, признавая семь таинствъ, имѣютъ у себя только два потому, что будто бы пяти остальныхъ нынѣ нельзя получить, такъ какъ нѣтъ въ мірѣ законныхъ совершителей ихъ.

Не смотря однакожъ на такое важное значеніе безпоповщинскаго ученія о священствѣ, оно развито и доказано безпоповцами далеко не такъ ясно, отчетливо и полно, какъ доказаны и развиты другія ихъ заблужденія. Напр. на темы: о воцареніи антихриста, о правѣ мірянъ совершать *въ случаѣ нужды* крещеніе и покаяніе и под., написаны у безпоповцевъ цѣлыя книги— съ многочисленными доказательствами и свидѣтельствами; ученіе же о священствѣ излагается въ безпоповщинскихъ сочиненіяхъ коротко, сбивчиво, неопредѣленно. Это, вѣроятно, и было причиной ошибокъ, въ какія впадали иногда изслѣдователи раскола, при изложеніи безпоповщинскаго ученія о священствѣ. Главная изъ этихъ ошибокъ была та, что думали, будто безпоповцы *отвергаютъ* священство, т. е. не признаютъ его *необходимости* для спасенія. Это вопіющая неправда. Безпоповцы о правахъ, обязанностяхъ и назначеніи пастырей Церкви учатъ точно также, какъ учитъ и Церковь православная. Все различіе между православнымъ ученіемъ о священствѣ и ученіемъ безпоповщинскимъ состоитъ въ томъ, что, по ученію православному, пастыри Церкви назначены и будутъ существовать въ мірѣ до самой его кончины, а слѣдовательно существуютъ и нынѣ, а по ученію безпоповцевъ—въ послѣднія времена, именно въ царство антихриста, священныя лица

прекратятся, а слѣдовательно уже и нѣтъ ихъ, такъ какъ антихристъ уже царствуетъ на землѣ. А что дѣйствительно такъ, а не иначе учатъ безпоповцы о священствѣ, объ этомъ удостовѣряютъ насъ несомнѣнныя свидѣтельства.—„Духъ Святый чрезъ святыя пророки и богоносныя отцы *на послѣднее время* провозгласи *конечнѣ* скончатися руки людей освященныхъ" ([1]). „Суть же и иніи мнози предъ пришествіемъ Христо-

([1]) «Отвѣты древняго благочестія любителей на вопросы придержащихся новодогматствующаго іерейства». Отв. на вопр. 301, л. 467. Объ этой замѣчательной раскольнической рукописи, находящейся въ софійской библіотекѣ (переведенной въ нашу академію) подъ № 1209, мы считаемъ не излишнимъ сообщить нѣсколько библіографическихъ свѣдѣній. Это сочиненіе, какъ видно отчасти изъ самаго заглавія, написано безпоповцемъ—не поморскаго толка, но близкаго къ поморскому (л. 457 и 458) и, кажется, новоженскаго (л. 417 об.), проживавшимъ въ Сибири при Обскихъ берегахъ (предисл. л. 21 об., 457 об. 458 об. и др.),—написано въ отвѣтъ на расиространившіеся повсюду вопросы (числомъ 382) какого-то поповца вѣтковскаго согласія (предисл. л. 21 об. сн. л. 458 об. и 482 об.), направленные противъ безпоповцевъ, — написано въ 1789 (л. 571) или 90 году (въ кругѣ, находящемся въ началѣ книги, есть такая замѣтка о времени ея написанія: «ко седмію десяти сотіямъ и двадесяти девяти десятицамъ осмаго лѣта», т. е. 7298 лѣта отъ сотворенія міра, а это значитъ 1790 г.), — переписанъ имѣющійся у насъ экземпляръ 1803 г. (тамъ же). Составлено это сочиненіе на основаніи поморскихъ отвѣтовъ и меча духовнаго (сн. увѣщ. л. 23, 62 об. 67 об., 95 об. и др.), но многое высказано сочинителемъ впервые. Раздѣляется вся эта огромная книга (всѣхъ листовъ 626) «на пять частей, на десать же раздѣловъ» (пред. л. 21 об.), и заключаетъ въ себѣ почти полный сводъ безпоповщинскаго ученія, развитаго и мнимо-доказаннаго, съ краткими обличеніями поповцевъ. Есть въ немъ нѣсколько свѣдѣній историческихъ объ Иванѣ Алексѣевѣ — писателѣ исторіи о бѣгствующемъ священствѣ (л. 417 об), о Ѳеодосіѣ и Филиппѣ, основателяхъ двухъ толковъ—ѳедосеевскаго и филипповскаго (л. 460 об.), объ Іовѣ, Досиѳеѣ, Іоасафѣ, Ѳеодосіѣ, Стефанѣ и Козьмѣ, извѣстныхъ поповщинскихъ пастыряхъ (л. 482 и 483) и др. Отвѣты на вопросы — весьма опасное сочиненіе для людей, неимѣющихъ *чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіи добра и зла* (Евр. V, 14), истины и лжи.

вымъ во время антихристовыхъ временъ прорицающіи окончаніе какъ священству, такъ и жертвоприношенію" ([1]). „Христіанство въ нужныхъ обстоятельствахъ и безъ видимыхъ таинствъ священства и жертвы состоятися можетъ; и кольми паче во всеконечномъ міра отступленіи (т. е. во время антихриста), когда православные епископы и весь священный съ ними причетъ съ безкровною жертвою изъ всего міра истреблены будутъ и въ пустынѣ на полчетверта лѣты скроются..... И тогда уже оставшее въ мірѣ церковное сѣмя, то есть истинныя святаго и непорочнаго благовѣрія христіане даже и до втораго и славнаго Христова на землю пришествія, при двою истинныхъ крещеніи и покаяніи тайнахъ, пребудутъ" ([2]). Но такъ какъ, по ученію безпоповцевъ, послѣднія времена уже наступили и антихристъ воцарился, то и священства истиннаго нынѣ нѣтъ, и при томъ нигдѣ. „Что рещи имамы о настоящемъ семъ времени?.. Гдѣ нынѣ древле-благочестивое православное священство обрѣтается, въ которыхъ частяхъ свѣта, въ кіихъ государствахъ, въ каковыхъ провинціяхъ, котораго отнюдь нигдѣ не точію не видится, но ниже слухомъ гдѣ слышится. Аще въ римскихъ странахъ. но весь западъ тмою нечестія покровенъ. аще въ восточныхъ. но въ тѣхъ же мрачныхъ и мутныхъ водахъ плаваетъ. аще въ сѣверныхъ. но тому же нечестію работаетъ. Но аще бы гдѣ священство благочестивое блистало, не бы и вы (продолжаетъ безпоповецъ, обращаясь къ поповцамъ) сими бѣглыми еретическое поставленіе имущими попами довольствіе свое исполняли,

([1]) Отв. на вопр. 12, л. 50 об.

([2]) Книг. о скрыт. св. паст. л. 27 об. и 28.

но всяко бы возжелали отъ благочестивыхъ руководствоватися. Но яко нигдѣ не обрѣтосте: явѣ яко оное въ ваши слухи никакоже достиже" (1). „Нынѣ, пишетъ поповецъ къ безпоповцамъ, настоящее время по лѣтѣ 666 есть послѣднее и самонужнѣйшее потому, что священства не имѣете и душевредно и пагубно мыслите, аки бы оно истреблено отъ антихриста" (2). Но если нѣтъ у безпоповцевъ священства, это не значитъ, чтобы они *не желали* имѣть его, или что тоже: не признавали необходимости его для спасенія. Нѣтъ, они искренно хотѣли бы имѣть у себя пастырей, да только нигдѣ не могутъ найти ихъ. „Рцы намъ, о истязателю! говоритъ одинъ безпоповецъ, обращаясь къ поповцу, гдѣ сіе (священство) намъ нынѣ явиши; аще бы узрѣли, *со всею нашею усердностію* оное лобызали и аще бы и въ далечайшихъ странахъ древле восточное слышали священство, съ великимъ бы восторгомъ, яко елени на источники водныя потекли. аще бы и близъ индійскихъ и еѳіопскихъ предѣловъ, и тамо бы втуне не испытавъ не оставили. Но яко ниже вамъ, ниже намъ сего въ слухъ никако привнесеся" (3). „Священному чину въ насъ не сущу отъ многихъ уже лѣтъ, пишетъ другой безпоповецъ (Даніилъ Матвѣевъ поморянинъ), священническій чинъ между нами не имѣется: ово убо естественнымъ умертвіемъ, яко человѣцы изомроша; большее и наивящшее гонительными тѣснотами, въ предваршія времена за древнее благочестіе и насильными мучительствы, до конца

(1) Отв. на вопр. 301, л. 467 об. сн. отв. на вопр. 15, л. 54.
(2) Пошех. отв. л. 244, снес. л. 159 и др.
(3) Отв. на вопр. 279, л. 440 об.

изгубишася. Но и долгимъ уже временемъ вяще сто лѣтъ прешедшимъ странно отмѣнишася: а вново имъ по староцерковнымъ книгамъ поставленнымъ отъ кого быти, стародревняго епископа не имѣется. Оттуду нужно всякому разсудить, яко *желаемое* священство въ крайнее оскудѣніе пріиде, яко избытися реченному во пророцѣхъ, яко же гласитъ: яко во время и во времена и въ полъ времене, егда скончается разсыпаніе руки людей освященныхъ. Али не тако есть и не согласующій съ нами можетъ вѣрити о сицевыхъ: яко не обрѣтается уже во всей поднебеснѣй *требуемаю* іерея, времени многу измѣньшуся. Мнози убо желающіи, таковаго ищуще, многи страны чюждыя и восточныя и полуденныя, желаемаго ищуще, и турко-грецію и палестину, иже есть іерусалимъ обтекше трудившеся, ничтоже успѣвше, точію въ безмѣстныхъ волокитахъ живота своего лишившеся, чрезъ надежно изомроша, якоже о коемждо ихъ неложно извѣстихомся“ ([1]). А что безпоповцы не на словахъ только желали и желаютъ имѣть „истинное“ священство, это подтверждаетъ исторія. Такъ извѣстно, что въ 1730 году поморцы избрали изъ среды своей одного достойнаго, по мнѣнію ихъ, человѣка, по имени Якова Сидорова, съ тѣмъ, чтобы отправить его къ восточнымъ патріархамъ для поставленія въ митрополита, хотя намѣреніе осталось безъ исполненія; другой разъ поморцы вмѣстѣ съ вѣтковцами и діаконовцами отправляли своихъ выборныхъ на востокъ отъискивать себѣ стариннаго архіерея, но посланный поморцами Михаилъ Вишатинъ умеръ за границею, а прочіе возвратились безъ успѣха. Еще разъ

([1]) Кн. о скрыт. свящ. лицъ л. 47 об. и 48.

поморцы вмѣстѣ съ вѣтковцами отправляли въ Яссы для постановленія во епископа іеромонаха Спасовой слободы Варлаама Казанскаго, хотя Варлаамъ не только не получилъ архіерейства, напротивъ подвергся безчестію; ему остригли въ Яссахъ волосы. Наконецъ въ 1765 году безпоповцы, именно: поморцы, ѳедосѣевцы и новожены вмѣстѣ съ вѣтковцами положили рукоположить для себя епископа сами. Для этой цѣли было въ Москвѣ совѣщаніе, на которомъ раскольники высказали ясно свой взглядъ на священство. „Цѣлое, говорили они, миновало столѣтіе, какъ православная Церковь постепеннаго священства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Въ смутное Никоново время, хотя и оставался Павелъ епископъ, за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій, но преемникомъ по себѣ никого намъ не оставилъ. Также при жизни его и послѣ хотя и обрѣтались кое гдѣ православные древніе священники, но и тѣ вси, Богу тако опредѣлившу, прешли въ вѣчные кровы. Мы же хотя послѣдователи и ученики ихъ, но рукоположенія и освященія, къ служенію въ Божіей церкви таинствъ, ни одинъ изъ насъ ничего не имѣемъ; и потому мы въ крайней нуждѣ и настоящемъ расточеніи находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ хранить и исполнять не обязана, но свободна; слѣдовательно мы теперь должны держать ту цѣль, которая единымъ предметомъ есть нашей нужды и нашего желанія“. (¹) Хотя желаніе раскольниковъ, въ томъ числѣ и безпоповцевъ, имѣть своего епископа не исполнилось, по обстоятельствамъ, и

(¹) Іоаннов. 197—8.

въ этотъ разъ; тѣмъ неменѣе всѣ указанныя попытки ихъ пріобрѣсть себѣ „православное священство“ яснѣе всякихъ словъ говорятъ о томъ, что раскольники, и сами безпоповцы не только не отвергаютъ необходимости для спасенія священства, напротивъ усердно желаютъ имѣть его, только нигдѣ не могутъ найти такого священства, которое бы, по ихъ мнѣнію, было „истинно“, а слѣдовательно и спасительно (¹). А послѣ этого доказывать безпоповцамъ *необходимость* священства значитъ, по нашему мнѣнію, или не понимать дѣла, или, какъ говорится, стрѣлять на воздухъ.... И выраженія: „нѣтъ *нужды* въ освященныхъ священно-дѣйствователяхъ“... или: „не нужны освященные пастыри“, въ которыхъ иногда излагаютъ ученіе безпоповцевъ о священствѣ, мы признаемъ въ высшей степени неточными, чтобы не сказать несправедливыми. Впрочемъ, хотя въ нынѣшнее, мнимо-послѣднее, горько-плачевное и слезное, по выраженію безпоповцевъ, время и не существуютъ священныя лица, и Церковь (въ смыслѣ собранія вѣрующихъ), въ слѣдствіе самой крайней нужды (²), находится безъ пастырей; тѣмъ не менѣе и нынѣ спастись можно всякому истинно-вѣрующему. Потому что если съ прекращеніемъ священныхъ лицъ и прекратились въ церкви таин-

---

(¹) Безпоповцы говорятъ, что отсутствіе священства служитъ причиной множества толковъ въ самомъ расколѣ. «Недивно есть нынѣ многимъ расколамъ повсюду разливатися, егда уже власть мірская и духовная намъ согласующая отъ нашихъ очесъ скрыся» (отв. на вопр. 291, л. 458). Понятно послѣ этого, что безпоповцамъ очень хотѣлось бы имѣть священство, чтобы прекратить всѣ несогласія въ расколѣ и всѣхъ соединить въ одно стадо. Этою мыслію руководились, между прочимъ, раскольники, когда хотѣли сами рукоположить себѣ епископа (Іоаннов. стр. 200).

(²) Отв. на вопр. 302, л. 469 об.

ства, то не всѣ, а только тѣ, коихъ не можетъ совершать міряининъ, т. е. „муропомазаніе, причащеніе, рукоположеніе, маслосвященіе и бракъ" ([1]), и безъ которыхъ *въ случаѣ крайней нужды* можно обойтись безъ ущерба спасенію; тѣже таинства, безъ которыхъ спасеніе *рѣшительно невозможно*, т. е. крещеніе и покаяніе, существуютъ и нынѣ, потому что ихъ, за неимѣніемъ пастырей, можетъ совершать и простолюдинъ: „христіанскій родъ читатель доброчестивый въ случаемыхъ нуждахъ и окромѣ священныхъ лицъ состоятися можетъ: ибо тогда во спасеніе ему хотя двѣ тайны, однакожъ необходимо бываютъ потребны, сирѣчь крещеніе и покаяніе", которыя „по нуждѣ и не отъ священныхъ людей совершаемы быть могутъ" ([2]). А послѣ этого доказывать безпоповцамъ *необходимость* священства необходимостію крещенія и покаянія значитъ ничего не доказывать, потому что безпоповцы не отвергаютъ этой необходимости; нельзя также доказывать необходимости священства и необходимостію для спасенія причащенія и прочихъ таинствъ. Безпоповцы сами признаютъ эту необходимость, хотя и не считаютъ ее безъусловною. По нашему мнѣнію, безпоповщинское ученіе о священствѣ будетъ опровергнуто только тогда, когда 1) будетъ доказано, что антихристъ, не смотря на всѣ увѣренія безпоповцевъ, еще не явился въ міръ и не воцарился въ православной церкви; тогда несостоятельность мысли безпоповцевъ, будто священство истреблено нынѣ человѣкомъ беззаконія, откроется сама собою, такъ какъ будетъ видно, что такого человѣка еще нѣтъ въ мірѣ;

([1]) Книг. о скрыт. свящ. лицъ л. 29.

([2]) Книг. о скрыт. свящ. лицъ л. 1 и 28 об.

когда 2) будетъ доказано въ частности, что и въ царство антихриста, до самой кончины міра, священство будетъ существовать въ церкви; тогда ясно будетъ видно, что безпоповцы, утверждая, будто нѣтъ *нынѣ* пастырей церкви, не справедливы и въ томъ случаѣ, если бы даже и согласиться, что сынъ погибели уже царствуетъ въ мірѣ, такъ какъ священство будетъ въ церкви и въ послѣднія времена, въ царство антихриста. Оставляя первую половину труда, уже отчасти исполненнаго нами (¹), мы остановимся теперь на той мысли безпоповцевъ, будто священство въ послѣднее время — при антихристѣ истребится, и—докажемъ, что всѣ основанія, на которыхъ безпоповцы утверждаютъ такую мысль, несостоятельны и ложны, и что наоборотъ, по ученію Слова Божія и св. Отцовъ, пастыри будутъ существовать въ церкви *до самаго конца міра*, и слѣдовательно они есть въ ней и нынѣ.

Ученіе свое о прекращеніи въ церкви въ послѣднія антихристовы времена — священныхъ пастырей, т. е. епископовъ, священниковъ и другихъ лицъ церковной іерархіи безпоповцы основываютъ:

1. На словахъ пророка Даніила: *и слышахъ отъ мужа оболченнаго въ ризу льняну, иже бяше верху воды рѣчныя, и воздвиже десницу свою и шуйцу свою на небо, и клятся живущимъ во вѣки, яко во время и во времена и въ поль времене, егда скончается разсыпаніе руки людей освященныхъ, и увѣдятъ сія вся* (12, 7) (²). Не споримъ, что въ указанныхъ словахъ пророка рѣчь идетъ, по ученію св.

(¹) См. нашу книгу: «объ антихристѣ противъ безпоповцевъ.»

(²) Книг. о скрыт. свящ. лицъ л. 43 об.; пошехонов. отв. л. 245 об. отв. на вопр. л. 50 об. 468 и др.; доказательства непоколебимости св. церкви—Іер. Іоанна, 1849, стр. 16.

отцевъ и учителей Церкви, о послѣднихъ временахъ міра, о времени царства антихристова; но не можемъ согласиться съ безпоповцами, будто, подъ „разсыпаніемъ руки людей освященныхъ“ нужно разумѣть прекращеніе въ церкви священныхъ лицъ или пастырей и будто слова пророка имѣютъ приложеніе къ настоящему именно времени. Во первыхъ — слово: *разсыпаніе* даетъ только ту мысль, что священныя лица во время царства антихристова разсѣятся по разнымъ мѣстамъ, чтобы избѣжать мученій сына погибели, что подтверждаютъ и св. отцы Церкви, говоря: „слышащіи божественная писанія и въ рукахъ тая имущіи, и въ мысли всегда поучающіися (относить эти слова къ однимъ только мірянамъ было бы болѣе, чѣмъ несправедливо), мнози прелести его (антихриста) убѣгнуть, разумѣютъ бо навѣта его ловленія и льсти его гордыню, и избѣгнуть отъ руки, и въ горахъ и въ вертепахъ скрыются“ (1),—но нимало не говоритъ о конечной *гибели* пастырей церкви при антихристѣ. Во вторыхъ, по словамъ пророка, это *разсыпаніе* людей освященныхъ продолжится только *время*, *времена и полъ времене*, т. е. какъ объясняютъ отцы и учители Церкви, три года съ половиною. „Сіе составляютъ три года съ половиною, говоритъ блаженный Ѳеодоритъ, приводя указанныя слова Даніила, временемъ бо годъ назвалъ, какъ то изъ последующихъ сіе увидимъ, яко на время глаголетъ, и на времена, и на полвремене, егда скончается разсыпаніе людей освященныхъ, и увѣдятъ святаго и совершатся сія вся. Чрезъ три бо, глаголетъ, лѣта съ половиною

(1) Иппол. въ слов. въ нед. мясоп. Сборн. 1647 г. л. 132—133; Ефр. Сир. сл. 105, л. 276 об.

освященнаго народа продолжится *разсѣяніе* (а не уничтоженіе), и тогда совершатся вся сія. Потомъ познáютъ святаго, великаго Илію здѣсь назнаменуетъ: при концѣ бо властолюбиваго онаго (антихриста) великій Илія явився, предвозвѣститъ второе Спасителя нашего пришествіе" (¹). Между тѣмъ, по ученію безпоповцевъ, священство не существуетъ въ церкви вотъ уже около двухъ столѣтій. И это ученіе безпоповцы утверждаютъ на словахъ пророка Даніила!! Справедливо ли, можетъ видѣть всякій.

2. На словахъ пророка Исаіи: *земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжени, страну вашу предъ вами чуждіи поядаютъ*, и *опустѣ превращена отъ людей чуждихъ. Оставится дщерь Сіоня, яко куща въ виноградѣ*, и *яко овощное хранилище въ вертоградѣ, яко градъ воюемый* (1, 7 и 8) (²). Кто прочитаетъ первую главу Исаіи, тотъ увидитъ, что въ указанныхъ словахъ Исаіи, равно какъ и во всей первой главѣ, изрекается только угроза Божія Израильтянамъ за то, что они оставили Господа и своими неправдами разгнѣвали святаго Израилева

(¹) Толков. на вид. пр. Дан. 1816 г. л. 120. Подробнѣе о томъ, что гоненіе отъ антихриста на церковь и ея пастырей продолжится только три года съ половиною въ собственномъ смыслѣ, см. въ нашемъ сочиненіи «объ антихристѣ противъ раскольниковъ» Ч. I. стр. 147—205. Не можемъ не припомнить здѣсь свидѣтельства св. Златоуста объ этомъ предметѣ: «онъ (антихристъ) не тако долго пребудетъ, якоже еретицы показуютъ на пастырей церковныхъ, но токмо толико дней, якоже выше отъ Даніила речеся. И сіе еже явственнѣйше время навѣсти, сирѣчь три лѣта и шесть мѣсяцей, понеже писаніе часъ лѣто тамо нарицаетъ.» (Апост. толк. въ Почаевѣ. 1784 г. л. 649 об. зач. 180). Эти слова св. отца какъ бы прямо направлены противъ безпоповцевъ, ложно утверждающихъ, будто пастырей церковныхъ нѣтъ въ мірѣ вотъ уже около 200 лѣтъ.

(²) Книг. о скрыт. свящ. лицъ л. 2.

(ст. 4); о пастыряхъ же христіанскихъ, о церкви Христовой и ея страданіяхъ при антихристѣ нѣтъ въ указанной главѣ ни слова. Безпоповцы приводятъ ихъ, какъ основаніе своего ученія о священствѣ, только потому, что эти слова находятся въ словѣ одного св. отца, гдѣ рѣчь идетъ объ антихристѣ. Именно: св. Ипполитъ, разсуждая о послѣднихъ временахъ міра, говоритъ, что объ этихъ временахъ предрекали еще пророки и, между прочимъ, Исаія. Вотъ слова св. отца: „принеси пророка Исаію, яко первомученика въ среду приведемъ, о времени скончанія насъ научающа: что убо рече; земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжени, страну вашу предъ вами чюждіи поядаютъ. Оставлена будетъ дщи Сіоня, якоже сѣнь въ виноградѣ, и якоже овощное хранилище въ вертоградѣ, и яко градъ обстоимъ. Виждь пророка, возлюбленне, осіяніе, еже прежде колицѣхъ родовъ о времени предрече: не бо о іудеохъ сіе слово пророчествова, ниже о сіонѣ градѣ, но о святой церкви. Сіонъ бо церковь, сирѣчь, юже отъ языкъ приведшуюся невѣсту, вси пророцы показаша“ (¹). Если и допустить вмѣстѣ съ св. Ипполитомъ, что пророкъ Исаія приведенными выше словами указывалъ не на іудеевъ, а на Церковь Христову, — и въ такомъ случаѣ все таки ни изъ словъ Пророка, ни изъ свидѣтельства св. Ипполита не видно того, чтобы въ послѣднія времена міра, — во время царства антихристова Церковь лишилась своихъ пастырей. Слова: „оставится дщерь Сіоня, яко куща въ виноградѣ, и яко овощное хранилище въ вертоградѣ, и яко градъ воюемый“ — могутъ указывать только на бѣдственное состояніе Церкви при антихристѣ, но не

(¹) Слов. въ нед. мясоп. сборн. л. 120 об.

дають ни малѣйшаго основанія думать, будто она останется въ это время безъ пастырей, какъ нѣтъ основанія думать, чтобы градъ, осаждаемый непріятелемъ, не имѣлъ у себя правителей или начальниковъ. Тѣмъ болѣе нельзя согласиться съ безпоповцами въ настоящемъ случаѣ, что въ той же самой главѣ, только нѣсколько ниже, прямо говорится о жертвахъ, о всесожженіяхъ овнихъ, о кадилѣ, о новомѣсячіяхъ, субботахъ и другаго рода праздникахъ (ст. 11—14), которые не прекратятся у оставленной дщери Сіоновой; а это, съ одной стороны, прямо указываетъ на то, что рѣчь пророка Исаіи направлена собственно къ іудеямъ, а не къ христіанамъ, съ другой,—что и въ бѣдственномъ своемъ положеніи дщерь Сіонова, если даже разумѣть подъ нею Церковь Христову, страждущую во-время царства антихристова, будетъ совершать службы, приносить жертвы, возносить кадило, будетъ, значитъ, имѣть пастырей, которымъ однимъ принадлежитъ это право, какъ одни только священники могли приносить и ветхозавѣтныя жертвы. Правда, всѣ службы и жертвы будутъ непріятны Богу по причинѣ грѣховъ дщери Сіоновой, но не навсегда. Стóитъ дщери Сіоновой измыться, сдѣлаться чистой, оставить лукавство, научиться дѣлать добро,—и тогда грѣхи ея убѣлятся, какъ снѣгъ, или какъ волна (ст. 16—18); маго этого: тогда дщерь Сіонова снова можетъ сдѣлаться городомъ правды, матерію прочимъ городамъ, вѣрнымъ Сіономъ (ст. 26), т. е. перемѣнить свое бѣдственное состояніе на счастливое и благоустроенное, а это, очевидно, никакъ не приложимо къ состоянію Церкви Христовой во время царства антихристова.

3. На словахъ пророка Осіи: *наведетъ Господь вѣтръ*

зноенъ изъ пустыни нань, изсушитъ жилы его, и опустошитъ источники его: сей изсушитъ землю его, и вся сосуды его любимыя (13, 15) (¹). И объ этихъ словахъ, какъ объ основаніи безпоповщинскаго ученія о прекращеніи во время царства антихристова пастырей церковныхъ, должно сказать тоже, что мы уже сказали о словахъ пророка Исаіи. И они прежде всего относятся къ народу израильскому и содержатъ въ себѣ предсказаніе пророка о бѣдствіяхъ, имѣвшихъ постигнуть израильтянъ за ихъ нечестіе (²); и за тѣмъ—приводятся безпоповцами опять только потому, что въ этихъ словахъ Осіи св. Ипполитъ находитъ указаніе на антихриста. Вотъ слова св. Отца: „тѣмже и ко второму свидѣтелю (какъ на перваго свидѣтеля, Ипполитъ указалъ на Исаію) слово простремъ: кому же; сему: слыши Іосію таковая глаголюща велегласно: во дни оны наведетъ Господь вѣтръ жгущь отъ пустыни на ню, и изсушитъ жилы ея: и опустошитъ источники ея: и вси тоя сосуды вождел̂еннія потребятся, яко сопротивишася Богови: во оружіи падутъ, и подручники ея безъ вѣсти будутъ"... и ниже: „кій вѣтръ инъ жгущь иже отъ пустыни; но развѣ антихристъ хотяй явитися" (³). Раскольники объясняютъ это мѣсто такъ: „сіе пророческое иносказаніе отъ многихъ мѣстъ писаній святыхъ познавается, что вождел̂енніи въ Церкве сосуди архіерейскія и учительскія назнамена пророкъ лики, которыя антихристъ, по Господню попущенію, въ пришествіе свое истребитъ. Подручники же церковныя: по архіерейскихъ бо чинѣхъ, освященный весь причетъ име-

(¹) Книга о скрыт. свящ. лицъ л. 47.
(²) См. толков. на 12 прор. преосв. Иринея ч. 1, л. 202 об. 204.
(³) Собор. л. 121.

нуется, сирѣчь, архимандриты, священно-игумены, протопопы, священники, діаконы и прочіи вси нижайшіи степени, ихъ же антихристъ въ совершенномъ его царствіи всѣхъ въ мірѣ живущимъ безъ вѣсти покажетъ" (1). Такимъ образомъ, подъ вожделѣнными сосудами, а равно подъ жилами и источниками безпоповцы разумѣютъ епископовъ и учителей, а подъ подручниками — низшія степени клира. Все это вѣтръ жгучій, т. е. антихристъ изсушитъ, истребитъ. Безпоповцы говорятъ, что понимать такъ указанныя выше слова пророка и свидѣтельство св. Ипполита заставляютъ „многія мѣста писаній святыхъ" (и указываютъ въ этомъ случаѣ на 55 апостольское правило, на Октай глас. 4, въ субб. канонъ пѣснь 6, ст. 2, на Апокалипсисъ л. 114, на Регламентъ л. 78). Прежде, чѣмъ приступимъ къ повѣркѣ указанныхъ мѣстъ „святыхъ писаній" (нельзя не удивляться, что раскольники къ числу святыхъ писаній отнесли въ настоящемъ случаѣ и регламентъ), замѣтимъ, что св. Ипполитъ не точно привелъ въ своемъ словѣ слова пророка Осіи. У пророка говорится: наведетъ Господь вѣтръ нань, изсушитъ жилы *его*, опустошитъ источники *его*,... сосуды *его* (2), а у св. Ипполита во всѣхъ этихъ случаяхъ слово: *его* замѣнено словомъ *ея*, между тѣмъ это несправедливо; потому что

(1) Кн. о скрыт. свящ. лицъ л. 44 об. Въ другомъ мѣстѣ той же книгѣ говорится (л. 2 об.): «жилы и источники и сосуды церковныя писаніе именуетъ епископы и учители, а подручники ихъ священники и діаконы, ихъ же въ конечномъ отступленіи антихристъ изъ всего міра истребитъ».

(2) Въ Острожской библіи 1581 г., особенно уважаемой раскольниками, означенное мѣсто читается такъ: наведетъ Господь вѣтръ зноевъ испустыни нань, и пресушитъ водотечи его, исказитъ источники его, сей исказитъ землю его и вся сосуды его любыя.

пророкъ подъ словомъ: *ею* разумѣлъ Израиля (ст. 9), или частнѣе: Ефрема (ст. 12), но этотъ смыслъ совершенно уничтожается, коль скоро мы будемъ читать слова пророка, какъ приведены они у Ипполита; мало этого: тогда получится новый смыслъ, благопріятствующій безпоповцамъ, т. е. будто бы подъ словомъ: *ея* разумѣется церковь, какъ и говорятъ раскольники. Но не въ этомъ одномъ невѣрность: св. Ипполитъ къ словамъ пророка прибавилъ свои, какихъ у пророка нѣтъ: „подручники тоя безъ вѣсти будутъ", — и притомъ такія, которыя не вяжутся съ словами пророка, если понимать ихъ въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ. А между тѣмъ эти добавочныя слова опять видимо благопріятствуютъ безпоповцамъ. Такимъ образомъ все настоящее доказательство раскольниковъ въ пользу ихъ ученія о священствѣ основывается собственно не на словахъ пророка Осіи, а на свидѣтельствѣ св. Ипполита, и притомъ съ новымъ толкованіемъ его. Но свидѣтельство св. Ипполита въ настоящемъ случаѣ не можетъ имѣть надлежащаго значенія, какъ такое, въ которомъ неправильно приведенъ текстъ св. Писанія. Что же касается толкованія, какое даютъ безпоповцы свидѣтельству св. Ипполита, то въ немъ слишкомъ видна предзанятая мысль. Положимъ, что подъ вожделѣнными сосудами церкви иногда разумѣются епископы и учители, а подъ подручниками ея (чьими)?—низшіе степени клира (въ указанныхъ выше мѣстахъ „святыхъ писаній" есть подобныя выраженія, означающія разныя степени клира). Но слѣдуетъ ли изъ этого, что такъ, а неиначе нужно понимать указанныя слова и въ свидѣтельствѣ св. Ипполита? Самъ св. Отецъ не говоритъ объ этомъ ничего, и во всемъ словѣ его, изъ котораго взято разсматри-

ваемое свидѣтельство, нѣтъ и мысли о томъ, будт пастыри церковные прекратятся во время антихригова царства; напротивъ есть мѣста, изъ которыхъ вжно заключать противное. Такъ св. Отецъ говоритъ, то и при антихристѣ будутъ „святіи", что „имущіи в рукахъ божественныя писанія и въ мысли всегда почающіяся прелести антихриста убѣгнутъ и скроются ъ горахъ и вертепахъ", гдѣ будутъ „твориться молизы" и под. Если все это можно разумѣть вообще о вѣныхъ христіанахъ, то нѣтъ причинъ и достаточныхъ снований не относить всего этого и къ пастырямъ ерковнымъ; по крайней мѣрѣ подъ „имущими въ рукаъ божественныя писанія", по нашему мнѣнію, справедливѣе разумѣть именно пастырей Церкви, такъ какъ эни-то по преимуществу обязаны и сами поучаться и другихъ поучать слову Божію. Съ другой стороны, есл подъ сосудами вожделѣнными разумѣются иногда епскопы, то не нужно забывать, что подъ ними разумѣются нерѣдко и просто — вѣрующіе — люди добродѣельные (2 Тим. 2, 20), а *подручниками* называются у самихъ раскольниковъ лоскуты войлока, или подушки, которые они подстилаютъ подъ руки во время земныхъ поклоновъ (Іоаннов. стр. 122)....

4. На словахъ трехъ отроковъ, бывшихъ въ плѣну вавилонскомъ: *и нѣсть во время сіе князя и пророка и вождя: ниже всесожженія, ниже жертвы, ниже приношенія, ниже кадила, ни мѣста, еже пожрети предъ тобою и обрѣсти милость* (Дан. 3, 38) (¹). Этими словами безпоповцы не прямо доказываютъ прекращеніе священ-

(¹) Отв. на вопр. л. 47 об. 48, 349, 440, 476 и др. Поморск. отв. л. 247 об.

ства, имѣющее будто бы послѣдовать во время царства антихристова,—указанныя слова не могутъ доказывать подобной мысли,—а только стараются объяснить, что состояніе Церкви безъ пастырей и безъ священнодѣйствій возможно, какъ это и было напр. въ ветхомъ завѣтѣ при жизни трехъ отроковъ въ Вавилонѣ, и какъ будетъ, прибавляютъ безпоповцы, въ послѣднія времена міра — при антихристѣ. Примѣръ очень неудаченъ. Во первыхъ, слова отроковъ показываютъ, что не было въ Вавилонѣ ни князя, ни вождя, ни пророка, не было жертвоприношеній и даже самаго мѣста, гдѣ можно было бы совершать ихъ,—но нисколько не говорятъ о томъ будто не было въ Вавилонѣ и священниковъ, что собственно и хотятъ доказать безпоповцы. И кто знаетъ, что іудеи, послѣ того, какъ былъ выстроенъ храмъ въ Іерусалимѣ, не могли, по закону, приносить жертвъ нигдѣ, кромѣ храма, тотъ согласится, что въ нашихъ словахъ нѣтъ „никакого натягательства". Другими словами: на основаніи отсутствія жертвоприношеній въ Вавилонѣ нельзя еще заключать къ отсутствію тамъ и священниковъ; они могли быть, да только не приносили жертвъ, потому что не было тамъ храма, какъ на это указываютъ и самыя слова отроковъ. Во вторыхъ, если и допустить, на основаніи указанныхъ словъ отроковъ, что не было въ Вавилонѣ и священниковъ (прямаго указанія на это нѣтъ); отсюда никакъ не будетъ слѣдовать, чтобы не было ихъ и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Іерусалимѣ. Напротивъ и слова самихъ отроковъ и исторія свидѣтельствуютъ, что внѣ Вавилона были и священники и пророки, и храмъ, въ которомъ приносились жертвы. Такъ въ ст. 53 читаемъ слѣдующія слова тѣхъ же отроковъ: *благословенъ еси въ*

храмѣ святыя славы твоея .., а въ стихѣ 84: *благословите іереи Господни Господа, пойте и превозносите его во вѣки.* Исторія же говоритъ, что послѣ перваго плѣненія, въ которое уведены были въ Вавилонъ указанные отроки, было еще второе, когда отведено было въ плѣнъ до 10,000 человѣкъ, и въ томъ числѣ пророкъ Іезекіиль—священникъ. Значитъ, во Іерусалимѣ были священники. Такимъ образомъ слова трехъ отроковъ, если даже понимать ихъ такъ, какъ хотятъ безпоповцы, показываютъ только, что, по судьбамъ Божіимъ, нѣкоторые сыны Церкви могутъ иногда оставаться безъ пастырей. Слѣдовательно, если этотъ примѣръ отроковъ брать за образецъ для Церкви христіанской (на что впрочемъ нѣтъ достаточнаго основанія), въ такомъ случаѣ безпоповцы, на основаніи его, могутъ утверждать только то, что и въ Церкви Христовой возможны случаи, когда вѣрующіе той или другой частной Церкви могутъ оставаться безъ пастырей. Но объ этомъ мы и не споримъ съ безпоповцами. Мы допускаемъ, согласно съ ними, что во времена гоненій и ересей *нѣкоторыя* церкви иногда лишались *на время* своихъ пастырей, и, не смотря на то, христіане тѣхъ церквей не лишались спасенія, но не потому, будто можно спасаться и безъ священства, а потому, что въ тоже самое время, скажемъ словами самихъ безпоповцевъ, „иніи безчисленніи епископы еще бяху на своихъ престолѣхъ сѣдяще и прочимъ бѣдствующимъ пособствующе въ нуждѣхъ" (¹). Но эти несчастные для Церкви случаи, равно какъ и примѣръ отроковъ вь Вавилонѣ, не даютъ никакого права думать, будто и *вся вселенская* Церковь можетъ ког-

(¹) Отв. на вопр. 304, л. 470 об.

да либо лишиться *всѣхъ* своихъ пастырей, и вѣрующіе будутъ устроять свое спасеніе *сами*, что проповѣдуютъ безпоповцы.

5. На словахъ Спасителя: *въ тыя дни, по скорби той, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего. И звѣзды будутъ съ небесе спадающе* (Марк. 13, 24 и 25). По ученію св. Отцевъ, говорятъ безпоповцы, солнце означаетъ здѣсь имя Христово, луна—Церковь, а подъ звѣздами разумѣются „святители, священницы и діаконы и всякія учительныя люди: то бо есть звѣзды въ мірѣ". Эти-то звѣзды, т. е. пастыри Церкви спадутъ съ неба при антихристѣ, т. е. „отъ истины отпадутъ (1), и не будетъ въ жертвенникахъ пѣнія и ученія праваго" (2). Справедливо, что Спаситель приведенными выше словами указывалъ на послѣднія времена міра, только несправедливо безпоповцы словамъ Спасителя даютъ таинственный смыслъ. Подъ солнцемъ, луною и звѣздами въ разсматриваемомъ мѣстѣ нужно понимать именно солнце, луну и звѣзды, а не что либо другое. Вышеприведенными словами Спаситель указываетъ на тѣ явленія въ мірѣ физическомъ, на тѣ *знаменія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ* (Лук. 21, 25), которыми будетъ сопровождаться второе пришествіе Его на землю и которыя послѣдуютъ уже *по кончинѣ царства антихристова*, предъ самымъ явленіемъ Сына человѣческаго для всеобщаго суда. А что это такъ, видно изъ словъ самаго Спасителя. Сказавъ, что придетъ время, когда востанутъ *лжехристи и лжепророцы*, чтобы прельщать, если можно, и избранныхъ (ст. 22), что тогда будетъ скорбь,

(1) Подъ прекращеніемъ при антихристѣ пастырей Церкви безпоповцы разумѣютъ иногда еретичество ихъ.

(2) Сборн. разныхъ статей.

якова не бысть отъ начала созданія (ст. 19), онъ продолжаетъ: *въ тыя дни, по скорби той* (т. е. по окончаніи бѣдствій, которыя испытаютъ при антихристѣ вѣрующіе) *солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего. И звѣзды будутъ съ небесе спадающе: и силы, яже на небесѣхъ, подвигнутся*, и непосредственно за этимъ прибавляетъ: *тогда узрятъ Сына человѣческаго грядуща на облацѣхъ, съ силою и славою многою* (ст. 26). Такимъ образомъ въ приводимыхъ безпоповцами словахъ евангелиста Марка нѣтъ ни малѣйшаго основанія для ученія ихъ о священствѣ. Что же касается до указанія раскольниковъ на св. Отцевъ, то мы не знаемъ ни одного, который бы вышеприведенныя слова св. Марка толковалъ такъ, какъ толкуютъ ихъ безпоповцы. Напротивъ всѣ св. Отцы понимали означенныя слова въ прямомъ буквальномъ смыслѣ. Для примѣра укажемъ на блаж. Ѳеофилакта, который въ толкованіяхъ своихъ представляетъ только сокращеніе обширныхъ толкованій древнихъ Отцевъ Церкви, особенно св. Златоуста [1]. Вотъ что говорится въ его Благовѣстникѣ: „по антихристовѣ же пришествіи, тварь вся измѣнится, померкающимъ звѣздамъ, превеличествомъ свѣта Христова, подвижутся же ангельскія силы, се есть ужаснутся, видяще таковое преложеніе бывающе, и клевреты своя судимы. И тогда узрятъ Господа яко сына человѣчя, сирѣчь во плоти“ [2].

6. На словахъ Апокалипсиса: *и отверзе уста своя въ хуленіе къ Богу, хулити имя Его, и селенія Его, и живущія на небеси. И дано бысть ему брань творити со свя-*

---

(1) Правосл. Соб. 1855 г. кн. 1 стр. 26—27.
(2) Въ толк. на указ. выше слова; см. толк. на Лук. зач. 106.

тыми, и побѣдити я: и дана бысть ему область на всякомъ колѣнѣ (людей) и на языцѣхъ и племенѣхъ. И поклонятся ему вси живущіи на земли (13, 6 — 8) [1]. Изъ этихъ словъ, въ которыхъ говорится, что звѣрь, т. е. антихристъ сотворитъ брань со святыми и *побѣдитъ* ихъ, что ему покорятся *всѣ* живущіе на земли, безпоповцы выводятъ то заключеніе, что антихристъ въ числѣ святыхъ побѣдитъ и пастырей церковныхъ, и говорятъ: если звѣрю покорятся всѣ, то значитъ, и лица священныя, которыхъ слѣдовательно не будетъ въ церкви во время царства антихристова. Было бы справедливо такое заключеніе, если бы въ той же главѣ Апокалипсиса не было замѣчено, что звѣрю покорятся всѣ, *имже не написана суть имена въ книгахъ животныхъ Агнца, заколеннаго отъ сложенія міра* (ст. 8). Слова эти безпоповцы опускаютъ изъ виду, а между тѣмъ они прямо говорятъ противъ ихъ ученія, показывая, что тѣ, коихъ имена записаны въ книгахъ животныхъ, а таками могутъ быть и пастыри церковные, избѣгнутъ сѣтей антихриста. Съ другой стороны, если, какъ учатъ безпоповцы, всѣ покорятся сыну погибели, то на какомъ-же основаніи безпоповцы исключаютъ изъ числа всѣхъ самихъ себя, проповѣдуя, будто они-то въ настоящее бѣдственное время Христовой Церкви и суть тѣ святые, *иже соблюдаютъ заповѣди Божіи и вѣру Іисусову* (Апок. 14, 12). Подобный взглядъ на дѣло слишкомъ своекорыстенъ, чтобы не сказать чего либо больше. Наконецъ, въ Апокалипсисѣ есть другія мѣста (ихъ мы уже видѣли выше), изъ которыхъ ясно видно, что

---

(1) Истин. древн. Хр. Церковь, Пр. Григор. Ч. 1, стр. 47. 1855 г. сн. Мечь дух. Ч. III, л. 400.

отъ обольщеній и мученій антихриста спасутся не только многіе изъ простыхъ вѣрующихъ, но и изъ самыхъ пастырей церковныхъ,—спасется вся Церковь, которая, по ученію Большаго Катихизиса ([1]), „есть собраніе всѣхъ вѣрныхъ Божіихъ..., иже суть подъ-единою главою Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. А подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ, отъ него поставленныхъ", т. е. пастырей церковныхъ, получающихъ *поставленіе* или рукоположеніе ([2]). А послѣ этого не могутъ служить доказательствомъ безпоповщинскаго ученія о священствѣ и другія слова Апокалипсиса, на которыя раскольники также ссылаются. Вотъ эти слова: *и сотворитъ вся малыя и великія, богатыя и убогія, свободныя и работныя, да дастъ имъ начертаніе на деснѣй руцѣ ихъ, или на челахъ ихъ: да никтоже возможетъ ни купити, ни продати, токмо кто имать начертаніе, или имя звѣря, или число имене его* (13, 16 и 17). Не *всѣ* примутъ начертаніе звѣря, т. е. покорятся антихристу; найдутся вѣрующіе, которые не примутъ этого знака и убѣгутъ на горы ([3]). „Заступникъ или предтеча антихристовъ, говоритъ Андрей Кесарійскій ([4]), дѣйствуя бѣсами, сотворитъ образъ звѣрю... и начертаніе пагубнаго имене отступнича на всѣхъ наложити потщится... Но не примутъ (его) знаменанніи на лицахъ божественнымъ свѣтомъ". А такими могутъ быть и пастыри Церкви.

([1]) Л. 120 об. и 121.

([2]) На языкѣ древнихъ книгъ слово: *поставленіе* значитъ *рукоположеніе* сн. Корм. Ап. пр. 1; перв. всел. Соб. пр. 4; Ант. Соб. пр. 19; Карөаг. Соб. пр. 49 и др.

([3]) Лакт. кн. VII, о блаж. жизни. бож. паст. въ русск. перев. Карнеева, стр. 134.

([4]) Въ толков. на Ап. зач. 37, л. 136.

7. На свидѣтельствѣ св. Ипполита: „восплачется тогда вся земля, восплачется море и воздухъ; восплачется солнце и луна, восплачются тогда и дивія животная со птицами; восплачутся горы и холми и древа польская, человѣческаго ради рода, яко вси уклонишася отъ Бога и лестьцу вѣроваша, пріемше начертаніе скверныго богоборца, вмѣсто животворящаго Креста Спасова. Восплачутся же и Церкви Божія плачемъ веліимъ, зане ни приношеніе, ниже кадило совершается, ниже служба богоугодная. Священныя бо Церкви яко овощное хранилище будутъ, и честное тѣло и кровь Христова во днѣхъ онѣхъ не имать явитися. Служба угаснетъ, чтеніе писаній не услышится" (¹). Всякій можетъ видѣть, что приведенныя слова—плодъ болѣе ораторскаго одушевленія, чѣмъ спокойнаго разсужденія. А потому неудивительно, если въ нихъ многое сказано сильнѣе, чѣмъ какъ-бы слѣдовало. Св. Отецъ говоритъ напр. въ указанномъ мѣстѣ, что *вси* уклонятся отъ Бога и увѣруютъ въ антихриста; а между тѣмъ въ томъ же словѣ, только въ другомъ мѣстѣ, онъ замѣчаетъ: „слышащіи божественная писанія, и въ рукахъ тая имущіи, и въ мысли всегда поучающіися, мнози прелести его (антихриста) убѣгнутъ... и въ горахъ и въ вертьпахъ скрыются, и слезами и сокрушеніемъ сердца молятся человѣколюбивому Богу; и Той исторгнетъ ихъ изъ сѣтей его, и спасетъ отъ соблазнъ его лютыхъ, и невидимо покрыетъ рукою своею, иже достойно и праведно Тому припадающихъ. Зриши ли, како въ пощеніи си и молитву творити имутъ, иже тогда святіи" (²). Но

(¹) Соборн. слов. въ нед. мясоп. л. 133 об. Св. Сборн. моей Библіот. № 12, л. 71; кн. о скрыт. свящ. лицъ, л. 12 об.; отв. на вопр. л. 439 об.
(²) Тамъ же л. 133.

мы уже замѣчали выше, что подъ святыми, которые скроются отъ антихриста въ горахъ и вертепахъ, разумѣть, между прочимъ, и пастырей церковныхъ можно, и даже должно. А если такъ, то понятно, почему въ церквахъ, во время царства сына погибели, угаснетъ служба, не будетъ приношенія Тѣла и Крови Христовой. Потому,—что тѣ изъ пастырей, кои не покорятся антихристу, скроются въ горахъ, гдѣ и будутъ „творить молитвы", а предавшіеся человѣку беззаконія, оставивъ Христа, оставятъ и св. храмы. Не понятно только, какъ безпоповцамъ не приходятъ на мысль подобныя соображенія, прямо вытекающія изъ словъ самаго св. Ипполита и прямо противорѣчащія ученію безпоповцевъ о совершенномъ, *повсюдномъ и всеобщемъ* прекращеніи церковныхъ пастырей „во время всемірнаго отъ вѣры отступленія".

8. Точно также нужно понимать и свидѣтельство св. Ефрема Сирина, на которое ссылаются безпоповцы въ подтвержденіе своего ученія о „скрытіи священныхъ лицъ" во время царства антихристова. Вотъ это свидѣтельство: „восплачутся тогда (при антихристѣ) церкви Христовы вся плачемъ веліимъ, зане не будетъ службы святыя во олтарѣхъ, ни приношенія" (1). Во всѣхъ церквахъ не будетъ приношенія, заключаютъ безпоповцы; значитъ, нигдѣ не будетъ тогда и пастырей церковныхъ, имѣющихъ право совершать приношеніе. На такое замѣчаніе мы скажемъ, что словъ: *вся церкви* нельзя понимать въ строгомъ, буквальномъ смыслѣ, на основаніи словъ самаго св. Ефрема Сирина. Такъ въ од-

---

(1) Слов. 105, л. 277, изд. 1652 г. Снес. кн. о скрыт. свящ. лицъ л. 49 об.; отвѣт. на вопр. л. 468.

номъ мѣстѣ онъ говоритъ, что при антихристѣ „восплачется вся земля и море... за родъ человѣческій, яко *вси* уклонишася вкупѣ отъ Бога. . и лестьцу вѣру яша, пріимше образъ сквернаго богопротивника за Крестъ Спасовъ“ (¹), а въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „мнози святіи, елико тогда обрящутся вкупѣ, абіе услышавше пришествіе сквернаго... побѣгнутъ со тщаніемъ великимъ въ пустыни и скрыются въ горахъ и въ вертепѣхъ... и дастся имъ помощь отъ Бога... и спасутся крыющеся въ пропастѣхъ и въ вертепѣхъ... всѣмъ бо имущимъ благовидѣніе Божіе и разумъ разумно будетъ пришествіе мучителя“ (²). Послѣ этихъ послѣднихъ словъ, кажется, нѣтъ нужды доказывать, что св. Отецъ, говоря, будто всѣ уклонятся отъ Бога и увѣруютъ въ сына погибели, разумѣлъ не всѣхъ вѣрующихъ безъ исключенія; потому что, по его же словамъ, *мнози* спасутся отъ рукъ антихриста, а въ числѣ этихъ многихъ, замѣтимъ опять, могутъ быть и пастыри Церкви. Точно также нужно понимать и слова св. Ефрема: *вся церкви*, т. е. на основаніи ихъ не слѣдуетъ заключать, будто *во всѣхъ безъ исключенія* церквахъ прекратятся при антихристѣ службы въ слѣдствіе отсутствія пастырей церковныхъ; — тѣмъ болѣе не слѣдуетъ такое заключеніе, что св. Ефремъ Сиринъ прямо и ясно говоритъ въ другомъ своемъ словѣ, что св. Евхаристія будетъ продолжаться въ Церкви Христовой, „дондеже пріидетъ“ (³) Господь, т. е. до самаго втораго пришествія Христова, а слѣдовательно будетъ совершаться св. жертва и во времена антихриста. Заключеніе, какое отсюда можно

(¹) Тамъ же, л. 276 об. и 277.
(²) Тамъ же, л. 276 об.; снес. л. 270, 272 и др.
(³) Слов. 107 о проч. тайн. л. 290.

вывести касательно священныхъ лицъ, будетъ не въ пользу безпоповцевъ.

9. На свидѣтельствѣ книги о вѣрѣ: „начатокъ Христовы Церкве съ концемъ согласуется. Ибо первѣе триста лѣтъ въ неволѣ, тако и останокъ въ томъ же скончается“ (¹). „И аще тогда, пишутъ безпоповцы, Церковь пребысть триста лѣтъ въ неволѣ, отъ начала своего до временъ великаго Константина, и въ продолженіе сихъ лѣтъ не бысть видимыя церкви, явѣ, яко ни въ скончаніе чрезъ столько же лѣтъ не будетъ“ (²). Правда, по словамъ противныхъ, „по вознесеніи Господни, даже до великаго Константина чрезъ 300 лѣтъ, истинныя церкви во Іерусалимѣ, и ниже въ Римѣ не бѣ, одержанія ради мучителей царей“; но а) это мнѣніе принадлежитъ только „противнымъ“, б) касается только двухъ церквей: іерусалимской и римской, и наконецъ в) по замѣчанію той же книги о вѣрѣ, „есть всему святому писанію противно“, потому что, говоритъ писатель книги о вѣрѣ, „погибели ради мірскія власти, церковь и святыя мѣста не погибоша“ (³). И дѣйствительно, св. Писаніе ясно свидѣтельствуетъ о существованіи, послѣ вознесенія Господня, Церкви и въ Іерусалимѣ (Дѣян. 2, 46; 81), и въ Римѣ (Рим. 14, 4), равно какъ и въ другихъ мѣстахъ (1 Кор. 1, 2; Гал. 1, 2 и др.). Безпоповцы говорятъ: „не было тогда видимыя церкви“. Если этими словами они хотятъ сказать то, что не было тогда храмовъ христіанскихъ; и въ такомъ случаѣ это несправедливо. Не было тогда храмовъ

(¹) Гл. 20, л. 186 об.; снес. гл. 2, л. 30.

(²) Сборн. моей библ. № 12, стр. 72. снес. отв. на вопр. 300, л. 466; ист. древн. Хр. Церк. пр. Григорія, ч. 1. стр. 256.

(³) Гл. 1, л. 12 об.

великолѣпныхъ, богато устроенныхъ, но были храмы въ частныхъ домахъ (1 Кор. 16, 19; Кол. 4, 5; Рим. 16, 5), въ катакомбахъ,—и даже—въ видѣ отдѣльныхъ зданій, нерѣдко очень обширныхъ и богатыхъ (¹). Если же подъ *видимою Церковію* безпоповцы разумѣютъ пастырей церковныхъ и св. Таинства, въ такомъ случаѣ думать, будто не было видимой Церкви отъ вознесенія Господня до временъ Константина Великаго, еще болѣе несправедливо и „противно святому писанію", которое ясно указываетъ намъ въ первенствующей церкви и епископовъ (1 Тим. 1, 1—7; Филип. 1, и др.), и пресвитеровъ (Дѣян. 14, 23; 20, 17; 1 Петр. 5, 1 и др.), и діаконовъ (Филип. 1, 1; 1 Тим. 3, 8 и др.). А о святой евхаристіи напр. прямо говоритъ, что первенствующіе христіане *бяху терпяще во ученіи апостолъ и въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ* (Дѣян. 2, 42; сн. 1 Кор. 10, 16—18; 11,23—29). Доказывать же, что и послѣ временъ апостольскихъ до самаго царя Константина существовали въ церкви и священные пастыри и святыя таинства, мы считаемъ излишнимъ. Безпоповцы сами приводятъ въ своихъ книгахъ свидѣтельства безчисленнаго множества святыхъ, жившихъ въ первые три вѣка, которые большею частію были или епископы, или пресвитеры, имѣвшіе право и обязанность совершать таинства (²). Этимъ мы не отвергаемъ того, что по временамъ и по мѣстамъ, въ слѣдствіе гоненій, число священныхъ лицъ сокращалось въ церкви. Равно признаемъ справедливымъ,

---

(¹) Хр. Чт. 1847 г. іюнь, стр. 455—458.

(²) Для примѣра указываемъ безпоповцамъ на перечень іерусалимскихъ епископовъ, находящихся у Евсевія, въ книг. IV, гл. 5, по изд. 1858 г. стр. 171—172.

какъ уже замѣчали, указанія безпоповцевъ на тѣ случаи, когда та или другая частная церковь оставалась на время *вовсе* безъ священныхъ пастырей, особенно безъ епископовъ. Но, по сознанію самихъ безпоповцевъ, лишавшіеся на время своихъ пастырей христіане первыхъ вѣковъ не лишались ни таинствъ, ни другихъ священнодѣйствій, потому что, повторимъ слова одного безпоповца, „иніи безчисленніи епископы, иже бяху на своихъ престолѣхъ сѣдяще, прочимъ бѣдствующимъ пособствовали въ нуждахъ, якоже отъ повѣствованія исторій и отъ Баронія явствуется“ (¹). Что же слѣдуетъ изъ всего сказаннаго нами? то, что приводимое безпоповцами свидѣтельство изъ книги о вѣрѣ, которымъ они стараются подтвердить свое ученіе о прекращеніи церковныхъ пастырей въ послѣднія времена міра, не только не доказываетъ безпоповщинскаго ученія, напротивъ при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, прямо опровергаетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, согласно съ книгой о вѣрѣ, что „конецъ“ церкви согласенъ будетъ съ „началомъ“, то ясно, какъ день, что въ послѣднее время своего существованія на землѣ—при антихристѣ—церковь хотя и будетъ испытывать гоненіе, хотя лишится многихъ изъ своихъ пастырей,—но при всемъ томъ будетъ имѣть, хотя и не вездѣ, и священныя лица и святыя таинства, какъ было это и съ первенствующею церковію; потому что, скажемъ словами одного изъ безпоповцевъ, „не бяше тогдашнее время (время гоненій на церковь) до зѣла священствомъ скудное, индѣ же (и не индѣ только) и священство процвѣташе“ (²). Между тѣмъ, безпоповцы учатъ, что нынѣ

(¹) Отв. на вопр. 303 и 304, л 470 об.

(²) Отв. на вопр. 301, л. 467 об.

во время мнимаго царства антихристова „не обрѣтается уже во всей поднебеснѣй требуемаго іерея“ (¹), и въ подтвержденіе такого ученія ссылаются, между прочимъ, на вышеприведенное свидѣтельство книги о вѣрѣ!!

10. Не находя болѣе положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу своего ученія о священствѣ, безпоповцы обращаются къ свидѣтельствамъ стороннимъ и ими хотятъ доказать, что священныхъ лицъ во время царства антихристова не будетъ въ церкви. Въ этомъ случаѣ они ссылаются на свидѣтельства св. отцевъ и другихъ книгъ, изъ которыхъ будто бы видно, что при антихристѣ прекратится въ церкви св. Евхаристія. А это, разсуждаютъ безпоповцы, можетъ быть и будетъ потому, что тогда не будетъ въ церкви священныхъ лицъ, которыя одни имѣютъ право совершать это таинство (²). Какія же свидѣтельства указываютъ безпоповцы въ подтвержденіе того, будто въ послѣднія времена міра прекратится въ церкви таинство тѣла и крови Христовой?— Приведенныя нами выше свидѣтельства св. Ипполита и св. Ефрема Сирина, и еще свидѣтельство св. Златоуста, помѣщенное въ Кирилловой книгѣ. О первыхъ двухъ свидѣтельствахъ уже была рѣчь, и не въ пользу безпоповцевъ. Что же касается свидѣтельства св. Златоуста, то и оно нимало не подтверждаетъ безпоповщинскаго ученія. Вотъ это свидѣтельство: „антихристъ *прежде пришествія своего* учинитъ (съ этимъ не согласны и безпоповцы), яже вездѣ жертвенники и истинную жертву истребитъ, и кумиръ свой на святомъ мѣстѣ поставитъ... Тако же будетъ въ запустѣніи нынѣшняя святая жертва,

---

(¹) Кн. о скрыт. св. лицъ, л. 48.

(²) Кн. о скрыт. свящ. лицъ л. 12—14, 29; отв. на вопр. л. 468 и 469.

иже не во храмѣ Соломони, но яже по всему міру уставлена есть“ (1). По нашему мнѣнію, на основаніи этихъ словъ можно и должно допустить, что антихристъ истребитъ Евхаристію, но только тамъ, гдѣ есть жертвенники, т. е. въ церквахъ или храмахъ, а не во всемъ мірѣ, какъ учатъ безпоповцы. Послѣднія слова свидѣтельства: „будетъ въ запустѣніи нынѣшняя святая жертва, иже не во храмѣ Соломони, но яже по *всему міру* уставлена“ нужно понимать не такъ, будто по *всему міру* будетъ въ запустѣніи Евхаристія, во время царства сына погибели, а такъ, что будетъ въ запустѣніи при антихристѣ не жертва іудейская, которую когда-то приносили въ одномъ только храмѣ Соломоновомъ, а та, которая установлена для всего міра и совершается по всему міру, т. е. жертва христіанская, или св. Евхаристія, которая отличается отъ жертвы іудейской, между прочимъ, тѣмъ, что ее можно совершать вездѣ, по всему міру, на всякомъ мѣстѣ, какъ объ этомъ говорилъ пророчески еще Малахія, угрожая іудеямъ разореніемъ храма и прекращеніемъ жертвъ ветхозавѣтныхъ: *зане и въ васъ затворятся двери, и не вожжете огня олтареви моему туне: нѣсть воля моя въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы не пріиму отъ рукъ вашихъ. Зане отъ востокъ солнца и до западъ Имя мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится Имени моему и жертва чиста* (2) (1, 10 и 11). А что такъ, а не иначе нужно понимать приведенныя выше слова Златоуста, это видно еще и изъ того, что св. Отецъ въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій прямо

(1) Кн. Кириллов. Злат. 6, л. 32, сн. отв. на вопр. л. 468 об. и 469.
(2) Такъ объясняетъ выраженіе: «жертва по всему міру уставленная» и сама Кириллица (л. 78).

говоритъ, согласно съ св. Писаніемъ (1 Кор. 11, 23—26), что Евхаристія будетъ совершаться въ церкви до скончанія міра, до самаго втораго пришествія Христова, хотя, повторимъ, въ послѣднее время міра — при антихристѣ—она будетъ совершаться не въ храмахъ, а въ мѣстахъ сокровенныхъ, куда убѣгутъ отъ антихриста избранные Божіи. „Показуяй Павелъ, говоритъ св. Отецъ въ одномъ мѣстѣ, яко даже до скончанія та (вечеря Господня) пребываетъ, рече: дондеже пріидетъ“ (¹). И въ другомъ мѣстѣ: „якоже онъ гласъ глаголя: раститеся и множитеся и наполните землю, единою реченъ бысть, но по вся лѣта дѣло бываетъ, силу творя естеству нашему на плодотвореніе: сице и сей гласъ единою рече, но выну трапезу въ церквахъ отъ того дне и до пришествія Ему жертву совершенну творитъ“ (²). Согласно съ нами, можно думать, понималъ свидѣтельство св. Златоуста объ истребленіи антихристомъ св. жертвы и Стефанъ Зизаній, помѣстившій слова св. Отца въ своемъ толкованіи 15 огласительнаго поученія св. Кирилла Іерусалимскаго, находящемся въ книгѣ Кирилловой. Въ противномъ случаѣ онъ никакъ не могъ бы сказать, что „жертву, которую Церковь христіанская, отъ языкъ избранная, приноситъ во всемъ мірѣ Господу Богу, до скончанія вѣка приносити имать, тѣло и кровь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ память смерти Его“ (л. 78 об.). А эту мысль Зизаній высказываетъ не разъ, и при томъ на основаніи ученія объ этомъ предметѣ самаго св. Златоуста (л. 69). Такимъ образомъ опять свидѣтельство св. Златоуста, приводимое безпо-

(¹) Въ толков. на 1 посл. къ Кор. бес. 27, стр. 871.

(²) Соборн. въ слов. на вел. четверт. л. 559.

повцами въ подтвержденіе ученія ихъ о прекращеніи во время царства антихристова св. Евхаристіи, а слѣдовательно и священныхъ пастырей, не только не доказываетъ такого ученія, напротивъ прямо опровергаетъ его, если только понимать это свидѣтельство такъ, какъ требуетъ этого правда, сноси его съ другими мѣстами твореній св. Отца, гдѣ говорится о томъ же предметѣ. Впрочемъ, если даже разумѣть приведенныя выше слова Златоуста такъ, какъ хотятъ понимать ихъ безпоповцы, и въ такомъ случаѣ слова эти не доказываютъ по крайней мѣрѣ того, будто въ Церкви Христовой *теперь нѣтъ* ни Евхаристіи, ни пастырей, какъ учатъ раскольники. Почему же? потому что жертвенники въ православныхъ храмахъ еще существуютъ, *кумира*, или, какъ выражается св. Златоустъ въ другомъ мѣстѣ (¹), *образа* антихристова на святомъ мѣстѣ нѣтъ, слѣдовательно „опустошенія" Евхаристіи еще не учинено сыномъ погибели, значитъ не прекратились и пастыри церкви, совершающіе нынѣ жертву любезную и пріятную Богу. И мы не думаемъ, чтобы безпоповцы вправѣ были упрекнуть насъ въ настоящемъ случаѣ „въ натягательствѣ" или „своемышленномъ мудрованіи". Мы судили о разсматриваемомъ предметѣ на основаніи ихъ собственныхъ словъ и свидѣтельствъ, которыя сами они принимаютъ за основанія для своего ученія.

Вотъ и всѣ (²) доказательства, какія приводятъ безпоповцы въ защиту своего ученія о прекращеніи въ Церкви священныхъ лицъ во время антихристова царства. Кромѣ того, что ихъ не много,—всѣ они крайне слабы

(¹) Апост. толков. зач. 150, л. 549.

(²) Другихъ, по крайней мѣрѣ, основаній намъ не приходилось встрѣчать въ раскольничьихъ книгахъ, которыя мы читали.

и бездоказательны, а нѣкоторыя приводятся безпоповцами, кажется, только для того, чтобы сказать что либо,—такъ мало говорятъ эти доказательства въ пользу безпоповщинскаго ученія.

Основанія православнаго ученія о вѣчномъ пребываніи въ церкви Христовой священныхъ лицъ или пастырей:

Мы видѣли, что безпоповцы, уча, будто священство прекратится въ Церкви Христовой въ послѣднія времена міра, поступаютъ несправедливо; потому что основанія, на которыхъ они утверждаютъ такое ученіе, несостоятельны и ложны. Еще болѣе несправедливы раскольники потому, что ученіе о вѣчности священства въ Церкви, равно и самой Церкви — въ полномъ ея устройствѣ, т. е. съ пастырями и пасомыми, изложено и въ самомъ Словѣ Божіемъ и у св. отцевъ и учителей Церкви ясно и опредѣленно,—до того, что не признавать этого ученія не возможно каждому благонамѣренному и честному человѣку. Вотъ основанія православнаго ученія объ этомъ предметѣ.

1. *И возставлю себѣ жерца вѣрна*, говорится въ книгѣ Царствъ (1 Цар. 2, 35), *иже вся яже въ сердцѣ моемъ, и яже въ души моей сотворитъ: и совижду ему домъ вѣренъ, и предъидетъ предъ Христомъ моимъ по вся дни.* По поводу этихъ словъ вотъ что говорится въ книгѣ: Камень вѣры: „толкователи священныхъ Писаній святіи отцы толкуютъ сія словеса о священникахъ христіанскихъ, иже до скончанія вѣка жертву Христову въ тайнѣ евхаристической приносятъ и приносити будутъ. Тѣмъ-же убо еже глаголетъ священное Писаніе, воздвигну жерца вѣрна: здѣ въ жерцѣ вѣрнѣ вси священ-

ницы—наслѣдницы Христовы заключаются. Множицею бо священное Писаніе числомъ единственнымъ всѣхъ заключаетъ. Якоже (иногда) егда глаголетъ: *человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цвѣтъ селный* (Пс. 102, 15). Сирѣчь, вси человѣцы, яко трава, дніе ихъ, яко цвѣтъ селный: обѣщаетъ же и домъ вѣрный сицевому священнику устроити и сотворити, рече: ему домъ вѣренъ, сирѣчь церковь правовѣрныхъ, въ ней же священницы Христовы посвящаются и жертвы приносятъ. О семъ дому вѣрномъ и самъ Христосъ рече: *на камени совижду церковь мою...* Еще же и то прилагаетъ писаніе, яко они священницы предъидутъ предъ Господомъ вся дни: сирѣчь жѐртву и тайну сію тѣла и крови Христовы по вся дни даже до окончанія вѣка приносити будутъ" (¹). Послѣднія слова разсматриваемаго мѣста св. Писанія дѣйствительно даютъ право думать, что здѣсь рѣчь идетъ о священствѣ новозавѣтномъ. Равно какъ на новозавѣтное же священство и вѣчное пребываніе его въ Церкви Христовой указываетъ и пророкъ Іеремія, говоря отъ лица Божія: *и отъ жерцевъ и отъ левитовъ не погибнетъ мужъ отъ лица моего, приносяй всесожженія и даръ, и творяй жертвы по вся дни* (Іер. 33, 18). У пророка рѣчь идетъ о времени, когда Господь произраститъ Давиду отрасль Правды, имя которой будетъ: *Господь праведенъ нашъ* (ст. 15 и 16), т. е. очевидно, о времени Мессіи (²).

2. *Совижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. 16, 18). Эти слова Господа, сказанныя апостолу Петру, имѣютъ особенную важность для насъ

(¹) Ч. III, г. 3, л. 139, изд. 1842 г.
(²) См. объ этихъ словахъ Пророка въ Камнѣ вѣры ч. III, гл. 3, л. 141.

при рѣшеніи вопроса о вѣчности священства, и потому мы обратимъ на нихъ преимущественное вниманіе.

Прежде всего изъ нихъ видно, что основанную Господомъ Церковь не одолѣютъ самыя врата адовы. Будемъ ли мы разумѣть подъ вратами адовыми „бѣсовъ.“ согласно съ св. Златоустомъ (1), или адъ и міродержителей тьмы, по Аѳанасію великому (2), или гонителей, еретиковъ и грѣхи, по Благовѣстнику (3) и св. Дамаскину (4), или еретическія ученія, согласно съ Козьмою пресвитеромъ (5), или вообще гибельныя бѣдствія, въ чемъ бы они ни состояли, какъ думаетъ писатель уважаемой раскольниками книги о вѣрѣ (6), — во всякомъ случаѣ мысль въ словахъ Спасителя та, что ни діаволъ самъ, ни чрезъ своихъ слугъ не одолѣетъ Христовой Церкви, т. е. не побѣдитъ, не уничтожитъ, не истребитъ, какъ объясняютъ это св. Златоустъ, св. Дамаскинъ, даже Стоглавникъ (7).

Далѣе: мысль о неодолимости Церкви и ея неразрушимости высказана Іисусомъ Христомъ съ такою неограниченностію, что прямо раждается другая мысль о вѣчномъ существованіи Церкви до тѣхъ поръ, пока существуетъ міръ. Такъ дѣйствительно и нужно понимать это, на основаніи самаго Слова Божія, и ученія св. отцевъ и учителей Церкви. Еще Архангелъ Гавріилъ говорилъ Пресвятой Дѣвѣ: *и се зачнеши во чревѣ и родиши сына, и наречеши имя ему Іисусъ. Сей будетъ*

(1) Маргар. въ сл. о еже предста царица, л. 519 об.
(2) Христ. чт. ч. 47.
(3) Въ толков. на Мѳ. зач. 67, л. 128 об. и 139.
(4) Христ. чт. 1842. ч. III, стр. 179.
(5) Въ слов. на новопоявившуюся ересь Богомилову.
(6) гл. 2, л. 25.
(7) гл. 100.

велій и Сынъ Вышняго наречется: и дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его. И воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца (Лук. 1, 31—33). Сравнивая это мѣсто съ другими параллельными ему мѣстами (1 Парал. 22, 10; сн. Евр. 1, 5, Пс. 44, 7; снес. Евр. 1, 8; Пс. 88, 37; Ис. 9, 7; Дан. 2, 44; 7, 14; Мих. 4, 7; 2 Царст. 7, 13 и 14), нельзя не замѣтить, что подъ домомъ Іакова, въ которомъ воцарился Христосъ во вѣки, нужно разумѣть именно Церковь, царемъ которой Спаситель можетъ быть названъ, какъ Основатель ея и Глава (Еф. 5, 23), особенно послѣ того, какъ *Отецъ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ и посадивъ одесную Себе на небесныхъ, превыше всякаго начальства и власти и силы и господства, и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ, вся покори подъ ноаѣ Его, и того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его* (Еф. 1, 20—23),—и въ которую Онъ Царь царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ ежедневно заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ въ таинствѣ Евхаристіи. Тѣмъ болѣе такъ нужно понимать домъ Іакова, въ которомъ воцарился Христосъ на вѣки, что Онъ Самъ разумѣлъ подъ своимъ царствомъ именно Церковь свою, когда на вопросъ Пилата: царь ли онъ іудейскій, отвѣчалъ: *царство мое нѣсть отъ міра сего* (Іоанн. 18, 36), и что Церковь неоднократно называется въ священномъ Писаніи царствомъ (Лук. 9, 11; 10, 11; 17, 21; 21, 31 и др.), или домомъ Божіимъ (1 Тим. 3, 15). Еще яснѣе высказана мысль о вѣчности Церкви Христовой, какъ царствѣ Его, у апостола Павла: *Тому* (Богу Отцу) *слава въ церкви о Христѣ Іисусѣ, во вся роды вѣка вѣковъ* (Еф. 3, 21). „Добре тако рече, замѣчаетъ св. Злато-

устъ, по поводу этихъ словъ, сія бо (т. е. Церковь) вѣсть единa пребывати выну. Елма же сія выну стоитъ, хощетъ, да Той (Богъ) прославляется отъ насъ *до скончанія*. Сіе бо яви рекъ: во вся роды вѣка" (¹). Согласно съ св. Златоустомъ понимаетъ слова Апостола и уважаемая раскольниками книга Кириллова: „Богъ истинный всегда пребываетъ воистину и славится во всемъ мірѣ, въ православнѣй истиннѣй Церкви Христовѣ, отъ начала дней апостольскихъ, даже и до нынѣ, *и до скончанія вѣка*. Чтоже много глаголати и сказати истину и правду, ибо Церковь Христова православная, и вѣра всегда пребываетъ въ соединеніи неизмѣнно *во вся дни до скончанія вѣка*, и показуетъ и держитъ истинное и нераздѣльное и ни въ чемъ не разрушено ученіе преданія своего *всегда во вся вѣки*" (²). Туже мысль проповѣдуетъ и другая, чтимая безпоповцами, книга о вѣрѣ: „церковь аще и борима бываетъ, но побѣждена во вѣки не имать быти" (³). Вообще мысль, что основанная Господомъ Церковь будетъ существовать до конца міра—вѣчно, имѣетъ самыя твердыя основанія. А если такъ, то остается рѣшить, что̀ нужно разумѣть подъ Церковію, созданною Господомъ,

(¹) Бес. 7, на посл. Еф. 1639. И это не единственное мѣсто, гдѣ св. Отецъ говоритъ о вѣчности церкви Можно указать много и другихъ мѣстъ, въ которыхъ вселенскій учитель высказываетъ туже мысль, напр. въ Маргар. л. 198, 519, 525 и др.

(²) Кн. Кирилл. л. 93 об. таже мысль на л. 17.

(³) Гл. 8, л. 61 об. св. л. 10 об. и 19. Подробнѣе о вѣчномъ существованіи церкви см. въ ист. древн. Хр. церк. Пр. Григор. ч I. стр. 36—45. Мы ограничились краткими замѣтками объ этомъ предметѣ потому, что сами безпоповцы не отвергаютъ вѣчнаго существованія церкви, только понимаютъ въ этомъ случаѣ слово: церковь неправильно, разумѣя подъ нею то однихъ только мірянъ—христіанъ, то «вѣру и житіе». Сей часъ мы увидимъ, что̀ нужно разумѣть подъ основанною Господомъ церковію, которая будетъ существовать вѣчно.

которую не одолѣютъ до скончанія вѣка самыя врата адовы? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ очень просто: нужно разумѣть, очевидно, ту Церковь, какую основалъ Самъ Христосъ. Что же это за Церковь?

Послѣ приготовленія въ пустынѣ на общественное служеніе человѣческому роду, Христосъ Спаситель является торжественно въ міръ съ проповѣдію о приблизившемся Царствіи Божіемъ (Мѳ. 4, 17). Ученію Его, какъ Слову Самаго Бога, вѣруютъ многіе, и многіе дѣлаются учениками Сына Божія. Но изъ всѣхъ своихъ учениковъ Христосъ избираетъ только двѣнадцать; имъ вмѣстѣ съ единственнымъ именемъ апостоловъ (Лук. 6, 13) Онъ даетъ права, которыхъ другіе ученики не получили,—право учить всѣ народы, совершать для нихъ св. Таинства и управлять вѣрующихъ ко спасенію (Мѳ. 28, 19; Лук. 22, 19; Мѳ. 18, 18), заповѣдуя въ тоже время всѣмъ другимъ своимъ ученикамъ слушаться этихъ уполномоченныхъ лицъ, какъ бы Самаго Его (Лук. 10, 16) и угрожая въ противномъ случаѣ осужденіемъ (Мар. 16, 15. 16 и др.). Въ послѣдствіи времени къ этимъ двѣнадцати апостоламъ Спаситель Самъ непосредственно присовокупилъ еще семьдесятъ опредѣленныхъ учениковъ, которыхъ послалъ на тоже великое дѣло (Лук. 10, 1 и др.). Такимъ образомъ еще при жизни Спасителя въ обществѣ послѣдователей Его мы встрѣчаемъ двоякаго рода лицъ, съ разными правами и обязанностями,—ближайшихъ Его учениковъ и апостоловъ—съ правомъ быть руководителями другихъ на пути ко спасенію, и простыхъ вѣрующихъ, обязанныхъ слушаться первыхъ. Это общество вѣрующихъ во Христа было уже Церковію, но еще не полною. Даровавъ апостоламъ власть руководить другихъ ко

спасенію, Спаситель въ тоже время далъ обществу вѣрующихъ и средства ко спасенію, установивъ таинство крещенія для принятія въ новоустроенное общество всѣхъ тѣхъ, кои увѣруютъ въ Него (Мѳ. 28, 19; Іоанн, 3, 3; 4, 1; Марк. 16, 15), таинство Евхаристіи для тѣснѣйшаго соединенія членовъ общества между собою и съ Нимъ, какъ Главою (Мѳ. 26, 26 — 28; Марк. 14, 22—24; Лук. 22, 19 и 20; 1 Кор. 12, 23 —26), — таинство покаянія для примиренія и новаго соединенія съ Нимъ и съ обществомъ тѣхъ членовъ, кои нарушаютъ Его законы и уставы (Мѳ. 28, 15 — 18), равно какъ и другія таинства (Мѳ. 19, 4—6; Мар. 6, 13 и др.; Іоанн. 7, 37—39), заповѣдавъ, какъ мы уже замѣчали, совершать всѣ эти таинства только избраннымъ ученикамъ или апостоламъ (сн. 1 Кор. 4, 1; Іак. 5, 14). И хотя, по выраженію св. Церкви, Христосъ основалъ или водрузилъ Церковь свою только на крестѣ (¹), гдѣ Онъ стяжалъ ее, по выраженію Апостола, кровію своею (Дѣян. 20, 28); однако еще до смерти Спаситель говорилъ о Церкви своей, какъ уже о существовавшей, разумѣя подъ нею не просто всѣхъ вообще вѣрующихъ, но и лицъ съ особенными правами и обязанностями, апостоловъ, какъ учителей Вѣры, совершителей таинствъ и руководителей вѣрующихъ (Мѳ. 18, 17). А Апостолъ прямо замѣчаетъ, что Христосъ предалъ Себя на смерть именно за Церковь (Еф. 5, 25). Такимъ образомъ, очевидно, подъ Церковію, основанною Спасителемъ, которая, по Его нелождому обѣтованію, будетъ существовать вѣчно до конца міра, нужно разумѣть общество вѣрующихъ во

(¹) Тріод. постн. л 428, М. 1835 г.

Христа, изъ которыхъ одни имѣютъ право учить другихъ, совершать для нихъ таинства и руководить ихъ къ царству небесному, другіе обязаны подчиняться первымъ, подъ опасеніемъ лишиться права на спасеніе (Мѳ. 23, 17),—другими словами: въ Церкви, основанной Господомъ, есть особое сословіе людей, составляющихъ собою іерархію, и есть паства, есть пастыри, какими въ началѣ были апостолы, и есть пасомые. А что такова, а не иная по устройству своему, созданная Господомъ Церковь, имѣющая существовать до конца міра, это несомнѣнно доказываетъ само св. Писаніе. Много разъ Церковь называется въ Словѣ Божіемъ тѣломъ, глава котораго Іисусъ Христосъ (Еф. 1, 22 и 23; 5, 23. 29 и 30; Колос. 1, 18; 12, 19 и др.). Но, скажемъ словами Апостола, *якоже во единомъ тѣлѣ многи уды имамы, уды же вси не тожде имутъ дѣланіе: такожде мнози едино тѣло есмы о Христѣ, а по единому другъ другу уди. Имуще же дарованія по благодати даннѣй намъ различна* (Рим. 12, 4 — 6), то есть какъ въ нашемъ тѣлѣ не одинъ членъ, а многіе, и каждый имѣетъ свое назначеніе, такъ точно и въ Церкви Христовой, которая есть тѣло Его, должны быть и дѣйствительно есть различные члены, съ различными дарами благодати, а потому и съ различнымъ дѣланіемъ. Еще яснѣе и опредѣленнѣе высказываетъ Апостолъ туже мысль въ посланіи къ коринѳянамъ: *якоже тѣло едино есть, и уды имать многи, вси же уди единаго тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христосъ. Ибо единѣмъ Духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся, аще іудеи, аще еллини, или раби, или свободни, и вси единѣмъ Духомъ напоихомся. Ибо тѣло нѣсть единъ удъ, но мнози. Ащеречетъ нога, яко нѣсмь рука,*

нѣсмь отъ тѣла: еда сего ради нѣсть отъ тѣла; и аще речетъ ухо, яко нѣсмь око, нѣсмь отъ тѣла: еда сего ради нѣсть отъ тѣла; аще все тѣло око, гдѣ слухъ; аще же все слухъ, гдѣ уханіе; нынѣ же положи Богъ уды, единаго коегождо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи. Аще ли быша вси единъ удъ, гдѣ тѣло; нынѣ же мнози убо удове, едино же тѣло. Не можетъ же око рещи руцѣ: не требѣ ми еси, или глава ногамъ: не требѣ ми есте. Но многою паче, мнящіися уди тѣла немощнѣйши быти, нужнѣйши суть. И ихже мнимъ безчестнѣйшихъ быти тѣла, симъ честь множайшую прилагаемъ. И неблагообразніи наши благообразіе множайше имутъ: а благообразніи наши, не требѣ имутъ; но Богъ раствори тѣло, худѣйшему большу давъ честь. Да не будетъ распри въ тѣлеси, но да тождe въ себѣ пекутся уди. И аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди, аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди. Вы же есте тѣло Христово и уди отчасти. И овыхъ убо положи Богъ въ Церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ. Еда вси апостоли; еда вси пророцы; еда вси учители (1 Кор. 12, 12 - 29). Это мѣсто такъ ясно говоритъ въ пользу той мысли, что въ тѣлѣ Христовомъ Церкви не всѣ члены имѣютъ одинаковыя права и обязанности, но одни Самимъ Господомъ назначены „для надзиранія общества вѣрующихъ, какъ очи, иные для ученія, какъ уста, иные для служенія, какъ руки, иные для послушанія, какъ ноги (¹)“,—что дѣлать какія либо объясненія на приведенныя слова Апостола нѣтъ нужды, особенно ес-

(¹) **Бес. Преосв. Игнатія о мн. старообр. стр. 232, 1846 г.**

ли припомнимъ другія слова Апостола, что Самъ Іисусъ Христосъ *далъ есть овы убо апостолы, овыже пророки, овыже благовѣстники, овыже пастыри и учители* (Ефес. 4, 11), и что Спаситель послалъ въ міръ Духа Святаго, между прочимъ, для того, чтобы Онъ поставлялъ епископовъ (Дѣян. 20, 28) и вообще священныхъ пастырей для пасенія основанной Господомъ Церкви. Однимъ словомъ: мысль, что Церковь, основанная Іисусомъ Христомъ, состоитъ изъ пастырей и пасомыхъ, имѣетъ самыя твердыя основанія въ Словѣ Божіемъ.

Эту же мысль постоянно проповѣдывали и св. отцы и учители Церкви. Не приводя всѣхъ свидѣтельствъ ихъ объ этомъ предметѣ, мы укажемъ только нѣкоторыя, болѣе другихъ ясныя и опредѣленныя. Вотъ слова св. Григорія Богослова: „воззрите на небо горѣ и на землю долу. Чиномъ вся украсишася, и украсившее слово, и убо яко едино вся и внезапу предстати мощно бяше... Чинъ и церквамъ, ово убо быти нѣкую паству, овоже пастыри распредѣли. И ово убо начальствовати, овоже начальствоватися. И ово убо быти яко главу, овоже ино что удесъ тѣла ко всею благочленовенію полезному или преимуществуемыхъ или преимуществующихъ. И якоже въ тѣлесѣхъ, ниже отверзаются другъ друга уди: но едино все тѣло есть, изъ разнственныхъ слежащее. Ниже тожде всѣмъ дѣло, аще и тожде пребывати другъ друга въ нужду благоумія же и смановенія. И ниже нога прозираетъ, но преходитъ и прелагаетъ. Ниже языкъ пріемлетъ гласы, слуха бо. Ниже слухъ вѣщаетъ, языка бо. И носъ убо обоняній чувство. Гортань же пищи вкушаетъ, глаголетъ Іовъ. Рука же давати и пріимати орудіе. Умъ же всѣмъ вождь, отъ него же чувствовати и къ нему же чувство. Тако и

у насъ общаго Христова тѣла. Вси бо едино тѣло есмы во Христѣ. Сущіи же по единому Христови и другъ другу уди. Ово убо начальствуетъ и предсѣдательствуетъ, овоже водится и правится... Павлу глаголющу, не сумнися. И яже убо положи, глаголетъ, Богъ въ Церкви, первое апостоли, второе пророки, третье пастыри и учители... Сей чтимъ чинъ, братіе, сей хранимъ. Овъ убо да будетъ, кто слухъ, овъ же языкъ, овъ же рука, овъ же ино что, овъ убо да учитъ, овъ же да учится. Овъ убо да начальствуетъ, овъ же да оправдается служеніемъ" ([1]). Тоже самое говоритъ другой вселенскій учитель, св. Златоустъ: „яко же на воинствахъ не вси въ единомъ видѣ воинствуютъ, но въ различныхъ чинѣхъ, такожде и въ Церкви, овъ убо въ учителя чину, овъ же въ ученика, а инъ въ невѣжды" ([2]). „Яко корабль, Христова Церковь, въ морѣ житія, въ мірѣ семъ обрѣтается; имѣетъ плавателей освященныхъ и вѣрныхъ, иже присно имѣютъ Христа суща съ ними" ([3]). „Христовъ славъ и честный домъ Церкве, говорится въ словѣ Кирилла монаха, имѣетъ искусны строители, патріархи, митрополиты, епископы, игумены, іереи, и вся церковныя учители, иже вѣрою чистою ближніи Богу сотворишася, и пріемлютъ св. Духа благодатію различныя дары ученія и изцѣленія по мѣрѣ дарованія Христова" ([4]). „Власть и сила святительскаго дѣйства и благодати, читаемъ въ книгѣ Кирилловой, яко зерно горушично отъ Спаса своей Его Церкви вметнено" ([5]).

([1]) Григ. Наз. сл. 36 о разглаголаніихъ благочинія, изд. 1656 г. Новѣйшій перев. въ твор. св. Отц. ч. 3, стр. 140, 142, 143. изд. 1844 г.

([2]) Бес. 5 на 1 посл. къ Тимоѳ. стр. 2408.

([3]) Евангел. съ толков. въ нед. 23-ю.

([4]) Соборн. сл. въ нед. цвѣтоносн. л. 483.

([5]) Посл. Мелет. 5-е л. 471 об.

Таким образомъ, что Церковь, основанная Господомъ Христомъ, состоитъ изъ двухъ классовъ вѣрующихъ — пастырей и пасомыхъ, это несомнѣнно ([1]). А если такъ, то несомнѣнно и то, что священныя лица въ Церкви будутъ существовать въ ней до самаго конца міра, какъ до скончанія же вѣка обѣщано Господомъ существовать и самой Церкви... Подобный выводъ такъ логиченъ и вмѣстѣ необходимъ, что оспаривать его можетъ только человѣкъ, намѣренно нежелающій согласиться съ правдой. И потому, не считая нужнымъ распространяться болѣе касательно разсматриваемаго предмета, мы сдѣлаемъ только нѣсколько частныхъ замѣчаній, которыя представляются неизбѣжными послѣ всего сказаннаго о Церкви. Безпоповцы, уча, что Церковь прекратила свое существованіе съ 1666 года, разумѣютъ подъ этимъ не то, будто перестали быть въ мірѣ истинно вѣрующіе; нѣтъ, они есть и нынѣ, по ученію раскольниковъ, и именно въ безпоповщинскомъ обществѣ ([2]). Говоря о паденіи Церкви, безпоповцы разумѣютъ подъ церковію въ этомъ случаѣ сословіе священныхъ лицъ, или пастырей, которыхъ однихъ только будто бы истребилъ антихристъ. А между тѣмъ, по ученію Апостола, *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди*, т. е. если, какъ думаютъ безпоповцы, истреб-

---

([1]) По этому мысль преосв. Григорія, будто подъ именемъ созданной Господомъ Церкви (Мѳ. 16, 18 и 19) разумѣются только истинно вѣрующіе въ Него люди, или православные христіане всякаго пола, возраста, званія... (ист. др. хр. Церк. ч. 1, стр. 27—30), мы признаемъ не точною и даже не совсѣмъ вѣрною.

([2]) Поэтому стараніе преосв. Григорія доказать, что Церковь, какъ *общество вѣрующихъ*, будетъ существовать до конца міра (ч. 1. стр. 46—60) было напрасно, потому что раскольники не оспариваютъ этой мысли.

лены антихристомъ пастыри Церкви—главные уды тѣла Христова—Церкви, необходимо допустить, что истреблены человѣкомъ беззаконія и пасомые—уди немощнѣйшіи. Если же послѣднее несправедливо, въ чемъ согласны съ нами и сами раскольники, въ такомъ случаѣ ложно и первое, потому что, скажемъ словами Апостола же, *аще славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди*, т. е. если цѣлъ и безболѣзненъ одинъ членъ тѣла Христова—Церкви, напр. пасомые, то необходимо предполагается, что здорово и все тѣло, безболѣзненны и главные его члены — пастыри Церкви. Съ другой стороны, Церковь, по ученію Апостола, есть тѣло, состоящее изъ многихъ и различныхъ членовъ, глава котораго Самъ Іисусъ Христосъ. „Теперь вообразимъ себѣ, скажемъ словами преосвященнаго Игнатія, собраніе христіанъ, не имѣющихъ пастырей Церкви. Могутъ ли они назваться обществомъ Христовымъ—Церковію, когда составъ ихъ не тотъ, какому быть положилъ Христосъ? Не чудовищное ли они составляютъ тѣло, не имѣя различія членовъ? Гдѣ всѣ—міряне, самые служители Вѣры — простецы, даже женщины, и нѣтъ, по ученію Апостола, ни очей таинственнаго тѣла, ни устъ—учителей ея, ни рукъ—служителей ея и строителей таинъ; но гдѣ всѣ одинъ составъ — міряне неосвященные, неопредѣленные на службу Божію: не чудовищное ли это было бы тѣло, которое состояло бы изъ одного члена или части" (¹)? А между тѣмъ глава такого тѣла—Христосъ, какъ будто Христосъ можетъ быть главою чудовищнаго тѣла, или точнѣе, какъ будто у Христа нѣтъ силы сохранить свое тѣло невредимымъ и здоро-

(¹) Бесѣд. о мним. старообр. стр. 232—3.

вымъ, какъ будто антихристъ, хотя бы въ немъ дѣйствовалъ самъ діаволъ, въ состояніи разрушить то, что создалъ Христосъ, и чего, по Его же словамъ, не одолѣютъ врата адовы. Нѣтъ; скорѣе уничтожится земля, изчезнетъ небо, чѣмъ не исполнится всемогущее слово Спасителя (Мѳ. 24, 35). И оно—слово Господа о вѣчной недолѣемости св. Церкви—исполнится непремѣнно, по ученію самаго же слова Божія. *И знаменіе веліе явися на земли: жена облечена въ солнце и луна, подъ ногама ея, и на главѣ ея вѣнецъ отъ звѣздъ двоюнадесяте* (Апок. 12, 1). По изъясненію толкователей, жена—это Церковь Христова, облеченная въ Солнце Правды, во Христа, стоящая выше всѣхъ перемѣнъ подлуннаго міра, украшенная свѣтомъ апостольскаго ученія. *И явися, яко знаменіе на небеси, и се змій великъ чермень, имѣя главъ седмь, и роговъ десять: и на главахъ его седмь вѣнецъ. И хоботъ его отторже третью часть звѣздъ небесныхъ.* И *змій гоняше жену* (3, 4 и 13). Жена убѣгаетъ въ пустыню, *идѣже имѣ мѣсто уготовано отъ Бога, да тамо питается дній тысящу двѣсти шестьдесятъ* (6). *И даны быша женѣ два крила орла великаго, да паритъ въ пустыню въ мѣсто свое, идѣже препитана бяше ту время и временъ и полъ времене отъ лица зміина. И испусти змій за женою изъ устъ своихъ воду, яко рѣку, да ю въ рѣцѣ потопитъ. И поможе земля женѣ, и отверзѣ земля уста своя, и пожре рѣку, юже изведе змій отъ устъ своихъ. И разгнѣвася змій на жену и иде сотворити брань со оставшимъ сѣменемъ ея, иже соблюдаютъ заповѣди Божія и имѣютъ свидѣтельство Іисусъ Христово* (14 — 17). Змій—это діаволъ, змій древній, имѣющій дѣйствовать въ антихристѣ въ послѣднее время міра. Изъ словъ Тайновидца видно, что змій вооружится противъ же-

ны, — тѣмъ неменѣе не сможетъ одолѣть ее. Жена скроется въ пустынѣ, гдѣ останется безопасною въ теченіе тысячи двухъ сотъ шестидесяти дней, т. е. во все время царства антихристова, имѣющаго продолжаться три съ половиною года. Не въ состояніи будучи потопить или уничтожить жены — Церкви, змій воздвигнетъ брань на чадъ ея—вѣрныхъ христіанъ, которые не успѣютъ вмѣстѣ съ женою скрыться въ пустынѣ. *Здѣ есть терпѣніе и вѣра святыхъ* (13, 10). Такимъ образомъ, смотря на дѣло безъ предъубѣжденія, нельзя не видѣть, что Церковь Христова останется неодолѣемою во время самаго сильнаго гоненія на нее—при антихристѣ. А мы уже замѣтили, что подъ Церковію нужно разумѣть не только вѣрующихъ пасомыхъ, но и пастырей; такъ разумѣютъ жену—Церковь въ настоящемъ случаѣ и св. отцы и учители Церкви. „И жена побѣже въ пустыню, говоритъ Андрей кесарійскій, егда (глаголетъ) и дѣйствуяй во антихристѣ діаволъ, имже на Церковь ополчится, избранніи сія и верховнѣйшіи, поплеваеше гражданскія плищи и смятенія и мірскія сласти, въ пустыню всякія злобы, плодоносное же всякія добродѣтели жительство побѣгнутъ, по великому Меѳодію, и тамо борющихъ бѣсовъ же и лукавыхъ человѣкъ прилоговъ избѣжатъ: достовѣрно же, яко и чувственная пустыня спасаетъ; въ горы и вертепи и пропасти земныя, навѣта ради отступника и лжехриста бѣгающе, якоже и прежде мученики. На три же лѣта и полъ, являемая дњями тысяща двѣсти и шестидесятми, въ нихъ же державствовати будетъ отступленіе". По мысли Андрея кесарійскаго, подъ женою, убѣгающею отъ змія въ пустыню, нужно разумѣть именно пастырей ея, которые называются у отца *избраннѣйшими и верховнѣй-*

шими. А что это такъ, видно изъ другаго мѣста, гдѣ, объясняя слова: *и разгнѣвася змій на жену*, убѣжавшую въ пустыню, *и отыде сотворити брань со оставшими сѣмени ея*... Андрей кесарійскій говоритъ: „и отыде брань сотворити съ прочими: *изящныя, избранныя церковныя учители* глаголетъ, презрѣвшія землю къ бѣдѣ и преставлшіяся въ пустыню: аще сія погрѣшитъ (т. е. не найдетъ, не потому впрочемъ, чтобы ихъ не было, а потому, что они будутъ скрыты Богомъ) антихристъ, на воинствующія Христови въ мірѣ изнесетъ брань"... Такимъ образомъ изъ толкованія Андрея кесарійскаго прямо видно, что при антихристѣ пастыри церковные будутъ существовать, хотя въ пустыняхъ, горахъ и проч., равно какъ будутъ существовать и простые вѣрующіе. Безпоповцы, допуская послѣднее, отвергаютъ первое,—справедливо ли, можетъ видѣть всякій. Раскольники говорятъ въ свое оправданіе, что жена—Церковь, или пастыри Церкви скроются въ пустынѣ,—а это значитъ, что они будутъ истреблены антихристомъ, и останутся въ мірѣ только простые вѣрующіе (¹). Но такъ толковать нельзя. Жена, скрывшаяся въ пустыню, будетъ, сказано въ Апокалипсисѣ, *препитана*; значитъ, будетъ не только существовать, но и будетъ внѣ опасности лишиться жизни; на нее, уже убѣжавшую въ пустыню, змій пуститъ воду, чтобы потопить жену, хотя и безъ успѣха; значитъ опять—и въ пустынѣ жена будетъ жива, иначе для чего было бы змію и вооружаться на нее. Наконецъ, Андрей кесарійскій ясно замѣчаетъ, что „избраннѣйшіи и верховнѣйшіи, скрывшись въ пустыню, избѣжатъ козней бѣсовъ

(¹) Кн. о скрыт. свящ. лицъ, л. 6 об. и 27 об.

и лукавыхъ человѣкъ, бѣгающе въ горахъ и вертепахъ", какъ это было и съ первыми мучениками. Смысла этихъ словъ нельзя будетъ понять, если допустить, согласно съ безпоповцами, что подъ скрытіемъ въ пустынѣ священныхъ лицъ нужно разумѣть ихъ истребленіе, уничтоженіе антихристомъ.

3. *Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. 28, 20). Не будемъ спорить съ безпоповцами о томъ, что это обѣщаніе Господа, неприложимое буквально къ апостоламъ, можно относить ко всѣмъ вообще вѣрующимъ; но не можемъ допустить того, будто нужно относить указанныя слова Спасителя только къ однимъ вѣрующимъ, которые будто бы только одни и будутъ существовать до самаго конца міра. Всякій знаетъ, что приведенныя выше слова Господа сказаны апостоламъ, которыхъ Христосъ посылалъ на всемірную проповѣдь—съ правомъ крестить всѣхъ, кто увѣруетъ ихъ ученію: *шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*. Если же апостолы, какъ люди, не могли жить вѣчно, то, очевидно, что какъ полученное ими право—быть всемірными учителями, такъ равно и обѣтованіе всегдашняго соприсутствованія съ ними Господа должны были перейти на ихъ преемниковъ и т. д. А преемники, или, по выраженію большаго катихизиса (1), наслѣдницы апостоловъ—епископы и вообще пастыри Церкви, какъ знаютъ это сами безпоповцы. Къ епископамъ же слѣдовательно и вообще „церковнымъ святителямъ" относятся ближайшимъ образомъ и слова Господа: *се Азъ съ вами есмь во вся*

(1) Л. 124.

дни до скончанія вѣка. Согласно съ нами учатъ объ этомъ и мужи, уважаемые самими безпоповцами. Напр. Симеонъ солунскій говоритъ: „се Азъ съ вами есмь вся дни. Понеже даже до тогда *чрезъ таинства* и невидно съ нами будетъ. Тогда же яко есмь явится, яко возлюбленный глаголетъ: и ради сего воплотися изъ дѣвы, да намъ соединится. Сего же ради укрестостовася и кровь излія насъ ради, да тому пріобщаемся, и прежде креста чрезъ священнодѣйство тайны даде, да съ нами будетъ, и общницы будемъ Его нынѣ же и въ будущемъ... И ради сего пріискреннѣ пріобщимся плоти же и крови, да общеніе имамы съ Нимъ" ([1]). По мысли Сvмеона солунскаго, Христосъ пребываетъ съ нами и будетъ пребывать до скончанія вѣка преимущественно чрезъ таинства, и особенно чрезъ таинство тѣла и крови Христовой: „зане, скажемъ словами Сvмеона же солунскаго, той іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову (въ хлѣбѣ, явлено же и въ винѣ) никакоже престая и вѣчный паче іерей" ([2]). А если такъ, то несомнѣнно, что во вся дни до скончанія вѣка будутъ существовать въ Церкви пастыри, потому что, по сознанію самихъ безпоповцевъ ([3]), таинство Евхаристіи могутъ совершать одни только священныя лица.

4. Къ тому же заключенію, т. е. что пастыри Церкви будутъ существовать въ ней до конца міра, приводятъ и слѣдующія слова Спасителя: *Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами во вѣкъ* (Іоанн. 14, 16). *Утѣшитель же, Духъ Святый, Егоже пошлетъ Отецъ во имя мое, той вы научитъ всему, и*

([1]) Гл. 68, л. 91, по рукоп. Новг. Соф. Библіот. № 1139.
([2]) Гл. 44, л. 75.
([3]) Книг. о скрыт. свящ. лицъ л. 29.

воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ (26). Слова эти, также какъ и вышеприведенныя, сказаны Господомъ апостоламъ; къ нимъ же по преимуществу и къ преемникамъ ихъ — епископамъ и относятся они; а отсюда—прямое заключеніе то, что епископы и другія священныя лица, зависящія отъ епископовъ, будутъ существовать въ Церкви вѣчно, до конца міра. Но въ приведенныхъ словахъ Апостола указывается еще другая сторона дѣла. Духъ Святый посланъ апостоламъ, а, послѣ нихъ, и всѣмъ ихъ преемникамъ для того, чтобы Онъ училъ ихъ всему, или какъ говоритъ Господь въ другомъ мѣстѣ (16, 13), наставлялъ ихъ *на всяку истину*. Значитъ, пастыри Церкви, въ слѣдъ за апостолами, руководимые Духомъ Святымъ, учатъ насъ всегда только одной истинѣ и, если нѣкоторые изъ нихъ и могутъ ошибаться и заблуждать, то не можетъ быть, чтобы впали въ заблужденіе или ересь всѣ они, какъ предстоятели *каѳолической* Церкви, которая есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 13 и 14). А отсюда понятными становятся слова восточныхъ патріарховъ: „мы не только убѣждены, но и несомнѣнно исповѣдуемъ, какъ твердую истину, что каѳолическая Церковь не можетъ погрѣшать или заблуждаться или изрекать ложь вмѣсто истины: ибо Духъ Святый, всегда дѣйствующій чрезъ вѣрно-служащихъ отцевъ и учителей Церкви, предохраняетъ ее отъ всякаго заблужденія“ ([1]). И такъ какъ присутствіе въ Церкви Святаго Духа обѣщано всегдашнее—до скончанія вѣка, то само собой понятно, что до кончины же міра Церковь вселенская, предохраняемая чрезъ пастырей ея Духомъ Святымъ отъ заблуж-

---

([1]) Посл. о прав. вѣрѣ ч. 12.

денія, останется и непогрѣшимою. „Богъ, говоритъ св. Өеофилъ александрійскій ([1]), *во вся времена* даруетъ Церкви одну и туже благодать, чтобы сохранялось *все тѣло* и ни въ чемъ не воспреобладалъ ядъ еретическихъ мнѣній". „Церковь Божія, Христова, соборная, апостольская, говоритъ Нилъ, патріархъ цареградскій ([2]), отъ конецъ земли (и) до конецъ пребывающая, благодатію и силою самаго Христа Бога нашего въ правовѣріи неподвижно вдружена крѣпцѣ". Между тѣмъ безпоповцы учатъ, что Церковь наша, равно и другія православныя церкви, словомъ: Церковь каѳолическая впала въ заблужденія, что пастыри ея—всѣ до одного еретики ([3]), что истина евангельская и православіе находятся теперь только у нихъ—безпоповцевъ. Насколько согласны эти мысли съ изложеннымъ выше ученіемъ о непогрѣшимости Церкви вселенской и ея пастырей, можетъ видѣть всякій.

5. *И на утріе изшедъ, иземъ два сребренника, даде гостиннику, и рече ему: прилѣжи ему: и еже аще пріиждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти* (Лук. 10, 35). По толкованію отцевъ и учителей Церкви, подъ двумя сребренниками здѣсь разумѣются два завѣта—ветхій и новый, подъ гостинникомъ—апостолы и, за ними, учители и пастыри Церкви, обязанные учить другихъ вѣрѣ и благочестію. А если такъ, то несомнѣнно, что пастыри и учители будутъ существовать въ Церкви до

(1) Epistol. 77 ad S. Epiphanium.

(2) Акт. ист. 1, стр. 5. 6.

(3) Въ этомъ, по ученію нѣкоторыхъ безпоповцевъ, и состоитъ «скончаніе священныхъ лицъ во времена всемірнаго отъ вѣры отступленія», т. е. раскольники, видя, что пастыри еще существуютъ въ Церкви, стали учить, что антихристъ не истребитъ священныя лица, а только введетъ ихъ въ ереси.

тѣхъ поръ, пока не возвратится вручившій имъ свое ученіе Господь, чтобы воздать имъ за труды ихъ, т. е. до самаго пришествія Христова. Такъ и толкуются вышеприведенныя слова въ книгахъ, уважаемыхъ самими раскольниками. Вотъ что говоритъ Благовѣстникъ: „имать образъ гостинника всякъ апостолъ и учитель и игуменъ, имже вда Господь два сребренника, сирѣчь два завѣта — ветхій и новый; единаго бо царя образъ носятъ оба, и сіи убо сребренники Господь, на небеса восходя, остави апостоламъ, на времена и учителямъ, и епископамъ. Рѣче же, и аще что пріиждивеши, Азъ воздамъ ти... внегда воздати Господеви? во второе пришествіе. Тогда убо речетъ кійждо ихъ ему: Господи, два сребренника далъ ми еси, и се два пріобрѣтохъ. Къ нему же рече Господь: благій рабе, вниди въ радость Господа своего (1).“ Тоже находимъ и въ такъ называемой книгѣ о вѣрѣ: „не восхотѣ достояніе свое оставити на землѣ неустроено отходя на небеса, но иземъ два сребренника, даде гостинникомъ. Се есть, старый и новый завѣтъ. Кому же далъ; кто гостинницы; апостоли, и по нихъ воспріемници ихъ, пастыріе и учителіе, архіепископи и епископи, иже служителіе суть величеству смотрѣнія Его, *имже и спребывати даже до скончанія вѣка обѣтованіе сотвори* и по своему неложному обѣтованію благодатнѣ избираетъ себѣ людей достойныхъ, и поставляетъ и освящаетъ рукоположеніемъ чина духовнаго чрезъ патріархи, архіепископы и епископы“ (2).

6. *Человѣкъ нѣкій добра рода иде на страну далече, пріяти себѣ царство и возвратитися. Призвавъ же де-*

---

(1) Въ Толк. на Лук. зач. 53.

(2) Гл. 7, л. 58 об.

сять рабъ своихъ, даде имъ десять мнасъ, и рече къ нимъ: куплю дѣйте, дондеже пріиду (Лук. 19, 12 и 13). И въ этой притчѣ, по изъясненію толкователей, подъ человѣкомъ добраго рода разумѣется Самъ Христосъ Спаситель, подъ рабами — пастыри церковные, подъ мнасами — ученіе, а равно и другія благодатныя средства, дарованныя Господомъ Церкви для спасенія вѣрующихъ. Эти дары пастыри Церкви должны употреблять во спасеніе свое и другихъ до самаго возвращенія Господа, т. е. до втораго пришествія Христова. А слѣдовательно, какъ пастыри Церкви, такъ равно и порученные имъ дары благодати, напр., таинства и др. будутъ существовать въ мірѣ до скончанія вѣка. „Рабомъ же своимъ десять мнасъ вда, говорится въ Благовѣстникѣ; раби же, имже Церкви поручи: десять глаголеміи быти совершеннаго ради церковнаго состоянія: ибо въ церкви чинъ совершенное имать предстоящихъ украшеніе, и ни болше лѣпо быти, ни мнѣе: еже слова благодатію тріе сіи образи въ церкви: очищеніе, просвѣщеніе, и совершеніе. Три сія дѣйства наслѣдуема чиновъ. Діаконы очищаютъ оглашеніемъ ученія; пресвитеры, просвѣщающе крещеніемъ, архіереи же священныя чины поставляютъ и совершаютъ, еже есть рукоположеніе... Внегда возвратитися Ему... се же есть второе Его пришествіе, егда явится царемъ со ангелы во славѣ Отчей грядый (1).“ Тѣже самыя мысли находятся въ толкованіяхъ другой притчи Спасителя—о талантахъ (Мѳ. 25, 14 — 30). Вотъ что говорится по поводу этой притчи въ Евангеліи учительномъ: „Отхожденіе глаголется, и еже по святѣмъ воскресеніи на небеса восхожденіе Его,

---

(1) Въ толков. на Лук. зач. 95.

ѐгда и предаетъ ученикомъ небесная и божественная таинства. Раби же его суть церковніи учители, сирѣчь архіереи, и священницы, и діакони ввѣреніи слова службѣ. и благодати духовныя пріемлюще, ови убо болшая, ови же меншая (¹)". Почти буквально повторяетъ тѣже слова и Благовѣстникъ: „отхожденіе здѣ глаголетъ, якоже насъ ради бысть человѣкъ Христосъ, или понеже взыде на небеса, или понеже долготерпитъ намъ, и не абіе истязаетъ дѣла наша, но ожидаетъ. Раби же его суть иже слова службу пріяша: якоже суть архіереи, священницы и діакони, и дары духовныя пріемшіи. Ови убо болшее, ови же меншее, кійждо противу силы своея (²)."

7. *И дамъ ти* (Петру) *ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Мѳ. 16, 19). Такъ какъ слова эти сказаны Господомъ ап. Петру послѣ того, какъ Онъ изрекъ свою волю о созданіи Церкви и ея неодолѣемости—до конца міра, то не будетъ несправедливостію думать, что и это право— вязать и рѣшить, данное Петру, равно и другимъ апостоламъ (Мѳ. 18, 18, Іоан. 20, 21 — 23), а отъ нихъ преемственно перешедшее къ пастырямъ церковнымъ, будетъ прилагаться къ жизни христіанъ также до втораго пришествія Христова; до этого же времени, слѣдовательно, будутъ существовать въ Церкви и самые пастыри. Такъ и говорится объ этомъ въ Евангеліи учительномъ: „обношаше ключь (царствія небеснаго) не единъ Петръ, но и вси апостолы. И паки не едини апо-

---

(¹) Сл. въ нед. 16, изд. 1629 г.
(²) Въ толков. на Матѳ. зач. 105.

столи токмо, но и воспріемницы престола тѣхъ, намѣстницы—святители, патріархи. Паки же сіи оставльша и предаша епископомъ со возложеніемъ рукъ, епископы же оставиша пресвитеромъ и всему чину священническу: и таковый ключь обносится и днесь во архіереехъ и пресвитерѣхъ и даже до скончанія вѣка не отъимется отъ нихъ (¹).“

8. *Той* (Іисусъ Христосъ) *дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова: дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 11—13). Такъ какъ, по словамъ Апостола, пастыри и учители даны Церкви *къ совершенію святыхъ*, т. е. для освященія вѣрующихъ ученіемъ и особенно таинствами, *въ дѣло служенія*, т. е. для наученія вѣрѣ во Христа всѣхъ и самыхъ невѣрующихъ (2 Кор. 4, 1—5), и наконецъ въ *созиданіе тѣла Христова*, которое есть Церковь (Еф. 5, 23); то само собою понятно, что существованіе священныхъ лицъ необходимо и будетъ въ Церкви до самой кончины міра, какъ до конца міра будутъ существоватъ въ Церкви, по сознанію самыхъ безпоповцевъ, вѣрующіе, которыхъ пастыри обязаны дѣлать святыми чрезъ освященіе ихъ таинствами, какъ до кончины же міра должно (Мѳ. 28, 19 и 20) и будетъ проповѣдываться слово Божіе (Мѳ. 24, 14), благовѣствовать которое призваны пастыри, какъ до скончанія вѣка будетъ существовать сама Церковь — тѣло Христово, къ созиданію котораго предназначены пастыри.

(¹) Поуч. на день Петра и Павла л. 136 об.

9. Наконецъ нѣкоторые находятъ указаніе на вѣчное существованіе въ Церкви пастырей въ слѣдующихъ словахъ апостола: *ты еси священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову... Сей занеже пребываетъ во вѣки, непреступное имать священство* (Евр. 7, 17, 21, 24). „Христосъ не по Ааронову временнаго, но по Мелхиседекову вѣчнаго чина, пріиде Архіерей вѣчныхъ благъ, говорится въ книгѣ Кирилловой, и якоже Самъ никогда не умираетъ, такожде и іерейство Его по чину Мелхиседекову не престаетъ. Якоже пишетъ: ты еси іерей во вѣки по чину Мелхиседекову. Престало тогда архіерейство Аароново, яко временное, востало же Христово вѣчное, иже изъ мертвыхъ воставъ, апостоловъ своихъ на се освяти хиротоніею, еже есть руковозложеніемъ... а апостоли паки епископовъ освятиша... а епископи паки поповъ... Се имаши іерейство Христово, Иже не пріиде разорити, но прежній законъ, и его іерейство въ новый, истинный, *вѣчный* законъ премѣнити (¹)“.

Вотъ основанія, на которыхъ утверждается православное ученіе о вѣчномъ пребываніи въ Церкви пастырей ея. Мѣста св. Писанія и свидѣтельства отцевъ и учителей Церкви въ пользу этого ученія, которыя мы указали, такъ ясны и опредѣленны, что возраженій противъ нихъ, кажется, не должно бы быть. И однако безпоповцы находятъ возможнымъ представлять такія возраженія.

Справедливо, говорятъ раскольники, что и по ученію слова Божія и по ученію св. отцевъ и учителей Церкви, священныя лица должны существовать въ мірѣ *вѣчно*. Но это не значитъ, чтобы эти лица непремѣнно пребывали въ Церкви *именно до конца міра*, потому что

(¹) Гл. 8, л 77 об.

вѣчное существованіе въ св. Писаніи приписывается иногда такимъ лицамъ и предметамъ, которые давно уже прекратили свое бытіе. „Опредѣлено ли бытности епископовъ до скончанія вѣка, мы таковаго прозрительнаго дарованія несподобихомся; а и отъ божественнаго писанія опредѣлено ли о семъ *въ твердости*, недоумѣваемъ, понеже обычно священному писанію о нѣкіихъ рещи: *быти во вѣки*, *до вѣка*, *во вѣки вѣковъ*, *во вся роды*, яже послѣжде Божіими судьбами въ небытіе пріидоша". Такъ, продолжаютъ безпоповцы, „речено бысть Моvсеомъ сыновомъ израилевымъ се: снабдите слово се законъ себѣ, сыновомъ вашимъ *до вѣка* (Исх. 12, 24). Но кто убо отъ Христіанъ помыслитъ нынѣ въ жидовскомъ законѣ правость ихъ до скончанія вѣка пребывати. Речено же паки бысть и самѣмъ Господомъ о церкви Соломоновѣ сице: нынѣ избрахъ и освятихъ домъ сей, да будетъ имя Мое ту *во вѣки* (2 Пар. 7, 16). Но гдѣ убо нынѣ церковь Соломоня святая святыхъ, вся уже въ небытіе прейде. Такожде и царственный пророкъ Давидъ о Левитѣхъ рече: ихже глаголаше, избра Господь къ ношенію кіота Его и къ служенію себѣ *до вѣка* (1 Парал. 15, 2). Но возмнитъ ли кто жидовскихъ служителей Богу угодныхъ; нѣсть убо, нѣсть, всяко убо не богоугодни суть" (¹). Указываютъ раскольники и другія мѣста изъ ветхаго завѣта, въ которыхъ о томъ или другомъ лицѣ или предметѣ говорится, какъ о имѣющемъ существовать вѣчно, напр. объ обрѣзаніи (Быт. 17, 10—13), о пасхѣ (Исх. 12, 14), о жертвѣ мира и другихъ жертвахъ (Лев. 3, 17; 7, 34 и др.). Перебирая эти и другія мѣста, безпоповцы говорятъ: „зриши ли, любимиче, яко то и то речеся быти вѣч-

(¹) Отв. на вопр. 9, л. 29.

но, и небыть". По видимому, указанное возраженіе раскольниковъ очень сильно, на самомъ же дѣлѣ оно не только не ослабляетъ ученія православнаго о вѣчности священства въ Церкви, напротивъ прямо подтверждаетъ это ученіе. Слова: вѣчный, во вѣки, до скончанія вѣка, въ приложеніи ихъ къ существамъ и веществамъ тварнымъ, употребляются въ св. Писаніи въ двухъ смыслахъ. Когда рѣчь идетъ о лицахъ и предметахъ ветхозавѣтныхъ, тогда подъ вѣчнымъ бытіемъ ихъ разумѣется существованіе ихъ во все время ветхозавѣтной сѣни до времени новозавѣтной благодати, которое поэтому называется въ свящ. Писаніи *послѣдними днями* (Дѣян. 2, 17), *кончиною лѣта* (Гал. 4, 4), *концемъ дней* (Евр. 1, 2). Когда же вѣчное бытіе приписывается лицамъ и предметамъ новаго завѣта, это значитъ, что они будутъ существовать до конца новозавѣтнаго царства благодати, послѣ котораго начнется новое царство славы (Римл. 8, 19—21), вмѣстѣ съ новымъ небомъ и новою землею (2 Петр. 3, 13). А послѣ этого то, что лица и предметы, которымъ въ ветхомъ завѣтѣ усвоялось вѣчное бытіе, прекратили свое существованіе, *но не прежде, какъ при наступленіи новаго царства благодати, егда пріиде кончина лѣта* (Гал. 4, 4), съ чѣмъ не могутъ не согласиться раскольники, доказываетъ только, что наступитъ пора, когда лица и предметы и новаго завѣта, о которыхъ сказано, что они будутъ существовать вѣчно, также прекратятъ свое бытіе, но опять *не прежде, какъ при началѣ царства славы, имѣющаго наступить по кончинѣ настоящаго міра*. Но объ этомъ мы и не споримъ съ безпоповцами. Говоря, что священство будетъ существовать вѣчно, мы хотимъ сказать этимъ не то, будто ему никогда не будетъ кон-

ца, а то, что оно кончится только съ кончиною міра. Потому что въ имѣющемъ наступить за тѣмъ царствѣ славы не будетъ нужды ни въ учителяхъ вѣры, такъ какъ тогда вѣра упразднится и настанетъ для всѣхъ *видѣніе* (2 Кор. 5, 7), *вси узримъ Бога, якоже есть* (1 Іоанн. 3, 3), *познаемъ, якоже познани бѣхомъ* (1 Кор. 13, 12), ни въ совершителяхъ таинствъ, потому что на небѣ *ни женятся, ни посягаютъ* (Мѳ. 24, 30), по смерти нѣтъ мѣста покаянію (Пс. 6, 6), въ царствѣ небесномъ будутъ пиво и брашно духовныя (1 Кор. 10, 3—4), въ немъ не будетъ ни скорбей, ни болѣзней (Апок. 21, 4), которыя требуютъ молитвъ пресвитеровъ церковныхъ и елеосвященія (Іак. 5, 14), ни наконецъ въ руководителяхъ на пути ко спасенію, такъ какъ тогда истребятся всѣ враги нашего спасенія (1 Кор. 15, 25—28) и каждый изъ насъ, смотря по дѣламъ, будетъ или оправданъ, или осужденъ (2 Кор. 5, 10) однажды на всегда, — безъ возможности перемѣнить свою участь. Такимъ образомъ, повторимъ опять, тó, что всѣ, указываемые безпоповцами лица и предметы ветхозавѣтные, которымъ обѣщано было вѣчное бытіе, не смотря на всѣ случайности, нерѣдко грозившія погибелью этимъ предметамъ, дѣйствительно существовали до кончины лѣта, когда Богъ послалъ Сына своего, — доказываетъ лучше всякихъ словъ, что и новозавѣтные дѣйствія и предметы, которымъ обѣщано вѣчное существованіе, прекратятъ свое бытіе *только съ кончиною самаго царства благодати—съ кончиною настоящаго міра.*

Какъ бы сознавая слабость разсмотрѣннаго нами возраженія противъ вѣчности священства въ Церкви, безпоповцы представляютъ другія, основаніемъ для которыхъ служатъ событія новозавѣтныя. Прежде всего, они ука-

зывают на одно мѣсто изъ Кормчей: „речено бысть, пишутъ безпоповцы, до скончанія вѣка въ Римѣ благочестивымъ папамъ пребывати, о чемъ въ повелѣніи блаженнаго царя Константина сице явствуется: святѣйшему и блаженнѣйшему отцу отцевъ поднебесныя: православному Силивестру епископу и папѣ превысочайшему: великаго града Рима: и всѣмъ сущимъ по немъ преемникомъ, святителемъ православнымъ, иже на сѣдалищи блаженнаго Петра даже до скончанія вѣка сѣдящимъ. И паки: и тамо до скончанія вѣка и всегда поищутъ учителя, идѣже святое почиваетъ учителево тѣло" ([1]). „Но гдѣ нынѣ, въ пресловутомъ градѣ Римѣ благочестіе, гдѣ православные учители, гдѣ правовѣрные папы; не вся ли сія лѣпота римскаго костела въ мракъ нечестія преложися" ([2]). Этимъ разсужденіемъ раскольники хотятъ доказать ту мысль, что и „нынѣ (въ новомъ завѣтѣ) не вся (т. е. обѣтованія) суть непреложна". Такимъ, т. е. не непреложнымъ, думаютъ они, можетъ быть и обѣтованіе о вѣчности священства,—но думаютъ не справедливо. Во первыхъ, царственная грамота, помѣщенная въ Кормчей, изъ которой безпоповцы заимствовали основаніе для своего возраженія, подложна, не принадлежитъ Константину Великому ([3]); во вторыхъ, — и что всего важнѣе, кому бы ни принадлежала эта грамота, во всякомъ случаѣ писатель ея, предрекая Риму *вѣчное* православіе его пастырей, позволилъ себѣ болѣе, чѣмъ сколько могъ; потому что само слово Божіе учитъ насъ, что частныя церкви, какова и церковь римская, не сво-

(1) Кормч. Ч. II, л. 1 и 6 въ концѣ книги.

(2) Отв. на вопр. л. 29.

(3) Критическій разборъ съ доказательствами на неподлинность этого сочиненія сдѣланъ Бинеромъ—de coll. can. Ec. Gr. 1827. § 14.

боды отъ опасности заблужденія (Апок. 2, 5) — церковь римская доказала это своимъ примѣромъ, — и что непогрѣшима только Церковь каѳолическая — вселенская (¹). Значитъ, если свѣтильникъ какой либо *частной* церкви сдвигается съ мѣста своего, если ея пастыри впадаютъ въ заблужденіе, изъ этого нимало не слѣдуетъ, будто можетъ погаснуть свѣтъ вѣры и *во всей* Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. 3, 15) и которую не могутъ одолѣть никакія „еретическія ученія" (²), будто могутъ впасть въ заблужденіе *вси* пастыри Церкви *каѳолической*, что́ и хочется доказать безпоповцамъ.

„Речено бысть, продолжаютъ безпоповцы, и въ греческихъ странахъ до скончанія вѣка благочестивымъ созидатися или стояти жертвенникамъ, якоже благочестивый Іоаннъ Златоустъ, поучая въ селѣхъ церкви созидати, сице глаголетъ: помысли, яко даже до пришествія Христова ты мзду имѣти будеши, поставивый жертвенникъ Божій. Обаче Божіими судьбами мнози и безчисленніи жертвенницы въ греческихъ странахъ отъ языкъ разоришася, и самая соборная, небесо-подобная въ Царѣградѣ церковь увы—грѣхъ ради нашихъ въ языческій мизгичь претворена" (³). По нашему мнѣнію, и въ этомъ возраженіи болѣе основаній для православнаго ученія о вѣчности священства, чѣмъ для безпоповщинскаго, — нужно только надлежащимъ образомъ по-

---

(¹) Припомнимъ слова Нила, патр. цареградскаго: «церковь Божія, Христова, соборная, апостольская, *отъ конецъ земли (и) до конецъ пребывающая*, благодатію и силою Самаго Христа Бога нашего въ правовѣріи неподвижно вдружена крѣпцѣ (Акт. ист. 1, стр. 56,).

(²) Косм. пресвит. въ слов. на новопояв. ересь Богомилову, см. ист. древ. Хр. церк. Ч. I, стр. 23.

(³) Отв. на вопр. л. 29 об.

нять смыслъ словъ св. Златоуста. Безпоповцы, какъ показываетъ самое возраженіе ихъ, думаютъ, будто св. отецъ хотѣлъ выразить указанными словами ту мысль, что жертвенникъ, построенный кѣмъ бы то ни было въ константинопольской патріархіи, будетъ существовать до пришествія (втораго) Христова; — между тѣмъ св. Златоустъ, какъ всякій самъ можетъ видѣть, не имѣлъ подобной мысли, да и *не могъ* имѣть. Потому что онъ зналъ, какъ самъ говорилъ объ этомъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, что построенный Господу храмъ, изъ чего бы онъ ни былъ созданъ, съ теченіемъ времени можетъ обветшать и слѣдовательно разрушиться; не разрушима одна только Церковь — въ смыслѣ собранія вѣрующихъ — пастырей и пасомыхъ. „Церковь, глаголю, не мѣсто.... не стѣны церковныя.... стѣны лѣтомъ (съ лѣтами) обетшаваютъ, Церковь никогда же старѣется“ (¹). Имѣя въ виду эти слова св. Златоуста, не трудно уже понять, что хотѣлъ высказать св. отецъ, обѣщая своимъ прихожанамъ, строившимъ храмы, награду до пришествія Христова: то, что лица, созидавшія храмы, пріобрѣтали этимъ право на вѣчную *до пришествія Христова* мзду—не потому, чтобы произведенія ихъ рукъ и усердія сами могли существовать до этого времени, а потому, что до втораго же пришествія Христова будетъ существовать, гдѣ бы то ни было — въ Греціи или Россіи, Церковь Христова, которая никогда не забываетъ своихъ благотворителей и всегда молится *о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святыхъ Божіихъ церквахъ*. Поэтому, если многіе греческіе храмы, и даже Софійскій въ Константинополѣ разрушены или обращены въ мечети; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго;

(¹) Маргар. л. 218 об. и 519 об.;—въ слов. о еже предста царица.

имъ никто и не обѣщалъ вѣчнаго существованія, какъ не обѣщалъ этого и св. Златоустъ.

Другіе болѣе умные и изворотливые безпоповцы, не имѣя силъ отвергать ясное ученіе слова Божія и святыхъ отцевъ и учителей Церкви о вѣчности священства, прибѣгаютъ къ другаго рода умствованіямъ, которыми хотятъ защитить свое ученіе о прекращеніи священныхъ лицъ въ Церкви, или правильнѣе: свое состояніе безъ священныхъ лицъ. Для этого они дѣлаютъ разграниченіе понятій священства, какъ таинства, и іерейства, какъ сословія лицъ священныхъ. „Священство, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, есть богодарованное дѣйство, устрояющее священные чины; состоитъ же треми сими: веществомъ, т. е. возложеніемъ рукъ епископскихъ,—видотвореніемъ, сирѣчь глаголы оными, ихъже святитель на рукополагаемыхъ въ молитвѣ глаголетъ,—совершительною силою Духа Святаго, ея же ради дѣйство хиротоніи исполняется, и рукоположенный во своемъ чинѣ и санѣ устроается, да будетъ своимъ служеніемъ благоугоденъ Богу и Церкви.... Іерей же сего священія якоже сіянію солнца подлежащее есть лице.“ Что же изъ этого слѣдуетъ? то, говоритъ Иванъ Алексѣевъ, что если безпоповцы не имѣютъ у себя священныхъ лицъ, это не значитъ, будто они отвергаютъ и тайну священства Христова „во вѣки богопреданную“. Потому что іерейство, какъ сословіе лицъ священныхъ, не тó, чтó священство, какъ таинство, и не имѣть перваго не значитъ отвергать и послѣднее. Эти мысли высказалъ Алексѣевъ въ разговорѣ съ однимъ поповцемъ, упрекнувшимъ безпоповцевъ за то, что они „тайну (¹)

(¹) Сочин. Алексѣева подъ названіемъ: «разговоры о разньствіи между пріемлющими настоящихъ іереевъ и непріемлющими», въ сборникѣ на-

священства Христова, во вѣки богопреданную, не пріемлютъ". Бѣдный поповецъ и согласился на такую остроумную уловку Алексѣева; но мы замѣтимъ безпоповцу, что придуманное имъ разграниченіе понятій о священствѣ и іерействѣ не ведетъ и не можетъ вести къ той цѣли, какую предположилъ себѣ Алексѣевъ. Положимъ, что священство—таинство, а іерейство—сословіе лицъ, принявшихъ таинство священства, что то и другое — не одно и тоже; но изъ этого рѣшительно не слѣдуетъ, будто отвергать, или точнѣе: не имѣть іерейства, т. е. священныхъ лицъ, не значитъ отвергать и священство, какъ таинство; напротивъ кто отвергаетъ первое, тотъ отвергаетъ и послѣднее, потому что одно служитъ причиной другаго, а, какъ всякій согласится, отвергать дѣйствіе нельзя, не отвергая и причины, которая производитъ это дѣйствіе. Не признавая существованія нынѣ священныхъ лицъ, безпоповцы тѣмъ самымъ показываютъ, что они не признаютъ самаго таинства священства, *не признаютъ т. е. того, что оно существуетъ въ Церкви въ настоящее время*. Напрасно Алексѣевъ говоритъ, что священство, какъ таинство, какъ сила, существуетъ въ Церкви и теперь, только оно не дѣйствуетъ, потому что есть этой силѣ „препятствіе, аки нѣкое дебельство", — это — еретичество тѣхъ лицъ, надъ которыми таинство священства совершается въ Церкви православной, еретичество, препятствующее Духу Святому приходить на посвященное лицо точно также, какъ иногда лучь солнца не освѣщаетъ тѣхъ или другихъ предметовъ, когда встрѣчаетъ какую либо преграду, хотя самъ по себѣ и существуетъ. Сравненіе

шей Акад. Библ., начинающемся исторіею о бѣгствующемъ священствѣ, № 46.

блестящее, подобно лучу солнца, но и неудачное, какъ нельзя больше. Солнце и его лучи существуютъ и могутъ существовать сами по себѣ, независимо отъ того, освѣщаютъ ли они тотъ или другой предметъ; но нельзя сказать того же самаго о таинствѣ священства, равно какъ и о другихъ таинствахъ. Потому что таинство не есть какой либо внѣшній предметъ, существующій самъ по себѣ, по волѣ Творца; — таинство есть *священное дѣйствіе*; значитъ бытіе или существованіе того или другаго таинства въ Церкви возможно и бываетъ тогда, когда оно *дѣйствуетъ*, или другими словами, когда оно совершается, по заповѣди Спасителя, надъ извѣстными лицами и производитъ на нихъ свойственное ему благодатное дѣйствіе. Коль скоро нѣтъ этого, когда т. е. члены Церкви не получаютъ больше и не могутъ получать плодовъ того или другаго таинства, оно больше не существуетъ (¹). Существуетъ ли же послѣ этого таинство священства нынѣ, когда, по ученію безпоповцевъ, благодати священства нѣтъ нигдѣ, и нѣтъ больше въ Церкви священныхъ лицъ? Если существуетъ, то гдѣ, какъ и надъ кѣмъ оно дѣйствуетъ? Гдѣ его плоды, гдѣ лица, которыя могли бы совершать это таинство? Ничего этого нѣтъ, говорятъ безпоповцы; значитъ, нѣтъ и таинства священства. Такимъ образомъ придуманное Алексѣевымъ умствованіе недостаточно для цѣли; оно никакъ не освобождаетъ безпоповцевъ

(¹) Справедливость этой мысли сознаютъ и нѣкоторые безпоповцы. Павелъ Любопытный въ своемъ «брачномъ врачествѣ» говоритъ напр. слѣдующее: «православная церковь навсегда должна непремѣнно имѣть законныя супружества: если только оная церковь существуетъ. Ибо священное дѣйство безъ правильнаго брака въ церквѣ цѣло и непорочно быть никакъ не можетъ». (Опис. раск. сочин. А. Б. ч. II, стр. 309).

отъ горькой необходимости сознаться, что, уча о прекращеніи въ Церкви священныхъ лицъ, они тѣмъ самымъ показываютъ прекращеніе въ Церкви и таинства священства, которое утановлено Господомъ, по сознанію самихъ безпоповцевъ, *на вѣки*.

Доселѣ мы старались главнымъ образомъ доказать ту общую мысль, что священныя лица будутъ существовать въ Церкви вѣчно, до конца міра. Въ заключеніе считаемъ неизлишнимъ представить еще нѣсколько основаній въ пользу той мысли частной, что и въ послѣднее время міра—при антихристѣ—Церковь не лишится своихъ пастырей, покрайней мѣрѣ всѣхъ, хотя эта послѣдняя мысль, какъ часть изъ цѣлаго, сама собою вытекаетъ уже изъ мысли первой. Мы уже указывали выше на видѣніе Тайнозрителя о женѣ, убѣжавшей въ пустыню, изъ котораго видно, что Церковь и при антихристѣ останется неодолѣемою, а слѣдовательно будутъ существовать въ ней священныя лица и въ это бѣдственное для всего міра время. Вотъ еще другія мѣста Апокалипсиса, изъ которыхъ толкователи, уважаемые самими раскольниками, выводятъ тоже самое ученіе.

И небо отлучися, яко свитокъ свиваемо и всяка гора и островъ отъ мѣстъ своихъ двигнушася (6, 14). На эти слова Андрей кесарійскій дѣлаетъ такое толкованіе: „Господь нашъ апостоламъ, вопрошающимъ о разореніи церкве іерусалимскія и о кончинѣ, якоже можаху вмѣщати, предрече будущая, яже уже убо во обстояніи при Веспасіанѣ и Титѣ христоубійцамъ іудеомъ сбышася, якоже повѣствуетъ евреанинъ Іосиппъ. На концѣ же со множайшею зѣльностію на весь, якоже рещи, міръ въ пришествіи антихристовѣ пріидутъ, якоже речеся, въ немже, сирѣчь пришествіи, преизящніи или

церковнаго благочинія, или мірскаго могутства, сущи, *горы* образнѣ именуеми; Церкви же вѣрныхъ преноснѣ *острови* нарицаетъ, и къ Богу, по Исаіи, обновляеміи, изъ мѣстъ своихъ побѣгнутъ, мѣсто изъ мѣста лжехриста ради измѣняюще". Подъ преизящными „церковнаго благочинія" сами безпоповцы разумѣютъ епископовъ (1). — А если такъ, то ясно видно изъ словъ Андрея кесарійскаго, что и при антихристѣ эти лица будутъ, только они оставятъ свои мѣста или престолы, скроются въ пустыню и здѣсь будутъ переходить съ мѣста на мѣсто, во избѣжаніе мукъ антихристовыхъ. Точно такое-же толкованіе дѣлаетъ Андрей кесарійскій на слѣдующее мѣсто 16 главы Апокалипсиса: *и всякъ островъ бѣжа и горы не обрѣтошася* (ст. 20). „Острови—святыя Церкви, и горы—въ нихъ преимущіи разумѣвати отъ божественнаго писанія научаемся, бѣгати же симъ во время наведенія предреченныхъ, отъ Господа слышахомъ, глаголющаго: тогда сущіи въ Іудеи да бѣжатъ на горы: будетъ бо скорбь велія, якова же не бысть отъ сложенія міра,—ниже будетъ: овымъ убо за грѣхи мучимымъ, овымъ же ко искушенію добродѣтели претерпѣвающимъ тяжестная и лютая, не точію въ мукахъ антихристовыхъ за Христа, но и бѣгство въ горахъ и пещерахъ и злостраданіяхъ, яже *предпочтутъ пребыванію во градѣ за соблюденіе благочестія*". Опять подъ „преимущими" сами безпоповцы разумѣютъ „высочайшихъ пастырей" (2), т. е. епископовъ, а они, по ученію Андрея кесарійскаго, во время царства антихристова только „предпочтутъ пребыванію во градѣ" пребываніе въ горахъ и пещерахъ, но ни чуть не уничтожатся. Оба

(1) Кн. о скрыт. свящ. лицъ, л. 3 об.

(2) Тамъ же.

эти мѣста такъ ясно говорятъ въ пользу той мысли, что и при антихристѣ будутъ въ Церкви священныя лица, хотя въ пустыняхъ и въ горахъ, что становится не понятнымъ, какъ безпоповцы, зная эти мѣста и даже приводя ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, проповѣдуютъ ученіе противное, и даже подтверждаютъ его этими же самыми мѣстами. Дѣло въ томъ, что подъ скрытіемъ въ пустынѣ пастырей Церкви безпоповцы, какъ мы уже замѣчали, разумѣютъ совершенное истребленіе ихъ; справедливо ли такъ думать, объ этомъ мы уже говорили. А здѣсь замѣтимъ, что послѣднія слова Андрея кесарійскаго прямо опровергаютъ мнѣніе тѣхъ безпоповцевъ, которые подъ истребленіемъ антихристомъ пастырей разумѣютъ еретичество ихъ. Учитель Церкви ясно говоритъ, что священныя лица убѣгутъ изъ городовъ въ пустыни именно „за соблюденіе благочестія", и что многіе изъ нихъ будутъ претерпѣвать „тяжестная и лютая" только „ко искушенію добродѣтели". Слѣдствіе понятно.

Такимъ образомъ, если бы даже безпоповцы могли представить самыя ясныя и убѣдительныя доказательства того, что теперь — послѣднія времена міра и антихристъ уже воцарился на землѣ; и въ такомъ случаѣ ученіе ихъ о прекращеніи въ церкви священныхъ лицъ должно быть признано ложнымъ, потому что, по ясному и непререкаемому ученію слова Божія и св. отцевъ и учителей Церкви, пастыри будутъ существовать въ Церкви до самаго конца міра, до втораго пришествія Христова—судить живыхъ и мертвыхъ. Они и существуютъ въ Церкви православной.

И. Нильскій.

III.

СВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ ПАПЪ

ПРЕДЪ СУДОМЪ ЛАТИНСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

„Когда,“ говоритъ аббатъ Іаковъ Леонэ, „во имя государствъ и Вѣры спрашиваемъ: на какомъ основаніи существуетъ свѣтская власть папъ, то папы и сторонники ихъ отвѣчаютъ, что она необходима для независимости власти духовной, съ которою первая отождествляется, и что — утверждать противную сему мысль, значитъ, отказаться отъ (латинскаго) *католичества*“. (Jl Dominio temporale dei Papi ruina dell' Italia e della Chiesa dell' *Abate Jacopo Leone;* in prefaz. p. 3, Torino, 1860). Вотъ точка зрѣнія, принятая защитниками свѣтской власти папъ; они бьются изъ всѣхъ силъ поддержать ее въ проповѣдяхъ съ каѳедръ, журналахъ и даже дипломатическихъ нотахъ. „Какими выгодами, спросимъ съ тѣмъ же аббатомъ I. Леонэ, на самомъ дѣлѣ движатся защитники свѣтской власти папъ?“ — „Это явленіе силы союзной, отвѣчаетъ аббатъ, возрастающей съ каждымъ днемъ, волнующейся, вербующей въ свою партію все враждебное истинной свободѣ человѣка вс тупающей въ связи со всѣми выгодами, противными улучшенію, освящающей всякое требованіе

привиллегированныхъ классовъ, возжигающей священный огонь ревности въ людяхъ, которые никогда во Христа не вѣровали, принимающей въ янычаровъ папы, между прочимъ, протестантовъ и вольтеріанъ, считающей въ числѣ самыхъ жаркихъ защитниковъ и поборниковъ Вельо̀, Тьера, Гизо̀ и Дюпанлу (¹),—это явленіе показываетъ, что вокругъ папства собрались всѣ *чрезвычайныя крайности стараго общества*, что *религіозное чувство* есть не болѣе, какъ благовидный покровъ, которымъ какъ (священной) мантіей прикрывается нелѣпѣйшая и торговая (занимающаяся интересами) политика" (т. е. папская). „Чего же хотятъ эти поборники? Какое ученіе они проповѣдуютъ?" спрашиваетъ далѣе тотъ же аббатъ I. Леонэ, и отвѣчаетъ: „послушаемъ Вельо̀, этаго знаменоносца ультрамонтанскаго войска, который отъ имени клира и (римскихъ) католиковъ Франціи возглашаетъ во всеуслышаніе, что папа есть единственный источникъ правды, правило нравственности, непогрѣшимый вѣщатель (оракулъ) истины даже въ дѣлѣ политическихъ вопросовъ. Вотъ отъ слова до слова рѣчь Вельо̀: — „Мы, ваши дѣти во Франціи, вѣруемъ, что ваша власть (авторитетъ) можетъ быть ограничена только вами, а мы признаемъ всѣ права, какія вы соблаговолите признать." — „Кто болѣе васъ возлюбитъ правду, болѣе васъ уважитъ права народовъ, болѣе васъ будетъ сострадать бѣднымъ, кто болѣе васъ припомнитъ, что всѣ государи воздадутъ отчетъ Богу?"—

(¹) Дополнимъ этотъ короткій перечень ультрамонтанъ, сдѣланный аббатомъ I. Леонэ. Къ числу ихъ принадлежатъ: прелаты *Гомъ* (Gaume), *Паппи*, *Нардони*, *де Меродэ*; докторъ *Ньюменъ*. кардиналы *Антонелли*, *Висеманъ*, *Ріаріо Сфорца* и др., изъ свѣтскихъ: *Монталамбергъ*, и прежде бывшіе: *де-Мэстръ*; профессоръ баварскій *Мелеръ* и проч.

„Защищая дѣло вашей независимости, мы защищаемъ свое дѣло, и вмѣстѣ дѣло всего народа христіанскаго. Вы — свѣтъ и ограда душъ. *Ваша независимость спасаетъ человѣческую свободу*. Если бы папа пересталъ быть царемъ, то крестъ былъ бы исторгнутъ изъ всѣхъ коронъ и земля неизбѣжно впала бы въ идолопоклонство.“ — „О отецъ! о царь! о жертва *святѣйшая* и *безсмертная* ([1])! Ваша мысль, горестно стѣсняемая, да обратится на мгновеніе къ намъ. Преклоняя колѣна, полные вѣры и любви, просимъ вашего благословенія, которое укрѣпляетъ души“.

„Какое страшно-чудовищное ученіе!“ заключаетъ въ изумленіи отъ словъ Вельё аббатъ I. Леонэ, - „политическія выгоды папы обоготворены: нѣтъ воли, которая была бы выше папской воли. Всѣ права, на которыя папа объявитъ свое притязаніе, должны быть признаны; его власть безгранична. Какой государь, послѣ этого, будетъ увѣренъ въ цѣлости своей короны? Какой народъ будетъ въ состояніи еще сохранить свою свободу, если подобное ученіе, восполняясь анаѳемами, тишину правительствъ уже возмущало интердиктами, зажигало огонь революціи, посѣвало раздоры, возбуждало междоусобныя войны, и государей вынуждало преклонять свою голову предъ декретами римскаго самодержца?“ (Il dom temp. d. Papi ruina d. Ital e d. Chiesa,

---

[1]) Такую же хулу съумѣлъ произнести и кардиналъ Неаполя, когда въ окружномъ пастырскомъ посланіи къ своему клиру и народу, при наступленіи в. поста, между прочимъ, писалъ священникамъ: «говорите вѣрнымъ въ эти дни... о сыновнемъ послушаніи, обязательномъ для нихъ въ отношеніи къ церкви и ея главѣ—безсмертному Пію IX»... (7 февр. 1861. Lettera Pastorale dell' E-mo *Arcivescovo Cardinale di Napoli* per la Quaresima, въ журн. Unita Cattolica № 3, p. 22. an. 1861 Napoli). Имя кардинала Sisto Riario Sforza.

Ab. I. Leone. p. 4. 5). Какъ ни сильно это сказано; а, безъ сомнѣнія, аббатъ усилилъ бы свою рѣчь какою либо несовсѣмъ удобною въ переводѣ фразою, если бы зналъ, что, вслѣдъ за изданіемъ въ свѣтъ сочиненія его, выйдетъ во Франціи новая брошюра папскаго протонотаріуса, прелата Гома, возведшаго идолослуженіе папѣ до самыхъ нелѣпѣйшихъ размѣровъ. „Къ чему служитъ папа?“ задалъ самъ себѣ вопросъ прелатъ Гомъ, и самъ же отвѣчаетъ: „къ чему служатъ войска́ на границахъ государства? къ чему служатъ громоотводы поверхъ зданій? плотины предъ потоками? крѣпости вокругъ города?“—„Войско, громоотводы, плотина, крѣпости — все это есть папа“. — „Императоры и короли особенно внимайте сему. Папа защищаетъ ваши границы и ваши короны“... (Sez. VI). „Человѣчество безъ папы всегда и повсюду имѣло вольность и деспотизмъ... Съ началомъ папской династіи сдѣлалось невозможнымъ существовать въ мірѣ династіи тирановъ, т. е. Тиверію, Еліогабалу, Діоклетіану, Генриху VIII, Мюрату“ и проч. (Sez. V. Какъ будто въ Римѣ не было епископовъ, называемыхъ теперь папами, во времена сказанныхъ государей). — „Народы великіе и малые! папа защищаетъ вашу народность и вашу автономію“.— „Знатные и богатые! папа защищаетъ ваши замки и земли“.—„Банкиры, негоціанты, артисты! папа защищаетъ ваши сундуки, ваши магазины, и ваши экономическія кассы“.—„Работники и жители деревень! папа защищаетъ ваше наслѣдство и ваши очаги“.—„Все это защищаетъ папа и только одинъ папа“ (Sez. VI)... „Ваше различеніе папы-первосвященника отъ папы-царя есть заблужденіе. Папа есть продолженіе Сына Божія на землѣ, первосвященника и царя. Соединеніе въ

его лицѣ царскаго и первосвященническаго достоинства необходимо для представленія преходящимъ поколѣніямъ царя и первосвященника, который не преходитъ... Радикально лишенный свѣтской власти папа есть душа безъ тѣла. Учрежденный для командованія существами духовно-матеріальными, — какимъ образомъ папа — душа безъ тѣла поставится въ отношенія къ своимъ подданнымъ?... Вы говорите о вашемъ уваженіи къ папѣ-первосвященнику, если онъ сдѣлается простымъ епископомъ Рима. Папа-первосвященникъ и царь есть самое высшее величество на землѣ; поелику онъ есть видимое олицетвореніе царскаго вѣчнаго достоинства, и вѣчнаго независимаго Сына Божія въ мірѣ" (Sez. VIII въ журналѣ — Unità Cattolica № 32. p. 250. 251. an. 1861. Napoli).

Слишкомъ слабо выразились бы мы, если бы сказали, что это ученіе ниспровергаетъ весь догматъ о промыслѣ Божіемъ... Вотъ какъ судятъ объ ихъ ученіи единовѣрные имъ латиняне. „Тѣ", говоритъ аббатъ I. Леоне, послѣ приведенныхъ словъ Вельё, „тѣ, которые нынѣ съ такою лестію усиливаются освятить указанное ученіе, нѣсколько лѣтъ назадъ тому не такъ говорили. Не было тогда враговъ, болѣе ихъ непримиримыхъ у настоящаго непогрѣшимаго государя ихъ, отъ воли котораго, по словамъ ихъ, нынѣ зависитъ опредѣлить собственныя права и власть. Въ ту пору они не усумнились и въ частныхъ бесѣдахъ, какъ и въ общественныхъ собраніяхъ объявлять его (папу) врагомъ церкви и революціонеромъ, считать его еретикомъ, издѣваясь надъ именемъ и дѣлами его. Въ ту эпоху никто изъ нихъ не откликнулся бы на слова Вельё" (Il Domin. tempor. d. Papi ruina d. Ital. e d. Chiesa: d. *Ab. I. Le-*

one. p. 3. 6. Torino. 1860). Не лучшаго отзыва дождались за свою ревность къ папству французскіе и др. прелаты и отъ клерикальнаго журнала въ Неаполѣ „Parola Cattolica“ (№ 8. февр. 23. 1861 г.). „Иное дѣло, говоритъ журналъ, видѣть въ Италіи страстныхъ приверженцевъ свѣтской власти папы: здѣсь дѣло говоритъ само за себя; потому что, безъ этой власти, весьма многія лица, которыя, благодаря ей, пользовались милостями и пріятностями властвованія, теперь лишились ихъ. И вотъ почему, всѣ развѣнчанные въ Миланѣ, Флоренціи, Моденѣ, Пармѣ, Палермо и въ Неаполѣ— одинаково думаютъ, что единственная надежда для нихъ возвратиться къ тому, чѣмъ они были, заключается въ свѣтской власти папы, которая даже на глаза маловидящихъ, выставляя въ честномъ видѣ продѣлки и замашки самыя презрѣнныя, поддерживаетъ живой огонь реакціи (чѣмъ не только не помогаетъ, но) и заграждаетъ единственно — возможный путь для возвращенія всѣмъ развѣнчаннымъ къ своимъ мѣстамъ. Но вотъ что странно, что въ мужественной и благородной Франціи, положившей взятіемъ Ломбардіи начало для соединенія Италіи, состоятъ въ числѣ клира лица, которыя всѣми недостойными продѣлками и изворотами стараются вредить народному единству и независимости Италіи:—это и удивительно, и вмѣстѣ прискорбно не только для сыновъ Италіи, но и для всей Европы и образованной Америки. — Французскій клиръ, будучи въ полномъ убѣжденіи, что Италія, сдѣлавшись единою и независимою, послужитъ сильнымъ и могущественнымъ орудіемъ для утвержденія наполеоновской династіи на французскомъ престолѣ, отчаялся видѣть когда либо возвращеніе старой династіи на престолъ Франціи, а

вмѣстѣ съ нею и возвращеніе потеряннаго клиромъ могущества. И вотъ прелаты (Франціи) собираются около священнаго и августѣйшаго имени, которое въ сердцѣ своемъ хулятъ и презираютъ; со всѣмъ усиліемъ стараются поддержать *божественное право*, тогда какъ оно въ ихъ рукахъ служитъ только орудіемъ къ самому гнусному нарушенію всякаго человѣческаго и священнаго *права*. Нѣтъ; не любовь и благоговѣніе къ откровенной истинѣ и вѣроученію католическому, но любовь къ себѣ самимъ, самый пошлый и скотскій эгоизмъ — воодушевляетъ, поддерживаетъ и лелѣетъ подъ всякимъ небомъ тѣхъ, которые съ настоящаго времени кажутся весьма нѣжно привязанными къ свѣтской власти первосвященника".

Итакъ, если въ настоящее время многіе вписали себя въ число ультрамонтанъ и поспѣшили отозваться на пошлую лесть Вельô папѣ; то, какъ видимъ, не мало нашлось и такихъ между латинянами, которымъ лесть ихъ показалась слишкомъ износившеюся и приторною, или—какъ выражается Times — „подернулось плесенью все ихъ краснорѣчіе" (въ Журн. Неаполит. Pungolo, 2 Апр. № 90. г. 1861).—Съ одной стороны, защитники усиливались доказать какъ необходимый для спасенія догматъ—главенство папы въ церкви, чтобы потомъ привязать его и къ дѣламъ гражданскимъ; съ другой—болѣе умѣренные латиняне, — ссылаясь на исторію церкви и ученіе отцевъ, приписывали выработку этаго мнимаго догмата длинной и долгой работѣ самихъ папъ, начавшихъ заниматься ею уже послѣ VI вѣка, и сдѣлавшихся изъ за нея виновниками отдѣленія западной церкви отъ общенія съ Восточной (Il Domin. tempor. d. Papi etc. *Ab. I. Leone*, p. 7.; Ricordi

di Roma per *Abate Filippo Perfetti*, p. 20. 21., Firenze, 1861, Delle Nuove Condizioni del Papato, *Ab. Filippo Perfetti*, p. 16. Firenze. 1861. и др.)—Ультрамонтане наперерывъ пустились доказывать, что папа и по праву преемника апостола Петра, и по царственнымъ записямъ владѣетъ церковною областію и чрезъ помазаніе возводитъ королей на римское царство, которые, однакожъ, по выраженію Монталамбера о Карлѣ В., (*Lettera* § 5. p. 18. 19), „были удаляемы какою-то непобѣдимою и тайною силою отъ (царствованія въ) тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возвышался единый тронъ, можетъ быть гораздо возвышеннѣйшій Карлова". Не раздѣляющая ихъ мнѣнія партія представила въ достаточной полнотѣ всѣ факты, утверждающіе — какъ папы, изловчились наконецъ стать выше всѣхъ западныхъ владѣтельныхъ епископовъ и пробились до своей цѣли—свѣтскаго владычества, одобряя и раздѣляя мнѣнія Пипина на счетъ похищеній и мысль Карла Великаго на счетъ честолюбія (Il dom. tempor. dei Papi etc. *Ab. I. Leone* p. 7. *Ab. Perfetti* ibid.; Il papato, primato e temporale, inconciliabilita dei due poteri etc. per *Rocco Escalona*, p. 210. 211. 227—241. Napoli, 1861 и др.). Наконецъ, ультрамонтане, опираясь на сфабрикованный папами и возведенный къ первымъ вѣкамъ церкви кодексъ, другъ передъ другомъ доказывали, что папа есть самодержавный государь царства духовнаго и всѣхъ царствъ гражданскихъ; что желающій спастись необходимо долженъ вѣровать, что всякая власть духовная и свѣтская, даже благосостояніе банкировъ, національность народовъ исходятъ отъ однихъ папъ (Monsignore *Gaume* in Unità Cattolica № 32. p. 250. an. 1861. *Propagande Italienne*. Le Pape devant les Evangiles, l'Histoire e la

raison humaine, p. 19—29. Naples. 1861. Приведены слова Данта и Аріоста о фальшивой дарственной грамотѣ папамъ отъ Константина, и исторія сожженія грамоты между Страсбургомъ и Базелемъ. *Ab. I. Leone*, p. 8. *Rocco Escalona* p. 232. 233. и др.). Съ другой стороны болѣе правдолюбивые латиняне до очевидности раскрыли, что невѣжество среднихъ вѣковъ, наводненіе Европы варварами, паденіе имперіи римской, извращеніе всякаго гражданскаго порядка — проложили папамъ дорогу ко всемірному владычеству, умѣвшимъ для достиженія своей цѣли пользоваться духовною властію на произнесеніе отлученій королямъ, разрѣшеніе подданныхъ отъ присяги на вѣрность, на введеніе въ общественную жизнь Европы ужасовъ инквизиціи и на снабженіе законныхъ и побочныхъ дѣтей, внуковъ и родственниковъ богатствами, княжествами, герцогствами и проч. (Il dom. temp. dei Papi etc. *Ab. I. Leone* p. 8. сравн. Il papato, l'impero, e il regno d'Italia. Memoria di Monsignor *Francesco Liverani*, prelato domestico etc., p. 17—53 etc. 3 edit. Firenze, 1861., *Rocco Escalona* ibid. и др.)

Вотъ три степени восхожденія папской власти, къ которымъ, какъ дополненіе и точку опоры, нужно присоединить и пресловутое ученіе о непогрѣшимости папъ. Ссылаясь на сужденіе ультрамонтанъ о свѣтской власти папъ, сопоставимъ ему и сужденіе умѣренной партіи (¹), которой для подтвержденія своихъ положеній необходимо было раскрыть духъ и характеръ

(¹) Кромѣ указанныхъ уже—прелата Ливерани, профессора Пассальи, аббата Леона, аббата Ф. Перфетти, депутата Рокко Эскалона,—къ умѣренной партіи принадлежатъ и другіе, сочиненія которыхъ также находятся у насъ подъ руками, именно: кардиналъ Андрея, каноникъ

первенствующей церкви (*Ab. I. Leone*, и Padre *Passaglia* in Apologia per la Causa italiana ai voscovi cattolici. Firenze. 1861), вопросить древніе письменные памятники, показать, какъ страшно противорѣчатъ первенствующей церкви послѣдующія постановленія римской церкви, однимъ словомъ: доказать, что настоящая система папская, съ настойчивостію защищаемая и по мѣстамъ подогрѣваемая жаромъ мнимой религіозной ревности, „унижаетъ и отвергаетъ, по выраженію аббата I. Леонэ, самыхъ первѣйшихъ и достоуважаемыхъ отцевъ церкви и даже тѣхъ изъ нихъ, которые нѣкогда занимали епископскій престолъ въ Римѣ" (p. 3). Это сопоставленіе мнѣній крайней и умѣренной партіи дастъ намъ возможность разсмотрѣть сужденіе ихъ о свѣтской власти папъ въ возможной полнотѣ; но этимъ еще нельзя ограничиться. Такъ какъ папа въ окружныхъ посланіяхъ назначаетъ противникамъ свѣтской его власти божественныя наказанія; такъ какъ епископы въ своихъ грамотахъ объявляютъ противниковъ свѣтской власти врагами Божіими и церкви, грозятъ анаѳемою противникамъ ея изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ([1]), опре-

---

Реали, аббатъ Антонинъ Исаіа, доминиканскій патеръ Лудовикъ Прота, а. Эрисетъ Филалетъ, и др., журналы клерикальные: Parola Cattolica и Colonna di Fuoco, и сочиненіе «Rome des Papes», которое прелатъ Ливерани признаетъ правдивымъ.

([1]) Примѣру орлеанскаго епископа Дюпанлу быстро послѣдовали и другіе епископы Франціи. Вотъ нѣсколько строкъ изъ пастырскаго посланія епископа города Пуатьэ, который не усумнился настоящее положеніе папы къ страстямъ Іисуса Христа приравнить, такъ что и въ политикѣ императора Наполеона III указалъ дѣятельность и окаянство Пилата. «Служитель неправды, пишетъ епископъ, слѣдуетъ своимъ путемъ, вотъ что должно сказать о сынѣ, который въ слухъ всѣхъ говорилъ отцу своему: отецъ мой! я, первородный твой сынъ, объявилъ предъ лицемъ всего міра, что ты нарушитель клятвы, неблагодарный, и что, не теряя сыновняго уваженія къ те-

дѣляютъ имъ запрещенія, составляютъ въ защиту свѣтской власти папъ *священныя лиги*, приводятъ въ движеніе тайныя общества, и наконецъ во имя религіозныхъ вѣрованій обольщаютъ души людей простыхъ и невѣждъ, то излагая сужденіе латинскаго клира о свѣтской вла-

---

бѣ, я однакоже — на утро предоставлю тебя своей печальной участи, какую ты заслужилъ своимъ сопротивленіемъ и ослѣпленіемъ... Пилатъ, видя, что онъ ничего не успѣваетъ, и замѣчая, что вокругъ него требованія возрастаютъ и дѣлаются самыми настойчивыми, понялъ, что какъ скоро онъ уступитъ всѣмъ хотѣніямъ толпы, унизится до самаго крайняго акта слабости, и—вотъ онъ приказалъ подать себѣ воды, умылъ руки и сказалъ: я неповиненъ въ крови праведнаго сего. Такъ онъ поступилъ, и — потомъ предалъ Іисуса на бичеваніе, на знаменахъ его Іудеямъ, чтобы они пригвоздили его ко кресту. Но потомство, читая это рѣшеніе, которое Пилатъ не приписывалъ себѣ, и въ знакъ чего умылъ руки, можетъ ли считать его неповиннымъ?... Внимайте, нынѣ этотъ человѣкъ, отмѣченный печатью богоубійства, включенный даже въ скрижали нашего Символа,—кто онъ такой? Онъ не-Иродъ, не-Каіафа, не-Іуда, не-еврейскій или римскій сикарій; этотъ человѣкъ — Пилатъ Понтійскій: совершенная правда, Иродъ, Каіафа, Іуда и др. имѣли свою долю въ совершеніи злодѣянія; но изъ всего не вышло бы ни чего безъ Пилата. Пилатъ могъ спасти Христа; и безъ Пилата не могли вести Христа на смерть. Окончательное утвержденіе приговора не могло выйти ни отъ кого, кромѣ Пилата. Умывай свои руки, Пилатъ! Объявляй себя невиннымъ въ смерти Христа; вмѣсто всякаго отвѣта, мы будемъ говорить постоянно тебѣ и позднѣйшее потомство будетъ также постоянно говорить: я вѣрую во Іисуса Христа, страдавшаго и умершаго при Понтіи Пилатѣ.» (Журн. Неаполит. Pungolo, № 62. 4 марта 1861). Римляне глубоко были огорчены этою ревностію ультрамонтанскихъ прелатовъ Франціи, хотя по добротѣ сердца старались извинить ее невѣдѣніемъ настоящаго положенія дѣлъ въ Римѣ. «Епископы Франціи», писалъ одинъ римлянинъ въ Парижъ, отъ 21 января, «которые защищаютъ правительство папское, очевидно, нисколько не знаютъ его. Нѣтъ другаго правительства болѣе враждебнаго Вѣрѣ, какъ римское. Если бы только половина его бездѣльничествъ была извѣстна во Франціи, то ни одинъ прелатъ французскій не осмѣлился бы поддерживать его» (*Pungolo*, 6 февр. 1861). Но трудно предположить во французскихъ прелатахъ подобное незнаніе, когда и свѣтскіе люди въ своихъ письмахъ отъ 13 февр. (ibid.) изображаютъ папу и его дворъ «покровителями реакціонеровъ, шпіоновъ, суевѣровъ, мечтателей, сикаріевъ», и проч.

сти папъ, необходимо указать и на то, какъ сами латиняне съ помощію исторіи, каноническаго права, настоящаго порядка вещей въ Римѣ, стараются разсѣять и опровергнуть эти заблужденія. Съ исторіею въ рукахъ они припоминаютъ одинаковую же дѣятельность папъ, когда возрожденіе наукъ, появленіе критики, уклоненіе въ XVI вѣкѣ большей части запада къ протестантству и его сектамъ — заставили папъ сойти съ самой верхней ступени своего владычества; равно послышались жалобы отъ папъ и въ XVII вѣкѣ, когда явленіе галликанства спустило ихъ со второй ступени величія, такъ что папы, оставшись при небольшемъ клочкѣ земли, сдѣлались изъ патроновъ императорамъ и королямъ слугами ихъ, и, занявши второстепенную роль въ ряду государствъ, поставлены въ предѣлы тѣми, которыхъ нѣкогда заставляли трепетать. — Теперь у однихъ изъ клира въ заключеніе ихъ сужденій идетъ вопросъ о томъ, спустятся или нѣтъ папы и съ третьей ступени своего владычества, то есть: лишатся ли они свѣтской власти; а другіе, доказывая, что свѣтская власть папъ разрушаетъ церковь и страшно вредитъ государствамъ, особенно Италіи,—рѣшаютъ: во что бы то ни стало отнять у папъ свѣтскую власть.

Изъ всего этого изслѣдованія увидимъ, какимъ образомъ, по сужденію самихъ латинянъ, изъ товарища и равнаго другимъ епископъ Рима сталъ главою всѣхъ западныхъ епископовъ, и какимъ образомъ, считаясь вассаломъ императоровъ и королей, достигъ до свѣтскаго княженія, и за тѣмъ до владычества надъ всѣмъ міромъ латинскимъ. „Это изслѣдованіе“, говоритъ аббатъ I. Леонэ, „покажетъ, почему папство, послѣ того какъ оно господствовало надъ государями и царствами

посредствомъ законовъ твердыхъ, могущества безграничнаго, бывши всегда первымъ на виду, равнымъ Юпитеру между богами и полубогами земли (сравн. Ricord. di Roma per Ab. *Filippo Perfetti*, p. 23. Firenze, 1861), представителемъ прошлаго худаго, несокрушимою препоною для всѣхъ преобразованій, худшимъ изъ всѣхъ правительствъ на землѣ, боявшимся добродѣтелей властныхъ лицъ больше, чѣмъ пороковъ ихъ (сравн. Ric. di Roma, *Filip. Perfetti*, p. 21), преобразовавшимся, по выраженію прелата Ливерани, въ общество торговцевъ и мѣнялъ (Il Papato l'Impero e il Regno d'Italia. Memoria di *Monsignor Francesco Liverani*, 3 edit. p. 52 53 etc. Firenze, 1861),—послѣ всего этого должно быть со всѣхъ сторонъ разобрано и обсуждено предъ судомъ образованныхъ народовъ, чтобы взять съ него отчетъ во всякомъ дѣлѣ и ученіи, лишить короны,—за тѣмъ, чтобы со всѣми другими папа вошелъ въ настоящія условія общественной жизни, воспринялъ служебный и духовный характеръ, котораго ни онъ и никто изъ посвятившихъ себя на служеніе церкви никогда не долженъ оставлять" (Il Domin. tempor. d. Papi etc. *Ab. I. Leone*, p. 10. Torino, 1860. сравн. Il Papato, l' Impero e il Regno d' Italia. Memoria di *Monsignor Franc. Liverani*. p. 243—275.; Apologia per la Causa Italiana ai vescovi cattolici, *P. Passaglia*, p. 58—93. Firenze, 1861. и др. соч. Roma capitale della Nazione Italiana e gl' interessi cattolici. Idee comparative e giudizio del *Padre Luigi Prota* domenicano. p. 32—117. Napoli. 1861) (1).

---

(1) Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ пристрастіи, при изслѣдованіи взятаго нами щекотливаго вопроса, будемъ брать какъ положенія, такъ и опровержение ихъ только изъ указанныхъ нами сочиненій латинскаго клира; даже самыя изреченія отцевъ и учителей

Въ сообразность съ приведенными нами предварительными разсужденіями о свѣтской власти папъ,—все изслѣдованіе о ней предполагаемъ раздѣлить на слѣдующія части:

I. Усилія новѣйшихъ защитниковъ папы изказить древнюю идею о Церкви, чтобы оправдать присвоеніе папами свѣтской власти, которая

II. Несообразна и несовмѣстна съ епископскимъ служеніемъ, хотя папы, забывая о немъ, нѣкогда употребили (и до сихъ поръ не отказываются употреблять) всѣ усилія и хитрости для достиженія ея.

III. Пожертвовали духовнымъ пастырствомъ идолослуженію мірскихъ выгодъ, и систематически уничтожили истины Евангелія, проложивши себѣ путь ко всемірной монархіи, которую и отстаивали всѣми силами, хотя Церковь и общество сдѣлались отъ этого обширнымъ Вавилономъ.

IV. Измыслили, чтобы свободнѣе развязать себѣ руки на всѣ нововведенія, пресловутую непогрѣшимость, которая опровергается фактами самихъ же папъ.

V. Послѣ неудачной борьбы съ протестантствомъ и галликанствомъ, папы настоящимъ положеніемъ дѣлъ приведены къ рѣшенію вопроса — волею, неволею от-

---

церкви будемъ приводить по ихъ руководству; свидѣтельства же исторіи, указанія каноническаго права и разныя явленія папскаго быта будемъ приводить изъ сочиненій Мобильона, Паэка, Наталиса Александра, церковной исторіи аббата Флёри, церковной исторіи подражателя аббата А. Б. венеціанскаго юрисконсульта, также изъ сочиненій и меморіаловъ кардиналовъ: Баронія, Беллармина, Паллавичино, Коша, Берниса, Пакка, Консальви: проповѣдниковъ: Оливы, Казини, Альбриція, Іеронима Норди,—иногда изъ Розмини, Вентуры, Павла Сарпи,—новѣйшихъ: бенедиктинскаго монаха Тоста, проповѣдника I. да Форіо и др.

казаться отъ свѣтской своей власти, чего отъ нихъ требуютъ Вѣра и состояніе итальянской страны.

1. Усилія новѣйшихъ защитниковъ папы изказить древнюю идею о церкви, чтобы оправдать присвоеніе папами свѣтской власти.

Болѣе всѣхъ занимались этимъ предметомъ аббатъ Іаковъ Леонэ и профессоръ патеръ Пассалья. При всей учености патера Пассальи, котораго изслѣдованія обильны отеческими свидѣтельствами, замѣчаемъ, что онъ никакъ не можетъ отрѣшиться въ своемъ понятіи о Церкви отъ главенства папы; и потому излагая ученіе о Церкви, Пассалья нерѣдко показывается тѣмъ латинскимъ патеромъ, который не только въ 1854 году руводилъ всѣмъ западнымъ клиромъ въ принятіи новоизмышленнаго догмата „о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи", но и донынѣ готовъ всякому доказывать, что папа есть викарій Іисуса Христа, преемникъ апостола Петра, видимый глава церкви и непогрѣшимый рѣшитель всякаго спорнаго въ церкви вопроса,—какъ мы и видимъ это въ сочиненіи его „Per la causa Italiana ai vescovi cattolici apologia". Гораздо безпристрастнѣе его, при изложеніи ученія о первенствующей Церкви, аббатъ І. Леонэ. Впрочемъ пусть каждый изъ нихъ, равно какъ и другіе латиняне, держащіе сторону того или другаго, говорятъ сами за себя.

„Три вѣка назадъ тому, говоритъ аббатъ І. Леонэ, среди жаркой борьбы сектъ, при возрастающихъ успѣхахъ въ изученіи исторіи, появилось на свѣтъ много истинъ, которыя должны были допустить тѣ самые, кого онѣ болѣе всего поражали. Не желая казаться при-

стыженными и побѣжденными, обличенные прибѣгли къ новой системѣ защиты" (Il domin. tempor. d. Papi et cet. *Ab. I. Leone*. p. 11). Первымъ изобрѣтателемъ новой системы былъ *де-Мэстръ*; онъ безъ околичностей сознался, что первенство (primato) римской церкви не было извѣстно долгое время, и самъ апостолъ *Петръ не зналъ его*, но что оно явилось уже позже *какъ бы изъ зерна естественное и необходимое развитіе* (du Pape, 1. cap. 6). Въ Англіи и Германія теорія развитія была принята сторонниками Рима, какъ самое благопріятное открытіе. Докторъ Ньюменъ (Newman) сталъ ратовать за нее (An essay on the developement of the christian doctrine); кардиналъ Висеманъ, приматъ англійскій, съ жаромъ распространялъ ее и защищалъ (Review of Dublin, December, 1845, p. 327); профессоръ баварскій, знаменитый Мёлеръ (Moelher), покушался возвести ее въ аксіому.

Прилагая новую систему къ церковной практикѣ, аббатъ I. Леонэ замѣчаетъ: „при новой системѣ не было новизны, которую нельзя было бы оправдать; не было обвиненія, котораго нельзя было бы поразить; не было ни одного притязанія папскаго самодержавія, ни множества разногласій и противорѣчій, которыхъ нельзя было бы окрестить какъ *развитіе* древняго ученія." (Il dom. tempor. d. Papi etc. *Ab. I. Leone* p. 12). Между тѣмъ нѣтъ ничего фальшивѣе этой системы. Для убѣжденія себя въ этомъ, достаточно послушать, какъ самъ Мёлеръ трактовалъ объ одномъ самомъ главномъ членѣ римскаго ученія. Мёлера не могутъ заподозрить; потому что сама католическая (римская) школа для *добрыхъ книгъ* обнародовала его сочиненія и перевела ихъ на итальянскій языкъ. „Тѣ, говоритъ Мёлеръ, которые

желали бы имѣть изъ исторіи неопровержимыя доказательства папскаго первенства (primato) прежде эпохи, выше указанной нами, какъ такой эпохи, въ которую единство Церкви обнаруживается во всей своей силѣ (время св. Кипріана Карѳаг.) (¹), — тѣ должны убѣдиться, что они *ищутъ вещи неразумной, потому что невозможной* — по отношенію къ законамъ, которымъ подчиняется истинное *развитіе* вещей. А объ тѣхъ, которые воображаютъ о себѣ, что они нашли установленіе папскаго первенства прежде этого времени, можно сказать, что ихъ *трудъ, который они усиливались одолѣть, безплоденъ и притязанія ихъ бездоказательны* (Dell' unità della Chiesa, o sia del principio, del Cattolicismo Secondo lo Spirito de' Padri dei primi tre Secoli della Chiesa. Milano, tipografia e libreria *Pirotta* etc. 1841 p. 242). Патеръ Пассалья послѣдовалъ внушеніямъ Мёлера, и, начавши со времени Кипріана, слишкомъ много (per la causa italiana ai vescovi cattolici apologia etc. p. 38—46) посвятилъ своего труда на разсмотрѣніе и доказательство мнимаго догмата о приматствѣ папы въ смыслѣ главенства: видно, что онъ попалъ на любимую свою

(¹) Другіе ученые латиняне даже и этого не утверждаютъ, не смотря на свою ревность защищать главенство папы. Аббатъ А. Б. юрисконсультъ венеціанскій, жившій до появленія на свѣтъ системы развитія, говоритъ, что епископъ Рима въ первый разъ названъ *папою* (въ смыслѣ почета и превосходства) на толедскомъ соборѣ *въ 400 году;* что *въ 538 году* императоръ Юстиніанъ, издавая нѣкоторые церковные законы, «наименовалъ *первымъ* изъ всѣхъ епископовъ римскаго, за нимъ константинопольскаго; что папа римскій и четыре патріарха: константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій (а не другіе епископы) могутъ дѣлать подарки епископамъ и клирикамъ въ сумму, не выше 20 фунтовъ золота; что клирики епархіальные не могутъ являться въ Константинополь безъ позволенія патріарха константинопольскаго или императора», а о позволеніи отъ папы ни слова (Nuova Compilazione di Storia della Chiesa... al diritto ecclesiastico etc. dell' Aba-

тему. Не такъ ученымъ, какъ патеръ Пассалья и аббатъ I. Леонэ, а скорѣе говорящимъ голословно и какъ бы по затверженному уроку, напр. прелату Гому — признаніе Мёлера не было закономъ и не помѣшало утверждать даже хулу, что „папа есть продолженіе Сына Божія, Первосвященника и Царя. Соединеніе въ лицѣ папы царскаго достоинства и первосвященства (въ смыслѣ главенства) необходимо для представленія предъ поколѣніями, которыя преходятъ, царя и первосвященника, *который не преходитъ*" (Unità Cattolica № 32 p. 251 an. 1861). Этому богохульству, равно и смѣлой теоріи Мёлера, не чуждой, по мѣстамъ, загадочныхъ положеній и тонкостей Маккіавеля, мы противопоставимъ теорію всѣхъ отцевъ не обманчивую и противорѣчащую, а ясную, строгую и неопровержимую. Подъ защиту ея не укроются ни ложные доводы, ни обольщенія и обманы; если будемъ строго держаться ея, то „намъ, говоритъ аббатъ I. Леонэ, сдѣлается не только яснымъ, что свѣтская власть папъ не совмѣстна съ духовною, но даже при пособіи ея раззоримъ и самыя основанія папской власти; равно увидимъ,

---

te A. B. jurisconsulto Veneto. T. III. Venezia, an. 1789. p. 35. 242. 243). Папа Николай I, сильно домогавшійся власти надъ всѣми епископами, писалъ въ 866 году къ болгарскому царю: «*истинные патріархи* суть тѣ, которые правятъ церквами, (непосредственно) основанными отъ апостоловъ, то есть—*церковію Рима, церковію Александріи и церковію Антіохіи*..... Вторый патріархъ послѣ римскаго есть александрійскій» (ibid. T. V. p. 41. 42). «Мы, писалъ папа Іоаннъ VIII въ 879 г., «признаемъ Фотія епископомъ, *собратомъ и сотоварищемъ*, если онъ испроситъ прощенія»... (ibid. V. p. 118). А папѣ Николаю не хотѣлось признать въ достоинствѣ собрата и сотоварища какъ патріарха константинопольскаго, такъ и патріарха іерусалимскаго, которые, по его мнѣнію, не имѣли власти, равной ему и патріархамъ—Александріи и Антіохіи (ibid V. 41. 42). Итакъ, въ первые 9-ть вѣковъ Церкви сами папы не знали о своемъ приматствѣ, какъ главенствѣ.

что пресловутая система развитія разрушаетъ идею объ истинной древней Церкви и самую Церковь. Викентій Лиринскій, жившій въ V вѣкѣ, оставилъ знаменитыя во всѣхъ богословіяхъ правила, какъ отдѣлять и распознавать истинное ученіе отъ ложнаго. Если правилъ его, восхваляемыхъ отцами, всѣ богословы (даже и схоластики) держались донынѣ; то по какому праву осмѣлимся замѣнить ихъ совершенно противоположными?" (Jl Dom. temp. d. Papi etc. Ab. I. Leone, p. 13). Вотъ нѣкоторыя изъ правилъ Викентія Лиринскаго, приводимыя такъ, какъ находимъ ихъ въ сочиненіяхъ латинянъ:

„Что долженъ дѣлать каѳолическій христіанинъ, когда какая либо малая часть церкви отдѣлится отъ общенія вселенской Вѣры? Онъ долженъ предпочесть совратившемуся и испортившемуся члену цѣлость всего тѣла. А если потомъ случится, что новая язва заразитъ не только малую часть церкви, но и *всю церковь*? Тогда православный христіанинъ пусть старается держаться древняго ученія, которое отъ обмана нововводителей никакимъ образомъ не можетъ сдѣлаться фальшивымъ" (подложнымъ).—„Апостолъ написалъ къ Тимоѳею: *храни преданіе*. Что Апостолъ хотѣлъ сказать этимъ? Держи то, что̀ тебѣ ввѣрено, а не то, что̀ ты самъ изобрѣлъ; держи то, что̀ ты получилъ, а не то, что̀ ты себѣ вообразилъ; держи ученіе, а не трудъ твоего ума,—не мнѣніе твое личное, но общее преданіе, то, что̀ дошло до тебя, а не то, что̀ отъ тебя явилось на свѣтъ,—ученіе, котораго ты долженъ быть хранителемъ, а не сочинителемъ, не руководителемъ и основателемъ, а послѣдователемъ. *Храни*, говоритъ, *преданіе*; то есть: сохраняй ненарушимымъ и неповрежденнымъ сокровище ка-

еолической Вѣры. То̀ и пусть будетъ тобою передано, чему ты былъ наученъ и что̀ держалъ; ты получилъ золото, и передай золото; не позволяю, чтобы ты перемѣнилъ что либо, отдавая мнѣ одно вмѣсто другаго; не позволяю, чтобы вмѣсто золота ты безстыдно подмѣнилъ его свинцомъ, или положилъ мнѣ въ руки, по глупости, бронзу вмѣсто золота. Не хочу и золотой оболочки, а самаго золота".

„Кто нибудь скажетъ: значитъ, въ церкви Христовой нельзя допустить никакого *прогресса въ религіи?* Нѣтъ, можно, и притомъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Кто̀ захочетъ столько ненавидѣть людей, и столько завидовать Богу, что положитъ препятствіе (возрастанію Вѣры)? Но нужно, чтобъ былъ истинный прогрессъ вѣры, а *не перемѣна*. Прогрессомъ называется то, когда что̀ либо возрастаетъ, не мѣняя своей сущности, а *перемѣною* называется то, когда *что либо переходитъ изъ одной въ другую природу*. Итакъ, необходимо, чтобы разумѣніе, знаніе, мудрость каждаго какъ и всѣхъ, одного человѣка, какъ и всей церкви, со временемъ и возрастомъ принимали обширное и сильное возрастаніе. Но все (должно быть) въ своихъ собственныхъ границахъ, оставаясь, то-есть, въ одномъ и томъ же ученіи, въ одной и той же мысли, въ одномъ и томъ же разумѣ. Вѣра души должна въ своемъ прогрессѣ подражать основному закону (возрастанія) тѣла. Тѣла̀, хотя съ лѣтами не перестаютъ развиваться и дѣлаться мужественными, однакожъ не перестаютъ и быть тѣми же самыми. Различіе огромное между цвѣтомъ юности и зрѣлостію старости; но тотъ, кто нынѣ старъ, не другой, а тотъ же самый, который былъ и юношею, и, при различіи старика по одеждѣ и стану (отъ юно-

сти), природа и лицо (я) остаются тѣми же самыми. Младенцы имѣютъ малые члены; ставши юношами, они имѣютъ уже большіе члены; но въ томъ и другомъ возрастѣ—и члены, и лицо (я)—одни и тѣже. Сколько членовъ имѣютъ дѣти, столько же, а не болѣе, имѣютъ и люди взрослые; и если въ зрѣлыхъ лѣтахъ нѣкоторые члены дѣлаются болѣе развитыми, то они были у человѣка и въ дѣтствѣ, только въ меньшемъ развитіи, такъ что ничего новаго нельзя показать въ старикѣ, чего не было бы у него въ нѣжномъ дѣтствѣ прежде сокрытымъ (неразвитымъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это правило прогресса — истинное и законное, — разумный и прекрасный порядокъ развитія, то есть въ каждомъ періодѣ возраста постоянно развиваются тѣ самыя части и формы, съ которыми мудрость Творца предуставила являться на свѣтъ младенцамъ. Если же, на оборотъ, современемъ фигура человѣка измѣняется въ другую какую либо, или прибавляются, либо отнимаются члены; то или все тѣло человѣка погибаетъ, или дѣлается чудовищнымъ, либо *по крайней мѣрѣ* съ недостатками".

„Христіанская Вѣра повсюду должна слѣдовать этимъ законамъ усовершенствованія,—крѣпнуть, расширяться и возвышаться съ теченіемъ вѣковъ, но *оставаясь неповрежденною и ненарушимою*. Попуститъ ли Богъ, чтобы въ саду, богатомъ множествомъ прекрасныхъ цвѣтовъ, раждались шипы и репейникъ? Потерпитъ ли Богъ, чтобы и садъ духовный, который богатъ корицею и бальзамами, производилъ куколь и пострѣлъ? Хотя позволено выражать въ формахъ упрощенныхъ, круглыхъ и красивыхъ древніе догматы небесной философіи; но *перемѣнять ихъ есть преступленіе*, равно какъ *преступ-*

леніе отсѣкать и обрубать ихъ. Потому что, гдѣ однажды допустятъ нечестивую и глупую вольность (въ отношеніи къ догматамъ), тамъ,—трепещу говоря это,—рискуютъ видѣть вѣру испачканною и разрушенною. При малѣйшей перемѣнѣ иные разгорятся желаніемъ сдѣлать бо́льшія перемѣны, отъ нововведенія перейдутъ къ нововведенію, и такимъ образомъ — до конца. Сначала отвергнутъ одно, потомъ другое, и наконецъ не выйдетъ ли то, что *совершенно отвергнутъ и все остальное?*"

„Вотъ истинная и древняя теорія, говоритъ аббатъ І. Леонэ, которою мы должны пользоваться, какъ *свѣточемъ на темномъ пути*; только въ этой теоріи мы можемъ имѣть вѣрный критерій для обсужденія взятаго нами вопроса; не допуская никакой обоюдности, она сильна разсѣять всякое сомнѣніе" (то есть относительно свѣтской власти и латинства. Il dom. temp. d. Papi, p. 15. 16). Несравненно умѣреннѣе аббата І. Леонэ заключаетъ по поводу выписки изъ Августина, подобной словамъ Викентія Лиринскаго, патеръ Пассалья: „кто будетъ столько слѣпъ", говоритъ Пассалья, „такъ мало дальновиденъ, что не примѣтитъ, какъ народъ итальянскій приведенъ къ такому жалкому положенію дѣлъ, которое угрожаетъ ему опасностію не далекою, а близкою, не легкою, а самою тяжелою—изпасть изъ сада церкви: многіе итальянцы или открытымъ и видимымъ, или скрытнымъ и духовнымъ отдѣленіемъ уже удалились отъ этой матери, и она уже вдовствуетъ отъ возлюбленнѣйшихъ дѣтей (потомства). Великая часть клира разногласитъ съ большимъ числомъ мірянъ; почти всѣ пастыри отдѣлены отъ своихъ паствъ, и самый пастырь пастырей, преемникъ Петра, августѣйшій викарій Христа на землѣ, устремляется съ осужденіями

и громами отлученій противъ итальянскаго королевства и противъ итальянскаго общества,—какъ будто бы изъ двойной власти вязать и рѣшить оставлена свободною епископамъ только одна власть *вязать*: такъ всѣ единодушны въ томъ, чтобы укорять, отвергать и проклинать то, чего всѣ итальянцы, безъ различія состоянія и званія, пламенно желаютъ." (Per la causa Italiana ai vescovi cattolici apologia etc. p. 25). Значитъ, латинство покинуло ученіе отцевъ, хранившихъ непреложно догматы Вѣры, когда въ саду его церковномъ появилось множество шиповъ и репейника. Отъ Пассальи опять обратимся къ Викентію Лиринскому и продолжимъ его рѣчь.

Объясняя слова апостола Павла изъ посланія къ Галатамъ (гл. 1): *аще кто благовѣститъ вамъ паче, неже благовѣстихомъ, аще и мы, аще и ангелъ съ небесе, анаѳема да будетъ*,—Викентій Лиринскій говоритъ: „что̀ значитъ: *аще и мы?* Почему Апостолъ не сказалъ: *аще и азъ?* Словами—аще и мы—онъ хочетъ сказать: *хотя бы Петръ*, хотя бы Андрей, хотя бы Іоаннъ, и наконецъ, хотя бы весь ликъ апостольскій *благовѣстилъ вамъ паче, неже благовѣстихомъ, анаѳема да будетъ.* Ужасное запрещеніе! Чтобы *прежде* (въ началѣ) проповѣданная Вѣра осталась *ненарушимою*, онъ не пощадилъ ни себя самаго, ни другихъ *апостоловъ, своихъ собратій.* И этого не достаточно: *аще*, прибавляетъ Апостолъ, и *ангелъ съ неба благовѣститъ вамъ паче, неже благовѣстихомъ, анаѳема да будетъ.* Не довольно, что изрекаетъ анаѳему на человѣческую природу; этотъ же приговоръ распространяетъ и на естество ангеловъ, чтобы *Вѣра, однажды преданная, пребывала здравою*." (*Vinc. Lirin.* Commonit. § 3, 8. 22. 23. у аббата I. Леона—

Il Dom. tempor. d. Papi. p. 13—16. и — Nuova compilaz. di storia della Chiesa... al Diritto ecclesiastico etc. *Abate A. B. Iurisconsulto Veneto*, t. III. p. 140—144. Venezia, 1789).

„Кто же, спрашиваетъ вслѣдъ за этими словами аббатъ I. Леонэ, можетъ быть когда либо такимъ непогрѣшимымъ судьею, который имѣлъ бы право налагать всѣмъ слѣпую вѣру, когда съ твердостію воспрещено всему лику апостольскому и самому ангелу небесному проповѣдывать что либо противное первоначальному преданію апостольской проповѣди?“ (ibid). Но ультрамонтане разсуждаютъ иначе: руководитель ихъ Мёлеръ нашелся противоположить свое начало неопровержимому ученію Викентія Лиринскаго.

„Три формы единства, говоритъ Мёлеръ, *мы нашли*, излагая періоды жизни церкви: епископовъ, митрополитовъ, приматство. Въ первоначальной церкви самый даже *епископъ нѣкоторымъ образомъ скрытъ среди другихъ вѣрныхъ* (¹); они собираются къ нему, не зная его. Апостолы учредили епископа, не объявивши почти о его существованіи. Епископа въ началѣ всѣ вѣрные едва-едва разумѣли (цѣнили), какъ епископа, хотя только онъ былъ тѣмъ лицемъ, около котораго собирались всѣ вѣрующіе. Чтобы епископы значительнѣе расширили кругъ единства, между ними явился митрополитъ. А среди всѣхъ епископовъ, собранныхъ во едино, былъ митрополитомъ приматъ. Чѣмъ болѣе положеніе церкви процвѣтало, тѣмъ болѣе первоначальное единеніе церкви имѣетъ своимъ представителемъ епископство, а про-

---

(¹) И послѣ этого паписты думаютъ еще побороть пресвитеріанъ — евангеликовъ и методистовъ.

чія степени — митрополитовъ и примата удаляются въ самую глубину картины. Во времена менѣе цвѣтущія единеніе, представляемое митрополитами, пріобрѣтаетъ самую большую дѣйственность, и даже по нуждѣ можетъ образовать новыя промежуточныя степени, каковыми въ послѣдующія эпохи суть: экзархи и патріархи. При самомъ *влачевномъ* и *трудномъ* состояніи церкви приматъ (то есть римскій папа) является въ величайшемъ своемъ блескѣ. Всѣ *нѣкогда раздѣленныя* силы церкви сосредоточиваются *вокругъ его одного*" (dell' Unita della Chiesa etc. p. 251 — 253). Весьма замѣчательно, что патеръ Пассалья чрезвычайно тонко обходитъ этотъ вопросъ; просто на основаніи писанія, ученія отцевъ и правилъ тридентинскаго собора перечисляетъ и доказываетъ существованіе въ церкви всѣхъ трехъ степеней священства: діаконовъ, пресвитеровъ и епископовъ, подчиненныхъ, по латинскому убѣжденію его, единому папѣ, епископу епископовъ (Per la causa Italiana... apologia, p. 12—16). Такимъ образомъ и Пассалья, собственно говоря, не далекъ отъ казуистики Мёлера. Послѣдній, упираясь на нее, силится возвысить то папское приматство, которое было причиною самыхъ большихъ безпорядковъ и которое осыпалъ Боссюетъ проклятіями по поводу нападеній кальвиниста Журьана, доказывавшаго въ лице латинству, что оно образовалось по степенямъ, а не вдругъ (Il dom. tempor. d. Papi etc. *Ab. I. Leone*, p. 17).

„Кромѣ того, Мёлерова теорія развитія," доказываетъ аббатъ I. Леоне, „извращаетъ то принимаемое Тертулліаномъ и другими отцами (и учителями) церкви начало, по которому образовалась церковь: только то истина и тотъ только каѳоликъ, которые первоначаль-

ны" (таковы, каковы были въ началѣ церкви); „а все тó ересь, *что явилось послѣ*" (*adoers. Praxi; Vinc. Lirin.* Commonit. lib. 1, 3. у *Ab. I. Leone*. p. 17. и nuova compil. di storia d. Chiesa etc. *Ab. A. B.* p. 141—143 t. III). Въ сообразность съ принятою системою, Мёлеръ выводитъ: „изъ этого необходимо слѣдуетъ, что всѣ формы единства были положены въ своемъ зародышѣ Провидѣніемъ, чтобы Церковь, въ какомъ бы она ни была положеніи, не лишалась помощи. Отсюда, новое заключеніе, что никакое приспособленіе этихъ формъ *не есть рѣшительное, чтобы представлять общее единство*" (p. 253).

„Но если ни одна изъ трехъ формъ не рѣшительна (не абсолютна), какъ говоритъ Мёлеръ, то не слѣдуетъ ли, заключаетъ аббатъ I. Леонэ, что всѣ три, имъ принятыя, случайны и измѣняемы, и что новыя нужды церкви могутъ произвести другія формы, совершенно различныя отъ указанныхъ? Публичная ересь въ глазахъ Рима! Какъ случилось, что сочиненія Мёлера могли пріобрѣсти полный вѣсъ и довѣріе у защитниковъ папской системы, которые повсюду, гдѣ только могли, распространили ихъ, когда эти сочиненія служатъ хорошимъ оружіемъ противъ самихъ же сектантовъ?" (Il dom. tempor. d. papi etc. *Ab. I. Leone*, p. 17, 18). Въ сочиненіяхъ Мёлера—не въ этихъ только словахъ — слабая сторона; онъ вынужденъ былъ, можетъ быть, противъ своего желанія, исповѣдать великую истину: описать существенный характеръ, котораго отъ своихъ служителей Церковь требовала въ первые вѣка, угрожая неудовлетворяющему ея требованіямъ лишеніемъ сана. „Прилагая это описаніе къ настоящему латинскому клиру, увидимъ, можно ли его," говоритъ аб-

батъ I. Леонэ, „считать истиннымъ христіанскимъ клиромъ, или только носящимъ, къ несчастію, это славное наименованіе“ (Il dom. temp. d. papi etc. p. 18).

„Какъ образъ любви общины, какъ прекраснѣйшее произведеніе ея“, говоритъ Мёлеръ, „клиръ есть образецъ всѣхъ добродѣтелей христіанскихъ. Всѣ должны обращать свои глаза къ тому, который есть идеалъ общины и красивѣйшій цвѣтъ ея; и кто созерцалъ его жизнь, тотъ долженъ возжечься энтузіазмомъ къ Іисусу Христу. Его рѣчи суть потокъ внутренней жизни; его дѣйствія открываютъ неисчерпаемое сокровище божественной милости. Содѣлавшій смертный грѣхъ послѣ крещенія уже не достоинъ этого высочайшаго званія, и тотъ, кто учинилъ какой либо грѣхъ, уже, какъ согрѣшившій, не можетъ болѣе занимать своего мѣста. Такъ какъ епископъ въ своемъ живомъ образѣ долженъ представлять любовь всѣхъ; то всѣ и должны присутствовать при его избраніи; всѣ должны свидѣтельствовать, что онъ всѣхъ превзошелъ любовію къ Іисусу Христу и силою проповѣдывать Его; всѣ должны видѣть въ немъ того, кто всѣхъ ихъ собираетъ, — того, кто какъ имѣетъ обязанность представлять любовь всѣхъ, такъ долженъ и пользоваться любовію всѣхъ... Кто домогается епископскаго достоинства, тотъ не достоинъ его; а кто достоинъ, тотъ не домогается“. (d. Unitá d. Chiesa etc. p. 192). Подобныя слова приводитъ изъ Августина и патеръ Пассалья въ своей апологіи итальянскаго дѣла (p. 29. 30). Но вмѣстѣ съ тѣмъ (можетъ быть, и по ошибкѣ пера) приводитъ и тѣ слова изъ Августина, которыя далеко не гармонируютъ съ ультрамонтанскимъ ученіемъ о папѣ, какъ видимой главѣ церкви и епископѣ епископовъ. „Что значитъ: чрезъ

твоихъ отцевъ родились тебѣ сыновья?“—спрашиваетъ блаж. Августинъ, объясняя эти слова Псалмопѣвца, и отвѣчаетъ: „апостолы, какъ отцы, были посланы; чрезъ апостоловъ родились ей (Церкви) сыновья; они были поставлены во епископовъ. Но откуда родились епископы, которые нынѣ находятся въ мірѣ? Она (церковь) именуетъ ихъ отцами; она ихъ родила“ (значитъ, не папа); „она вручила имъ апостольскіе престолы“ (а не милость папы). „Итакъ, пусть не считаютъ ее безплодною; потому что *не видятъ Петра, не видятъ Павла, которыми она рождена*; изъ своего собственнаго сѣмени (чадства) она возрастила себѣ отечество“ (Per la causa Italiana apologia etc p. 29). Подтверждая свои мысли о качествахъ клира и епископовъ первенствующей церкви, Пассалья довольствуется однимъ Августиномъ; тогда какъ Мёлеръ свои положенія доказываетъ свидѣтельствами многихъ древнихъ отцевъ и греческихъ и латинскихъ; значитъ „старается выдержать ту мысль“, предполагаетъ аббатъ І. Леонэ, „что описываетъ состояніе церкви такъ, какъ учредили ее апостолы, и какъ она должна всегда пребывать“ (¹). Но мало по малу (латинская) „церковь, говоритъ аббатъ І. Леонэ, начала вводить у себя систему, совершенно противоположную описанной Мёлеромъ, хотя нововведенія встрѣчены были со стороны нѣкоторыхъ латинянъ противорѣчіями и препятствіями. Пока (западный) клиръ не имѣлъ привиллегій и гордыхъ отличій, между имъ и (областною) церковію существовало тождество интересовъ; но когда мірская гордость овладѣла клиромъ, то

(¹) Большая часть книги прелата Ливерани представляетъ описаніе совершенно превратнаго характера папъ, прелатовъ, монаховъ и пр. (p. 117—125).

онъ уже не заботился болѣе о древнихъ канонахъ церкви, а старался только оправдать извращеніе порядка (¹); такъ что клиръ и церковь образовали (на западѣ) два враждебные другъ другу стана. Въ этомъ сознается и Мёлеръ, хотя, по привычкѣ своей, никакъ не можетъ удержаться отъ тонкостей Маккіавелевой политики" (Il dom. temp. d. Papi, 19. 20).

„Община (вѣрныхъ) и епископъ", говоритъ Мёлеръ, „день ото дня все болѣе и болѣе отдѣлялись другъ отъ друга и образовали нѣкоторымъ образомъ противоположные одна другому взгляды" (см. ниже).

„Описанный у Мёлера дуализмъ, по словамъ аббата I. Леонэ, гораздо важнѣе, чѣмъ кажется онъ съ перваго взгляда. Кто не захочетъ обольщать себя, тотъ откроетъ его не только между клиромъ и міряна ми, но и въ нѣдрѣ самаго клира — между *высшимъ* и *низшимъ* клиромъ, какъ они (нынѣ) зовутся; — первый вооруженъ деспотизмомъ, второй угнетенъ неволею. Между самыми невольниками одни остаются неподвижными ради своего невѣжества; другіе, болѣе разумные, силятся обрѣсти искупленіе, которому Римъ непреодолимо противится, приводя въ движеніе всѣ свои силы, которыми еще онъ можетъ располагать. День ото дня борьба угрожаетъ сдѣлаться самою упорною. А кто виноватъ въ этомъ? — Высшій клиръ; онъ подавлялъ всякое самое законное стремленіе, не терпѣлъ истины, всѣми силами держалъ подъ спудомъ лампаду, которую Іисусъ Христосъ поставилъ въ своей Церкви, чтобы она въ обиліи и безпрепятственно разливала самый живый

(¹) Подробности объ этомъ извращеніи порядка можно читать въ *Rome des Papes*. Bale. London. 1859. Volume 1, 11 et 161.

свѣтъ“ (Il domin. tempor. d. Papi, p. 20). „Движимый этими размышленіями“, говоритъ аб. А. Ферранти о патерѣ Пассальи въ предисловіи къ переводу его сочиненія, „священникъ (римско-)католическій, видя, какъ злоупотребляется власть іерархическая, какъ сильно возмущены совѣсти, и какой важной опасности подвержена вѣра нашихъ отцевъ, обратился (то есть п. Пассалья) съ свободнымъ и откровеннымъ словомъ къ (римско-) католическому епископству, чтобы воззвать его къ высотѣ его назначенія. Глубоко проникнутый идеею священническаго достоинства, онъ въ самомъ же началѣ показываетъ, что хоть священникъ имѣетъ низшую епископа степень, но во всякомъ случаѣ не есть подданный его, какъ рабъ непотребный, — что у него не отрицалось право говорить старѣйшимъ; потому что и самъ онъ старѣйшій (Seniore—presbyter); такъ какъ и ему дано самымъ дѣломъ участіе въ божественномъ служеніи—вязать и рѣшить; наконецъ—своимъ словомъ онъ подражаетъ безчисленнымъ въ исторіи примѣрамъ (пресвитеровъ) первенствующей и средневѣковой Церкви. Потомъ, со всею простотою вопрошая ученіе евангельское и церковныя преданія, онъ (Пассалья) заставляетъ ухо пастырей душъ слышать не грозный и начальный языкъ куріи, но золотыя реченія отцевъ (Церкви), — кроткія выраженія христіанской любви, которая нынѣ ужъ слишкомъ забыта и пренебрежена“ (Avvertenza del Traduttore „per la causa Italiana“ etc. *Ab. Ferranti*, p. 5. 6). Ультрамонтанамъ не нужны такія признанія, хотя бы они были произнесены цѣлою половиною всего числа римско-католическихъ священниковъ. Защитники свѣтской власти папъ и нераздѣльныхъ отъ нея злоупотребленій неподвижно держатся

средневѣковой системы, не смотря на ея угловатость, уродливость и противорѣчіе почти на каждомъ шагу. Имъ не пригоденъ, хотя и благоговѣющій предъ папою, бывшій собратъ іезуитовъ, римскій профессоръ патеръ Пассалья, если онъ осмѣливается приводить свидѣтельства изъ отцевъ Церкви противъ папскаго владычества, попирающаго санъ епископа и христіанскую любовь; но они охотно будутъ держаться за баварскаго профессора Мёлера, хотя бы онъ противорѣчилъ самъ себѣ, говоря въ пользу свѣтской власти папъ. Если, впрочемъ, у Мёлера, не смотря на его ученость, достало духу принять на себя роль защитника латинскихъ безпорядковъ и нововведеній Рима, то нужно сознаться, что у него не стало твердости открыто попрать истину; одно средство нашелъ профессоръ, стараясь выйти изъ своего неловкаго положенія: составить свою рѣчь по образцу загадочныхъ изреченій Сивиллы. „Нельзя, говоритъ онъ, сдѣлать подачу голосовъ, чтобы епископъ возвратился (чтобы) быть образомъ общины, и *его воля и воля общины были тождественны*! Нынѣ онъ, кажется, часто дѣйствуетъ, или противъ воли, или безъ воли большинства общины, и только малое число вѣрныхъ съ подчиненіемъ пребываютъ на его сторонѣ“ (см. ниже). Это дѣйствованіе западныхъ епископовъ, и прежде всего папы, безъ согласія, или противъ воли общины вѣрныхъ зашло слишкомъ далеко. „Мы не не знаемъ“, говоритъ Пассалья, „что многіе епископы Италіи приняли такой методъ въ исправленіи своего служенія, что управленіемъ своимъ *вовлекаютъ души въ соблазнъ*, на мѣсто того, чтобы находить между ними питающихъ и возбуждающихъ міръ Христовъ, замѣчаемъ, что они имѣютъ въ виду страннымъ отдѣленіемъ раздѣлять на

части члены Христовы“ — (слова блаж. Августина у Пассальи). „И по истинѣ какъ терпятъ нашихъ отцевъ во Христѣ, нашихъ пастырей и учителей? Дѣло такъ очевидно, что для изображеній его не нужно прибѣгать къ преувеличеніямъ и прибавленіямъ. Народъ итальянскій восхищается радостію невыразимою, а епископы съ плаксивыми жалобами и конвульсивными предисловіями никогда не перестаютъ оплакивать собственный вредъ, собственную скорбь. Народъ громогласно благодаритъ Бога за полученныя благодѣянія, а епископы съ языкомъ обвиненія трубятъ всенародно, что настоитъ нужда удалить божественный гнѣвъ, призываемый преступленіями страны. Безчисленныя толпы народа стремятся въ святые храмы, а епископы отталкиваютъ ихъ, провозглашая ихъ недостойными поставить и ногу во святилище. Народъ проситъ (священниковъ), чтобы они принесли жертву мирную, искупительную, умилостивительную, евхаристическую; а епископы, угрожая пенею, удаляютъ священниковъ отъ священнодѣйствія. Однимъ словомъ нѣтъ вещи, какого бы рода она ни была, которой бы епископы съ самымъ сильнымъ жаромъ не похулили, если бы народъ Италіи весьма пламенно пожелалъ ея“. (Per la causa Italiana, etc. p. 32.) Туже мысль онъ развиваетъ и далѣе (pag. 33. 34). Епископы не только въ разногласіи съ народомъ, но даже не одного мнѣнія и съ клиромъ своимъ, какъ, согласно съ Пассальею, утверждаетъ переводчикъ сочиненія его, М. Ферранти: „мы далеки отъ того“, говоритъ онъ, „чтобы доказывать, что голосъ епископа представляетъ голосъ клира, а еще менѣе — голосъ какой либо отдѣльной церкви; должны сказать, что онъ выражаетъ только соединеніе личныхъ мнѣній, или—ес-

ли угодно—полное мнѣніе партіи“ (Avvertenza del Traduttore „per la Causa Italiana“ etc. p. 5), которая, какъ уже слышали изъ устъ Мёлера, съ подчиненіемъ остается на сторонѣ епископа. „За чѣмъ же люди партіи остаются на сторонѣ епископа?“ спрашиваетъ аббатъ I. Лесмэ. „Ужели, продолжаетъ онъ, составлять партіи епископа, значитъ, по ихъ мнѣнію, ревновать объ истинныхъ началахъ христіанскихъ? Всякій знаетъ, что священникъ (латинскій) одно только имѣетъ въ виду, чтобы сохранить себѣ убѣжище заблужденій и похищеній, которыя совершенно извращаютъ духовное служеніе его. Онъ старается поддержать религію обезображенную, и для интересовъ, которые христіанство громко укоряетъ. Свое дѣло они выполняютъ руками невѣждъ и зараженныхъ предразсудками, которые, не зная даже первыхъ началъ вѣры, не въ состояніи сдѣлать сравненія (латинской) церкви съ древнею. Если бы между ними побольше было образованныхъ; то, безъ сомнѣнія, подмѣтили бы, что настоящая (латинская) церковь отличается отъ первенствующей, какъ преисподняя отъ неба“ (Il. dom. tempor. d. Papi etc. p. 20. 21). Тѣже мысли выражаетъ а. Ферранти (Avvertenza del Traduttore „per la causa Italiana“ p. 1—6). Но чтобы совсѣмъ развязать себя отъ обязанности принять за образецъ для нынѣшней церкви древнюю церковь такою, какою самъ же изобразилъ, Мёлеръ старается придать видъ законности множеству перемѣнъ латинской церкви, которыхъ число увеличивается съ каждымъ днемъ, какъ будто бы основныя начала церкви могли до безконечности разнообразиться: „Нравы, говоритъ баварскій профессоръ, всегда давали поводъ къ (новымъ) постановленіямъ. Слѣдовательно, какимъ обра-

зомъ исторія можетъ основательно сказать, что гордость и честолюбіе епископовъ (запада) перемѣнили ихъ отношенія съ народомъ? Не епископы (виноваты); что *они возвысились, а народъ, который упалъ*; посему-то епископы необходимо и должны *казаться более высокими и более сильными, чѣмъ прежде*" (d. Unita etc. p. 202. 203). Какъ бы возражая на эту мысль, а. Ферранти говоритъ: „только въ новѣйшія времена, когда церковь.... подпала неограниченному деспотизму, могли говорить и повторять извѣстные журналы партіи тѣ слова, которыя разрушаютъ всю экономію іерархическаго правленія: „Епархіальная Церковь есть епископъ" (Avvertenza del Traduttore „per la causa Italiana" etc. p. 5). Не будемъ, подобно Ферранти, удивляться рѣчи Мёжера: она объясняетъ намъ пилатовскій характеръ латинскаго клира, который, по словамъ аббата I. Леона, не замедлилъ освятить всѣ свои похищенія, даже пороки и самые тяжкіе безпорядки. Подобно Пилату, клиръ запада только умываетъ свои руки; если онъ составилъ изъ себя отдѣльную касту, разрушилъ всѣ первоначальныя основанія церкви, сдѣлавши ее своею невольницею, засмотрѣлся на гордую пышность и пріобрѣлъ неограниченное могущество, сдѣлался какъ бы богомъ, произнося вѣщанія, которыхъ никто не могъ судить или противорѣчить имъ; то говорятъ, что во всемъ этомъ клиръ не виноватъ, а виноваты только однѣ его жертвы. Никогда не было видано, развѣ въ наше время, чтобы кто нибудь покусился увѣрить всѣхъ, что свинецъ есть золото, а золото — свинецъ. Въ прошедшіе вѣка, хотя злоупотребленія латинской церкви доходили до крайностей и все въ Церкви дѣлалось наперекоръ святымъ изреченіямъ Евангелія; но не было недостатка

въ людяхъ, всѣми уважаемыхъ, которые поднимали свой голосъ противъ злоупотребленій клира и съ силою внушали, кому слѣдуетъ, что они запрещены древними уставами Церкви. Изъ числа весьма многихъ приведемъ для образца простой, но выразительный и согласный съ Евангеліемъ, отрывокъ изъ разсужденій и увѣщаній (кляровалійскаго) аббата Бернарда (къ папѣ Евгенію III).

„Сужу, говоритъ Бернардъ, что никто никогда не можетъ доказать ни объ одномъ изъ апостоловъ, чтобы тотъ, или другой изъ нихъ былъ судьею людей, или опредѣлителемъ смѣжныхъ границъ, или раздѣлителемъ земель. Я читаю, что апостолы были приводимы на судилище и сидѣли на скамьѣ обвиняемыхъ и судимыхъ; но не нахожу, чтобы они сидѣли когда либо на судейскомъ мѣстѣ, судя другихъ... Итакъ, власть ваша надъ грѣхами, а не надъ имѣніемъ грѣшниковъ; для первыхъ, а не для послѣднихъ, вы получили ключи царства небеснаго. Тлѣнныя дѣла земныя имѣютъ своими естественными судьями царей и князей земли. Итакъ, за чѣмъ же вы переступаете предѣлы ближняго? За чѣмъ вы ставите вашу пяту на чужую межу? — Можетъ быть, святый апостолъ оставилъ вамъ имперію или право господствовать? Но св. Петръ не могъ тебѣ дать то, чего самъ не имѣлъ отъ Христа; что̀ имѣлъ, онъ тебѣ далъ, то есть попеченіе, какъ я сказалъ, о церквахъ. Можетъ быть, онъ оставилъ тебѣ и господство? Слушай, какъ онъ говоритъ: „не господствуя надъ наслѣдіемъ Господнимъ, но смиреннымъ примѣромъ бывая стаду“. А чтобы ты не подумалъ, что апостолъ сказалъ это по одному смиренію, слушай, какъ Господь говоритъ въ Евангеліи: „цари языкъ господствуютъ надъ ними, и тѣ, которые являютъ надъ ними

свою власть, называются благодѣтелями; но между вами не должно быть такъ.“ Явно, что апостоламъ запрещено владычество. Итакъ, одно изъ двухъ: или ты, желая господствовать, осмѣлился похитить апостольство, — или, давая себѣ титулъ „апостольскій“, похитилъ господство; очевидно, или то, или другое тебѣ запрещено. Если же и то и другое хочешь имѣть; то оба потеряешь.“ (De Consid. 1, 1. cap. 6; 1, 2. cap. 6. Эти слова приведены у аббата I. Леонэ—Il dom. temp. d. Papi etc. p. 21. 22. у патера Пассальи—per la causa Italiana apologia etc. p. 58, 59, 60, 91, 92, у патера Лудовика Проты—Roma Capitale dello nazione italiana e gl' interessi cattolici etc. p. 34, 35. Napoli, 1861).

По прочтеніи этихъ внушеній Бернарда папѣ Евгенію, невольно приходитъ на мысль, что если бы Бернардъ осмѣлился говорить такимъ же языкомъ нынѣ; то, безъ сомнѣнія, не былъ бы канонизованъ, и—даже заставили бы его считать великимъ благодѣяніемъ, если бы только запретили ему священнослуженіе за подобныя рѣчи, — какъ въ настоящее время поступили съ патерами Джàкомо (Іаковомъ), Пассальей, Антониномъ Исаіею и подобными, по выраженію папскаго декрета.

„Приведши слова Бернарда“, говоритъ аббатъ I. Леонэ, „мнѣ остается только выставить предъ лицемъ всѣхъ учрежденный самимъ Христомъ основный законъ для церкви, хотя законъ этотъ слишкомъ пренебрегается тѣми, кому выгодно отвергать его. Христосъ не однажды, а много разъ, и въ послѣдній — на тайной вечери, установивши таинство евхаристіи, обнародовалъ предъ апостолами свой законъ для церкви. „Явилась и распря между апостолами, кто изъ нихъ дол-

женъ первенствовать" (держать приматство). За нѣсколько минутъ предъ умовеніемъ ногъ, Іисусъ Христосъ объявилъ органическое начало въ продолжительной бесѣдѣ, и положилъ его, какъ основаніе, на которомъ постоянно должна пребывать церковь, и ради чего Онъ признавалъ бы ее за свою. Слова Господа были особенно торжественны въ виду приближающейся крестной смерти, и, безъ сомнѣнія, въ отношеніи къ установленію церкви, содержатъ самое яснѣйшее ученіе, какого только можно было пожелать когда либо".

„Цари языковъ господствуютъ ими, и тѣ, которые являютъ надъ ними свою власть, называются благодѣтелями, но *между вами не должно быть такъ*. Напротивъ, большій между вами пусть будетъ какъ меньшій; и кто предсѣдитъ, пусть будетъ какъ слуга. Ибо кто больше: тотъ ли, кто за столомъ, или тотъ, кто служитъ? Не тотъ ли, кто за столомъ? А Я посреди васъ какъ слуга (Лук. XXII, 23—27). Формула правительственная не можетъ быть выражена яснѣе этого и опредѣленнѣе. Прежде всего запрещается господство и власть, какими пользуются цари языческихъ народовъ и вельможи ихъ: *между вами не должно быть такъ*. Это самое сознавалъ Бернардъ, когда говорилъ, что господство и апостольство взаимно другъ друга разрушаютъ, и не могутъ быть вмѣстѣ. Послѣ того, какъ Іисусъ Христосъ далъ понять апостоламъ, что все, что̀ Онъ имъ запретилъ, они должны отвергать, какъ убійственный ядъ, переходитъ къ изображенію того величія, къ которому должны они стремиться, не разрушая апостольства, — возводитъ ихъ къ краеугольному камню, пренебреженному зиждущими; представляетъ церковь подъ образомъ пиршества, на которомъ сидятъ

вѣрующіе. Кто ищетъ первенства, кто желаетъ превосходства (быть выше), и если онъ избранъ всѣми, какъ лучшій, тотъ пусть приметъ на себя должность служить имъ. Итакъ, тѣ, которые занимаютъ первыя мѣста, *будутъ слугами для всѣхъ*. Христосъ характеризовалъ этими выраженіями величіе, которое единственно истиннымъ Онъ призналъ: *Я посреди васъ какъ слуга*. Вотъ неизмѣняемый законъ: сами будутъ служить (другимъ), а не (другіе) будутъ служить имъ. Кто нарушаетъ это условіе, тотъ мечтаетъ быть болѣе Христа и возмущается противъ Его ученія, вводя языческое начало въ то общество, которое непремѣннымъ своимъ долгомъ считаетъ поражать это начало со всѣмъ своимъ усиліемъ.—Послѣ перваго слѣдуютъ другія два неотдѣлимыя отъ него поприща.

Кто домогается первенствовать предъ другими, тотъ долженъ будетъ считаться и сдѣлаться „послѣднимъ и рабомъ всѣхъ.“ Другое условіе, такъ же неизмѣняемое, какъ первое, Христосъ показалъ на себѣ, когда, снявши одежды, и опоясавшись лентіемъ, влилъ воду въ умывальницу и умылъ ноги ученикамъ, не исключая Іуды Искаріота. Послѣ того какъ изобразилъ Церковь подъ образомъ пиршества, на которомъ Самъ служилъ, а не хотѣлъ, чтобы Ему служили, принимаетъ на себя образъ раба, умывающаго ноги своимъ господамъ,—должность несравненно унизительнѣе первой; и подъ этимъ послѣднимъ символомъ Онъ, хотя выразилъ туже мысль, что и подъ первымъ, но въ тысячу разъ сильнѣе. Если священство, нисколько не заботясь объ этихъ высокихъ заповѣдяхъ и такихъ великихъ примѣрахъ, не обращая вниманія на выражаемый ими духъ, будетъ дѣлать совершенно противное; то оно покажетъ себя

тою испортившеюся (обуявшею) солію, которая уже ни на что не пригодна; и потому выбросится вонъ и будетъ попираться человѣческими ногами“ (Матѳ. 5, 13).

„Третье поприще дополняетъ и совершенствуетъ два первыя, и не можетъ быть отдѣлено отъ нихъ.... Въ сильныхъ выраженіяхъ Іисусъ Христосъ утверждаетъ (другія) основныя обязанности для тѣхъ, которые обязаны представлять Его въ церкви наиживѣйшимъ образомъ. Во всемъ они должны будутъ руководствоваться тѣмъ,—„какъ Сынъ Человѣческій пришелъ не для того, чтобы Ему послужили, но—послужить и дать душу свою на избавленіе многихъ“. Итакъ, искупленіе неотдѣлимо отъ обязанности служить и отреченія отъ всякаго господства, какого бы рода оно ни было. Іисусъ Христосъ самымъ дѣломъ восходитъ на Голгоѳу и терпитъ крестную смерть. На крестѣ отпечатлѣлись эти слова: „какъ Я васъ возлюбилъ, такъ и вы любите другъ друга; какъ Я положилъ душу Свою за васъ, такъ и вы полагайте душу свою за братій своихъ“ (1 Іоан. 3, 16).

„Такимъ образомъ величіе и первенство (приматство), сообразныя съ Евангеліемъ, получаются только тѣми, кто служитъ и жертвуетъ собою (всѣмъ) болѣе всѣхъ; а тѣ, которые господствуютъ и жертвуютъ другими для своей выгоды, являютъ приматство и величіе языческія, но не христіанскія, и даже антихристіанскія. А что это—такъ, самъ святый Петръ, котораго не обвинятъ въ перетолкованіи ученія Христова, написалъ ко всѣмъ пастырямъ.“

„Предстоятелей между вами я, предстоятель съ ними, увѣщаваю..... Пасите Христово стадо, находящееся у васъ, посѣщая его не съ силою, но охотно, не для скверной жадности прибытка, но по любви, и не какъ

бы господствуя надъ наслѣдіемъ Господа, но бывая примѣромъ для стада“ (1 Петр. V, 1—4). Подобное находимъ и у патера Пассальи (Per la causa Italiana, p. 33).

„Теперь, заключаетъ аббатъ I. Леонэ, мы можемъ идти впередъ. Каждый имѣетъ за норму для своихъ сужденій только что прочитанное нами въ писаніи правило не двусмысленное, но вполнѣ непогрѣшимое; каждый, не боясь впасть въ заблужденіе, увидитъ, можно ли считать и называть *развитіемъ* то, что̀ организовалось въ самую обширную торговлю и самыя соблазнительныя хищничества, въ продолженіе многихъ вѣковъ разворяя народы подъ предлогомъ религіи, для обогащенія сокровищъ папъ и прелатовъ, (для того) чтобы они роскошничали; значитъ ли быть образцемъ для стада, когда (носящій имя пастыря) имѣетъ такую гордую пышность, что даже государи завидуютъ ему; можно ли господство, запрещенное въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ, перемѣнившееся совершенно въ тираннію и костры инквизиціи,—можно ли когда либо утвердить на основаніи выше приведенныхъ, до очевидности ясныхъ, текстовъ, которые вмѣняютъ (пастырямъ) въ обязанность управлять (паствою) совершенно противоположно правленію языческихъ царей и вельможъ ихъ, не употреблять принужденія и не нарушать свободы?.... Мы рѣшительно скажемъ (защитникамъ папской системы) имъ, что свинецъ они поставили вмѣсто золота, шипы и репейникъ на мѣсто цвѣтовъ, плевелы на мѣсто добраго сѣмени, коршуна на мѣсто голубя, и волка на мѣсто агнца“. (Il dom. tempor. d. Papi etc. p. 23. 26).

Священникъ посольской церкви въ Неаполѣ

Михаилъ Орловъ.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Настоятель ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря, архимандритъ Порфирій, рапортомъ отъ 6-го іюня сего 1862 года за № 330, донесъ Святѣйшему Сvноду, что въ учрежденномъ при Соловецкомъ монастырѣ училищѣ для крестьянскихъ дѣтей третій учебный курсъ начался 1-го октября 1861 года и окончился 20-го мая текущаго года. Число учащихся въ настоящемъ году состояло изъ 45 мальчиковъ не грамотныхъ и 73 выучившихся читать и писать на своихъ родинахъ. Ученикамъ грамотнымъ преподавались: законъ Божій, священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта и частію исторія Церкви, изъясненіе литургіи и прочихъ церковныхъ богослуженій, толкованіе воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій и притчей евангельскихъ, правописаніе, ариѳметика, россійская исторія и географія. Ученики младшаго класса учились грамотѣ по букварю и часослову, изучали наизусть молитвы и заповѣди Господни, а успѣшнѣйшіе изъ нихъ приступали къ письмоводству и всѣ вообще занимались и церковнымъ пѣніемъ. 20-го мая, при наступленіи съ открывшеюся навигаціею времени отъѣзда мальчиковъ на свои родины, произведено было открытое испытаніе, на которомъ они и отвѣчали по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ до-

вольно удовлетворительно и безъ застѣнчивости. При разъѣздѣ по домамъ, даны учившимся разныя книги духовнаго содержанія, какъ въ награду и поощреніе, такъ и для того, чтобы дома, за неимѣніемъ своихъ книгъ, они могли заняться по онымъ чтеніемъ. Кромѣ духовной пользы, какую можетъ принести религіозно-нравственное образованіе означенныхъ мальчиковъ, проживаніе ихъ въ Соловецкомъ монастырѣ имѣетъ для нихъ и практическія выгоды: такъ напримѣръ, въ настоящемъ году человѣкъ до 15 изъ нихъ занимались позолотнымъ мастерствомъ, 20 человѣкъ машинною пряжею пеньки и вязаніемъ сѣтей, а остальные упражнялись въ чеботномъ, портномъ и другихъ полезныхъ въ общежитіи и хозяйствѣ занятіяхъ. Сверхъ сего до 8 человѣкъ мальчиковъ, вмѣстѣ съ братіею, составляютъ отдѣльный пѣвческій хоръ и двое исправляли должность канонарховъ. Вообще ученіе въ настоящемъ $18^{61}/_{62}$ году происходило съ должнымъ усердіемъ со стороны наставниковъ и съ большою охотою и успѣхомъ мальчиковъ. Святѣйшій Сvнодъ, по выслушаніи сего донесенія, опредѣленіемъ $^{21}/_{18}$ іюля сего года положилъ: настоятелю ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря архимандриту Порфирію, за его заботливость о доставленіи средствъ къ просвѣщенію и нравственному образованію проживающихъ при монастырѣ крестьянскихъ дѣтей, преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу господина оберъ-прокурора Святѣйшаго Сvнода о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ московскимъ митрополитомъ въ пользу тамошнихъ духовныхъ академіи и училищъ, и его заботливости о призрѣніи вдовъ и сиротъ духовнаго званія, Высочайше повелѣть соизволилъ:

изъявить за это высокопреосвященнѣйшему Филарету искреннюю Его Величества благодарность.

— Святѣйшій Сѵнодъ, опредѣленіемъ отъ 16-го іюля 1862 года, положилъ: преосвященному митрополиту московскому и коломенскому Филарету, за пожертвованіе, съ благословенія его, перервинскимъ Николаевскимъ монастыремъ въ пользу московской академической библіотеки десяти тысячъ рублей, выразить признательность Святѣйшаго Сѵнода, поручивъ ему, преосвященному, преподать монашествующимъ сего монастыря благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Высочайшими указами, данными капитулу россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ въ 19-й день мая 1862 года, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами орденовъ:

Святаго равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: профессоръ с. петербургской духовной академіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій *Карповъ*, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной и полезной службѣ.

Святыя Анны 3-й степени: учитель полоцкой семинаріи Матвѣй *Красавицкій*, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ.

Въ 16-й день іюня 1862 года:

Святаго равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: старшій чиновникъ втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ *Тюринъ*, въ изъявленіе Монаршаго благоволенія къ отличнымъ заслугамъ и особымъ трудамъ по прежней службѣ въ православномъ духовномъ вѣдомствѣ директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода.

Святыя Анны: профессоры санктпетербургской духовной академіи магистръ Евграфъ *Ловягинъ*—второй степени; надворный совѣтникъ Иларіонъ *Чистовичъ*—третьей степени; а профессору сей академіи магистру Василію *Долоцкому* Всемилостивѣйше пожалованы знаки того ордена второй степени, украшенные Императорскою короною, по засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной и полезной службѣ ихъ.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 14-го сего іюля положено: опредѣлить на должность почетнаго блюстителя по хозяйственной части при тульской семинаріи 3-й гильдіи купеческаго сына Петра Духанина.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 4/11 іюля 1862 года, состоявшимся вслѣдствіе рапорта сѵнодальнаго члена, главнаго священника арміи и флотовъ, протопресвитера Василія Ивановича Кутневича, о пожертвованіи церковнымъ старостою севастопольскаго адмиралтейскаго собора, тамошнимъ 1-й гильдіи купцомъ Семеномъ Гвоздаковымъ, для того собора, колокола, вѣсомъ въ 127 пудовъ 16 фунтовъ, положено: означенному купцу Гвоздакову, за сдѣланное имъ, въ пользу упомянутаго собора, благочестивое приношеніе, преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 20-го и 27-го іюня постановлено: преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода, за пожертвованія въ пользу церквей, по тульской епархіи: московскому 2-й гильдіи купцу Ивану Купріянову; по волынской: священнику новоладожскаго уѣзда Покровской церкви Матѳею Сольскому, по московской: церковному старостѣ московской Космо-Даміанской церкви московскому купцу Дмитрію Трегубову; по кишиневской: ростовскому, на Дону, 3-й гиль-

діи купцу Мартину Мирошниченко; по черниговской: церковному старостѣ Троицкой церкви села Бѣгача отставному поручику князю Николаю Кекуатову; по харьковской: бердянскому 1-й гильдіи купцу Герасиму Дашкевичу; по екатеринбургской: петропавловскому 2-й гильдіи купцу Василію Клушину; по ярославской: почетному гражданину 2-й гильдіи купцу Арсенію Оловянишникову; по пензенской: церковнымъ старостамъ г. Саранска, церквей Троицкой, Петру Токареву, Спасской — Александру Плеханову и Вознесенской Өедору Усову; по вѣдомству протопресвитера Василія Борисовича Бажанова: церковному старостѣ полковой церкви лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка командиру нестроевой роты штабсъ-капитану Гаврилову.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 11/20 іюля сего 1862 года положено: инспектора кишиневской семинаріи архимандрита Варлаама опредѣлить ректоромъ той же семинаріи.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода отъ 14-го сего іюля положено: дѣйствительному статскому совѣтнику Юрію Бартеневу, за его пожертвованіе въ библіотеку костромской семинаріи 70 книгъ, на сумму до 300 руб. сер., преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода.

— Опредѣленіями Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, минувшаго іюля, заключено: слѣдующимъ лицамъ, за усердіе къ храму Божію и пожертвованія въ пользу церквей, преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода,—по епархіямъ: московской: московскимъ купцамъ Дмитрію Трегубову, Николаю Лепешкину, Семену Алексѣеву, Алексѣю Толоконникову, Ивану Смирнову, Ивану Лямину и Алексѣю Хлудову; харьковской: почетному гражданину, бердянскому 1-й гильдіи купцу

Герасиму Дашкевичу; ярославской: потомственному почетному гражданину, 2-й гильдіи купцу Арсенію Оловянишникову; черниговской: церковному старостѣ Троицкой церкви, села Бѣгача черниговскаго уѣзда, отставному поручику князю Николаю Кекуатову; тверской: прихожанину и попечителю церкви погоста Новаго Торга, ржевскаго уѣзда, губернскому секретарю Константину Азарьеву; волынской: священнику Покровской церкви, новоградволынскаго уѣзда, мѣстечка Полоннаго Матѳею Сольскому; пензенской: церковнымъ старостамъ города Саранска 3-й гильдіи купцамъ Петру Токареву и Александру Плеханову, и мѣщанину Ѳеодору Усову: екатеринбургской: петропавловскому 2-й гильдіи купцу Василію Степанову Клушину; тульской: московскому 2-й гильдіи купцу Ивану Іонову Купріянову; калужской: церковному старостѣ калужскаго каѳедральнаго собора, почетному гражданину Ѳедору Ѳедосову; и по вѣдомству главнаго священника гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ, церковному старостѣ полковой церкви лейбъ-гвардіи кирасирскаго Его Величества полка командиру нестроевой роты штабсъ-капитану Гаврилову.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода 20-го іюля сего года, положено: протоіерею московской Троицкой, что въ Троицкой, церкви Іоанну Орлову, за его пожертвованія въ пользу воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній московской епархіи, преподать благословеніе Святѣйшаго Сунода.

— Преосвященнѣйшій Платонъ епископъ костромской донесъ Святѣйшему Суноду: 1-е, что духовенство костромской епархіи ревностно заботится объ изысканіи средствъ къ учрежденію и поддержанію школъ и само

подаетъ собою примѣръ посильнаго вспомоществованія школамъ вещественными средствами. Такъ, исправляющій должность благочиннаго, галичскаго уѣзда, Троицкой церкви села Дубянъ, священникъ Петръ Троицкій уступилъ для училища свой собственный домъ и вмѣсто себя, обязаннаго служебными дѣлами, нанялъ особаго учителя для учениковъ, котораго и содержитъ на своемъ иждивеніи, не пользуясь отъ прихожанъ никакою платою за обученіе дѣтей. Костромскаго уѣзда, Преображенской церкви села Буракова, священникъ Іоаннъ Либеровъ устраиваетъ для училища на собственныя средства домъ и кромѣ того пожертвовалъ на разныя училищныя потребности 9 руб. 50 коп. сер. Галичскаго уѣзда, села Рылѣева священникъ Геннадій Орловъ пожертвовалъ на содержаніе школы 25 р.; села Михайловскаго священникъ Петръ Птицынъ и села Рябцева священникъ Стефанъ Писемскій пожертвовали для училищъ первый 20, а второй 25 рублей; стараніемъ священника кинешемскаго уѣзда села Воскресенскаго, что на Медозѣ, Николая Анонимова устроенъ прихожанами каменный домъ для училища. Солигаличскаго уѣзда села Верхняго Березовца прихожанами пожертвовано на устройство каменнаго дома для училища 211 руб. Многіе священники жертвовали безмездно для учениковъ Евангелія, Псалтири, Часословы и буквари, снабжая при томъ бѣднѣйшихъ учениковъ училищными потребностями и средствами къ содержанію; большая часть духовенства, не смотря на утѣсненія себя съ семействами, содержатъ училища въ домахъ своихъ, не получая за то отъ прихожанъ никакой платы. Не многія только училища содержатся въ церковныхъ сторожкахъ и въ особо отведенныхъ прихожанами домахъ. 2-е, При

учрежденіи школъ духовенство должно было бороться съ немалыми трудностями. Крестьяне, не имѣя наглядныхъ, опытныхъ убѣжденій въ пользѣ образованія, будучи сами безграмотны, при всемъ терпѣливомъ убѣжденіи духовенства, съ пожертвованіемъ и времени и скуднаго своего состоянія, мало интересуются грамотностію. Ожидать успѣха въ этомъ отношеніи слѣдуетъ послѣ. Притомъ дѣло обученія крестьянскихъ дѣтей, и при безмездномъ участіи въ немъ со стороны духовенства, требуетъ и отъ родителей нѣкоторыхъ денежныхъ тратъ на ремонтное содержаніе училища и ученика, хотя чрезвычайно малыхъ (около 1 руб. серебромъ на человѣка—на книги и отопленіе готоваго дома во всю зиму и освѣщеніе), но по ихъ мнѣнію, излишнихъ и обременительныхъ. Дальнее разстояніе деревень отъ селъ, и отъ того неудобство для крестьянскихъ дѣтей посѣщать школы изъ домовъ и съ квартиръ въ зимнее холодное время, служитъ также обстоятельствомъ, очень неблагопріятствующимъ успѣху образованія народнаго. Козьмодаміанской церкви, что близь города Галича, священникъ Василій Груздевъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1861 года, въ приходѣ своемъ открылъ училище для прихожанскихъ дѣтей, собравъ въ оное учениковъ до 44 человѣкъ обоего пола. Священникъ Груздевъ съ причетниками содѣйствуетъ къ распространенію образованія не только своими трудами, но и доставленіемъ на свой счетъ книгъ и матеріаловъ необходимыхъ для училища, и сверхъ того, для проѣзда въ училище, состоящее отъ церкви въ 3-хъ верстахъ, нанимаютъ отъ себя лошадь. 3) Дворяне, купцы и чиновники не оказываютъ почти никакого содѣйствія духовенству въ учрежденіи при церквахъ училищъ. Изъ донесеній бла-

гочинныхъ извѣстны только слѣдующія лица, принявшія въ этомъ дѣлѣ участіе: князь Александръ Владиміровичъ Голицынъ, открывшій въ своемъ имѣніи, кинешемскаго уѣзда, въ селѣ Чегановѣ училище еще въ 1860 году, наставники получаютъ отъ него за обученіе дѣтей по 200 руб. въ годъ; помѣщики: Кириллъ Готовцевъ, пожертвовавшій на содержаніе училища въ своемъ имѣніи, при церкви села Рылѣева. 180 руб. сер. и снабжающій училище книгами и другими принадлежностями; Сергій Постниковъ и Дмитрій Бартеневъ, изъ коихъ первымъ пожертвовано на училище 15 руб., а вторымъ 25 рублей. Лица духовнаго званія, которымъ поручено наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія въ воскресныхъ школахъ, доносятъ, что обученіе въ этихъ школахъ въ теченіе 1861 года, продолжавшееся нѣсколько мѣсяцевъ, нынѣ почти вездѣ прекратилось. Продолжаютъ существовать только двѣ школы для дѣвочекъ въ г. Галичѣ, основанныя духовными лицами, при непосредственномъ участіи протоіерея галичскаго собора Флегонта Розова. Въ одной изъ нихъ обучается 35 дѣвочекъ, въ другой 24. Успѣхи по закону Божію весьма удовлетворительны. Преподаватели въ этихъ школахъ, священники: Іаковъ Махровскій, Василій Сигорскій и Іоаннъ Ильинскій, заслуживаютъ вниманія начальства. Вообще стараніемъ и пожертвованіями духовенства, почти безъ всякаго участія другихъ сословій, открыто въ этомъ году 673 школы для обученія крестьянскихъ дѣтей. По выслушаніи сего, Святѣйшій Сунодъ опредѣленіемъ, состоявшимся 6/18 іюня сего года, заключилъ: 1) преосвященному Платону, епископу костромскому, за просвѣщенную заботливость его о распространеніи народнаго образованія во ввѣренной управле-

нію его епархіи и оказываемое имъ вниманіе къ трудамъ духовныхъ лицъ, содѣйствующихъ успѣхамъ образованія и посильными вспомоществованіями училищамъ вещественными средствами, объявить признательность Святѣйшаго Сѵнода и 2) исправляющему должность благочиннаго священнику Петру Троицкому, священникамъ: Іоанну Либерову, Василію Груздеву, Геннадію Орлову, Стефану Писемскому и Николаю Анонимову, за ихъ пожертвованія въ пользу училищъ и усердіе къ устроенію школъ, а священникамъ: Іакову Махровскому, Василію Сигорскому и Іоанну Ильинскому, за успѣшное преподаваніе ими въ воскресныхъ школахъ г. Галича закона Божія,—преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода, при чемъ священникамъ: Троицкому, Либерову и Груздеву выдать установленыя грамоты.

— Преосвященный архіепископъ кишиневскій Антоній донесъ Святѣйшему Сѵноду, что священническая дочь Евгенія Михайлова Василовская, имѣющая отъ роду 55 лѣтъ, живущая въ селѣ Сахарнѣ оргѣевскаго уѣзда, съ 25-го января 1862 года, открыла въ своемъ домѣ школу, въ коей она, подъ наблюденіемъ священника, съ особенною рачительностію и усердіемъ обучаетъ поселянскихъ дѣтей: мальчиковъ 25 и дѣвочекъ 8; каковымъ обученіемъ дѣтей она Василовская занималась и прежде съ 1822 года послѣ смерти отца ея, бывшаго священника въ томъ селѣ. Святѣйшій Сѵнодъ, по выслушаніи сего донесенія, опредѣленіемъ 20-го іюня положилъ: преподать Василовской благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

I.

БЕСѢДА

О ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНЫЯ МѴРОНОСИЦЫ

МАРІИ МАГДАЛИНЫ,

СКАЗАННАЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ПЛАТОНОМЪ,

АРХІЕПИСКОПОМЪ РИЖСКИМЪ И МИТАВСКИМЪ,

22-го Іюля 1862 года.

О *Христѣ Іисусѣ*, говоритъ Апостолъ, *нѣсть мужескій полъ, ни женскій, но вси едино* (Гал. 3, 28), т. е. всѣ равно, безъ различія пола, призываются къ вѣрѣ въ Спасителя и наслѣдію царства небеснаго. Посему въ числѣ учениковъ Христовыхъ во время земной жизни, какъ и нынѣ, были не одни мужи, но и многія жены (Матѳ. 27, 55). И къ чести сихъ женъ должно сказать, что всѣ онѣ имѣли великое усердіе къ Спасителю; а нѣкоторыя, извѣстныя подъ именемъ *мѵроносицъ*, были неразлучными Его спутницами (Лук. 8, 1. 2). Но ни одна изъ нихъ не любила Его столько и не была такъ предана Ему, какъ Марія Магдалина. По любви къ Іисусу, она была тоже въ ликѣ мѵроносицъ, что св. Петръ въ сонмѣ апостоловъ, и потому всегда именуется въ Евангеліи первою между ними (Мат. 27, 56. Мар. 16, 1. Лук.

24, 10). По ревности къ вѣрѣ Христовой она трудилась въ благовѣстіи подобно апостоламъ, и потому св. Церковь назвала ее *равноапостольною*.

Жизнь и подвиги такой жены, которая по характеру и дѣяніямъ стоитъ на ряду съ великими мужами Христовой Церкви, очевидно, должны быть весьма назидательны не только для женъ, но и для мужей, желающихъ поучаться благочестію. Поэтому мы намѣрены изложить ихъ нынѣ, сколько то позволятъ наши силы и скудныя свѣдѣнія о равноапостольной. Въ настоящій день и прилично бесѣдовать о нихъ: ибо нынѣ мы празднуемъ память Маріи Магдалины и тезоименитство соимянной ей Государыни Императрицы, ревнующей о распространеніи между нами христіанскаго благочестія. И такъ, просимъ вниманія къ бесѣдѣ нашей.

Марія Магдалина, говорятъ церковные писатели, была родомъ изъ Сиріи, отъ горъ Магдальскихъ, отъ которыхъ получила и свое прозваніе (Чет. Мин. 22 Іюля). Но какъ въ Сиріи нѣтъ такихъ горъ, а находятся онѣ въ Галилеи, не далеко отъ Геннисаретскаго озера: то надлежитъ полагать, что Марія Магдалина родилась только въ Сиріи, или отъ сиріанъ, а жила въ Галилеи, именно въ городѣ Магдалѣ, стоявшемъ при помянутыхъ горахъ. Судя по происхожденію ея изъ Сиріи и принимая въ соображеніе то, что она, по свидѣтельству евангелистовъ, страдала нѣкогда бѣснованіемъ (Лук. 8, 2), можно думать, не была ли она дочь той сирофиникіянки, которая усильно просила Господа исцѣлить бѣснующуюся дщерь ея и получила отъ Него похвалу за великую ея вѣру (Мат. 15, 22—28. Мар. 7, 25—30). Впрочемъ, кто именно и какого званія были ея родители; почему она, бывши сиріанкою, оби-

тала въ Галилеи; какое мѣсто занимала въ обществѣ и чѣмъ снискивала себѣ содержаніе, — все это не извѣстно, да и нѣтъ нужды знать о семъ: ибо въ человѣкѣ, тѣмъ паче въ христіанинѣ, особеннаго вниманія достойны не внѣшнія обстоятельства его жизни, а внутреннія качества и добрыя дѣла его, которыя для него самаго составляютъ истинную славу, а для другихъ—назиданіе. Такими дѣлами и качествами св. Магдалина была весьма знаменита.

Нѣкоторые думаютъ, будто она вела нѣкогда жизнь непохвальную и была та грѣшница, которая со слезами раскаянія лобызала нозѣ Іисуса и мазала ихъ драгоцѣннымъ мνромъ (Лук. 7, 37. 38). Но такое мнѣніе, принятое на западѣ, не имѣетъ основанія; а еслибъ оно было и справедливо, то не должно унижать въ очахъ нашихъ нравственнаго достоинства Магдалины: ибо слезы покаянія, пролитыя ею у ногъ Спасителя, отпущеніе грѣховъ ея милосердымъ Господомъ и послѣдующая святая жизнь ея, ясно показываютъ, что если она прежде грѣшила, то не по развращенію сердца, а по свойственной человѣку слабости и, можетъ быть, по невѣдѣнію. Притомъ, если Магдалина вела себя худо, а потомъ оставила грѣховную жизнь и отличилась великою святостію; то это такой подвигъ добродѣтели, который ставитъ ее выше многихъ праведниковъ, не подвергавшихся грѣхамъ ея: ибо легче стоять и не падать, нежели возставать по паденіи. Посему-то и Спаситель говоритъ, что бо́льшая *радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девяти десятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія* (Лук. 15, 7).

Изъ обстоятельствъ жизни св. Магдалины, до обра-

щенія ея ко Христу, извѣстно только то, что она одержима была страшнымъ недугомъ, который въ Евангеліи называется бѣснованіемъ, и что Спаситель исцѣлилъ ее, изгнавъ изъ ней *седмь бѣсовъ* (Марк. 16, 9). Нынѣ многіе не вѣрятъ, что злые духи существуютъ и могутъ имѣть вліяніе на человѣка, а посему думаютъ, что недугъ бѣснованія происходилъ и нынѣ бываетъ отъ дѣйствія не злыхъ духовъ, а какихъ либо естественныхъ причинъ; но съ такимъ мнѣніемъ, при ясномъ и многократномъ свидѣтельствѣ Слова Божія объ изгнаніи бѣсовъ изъ людей, нельзя согласиться. Мы даже удивляемся, почему иные не хотятъ допустить бытія злыхъ духовъ и пагубнаго ихъ вліянія на человѣка, когда всѣмъ извѣстно, что есть злыя души, которыя въ порывѣ страстей своихъ не рѣдко доходятъ до бѣшенства и причиняютъ ужасное зло себѣ и другимъ.

Великое благодѣяніе, оказанное Господомъ Маріи изгнаніемъ изъ ней бѣсовъ, произвело въ признательномъ ея сердцѣ такую любовь и приверженность къ Спасителю, что она рѣшилась посвятить Ему всю жизнь свою и при всякомъ случаѣ показывала самое искреннее къ Нему усердіе.—Іисусъ Христосъ, приходившій на землю *взыскати и спасти погибшаго* (Мат. 18, 12), всюду искалъ заблудшихъ овецъ дома Израилева, и для сего преходилъ изъ града въ градъ, изъ веси въ весь, преплывалъ моря и рѣки, восходилъ на горы, углублялся въ пустыни,—и Марія всюду сопровождала Его (Лук. 8, 1. 2. Марк. 15, 40. 41), хотя непрестанныя путешествія, безъ сомнѣнія, были тягостны для женской ея слабости.—Іисусъ Христосъ, насъ ради обнищавшій (2 Кор. 8, 9), не имѣлъ *гдѣ главу подклонити* (Лук. 9, 58), терпѣлъ во всемъ крайнюю нужду, — и Марія усердно

служила Ему имѣніемъ и трудами рукъ своихъ (Лук. 8, 1 — 3. Марк. 15, 40. 41). Іисусъ Христосъ. совершивъ дѣло свое на земли (Іоан. 17, 4), идетъ положить душу свою *за животъ міра* (6, 51),—и Марія слѣдуетъ за Нимъ на Голгоѳу, неутѣшно рыдаетъ о Немъ съ женами іерусалимскими (Лук. 23, 27), съ трепетомъ взираетъ на Его распятіе. Сперва она стояла съ знакомыми Его *издалеча* (Марк. 15, 40. 41), вѣроятно потому, что боялась іудеевъ и не хотѣла быть въ нечестивомъ ихъ сонмѣ; но потомъ, забывъ всякой страхъ и повинуясь только влеченію своего сердца, приблизилась къ самому кресту Христову (Іоан. 19, 25), сострадала Божественному Страдальцу въ тяжкія минуты Его смерти и приняла послѣдній вздохъ Его въ свое сердце. Такъ-то любила она Спасителя! Ея любовь къ Нему, по выраженію Писанія, была *крѣпка яко смерть* (Пѣсн. 8, 6).

Нѣтъ, любовь Маріи къ Іисусу Христу была крѣпче смерти; ибо не ослабѣла и по смерти Его. Тогда, какъ всѣ, и друзья и враги, оставили Распятаго по смерти (Лук. 23, 48. Мат. 26, 56. 75), когда и Матерь Божія, изнемогшая отъ сильныхъ душевныхъ страданій, удалилась съ возлюбленнымъ ученикомъ отъ креста Христова (Іоан. 19, 27); тогда оставалась при Немъ Марія Магдалина съ одною изъ подругъ своихъ (Мат. 27, 61). Она видѣла, какъ Іосифъ и Никодимъ снимали со креста пречистое тѣло Іисуса; она сопровождала Его на мѣсто погребенія; она смотрѣла и на то, гдѣ и какъ Его полагали (Мар. 15, 47). Если же сама не принимала дѣятельнаго участія въ Его погребеніи: то это, безъ сомнѣнія, произошло не отъ недостатка ея усердія, а отъ чрезмѣрной скорби, которая

такъ истощила ея силы, что она, по замѣчанію Евангелиста, не могла стоять, а сидѣла противъ гроба (Мат. 27, 61). Впрочемъ, при видимомъ бездѣйствіи во время погребенія Спасителя, Марія мысленно стремилась туда, гдѣ полагалось сокровище ея сердца — сладчайшій Іисусъ, и потому замѣтивъ, что Іосифъ и Никодимъ, поспѣшая кончить Его погребеніе до наступленія приближавшейся субботы, только обвили тѣло Его пеленами и осыпали благовоніями (Іоан. 19, 39. 40), а не помазали онаго ароматами, какъ то бывало при іудейскихъ погребеніяхъ, немедленно рѣшилась восполнить это опущеніе погребальныхъ обыкновеній, а вмѣстѣ оказать умершему Учителю послѣдній долгъ усердія.

Возвратившись съ сею мыслію домой и проведши субботу въ покоѣ, по извѣстному іудейскому обычаю, Марія Магдалина тотчасъ купила разныхъ ароматъ и на другой день рано по утру, еще *сущей тмѣ* (Іоан. 20, 1), поспѣшила съ ними ко гробу Спасителя, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ подругъ своихъ (Лук. 23, 55. 56. Мар. 16, 1. 2). Мракъ ночи, уединенное положеніе гроба Господня, близость къ нему страшной Голгоѳы,— ничто не могло удержать благочестивыхъ женъ. Онѣ идутъ—и только думаютъ о томъ, какъ бы скорѣе помазать тѣло возлюбленнаго Учителя; но когда онѣ подходили ко гробу, вдругъ вспомнили, что входъ въ него закрытъ большимъ камнемъ, и потому съ недоумѣніемъ вопрошали себя: *кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба* (Марк. 16, 3)? Между тѣмъ камень сей былъ уже отваленъ ангеломъ, сошедшимъ съ небесъ по воскресеніи Спасителя (Мат. 28, 2—6). Увидѣвъ это, святыя жены вошли во гробъ, и не нашедши въ немъ тѣла Христова, пришли еще въ большее недоумѣніе: кто

бы и куда могъ взять его (Лук. 24, 2—4)? Тогда Марія Магдалина, оставивъ подругъ своихъ у гроба, тотчасъ побѣжала въ Іерусалимъ къ апостоламъ Петру и Іоанну и сказала имъ въ испугѣ: *взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ* ([1]), *гдѣ положиша его* (Іоан. 20, 1. 2). Вѣсть сія поразила апостоловъ и они бросились ко гробу; туда же побѣжала и Марія (Іоан. 20, 10. 11). Но пришедши ко гробу и увидѣвъ въ немъ однѣ ризы Спасителя и платокъ, бывшій на главѣ Его, апостолы возвратились къ себѣ, *дивяся бывшему* (Лук. 24, 12. Іоан. 20, 1—10). А Марія? Она не пошла съ ними, но осталась при гробѣ, думала объ Іисусѣ и горько плакала о Немъ (Іоан. 20, 11). О, какъ трогателенъ сей поступокъ ея! Какъ умилительны ея слезы! Въ нихъ ясно выразилась такая искренняя преданность Іисусу, такая нѣжная любовь къ Нему, какой не имѣли, кажется, самые усердные и любимые ученики Его.

Такую любовь и преданность милосердый Господь не могъ оставить безъ награды и утѣшенія. Нѣкогда Онъ сказалъ: *любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21): истину сего обѣщанія Онъ вполнѣ доказалъ Маріи Магдалинѣ, ибо дѣйствительно явился ей по воскресеніи, притомъ прежде всѣхъ учениковъ своихъ (Марк. 16, 9). Это случилось такимъ образомъ: когда Марія стояла и плакала у гроба, ей вздумалось еще посмотрѣть,

([1]) Въ подлинникѣ: *οὐκ οἴδαμεν—не знаемъ*. Это показываетъ, что Магдалина приходила ко гробу Христову не одна, а вмѣстѣ съ другими женами, и оставила ихъ послѣ того, какъ онѣ входили въ гробъ и не нашли въ немъ тѣла Іисусова, но прежде явленія ангеловъ, возвѣстившихъ имъ о воскресеніи Іисуса Христа (Лук. 24. 4—7); въ противномъ случаѣ она не могла-бъ сказать апостоламъ, что кто-то унесъ Господа изъ гроба.

нѣтъ ли въ немъ гдѣ нибудь тѣла Іисусова? Но приникши во гробъ, она увидѣла въ немъ двухъ ангеловъ, которые сказали ей: *жено, что плачешися?* Марія отвѣчала имъ тоже, что и апостоламъ: *взяша Господа моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его*. Сказавши это, она обратилась назадъ и увидѣла Іисуса Христа, но не узнала Его, вѣроятно, потому, что по скромности и въ уныніи не смотрѣла Ему въ лице, или видъ Его много измѣнился по воскресеніи, а можетъ быть и одежда скрывала оный. Тогда Спаситель сказалъ ей: *жено, что плачеши? кого ищеши?* Она же, будучи занята мыслію объ Іисусѣ Христѣ и думая, что говоритъ съ нею вертоградарь, отвѣтствовала ему: *господи, аще ты еси взялъ Его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ Его: и азъ возьму Его*. Іисусъ видя, что Марія не узнаетъ Его, назвалъ ее по имени и сказалъ: *Маріе!* Услышавъ знакомый голосъ, который такъ часто услаждалъ ея слухъ и сердце, Марія бросилась къ Іисусу Христу и радостно воскликнула: *Раввуни*—Учитель (Іоан. 20, 11 — 16). Господу, безъ сомнѣнія, пріятенъ былъ такой восторгъ любимой ученицы; но желая успокоить ее и скорѣе обрадовать чрезъ нее другихъ учениковъ, сильно скорбѣвшихъ о Немъ (Мар. 16, 10), Онъ дружески сказалъ ей: *не прикасайся Мнѣ* — оставь Меня, *не у бо взыдохъ ко Отцу Моему*—Я еще не вознесся на небо и не рѣдко буду съ вами видѣться (1); *иди же ко братіи моей, и рцы имъ*, что Я вскорѣ *восхожду ко Отцу Моему*

(1) Разумѣть такъ слова Спасителя заставляютъ не только обстоятельства рѣчи, но и то, что въ противномъ случаѣ было бы непонятно, почему въ послѣдствіи Іисусъ Христосъ позволилъ Маріи ухватиться за нозѣ Его и поклониться Ему (Матѳ. 28, 9); а Ѳомѣ велѣлъ осязать Его руцѣ и ребра (Іоан. 20, 27).

и Отцу вашему и Богу моему и Богу вашему (Іоан. 20, 17).

Исполняя это повелѣніе, Магдалина тотчасъ пошла и возвѣстила ученикамъ Христовымъ всё, чтó видѣла и слышала (Іоан. 20, 18); но ученики не повѣрили ей и, можетъ быть, своимъ невѣріемъ возбудили въ ней самой нѣкое сомнѣніе (Марк. 16, 9—11). Поэтому она, взявши съ собою другую Марію, мать Іакова (Мат. 27, 56. 61) опять—въ третій разъ пошла *видѣти гробъ*—посмотрѣть его (Мато. 28, 1), и лучше удостовѣриться въ воскресеніи Христовомъ ([1]). Можетъ быть, въ семъ случаѣ руководила ею и тайная надежда, не увидитъ ли она еще Воскресшаго? Такъ дѣйствительно и случилось. Пришедши ко гробу, св. подруги нашли тамъ Ангела, который, увѣривъ ихъ въ воскресеніи Христовомъ, велѣлъ скорѣе возвѣстить о немъ ученикамъ Господнимъ. Когда же онѣ шли исполнить сіе порученіе, вдругъ встрѣтилъ ихъ самъ Іисусъ Христосъ и сказалъ имъ: *радуйтеся!* Ободривъ симъ привѣтомъ св. женъ, и, можетъ быть, желая болѣе удостовѣрить ихъ въ своемъ воскресеніи, Господь дозволилъ имъ то,

---

([1]) Трудно представить другую причину, по которой бы Марія могла придти ко гробу Спасителя въ третій разъ, описанный у еванг. Матоея (Мат. 28, 1—10). А что Матоей говоритъ о третьемъ приходѣ Магдалины ко гробу,—особенномъ отъ тѣхъ, кои описаны другими евангелистами, о семъ можно заключать частію изъ того, что, по словамъ его, Марія Магдалина приходила съ одной изъ подругъ своихъ *видѣти гробъ* Спасителя, а не помазать тѣло Іисуса Христа ароматами, для чего она прежде приходила съ другими мироносицами (Марк. 16, 1); частію же изъ того, что описанное св. Матоеемъ явленіе Спасителя Маріи и подругѣ ея могло послѣдовать не прежде, а послѣ того уже, какъ Спаситель явился Магдалинѣ въ первый разъ по вторичномъ пришествіи ея ко гробу (Іоан. 20, 1. 2. 11. 18); ибо, по свидѣтельству Марка, Іисусъ Христосъ *явися прежде* одной *Магдалинѣ* (Марк. 16, 9).

отъ чего прежде удержалъ Марію,—допустилъ ихъ обнять Его нозѣ и поклониться Ему, яко Господу (Мат. 28, 5—9). Такимъ образомъ Марія Магдалина за горячую любовь свою къ Спасителю удостоилась двукратнаго явленія Его и содѣлалась первою благовѣстницею Его воскресенія. Какъ должно было радовать ее сіе особенное къ ней благоволеніе Господа! Какою новою горячностію къ Іисусу долженствовало оно преисполнить ея любящее сердце!

И подлинно, Марія Магдалина показала такое усердіе къ Воскресшему, какого не видимъ ни въ одной другой Его ученицѣ. Правда, церковные дѣеписатели, по краткости своей, мало говорятъ о подвигахъ ея ревности ко Христу; но что́ сказали о нихъ, показываетъ уже ихъ величіе. По свидѣтельству сихъ писателей, Марія Магдалина, подобно апостоламъ, оставивъ всё — и домъ, и друзей, и отечество,—посвятила всю жизнь свою на благовѣстіе Христово и огласила имъ не только Іудею, но и многія языческія страны. Между прочимъ она была въ Римѣ. Здѣсь нашла она доступъ къ самому кесарю Тиверію, и поднесши ему красное яйцо,—прекрасный символъ мертвенности и возрожденія къ жизни,—сказала ему въ привѣтствіе: *Христосъ воскресе* (¹)! Начавъ такимъ образомъ свою проповѣдь о Христѣ, Марія Магдалина подробно возвѣстила кесарю всѣ дѣла и ученіе Господа, вполнѣ доказала Его невинность и ясно обличила неправедныхъ судей Его, а чрезъ это возбудила въ кесарѣ сильный гнѣвъ на Пилата и Каіаѳу, которые и пріяли потомъ праведную мзду за нече-

(¹) По сему случаю вошло въ обыкновеніе у христіанъ дарить другъ другу яица въ дни свѣтлаго воскресенія Христова (см. Воск. Чтен. 1843 г. стр. 11).

стивыя дѣла свои. Можно думать, что на сей подвигъ Магдалины указываетъ ап. Павелъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ, когда говоритъ: *цѣлуйте Маріамъ, яже многою трудися о насъ* (Римл. 16, 6). Изъ Рима св. Магдалина отправилась съ благовѣстіемъ въ другія мѣста и наконецъ прибыла въ Ефесъ къ Іоанну Богослову, къ которому, вѣроятно, влекла ее одинаковая любовь къ Спасителю. Чтó именно совершила она въ Ефесѣ, неизвѣстно; но то несомнѣнно, что ея подвиги тамъ были очень велики; ибо дѣеписатели свидѣтельствуютъ, что она, вмѣстѣ съ Апостоломъ, апостольски послужила человѣческому спасенію, и потому справедливо названа *равноапостольною*...

Такова была многодѣятельная жизнь Маріи Магдалины! Что касается до кончины ея; то намъ извѣстно только то, что она послѣ святыхъ подвиговъ, подъятыхъ во Ефесѣ, мирно преставилась тамъ къ Господу блаженнымъ успеніемъ и погребена была у входа въ тотъ вертепъ, въ которомъ потомъ, подъ невидимымъ ея покровомъ, почти четыре вѣка почивали семь ефесскихъ отроковъ, подтвердившихъ своимъ дивнымъ сномъ и пробужденіемъ истину воскресенія. Въ послѣдствіи честныя мощи ея перенесены были въ Константинополь и положены въ обители св. Лазаря, который также былъ живымъ доказательствомъ воскресенія изъ мертвыхъ. Удивительное стеченіе обстоятельствъ! Размышляя о немъ, невольно приходишь къ мысли, что Марія Магдалина, столь ревностно проповѣдавшая о Воскресшемъ во время своей жизни, желала и по смерти благовѣствовать о Немъ, а посему избирала для упокоенія останковъ своихъ такія мѣста, которыя напоминаютъ о воскресеніи (см. житіе св. Магдалины въ Чет. Мин. 22 іюля).

Братія и сестры о Господѣ! Мы изложили предъ вами жизнь и подвиги св. Магдалины, сколько позволили намъ скудныя о нихъ свѣдѣнія и слабыя наши силы: теперь вамъ остается посильно подражать ей въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Подражайте ей вы, сестры о Господѣ: ибо она была подобострастная вамъ жена. Подражайте ей и вы, братія: ибо стыдно для мужей уступать женамъ въ добрыхъ подвигахъ. Подражайте ей всѣ: ибо это для всякаго возможно и душеспасительно.

Марія Магдалина, находясь въ тяжкомъ недугѣ, просила помощи у Господа и получила отъ Него чудесное исцѣленіе: и вы прибѣгайте къ Нему молитвенно во всѣхъ вашихъ нуждахъ — и получите *благодать* Его *во благовременну помощь* (Евр. 4, 16), только просите ея съ вѣрою, любовію и упованіемъ: ибо безъ вѣры не можетъ въ насъ дѣйствовать сила Божія, безъ любви вся вѣра *ни что*, *упованіе не посрамитъ* (Матѳ. 13, 58. 1 Кор. 13, 2. Рим. 5, 1).

Марія Магдалина въ благодарность за великое благодѣяніе, оказанное ей Господомъ, совершенно посвятила себя на служеніе Ему: и вы будьте вѣрными Его рабами,—не храмлите на оба колѣна, не служите Богу и мамонѣ, но всю жизнь свою посвятите Господу; ибо она—даръ Его,—Онъ даетъ намъ и *живот и дыханіе и вся* (Дѣян. 17, 25).

Марія Магдалина, посвятивъ себя на служеніе Господу, всюду за Нимъ слѣдовала и была усерднѣйшею Его ученицею: и вы неуклонно слѣдуйте *стопамъ Его* (1 Петр. 2, 21), начертаннымъ въ Евангеліи, усердно внимайте Его слову въ храмахъ Божіихъ, не лѣностно поучайтесь оному въ домахъ своихъ и тщательно испол-

няйте Его заповѣди; ибо *не слышатель забытливъ, но творецъ* заповѣданнаго *дѣла, сей блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ* (Іак. 1, 25).

Марія Магдалина помогала Господу имѣніемъ и трудами рукъ своихъ: и вы тоже дѣлайте, если не лично Ему, что теперь не возможно для васъ, то Его Церкви, которую Онъ именуетъ своимъ тѣломъ (Колос. 1, 24), и меньшимъ Его братіямъ — бѣднымъ людямъ. Каждая лепта, употребленная въ ихъ пользу, каждая кроха, имъ поданная, будетъ имѣть великую мзду предъ Господомъ; ибо самъ Онъ говоритъ: что̀ *сотвористе единому сихъ братій моихъ меншихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40).

Марія Магдалина сопровождала Господа на Голгоѳу, взирала на крестныя Его страданія и какъ бы распиналась съ Нимъ отъ скорби: и вы, братія и сестры, чаще переноситесь мыслію на Голгоѳу, чаще представляйте себя при подножіи креста Христова и размышляйте о томъ, что̀ претерпѣлъ Сынъ Божій *грѣхъ нашихъ ради* (1 Кор. 15, 3); а размышляя о семъ, плачьте о самихъ себѣ, рыдайте о грѣхахъ вашихъ и страшитесь снова распинать ими Господа (Евр. 6, 6), но паче распинайте *плоть* свою *со страстми и похотми* (Гал. 5, 24), *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ* (Рим. 6, 12).

Марія Магдалина приходила къ Спасителю съ ароматами, а не нашедши Его во гробѣ, всюду и усердно искала Его, доколѣ не удостоилась узрѣть Его по воскресеніи: и вы прибѣгайте къ Нему съ духовнымъ ѳиміамомъ — съ святыми молитвами (Апок. 5, 8), и вы ищите Его мысленно всюду: и въ храмахъ Божіихъ, гдѣ Онъ благодатно присутствуетъ въ

своихъ таинствахъ (Іоан. 6, 56), и въ видимой природѣ, гдѣ Онъ открывается своимъ могуществомъ и благостію (Рим. 1, 20), и въ собственномъ своемъ сердцѣ, гдѣ Онъ отзывается во гласѣ нашей совѣсти (Рим. 2, 15), притомъ стремитесь къ Нему духомъ на небо, гдѣ Онъ *сѣдитъ одесную Бога*, и посему *горняя мудрствуйте, а не земная* (Евр. 10, 12. Колос. 3, 1.2). Поступая такъ, вы можете еще на землѣ имѣть таинственное *общеніе со Христомъ* (1 Іоан. 1, 3), а нѣкогда сподобитесь узрѣть Его *лицемъ къ лицу — на небесѣхъ* (1 Кор. 13, 12. Филип. 3, 20).

Марія Магдалина открыто предъ всѣми исповѣдала себя ученицею Спасителя, мужественно защищала Его предъ кесаремъ и ревностно проповѣдывала Его ученіе: поступайте и вы подобнымъ образомъ,—не стыдитесь показывать себя всегда и во всемъ истинными учениками Господа, не страшитесь укоризнъ и осмѣяній, коимъ сыны вѣка сего подвергаютъ *хотящихъ благочестно жити* (2 Тим. 3, 12), но паче *обличайте* ихъ нечестіе (Еф. 5, 11) и старайтесь распространять благочестіе въ кругу вашемъ, внушайте его своимъ дѣтямъ, друзьямъ и домочадцамъ. За это вы получите мзду великую: ибо кто *сотворитъ* волю Божію *и научитъ* другихъ исполнять ее, *сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 5, 19).

Вотъ, что̀ внушаетъ намъ Марія Магдалина своею жизнію и дѣяніями! Постараемся, братія и сестры, подражать ей въ добродѣтеляхъ и будемъ молить Господа, да поможетъ Онъ намъ подвизаться по ея примѣру во славу Его имени, ко благу Его Церкви, во спасеніе свое и другихъ. А ты, равноапостольная, подкрѣпи насъ въ добрыхъ подвигахъ дарованною тебѣ благодатію, охраняй насъ ею отъ всякихъ золъ, духовныхъ и

тѣлесныхъ, и моли Господа предъ горнимъ Его престоломъ, да блюдетъ Онъ подъ кровомъ своимъ въ совершенномъ благоденствіи благочестивѣйшаго Государя нашего, боголюбивую Супругу Его и весь благовѣрный Родъ, а нѣкогда да сподобитъ Ихъ и насъ того блаженства, которымъ ты наслаждаешься въ небесномъ Его царствіи. Аминь.

ПРАВДА БОЖІЯ И ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Ищуще свою правду поставити, правдѣ Божіей не повинушася (Рим. 10, 3).

Этими словами св. апостолъ Павелъ изображаетъ гибельное заблужденіе древнихъ іудеевъ.—По своему изъясняя богодухновенныя писанія Моисея и другихъ пророковъ, къ ученію божественному более и более прилагая свои человѣческія соображенія, предположенія, преданія, они, наконецъ, совершенно удалились отъ истиннаго, подлиннаго смысла Писанія,—и вмѣсто *правды Божіей*, вмѣсто истиннаго ученія объ оправданіи и спасеніи чрезъ вѣру въ грядущаго Мессію, выдумали *свою правду*,—конечно, только мнимую, только прикрывавшую ложь и заблужденія. Такъ, вмѣсто ученія о лицѣ Мессіи, какъ Богочеловѣка, имѣвшаго примирить падшее человѣчество съ правосудіемъ Божіимъ своими страданіями и смертію, у нихъ явилось ученіе о Мессіи, какъ о земномъ царѣ-завоевателѣ; вмѣсто ученія о Его царствѣ вѣчномъ, божественномъ, духовномъ, явилось у нихъ ученіе о царствѣ Его земномъ и чувственномъ, которое, по ихъ мнѣнію, имѣло быть во Іудеѣ и которому всѣ земныя царства и народы должны были повиноваться и служить, какъ рабы и данники. Такой грубый, чувственный взглядъ на одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ Вѣры, или, лучше сказать, на

самое существо и основаніе ея, естественно обратилъ мысли и сердца іудеевъ болѣе всего къ тому, чтó въ ихъ религіи было видимаго и чувственнаго, и повелъ къ забвенію того, чтò скрывалось подъ видимыми обрядами Вѣры,—къ забвенію ея силы и духа. Внѣшняя, фарисейская благовидность поведенія, строгое соблюденіе внѣшнихъ обрядовъ Моисеева закона, и еще болѣе строгое соблюденіе преданій и обычаевъ фарисейскихъ, по которымъ заповѣди закона Божія часто признавались *малыми* и незначительными (Матѳ. 5, 19), а предписанія фарисейскія великими и важными, — въ этомъ большая часть древнихъ іудеевъ полагали всю силу Вѣры, чрезъ это они надѣялись достигнуть оправданія и спасенія, мало, или и вовсе не заботясь о внутренней чистотѣ сердца, о внутреннемъ служеніи Богу духомъ и истиною.—Чего же, наконецъ, они достигли?—Увы! Вмѣсто оправданія—осужденія и отверженія отъ Бога; вмѣсто владычества надъ всѣми народами и царями—разсѣянія по всему міру и порабощенія другимъ народамъ. Такъ шатки и несбыточны надежды человѣческія, когда онѣ не опираются на волѣ Божіей! Такъ лжива и обманчива правда человѣческая, когда она не хочетъ вполнѣ согласоваться со всесовершенною правдою Божіей!

Примѣръ древнихъ іудеевъ долженъ вразумить каждаго, какъ погибельно и опасно въ дѣлахъ Вѣры поступать единственно по своимъ умозрѣніямъ и соображеніямъ, по обычаямъ и преданіямъ человѣческимъ, а не по ученію Церкви, не по ученію истинныхъ проповѣдниковъ и провозвѣстниковъ Вѣры — св. пророковъ и апостоловъ, св. отцевъ и учителей Церкви. Говоримъ: погибельно и опасно; потому что въ такихъ случаяхъ

иногда можно считать себя истинно-вѣрующимъ и правомыслящимъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ быть въ заблужденіи крайне лживомъ и вредномъ. Такимъ-то образомъ и появлялись въ Церкви Божіей различныя ереси и расколы; такимъ-то образомъ и въ нашемъ отечествѣ появились отщепенцы, мнимые старовѣры, извращающіе ученіе истинной Христовой Церкви, ея священство почитающіе незаконнымъ, потерявшимъ силу благодатнаго освященія, ея богослуженіе и таинства — неспасительными, ея права и власть — неважными и недѣйствительными. Такимъ-то образомъ во многихъ по внѣшности даже дѣйствительно принадлежащихъ къ истинной Церкви Христовой и не противящихся ея ученію, но въ то же время и не слѣдующихъ ему во всемъ неуклонно, поддерживаются и усиливаются различные предразсудки и суевѣрія, крайне враждебныя истинной Вѣрѣ.

Если отъ богооткровеннаго ученія Вѣры мы обратимся къ ученіямъ естественной человѣческой мудрости; то и здѣсь легко примѣтимъ, какъ часто исканіе истины и правды, не руководимое свѣтомъ истины Христовой и закономъ правды Божіей, ведетъ человѣка къ заблужденіямъ въ дѣлахъ мудрости и знаній, къ безпорядку и неустройству — въ жизни частной и общественной.

Не мало было и въ прежнихъ вѣкахъ, не меньше, если еще не больше, и нынѣ такихъ мудрецовъ, которые изучаютъ всѣ науки, кромѣ науки вѣровать и жить по-христіански, знаютъ міръ видимый отъ кедра до иссопа, но не знаютъ хорошо самихъ себя, — внутренняго, духовно-нравственнаго состоянія своего сердца; изучаютъ множество иностранныхъ языковъ, а между тѣмъ

часто не понимаютъ того языка, которымъ изъясняются Вѣра и Церковь, не смотря на то, что этотъ языкъ— родной имъ; измѣряютъ пространство неба и разстоянія свѣтилъ небесныхъ, но никогда не помышляютъ о томъ небѣ, гдѣ царствуетъ Богъ во свѣтѣ и славѣ и гдѣ вмѣстѣ съ Нимъ будутъ вѣчно царствовать всѣ вѣрующіе въ Него и любящіе Его. При такомъ всезнаніи, но невѣжествѣ въ Вѣрѣ, дивно ли, что они нерѣдко запутываются въ собственныхъ сѣтяхъ,—дивно ли, что, не послѣдуя и не повинуясь истинѣ и правдѣ Божіей, *ищутъ поставити свою правду*, — придумываютъ и провозглашаютъ ученія, крайне лживыя и гибельныя, которыя однакожъ для нихъ кажутся истинными, благотворными и полезными? Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро человѣкъ весь свой умъ и сердце и всѣ силы души постоянно обращаетъ къ земному, грубому и чувственному, земное изслѣдываетъ, земное испытываетъ, никогда не помышляя о духовномъ и небесномъ, коль скоро онъ все старается цѣнить и измѣрять только по внушенію своихъ грубыхъ тѣлесныхъ чувствъ, по законамъ природы видимой, по мѣркѣ своего разсудка и личнаго опыта: то дивно ли, если все духовное, невидимое и Божественное начинаетъ ему казаться сомнительнымъ и невѣроятнымъ, хотя для людей, знающихъ истинное ученіе Вѣры и опытныхъ въ духовной жизни, оно столько же и еще болѣе истинно и непреложно, нежели все видимое и осязаемое? Коль скоро человѣкъ привыкъ видѣть человѣка только въ тѣлѣ и тѣлесныхъ потребностяхъ: то дивно ли, что онъ постепенно переходитъ отъ забвенія о своей душѣ къ сомнѣнію въ ея безсмертіи, отъ сомнѣнія—къ полному невѣрію въ жизнь безсмертную и въ будущее воздаяніе за дѣла добрыя и злыя?

При такомъ направленіи своего ума и сердца, человѣкъ естественно получаетъ ложный и превратный взглядъ на жизнь и общество человѣческое: все, что устроено по ученію Христову, по закону Евангелія, все, основанное на истинномъ ученіи о человѣкѣ, какъ существѣ предназначенномъ къ вѣчной и безсмертной жизни, ему часто начинаетъ казаться несправедливымъ, стѣснительнымъ, несообразнымъ съ истинными потребностями человѣка. Ему думается, что только по его мнѣніямъ и убѣжденіямъ, или, вѣрнѣе сказать, по внушенію страстей и похотей его грубаго и чувственнаго сердца, можно бы правильно и справедливо устроить жизнь семейную и общественную. И вотъ, стремясь къ подобнымъ цѣлямъ, такіе люди, какъ показываетъ опытъ жизни, стараются распространить свои ложныя мнѣнія и ученія и между другими, простыми и довѣрчивыми, людьми,—и, чтобы скорѣе достигнуть желаемаго, прикрываютъ ихъ именемъ истины и правды, человѣколюбія и состраданія,—распространяютъ ихъ подъ предлогомъ просвѣщенія и образованія людей непросвѣщенныхъ, подъ видомъ ревности объ устроеніи общаго благоденствія, подъ предлогомъ развитія и улучшенія жизни общественной и частной.

И здѣсь-то часто сбывается слово нашего Господа, сказанное Имъ о всѣхъ лживыхъ учителяхъ, которые *приходятъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ*, говоритъ Господь, *познаете ихъ* (Марѳ. 7, 15. 16). Здѣсь-то внимательно наблюдающій жизнь можетъ примѣчать, какъ эти ревнители мнимой правды, человѣколюбія и состраданія, нагло и грубо, или же тонко и прикровенно, но тѣмъ неменѣе жестоко и язвительно осмѣиваютъ всякаго, кто, ос-

таваясь неизмѣнно вѣрнымъ ученію Христову, не хочетъ сообразоваться съ ихъ мнѣніями и ученіями,—какъ они, подъ видомъ просвѣщенія и образованія людей непросвѣщенныхъ, подъ видомъ искорененія суевѣрій и предразсудковъ, вооружаются и противъ Божественной истины Евангелія, противъ ученія Вѣры и Церкви,—какъ, подъ видомъ ученія о правахъ человѣка и его свободѣ, они проповѣдуютъ не свободу евангельскую и не истинную гражданскую свободу, а дерзкое своеволіе и произволъ, разнузданность всѣхъ страстей, неуваженіе къ существующему порядку, недовольство настоящимъ,—не то недовольство, которое желало бы путемъ правды, истины и добра, словомъ христіанской любви и убѣжденія исправить дѣйствительные недостатки жизни, а то, которое хотѣло бы путемъ насилія и буйства ниспровергнуть существующій порядокъ только потому, что онъ не даетъ возможности удовлетворять постыднымъ желаніямъ и страстямъ.

Внемлите отъ лживыхъ пророкъ, говоритъ Господь нашъ, предостерегая насъ отъ такихъ и подобныхъ имъ учителей лжи и заблужденій, прикрытыхъ именемъ истины и правды. *Внемлите*,—тщательно испытывайте и наблюдайте,—каковы учители, которыхъ вы слушаете, истина ли говоритъ ихъ устами, а не ложь, желаніе ли общаго блага и пользы, а не своекорыстіе и другія низкія страсти руководятъ ихъ жизнію и поведеніемъ. *Внемлите*: ибо вѣрить всякому ученію, можетъ быть, только прикрывающемуся прекрасными именами науки, просвѣщенія, общественнаго благоустройства, свободы, уваженія къ естественнымъ правамъ и достоинству человѣка, вѣрить и слѣпо слѣдовать ему,—въ большей части случаевъ значитъ — стремиться къ разстройству и

безпорядку въ дѣлахъ общественныхъ, къ разнузданности всѣхъ страстей—во всей вообще жизни человѣка.— *Внемлите*, остерегайтесь *отъ лживыхъ пророкъ*,—и *внемлите*, всѣмъ сердцемъ вѣруйте и поучайтесь божественной и совершенной истинѣ и правдѣ, открытой намъ въ ученіи Евангелія и православно-вселенской Церкви. Это, и только это ученіе можетъ просвѣтить человѣка тѣмъ небеснымъ свѣтомъ, который и безъ свѣта наукъ руководитъ человѣка къ жизни счастливой и благоустроенной. Оно и самой наукѣ даетъ силу и жизнь и дѣлаетъ ее могущественнымъ орудіемъ общественнаго благоустройства. Оно разсѣяваетъ мракъ суевѣрій и предразсудковъ; оно же изобличаетъ лживый, холодный свѣтъ и блескъ невѣрія и безбожія, мнимо-просвѣщеннаго вольномыслія и кощунства. Оно вноситъ въ общество духъ истинной свободы, внушая начальствующимъ человѣколюбивую заботливость о счастіи подчиненныхъ, а подчиненнымъ—довѣріе и уваженіе къ начальствующимъ. Словомъ: оно есть истинная и совершеннѣйшая правда Божія, ведущая человѣка къ благоденствію въ жизни настоящей и безконечному блаженству—въ будущей.

II.

ВИЛЕНСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПРАВОСЛАВНЫХЪ БРАТСТВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ И ЦѢЛЬ ИХЪ.

Западно-русская церковь уже со временъ Ягеллы (1386) почувствовала стѣснительное положеніе. Доколѣ Литва составляла самостоятельное государство, управляемое великими князьями изъ дома Гедимина, православная Вѣра въ ея областяхъ наслаждалась спокойствіемъ, ограждена была государственными законами и находила себѣ пріютъ даже въ велико-княжескихъ семействахъ. Ягелло, сынъ Ольгерда, въ исторіи западно-русской церкви является первымъ виновникомъ тѣхъ бѣдствій, которыя въ послѣдующее время долженъ былъ испытывать православный западно-русскій народъ отъ римскаго католичества. Совершенное въ лицѣ Ягеллы гражданское соединеніе Литвы съ Польшею въ 1386 году подало римскимъ первосвященникамъ лестныя для нихъ надежды на религіозное соединеніе Литвы съ Польшею. Отсюда начало тѣхъ немалочисленныхъ попытокъ къ уніи, которыми такъ богата исторія западно-русской церкви. Впрочемъ, православная Церковь въ Литвѣ до 1569 г. настолько была сильна, что очень лег-

ко могла переносить направленные противъ нея удары римской пропаганды. Внутренняя отдѣльность Литвы отъ Польши до этого времени довольно прочно обезпечивала ея существованіе. А появленіе, къ концу первой половины XVI столѣтія, въ Литвѣ и Польшѣ протестантства, сильное разлитіе въ народѣ волненій и послѣдовавшее вслѣдъ за этимъ ослабленіе самаго латинства, хотя на короткое время доставили православнымъ возможность насладиться религіозною свободою и даже пріобрѣсть нѣкоторыя гражданскія права. Но эти несчастія скоро заставили польское правительство искать болѣе прочныхъ основъ для внутренняго благосостоянія государства. Единственнымъ средствомъ для этого, по мысли ревностныхъ латинянъ, должно было служить единство вѣры и народности въ Литвѣ и Польшѣ. Съ этою цѣлію состоялось окончательное соединеніе Литвы съ Польшею въ 1569 году, при польскомъ королѣ Сигизмундѣ-Августѣ. Въ этомъ событіи, какъ въ зернѣ, скрываются всѣ тѣ гибельныя слѣдствія, которымъ въ послѣдствіи должна была подвергаться православная церковь въ Литвѣ. Въ томъ же 1569 году, для большей прочности своихъ замысловъ, поляки предложили ввести въ Литву, подобно Польшѣ, іезуитовъ, которыхъ и пригласилъ въ Вильно тогдашній виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ (¹). Покровительствуемые королями, Стефаномъ Баторіемъ, а особенно Сигизмундомъ III, іезуиты простерли свою миссіонерскую дѣятельность изъ Вильна, главнаго своего средоточія, по всей Литвѣ. Іезуиты дѣйствовали хитро, не шли прямо противъ православія, но пролагали путь мало по

(¹) Obr. Litw. Iarosz. т. 3, стр. 39.

малу, привлекали православное юношество въ свои школы, не показывая вида, съ какою цѣлію; а между тѣмъ тихо и незамѣтно разрушали прежнія вѣрованія учениковъ и въ тоже время разсѣявали множество книгъ въ литовскомъ княжествѣ, частію полемическихъ, частію догматическихъ, въ духѣ латинства.

Въ эти-то несчастныя для западно-русской церкви времена оказалъ великую услугу православію такъ называемый Патронатъ. Онъ былъ вызванъ и развитъ бѣдственнымъ состояніемъ западно-русской церкви. Неблагонамѣренныя отношенія латинства къ православію, козни противъ него іезуитовъ и собственныя неустройства въ церкви возбудили въ истинныхъ сынахъ западно-русской церкви особенную ревность къ сохраненію въ цѣлости и неприкосновенности правъ православія. Явленіе отрадное для православной церкви и вполнѣ достойное подражанія для каждаго сына ея! Сущность патроната состояла въ томъ, что православные дворяне имѣли право по наслѣдству благоустроять церкви, монастыри или вообще доставлять имъ средства существованія (jus donandi), избирать настоятелей, священниковъ (jus praebendi, jus praesentandi) и охранять отъ безпорядковъ, обидъ и угнетеній (jus patronatûs или patronandi) [1]. Этимъ правомъ владѣли лучшіе люди того времени, лица снискавшія уваженіе у королей, которые нерѣдко въ награду за особенныя ихъ услуги престолу давали имъ это право. Изъ множества такихъ лицъ довольно указать на Ѳеодора Скумина [2] и

---

[1] Эти права довольно подробно излагаются въ жалованныхъ королевскихъ грамотахъ, помѣщенныхъ во всѣхъ 5 томахъ Актовъ Западной Россіи. Систематичечки они изложены въ 2-й части сочиненія Чацкаго. O prawach Kr. P. i W. X. Litw.

[2] Акт. Запад. Росс. т. 4, № 10.

на знаменитаго защитника православія Константина Константиновича князя Острожскаго, за которымъ король Баторій призналъ самый обширный патронатъ— надъ всею западно-русскою церковью (¹). Безъ сомнѣнія, патроны, подобные князю Острожскому, не мало облегчали бѣдственное состояніе западно-русской церкви въ XVI вѣкѣ.

Съ патронатомъ имѣютъ самую тѣсную и неразрывную связь и составляютъ какъ бы высшее развитіе его такъ называемыя братства. Бѣдственное положеніе западно-русской церкви заставляло цѣлыя корпораціи, цѣлые ремесленные и купеческіе цехи соединяться между собою крѣпкими братскими узами, группироваться около извѣстныхъ церквей и монастырей и благоустроять ихъ. Эти-то корпораціи, не ограничиваясь однимъ только мѣстомъ, простирали свою благотворную дѣятельность на окрестныя области, помогали всѣмъ нуждающимся всѣми зависящими отъ нихъ средствами и поддерживали православіе въ народѣ въ самыя тяжелыя времена гоненій за Вѣру. Устройство братствъ, обезпеченное опредѣленными уставами и благословеніемъ церковнымъ, взаимные союзы ихъ между собою, добровольное и сознательное принятіе на себя обязанностей каждымъ братчикомъ и высокое значеніе въ обществѣ нѣкоторыхъ братчиковъ — прежнихъ патроновъ, вписавшихся въ списокъ того или другаго братства,—придавали имъ силу и значеніе и способствовали нравственному вліянію ихъ на окружающую ихъ среду. Таковы и являются въ исторіи западно-русской церкви православныя братства по всѣмъ предѣламъ юго-западной Рос-

(¹) Акт. Запад. Росс. т. 4, № 71 и 72.

сіи: во Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Луцкѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Брестѣ, Пинскѣ, Бѣльскѣ, Минскѣ и многихъ другихъ мѣстахъ.

Устройство братствъ условливалось тогдашнимъ положеніемъ общества, среди котораго возникали они. Извѣстно, что многимъ городамъ юго-западной России польскіе короли давали такъ называемое магдебургское право (¹), по которому мѣщанское сословіе извѣстнаго города имѣло свое внутреннее устройство, свой судъ и управленіе (²). Управленіе возлагалось на бургомистровъ и ратмановъ; а власть судебная предоставлена была войту и лавникамъ, или присяжнымъ засѣдателямъ. Ремесленники каждаго значительнаго ремесла составляли изъ себя корпораціи, извѣстныя подъ названіемъ цеховъ, которые иногда назывались и братствами (³). Цеховыя братства состояли изъ лицъ различ-

(¹) О городахъ, пользовавшихся въ областяхъ Литовскаго княжества магдебургскимъ правомъ, можно читать у Чацкаго (ч. 1. стр. 284).

(²) Мѣщане ежегодно, въ первый понедѣльникъ послѣ праздника новаго года, избирали изъ среды себя восемь особъ, людей степенныхъ, опытныхъ и ученыхъ. Изъ числа ихъ городской староста избиралъ четырехъ ратмановъ, назначая одного изъ нихъ бургомистромъ. Бургомистръ и ратманы должны были завѣдывать городскими доходами и расходами; они имѣли право взыскивать штрафныя деньги, которыя и раздѣляли между собою. Бургомистръ исправлялъ свою должность въ теченіе мѣсяца, а потомъ передавалъ ее другому старшему ратману и такъ далѣе до новыхъ выборовъ. Войта избиралъ городской староста изъ мѣщанъ — человѣка честнаго и богобоязненнаго и знающаго законы. Лавниковъ избирали изъ среды себя мѣщане. Войтъ и лавники составляли мѣстный судъ и избирались на всю жизнь. Они судили мѣщанъ въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ по магдебургскому праву, взыскивали пени, которыя и дѣлили между собою. У нихъ были свои актовыя книги. Недовольные судомъ войта и лавниковъ подавали аппелляціи бургомистру и ратманамъ; на рѣшеніе бургомистра и ратмановъ аппелляція подавалась городскому старостѣ; а на рѣшеніе старосты — въ судъ королевскій (См. Жизнь князя Курбскаго т. II, стр. 318—321).

(³) Отеч. Записки 1845 г. т. XLIII, въ отдѣлѣ критики, стр. 40.

ныхъ вѣроисповѣданій (1) и имѣли свои алтари или церкви (2), куда они жертвовали часть изъ своихъ доходовъ. Эту форму устройства цеховыхъ общинъ и усвоили себѣ православныя братства, какъ болѣе выгодную для цѣлей братскихъ и болѣе угодную подозрительному правительству.

Устроившись по образцу ремесленныхъ цеховыхъ общинъ, православныя церковныя братства сначала имѣли цѣль чисто благотворительную: они содержали больницы, госпитали, подавали милостыни, благоустрояли церкви и монастыри, и потому получили сначала, по преимуществу, характеръ *обществъ человѣколюбивыхъ* и назывались братствами любви и братствами милосердія. Для этого каждый членъ братства въ извѣстные сроки долженъ былъ дѣлать вкладъ въ братскую кружку, и изъ этихъ пожертвованій составлялись суммы необходимыя для цѣлей братства. Такимъ образомъ братская казна употреблялась на воспитаніе сиротъ, на прокормленіе старыхъ и больныхъ, на призрѣніе странниковъ, на пособіе вдовамъ, на вспомоществованіе дѣвицамъ, на защиту обидимыхъ, на вспомоществованіе несчастнымъ, пострадавшимъ отъ пожара и наводненія, на выкупъ плѣнныхъ, на прокормленіе нуждающихся во время голода, на одѣяніе и погребеніе умиравшихъ въ бѣдности, на возобновленіе опустѣвшихъ церквей и монастырей (3). Въ послѣдствіи же времени, когда западно-русская церковь стала терпѣть преслѣдованія за православіе, братства первыя

---

(1) Собр. Вил. грам. ч. II, № 14 и 15.
(2) Тамъ же. Прилож. IV, стр. XLII.
(3) Чтенія въ Императ. Общ. 1848 г. № 6, стр. 57, 58.

выступаютъ на борьбу съ латинствомъ, отстаиваютъ права православнаго народа предъ польскими королями и сеймами, не оставляя дѣлъ благотворительности, и получаютъ характеръ *обществъ религіозно-православныхъ*. „Нѣсть вамъ благодатію Божіею", писали виленскіе братія къ братіямъ львовскимъ въ 1619 году, отъ 21 января, „попеченіе вящшее, надъ еже по евангельскимъ Христа Бога нашего заповѣдемъ ходити; нѣсть и прилежаніе усерднѣйшее надъ еже спасенную пречестныя матере нашея восточныя святыя Церкве догматовъ и преданій цѣлость неподвижну сохранити" ([1]). Точно также смотрѣлъ на назначеніе братствъ и весь православный литовско-русскій народъ. Поэтому-то многіе православные въ Литвѣ охотно вписывали свои имена въ братскіе списки, отказывали братствамъ свои имущества, постоянно заботились о поддержаніи братскихъ учрежденій, отдавали въ братскія школы своихъ дѣтей на воспитаніе. Такое именно понятіе соединяли съ братствами и сами восточные патріархи, когда, присылая къ нимъ утвердительныя грамоты, убѣждали ихъ „подвизаться за цѣлость Вѣры православной" ([2]), когда требовали, „чтобы они, подъ страхомъ вѣчнаго отлученія отъ Бога Вседержителя, не принимали никого ни изъ лицъ священныхъ, ни изъ свѣтскаго начальства, ни самаго намѣстника епископскаго, кто бы дерзнулъ вносить или превозносить соединеніе" (унію) ([3]), когда наконецъ „усердно желали видѣть, чтобы они, какъ благочестивыя въ Духѣ Святомъ соединенія, прежде всего,

---

([1]) Акт. Западн. Росс. т. IV. № 217. стр. 215.
([2]) Пам. Кіев. Ком. т. II. стр 51.
([3]) Могил. Вѣдом. 1845 г. № 41.

съ часу на часъ, со дня на день, преуспѣвали въ православной, каѳолической восточной Вѣрѣ" ([1]). Для болѣе стойкой и успѣшной борьбы съ латинствомъ восточные патріархи обратили особенное вниманіе на прежде учрежденныя братства, дали имъ новое, особое устройство, признали за ними право *ставропигіи*, т. е., непосредственной зависимости отъ патріаршаго престола. Такое право получили старѣйшія между братствами братства: львовское и виленское ([2]). Съ такимъ устройствомъ, съ такими силами и средствами братства представляли собою твердый и надежный оплотъ для поддержанія церкви православной, для которой они съ безпримѣрнымъ усердіемъ трудились во весь періодъ своего существованія.

УЧРЕЖДЕНІЕ ВИЛЕНСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО БРАТСТВА И ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ЕГО.

Въ ряду православныхъ братствъ, существовавшихъ въ юго-западной Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, виленское православное братство занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Этимъ оно обязано было, съ одной стороны, гражданскому значенію города Вильна, который служилъ для Литвы средоточіемъ гражданской жизни, а еще болѣе своему благодѣтельному вліянію на православный западно-русскій народъ.

Обстоятельства, вызвавшія появленіе виленскаго церковнаго братства, и тѣ начала, на которыхъ оно устроилось, были тѣ же самыя, какими руководились и прочія западно-русскія братства. Это—общинное устрой-

([1]) Пам. Кіев. Ком. т. III, отд. 1 грам. XI. стр. 87—88.

([2]) Пам. Кіев. Ком. т. III, отд. 1, грам. II, III и слѣд. Собр. Вил. грам. ч. II, № III.

ство нѣкоторыхъ западно-русскихъ городовъ, получившихъ отъ королей грамоты на магдебургское право, по которому среднiй классъ городскаго населенiя—мѣщане—прiобрѣталъ особенныя права, устроялъ у себя самостоятельный судъ и своеобразное управленiе и такимъ образомъ значительно уравнивался въ правахъ своихъ съ высшимъ классомъ городскаго населенiя.

Городъ Вильно, уже вскорѣ послѣ перваго соединенiя Литвы съ Польшею, сталъ получать отъ польскихъ королей одну за другою грамоты на магдебургское право. Еще въ 1387 году виновникъ этого соединенiя Владиславъ Ягелло далъ виленскимъ мѣщанамъ римскаго и греческаго вѣроисповѣданiй грамоту на магдебургское право (1). Затѣмъ въ 1432 году послѣдовали по этому предмету двѣ грамоты отъ великаго князя Сигизмунда (2), которыми виленскiе мѣщане обоихъ вѣроисповѣданiй уже окончательно освобождались изъ-подъ власти земскихъ урядниковъ, воеводъ, судей и королевскихъ старостъ (3). Сущность магдебургскаго права во все послѣдующее время оставалась неизмѣнною для Вильна и только нѣкоторые государи видоизмѣняли и пополняли его. Окончательно оно утверждено за виленскими гражданами въ 1607 году королемъ Сигизмундомъ III-мъ (4). Впрочемъ магдебургское право въ Вильнѣ относилось только къ обывателямъ бывшимъ въ вѣдѣнiи ратуши, жившимъ на городскихъ земляхъ; другiе, жившiе на земляхъ, принадлежавшихъ замку, епископу и церквамъ, не пользовались этимъ правомъ (5).

(1) Собр. Вил. грам. ч. 1. № 1.
(2) Тамъ же, № 3 и 4.
(3) Wilno Krasz. т. III, стр. 208.
(4) Собр. Вил. грам. ч. 1. № 27.
(5) Wilno Krasz. т. 1, стр. 80.

Первымъ проявленіемъ магдебургскаго права, дарованнаго королями виленскимъ мѣщанамъ, были ремесленные цехи, которые по своему внутреннему устройству были совершенно отличны отъ общаго склада городскихъ учрежденій. Эти-то ремесленныя общины города Вильна, имѣвшія, какъ мы уже говорили, въ основѣ своихъ уставовъ благотворительныя цѣли, и положили собою начало религіозно-благотворительному обществу, извѣстному въ исторіи западно-русской церкви подъ названіемъ виленскаго православнаго братства.

Начало его относится ко второй половинѣ XV-го вѣка. Изъ грамоты (¹) 1538 года, данной королемъ Сигизмундомъ I-мъ виленскому братству, видно, что оно учредилось еще за 80 лѣтъ предъ тѣмъ, слѣдовательно въ 1458 году. Сначала оно не представляло собою одной цѣльной корпораціи, а слагалось изъ нѣсколькихъ цеховыхъ братствъ. Такъ, изъ грамоты короля Стефана 1582 года (²) видно, что въ Вильнѣ въ это время существовало пять православныхъ братствъ: панское, состоявшее изъ пановъ, бурмистровъ и радцовъ; купецкое, кожемяцкое—состоявше изъ скорняковъ; кушнерское—изъ кушнеровъ, шапочниковъ, и россское, по всей вѣроятности такъ названное отъ Росы, загороднаго мѣста, гдѣ находились церковь св. Юрія и госпиталь (³). Всѣ эти братства въ современныхъ имъ коро-

(¹) Въ грамотѣ говорится: «итого братства своего отъ осмидесять лѣтъ свободне и доброволне аж до того часу вжываютъ (Соб. Вил. гр. ч. II, № 17, стр. 41).

(²) Тамъ-же, ч. II. № 2-й.

(³) Объ немъ упоминается въ завѣщаніи Шишки 1594 г. Соб. Вил. грам. ч. II, № 8.

левскихъ грамотахъ обозначаются именемъ братствъ народа русскаго греческой вѣры ([1]). Къ сожалѣнію, до нашего времени не сохранилось точныхъ историческихъ свидѣтельствъ о первоначальномъ учрежденіи братства. Синопсисъ говоритъ только, что для братства особенно счастливъ былъ 1584 годъ, въ которомъ митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка утвердилъ братство и скрѣпилъ собственною подписью и печатью братскій уставъ ([2]). Съ этого времени братство со дня на день росло болѣе и болѣе, такъ что въ скоромъ времени въ числѣ своихъ членовъ оно уже считало многихъ сенаторовъ, коронныхъ и литовскихъ магнатовъ, а также многихъ виленскихъ бурмистровъ, радцовъ, лавниковъ и мѣщанъ. Съ самаго начала своего появленія виленское братство устроилось при церкви Святой Троицы ([3]) и потому до позднѣйшихъ временъ извѣстно было подъ названіемъ троицкаго братства. Впрочемъ братству принадлежалъ не весь монастырь съ церковію, а только одинъ алтарь или придѣлъ, который назывался алта-

---

([1]) Соб. Вил. грам. ч. II, № 2-й.

([2]) Synopsis pod. 1584 г.

([3]) Свято-Троицкая церковь построена была еще въ 1330 году Маріею супругою Ольгерда (Stebelski Część II стр. 9). Потомъ она была возобновлена и украшена княгинею Еленою, супругою короля Александра, которая имѣла надъ нею «право подаванья — jus patronatûs» (Wilno Krasz. t. III. стр. 48). Въ 1514 году князь острожскій Константинъ Ивановичъ въ память побѣды, одержанной имъ подъ Кропивною, построилъ на мѣстѣ прежней деревянной каменную троицкую церковь съ монастыремъ (Synopsis pod. 1514 г. Wilno Krasz. t. III. стр. 49). Въ 1584 году бурмистры, радцы и лавники виленскіе, православной вѣры, получили отъ короля Стефана Баторія «jus patronatûs» надъ монастыремъ Святой Троицы, гдѣ находилась и церковь свято-троицкая. Это должно было исполниться уже послѣ смерти митрополита Онисифора Дѣвочки, который управлялъ имъ (Акт. Зап. Росс. т. III. № 144, стр. 286).

ремъ срѣтенія Господня (¹). Такимъ образомъ внѣшнее положеніе братства къ этому времени уже довольно было обезпечено; не доставало ему только утвержденія отъ высшей духовной власти патріарха, которому подчинена была западно-русская церковь. Обстоятельства мѣстной церкви помогли въ этомъ братству. Къ этому времени въ западно-русской церкви до того усилились безпорядки разнаго рода, что поборники православія не могли равнодушно смотрѣть на бѣдственное положеніе церкви. Князь Острожскій упросилъ (²) константинопольскаго патріарха Іеремію II прибыть въ Литву для исправленія запутанныхъ дѣлъ церковныхъ. Патріархъ на возвратномъ пути изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ за сборомъ подаяній на постройку новой церкви въ Константинополѣ въ замѣнъ церкви св. Апостолъ, обращенной султаномъ Амуратомъ въ мечеть, прибылъ въ 1588 году въ Вильно, гдѣ онъ былъ принятъ съ честію православными князьями, дворянами и мѣщанами. Члены виленскаго братства не могли не воспользоваться этимъ столь выгоднымъ для нихъ прибытіемъ патріарха. Они представили патріарху для разсмотрѣнія и исправленія книгу (³)—„Чинъ братства своего", которую не задолго до этого времени они напечатали по благословенію митрополита Онисифора, и просили для себя у патріарха пастырскаго благословенія. Патріархъ, нашедши въ чинѣ „все написаннымъ къ соединенію любви духовной и къ совершенному христіанскому благочестію", пастырскою своею властію утвердилъ братство и скрѣ-

(¹) Synopsis pod. 1592 г.

(²) Акт. запад. Росс. т. IV. № 149, стр. 203—206.

(³) Эту любопытную книжку, кажется, нужно считать потерянною (3 е примѣчаніе къ 4 тому Акт. Запад. Россіи).

пилъ собственною печатію поданный ему чинъ братства. Онъ сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что видѣлъ въ братствѣ будущихъ противниковъ возникавшей тогда уніи. Въ тоже время патріархъ далъ на имя братства Живоначальныя Троицы грамоту (¹), въ которой предписывалось ему имѣть въ братскомъ домѣ школу для языковъ греческаго, латинскаго и русскаго, а также типографію для печатанія божественныхъ книгъ. Этою же грамотою онъ завѣщалъ братству хранить все написанное въ чинѣ, а братію непокорную и вносящую соблазнъ въ Церковь Христову повелѣлъ митрополиту кіевскому, своему намѣстнику, или виленскимъ священникамъ отлучать отъ братства, по просьбѣ членовъ его. Для бóльшаго успѣха братства въ его дѣйствіяхъ, патріархъ даровалъ ему *право ставропигіи*, т. е. непосредственной зависимости его отъ себя. „А кто-бы сему богоугодному братству", говорится въ грамотѣ, „былъ противенъ и разорялъ, или богомерзкими усты о немъ клеветалъ, несогласіе и раздоръ внося, аще архіепископъ, или епископъ, или архимандритъ, или игуменъ, или протопопъ, или попъ, или діаконъ, или который же кольвекъ причетникъ церковный, или кто отъ мірскихъ всякаго чина, возраста же и сана, отъ меньшихъ и до старшихъ, на таковомъ буди неблагословеніе наше". Грамоту эту патріархъ велѣлъ виленскому духовенству прочесть во всѣхъ городскихъ церквахъ, для всеобщаго свѣдѣнія. Такимъ образомъ виленское братство, до сихъ поръ существовавшее больше какъ общество свѣтское, съ 1588 года получаетъ характеръ корпораціи духовной, призванной однимъ изъ первыхъ

(¹) Собр. Вил. грам. ч. II, № 111.

іерарховъ востока къ участію въ дѣлахъ мѣстной церкви. Въ слѣдующемъ 1589 году виленскіе мѣщане — члены братства обратились уже съ вѣрноподданническою просьбою къ королю Сигизмунду III, прося его утвердить ихъ братство своею властію. Король не замедлилъ исполнить волю братства и въ томъ же году 21 іюля далъ ему грамоту ([1]), въ которой утверждается уставъ братскій, дозволяется братству содержать на своемъ иждивеніи больницы, училища и типографіи и предоставляется ему управляться чрезъ рочныхъ справцовъ братства. Въ этой же грамотѣ король даетъ братству право вмѣсто печати на всѣхъ юридическихъ бумагахъ употреблять образъ Святыя Троицы, который оно еще до этого времени употребляло ([2]). Въ слѣдующемъ году Сигизмундъ III еще далъ братству грамоту на его учрежденіе, въ которой подтвердилъ всѣ привиллегіи, полученныя братствомъ отъ прежнихъ королей: Сигизмунда I, Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія ([3]). Окончательное утвержденіе правъ виленскаго православнаго братства послѣдовало въ 1633 году отъ короля Владислава IV-го ([4]).

Внутреннее устройство его вполнѣ соотвѣтствовало духу братствъ вообще, какъ христіанскихъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлію благотворить ближнимъ и поддерживать православную вѣру. Въ число членовъ братства поступалъ всякій, кто чувствовалъ въ себѣ призваніе служить на пользу ближнихъ и церкви. Всѣ члены братства обыкновенно назывались братьями ([5]) или

([1]) Собр. Вил. грам. ч. II, № 5.
([2]) Synopsis pod. 1589 г.
([3]) Собр. Вил. грам. ч. II, № 16.
([4]) Тамъ-же, ч. II. № 42.
([5]) Собр. Вил. грам. ч. II, № 3, 4 и 11.

братчиками. До нашего времени сохранился каталогъ или списокъ ([1]) членовъ виленскаго братства отъ 1584 года, въ которомъ наряду съ знаменитѣйшими фамиліями стоятъ имена скромныхъ сапожниковъ, портныхъ, шапочниковъ и т. п. Изъ этого каталога видно, что къ виленскому братству принадлежали многія знаменитыя княжескія фамиліи, какъ напр. новогрудскій воевода Өеодоръ Скуминъ, смоленскій каштелянъ Богданъ Сапѣга, князья Соколинскіе, Горскіе, Сангушки, Полубенскіе, Друцкіе и другіе. Къ братству принадлежали и многія женщины ([2]), нетолько знаменитыя по своему происхожденію и выгодному положенію въ обществѣ, но нерѣдко и едва извѣстныя обществу, но за то готовыя на всякое дѣло благое и своимъ усердіемъ къ церкви нисколько не уступавшія остальнымъ братіямъ.

Для лучшаго порядка въ братствѣ составленъ былъ, какъ мы уже замѣчали, уставъ или „чинъ братства", который еще въ 1584 году, съ благословенія митрополита Онисифора, былъ напечатанъ и утвержденъ потомъ патріархомъ ([3]). Къ сожалѣнію, до нашего времени не сохранилась эта любопытная книжка и единственнымъ источникомъ для опредѣленія внутренняго устройства, состава и управленія братскаго служатъ данныя на имя его королевскія грамоты, которыя помѣщены въ „Собраніи Виленскихъ актовъ."

Изъ этихъ грамотъ видно, что устройство виленскаго братства и взаимныя отношенія всѣхъ братчиковъ опредѣлены были съ самою строгою точностію. Кругъ обя-

---

([1]) Справа Виленск. церков. братства, стр. 29—40.
([2]) Справа Виленск. церков. братства, стр. 39.
([3]) Synopsis pod. 1584 г.

занностей членовъ братства опредѣлялся цѣлію братскаго учрежденія и относился къ дѣламъ благотворенія и поддержанія православной Вѣры. Такъ, по грамотѣ Сигизмунда III, 1589 года, каждый братчикъ долженъ былъ въ извѣстные сроки дѣлать приношенія въ братскую скрынку (кружку), для поддержанія школъ, типографій, богадѣлень и вообще всѣхъ благотворительныхъ братскихъ учрежденій. Особенно это требовалось отъ каждаго братчика при вступленіи его въ братство, въ 4-ю недѣлю по Рождествѣ Христовомъ, а за тѣмъ въ каждый воскресный день послѣ ранней обѣдни. Кромѣ того, каждый изъ нихъ при смерти своей могъ отказывать въ пользу братства часть своего имущества. Далѣе, всѣ члены братства обязывались помогать каждому брату потерпѣвшему несчастіе, въ случаѣ болѣзни доставлять ему средства для излѣченія, а по смерти хоронить его на братскомъ иждивеніи; при погребеніи должны были присутствовать всѣ члены братства. Братская кружка, изъ которой обыкновенно подавалась милостыня бѣднымъ, служила еще для поддержанія благолѣпія братской церкви. Изъ ней же назначалась сумма на содержаніе братскаго священника и діакона, которые отправляли богослуженіе при братскомъ алтарѣ. Богослуженіе въ братской церкви совершалось четыре раза въ недѣлю: въ воскресенье, среду, пятницу и субботу. Въ пятницу, кромѣ того, послѣ ранней обѣдни, братскіе священники служили соборомъ молебенъ за государя; при всѣхъ этихъ службахъ должны были присутствовать всѣ члены братства, и послѣ службъ заходить въ братскій домъ на браткую бесѣду. За нарушеніе обязанностей своихъ виновный наказывался штрафомъ—деньгами или извѣстнымъ количествомъ воска.

Для завѣдыванія дѣлами братства, братчики ежегодно избирали изъ шляхетнаго званія 2-хъ (1) честныхъ и добродѣтельныхъ мужей, которые назывались рочными справцами (2), или справцами извѣстнаго рока (года), (3) а также—старшими (4) или старостами (5). Братскіе старосты были первыми лицами въ братствѣ и братчики должны были оказывать имъ повиновеніе. Старосты братскіе были представителями братства предъ гражданскими властями; въ этомъ случаѣ они дѣйствовали отъ лица всего братства, и потому въ королевскихъ грамотахъ встрѣчаются подобныя выраженія: такіе-то рочные справцы предстали предъ нами именемъ вся брати братства (6), или—въ особе всего братства церковнаго (7). Кромѣ обязанностей, общихъ всѣмъ братчикамъ, старостамъ усвоены были еще нѣкоторыя особенныя должности. Такъ, они должны были отъ лица всего братства представлять королю грамоты на утвержденіе братскихъ правъ и привиллегій (8), а въ случаѣ обидъ и притѣсненій братству, вносили протесты въ городскія книги, вели продолжительные процессы и подавали королю аппелляціи. Что касается внутренняго управленія братствомъ, то обязанности ихъ въ этомъ отношеніи были довольно многосторонни. Старшіе братчики должны были смотрѣть за исполненіемъ братскихъ обязанностей, представлять дѣла на разсмотрѣніе всего братства и судить виновныхъ меньшихъ братій, кото-

(1) Synopsis pod. 1604 г.
(2) Собр. Вил. грам. ч. II. № 4, стр. 11.
(3) Тамъ-же, № 1, стр. 1.
(4) Тамъ-же, № 16, стр. 32.
(5) Тамъ-же, № 2, стр. 3 и 4.
(6) Тамъ-же, ч. II, № 16, стр. 38.
(7) Тамъ-же, № 31, стр. 83.
(8) Собр. Вил. грам. ч. II. № 16, стр. 32; № 31, стр. 75.

рые должны были довольствоваться ихъ судомъ; обращаться къ городскимъ властямъ отнюдь не дозволялось. Они обязаны были заботиться о благолѣпіи своей церкви и монастыря и смотрѣть за благочиніемъ во время братскихъ собраній. Они же завѣдывали и распоряжались братскою кружкою (казною), всячески заботясь о томъ, чтобы братское имущество не терпѣло убытка, а болѣе и болѣе умножалось ([1]); по окончаніи годовой службы своей они должны были представлять всему братству отчетъ въ своемъ управленіи. Помощниками ихъ по хозяйственному управленію были такъ называемые ключники, которые ежегодно избирались изъ виленскихъ мѣщанъ, по четыре человѣка; они имѣли у себя ключи отъ братской казны, хранили у себя всѣ грамоты и привиллегіи и управляли братскимъ имуществомъ ([2]).

Но высшимъ судилищемъ братскимъ, гдѣ всѣ братчики общимъ голосомъ рѣшали дѣла братскія, были такъ называемыя братскія сходки, или собранія. Они обыкновенно происходили въ братскомъ дому, построенномъ при братской церкви, на церковной землѣ. Начало ихъ можно видѣть въ тѣхъ праздничныхъ бесѣдахъ и пиршествахъ, на которыя сходились члены первыхъ виленскихъ братствъ собственно ремесленныхъ и гдѣ они распивали медъ ([3]) и разсуждали о разныхъ назидательныхъ вещахъ. Съ теченіемъ времени, осо-

---

([1]) Предыдущ. цитат.

([2]) Synopsis pod. 1604 г.

([3]) Виленское братство имѣло отъ королей право варить медъ безъ платежа капщизны для шести праздниковъ въ году: Святаго Духа, Божіей Матери, Покрова, св. Николая, Рождества Христова и Великаго дня и пить по три дня въ каждый праздникъ, а по истеченіи трехъ дней продавать въ пользу братства (Собр. Вил. грам. ч. II, № 16).

бенно съ началомъ уніи, эти братскія собранія теряютъ характеръ пиршествъ и являются въ видѣ болѣе улучшенномъ, вполнѣ приспособленномъ для рѣшенія дѣлъ, касающихся братства и всей западно-русской церкви. Устройство, порядокъ и важность братскихъ сходокъ были вполнѣ опредѣлены братскимъ уставомъ; всякое нестроеніе, споры и даже оскорбительныя слова были устранены, и произведшіе безпорядокъ подвергались взысканію и должны были, не выходя изъ собранія, публично испрашивать прощенія у всего братства. За порядкомъ во время братскихъ засѣданій наблюдали старшіе братчики (¹). Совѣщанія и дѣйствія братскихъ засѣданій обыкновенно вносились въ книгу (²). Кругъ дѣйствій ихъ обнималъ собою внутреннее управленіе братства и отношеніе его ко всѣмъ православнымъ. Братскія собранія наблюдали за порядкомъ и благочиніемъ въ братствѣ, — разсматривали и рѣшали споры между братіями. Для этого обиженный обращался съ жалобою къ рочному справцѣ, который на другой день вмѣстѣ со всею братіею разбиралъ дѣло и наказывалъ виновнаго „виною братскою“. Строго воспрещалось обиженному обращаться помимо братскаго суда къ другимъ присутственнымъ мѣстамъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, „потому что,“ говорится въ братскомъ уставѣ, „такихъ дѣлъ никогда не судили никакія начальства ни духовныя, ни свѣтскія, но разсмотрѣніе ихъ всегда подлежало братскому собранію“ (³). Кромѣ того, на братскихъ сходкахъ были судимы и наказываемы нарушители братскихъ обязанностей, какъ то: „непосѣщав-

(¹) Собр. Вил. грам ч. II. № 16, стр. 35.
(²) Ж. М. Н. П. 1849 г. Май отд. II, стр. 79.
(³) Собр. Вил. грам. ч. II. № 16, стр. 35.

шіе церкви Божіей въ назначенные дни, неприсутствовавшіе при погребеніи умершихъ братій и опускавшіе братскія собранія. За все это налагался на виновнаго штрафъ, который онъ долженъ былъ выполнить въ присутствіи же собранія.

Но особенное вниманіе въ братскихъ собраніяхъ обращаемо было на дѣла, касавшіяся благоустройства братства, какъ учрежденія, которое явилось единственно для служенія ближнимъ и поддержанія православной церкви въ Литвѣ. Поэтому всѣ дѣла о больницахъ, богадѣльняхъ, странпріимныхъ домахъ, братской церкви, школѣ и типографіяхъ, всѣ дѣла объ ихъ улучшеніи были рѣшаемы не иначе, какъ общимъ голосомъ всей братіи. Этого требовала важность этихъ учрежденій. Потому-то въ братскихъ собраніяхъ рочные справцы должны были, по истеченіи годичной своей службы, давать всему братству отчетъ въ управленіи имуществомъ, и представляли ему реэстры приходовъ и расходовъ. Здѣсь же производился выборъ новыхъ старостъ, ключниковъ (1), а также выборъ игуменовъ и священниковъ къ братской церкви (2).

Таково было внутреннее устройство разсматриваемаго нами братства.

ВНѢШНЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВИЛЕНСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО БРАТСТВА И ВЪ ЧАСТНОСТИ БОРЬБА ЕГО СЪ УНІЕЮ.

а) При митрополитѣ Михаилѣ Рогозѣ (1589—1599).

Положеніе виленскаго братства при митрополитѣ Онисифорѣ было довольно прочно: онъ вполнѣ сочувство-

(1) Собр. Вил. грам. ч. II. № 16, стр. 35.
(2) Пам. Кіев. Комм. т. I, грам. XXVI—XXIX.

валъ этой новой корпораціи, призналъ ея законность и утвердилъ поданный ему братствомъ чинъ братства. Въ слѣдствіе этого число членовъ его съ каждымъ днемъ возрастало болѣе и болѣе, такъ что вскорѣ и другія ново-учредившіяся братства стали обращаться къ нему съ требованіемъ братскаго устава [1], который долженъ былъ служить имъ образцомъ при внутреннемъ ихъ устройствѣ. Затѣмъ патріаршее благословеніе и королевская грамота 1589 г. на устройство братства уже вполнѣ устроили братскую корпорацію и указали даже планъ будушей ея дѣятельности.

Ново-поставленный патріархомъ Іереміею митрополитъ Михаилъ съ начала своего правленія не имѣлъ рѣшительно никакихъ поводовъ противиться братскимъ учрежденіямъ. Онъ зналъ волю патріарха на учрежденіе братства и, будучи вполнѣ преданъ распоряженіямъ въ Литвѣ восточнаго іерарха, не могъ охуждать патріарха за то, что онъ утвердилъ въ Вильнѣ братство, тѣмъ болѣе, что ему извѣстно было, что, по волѣ патріарха, братство не должно было отдѣляться отъ митрополита и братскіе священники должны были оставаться подъ благословеніемъ митрополичьимъ [2]. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ полныхъ и точныхъ оснований для опредѣленія отношеній митрополита Михаила къ виленскому братству до 1595 года, въ которомъ онъ уже является поборникомъ уніи, задуманной Кирилломъ Терлецкимъ, Ипатіемъ Поцѣемъ и другими епископами, и естественно становится во враждебныя отношенія къ братству. Изъ немногихъ историческихъ документовъ

---

(1) Synopsis pod 1587 г.

(2) Собр. Вилен. грам. ч. II, № 3. св. Акт. Запад. Росс. т. IV № 33, стр. 45.

видно впрочемъ, что отношенія его къ виленскому братству до этого времени были вполнѣ дружелюбны. Въ Синопсисѣ подъ 1587 годомъ есть указаніе даже на то, что онъ былъ въ числѣ членовъ братства (1) и своимъ примѣромъ привлекъ къ братству многихъ знаменитыхъ людей литовскаго княжества. Изъ дальнѣйшихъ дѣйствій его въ пользу братства мы знаемъ также, что онъ служилъ братству посредникомъ въ дѣлахъ его съ бурмистрами и радцами, за которыми король Сигизмундъ III двумя грамотами своими (2) призналъ „право подаванья" надъ виленскимъ троицкимъ монастыремъ, данное имъ еще Стефаномъ Баторіемъ въ 1584 году (3). Такъ, когда въ 1592 году митрополитъ вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Скуминымъ, воеводою новогрудскимъ, и Богданомъ Сапѣгою, воеводою минскимъ, посѣтилъ троицкій монастырь, братчики обращались къ нему съ просьбою о передачѣ въ ихъ вѣдѣніе монастырской трапезы для храненія свѣчей и другихъ принадлежностей, необходимыхъ при погребеніи умершихъ братій, пока они купятъ собственный домъ. Митрополитъ по этому поводу ходатайствовалъ за нихъ предъ бурмистрами, которые и удовлетворили просьбу братства (4). Вообще нужно сказать, что митрополитъ Михаилъ до 1595 года много содѣйствовалъ успѣхамъ виленскаго братства, многія спорныя дѣла его съ бургомистрами и радцами рѣшилъ въ его пользу (5), а допущенныя имъ ошиб-

(1) Synopsis pod. 1587 г; Справа Вил. церковнаго братства, см. реэстръ членовъ братства.

(2) Первая грамота дана имъ королемъ 1589 г. (Соб. Вил. грам. ч. II. № 3-й): вторая—дана въ 1592 году. (Акт. Западн. Росс. т. IV № 35).

(3) Акт. Западн. Росс. т. III. № 144.

(4) Собр. Вил. грам. ч. II № 11. Synopsis pod. 1592 г.

(5) Такъ, когда въ 1594 г. бурмистры жаловались ему — на то, что братскіе священники Симеонъ, Василій и діаконъ Герасимъ служили у

ки судилъ съ любовію и отеческою снисходительностію ([1]).

Между тѣмъ обстоятельства западно-русской церкви стали измѣняться: отъ интригъ іезуитовъ появились въ ней разнаго рода безпорядки и стали расти съ непомѣрною быстротою; появились одинъ за другимъ поборники уніи; для обсужденія запутанныхъ дѣлъ церковныхъ стали составляться почти каждый годъ соборы, на которыхъ то дѣйствительно принимались мѣры къ уврачеванію зла, то напротивъ обдумывался планъ будущей уніи. Все это не могло оставаться въ тайнѣ отъ православнаго народа, православныхъ патроновъ, а тѣмъ болѣе православныхъ братствъ, которыя зорко слѣдили за ходомъ современныхъ имъ событій. Это участіе братствъ въ дѣлахъ церковныхъ, вызванное единственно приверженностію ихъ къ православной вѣрѣ и любовію къ патріарху, какъ покровителю западно-русской церкви, конечно не могло нравиться епископамъ, задумавшимъ унію. и они жаловались королю на буйныхъ мірянъ ([2]). Эта досада на братства особенно усилилась послѣ собора въ Брестѣ 1591 года, на который, кромѣ патроновъ, явились и послы отъ братствъ. Они-то и указали ([3]) епископамъ на то зло, которое коренилось въ западно-русской церкви, но въ тоже

большаго алтаря троицкаго; митрополитъ сложилъ на себя вину этого и извинился предъ ними въ нарушеніи правъ ихъ. (Собр. Вил. грам. ч. II № 7).

([1]) Такъ въ 1592 году судилъ братскихъ священниковъ за допущеніе нѣкоторыхъ новыхъ обрядовъ при крещеніи дѣтей и вѣнчаніи браковъ митрополичій намѣстникъ въ Вильнѣ Іоаннъ Парѳеновичъ. (Акт. Зап. Росс. т. IV, № 41).

([2]) Акт. Запад. Росс. т. IV № 33. 11.

([3]) Лѣт. Львовск. братства подъ 1590.

время возбудили этимъ противъ себя новыя недоброжелательства.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, опредѣлить въ точности дѣятельности виленскаго братства и дать ему мѣсто въ этой общей борьбѣ братствъ съ задуманною современными епископами уніею. Въ Актахъ Западной Россіи мы находимъ указаніе на дѣйствія виленскаго братства и отношенія его къ западной русской іерархія только съ 1594 года. Въ этомъ году 24 іюня составлялся соборъ въ Брестѣ, для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для исправленія церковныхъ безпорядковъ. На соборъ прибыли послы отъ большей части братствъ съ инструкціями, данными имъ отъ братствъ. Но задуманное дѣло не могло исполниться. Латиняне представили митрополиту сильныя препятствія къ этому, доказывая, что въ отсутствіе короля не могутъ составляться никакіе съѣзды ([1]). Поэтому митрополитъ опредѣлилъ заняться собору только такими дѣлами, разсмотрѣніе которыхъ не противорѣчило конституціи сейма 1593 года. Виленское братство представило собору инструкцію, подписанную членами братства—знатнѣйшими сановниками литовскаго княжества, каковы: Ѳеодоръ Скуминъ, Григорій Война—каштелянъ брестскій. Семенъ Война—каштелянъ мстиславскій. Богданъ Сапѣга. Михаилъ Друцкій-Соколинскій, Иванъ Трызна, Лука Гарабурда, Юрій Масальскій и другіе. Главные пункты инструкціи были слѣдующіе: 1) церковныя братства. основанныя патріархомъ, должны оставаться при своихъ правахъ; 2) братская церковь, особенно въ Виль-

([1]) Русск. Бесѣд. 1858 г, III кн. 1 Науки стр. 36—37. Слич. собор. дѣян. 1594 г.

нѣ, должна быть свободною и 3) для устраненія всѣхъ возможныхъ столкновеній братствъ съ мѣстными духовными властями долженъ быть въ Литвѣ патріаршій экзархъ ([1]). Согласно съ этою инструкціею соборъ утвердилъ братства, основанныя патріархомъ, оставилъ ихъ при прежнихъ правахъ, запретилъ учреждать новыя братства въ угоду епископамъ, церкви и духовенство ставропигіальныхъ братствъ подчинилъ митрополиту, а другія—мѣстнымъ епископамъ, призналъ законными только двѣ школы при братствахъ львовскомъ и виленскомъ, подтвердилъ существованіе типографій и предоставилъ право цензуры книгъ, издаваемыхъ въ братскихъ типографіяхъ, мѣстнымъ епископамъ ([2]). Что касается въ частности виленскаго братства, то соборъ, зная отношенія его къ бурмистрамъ, имѣвшимъ „право подаванья" (jus patronatûs) надъ троицкимъ монастыремъ, оградилъ братство отъ притѣсненій и обидъ со стороны ихъ. Въ соборной грамотѣ по этому предмету сказано: „такъ какъ братскіе священники въ троицкомъ монастырѣ терпятъ препятствія отъ священствъ бурмистровскихъ, то мы даемъ благословеніе братству построить церковь на братской землѣ согласно съ грамотою Сигизмунда III, если это возможно будетъ братству. А пока будетъ построена церковь, братство можетъ совершать свои требы въ троицкой церкви, собирать подаяніе на содержаніе духовенства, и всякій разъ, по требованію братства, монастырскій пономарь долженъ отворять имъ церковную дверь." Впрочемъ, въ этой грамотѣ говорилось, что согласно съ волею патріарха

([1]) Synopsis pod. 1594 г.
([2]) Акт. Западн. Росс. т. IV, № 48.

Іереміи и короля Сигизмунда III, и по построеніи новой церкви братству будетъ принадлежать въ церкви Святой Троицы алтарь Срѣтенія Господня, при которомъ братскіе священники до настоящаго времени отправляли свои службы ([1]).

Соборъ этотъ, на который явились послы почти всѣхъ братствъ, много полезнаго могъ бы сдѣлать для православной западно-русской церкви, если бы предметы соборныхъ разсужденій не были отложены до будущаго собора. Впрочемъ и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ сдѣлалъ не мало: онъ опредѣлилъ отношенія братствъ къ мѣстнымъ духовнымъ властямъ, возбудилъ въ нихъ бодрость на будущее время и направилъ ихъ дѣйствія къ одной цѣли. Поэтому скоро послѣдовавшіе затѣмъ новые церковные безпорядки встрѣтили въ братствахъ вообще, и въ частности въ виленскомъ, сильнѣйшихъ противниковъ, съ которыми будущимъ уніатамъ трудно было заключить какую нибудь сдѣлку.

Въ 1595 году положено было уже прочное начало для будущей уніи. Епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй безостановочно дѣйствовали во имя ея и разными хитрыми уловками склоняли на свою сторону митрополита. Запутанный самовольными дѣйствіями епископовъ и не находя возможности объяснить для себя дѣло уніи, начатое безъ его вѣдома, онъ былъ сильно смущенъ и самъ не зналъ, на что ему рѣшиться. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ обратился за совѣтомъ къ другу своему Ѳеодору Скумину, воеводѣ новогрудскому; но скрылъ предъ нимъ настоящую истину своего участія въ уніи и просилъ его невѣрить ника-

---

([1]) Акт. Зап. Росс. т. IV № 48; Synopsis pod. 1594 г.

кимъ слухамъ ([1]). Между тѣмъ, Кириллъ и Поцѣй, вынудивъ у митрополита невольное согласіе на унію, въ aпрѣлѣ 1595 года отправились въ Краковъ и получили отъ короля подтвержденіе требованій будущихъ уніятовъ ([2]). Въ это время митрополитъ, получивъ отъ Скумина отвѣтъ съ укоромъ въ двоедушіи, пришелъ еще въ большее раздумье; но, по своей безхарактерности, не могъ рѣшиться на что нибудь одно и, поддавшись обстоятельствамъ, боролся только съ своею совѣстію и выжидалъ благополучнаго исхода дѣлъ.

Двусмысленный образъ дѣйствій митрополита сильно дѣйствовалъ на умы православныхъ и позволялъ каждому думать объ немъ по своему. Наконецъ по всей Литвѣ стали уже носиться болѣе вѣрные слухи о томъ, что и митрополитъ задумываетъ унію и хочетъ измѣнить православію. Понятное дѣло, что это не могло остаться безъ послѣдствій: во многихъ мѣстахъ возникали по этому поводу волненія между православными, для которыхъ православная Вѣра была дороже всего. Изъ числа православныхъ братствъ виленское первое проникло въ тайные замыслы митрополита ([3]), поняло безхарактерный образъ его дѣйствій и первое же подало призывной голосъ на защиту православія. Первымъ обвинителемъ митрополита въ измѣнѣ православію былъ братскій проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, который приглашенъ былъ братствомъ на эту должность изъ Львова, гдѣ онъ былъ учителемъ и проповѣдникомъ ([4]). Помощниками его въ этомъ дѣлѣ были два

([1]) Акт. Зап. Росс. т. IV № 57.
([2]) Тамъ же № 66.
([3]) Акт. Запад. Росс. т. IV № 73.
([4]) Акт. Запад. Росс. т. IV № 33.

братскихъ священника Василій и Герасимъ Накрывало ([1]). Митрополитъ, по поводу разнесшихся объ немъ слуховъ въ Литвѣ и особенно въ Вильнѣ, написалъ къ виленскому братству грамоту, въ которой старался доказать, что онъ питаетъ горячую любовь къ православію, что онъ далекъ отъ мысли измѣнить православной Вѣрѣ, и выражалъ свое удивленіе—какъ могутъ разноситься подобные слухи. Въ этой же грамотѣ онъ обвинялъ Стефана за то, что онъ распространяетъ между народомъ неблагопріятные объ немъ слухи и грозилъ всѣмъ духовнымъ членамъ братства, особенно Стефану Зизанію, судомъ духовнымъ ([2]). Грамота эта послана была чрезъ митрополичьяго протонотарія Григорія и читана была въ общемъ собраніи членовъ братства ([3]). Но не легко уже было подавить возникшее подозрѣніе. Виленское братство сообщило о тайныхъ замыслахъ митрополита члену своему Ѳеодору Скумину, который въ свою очередь писалъ объ этомъ предметѣ къ князю Острожскому, прося его, чтобы онъ выхлопоталъ у короля право явиться православнымъ на съѣздъ, для переговоровъ съ митрополитомъ и епископами, задумавшими унію ([4]). Между тѣмъ виленскія волненія нисколько не утихали. Вѣсть о поѣздкѣ Кирилла и Поцѣя въ Римъ еще болѣе взволновала православныхъ. Стефанъ Зизаній по прежнему со всею горячностію молодаго проповѣдника возставалъ противъ измѣны митрополита ([5]). Желая удержать поднявшуюся противъ не-

([1]) Акт. Зап. Росс. № 88.
([2]) Тамъ же № 73.
([3]) Акт. Запад. Рос. т. IV, № 77 и 90.
([4]) Тамъ же № 74.
([5]) Тамъ же № 73.

го бурю, митрополитъ прибѣгъ къ средству не слишкомъ надежному, особенно въ такое время, когда народъ кипѣлъ злобою на нововводителей и готовъ былъ силою удержать отнимаемую у него Вѣру: онъ послалъ всѣмъ православнымъ виленскимъ церквамъ, въ томъ числѣ и соборной, запрещеніе священнослуженія ([1]), а Стефану запретилъ проповѣдывать слово Божіе, пока не воспослѣдуетъ объ немъ соборный приговоръ. Въ оправданіе своего поступка съ Зизаніемъ митрополитъ указывалъ на то, что Зизаній недостойно занимаетъ должность проповѣдника, не получивъ на это рукоположенія, что онъ учитъ по своему мудрованію, а не по преданію, что какъ простой міряниинъ онъ не долженъ судить, а слушать, и наконецъ говорилъ, что онъ „яко конь и мескъ необузданъ есть,“ что онъ возмущаетъ въ Вильнѣ простой народъ и возстаетъ противъ королевскаго величества ([2]). Запрещеніе и угрозы не могли достигнуть предполагаемой цѣли. Въ непродолжительномъ времени все православное виленское духовенство, въ томъ числѣ братскіе священники и діаконы, писали письмо къ Ѳеодору Скумину, въ которомъ, извѣщая его о тайныхъ дѣйствіяхъ сообщниковъ уніи, горько жаловались на измѣнниковъ православію и просили его быть защитникомъ поруганной Вѣры ([3]).

Съ наступленіемъ 1596 года голосъ литовскаго народа болѣе и болѣе сталъ возвышаться на защиту православія. Всѣ знали о готовности митрополита принять унію; а потому, по отъѣздѣ главныхъ виновниковъ ея въ Римъ, онъ одинъ подвергался народнымъ нареканіи-

([1]) Акт. Запад. Росс. т. IV, № 84.
([2]) Тамъ же № 88.
([3]) Акт. Запад. Росс. т. IV, № 90.

ямъ. Онъ доказывалъ свое безучастіе въ уніи; но ему не вѣрили, готовили судъ и требовали созванія собора (1). Король видѣлъ всеобщее волненіе въ Литвѣ и не могъ отказать въ соборѣ. Митрополитъ съ своей стороны также имѣлъ свои причины не противиться созванію собора, на которомъ онъ могъ защититься отъ упрековъ и нареканій въ измѣнѣ православію. Къ сожалѣнію, православные не могли вполнѣ воспользоваться этимъ соборомъ, который, по мысли короля, долженъ былъ составиться только изъ духовенства (2) и притомъ только изъ духовенства митрополичьей епархіи. Впрочемъ о созваніи собора скоро узнали и духовные и свѣтскіе, потому что грамота по этому дѣлу была послана еще въ октябрѣ 1595 года, а соборъ назначенъ былъ на 25 января 1596 г. (3). Виленское братство послало отъ себя на соборъ своихъ пословъ. Но не доѣзжая до Новогрудка, во Вселюбьѣ они узнали, что соборъ уже кончился и что на немъ былъ осужденъ братскій проповѣдникъ Стефанъ Зизаній съ двумя братскими священниками Василіемъ и Герасимомъ Накрывало: первый отлученъ отъ Церкви, а послѣдніе отрѣшены отъ священнослуженія (4). Въ соборной грамотѣ главнымъ преступленіемъ Зизанія выставлялось то, что онъ училъ о Сынѣ Божіемъ, будтобы Онъ не есть Ходатай нашъ предъ Богомъ Отцемъ, каковое ученіе свое онъ будтобы развилъ силлогистически въ своей „книжицѣ на римскій костелъ"; книга эта была разсмотрѣна на соборѣ и предана проклятію, какъ заключающая въ себѣ явную

(1) Тамъ же № 90.
(2) Акт. Запад. Росс. т. IV, № 92.
(3) Тамъ же № 89.
(4) Акт. Запад. Росс. т. IV. № 91.

ересь (1). Понятное дѣло, что виленское братство не могло равнодушно смотрѣть на такія дѣйствія собора: оно подало чрезъ своего діакона Алексѣя Блажковича протестъ въ новогрудскій гродскій врядъ. Доказывая въ своей протестаціи незаконность дѣйствій собора, братство указывало на то, что соборъ составленъ былъ безъ вѣдома многихъ духовныхъ лицъ, что на немъ никого не было изъ Вильна и что такимъ образомъ онъ былъ не соборъ, а „нѣякое смятеніе;" при этомъ братство ссылалось еще и на то, что на соборѣ Стефанъ Зизаній и братскіе священники были осуждены заочно, и что наконецъ митрополитъ не имѣлъ права судить ихъ, такъ какъ онъ былъ въ разрывѣ съ братствомъ, измѣнилъ православной Вѣрѣ и потому не могъ быть ихъ судьею. Въ опровержение того обвиненія, будтобы Зизаній училъ неправославно о Сынѣ Божіемъ, братство указывало на книгу „Маргаритъ", недавно изданную въ братской типографіи и въ ней представляло противникамъ своимъ доказательство своего православія (2). Рѣшенія собора, бывъ направлены противъ православнаго братства, не находили себѣ сочувствія въ православномъ народѣ, видѣвшемъ уже въ митрополитѣ отступника отъ своей Вѣры.

Послѣ собора виленское движеніе получило еще большее развитіе. Особенно сильно было занято современными дѣлами тамошнее братство. Оно стало печатать въ своей типографіи сочиненія противъ папы и уніи и распространять ихъ въ народѣ. Такъ, въ это время было издано написанное Зизаніемъ объясненіе Никейска-

(1) Такъ-же.

(2) Акт. Запад. Росс. т. IV. № 92.

го собора и собраніе словъ Кирилла Іерусалимскаго, изъ которыхъ одно – именно 15-е огласительное поученіе было даже произнесено Стефаномъ Зизаніемъ съ церковной каѳедры съ толкованіями, направленными противъ папы, который называется въ немъ антихристомъ, а западно-русскіе владыки его слугами. Противная сторона въ свою очередь не хотѣла оставаться безотвѣтною предъ такими упреками и издала сочиненіе подъ названіемъ: „Kąkol, który rozsiewa Zyzanj“. Эта полемика внушила даже гражданскому правительству опасенія за безопасность и спокойствіе города. Оставшіеся отъ того времени историческіе документы показываютъ, что и король Сигизмундъ съ опасеніемъ смотрѣлъ на виленское движеніе. Въ одинъ 1596 годъ онъ разослалъ разнымъ лицамъ и по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ нѣсколько грамотъ, въ которыхъ приказывалъ всячески укрощать народныя смуты. Но главнымъ образомъ его безпокоило движеніе братства и его членовъ, и противъ нихъ-то онъ направлялъ свои распоряженія, всячески стараясь удержать братство въ подчиненіи митрополиту. Такъ, 22 мая того же года онъ писалъ на имя виленскаго войта Матѳея Борминскаго грамоту, въ которой говорилось, что митрополитъ жаловался ему на братство, которое, избравъ себѣ особыхъ священниковъ, отдѣлилось отъ него, производитъ въ народѣ волненія, дозволяетъ своимъ проповѣдникамъ произносить возмутительныя проповѣди, издаетъ на польскомъ и русскомъ языкахъ сочиненія, которыя увлекаютъ простой народъ къ волненіямъ и мятежамъ. А потому король приказывалъ войту отослать братскихъ священниковъ на судъ къ митрополиту, а бурмистрамъ и радцамъ совѣтовалъ не допускать

впредь подобныхъ безпорядковъ въ братствѣ и даже отнять у него алтарь срѣтенія Господня при церкви Святыя Троицы ([1]). Въ тоже время король писалъ и къ митрополиту съ приказаніемъ, чтобы онъ отрѣшилъ тѣхъ священниковъ отъ мѣстъ и предалъ ихъ свѣтскому суду, какъ бунтовщиковъ и возмутителей общественнаго порядка ([2]).

Мы видѣли выше, что Стефанъ Зизаній, первый возставшій противъ измѣны митрополита, былъ осужденъ новогрудскимъ соборомъ и отлученъ отъ Церкви. Виленское братство, не смотря на сильныя прещенія собора, приняло однакожъ Зизанія подъ свою опеку и дало ему возможность защищать свое дѣло. Зизаній для оправданія себя обратился къ виленскому трибунальному суду и требовалъ, чтобы онъ разсмотрѣлъ дѣло его съ митрополитомъ, который, будучи отступникомъ православной Вѣры, отлучилъ его отъ общенія съ Церковію единственно по своекорыстнымъ видамъ. Судъ потребовалъ было объясненій отъ митрополита; но митрополитъ обратился съ жалобою къ королю, который тотчасъ-же написалъ въ трибунальный судъ грамоту, въ которой строжайшимъ образомъ запретилъ ему вмѣшиваться въ судебныя дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовной власти, и приводить въ исполненіе такіе приговоры, которыми нарушается неприкосновенность власти и правъ митрополита ([3]). А для окончательнаго рѣшенія дѣла о Зизаніѣ король послалъ окружную грамоту ко всѣмъ литовскимъ сановникамъ, чтобы они не имѣли никакого общенія съ Зизаніемъ и виленскими

([1]) Собр. вил. грам. ч. II, № 13.
([2]) Акт. Запад. Росс. т. IV. № 94.
([3]) Акт. Запад. Росс. т. IV. № 98.

братскими священниками Василіемъ и Герасимомъ Накрывало, какъ съ отлученными по соборному опредѣленію. Этою же грамотою вмѣнялось каждому въ обязанность, въ случаѣ открытія мѣста ихъ жительства, немедленно схватить и посадить въ тюрьму. Для большей гласности дѣла грамота эта должна была, по волѣ короля, быть прочитана на торгахъ и въ костелахъ и прибита на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ ([1]). Такъ преслѣдовала Зизанія гражданская власть, взявшая на себя не легкій трудъ поддерживать унію и охранять ее отъ всевозможныхъ противодѣйствій. Въ этихъ видахъ въ томъ же году король писалъ двѣ грамоты, изъ которыхъ одною строго приказывалъ виленскому войту и магистратскимъ сановникамъ наблюдать, чтобы тамошніе мѣщане—члены братства не производили между согражданами никакихъ волненій, и запретилъ имъ постройку новой церкви ([2]); другою—предписывалъ всему виленскому духовенству быть въ полномъ подчиненіи митрополиту и не производить противъ него никакихъ смутъ ([3]). Всѣ эти мѣры правительства къ поддержанію уніи ясно показываютъ, что ихъ вызывали немалозначительныя противодѣйствія со стороны православныхъ.

Между тѣмъ возникшія въ народѣ волненія послѣ пріѣзда Кирилла и Поцѣя изъ Рима и самое дѣло уніи требовали созванія собора, который и былъ назначенъ въ Брестѣ 6-го октября 1596 года. Съ самаго начала онъ раздѣлился на двѣ половины—православную и латинскую. Соборъ православныхъ составился изъ духов-

---

([1]) Акт. Запад. Росс. т. IV, № 95.
([2]) Акт. Запад. Росс. т. IV, № 101.
([3]) Тамъ же № 102.

ныхъ и мірянъ, изъ коихъ и тѣ и другіе съ самаго начала опредѣлили для себя планъ своихъ засѣданій и приступили къ дѣлу ([1]). На этомъ соборѣ присутствовали и члены виленскаго братства, присланные сюда съ инструкціями, въ которыхъ братство выражало свою готовность принять опредѣленія собора. Братскими послами на немъ были: Гавріилъ Дашковичъ, Иванъ Васильевичъ, Исаакъ Кононовичъ, Григорій Здановичъ, Иванъ Карповичъ, Прокопій Стржилюдовичъ, Левъ Ивановичъ, Иванъ Андреевичъ ([2]). Кромѣ того между соборными подписями есть имя и братскаго священника Василія Троицкаго ([3]). Какое участіе въ соборныхъ дѣяніяхъ принимало виленское братство, навѣрное не знаемъ. Можно думать впрочемъ, что при его участіи спустя два дня послѣ перваго соборнаго засѣданія львовскій епископъ Гедеонъ соборно оправдалъ Стефана Зизанія и братскихъ священниковъ Василія и Герасима и одобрилъ „Книжицу на римскій костёлъ", на томъ основаніи, что митрополитъ въ осужденіи ихъ руководился личными отношеніями къ нимъ ([4]). Въ послѣдствіи это участіе виленскаго братства въ дѣлахъ соборныхъ послужило для него источникомъ не малыхъ бѣдъ и угнетеній; „бургомистры на нѣсколько десятковъ персонъ зъ церковнаго братства учинили протестацію на ратуши, намъ и потомкомъ нашимъ тяжко шкодливую; за то, же мы на синодъ духовный ѣздили до Брестья ([5])," писало братство въ пунктахъ задуманнаго ими въ 1599 году союза съ евангеликами.

([1]) Ekthesis. стр. 3—4.
([2]) Тамъ же стр. 21.
([3]) Тамъ же стр. 32.
([4]) Акт. Запад. Росс. т. IV, № 105
([5]) Тамъ же т. IV № 138.

Провозглашенная на брестскомъ соборѣ унія скоро должна была отразиться на православномъ народѣ во всѣхъ мѣстахъ литовскаго княжества. Въ Вильнѣ братство первое должно было испытать на себѣ враждебныя чувства уніатовъ. Прежде всего у братства, по требованію ихъ, была отнята трапеза (1), которою оно пользовалось, съ 1592 года (впрочемъ временно), съ согласія митрополита (2), а въ скоромъ времени былъ отнятъ и братскій алтарь (3), о чемъ братство протестовало въ виленскій гродскій судъ. Но этотъ протестъ мало помогъ ему;—въ 1598 году іезуиты сдѣлали нападеніе на братскую церковь (4), и только посредничество виленскаго воеводы и гетмана князя Радзивилла, хотя на время, оградило братство отъ насилій разнаго рода (5). Какъ бы предчувствуя другія болѣе сильныя преслѣдованія отъ уніатовъ, братство скоро же послѣ брестскаго собора начало строить деревянную церковь сошествія Святаго Духа на землѣ знаменитой фамиліи Волловичовъ (6). На постройку этой церкви получено было согласіе короля и благословеніе собора (7).

Гоненія на православныхъ со стороны католическихъ и уніатскихъ властей до того усилились къ 1599 году, что высшее дворянство и рыцарство литовское православнаго исповѣданія рѣшилось вмѣстѣ съ протестантскимъ дворянствомъ составить въ Вильнѣ въ этомъ го-

---

(1) Synopsis pod. 1596 г.
(2) Собр. Вил. грам. ч. II. № 11.
(3) Акт. Запад. Росс. т. IV. № 145; Synopsis pod. 1596 г.
(4) Акт. Запад. Росс. т. IV № 138.
(5) Synopsis pod 1596 г.
(6) Тамъ же.
(7) Тамъ же.

ду общій съѣздъ. На немъ былъ написанъ актъ (¹), въ которомъ собравшіеся на этотъ синодъ исчислили всѣ ужасныя той и другой сторонѣ обиды, притѣсненія и насилія и заключили договоръ другъ друга защищать на сеймахъ, въ трибуналахъ и предъ королемъ, а для защиты избрать провизоровъ или попечителей о церквахъ, и въ случаѣ нужды съѣзжаться для того на общіе синоды. Актъ этотъ скрѣпленъ былъ подписями и печатями множества князей, воеводъ, каштеляновъ и особъ знаменитѣйшихъ фамилій литовскихъ. Князь Константинъ Острожскій былъ душею этого собранія.

Виленское братство, съ своей стороны, приняло живое участіе въ этомъ съѣздѣ дворянскихъ фамилій и предложило свои пункты (²) для совѣщаній на этомъ съѣздѣ. Въ нихъ главнымъ образомъ братство отстаиваетъ права константинопольскаго патріарха въ западно-русской церкви, съ которымъ запрещено было даже сноситься литовскимъ православнымъ; заявляетъ требованіе православныхъ имѣть своего православнаго митрополита, не апостата, котораго имъ навязываетъ король. Затѣмъ въ нихъ исчисляются всѣ преслѣдованія отъ католиковъ, какимъ братство подвергалось со времени обнародованія уніи, какъ то: обвиненіе братства въ различныхъ мятежахъ, преслѣдованіе братскихъ проповѣдниковъ, нападеніе на братскую церковь іезуитовъ въ 1598 году, несправедливое осужденіе нѣкоторыхъ братчиковъ за какую-то измѣну и тому подобныя непріятности. Все это побуждало братство искать облегченія своихъ бѣдствій въ союзѣ съ протестантами, которые наравнѣ съ

(¹) Опис. Кіев. Соф. собор. Прибавл. № 15.
(²) Акт. Зап. Росс. т. IV № 138.

православными были гонимы въ это время въ литовско-польскомъ государствѣ. Но послѣдующія отношенія правительства къ братству показываютъ, что эта протестація его съ самаго начала своего появленія не принесла ему ожидаемой пользы, и братство по прежнему должно было бороться съ католическою и уніятскою партіею за права свои и всего православнаго западно-русскаго народа.

(Окончаніе будетъ).

III.

7-е и 8-е СЕНТЯБРЯ ВЪ НОВГОРОДѢ:

ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ РОССІИ.

7-го сентября происходило въ Новгородѣ переложеніе въ новую раку мощей св. князя Владиміра. Такимъ образомъ торжеству государства русскаго, 8 сентября праздновавшаго тысячелѣтнее свое существованіе, предшествовало въ Новгородѣ торжество церкви русской, праздновавшей осьмивѣковое нетлѣніе мощей внука равноапостольнаго князя Владиміра. Радости о благоденствіи временнаго земнаго отечества предпослана была мысль о благодатныхъ средствахъ къ спасенію вѣчному и счастію временному, даруемыхъ Церковію православною. *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ*,—сказалъ Спаситель. Правую и святую Вѣру и святость исповѣдующихъ оную, въ силу непреложныхъ словъ Спасителя, можно считать причинами и внѣшняго—государственнаго счастія. И прекрасно сдѣлалъ Новгородъ, что онъ торжествовалъ сперва причину, а потомъ слѣдствіе, что онъ не послѣдовалъ на этотъ разъ модной философіи, производящей благоденствіе человѣческихъ обществъ отъ всякаго рода знаній и изобрѣтеній, и исключающей изъ

числа причинъ Христову Вѣру и ея спасительное вліяніе на государственный бытъ.

Новгородъ—одинъ изъ самыхъ малолюдныхъ губернскихъ городовъ Россіи. Подобно Москвѣ и Кіеву, онъ знаменитъ своими историческими воспоминаніями, многими останками древней святыни,—это городъ по преимуществу святой и православный. Въ одномъ Софійскомъ соборѣ почиваетъ семь мощей, а именно, кромѣ мощей св. князя Владиміра, создателя храма, — мощи матери его княгини Анны, князя Мстислава, новгородскаго архіепископа Никиты, архіепископа Іоанна, брата его Григорія и князя Ѳедора Ярославича, старшаго брата св. Александра Невскаго. За тѣмъ или въ самомъ Новгородѣ или на пространствѣ 20 верстъ около, какъ великія свѣтила, возженныя въ прошлыя столѣтія въ поученіе настоящему и будущимъ, почиваютъ мощи святыхъ: Ефрема Перекомскаго, Михала Клопскаго, Моисея, Сильвестра, Саввы Вишерскаго, Антонія Римлянина, Николы Кочанова, Евѳимія... Было, значитъ, время, когда въ новгородской области жила та великая вѣра, ради которой Господь разставилъ по ней столько духовныхъ свѣтилъ. Новгородъ скоро пересталъ быть столицей, давно уже пересталъ быть богатымъ, огромнымъ и населеннымъ городомъ, принимавшимъ нѣкогда участіе въ ганзейской торговлѣ, старый кремль разваливается, валъ, окружающій городъ, осѣдаетъ и раскапывается, духъ вольности улегся, одинъ за другимъ разваливаются или перестраиваются древніе памятники. Все, что созидали руки древнихъ поколѣній для времени, уничтожается временемъ же, и лишь вѣчно святое спасаетъ вѣрныхъ чтителей своихъ и бренное человѣческое тѣло дѣлаетъ недоступнымъ разрушенію, которо-

му подвергается кругомъ все, и каменныя стѣны и земляныя насыпи. Только вѣчная святая евангельская правда не подлежитъ всесильному закону разрушенія, и самое нетвердое и временное своимъ проникновеніемъ дѣлаетъ если невѣчнымъ, то живущимъ. Такія торжества, какъ переложеніе мощей того или другаго святаго, въ послѣднія 15 лѣтъ очень часто повторялись въ Новгородѣ и каждый разъ сердце, способное принимать впечатлѣнія святаго, не можетъ не проникаться благоговѣніемъ къ Всевышнему, при мысли, что видимый сосудъ благодати приходится брать въ руки людямъ немощнымъ и грѣховнымъ и что этотъ сосудъ такъ близокъ къ намъ.

Св. князь Владиміръ былъ сынъ Ярослава мудраго и внукъ просвѣтителя нашего равноапостольнаго Владиміра. Изъ его подвиговъ гражданскихъ — сохранилось извѣстіе объ одномъ, именно о походѣ противъ грековъ.

„Походъ этотъ былъ сначала крайне неудаченъ. Когда Владиміръ не согласился принять отъ нихъ откупъ деньгами, они напали на него и разбили его войско, такъ что и самъ онъ едва не утонулъ, будучи спасенъ какимъ-то Творинпричемъ. Часть русскихъ судовъ успѣла уплыть въ море, спасаясь бѣгствомъ, а другая постаралась кое-какъ дойти до берега, чтобы добраться потомъ до дому сухимъ путемъ, но это ей не удалось. Греки настигнули этотъ отрядъ Владиміра и разбили его весь. Въ тоже время и самъ Владиміръ съ своею флотиліею былъ настигнутъ греческими судами. Неравны были силы, но Владиміръ не могъ не вступить въ битву, и сверхъ всякаго чаянія одержалъ побѣду, доставившую ему богатую добычу. Эта-то битва, въ которой не трудно было видѣть руку Божію, и по-

дала, какъ думаютъ, Владиміру мысль построить въ память ея Софійскій новгородскій соборъ. Построеніе его продолжалось 7 лѣтъ. Для этой цѣли, а равно для украшенія собора были вызваны царегградскіе художники. Они въ продолженіи семи лѣтъ, по словамъ лѣтописей, устроили *церковь сію весьма прекрасну и превелику*. Новопостроенный по византійскому и вмѣстѣ кіевскому образцамъ, Софійскій соборъ былъ освященъ въ 1052 г. 14 сентября вторымъ новгородскимъ епископомъ Лукою Жидятою. Чрезъ двадцать дней, именно 4 октября 1052 г., Владиміръ скончался и погребенъ въ соборѣ". Спустя почти четыреста лѣтъ было чудесное явленіе епископу новгородскому, свидѣтельствовавшее о христіански-святыхъ, незримыхъ міру и вѣдомыхъ Богу, подвигахъ создателя храма, вслѣдствіе чего начали служить панихиды надъ его гробомъ. Затѣмъ открылись и мощи св. князя и 13 августа 1654 г. были перенесены новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ изъ Корсунской соборной паперти и поставлены на нынѣшнее мѣсто. Имя св. князя угодника пользуется въ Новгородѣ особеннымъ благоговѣніемъ и 7 сентября съ ранняго утра и жители Новгорода и пришлые и пріѣзжіе толпами собирались около собора.

„Трудно было", пишетъ корреспондентъ одной газеты (¹), „войти въ храмъ, но еще труднѣе передать то впечатлѣніе, какое производитъ онъ на человѣка, впервые входящаго въ него. Это что-то необъяснимое, особенное, что̀ не часто приходится испытывать. Съ первымъ же шагомъ въ соборъ, вы уже чувствуете, что вошли въ мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ поче-

(¹) Сынъ Отечества.

томъ и величіемъ и памятью вѣковъ и поколѣній — и потому невольно уничтожаетесь въ чувствѣ смиренія. И въ самомъ дѣлѣ, въ немъ все или раждаетъ воспоминаніе о древности — или все — особая святыня. Прямо передъ собой вы видите старинный, древней работы, высокій въ нѣсколько ярусовъ иконостасъ, нижнія пятиярусныя иконы котораго всѣ украшены серебряными ризами съ разными украшеніями.... Невольно преклоняются колѣна, невольно творится крестное знаменіе и сознаешь близкое присутствіе благодати Божіей. Благоговѣйные взоры присутствующихъ устремлены на двѣ стоящія рядомъ противъ царскихъ вратъ за амвономъ раки — одну новую, приготовленную для принятія мощей угодника, а другую хранившую его доселѣ. На налояхъ лежатъ двѣ малиноваго бархата подушки, изъ которыхъ на одной положена шапочка князя, въ другое время хранящаяся въ ризницѣ. По бокамъ раки стоятъ два священнослужителя, держа надъ Святымъ рипиды".

Въ 10 часу началось водосвятіе, а за нимъ и облаченіе преосвященнаго митрополита съ братіею. По совершеніи проскомидіи и облаченія прибылъ къ собору крестный ходъ изъ Знаменскаго и Никольскаго соборовъ—съ чудотворными иконами Знаменія Божіей Матери и Николая чудотворца. Тогда началось и торжество переложенія мощей: при пѣніи тропаря въ честь св. князя, духовенство благоговѣйно приблизилось къ ракѣ и, вынувъ изъ нея святыя мощи, положило ихъ въ новую, и за тѣмъ, возложивъ ее на рамена свои, пошло крестнымъ ходомъ вокругъ собора при звонѣ колоколовъ, предшествуемое пѣвчими и сопровождаемое митрополитомъ и двумя викаріями—епископомъ ревель-

скимъ Леонтіемъ и старорусскимъ Ѳеофилактомъ. „Зрѣлище“, пишетъ тотъ же корреспондентъ, „было поистинѣ высокое, минута торжественная, чисто христіанская. Много говорила она душѣ, глубоко трогала сердце и счастливъ тотъ, кто имѣлъ возможность видѣть это торжество! И тутъ-то въ эти минуты вполнѣ понимаешь и постигаешь все величіе Христовой вѣры, весь блескъ ея, всю силу ея проповѣди, всю сладость ея ученія, все могущество ея на сердца. И вотъ здѣсь только становится легко на сердцѣ; не знаешь, на небѣ или на землѣ находишься въ эти минуты. Мысль о землѣ исчезаетъ сама собой, и чувствуется близость Божества, близость Ангеловъ и на душѣ такъ свѣтло и отрадно. У міра, у свѣта нѣтъ и не можетъ быть такихъ торжествъ, ихъ создать можетъ только Церковь Христова и ничѣмъ не замѣнить никому ихъ, ибо ничѣмъ не замѣнить благодати. Дѣло человѣка можетъ быть еффектно, богато, великолѣпно, но оно никогда не дастъ этого глубоко-трогающаго чувства народу, не заставитъ его отрѣшиться до такой степени отъ земли и перенестись на небо. А тутъ при этомъ торжествѣ— посмотрите на всѣ эти тысячи народа. Ими все забыто, весь міръ теперь для нихъ ничто; отъ сановника до бѣднаго мужичка въ душахъ одно чувство, связующее всѣхъ въ братство. И только въ эти минуты постигаешь и понимаешь вполнѣ, какъ религіозенъ русскій народъ. Смотрите на него въ эти высокія мгновенія. Смотрите, какъ горитъ его лицо, какого благоговѣнія полны его взоры, съ какимъ усердіемъ творитъ онъ земные поклоны, съ какимъ умиленіемъ встрѣчаетъ и провожаетъ онъ каждую хоругвь, каждую икону. Смотрите, наконецъ, какъ онъ стремится хоть пальцемъ

коснуться раки и, о Боже, какая невыразимая радость ему, если удастся это. Тысячи золота не вызовутъ такой радости“! ([1])

Крестный ходъ окончился. Рака снова внесена была въ храмъ и поставлена по прежнему посреди церкви. Здѣсь она и оставалась до конца обѣдни, совершенной со всѣмъ торжествомъ; по окончаніи же обѣдни съ величаніемъ отнесена уже на свое настоящее мѣсто. Но послѣ обѣдни и до самой ночи народъ безпрерывно входилъ въ соборъ для приложенія къ мощамъ......

Вечеромъ около половины 7-го часа Новгородъ снова сдѣлался на нѣсколько дней столицей, потому что прибылъ Государь Императоръ. На берега Волхова, по которому ѣхалъ Государь, выходили крестьяне близълежащихъ деревень, чтобы привѣтствовать Освободителя своего радостными криками,—здѣсь же на всемъ пути разставлены были арки, транспаранты и пирамиды. Въ самый Новгородъ къ празднику собралось множество простаго народа. Около кремля и на мосту съ трехъ часовъ по полудни стали собираться крестьяне, чтобы взглянуть на своего Благодѣтеля, даровавшаго имъ 19-е февраля, и къ четыремъ часамъ всѣ берега Волхова около моста покрывала сплошная масса зрителей. Съ волховскимъ мостомъ соединено воспоминаніе о той

([1]) Вся эта восторженная тирада выписана нами изъ свѣтской газеты. Почаще бы гг. свѣтскимъ публицистамъ слѣдовало бывать среди народныхъ религіозныхъ празднествъ: тогда они увидѣли бы, насколько ихъ воззрѣнія на христіанство и православіе согласны съ воззрѣніями народа, и какую кровную обиду они наносятъ народу, издѣваясь надъ вѣрою... Тогда, можетъ быть, и сами они, подобно корреспонденту Сына Отечества, среди массъ благоговѣйнаго народа прониклись бы благоговѣніемъ къ Христу, Его ученію и Его Церкви...

страшной эпохѣ, когда Грозный тысячи новгородскихъ вольниковъ побросалъ въ мутную рѣку. 7-го сентября 1862 г. таже мѣстность стала свидѣтельницей искренняго и глубокаго чувства преданности къ кроткому Царю, давшему гражданскія права меньшимъ братіямъ Христовымъ. „Два часа прошло въ ожиданіяхъ и въ началѣ 7-го въ массѣ народа пронеслось восклицаніе: *пароходъ! пароходъ!* Пароходъ присталъ къ новой пристани, нарочно для пріѣзда Государя устроенной на правомъ берегу Волхова—подлѣ воротъ крѣпости, ведущихъ къ собору. Когда Государь вышелъ, раздалось неумолкаемое, дружное *ура*, какимъ и во вѣки вѣковъ не оглашались берега Волхова. Государь поѣхалъ въ крѣпость, а за нимъ двинулась вся масса народа, и нужно было видѣть сіявшія счастіемъ лица сельскихъ властей—головъ, старшинъ, старостъ, собравшихся въ Новгородъ, чтобы своимъ присутствіемъ отъ имени своихъ селъ и деревень привѣтствовать Царя-освободителя, и чтобы потомъ долго-долго разсказывать о томъ, на какомъ конѣ ѣхалъ Царь, что Онъ говорилъ, какъ устроенъ памятникъ, сколько на немъ изображено святыхъ и генераловъ... Невольно припоминается при этомъ одинъ изъ дней 862 года, когда на эти же самые берега вступалъ первый русскій князь Рюрикъ, чтобы править народомъ, у котораго, при изобиліи, не доставало ни мира, ни порядка, когда на мѣсто святой Софіи чествовался Перунъ; вспоминалось и другое событіе— стоящее на половинѣ прожитаго тысячелѣтія,—въ этотъ самый день 7-го сентября Дмитрій Донской, благословленный Сергіемъ преподобнымъ, готовился вмѣстѣ съ другими русскими князьями вступить въ битву на Куликовомъ полѣ съ Мамаемъ, чтобы избавить отъ рабства всю русскую землю...

День куликовой битвы—8 сентября—былъ нынѣ свѣтлый, съ безоблачнымъ небомъ. Съ 8-ми часовъ утра начали собираться къ памятнику войска, въ тоже время народъ, разряженный по праздничному, спѣшилъ къ крѣмлю со всѣхъ сторонъ. Новгородскій кремль — XIV вѣка—находится на правой, т. е. Софійской, сторонѣ и занимаетъ большое пространство. Съ волховскаго моста ведутъ въ него ворота, противъ которыхъ находятся другія ворота, ведущія на зимнюю торговую площадь. Въ крѣпости на право стоитъ Софійскій соборъ съ бывшимъ дворцемъ Екатерины II, теперь митрополитскимъ домомъ, съ монастыремъ Іоанна архіепископа и духовнымъ училищемъ, налѣво стоитъ большой корпусъ новгородскихъ присутственныхъ мѣстъ, за которымъ находятся бывшія дворцовыя службы—нынѣ дома соборнаго духовенства. И вотъ на этомъ-то пространствѣ—между соборомъ и присутственными мѣстами поставленъ памятникъ тысячелѣтію Россіи. Въ 10 часовъ утра, когда памятникъ былъ еще покрытъ чехломъ, загудѣлъ колоколъ, созывавшій на торжество. Не всегда гудѣлъ колоколъ Софіи за тѣмъ, чтобы созывать отвсюду на торжество, а иногда, чтобы собирать вѣрныхъ новгородцевъ на защиту ихъ свободы, ихъ правъ, дарованныхъ имъ Ярославомъ. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ! Сколько осадъ выдержалъ отъ князей и литовцевъ кремль! Сколько разъ мутная вода Волхова соединялась съ кровію новгородскою и вражьей!

Въ началѣ 11-го вышелъ Государь изъ занятаго имъ митрополичьяго дома, и объѣхалъ войска, привѣтствуя ихъ и привѣтствуемый войскомъ и народомъ. Послѣ этого, сойдя съ коня, отправился Онъ въ храмъ, при-

нявъ при входѣ въ него депутацію отъ новгородскаго купечества. Началась обѣдня, продолжавшаяся два часа. Въ это время снятъ былъ съ памятника покровъ.

„Нужно было видѣть", пишетъ корреспондентъ Сына Отечества, „эту минуту,—что за всеобщее любопытство, что за общее вниманіе... Много писали и говорили объ этомъ памятникѣ, но ни одно описаніе не выразило и не можетъ выразить того, чѣмъ онъ является на самомъ дѣлѣ. Онъ необыкновенно красивъ и вполнѣ выражаетъ собою то, чего отъ него нужно было ожидать. И потому впечатлѣніе, производимое имъ на зрителя,—самое пріятное. Но это впечатлѣніе тѣмъ сильнѣе было въ первую минуту. Послышался всеобщій крикъ удивленія среди зрителей, и не мудрено. Этотъ возвышающійся надъ памятникомъ крестъ, эта фигура Ангела, благословляющаго Россію въ образѣ женщины, видъ за тѣмъ главныхъ дѣятелей земли русской, окружающихъ державу, изображенную въ видѣ шара, наконецъ изображеніе главныхъ событій исторіи,—все это разомъ поражаетъ душу и много, много говоритъ сердцу, отзываясь въ немъ роднымъ и близкимъ сердцу".

„Памятникъ состоитъ изъ трехъ главныхъ частей. *Верхняя* изъ двухъ фигуръ: Ангела съ крестомъ въ рукахъ, означающаго православную Вѣру, коренной элементъ въ жизни русскаго народа, и передъ нимъ колѣнопреклоненную женщину, которая олицетворяетъ собою Россію. На головѣ женщины прикрѣпленъ кокошникъ, вылившійся очень удачно, такъ что глядя на него съ подножія памятника, точно видите узорчатое шитье съ бурмистскими зернами... Ангелъ благословляетъ Россію, а эта держа въ одной рукѣ щитъ съ изображеніемъ государственнаго герба и прижимая другую

руку къ груди, принимаетъ благословеніе, выражая всей фигурой спокойное состояніе духа и чувство благоговѣнія предъ Ангеломъ хранителемъ. Глазъ не скоро отрывается отъ нихъ и переходитъ на *вторую* часть памятника. — Ангелъ и женщина — православная Вѣра и Россія—поддерживаются сферообразной державой, которая въ свою очередь покоится на гранитѣ, окаймленномъ лавровымъ вѣнкомъ. Вокругъ державы извивается надпись: „*Совершившемуся тысячелѣтію Россійскаго Государства въ благополучное царствованіе Александра II, лѣта 1862.*" Кругомъ державы поставлено шесть бронзовыхъ группъ, расположенныхъ на пьедесталѣ въ различныхъ позахъ, передающихъ ясно значеніе и смыслъ тѣхъ шести главнѣйшихъ эпохъ, чрезъ которыя суждено было пройти Россіи, чтобы занять почетное мѣсто въ средѣ всемірныхъ державъ. *Первая* эпоха, когда новгородцы, воевавшіе безпрерывно то съ внутренними врагами, то съ внѣшними, почувствовали необходимость вручить власть мира, войны и суда—одному лицу, выражена на памятникѣ фигурой Рюрика (862 г.)... Съ правой стороны Рюрика находится группа изъ трехъ фигуръ: Владиміра равноапостольнаго, одного мужичка и одной женщины (988 г.). Этой *второй* группѣ назначено было выразить собою переходъ изъ языческой вѣры въ христіанскую, обращеніе отечества отъ перуновъ, колядъ, купалъ, лѣшихъ, къ кресту и чашѣ съ таинственнымъ причастіемъ къ божеству. Владиміръ представленъ, какъ креститель земли русской, съ крестомъ въ рукахъ; у ногъ его фигура мужичка, ломающаго на колѣнѣ изваяніе идола... *Третья* группа состоитъ изъ трехъ фигуръ, стоящихъ рядомъ: Михаила Ѳедоровича и съ лѣвой стороны его—нижегородскаго гражданина Козьмы

Минина Сухорукаго, а съ правой князя Пожарскаго. Мининъ представленъ подносящимъ скипетръ Михаилу; Михаилъ представленъ съ державой въ рукахъ, а Пожарскій съ мечемъ. Общая постановка группы передаетъ понятно, даже для зрителя незнакомаго съ исторіей, эпоху избранія перваго царя изъ дома Романовыхъ (1613 г.). Мужественное, полное лицо Минина, обрамленное національною бородой, глядящее честно, умно на Михаила, не погрѣшая противъ исторіи, олицетворяетъ знаменитаго дѣятеля начала XVII вѣка. Глядя на фигуру припоминается само собой то увѣщательное слово, съ которымъ онъ обратился къ согражданамъ послѣ прочтенія съ амвона Софіи грамоты Троицкой Лавры: *Буде намъ хотѣть помочь московскому государству, то не жалѣть намъ и животовъ своихъ и не токмо животовъ своихъ—и дворы свои продавать и женъ и дѣтей закладывати*... Фигура Михаила представлена въ моментъ избранія его на царство и именно, когда собравшійся въ Москвѣ земскій совѣтъ, для избранія *царя кого Богъ дастъ*, избралъ юнаго Михаила и отправилъ къ нему въ обитель депутацію. Обнимая державу руками и возведя глаза на небо Михаилъ точно повторяетъ слова, сказанныя имъ архіепископу Θеодориту: *когда на то есть воля Божія, то будетъ тако*. Князь Пожарскій, представленный съ обнаженнымъ мечемъ, въ бронѣ, напоминаетъ своей фигурой тѣ дни изъ его жизни, когда онъ, разбивъ въ упорной схваткѣ Гетмана Ходкевича и не успѣвъ еще обтереть лезвіе меча, явился къ Михаилу во главѣ депутаціи. Онъ своимъ быстрымъ взглядомъ, твердой осанкой и протянутымъ мечемъ говоритъ зрителю о той нравственной силѣ, какую выказывали дѣятели земли русской въ смутную

эпоху мятежей.... *Четвертая* группа, состоящая изъ трехъ фигуръ, изображаетъ ту эпоху, когда Петръ I повелъ Россію по пути прогресса, далъ новый ходъ и народной жизни и государственному порядку (1721 г.). Петръ Великій въ костюмѣ его времени: въ мундирѣ, въ высокихъ ботфортахъ, съ лентой, при шпагѣ и съ плащемъ, перекинутымъ черезъ правое плечо, уже рѣзко отличается однѣми внѣшними формами отъ своихъ предшественниковъ... Петръ правою рукою держитъ скипетръ, а лѣвою прижимаетъ къ груди, точно указывая, сколько въ ней зараждалось жаркихъ стремленій на благо подданныхъ, — благо, принимавшееся въ ту пору съ недовѣріемъ и только спустя много лѣтъ оцѣненное по достоинству. Голова его увѣнчана лавровымъ вѣнкомъ. Изъ-за спины его, или вѣрнѣе сказать, надъ нимъ паритъ его геній, обвѣвающій своими крыльями державу; правая рука генія лежитъ на плечѣ Петра, а лѣвою — протянутою — онъ указываетъ на пространство... пространство, которое опредѣлено наполнить благими преобразованіями потомкамъ державнаго царя. У ногъ Петра находится третья фигура шведа, склоненнаго на одно колѣно—съ поникшимъ внизъ знаменемъ. *Пятая* группа, состоящая изъ пяти фигуръ, представляетъ собою эпоху *собиранія земли русской*. На первомъ планѣ стоитъ Іоаннъ III въ шапкѣ Мономаха съ державой и скипетромъ въ рукахъ (1462 г.); по лѣвую сторону его находится въ полулежачемъ положеніи рыцарь—въ кольчугѣ и съ обломленнымъ мечемъ въ лѣвой рукѣ; на правой сторонѣ фигура въ положеніи человѣка побѣжденнаго. Стройная фигура Іоанна выдѣляется изъ этой группы съ тѣмъ же величіемъ, съ какимъ его образъ выходитъ изъ страницъ исторіи. То осторожный и расчет-

ливый, то отважный и рѣшительный—по обстоятельствамъ онъ неустанно шелъ къ цѣли округленія московскаго государства. Уничтоживъ вѣче новгородское и переселивъ нѣсколько тысячъ новгородцевъ въ московскія земли, онъ подавилъ волненія вольнаго города и потомъ утвердился въ княжествахъ рязанскомъ, тверскомъ, въ Вереѣ и въ удѣлахъ братьевъ. Побуждаемый женою Софьею, происходившею родомъ отъ византійскихъ императоровъ, онъ рѣшился на борьбу съ золотой Ордой и успѣлъ ослабить ее до того, что баскаки или пристава татаръ перестали являться уже въ московское государство за полученіемъ дани. Войны съ Польшей, сношенія съ Швеціей, Австріей, Венеціей и Турціей, вызовъ зодчихъ изъ-за границы, въ томъ числѣ и знаменитаго Аристотеля Фіоравенти, украсившихъ кремль Москвы дворцами, церквами, грановитою палатою — все это даетъ мѣсто Іоанну III на памятникѣ, какъ *собирателю* земли русской и какъ государю, много потрудившемуся надъ созданіемъ внѣшней и внутренней гармоніи государства. Вообще фигура Іоанна III съ фигурами побѣжденныхъ князей удачно характеризуетъ возрожденіе государства изъ мелкихъ удѣловъ... Остается *послѣдняя* группа, выражающая освобожденіе Россіи отъ зависимости татаръ. Представителемъ этой эпохи является Дмитрій Іоанновичъ Донской.... 8 Сентября 1380 г. 400,000 войска русскаго встрѣтились на Куликовомъ полѣ съ безчисленными ордами татаръ, и произошелъ кровопролитный бой, слывущій въ памяти народа подъ именемъ *Мамаева побоища*. Изъ 400,000 войска едва насчитали послѣ побѣды 40,000 и самаго побѣдителя нашли едва дышащимъ въ изрубленномъ панцырѣ...“

Всѣ эти шесть главныхъ группъ, вмѣстѣ съ державою въ срединѣ ихъ, съ Ангеломъ, крестомъ и Россіей, вся эта масса бронзовыхъ фигуръ установлены на *третьей* части памятника — на фундаментѣ изъ сердобольскаго гранита, отшлифованнаго съ поразительною чистотою. Вокругъ цоколя его обвивается лавровый вѣнокъ, а кругомъ постамента идетъ барельефъ, съ изображеніями: просвѣтителей, государственныхъ людей, полководцевъ, писателей и художниковъ. Постаментъ имѣетъ въ окружности $87\frac{1}{2}$ футовъ или $12\frac{1}{2}$ саженъ, и главнѣйшія группы помѣщенныхъ здѣсь дѣятелей отдѣляются одна отъ другой скульптурной драпировкой. Барельефъ этотъ еще подробнѣе разъясняетъ тотъ путь, по которому двигалась Россія, въ продолженіи минувшаго тысячелѣтія, пока она достигла настоящаго строя по всѣмъ отраслямъ народной и государственной жизни. Просвѣтители—лица большею частію духовныя, которыхъ на барельефѣ 27, начинаются съ Кирилла и Меѳодія, ([1]), составившихъ славянскую азбуку и переведшихъ главнѣйшія богослужебныя книги на славянскій языкъ, по изслѣдованію Бодянскаго, въ 862 г. т. е. въ годъ призванія Рюрика, и оканчиваются по-

---

([1]) Въ память св. Кирилла и Меѳодія учреждены стипендіи въ университетахъ петербургскомъ, московскомъ, харьковскомъ и казанскомъ. Кромѣ того 8 сентября лучшимъ воспитанникамъ гимназіи новгородской и новгородскихъ уѣздныхъ училищъ въ пособіе опредѣлено отпускать изъ государственнаго казначейства 1200 р. въ годъ. Очень жаль, что и въ томъ и другомъ случаѣ обойдены и вообще духовныя заведенія, прямо продолжающія дѣло Кирилла и Меѳодія, и въ частности — новгородская семинарія. А вѣдь въ новгородской семинаріи обучается болѣе 400 воспитанниковъ, тогда какъ въ гимназіи не больше 200,—и воспитанниковъ крайне-бѣдныхъ! Кромѣ того начало духовныхъ училищъ въ Новгородѣ относится къ 1030 г. Древность почтенная и стоющая вниманія и поощренія!...

койнымъ архіепископомъ херсонскимъ Иннокентіемъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ послѣдней войнѣ нашей съ западными державами. Государственные люди, которыхъ на барельефѣ 26, начинаются Ярославомъ 1, издавшимъ первый гражданскій указъ подъ названіемъ *Русской Правды* и оканчиваются графомъ Сперанскимъ, составившимъ *полное собраніе законовъ россійской имперіи*... Полководцы, которыхъ на барельефѣ 36, начинаются Святославомъ, не любившимъ роскоши, не знавшимъ усталости, питавшимся кониной и мясомъ дикихъ звѣрей, воодушевлявшимъ воиновъ собственнымъ примѣромъ безстрашія и суровости, и доходятъ до адмираловъ Корнилова и Нахимова, запечатлѣвшихъ кровію геройскую защиту Севастополя... Писатели и художники начинаются Ломоносовымъ и Волковымъ и оканчиваются Гоголемъ, Брюлловымъ и Бортнянскимъ. Въ этомъ отдѣлѣ нашихъ дѣятелей не много лицъ, всего 15, но много сдѣлано ими на пользу нашего художественнаго и литературнаго развитія"...

Въ 12 часовъ окончилась обѣдня и изъ Софійскаго собора показался крестный ходъ къ памятнику. Въ общей постановкѣ памятника пришлось такъ: Ангелъ съ крестомъ въ рукахъ и колѣнопреклонная предъ нимъ Россія обращены лицами по одному направленію съ группою Петра I къ Софійскому храму и глядятъ прямо въ растворенныя двери его. Отъ собора къ памятнику шла процессія по мосткамъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. Впереди несли хоругви, за которыми слѣдовали пѣвчіе и духовенство въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, ризахъ, сопровождаемое двоими викаріями и высокопреосвященнымъ митрополитомъ новгородскимъ. За духовенствомъ шелъ Государь съ Государыней и Наслѣдникомъ и съ дру-

гими Великими Князьями въ сопровожденіи многочисленной свиты.“ Все, пишетъ очевидецъ, притихло и превратилось, казалось, въ одну душу и въ одно сердце. Народъ благоговѣйно снялъ шапки и перекрестился. Между тѣмъ слышалось стройное пѣніе, вторимое военною музыкою. Хоръ приближался тихимъ и торжественнымъ шагомъ къ памятнику. Подойдя къ нему, духовенство стало полукругомъ съ правой стороны его, а съ другой подъ шатрами помѣстилась царская Фамилія съ свитой. Началось молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ. Трогательно было пѣніе придворныхъ пѣвчихъ. Для торжества 8 сентября московскій митрополитъ Филаретъ написалъ особенные молитвенные возгласы, которые и были прочтены въ концѣ молебствія. Когда сказанъ былъ послѣдній возгласъ, въ которомъ молятъ Господа сохранить Россію *на лѣта и вѣки многіе*, Государь Императоръ обнялъ Императрицу и Наслѣдника престола. „Боже мой“, пишетъ очевидецъ, „что это была за великая и торжественная минута! Нѣтъ словъ, нѣтъ средствъ выразить все, что слышалось и чуялось въ ней и что переходило само собой отъ сердца къ сердцу и соединяло всѣхъ въ одномъ чувствѣ отъ Царя до подданнаго! Тутъ возносилась и благодарственная молитва народа русскаго къ Богу за его прошедшее, и просительная молитва того же народа къ Богу за свое будущее; тутъ вызывалась и радость о славномъ минувшемъ, которое такъ ясно воплотилось въ монументѣ, и со всею силою пробуждалась и запечатлѣвалась надежда на еще болѣе славное грядущее, въ виду Монарха, положившаго новому тысячелѣтію такое крѣпкое основаніе 19 февраля; освященіе прожитаго встрѣчалось тутъ съ благословеніемъ новаго зер-

на, готовящагося тотчасъ же пойти въ ростъ; Царь отдавалъ свое сердце въ руцѣ Божіи, а народъ съ своей стороны приносилъ свое сердце въ даръ Царю. И все это въ виду креста и осѣняющаго ангела! Да, это было одно изъ немногихъ мгновеній въ жизни народа. когда въ немногомъ высказывается многое.“ Такъ совершилось и кончилось торжество освященія памятника.

Духовенство возвратилось въ соборъ (¹) и мимо памятника въ присутствіи Государя, Государыни и ихъ свиты прошли церемоніяльнымъ маршемъ войска, которыхъ было до 12 тысячъ. Послѣ парада жители Новгорода угощали войска обѣдомъ на площади: обѣдъ былъ приготовленъ по числу войска и открытъ тостомъ Государя за новгородскихъ гражданъ. Потомъ Государыня прошла у столовъ, вмѣстѣ съ градскимъ головою. Можетъ быть, на этомъ самомъ мѣстѣ нѣсколько столѣтій тому назадъ пировали полчища Іоанна такъ же на счетъ новгородцевъ, но ужъ, разумѣется, лица тогдашнихъ посадниковъ не искрились тѣмъ чувствомъ, какимъ были осѣнены теперь преемники этихъ посадниковъ. Толпы народа весь день окружали памятникъ: двѣ группы особенно привлекали его вниманіе и вѣроятно потому, что народъ хорошо знакомъ съ изображенными лицами по преданію, переходящему изъ колѣна въ колѣно,—это группы Владиміра, *крестителя* земли русской, и Петра Великаго, преобразователя оте-

(¹) Предъ началомъ парада Государь Императоръ милостиво благодарилъ составившаго проэктъ памятника академика Микѣшина и удостоилъ его пожатіемъ руки. Въ день открытія г. Микѣшинъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4 степени и ему дана пожизненная пенсія въ 1200 р. въ годъ.

чества. Одна поселянка, увѣряетъ корресподентъ Сына Отечества, усердно крестилась и клала земные поклоны, ставъ передъ памятникомъ на колѣни... Въ шестомъ часу Государь давалъ обѣдъ. Вечеромъ на катерѣ отправился въ *Рюриково Городище*, село, лежащее противъ Юрьева монастыря на противоположномъ высокомъ берегу Волхова — въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, гдѣ сначала поселились варяжскіе князья и гдѣ до сей поры существуютъ приписываемые имъ подземные ходы. Когда Государь сходилъ на берегъ, народъ подъ ноги его бросалъ свои поддѣвки и платки и кричалъ: „*Ура тебѣ Александръ Николаевичъ!*" Нѣкоторые становились на колѣни, смотрѣли на Государя и крестились, называя его ангеломъ небеснымъ. При отъѣздѣ его слышались голоса: „*Спасибо, батюшка Государь, что посѣтилъ насъ.*" Счастливъ долженъ быть монархъ, который имѣетъ подобныя минуты въ жизни своей! Между тѣмъ Новгородъ былъ освѣщенъ. У памятника на фонаряхъ были разставлены чаши съ спиртомъ, и когда его зажгли, — ночь была темная, небо темносинее,—освѣщеніе было великолѣпное. Легкій вѣтерокъ колебалъ пламя горѣвшаго спирта, которое освѣщало попеременно, то фигуру Петра, то крылья Ангела, то обломокъ вѣчеваго колокола на барельефѣ постамента и надъ обломкомъ скорбящую Марѳу Борецкую... Долго толпился народъ по городу, а особенно на Волховскомъ мосту, любуясь кострами, горѣвшими вдали, за городомъ, на берегу рѣки... На другой день Государь былъ на обѣдѣ, данномъ новгородскимъ купечествомъ, и на балу, данномъ дворянствомъ. 10 сентября въ 12 часовъ пополудни Государь, Государыня и Августѣйшая Фамилія выѣхали изъ Новгорода, сопровождаемые тѣмъ

же всеобщимъ восторгомъ, съ какимъ были встрѣчены при въѣздѣ.

Какія черты характера народнаго и душевнаго строя особенно ярко выразились на новгородскихъ праздникахъ? Судя по газетнымъ описаніямъ — двѣ черты поражали особенно наблюдателей, присылавшихъ въ редакціи свои замѣчанія,—это, во первыхъ, глубокая религіозность русскаго народа, и во вторыхъ, глубокая преданность его Царю, — черты воспитанныя исторіей русскаго царства. Въ послѣднее время много говорилось въ русской литературѣ о матеріалистическомъ, реальномъ направленіи русскаго ума, а самые рьяные прогрессисты составляли даже проэкты для уложенія русской жизни въ рамки самаго строгаго матеріалистическаго соціализма, съ уничтоженіемъ нынѣ существующаго монархическаго образа правленія, съ срытіемъ храмовъ, съ отмѣною православнаго богослуженія, православнаго духовенства, брака, надѣясь осчастливить этимъ русскую землю. Жалкіе мечтатели! они не знали русскаго народа, они изучали его по западнымъ книжкамъ—не выходя за заставу столицы; они думали осчастливить народъ и сами быть народными, ругаясь надъ самыми коренными основами русскаго характера; они не маливались вмѣстѣ съ народомъ, не хаживали съ нимъ въ крестныхъ ходахъ, не видали, какія встрѣчи дѣлаетъ народъ своей святынѣ и своему царю!.... Иначе они дѣйствовали бы, хоть столь же, можетъ быть, не человѣколюбиво и мрачно, но за то болѣе умно и разсчетливо. Торжество открытія памятника тысячелѣтію Россіи — только съ царемъ и съ духовенствомъ, съ святыми иконами и богослуженіемъ могло имѣть смыслъ для русскаго народа,

и безъ нихъ оно не привлекло бы массъ народа въ Новгородъ и не вызвало бы ни одного восторженнаго крика изъ русской груди. Народъ не знаетъ западныхъ соціалистическихъ и матеріалистическихъ теорій; онъ знаетъ по преданію правду, да милость царскую, да заступленія и утѣшенія во времена народныхъ бѣдъ, поданныя ему православною Церковію и ея святыми угодниками, и оттолкнетъ отъ себя подобныхъ реформаторовъ съ ихъ матеріалистическими и соціалистическими затѣями, съ ихъ непрошеными услугами, съ ихъ преобразованіями государства и Церкви, столь противными его историческимъ преданіямъ,—оттолкнетъ, потому что ихъ новая мудрость покажется для его десятивѣковой опытности ребяческимъ задорнымъ бредомъ, какъ отталкивалъ онъ Сигизмунда и Владислава—съ ихъ католицизмомъ и іезуитами.

Памятникъ тысячелѣтія — памятникъ народный русскій въ высшемъ и самомъ строгомъ значеніи этого слова. Начиная съ Петра Великаго высшія и образованныя сословія русскія разорвали связь съ народомъ, и не получая отъ него животворнаго духа, въ своемъ развитіи пошли бѣглымъ шагомъ догонять западъ, перепробовавъ преемственно всѣ западныя моды, западныя теоріи и эстетики, бывши въ разныя времена и классиками и романтиками, волтерьянцами и гегельянцами, безбожниками и масонами, въ пудрѣ и безъ ней, и оставивъ безъ вниманія массу, которая шла своимъ ровнымъ шагомъ, сохраняя въ чистотѣ всѣ слѣды, ложившіеся отъ историческихъ событій на ея характеръ, всѣ вліянія на нее мѣстности, на которую поселилъ ее Промыслъ. Всему наносному, всему не-народному, хлынувшему потокомъ въ прошломъ столѣтіи на русскую

землю, слишкомъ было бы рано праздновать свое тысячелѣтіе. Его имѣетъ право праздновать народное, русское, хорошо ли худо ли оно, радостно ли скорбно ли. И мы вѣримъ, что никогда и не придется праздновать тысячелѣтіе тѣмъ началамъ, которыя занесены къ намъ съ запада, что возрожденный къ свободной гражданской жизни русскій народъ и возраждаемый теперь духовенствомъ къ умственно-образованной жизни, принявъ участіе въ судьбахъ отечественнаго развитія—общественнаго и литературнаго, своимъ твердымъ голосомъ отзоветъ русскую мысль отъ продолжающагося полтора вѣка рабства ея западу, раждающимся тамъ теоріямъ республиканскимъ, либеральнымъ, соціалистическимъ, матеріалистическимъ, и представитъ міру самобытные образцы общественнаго и умственнаго развитія. Не для рабскихъ же подражаній создалъ Промыслъ великое царство, тысячу лѣтъ хранилъ его, спасая и отъ татаръ, и отъ поляковъ, и отъ шведовъ, и отъ Наполеона. Кто знаетъ, можетъ быть, русскому народу суждено осуществить въ своемъ развитіи идеалъ христіанскаго общественнаго и умственнаго развитія: союзъ вѣры и разума, отношенія между начальниками и подчиненными—чуждыя недовѣрія и притѣсненій и основанныя на любви, прогрессъ терпѣливый, ровный и твердый, безъ бунтовъ, манифестацій и революцій, честность между частными членами общества, говорящими истину ко искреннему своему, прямоту въ международныхъ сношеніяхъ, избѣгающую хитрыхъ вылощенныхъ и коварныхъ дипломатическихъ фразъ и увѣреній,—при развитіи промышленности—отсутствіе пролетаріата, при развитіи удобствъ жизни — отсутствіе роскоши и разврата, при развитіи научномъ—глубокую вѣру, при силѣ государственной—кроткія отношенія къ слабѣйшимъ государствамъ.

Памятникъ и торжество это имѣютъ глубокое религіозно-нравственное значеніе. Оно прекрасно изображено въ рѣчи митрополита московскаго, сказанной имъ 19 августа при вступленіи Государя въ московскій Успенскій соборъ. „Благочестивѣйшій Государь!" говорилъ многоопытный архипастырь, больше полувѣка служащій Церкви и отечеству, „прежде, нежели тысячелѣтній старецъ—Новгородъ будетъ привѣтствовать Тебя тысячелѣтіемъ Твоей Россіи, да будетъ позволено семисотлѣтней Москвѣ предварить Тебя симъ привѣтствіемъ. Царь вѣковъ далъ Тебѣ жребій стать на границѣ тысячелѣтія совершившагося и тысячелѣтія начинающагося, чтобы внимательнымъ воспоминаніемъ прошедшаго изощрить и управить взоръ на настоящее и будущее. Благодарное воспоминаніе прежнихъ благодѣяній Божіихъ да привлечетъ новыя благодѣянія Божіи.—Почетная память доблестей, явившихся въ минувшихъ поколѣніяхъ, да поощритъ къ доблестямъ новыя поколѣнія.—Безпристрастный взоръ на погрѣшности прошедшаго да отразитъ ихъ отъ настоящаго.—Добрые царственные примѣры да обратятся въ совѣтъ и руководство.—Что было началомъ огражданствованія и просвѣщенія Россіи? Что объединило ее послѣ княжескаго раздробленія? Что не допустило ее пасть подъ чуждымъ игомъ и исторгло изъ подъ ига? Что изъ разрушительнаго междоусобія возсоздало ее въ сильно сосредоточенную монархію? Не паче ли всего православная Вѣра? Молимъ Царя вѣковъ Бога, да споспѣшествуетъ Тебѣ во всемъ благомъ и полезномъ для Россіи, первѣе же всего въ охраненіи и на грядущіе вѣка православной вѣры, охраняющей Россію." Да, это торжество ставитъ русское историческое самосознаніе лицемъ къ лицу съ несмы-

ваемымъ и неистребимымъ урокомъ—стать твердо противъ невѣрія за Вѣру и за ея участіе въ настоящихъ и будущихъ судьбахъ отечества и не поддаваться въ историческихъ очеркахъ—вліянію чуждыхъ нашей жизни теорій раціоналистическихъ и пантеистическихъ, матеріалистическихъ и республиканскихъ. Для исторіи народа, воспитавшагося подъ неотразимыми и постоянными вліяніями Церкви и спасшаго свою независимость своею крѣпкою привязанностію къ Вѣрѣ, нуженъ историкъ глубоко-вѣрующій и способный понимать и цѣнить силу религіозныхъ побужденій и вліяній Вѣры на народъ, а не западный демократъ, въ родѣ Луи Бланка, не вигъ, въ родѣ Маколея, не невѣрующій скептикъ, въ родѣ Гиббона, не реалистическій матеріалистъ, въ родѣ Боккля. Остроумное подшучиваніе надъ духовенствомъ, надъ обрядами православной Церкви, надъ вымышленными чудесами, — лишь возбудитъ минутные восторги въ скептической молодежи и не выставитъ въ истинномъ свѣтѣ—присутствіе Вѣры—въ самомъ суевѣріи народа, присутствіе сверхъестественной правящей міромъ Силы — при существованіи ложныхъ чудесъ, и великое значеніе отечественнаго духовенства въ отечественной исторіи, не смотря на прежніе и теперешніе недостатки его.

Праздникъ тысячелѣтія былъ праздникомъ цѣлаго славянскаго племени. Изъ всѣхъ отраслей славянъ только одна русская отстояла до настоящаго времени свою независимость и независимость своего существованія, только она одна послѣ разнообразныхъ переходовъ вылилась въ форму сильнаго политическаго цѣлаго, предъ которымъ пали Наполеонъ I, Карлъ XII и отъ котораго погибалъ Фридрихъ Великій, которое пріобрѣло

въ совѣтахъ христіанской Европы одинъ изъ рѣшающихъ голосовъ. Другіе славяне, которые по политическимъ, которые по географическимъ, которые по религіознымъ причинамъ или никогда не пріобрѣтали независимаго государственнаго существованія, или, имѣя его нѣкогда, потомъ потеряли его, слившись съ католическими и протестантскими нѣмецкими государствами, или же съ магометанской Турціей. Почти независимыя Сербія и Черногорія слишкомъ слабы и часто подвергаются оскорбленіямъ и обидамъ со стороны сильнѣйшихъ сосѣдей. Въ нѣкоторыхъ изъ племенъ славянскихъ — и интересы Вѣры и племеннаго родства, въ другихъ, къ несчастію, только одни послѣдніе интересы не могли не возбуждать сочувствія къ независимому славянскому царству и къ великому празднику его тысячелѣтія. Во вниманіе къ этому-то сочувствію, которое возбуждаетъ въ славянскихъ земляхъ празднованіе тысячелѣтія россійскаго государства, Государь Императоръ приказалъ препроводить къ русскому посланнику въ Вѣнѣ нѣсколько экземпляровъ великолѣпнаго изданія *Древностей Россійскаго государства* для назначенія отъ имени Его Императорскаго Величества въ даръ нѣсколькимъ славянскимъ ученымъ обществамъ. Другое явленіе, свидѣтельствующее о томъ, что интересы славянъ представились умамъ торжествовавшихъ, это пожалованіе 8-го сентября Государемъ Императоромъ орденовъ и подарковъ русскимъ ученымъ, занимавшимся славянскими древностями и исторіею, и иностраннымъ славянскимъ ученымъ и сербскому митрополиту Михаилу Іоанновичу.

Образованіе могущественнаго государства на сѣверѣ, съ огромными природными способностями для воспри-

нятія плодовъ уже сложившейся цивилизаціи и съ почіющими на немъ великими надеждами на будущее развитіе имъ цивилизаціи, служитъ съ одной стороны осуществленіемъ того всемірно-историческаго закона, по которому пространственное поступаніе цивилизаціи идетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, изъ Азіи въ Европу, въ Европѣ изъ Греціи въ Римъ, изъ Рима въ Галлію, Германію и Британію, изъ Германіи и вообще съ западной Европы на далекій сѣверъ — къ сѣверному и ледовитому морямъ, а съ другой показываетъ, какъ перемѣнчивы судьбы племенъ и народовъ историческихъ, какъ трудъ, терпѣніе и энергія, вмѣстѣ съ высокими вдохновеніями Вѣры, могутъ измѣнять положеніе народовъ. „Въ древности, пишетъ Сисмонди, судьба славянскихъ племенъ была не завидна. Владѣя самыми обширными въ Европѣ равнинами, орошаемыми большими рѣками, они изстари были земледѣльцами. Но земля, къ которой они привязывались, какъ къ источнику своего пропитанія, облегчала порабощеніе ихъ другими племенами. Они не были сильны для того, чтобы защищать землю, воздѣланную въ потѣ лица, и не рѣшались однакоже терять ее. Ихъ тѣснили всѣ сосѣди: римляне съ юга, татары съ востока, германцы съ запада и самое ихъ названіе—славянинъ, означающее на славянскомъ языкѣ *славнаго*, во всѣхъ новѣйшихъ языкахъ сдѣлалось нарицательнымъ именемъ *раба* (фр. un esclave, англ. Slave, нѣм. Sclave, sclavin),—что служитъ замѣчательнымъ памятникомъ угнетенія этого народа сосѣдями и злоупотребленій, какія сосѣди послѣ побѣды дозволяли себѣ надъ нимъ“ (¹). Тѣ притѣсне-

(¹) Fall of the Roman Empire, By J. C. L. Sismondi. London, Vol. 1 p. 631 1834 г.

нія, какимъ подвергались славяне и подъ которыми всѣ ихъ племена утратили свою независимость, испытывало если не въ большей, то въ равной мѣрѣ и русское племя, но оно лишь среди этихъ испытаній крѣпчало. Въ бѣглой статьѣ нѣтъ возможности очертить всѣ причины возвышенія именно русскаго народа, и параллельнаго оному паденія другихъ славянскихъ народовъ. Мы укажемъ лишь нѣкоторыя. Въ ту пору, когда другія племена славянскія дробились, ссорились между собою, и ослабѣвая въ усобицахъ готовили изъ себя легкую добычу завоевателю и ловкому политику, устроеніе государственнаго порядка началось въ Новгородѣ призваніемъ чуждыхъ властителей—точнѣе, сознаніемъ необходимости порядка и прочной власти для независимости и счастія. Много разъ и потомъ сказывался въ славянахъ русскихъ древній общій всѣмъ славянамъ недугъ—разъединеніе, обнаруживалась старая наклонность къ междоусобіямъ. Удѣльный періодъ начался и продолжался такими явленіями и приготовилъ порабощеніе Россіи татарами. Но уже у Россіи было что̀ защищать,—это православная Вѣра, общая всѣмъ удѣламъ,—было одно общее управленіе для всей Россіи, связывавшее ее, распавшуюся на отдѣльныя княжества, въ одно цѣлое, это — управленіе церковное. — Особеннымъ счастіемъ и вмѣстѣ другою причиною возвышенія именно русскаго племени было то, что оно примкнуло не къ римско-германскимъ свѣжимъ народамъ, только что начинавшимъ свою историческую жизнь, а къ дряхлой византійской имперіи, и потому не было увлечено съ своей дороги сильнымъ чуждымъ—за[illegible]аднымъ элементомъ и въ тоже время легко мо[illegible]ло сохранить свою независимость отъ слабой Византіи. — Отдаленность отъ Германіи и отъ покорите-

лей Константинополя — турокъ долгое время одна спасала русскую независимость. Позже эти элементы—западный латино-германскій и восточный турецко-магометанскій, съ новымъ еще — нормано-протестантскимъ столкнулись съ православно-русскимъ элементомъ, споря о господствѣ, но столкнулись уже тогда, когда послѣдній могъ выставить на свою защиту соединенныя силы всей Россіи (1). Въ этомъ отношеніи самыми важными эпохами въ нашей исторіи были: эпоха междуцарствія, эпоха сѣверной войны Петра Великаго съ Карломъ XII и эпоха побѣдъ Екатерины II надъ Турціей. Изъ открытыхъ прямыхъ войнъ борьба между этими элементами за внѣшнее господство одного надъ другимъ перешла теперь въ область дипломатіи и политики, но борьба продолжается по прежнему и главными непріятельскими квартирами служатъ теперь Вѣна, Берлинъ и Константинополь. Но особенно сильна *внутренняя* борьба въ области русской мысли: древнее политическое рабство славянъ преобразовалось въ рабство духа съ одной стороны вообще предъ стариной, съ другой предъ западными теоріями, —и это внутреннее рабство въ первомъ случаѣ обнаруживается, какъ напримѣръ у раскольниковъ старообрядцевъ, рабской привязанностью къ буквамъ закона, безъ духа Христова, и упорной защитой старыхъ, хотя бы и испорченныхъ, обрядовъ; въ послѣднемъ, какъ у новыхъ прогрессистовъ, — презрительнымъ, кощунственнымъ, революціоннымъ отношеніемъ ко всему родному.

(1) Раньше этого времени оплотами независимости разъединенной Россіи противъ шведовъ и ливонскихъ рыцарей служили богатые торговые города: Новгородъ и Псковъ. *Старшій братъ*—Новгородъ—отбивался отъ шведовъ, *младшій* — Псковъ—отъ ливонцевъ. Они оказали неоцѣненныя услуги въ этомъ случаѣ, спасая разъединенную Россію отъ непріятельскихъ вторженій чуждыхъ народовъ.

ко всѣмъ обрядамъ, обычаямъ и вѣрованіямъ православнымъ русскимъ—и дѣтскимъ удивленіемъ ко всему иностранному. Много стоило русскому народу отстоять свою внѣшнюю свободу, — но до сихъ поръ она одна и отстояна; второму тысячелѣтію предстоитъ задача—отвоевать русскому народу свободу и независимость духовную, образовать самостоятельное царство русской мысли, въ которое бы принимались съ подобающимъ почетомъ и западныя теоріи и открытія, но принимались безъ нынѣшняго раболѣпства. Тогда міръ увидитъ новое для него зрѣлище оригинальной славянской науки, поэзіи, общественнаго устройства, политики и экономіи. А для этого и намъ, какъ нашимъ предкамъ, нужны усильные труды, конечно, научные, и честное личное самоусовершенствованіе себя—умственное и нравственное—съ терпѣливой борьбой противъ затрудненій, противъ лѣни и эгоизма, и безъ аффектированныхъ жалобъ на „*заѣдающую среду*", безъ ребяческихъ манифестацій и риторическихъ воззваній къ мишурному прогрессу.

Пробѣгая мыслію десять вѣковъ, лежащихъ за нами, въ теченіи которыхъ мы отвоевали у католическо-протестантской Европы и магометанской Азіи свою политическую свободу, грустнымъ чувствомъ наполняется душа. Удѣльныя усобицы, отъ которыхъ „земля стонала и вѣкъ человѣческій сокращался", монгольское иго съ побитыми и замученными князьями, боярами и простолюдинами, съ сожженными храмами, городами и селами, съ ограбленнымъ народомъ, съ поруганіемъ женъ и дочерей, звѣрскія жестокости Грознаго и крутыя мѣры преобразователя, эпоха самозванцевъ и междуцарствія съ боярскими крамолами, съ раздѣленіемъ областей отъ областей, сословій отъ сословій, съ образова-

ніемъ разныхъ партій внутри и съ одновременными нападеніями извнѣ поляковъ и шведовъ, войны съ Литвой, Ливонскимъ орденомъ, съ Турціей, Швеціей, Польшей, Франціей, Австріей, чума, черная немочь, холера, сановническія интриги при дворѣ, пытки и преслѣдованія раскольниковъ, крѣпостное право съ его злоупотребленіями, пугачевщина, бироновщина, 12-й годъ, восточная война—и наконецъ страшные пожары, мрачныя прокламаціи и покушенія на убійства, заключившія тысячелѣтіе наше: сколько утратила здѣсь Россія дорогихъ существованій и великихъ дарованій, сколько пролито здѣсь крови молодой и старой, княжеской и народной, царской и боярской, сколько молитвенныхъ воздыханій и болѣзненныхъ стоновъ въ протекшую тысячу возлетѣло къ Отцу небесному, въ рукахъ Котораго судьбы царствъ и народовъ, чтобы привлечь Его святую помощь на страдальческій народъ, нерѣдко въ безумной суматохѣ и въ дикомъ остервененіи терзавшій самаго себя. Да, дорогою цѣною куплено для насъ настоящее положеніе нашего отечества. Своими страданіями оно пріобрѣло право на счастливыя столѣтія, которымъ начало уже положено и положено для того, чтобы развиваться имъ мирно и спокойно безъ крутыхъ поворотовъ, помимо тѣхъ рѣзкихъ и крикливыхъ возгласовъ, которыми такъ запасливъ дешевый либерализмъ съ его требованіями радикальной ломки государственнаго, общественнаго и церковнаго порядка, какъ онъ сложился и дошелъ до насъ. Предки наши своими десятивѣковыми бѣдствіями приготовили наше величіе; если мы съ радостію видимъ, что внѣшнее наше политическое положеніе упрочено, самая общественная и частная жизнь улучшились или улучшаются про-

тивъ прежняго, то не забудемъ, чего стоило это нашимъ предкамъ, съ какимъ постоянствомъ и мученическимъ терпѣніемъ боролись они съ врагами внѣшними, съ крамолами внутренними, съ несовершенствами общественной и недостатками домашней жизни, и, говоря словами Карамзина, „своими бѣдствіями приготовили наше величіе". Лукавыми слугами отечества оказались бы тѣ, которые отказались бы пріумножить доставшееся намъ величіе и счастіе родины собственными честными трудами и личнымъ самоусовершенствованіемъ; но истинно неблагодарные мы были бы сыны родины и безумные расточители ея историческаго наслѣдства, если бы для своихъ прихотливыхъ затѣй перевернули вверхъ дномъ всю русскую жизнь, какъ она сложилась историческимъ ходомъ событій и какъ дошла до насъ. Самые очевидные недостатки въ ней требуютъ христіански-человѣколюбиваго и мудро-осторожнаго исправленія и устраненія, а не хамовскаго обнаженія наготы отца своего и презрительнаго хохота надъ нею...

„Просвѣтившимъ Россію христіанскою православною Вѣрою, равноапостольнымъ великому князю Владиміру и великой княгинѣ Ольгѣ; преемственнѣ въ теченіе вѣковъ созидавшимъ и укрѣплявшимъ единодержавіе Россіи благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ; новосозидавшимъ Россійское царство и расширившимъ и прославившимъ оное, въ Бозѣ почившимъ благочестивѣйшимъ императорамъ и императрицамъ, *вѣчная память*".

„Всѣмъ избраннымъ сынамъ Россіи, въ теченіе вѣковъ вѣрно подвизавшимся за ея единство, благо и славу, на поприщахъ благочестія, просвѣщенія, управленія и побѣдоносной защиты отечества, *вѣчная память*".

„Времена и лѣта въ руцѣ своей положивый Господи Твоимъ премудрымъ, всеблагимъ промысломъ—тысячелѣтнѣ сохраняемому и возращаемому царству Всероссійскому пробави велію милость Твою, и сохраняй оное въ Вѣрѣ и правдѣ, во благозаконіи и благоустроеніи *на лѣта и вѣки многіе*".

Этими молитвенными возгласами, вознесенными при заключеніи торжества освященія памятника тысячелѣтію Россіи, и мы закончимъ описаніе этого празднества и свои размышленія по поводу его, присовокупивъ къ нему свое глубокое воздыханіе:

Даруй, Господи, свою всеблагую помощь всѣмъ настоящимъ и будущимъ споспѣшникамъ единенія, любви и мира, независимости и союза между славянскими племенами, всѣмъ будущимъ созидателямъ и защитникамъ христіанской Вѣры и Церкви противъ вольномыслія и невѣрія, всѣмъ ратоборцамъ за самостоятельное развитіе внутреннихъ началъ духовной славянской жизни!

Новгородецъ.

1862 г., сентября 27 дня.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПОКОЙНОМЪ БАККАЛАВРѢ П. И. ШАЛФЕЕВѢ

И НѢКОТОРЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ, ВЫЗВАННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯМИ.

28 іюня наставники академіи проводили на Смоленское кладбище своего почтеннаго сослуживца, а студенты — своего уважаемаго наставника. Въ іюльской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія,“ помѣщая извѣстіе о смерти баккалавра Петра Ивановича Шалфеева, редакція обѣщала доставить подробныя свѣдѣнія о покойномъ. Къ сожалѣнію она не имѣетъ свѣдѣній о раннихъ годахъ его жизни, о его дѣтствѣ, объ его воспитаніи въ духовномъ училищѣ и семинаріи.

Извѣстно только, что мѣстомъ его родины были Великіе Луки, древній уѣздный городъ псковской губерніи. Отецъ его былъ діакономъ, а потомъ священникомъ при одной изъ тамошихъ городскихъ церквей. Большая семья и небогатый приходъ не позволяли отцу быть щедрымъ въ воспитаніи сына. Вѣроятно отецъ научилъ его читать пославянски и кое-какъ писать буквы, а мать выучила его церковкымъ молитвамъ: таково по крайней мѣрѣ домашнее воспитаніе большей части изъ насъ. Своимъ полнымъ образованіемъ покойный обязанъ былъ казеннымъ духовнымъ училищамъ и главнымъ образомъ своей любви къ наукѣ, своимъ

счастливымъ природнымъ способностямъ и своему трудолюбію. Такъ онъ учился сперва въ великолуцкомъ духовномъ училищѣ и потомъ въ псковской духовной семинаріи. Въ 1851 году въ составъ XXI академическаго курса требовался изъ Пскова только одинъ воспитанникъ семинаріи и, Богъ знаетъ, удалось ли бы покойному получить академическое образованіе, если бы тогдашній новгородскій викарій преосвященный Антоній, теперешній кишиневскій архіепископъ, бывшій ректоромъ псковской семинаріи и знавшій даровитаго и трудолюбиваго семинариста Шалфеева, не принялъ въ немъ участія. Покойный всегда вспоминалъ съ благодарностію эту услугу преосвященнаго Антонія, который тогда робкому сыну великолуцкаго діакона далъ и денегъ и ободрилъ его ѣхать на пріемный экзаменъ въ качествѣ волонтера и наконецъ взялся рекомендовать его академическому начальству. Дѣло это дѣлаетъ честь столько же добротѣ преосвященнаго, сколько его начальнической проницательности, потому что покойный сряду же, еще на пріемномъ экзаменѣ, оказался однимъ изъ наиболѣе приготовленныхъ къ академіи воспитанниковъ. Съ даромъ слова — неочень бойкимъ, съ памятью, непріученною къ буквальному заучиванію, онъ не былъ самымъ блистательнымъ, но, нѣтъ спора, былъ однимъ изъ самыхъ основательныхъ и точныхъ студентовъ. Исполняя классическія обязанности и правила академической дисциплины съ аккуратностію, онъ находилъ еще время для стороннихъ занятій, занимался переводами—особенно съ греческаго языка—по порученію наставниковъ: эти стороннія занятія онъ исполнялъ съ тою же добросовѣстностію, какъ и прямыя, и они давали ему возможность не безпокоить многосемей-

наго своего родителя письмами о присылкѣ денегъ для мелкихъ издержекъ, на дорогу—на родину и т. д. Мы не скажемъ неправды, если скажемъ, что живѣе можетъ быть всѣхъ своихъ товарищей интересовался научными вопросами покойный. Во время прогулокъ въ саду, въ свободное отъ занятій время (послѣ вечерняго чая—отъ 5 до 6 часовъ и послѣ ужина—отъ 9 до 10) всегда около Шалфеева можно было найти кучку товарищей, сошедшихся потолковать—поспорить о томъ, или другомъ вопросѣ, возбужденномъ лекціями того, или другаго наставника, тѣмъ, или другимъ *предложеніемъ*. Къ обыкновенной болтовнѣ о новостяхъ онъ не чувствовалъ склонности и не находилъ вкуса въ ней. Вопросы, о которыхъ онъ разсуждалъ, были иногда до того отвлеченны, что товарищи съ болѣе или менѣе практическимъ настроеніемъ подходили, прислушивались, пожимали плечами и уходили, не находя никакого удовольствія въ этомъ чисто созерцательномъ спорѣ. Онъ занимался усердно, чему не препятствовало и его здоровье—обыкновенно крѣпкое, жажда развлеченій не отвлекала его отъ дѣла: но онъ готовъ былъ проразсуждать три, или четыре часа объ отвлеченномъ вопросѣ философіи, или богословія. Люди, подходившіе къ нему свойствомъ настроенія, съ охотою собирались вокругъ него, и вообще всѣ товарищи, иногда потѣшавшіеся надъ его, съ одной стороны. дѣтски-наивной (въ практическомъ отношеніи), а съ другой—философски-созерцательной натурой, любили и уважали его: даже вовремя размолвокъ съ нимъ, которыя бывали вслѣдствіе ученыхъ споровъ, никто не могъ сказать о немъ что нибудь дурное. Мы въ своихъ воспоминаніяхъ о студенческой жизни покойнаго опустили бы самыя пре-

красныя черты въ характерѣ его, если бы не упомянули о его глубокой религіозности и дѣвственной чистотѣ его понятій — свойствахъ, сохранившихся въ немъ до послѣдняго времени. Двусмысленное слово заставляло его краснѣть, ни одной службы церковной, ни одной почти молитвы онъ не пропускалъ; благоговѣйно — въ молитвенно-созерцательномъ настроеніи стоялъ онъ во время церковныхъ службъ въ академической церкви. Вольнодумство и кощунство, чье бы то ни было, глубоко оскорбляли его. Такому твердому религіозно-нравственному воспитанію вѣроятно содѣйствовало то обстоятельство, что во все время своего ученія въ училищѣ—лѣтъ до 15, онъ не отрывался отъ своей семьи: уроки отца и примѣръ матери — успѣли въ эту пору глубоко запасть въ его душу.

Въ 1855 году онъ былъ опредѣленъ баккалавромъ по классу патристики. Кто знакомъ съ порядкомъ опредѣленія наставниковъ въ духовныя академіи, гдѣ вышедшій студентъ чрезъ два мѣсяца отдыха переходитъ изъ-за парты на каѳедру, тотъ знаетъ, какихъ трудовъ требуетъ приготовленіе лекцій первому курсу слушателей. Здѣсь буквально заниматься слѣдуетъ цѣлую недѣлю для двухъ классовъ, — и вечеръ, потраченный на выѣздъ куда нибудь, надобно бываетъ вознаграждать трудомъ ночнымъ. Рѣдко покойному приходилось выѣзжать въ городъ въ первые два года: постоянная работа для класса занимала все время, такъ что въ 1855—1857 г.г. онъ не написалъ ни одной статьи для печати. Къ молодымъ наставникамъ академіи могутъ быть вполнѣ примѣнены слова: docendo discimus. О манерѣ и качествахъ его устнаго преподаванія мы не имѣемъ возможности судить и предпочитаемъ въ этомъ

случаѣ привести въ подстрочномъ примѣчаніи отзывъ одного изъ бывшихъ его слушателей (¹). Что же касается до тона и направленія его изслѣдованій патрологическихъ, то въ этомъ случаѣ могутъ дать нѣкоторое понятіе его статьи, напечатанныя въ Христіанскомъ Чтеніи. Первая его патрологическая статья помѣщена была въ январской книжкѣ 1858 года (²). Затѣмъ въ апрѣлѣ и маѣ 1860 г. помѣщена его статья: „*Обзоръ отеческой письменности въ IV и V вѣкахъ по*

(¹) «Патристика такъ еще молода у насъ и такъ сухо преподавалась въ академіи, что нужны были неимовѣрныя усилія для того, чтобы поднять ее и заинтересовать ею слушателей. Даровитый Петръ Ивановичъ не задумался надъ этими трудностями и пошелъ къ своей цѣли вѣрно. Результатомъ его работъ явился длинный рядъ прекрасныхъ изслѣдованій отеческой письменности, изслѣдованій не отвлеченныхъ, съ ихъ діалектическими и схоластическими тонкостями, а самыхъ живыхъ, популярныхъ, самыхъ интересныхъ и въ тоже время самыхъ серьозныхъ, переносившихъ его академическихъ слушателей въ тѣ отдаленныя эпохи церковной жизни, которыя онъ старался поставить въ тѣсную связь съ настоящими потребностями религіозной жизни. Мысль, что христіанство представляетъ живую и мощную силу, развивающую отношенія любви между людьми, такъ эта мысль, говоримъ, оживляла всѣ изслѣдованія Петра Ивановича для академическихъ его слушателей. Въ немъ не было двоедушія и оффиціальности. Отношенія его къ академическимъ слушателямъ были въ высшей степени благородны и непринужденны. Для нихъ у него не было ни чего завѣтнаго. Его лекціи скорѣе можно было назвать домашними бесѣдами: у него не было и тѣни наставническаго педантизма ставящаго преподавателя на какой-то пьедесталъ величія; онъ держалъ себя скорѣе другомъ, чѣмъ наставникомъ. Онъ дѣлился съ слушателями всѣмъ тѣмъ, что успѣвалъ отчетливо разработывать, а чего не успѣвалъ, о томъ скромно замѣчалъ, что онъ еще этого порядкомъ не изучилъ и не выдаетъ за свое убѣжденіе. Здѣсь-то въ этой искренности и непринужденности, въ отсутствіи напыщенности скрывалась тайна взаимныхъ симпатій его съ слушателями и вліянія на нихъ. Они смотрѣли на него не иначе, какъ на одного изъ любимыхъ своихъ наставниковъ. А это не пустое дѣло.» Отзывъ А. Вишнякова. Сынъ Отечества, 1862 г. № 172.

(²) Заглавіе статьи: «*св. Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, какъ поборникъ единства Церкви*».

Р. Х.“ Наконецъ двѣ статьи о *св. Григоріѣ Богословѣ* и *Исаакѣ Сиринѣ* помѣщены въ Христіанскомъ Чтеніи 1861 г. Вотъ все, что осталось для публики отъ преждевременно-скончавшагося преподавателя патристики: три преемственно слѣдовавшихъ курса слушателей его имѣютъ впрочемъ литографированныя записки его (¹) и классическіе труды его такимъ образомъ не пропадутъ даромъ для богословской православной науки. Сколько намъ извѣстно, слишкомъ строгій къ себѣ и своимъ трудамъ—покойный не придавалъ большой цѣны своимъ литографированнымъ запискамъ, многое онъ передѣлывалъ въ нихъ, многое измѣнялъ; его воззрѣнія на эту науку стояли выше его спѣшныхъ и урочныхъ чтеній и о высотѣ и стройности его понятій о патристикѣ могутъ дать нѣкоторое понятіе указанныя нами его печатныя статьи. Если намъ не измѣняетъ память, то онъ хотѣлъ изъ своей науки создать исторію апостольскаго преданія, съ указаніемъ историческихъ обстоятельствъ, измѣнявшихъ повороты этой рѣки Божественнаго ученія и съ сохраненіемъ личныхъ (индивидуальныхъ) чертъ характера ученія каждаго отца: задача широкая, стоящая въ гармоніи съ современными требованіями исторической и богословской науки, но осуществленная имъ меньше, чѣмъ на половину,—задача, требовавшая для своего выполненія и бóльшаго богатства литературныхъ пособій, чѣмъ какія представляетъ отечественная и отчасти иностранная патрологическая литература, и бóльшаго количества времени, чѣмъ какое употреблено было покойнымъ.

(¹) Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ онѣ уже въ употребленіи,—разумѣется, въ сокращенномъ видѣ.

Семи лѣтъ самаго добросовѣстнаго занятія патристикой во всякомъ случаѣ мало было ему для осуществленія созданнаго имъ идеала этой отрасли богословскаго знанія.

Въ 1858 году покойный женился и съ этого времени начались испытанія для него: скудное баккалаврское жалованье, котораго при казенной квартирѣ и еще при 200 р. прибавочнаго содержанія по должности казначея редакціи Христіанскаго Чтенія еще кой-какъ хватало для холостаго, оказалось слишкомъ недостаточнымъ для семейнаго, тѣмъ болѣе, что отъ казначейской должности онъ съ выходомъ съ казенной квартиры долженъ былъ отказаться; 429 р. жалованья, 114 квартирныхъ (онъ еще несряду послѣ женитьбы началъ получать ихъ) и 100 р. магистерскаго оклада — всего 643 р. Изъ этихъ денегъ нужно было нанимать квартиру 250 р.: остается на все, на книги, на содержаніе себя, жены и дѣтей, столомъ и одеждою, на прислугу— меньше 400 р. Возьмите во вниманіе дороговизну обыкновеннаго содержанія въ Петербургѣ, особенно усилившуюся въ послѣдніе годы, случаи чрезвычайныхъ и въ семейномъ быту не рѣдкихъ издержекъ, какъ то: болѣзни, крестины, похороны, и вы затруднитесь понять, какимъ образомъ могутъ существовать женатые наставники столичной духовной академіи.

Обращаемся къ покойному. Не мало онъ сдѣлалъ для своей науки: но онъ сдѣлалъ бы несравненно больше, если бы не былъ вынужденъ принимать на себя стороннія работы, какъ напр. года два онъ читалъ корректуру Христіанскаго Чтенія, составлялъ статьи, не относящіяся къ своей наукѣ для „Христіанскаго Чтенія“ и „Духа Христіанина“, наконецъ больше года употре-

билъ на переводъ и редакцію I т. Римской Исторіи Григоры, ежегодно по нѣскольку листовъ переводилъ твореній Златоуста для Христіанскаго Чтенія.

Теперь понятны совершенно постоянные выходы наставниковъ изъ академій въ другія вѣдомства — особенно въ эпархіальное. Мы не осуждаемъ этихъ лицъ, — но въ интересахъ духовной науки и ея развитія не можемъ безъ сожалѣнія вспоминать этихъ выходовъ. Наставникъ только что обсмотрится въ области своего предмета и уже выходитъ, оставляя свое мѣсто своему ученику, который опять долженъ *уча учиться* самъ. Конечно, находятся люди, до того преданные своей наукѣ и должности наставника въ высшемъ духовномъ заведеніи, что, не смотря ни на какія нужды и лишенія, все-таки не выходятъ изъ заведенія. Къ числу такихъ наставниковъ принадлежалъ покойный сослуживецъ. Онъ съ восторгомъ всегда говорилъ о высокомъ званіи наставника Академіи, онъ горячо любилъ науку вообще и свой предметъ въ частности. „Эхъ, какъ бы прибавили жаловънья, никогда бы не разстался съ академіей"—говаривалъ онъ. Но наконецъ и этотъ, любившій всей душей академію, наставникъ рѣшился оставить ее для болѣе обезпеченной службы по министерству народнаго просвѣщенія. Зная покойнаго коротко и часто разговаривая съ нимъ, мы увѣрены, что онъ долго бы могъ терпѣть и нужды и горе и все-таки оставаться въ Академіи, если бы ему не представился случай—изучить за границей на казенныя средства философію и быть потомъ профессоромъ философіи въ одномъ изъ нашихъ университетовъ. Созерцательный складъ его ума болѣе всего подходилъ къ философскимъ занятіямъ, изъ всѣхъ наукъ онъ въ особенности любилъ философію, и всѣ свои, рѣдкіе конеч-

но, досуги отъ академической службы и отъ случайныхъ вынужденныхъ трудовъ отдавалъ ей. Въ этомъ случаѣ одинаково способствовали рѣшимости покойника перейти въ университетъ—и пять лѣтъ нуждъ и лишеній, и надежда заняться наконецъ исключительно изученіемъ и преподаваніемъ самой любимой науки. Всѣ товарищи и сослуживцы покойнаго отъ души порадовались, что наконецъ-то человѣкъ получаетъ возможность изучить и преподавать науку, къ которой онъ болѣе всего способенъ и расположенъ, и становится въ болѣе обезпеченное внѣшнее положеніе. Но почти въ тотъ самый день, когда въ министерствѣ народнаго просвѣщенія опредѣлено было послать его за границу, онъ скончался. Отечественная философія потеряла въ немъ мыслителя—по призванію; университетъ—профессора философіи—не по должности только, а и по природному складу его мысли; а люди, преданные вѣрѣ, должны еще пожалѣть и о томъ, что въ покойномъ свѣтская ученость потеряла философа—христіанина.

Семейный бытъ духовныхъ наставниковъ представляетъ еще одну особенность. Происходя изъ сословія, далеко не богатаго, каждый имѣетъ то старика отца, то старуху мать, или сиротъ сестеръ, или братьевъ: всѣ они требуютъ помощи, ожидаютъ ее и иногда ихъ требованія и ожиданія бываютъ до того законны, что развѣ каменное сердце откажетъ имъ въ пособіи, хотя бы на это пособіе уходили изъ кармана наставника послѣднія копѣйки и хотя бы даже для этого пришлось войти въ долги. Семейство слагается такимъ образомъ у насъ не изъ дѣтей и жены только, бываетъ не прямое только и нисходящее, а восходящее и боковое. Особенно это замѣтно въ Петербургѣ: въ столицу то

по дѣламъ, то просто изъ любопытства пріѣзжаютъ и дальніе и ближніе родственники: всѣхъ ихъ приходится принимать и нѣкоторымъ помогать. Все болѣе и болѣе улучшающіяся удобства путей сообщенія съ столицей въ прямой пропорціи увеличиваютъ количество родственныхъ посѣщеній и неизбѣжныхъ расходовъ. Небогатыя средства содержанія наставника дѣлаются вслѣдствіе этого еще беднѣе. У покойнаго Петра Ивановича были напр. здѣсь два брата, за образованіемъ которыхъ онъ слѣдилъ съ отеческимъ участіемъ; одинъ обучался сперва въ педагогическомъ институтѣ и окончилъ курсъ въ университетѣ; этотъ все время обученія въ университетѣ содержался, кажется, на средства брата; другой братъ, по ходатайству покойнаго для ближайшаго надзора за нимъ изъ псковской семинаріи переведенный въ здѣшнюю, хоть принятъ былъ въ послѣдствіи на казенное содержаніе, но тоже получалъ отъ покойнаго коекакія пособія. Глядя на подобныя нерѣдкія въ нашемъ быту явленія, право не знаешь, чему болѣе дивиться — родственному ли участію, или умѣнью изъ копѣекъ дѣлать рубли. Хорошо еще, что насъ и наши родители и наши воспитательныя заведенія не пріучили къ роскоши и комфорту и мы вслѣдствіе этого многое можемъ перенести и во многомъ отказать себѣ — для добраго дѣла. Но вотъ въ чемъ бѣда, что пословица: *„не увидѣвши горькаго, не поѣшь и сладкаго“*—исполняется надъ нами по большей части только одной своей первой половиной, а о покойномъ можно смѣло сказать, что онъ до самой смерти своей ѣлъ одно *горькое* жизни. Неудачи какъ-то особенно преслѣдовали его, и едва ли не самымъ обезпеченнымъ и спокойнымъ періодомъ жизни его была жизнь студенческая и нѣсколько мѣсяцовъ

баккалаврской — еще безсемейной — жизни; вспоминая, съ какой нуждой боролся онъ, сколько онъ перенесъ нечаянныхъ случаевъ особенной нужды, въ родѣ болѣзни жены, крестинъ, болѣзни сына, похоронъ его, умиляешься его страдальческимъ ликомъ. Онъ и умеръ труженикомъ—страдальцомъ, потому что жизнь его прекратилась именно тогда, когда онъ сталъ бы получать вмѣсто 643 р. 1600 р. и жить не въ дорогомъ Петербургѣ, а гдѣ нибудь въ скромномъ Гейдельбергѣ, или въ философствующей Іенѣ.

Подробности касательно погребенія и проявленій общаго уваженія и сочувствія къ покойнику могутъ быть разсказаны со словъ „Духа Христіанина."

„Отпѣваніе совершено было въ Благовѣщенской, что на Васильевскомъ островѣ, церкви инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи архимандритомъ Владиміромъ въ сослуженіи съ 14 священниками, большею частію товарищами или учениками (¹) покойнаго по академіи. За обѣдней произнесено было слово и при отпѣваніи надгробная рѣчь товарищами почившаго — священникомъ А. Гумилевскимъ и экстра-ординарнымъ профессоромъ здѣшней академіи А. Предтеченскимъ. Послѣ П. Ивановича остались жена и двое малютокъ. Пенсіи покойный не выслужилъ, пособія неоткуда взять; значитъ *осиротѣлое семейство покойнаго со смертію его осталось рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію*. Такое горькое положеніе несчастныхъ сиротъ побудило священника Гумилевскаго сначала частнымъ образомъ обратиться *къ членамъ брат-*

(¹) Одинъ изъ учениковъ покойнаго, священникъ о. Іоаннъ Демкинъ, предъ смертію и напутствовалъ своего наставника.

ства (такъ какъ покойный былъ членомъ братства), а потомъ въ надгробномъ словѣ ко всѣмъ вообще присутствовавшимъ при погребеніи *съ просьбой о постоянномъ обезпеченіи семейства почившаго честнаго труженика духовной литтературы и науки — ежегодными взносами.* Это предложеніе встрѣтило общее сочувствіе и немедленно составилась слѣдующая подписка: *св. А. Гумилевскій* обязался ежегодно жертвовать *половину своего магистерскаго оклада*—50 р.; *купецъ Бурмакинъ* — единовременно 50 р. и ежегодно 25 р.; *баккалавръ с.-петербургской Академіи Иванъ Ѳ. Нильскій* ежегодно 25 р.; *профессоръ тойже Академіи А. И. Предтеченскій*—единовременно 20 р. сер., а послѣ по обстоятельствамъ; *св. І. Демкинъ* ежегодно 10 р.; *св. Л. Петровъ* ежегодно 15 р.; *св. П. Спонаровскій* — ежегодно 10 р. сер.; *діаконъ В. Смирницкій* ежегодно 6 р. сер.; *св. І. Толмачевъ*—ежегодно 10 р.; *св. Евграфъ Бенескриптовъ* ежегодно 10р. сер.; *діаконъ И. Свиткинъ* единовременно 2 р.; *студентъ В. Васнецовъ* 1 р. сер.; *св. І. Заркевичъ* — ежегодно 10 р. сер.; потом. почет. гражданинъ *І. І. Филиповъ* единовременно — 10 р.; инспекторъ с.-петербургской духовной Академіи *архимандритъ Владиміръ* единовременно 9 р. Итого ежегоднаго взноса 171 р.; единовременнаго— 93; всего 264 р.“

„Это еще далеко не всѣ пожертвованія. Многія лица, уѣхавшіе сряду послѣ погребенія, просили прислать подписной листъ къ нимъ на домъ; студенты академіи (¹), ученики покойнаго, не задолго предъ смертію выразившіе ему сочувствіе по случаю предполагавшейся его

(¹) Студенты академіи и наставники отъ Благовѣщенской церкви до кладбища несли гробъ покойнаго на своихъ рукахъ.

поѣздки за границу снятіемъ фотографическихъ портретовъ на собранную ими между собою сумму, тоже изъявили желаніе дѣлать посильный ежегодный взносъ, гдѣ бы каждый изъ нихъ ни находился [1]. Такое дружное сочувствіе, вызванное общимъ уваженіемъ къ почившему П. И. Шалфееву, даетъ намъ надежду поддержать осиротѣлое семейство и дать несчастной вдовѣ покойнаго полныя средства къ воспитанію малютокъ-дѣтей. Этимъ мы не думаемъ окончить нашего дѣла. Смерть этого добросовѣстнаго труженика науки и литературы, только что вступившаго въ самую дѣятельную пору жизни, показала намъ, въ какомъ горестномъ положеніи должно оставаться семейство по смерти каждаго дѣятеля духовной науки и литературы, не успѣвшаго выслужить законныхъ лѣтъ для пенсіи. Посему петербургское братство отнынѣ принимаетъ на себя святую обязанность, по мѣрѣ собранныхъ средствъ, поддерживать семейства подобныхъ лицъ, и призываетъ всѣхъ, кому дорого дѣло духовной науки, вписываться въ члены онаго съ опредѣленнымъ ежегоднымъ взносомъ. Дѣло это уже давно устроено свѣтскими литераторами; грѣшно намъ будетъ въ этомъ случаѣ остаться позади ихъ. Пожертвованія на этотъ предметъ могутъ быть адресуемы на имя Христорождественской, что на Пескахъ, церкви священника Александра Васильевича Гумилевскаго. Надѣемся, что всѣ духовные журналы не оставятъ безъ вниманія нашего слова и,

---

[1] 5 августа—въ сороковой день—оставшіеся въ академіи на каникулы студенты отслужили по покойномъ панихиду въ академической церкви, — новый фактъ, свидѣтельствующій о благодарной памяти къ покойнику его бывшихъ слушателей; а потомъ, когда послѣ каникулъ собрались, составили подписку и около 100 р. собрано ими въ пользу семейства покойнаго.

перепечатавъ наше приглашеніе, примутъ участіе въ обсужденіи этого важнаго для всѣхъ насъ предмета".

Мы отчасти исполнили уже *„надежды"* Духа Христіанина тѣмъ, что съ полною готовностію и съ полнымъ сочувствіемъ перепечатали его приглашеніе; теперь снова обратимся къ нѣкоторымъ размышленіямъ и соображеніямъ, чтобы на первый разъ принять хоть мимоходное *„участіе въ обсужденіи этого важнаго для всѣхъ насъ предмета"*.

Духъ Христіанина смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія христіанскаго милосердія; мы взглянемъ на него съ точки зрѣнія интересовъ духовнаго просвѣщенія. Онъ призываетъ къ помощи семействамъ умершихъ дѣятелей науки: мы желаемъ, чтобы оказана была помощь живымъ и ихъ семействамъ. Здѣсь мы уже не станемъ имѣть въ виду однихъ только академическихъ наставниковъ, а всѣхъ вообще наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ то: профессоровъ семинарій и учителей уѣздныхъ училищъ, которые еще меньше получаютъ жалованья. Мы совершенно вѣримъ, что если бы въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ были свободныя, матеріальныя средства, то бытъ наставниковъ былъ бы немедленно улученъ; потому что всѣмъ очень хорошо извѣстны и скудость содержанія и, какъ слѣдствія этого, многія препятствія успѣхамъ духовнаго образованія въ духовныхъ училищахъ. Слышно, что даже въ производствѣ прежнихъ окладовъ духовно-училищное начальство затрудняется; покрайней мѣрѣ, въ отчетѣ оберъ-прокурора за 1859 годъ значится взятыхъ изъ основнаго капитала нѣсколько сотъ тысячъ р.,—и это въ одинъ годъ! И такъ существующіе духовно-училищные капиталы не могутъ улучшить быта духовныхъ на-

ставниковъ, — это фактъ. Нужно изъискивать новыя средства. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, лучшей руководительницей можетъ быть исторія нашего образованія.

Въ 1808 г. когда, какъ и теперь, разсуждали о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, были между прочимъ приняты слѣдующія мѣры къ составленію духовно-учебнаго капитала: во 1-хъ, отдѣлили пятую часть экономической суммы, принадлежавшей церквамъ, именно 1.120,000 р.; во 2-хъ, опредѣлено было класть въ банкъ ежегодные свѣчные сборы въ теченіе пяти лѣтъ, и въ 3-хъ, испросили у казны ежегодное временное пособіе—въ 2.000,000 р., пресѣкшееся въ 1816 году (¹). Свѣчные сборы и теперь ежегодно дѣлаются и доставляются церквами, но ихъ недостаточно не только для увеличенія окладовъ, но и для производства прежнихъ. Говорятъ, что ихъ доставало бы, если бы церкви доставляли всѣ свѣчные сборы: но то фактъ, что доставляемыхъ мало, и церкви, конечно, имѣютъ резонныя причины не доставлять всѣ и часть свѣчной прибыли обращать въ кошельковую или экономическую сумму свою. Иначе на что бы стали содержаться, ремонтироваться и украшаться церковныя зданія?.. Казна прекратила еще въ 1816 г., когда увеличились и установились собственныя духовно-учебныя средства, временное пособіе въ 2.000,000 ежегодно. Конечно, совершенно логично было бы снова просить у казны пособія, когда собственныя средства духовно-учебнаго вѣдомства опять оказываются недостаточными; но, говорятъ, го-

(¹) См. Исторію с. петербур. духовн. Академіи проф. И. Чистовича, стр. 173—178.

сударственная казна въ настоящее время не можетъ дать ничего, потому что у ней есть много своихъ, болѣе настоятельныхъ нуждъ. Остается первая мѣра, именно тогдашнее отдѣленіе пятой части экономическихъ церковныхъ суммъ въ духовно-учебный капиталъ. Что у монастырей, церквей кладбищенскихъ, соборныхъ, а равно и приходскихъ есть экономическія суммы,—это фактъ. Какъ онѣ велики, намъ неизвѣстно; въ 1808 г. онѣ простирались до 5.600,000 р. Не думаемъ, чтобы онѣ въ настоящее время были меньше. Отдѣленіе пятой части было уже разъ сдѣлано; почему бы его не сдѣлать снова? А оно значительно увеличило бы основный духовно-учебный капиталъ и дало бы порядочные ежегодные проценты. Скажутъ: несправедливо отнимать отъ церквей ихъ собственность; можетъ быть; но чтоже дѣлать, когда нѣтъ другихъ средствъ выйти изъ настоящаго крайняго положенія ([1]). При томъ ни

([1]) Давая на страницахъ своего журнала мѣсто этому предположенію достопочтеннаго своего сотрудника, редакція находитъ нужнымъ оговориться, что она не раздѣляетъ подобнаго убѣжденія. Никакое положеніе не даетъ права отнимать у кого бы то ни было его собственность... Притомъ подобная мѣра почти не принесетъ пользы, или по крайней мѣрѣ весьма мало поможетъ дѣлу. Не зная, какъ великъ капиталъ, накопившійся въ церквахъ отъ кошельковаго и кружечнаго сбора, мы не можемъ положительно сказать, на сколько отобранная пятая часть его улучшитъ положеніе нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Для примѣрнаго разчисленія беремъ одинъ 1860-й годъ. Въ извлеченіи изъ отчета по вѣдомству православнаго исповѣданія за сей годъ (см. табл. № 28) видимъ, что за исключеніемъ грузинскаго екзархата и вѣдомства главнаго священника кавказской арміи по кавказскому линейному казачьему войску, всего кружечнаго и кошельковаго сбора въ семъ году было 4.447,503 р. Пятая часть этой суммы 889.500 р. 60 к. На одинъ годъ это—сумма значительная; но вѣдь если истратить ее въ одинъ годъ, то на другой опять будетъ такая же скудость. Остается слѣд. обратить эту сумму на проценты, которыхъ, полагая по 4% на 100, будетъ въ годъ 35,580 р. 2 к. — сумма такъ незначи-

для кого не секретъ, что большая часть экономическихъ или кошельковыхъ суммъ церковныхъ составилась при церквахъ и монастыряхъ изъ отнесенія въ число этихъ суммъ и доходовъ свѣчныхъ: такимъ образомъ духовно-учебное вѣдомство лишь воротило бы часть своей же суммы, если бы взяло часть экономическихъ церковныхъ суммъ. По отношенію къ кладбищенскимъ церквамъ это было бы еще справедливѣе, потому что тѣ до сихъ поръ не представляли свѣчной прибыли, и безобиднѣе, потому что ихъ капиталы успѣли составиться значительные.

Въ Англіи и особенно въ Америкѣ огромныя учебныя заведенія основаны и содержатся на частныя бла-

---

тельная, что въ общей массѣ почти не замѣтна. Предположимъ, что запасный экономическій капиталъ церквей вдвое или даже втрое больше этой суммы (предполагать его еще болѣе едва ли возможно), все таки проценты съ подобнаго капитала очень мало могутъ улучшить состояніе духовно-учебныхъ заведеній. А между тѣмъ отобравши однажды пятую часть капитала, принадлежащаго церквамъ, можно на нѣсколько лѣтъ подорвать довѣріе прежде всего у лицъ, ближайшимъ образомъ завѣдывающихъ этими капиталами, а за тѣмъ и у самихъ жертвователей,—и кто знаетъ, не сократится ли послѣ этого и количество самыхъ пожертвованій? Далѣе—отобраніе пятой части капиталовъ отъ церквей, совершенное тѣмъ путемъ, какой указываетъ авторъ, одинаково должно простереться на всѣ церкви. А между тѣмъ извѣстно, что большинство церквей само терпитъ крайнюю нужду. Съ этого большинства придется собирать буквально копѣйками, которыя, не принося никакой замѣтной пользы, могутъ только произвести неудовольствіе и ропотъ въ народѣ, какъ всякая вообще принудительная мѣра. — Мимоходомъ замѣтимъ, что такими же послѣдствіями будетъ сопровождаться всякой усиленный надзоръ за доставленіемъ свѣчной прибыли. Съ этой стороны мы не видимъ большой пользы въ тѣхъ проектахъ свѣчнаго сбора, которые, доводя регламентацію по свѣчной прибыли до послѣдней крайности, на бумагѣ обѣщаютъ значительныя выгоды. Не секретъ, конечно, что большая часть свѣчной прибыли перечисляется въ кошельковую сумму; но не секретъ и то, что безъ этого, невольнаго при существующемъ порядкѣ, обмана, огромное большинство церквей вовсе не можетъ содержаться. Предположимъ, что

готворенія. Была и у насъ пора, когда подобныя благотворенія со стороны монастырей и частныхъ лицъ были не рѣдкостію. Напримѣръ, предокъ нашей академіи, послѣ разнообразныхъ измѣненій преобразившійся въ с. петербургскую духовную академію, *Александроневская Словесная школа*" содержалась насчетъ александроневскаго монастыря. И въ послѣдствіи, когда она была переименована въ семинарію, на *содержаніе профессору и грамматисту и сторожу въ жалованье и школьникамъ на одежду положено было собирать деньги за погребальныя въ Невскомъ монастырѣ мѣста* ([1]). Послѣ, когда въ 1732 году было положено на семинарію 1697 р. и 42 четверти хлѣба изъ вотчинныхъ мона-

---

усиленнымъ надзоромъ прекратятся эти незаконныя *юридически* перечисленія: но что станете вы дѣлать, когда къ вамъ будутъ поступать одно за другимъ представленія о невозможности поддерживать церкви, а во многихъ мѣстахъ и просто отправлять богослуженія? Едва вѣроятно, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что,—кажется, не ошибемся, если скажемъ, — въ четвертой части сельскихъ церквей такъ называемой кошельковой суммы не достаетъ на обыкновенные расходы при всякомъ богослуженіи, и въ особенности при совершеніи литургіи, — разумѣемъ расходы на уголья, свѣчи, ладонъ, просфоры и вино. — По нашему крайнему убѣжденію, всякія принудительныя мѣры принесутъ въ этомъ случаѣ больше вреда, чѣмъ пользы. Много лучше было бы, когда бы духовенство наше, понимая всѣ нужды духовно-учебныхъ заведеній, дѣйствительно доходящія иногда до крайности, добровольно позаботилось улучшить ихъ положеніе и обезпечить приличнымъ образомъ и наставниковъ своихъ дѣтей,—а для этого лучшее средство—сблизить епархіальное духовенство съ нашими учебными заведеніями, предоставивши каждой епархіи самой озаботиться содержаніемъ нужныхъ для ней духовныхъ школъ. Кромѣ выгодъ въ матеріальномъ отношеніи, мѣра эта принесла бы безспорно не малую пользу и въ отношеніи къ самому духу духовно-учебныхъ заведеній.—Предположенія эти, какъ извѣстно, высказаны и развиты съ довольною подробностію въ комитетѣ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Остается желать, чтобы сдѣланы были скорѣе какія либо распоряженія по этимъ предположеніямъ. *Прим. ред.*

([1]) Истор. Акад. стр. 69. 70. 71.

стырскихъ доходовъ, хозяйства семинаріи и монастыря тоже не были строго разграничены. До самаго 1742 г. жалованье наставникамъ производилось изъ суммъ монастыря, а въ 1740 г. было донесено Ея Величеству, что они всѣ содержатся на счетъ монастыря и одѣваются тожъ, исключая небольшаго числа священническихъ и дьяконскихъ дѣтей, которые одѣваются отъ отцовъ. Такъ было не съ здѣшней только семинаріей, но и съ провинціальными до окончательнаго отобранія въ казну духовныхъ имуществъ,—грустное—историческое событіе, порвавшее связь между монастырями и духовными училищами. Частныя лица дольше продолжали свои благотворенія духовно-учебнымъ заведеніямъ. Напримѣръ, по завѣщанію покойнаго митрополита Гавріила назначенъ на бѣдныхъ учениковъ александроневской академіи и новгородской семинаріи доходъ по ордену св. Андрея Первозваннаго по день его кончины — изъ него на долю академіи отдѣлено было 1065 р. По завѣщанію преосвященнаго Евгенія, костромскаго епископа, поступило 150 р. на бѣднѣйшихъ учениковъ академіи и 100 на содержаніе русской школы, зависѣвшей отъ академіи. 1804 г. вологодскій борисоглѣбскій архимандритъ Иннокентій принесъ въ даръ академіи — на пользу неимущихъ питомцевъ ея — 100 р. Въ 1806 г. сдѣлалъ такое же приношеніе священникъ Симеоновской церкви Дмитрій Песоцкій. Въ исторіи академіи есть еще драгоцѣнное извѣстіе, относящееся къ 1807 г. Архимандритъ Израиль, намѣстникъ лавры, предоставилъ свое жалованье, по должности префекта академіи, въ распоряженіе послѣдней; а протоіереи Налимовъ, Дьяконовъ, Кирилловъ и Вигилянскій преподавали въ Академіи науки безмездно, полу-

чая только временныя награды. Но когда реформа 1808 г. подвела всѣ духовныя учебныя заведенія подъ начала централизаціи и сдѣлала ихъ вполнѣ казенными, участіе къ нимъ не только со стороны монастырей, но и частныхъ лицъ прекратилось. Общество махнуло на нихъ рукой,—дескать въ казенныя дѣла лучше всего не вмѣшиваться. Семинаріи стали чужими своимъ епархіямъ и городамъ, и по той мѣрѣ, какъ онѣ забывались обществомъ, въ нихъ самихъ терялся духъ жизни и развивались формальность и искуственность. Между монастырями и духовными училищами отъ прежней живой, неразрывной связи осталась связь чисто внѣшняя, т. е. сосѣдство училищныхъ зданій съ монастырскими. А частыя перемѣны начальниковъ, частые выходы наставниковъ во священники вслѣдствіе недостаточности средствъ къ жизни еще болѣе ослабили историческій духъ и преданія училищъ. Что же, спроситъ читатель, изъ всего этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ прежде всего то, что порядокъ подобный, имѣвшій въ свое время смыслъ и принесшій свою долю пользы, теперь требуетъ исправленій, что духовнымъ заведеніямъ надобно воротить ихъ прежнюю связь съ монастырями и обществомъ, что обществу и прежде всего духовенству каждой епархіи надобно предоставить часть заботъ о мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и ихъ нуждахъ, включая въ число послѣднихъ и улучшеніе быта наставниковъ. Тогда въ виду настоятельныхъ нуждъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ школахъ, — нуждъ, повѣренныхъ духовенствомъ мѣстной епархіи, оно не будетъ такъ скупо въ представленіи свѣчной прибыли, тогда богатые монастыри на дѣло просвѣщенія не откажутся жертвовать часть своихъ избытковъ, тогда достаточные

люди изъ духовенства и изъ мірянъ (¹) не отстанутъ отъ монастырей въ пожертвованіяхъ. Люди имѣютъ странное свойство любить не только своихъ благодѣтелей, но любить и принимать участіе въ облагодѣтельствованныхъ: епархіальное общество и преимущественно духовенство тогда бы тѣснѣе связало себя съ своими епархіальными школами и перестало бы ихъ считать чисто казенными и чужими для себя. Тогда епархіи одна передъ другой стали бы соревновать въ усердіи и щедрости приношеній, надѣясь на большія средства найти лучшихъ наставниковъ и въ существующихъ — наградами пробудить бóльшее рвеніе и ставили бы лучшею славою для себя—возможное улучшеніе своихъ учебныхъ заведеній. Въ церквахъ можно было бы даже поставить кружки для сбора подаяній отъ прихожанъ на духовное просвѣщеніе... Вѣдь въ другихъ странахъ учебныя заведенія не стыдятся содержаться на счетъ добровольныхъ приношеній: хорошее воспитаніе всегда возвратитъ обществу проценты съ затраченнаго имъ капитала, — доставляя ему образованныхъ, религіозно-нравственныхъ дѣятелей. Народъ русскій приметъ участіе, мы не сомнѣваемся, въ этомъ дѣлѣ и первыя копѣйки свободнаго труда опуститъ въ приходскую кружку: десятки тысячъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ для

(¹) Въ 1839 г. с. петербургская дух. академія, по случаю празднованія пятидесятилѣтія своего, обратилась къ своимъ бывшимъ воспитанникамъ съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ на составленіе особаго капитала, и въ непродолжительное время собрано было до 10,000 руб. Почетные блюстители при духовныхъ заведеніяхъ, какъ видно изъ оффиціальныхъ донесеній, такъ же дѣлаютъ значительныя пожертвованія. Факты эти показываютъ, что и духовные и міряне не прочь отъ пожертвованій въ пользу духовно-учебныхъ заведеній.

простаго народа, съ сотнями тысячъ учащихся въ нихъ, уже сблизили интересы духовенства и народа. Народъ знаетъ, кто ему можетъ и желаетъ самоотверженно дѣлать добро. Священники и семинаристы открываютъ для него безмездныя школы и жертвуютъ свои деньги на первоначальныя учебныя пособія: народу не трудно будетъ понять и ему легко будетъ растолковать, что, улучшая бытъ духовно-учебныхъ заведеній, онъ будетъ улучшать своихъ будущихъ учителей въ вѣрѣ и просвѣщеніи. Собранныя такимъ образомъ пожертвованія въ каждой епархіи могли бы итти на улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній тойже епархіи, а такимъ образомъ было бы положено начало самоуправленію духовныхъ епархіальныхъ семинарій и уѣздныхъ училищъ, потому что этими суммами распоряжались бы духовные, выбранные мѣстнымъ духовенствомъ, депутаты. Тогда у мѣстой власти были бы и право и средства помочь добросовѣстному наставнику семинаріи или училища въ случаѣ какой нибудь нечаянной бѣды, давать за усердіе награды къ Пасхѣ или къ Рождеству, какъ онѣ напр. при митрополитѣ Амвросіѣ выдавались [1] въ 1807 г. наставникамъ нашей академіи, тогда бы добросовѣстно и честно трудящійся профессоръ, подобный Петру Ивановичу, и когда жилъ, не страдалъ бы отъ недостатка средствъ, и когда умеръ, не оставилъ бы своей семьи на жертву бѣдности и не нужно было бы взывать къ частной благотворительности; тогда талантливые и ученые профессоры и наставники—по призванію избравшіе для себя эту должность, не были бы вынуждены, подобно Юркевичу и покойному, выходить

---

[1] Ист. Спб. Ак. Д. стр. 156.

изъ духовно-учебныхъ заведеній въ свѣтскія, тогда противъ наглаго кощунства свѣтской учености и литературы нашлись бы въ рядахъ духовныхъ наставниковъ способные и энергическіе защитники Вѣры и Церкви.

А. Предтеченскій.

ИЗВѢСТІЕ

ОБЪ ОТКРЫТІИ ЖЕНСКАГО УЧИЛИЩА ВЪ ГОРОДѢ АРЗАМАСѢ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ уѣздномъ городѣ Арзамасѣ (нижегородской губерніи), состоящемъ изъ 7500 жителей всякаго званія и обоего пола, издавна существуютъ, кромѣ духовнаго, городскія училища, одно уѣздное, и два приходскихъ, исключительно для мальчиковъ, сверхъ того въ нынѣшнемъ году открыта воскресная школа, постоянно посѣщаемая очень многими мальчиками и взрослыми. Но доселѣ не было никакого заведенія для образованія и воспитанія дѣвицъ. Штатный смотритель уѣзднаго училища г. Раевскій въ 1860 году первый обратилъ вниманіе на это и первый высказалъ мысль о необходимости училища для дѣвицъ. Мысль свою г. Раевскій сообщилъ тогдашнему уѣздному предводителю дворянства, и градскому головѣ: начальствующія лица отозвались радушіемъ, городское общество приняло предложеніе объ учрежденіи женскаго училища съ благодушною готовностію на жертвы: но осуществленіе столь полезной думы по причинѣ переписки совершилось не прежде, какъ 25 марта сего года, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Извѣщенные чрезъ духовенство и градскую полицію жители всякаго званія собрались въ воскресенскій соборъ съ дѣтьми женска-

го пола въ великомъ множествѣ; послѣ Божественной литургіи соборное духовенство съ святыми иконами, подъ сѣнію хоругвей, въ облаченіи, съ пѣніемъ тропаря: *благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей*, и проч. отправилось въ домъ почетнаго блюстителя, купца Будылина, назначенный для помѣщенія училища.

Во время священнодѣйствія, по прочтеніи Евангелія, мѣстный благочинный, воскресенскаго собора протоіерей Іоаннъ Сахаровъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Радуясь вмѣстѣ съ вами и за васъ, сограждане, объ открытіи здѣсь дѣвическаго училища, хотѣлъ бы я прежде всего привѣтствовать начальствующихъ представителей общества, и самое общество, съ осуществленіемъ благородной думы: но долгъ священнослужителя, приносящаго съ вами, сограждане, за васъ, и за дѣтей вашихъ, молитвы и благодаренія Царю небесному, а равно сочувствіе къ настоящему, неизъяснимо-благотворному событію, вызываетъ изъ сердца одно краткое слово, простое. у радующихся весьма обыкновенное: слава Богу! Да! слава Господу Богу, благословившему рачителей общаго блага въ исполненіи дѣла, задуманнаго къ чести общества, къ радости отцевъ и матерей, къ пользѣ юнаго дѣвическаго поколѣнія. Слава Богу! —Отъ престола небеснаго, куда въ сіи минуты возносятся славословія наши, мысленный взоръ каждаго изъ насъ естественно спускается на свѣтоносный царственный престолъ, откуда льющіеся живительные лучи державныхъ заботъ и благоволеній, согрѣвая высшія святилища наукъ, въ тоже время плодятъ во всѣхъ частяхъ имперіи въ различныхъ размѣрахъ духовныя и свѣтскія, градскія и сельскія училища: и вотъ, подъ

вліяніемъ сихъ благодатныхъ лучей и у насъ, послѣ давнихъ отроческихъ училищъ, возникло небывалое доселѣ училище для дѣвицъ. Отрадное явленіе! Это по истинѣ разсадникъ цвѣтовъ, обѣщающій вкусные и здоровые плоды. Здѣсь найдутъ первое озареніе и дѣтскій умъ, и юное сердце. Здѣсь воспитанницы познаютъ прочныя начала Боговѣденія и евангельскаго нравоученія, ознакомятся съ отечествомъ, болѣе внимательныя измѣрятъ мыслію и широту и долготу всего земнаго шара; поймутъ науку отчетливаго употребленія хозяйства, какимъ могутъ располагать современемъ; съ тѣмъ вмѣстѣ научатся полезнымъ рукодѣліямъ. Слава Богу! Слава и Августѣйшему Покровителю наукъ, Державному Строителю народнаго блага!

Воздавши Божія Богови, и Кесарева Кесареви, обратимъ вниманіе и на нашъ общественный кругъ, на это молящееся, и вкупѣ торжествующее собраніе. Честь и благодарность просвѣщенно-благороднымъ душамъ, которымъ дано было усвоить себѣ и проявить въ обществѣ высокую мысль объ учрежденіи въ нашемъ городѣ дѣвическаго училища!

Честь и хвала почтенному обществу, давшему на эту святую мысль радушный отголосокъ, и потомъ средства—осуществить важнѣйшую по послѣдствіямъ думу!

А что же родителямъ и родственникамъ, видящимъ предъ собою открытое святилище для образованія дочерей и родственницъ ихъ? Имъ въ настоящемъ радость, вдали свѣтлыя надежды. Радость: потому что ни собственныя развлекающія занятія, ни даже бѣдность, кого тѣснитъ она, не будутъ служить имъ преградами къ полезному, и, смѣю сказать, душеспасительному воспитанію дѣвицъ. Свѣтлыя надежды: родители и род-

ственники дѣвицъ теперь же могутъ утѣшиться отрадною мыслію, что живые ихъ камни, по существу дорогіе, но закрытые корою, очистятся отъ грубой оболочки, и, можетъ быть, просіяютъ, какъ многоцѣнные перлы.

Какое веселіе лелѣять у сердца умную дочь или внуку! Дитя, осіянное наукою, въ нѣдрахъ самаго семейства, разумѣется, благочестиваго, какъ нѣжный цвѣтокъ разольетъ въ родномъ кругу пріятное благоуханіе. Добрая мать въ часы, свободные отъ рукодѣлій, конечно заставитъ умную дочь прочитать для всей семьи либо главу изъ Евангелія, либо повѣствованіе книги священныхъ бытописаній, либо назидательное поученіе. Благочестивая семья съ молитвою послушаетъ, какъ юная дѣвица читаетъ—воставъ отъ сна утреннія, отходя ко сну вечернія молитвы, какъ непорочными устами славословитъ она Спасителя, Божію Матерь и угодниковъ Божіихъ — въ акаѳистахъ, канонахъ и умилительныхъ молитвахъ. Такимъ образомъ христіанское благочестіе, какъ духовный ароматъ, повѣетъ и будетъ разливать благоуханіе и тамъ, гдѣ простота, чуждая всякаго образованія, дремала во мракѣ невѣжества.

Ежели такъ милы, такъ значительны цвѣты образованной дѣвической юности, то какъ сладки, какъ питательны плоды, постепенно растущіе и созрѣвающіе на этомъ молодомъ стеблѣ! Ознакомленная съ книгами, хотя и не мудреными, но питательными для души, дѣвица и въ зрѣлыхъ лѣтахъ безбѣдно пройдетъ по скользкой дорогѣ жизни, потому что заранѣе пріучилась бояться Бога, дорожить честію, любить полезное чтеніе, прилежать къ честному рукодѣлію, и вообще уважать благонравіе. Наученная заповѣдямъ Божіимъ, она всег-

да скромна, благообразна въ обращеніи, всегда доброхвальна по поведенію въ свѣтѣ.

Вступаетъ ли такая дѣвица по указанію промысла Божія въ новый, дотолѣ незнакомый ей періодъ жизни, и въ новыя обязанности? Здѣсь она безцѣнный даръ Божій для супруга, заботливая и благоразумная распорядительница домашняго хозяйства, утѣха семейства, похвала новаго родства, украшеніе общества. Благословилъ ли Господь юную супругу чадородіемъ? Она первая и самая лучшая наставница дѣтей. Отецъ, въ какомъ бы званіи ни былъ, отвлекаемый обязанностями службы, или занятіями промышленности и торговли, нерѣдко отрывается изъ среды семьи, и только по временамъ можетъ радоваться, смотря на всходы и ростъ сѣмянъ, посѣянныхъ въ младенческихъ сердцахъ материнскими трудами. А здравомыслящая и благочестивая мать, питая младенца изъ груди своей, съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ питать его и словеснымъ нелестнымъ млекомъ; она первая учитъ нѣмотствующій языкъ произносить прежде всего всесвятое имя Божіе, а потомъ ставитъ сына или дочь съ собою на домашнюю молитву, водитъ на службы въ храмъ Божій, охраняетъ нѣжный языкъ отъ всякаго неблагопристойнаго слова, нѣжныя очи отъ всякаго лукаваго зрѣнія, нѣжный слухъ отъ глаголъ неподобныхъ, нѣжное сердце отъ нравственной порчи. Страхъ Божій, честность въ общежитіи, трудолюбіе, избавляющее отъ нищеты, вотъ начала, на которыхъ умная и добрая мать основываетъ домашнее воспитаніе дѣтей! Такимъ образомъ она готовитъ Богу и Церкви благовѣрныхъ чтителей, обществу честныхъ гражданъ, родству честь, себѣ и мужу покой и веселіе.

Вотъ плоды дѣвическаго воспитанія, когда оно основано на внушеніяхъ Премудрости, яже есть страхъ Божій.

Родители, желающіе истиннаго счастія дѣтямъ! Ведите сюда вашихъ дочерей-малютокъ, дабы ознакомить ихъ съ образованіемъ ума и сердца, и вмѣстѣ съ полезными рукодѣліями, а себѣ пріобрѣсти честь, радость и благословеніе отъ Господа."

Весьма пріятно было видѣть, какъ во время молебна многія женщины и даже мущины плакали отъ радости и умиленія. По окончаніи священнодѣйствія приступили къ штатному смотрителю многія матери съ просьбою—записать дочерей ихъ въ число учениц; и записано на мѣстѣ молитвы болѣе 40 дѣвицъ. По говору, кокой слышится въ народѣ, можно надѣяться, что по минованіи страстной и свѣтлой седмицы, равно и по просухѣ, будетъ въ училищѣ не менѣе ста ученицъ. Такъ радушно принято въ нашемъ православномъ городѣ отрадное, небывалое здѣсь учрежденіе женскаго училища.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода $^{11}/_{26}$ іюля 1862 года постановлено: преподать благословеніе Святѣйшаго Сvнода церковному старостѣ, рузскаго уѣзда, села Теплаго, Знаменской церкви, губернскому секретарю Николаю Соймонову, за пожертвованіе имъ въ означенную церковь болѣе 10,290 руб. сер.; $\frac{25 \text{ іюля}}{4 \text{ августа}}$: купцу Василію Синявину, за устройство въ городѣ Боровичахъ, вмѣсто существовавшей деревянной, каменной часовни во имя Живоначальныя Троицы; $^{3}/_{10}$ августа: неизвѣстному, пожертвовавшему на ковчегъ къ гвоздю Господню, хранящійся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, бриллiантовую звѣзду, состоящую изъ 17 камней болѣе или менѣе крупныхъ и 114 болѣе или менѣе мелкихъ, и оцѣненную въ 500 рублей; $^{18}/_{31}$ іюля: церковному старостѣ ржевскому 3-й гильдіи купцу Никандру Бересневу, за пожертвованіе въ ржевскую Знаменія Божіей Матери, что въ Тюремномъ замкѣ, церковь разными вещами до 538 рублей; $^{6}/_{18}$ августа: крестьянину починка Дресвяновскаго, кугупурскаго участка Сосновской волости, котельническаго уѣзда Хрисанѳу Кодочигову, пожертвовавшему въ 1861 году, въ пользу церкви села Арбажскаго: 1) напрестольный серебряный позлащенный крестъ, вѣсомъ 2 фунта 47 золотниковъ, стоющій

90 рублей серебромъ; 2) Евангеліе, обложенное позлащеннымъ серебромъ, вѣсящимъ 11 фун. 32 золот., стоющее 500 руб. сер.; 3) двѣ хоругви на серебряномъ бѣломъ глазетѣ съ серебряной бахрамой и кистями, стоющія 60 рублей серебромъ; 4) двѣ хоругви на зеленой шелковой матеріи съ апликовою бахрамою и кистями, стоющія 30 руб. серебромъ; 5) запрестольную трехсвѣчную мѣдную посеребреную лампаду, стоющую 60 руб. сер.; 6) Евангеліе, въ 8-ю долю листа, съ мѣдными клеймами, стоющее 3 руб. сер., а всего на 749 руб. сер., и сверхъ того, въ 1855 году, на заведеніе колокола къ означенной церкви 500 пудовъ ржи и 200 пудовъ овса; отъ 22 августа/5 сентября: церковному старостѣ московской николаевской, въ Покровскомъ, церкви, купцу Никитѣ Смирнову, за усердную его службу въ должности церковнаго старосты и пожертвованіе въ пользу церкви; 7/18 сентября: церковному старостѣ московской николаевской, въ Котельникахъ, церкви, временно московскому купцу, отставному каптенармусу Алексѣю Панину, за усердную его службу въ должности церковнаго старосты, соединенную съ пожертвованіемъ изъ своей собственности въ пользу церкви.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 26 іюля положено: преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода: почетнымъ блюстителямъ по хозяйственной части, при касимовскомъ училищѣ—потомственному почетному гражданину Сергію Карсакову и при рязанскихъ училищахъ—потомственному почетному гражданину Александру Антонову, изъ которыхъ первымъ пожертвовано въ пользу этихъ училищъ вещами и деньгами на 708 руб., а вторымъ—на 494 руб. 92½ коп. и кромѣ того заботливостію и стараніемъ послѣдняго, при торгахъ на поставку

припасовъ, отъ пониженія цѣнъ соблюдено экономіи до 222 руб.; 8-го августа: почетному блюстителю по хозяйственной части при кишиневской семинаріи и состоящемъ при ней уѣздномъ училищѣ, 2-й гильдіи купцу Григорію Матускову и живописцу, тамошнему мѣщанину, Арсенію Коваленко, которые оказали пособія кишиневской семинаріи и училищу: первый пожертвованіемъ вещей на сумму 450 р. с., а второй постройкою для семинарской церкви иконостаса, стоющаго до 1000 р. с., за который онъ, при своей всѣмъ извѣстной бѣдности, взялъ въ уплату отъ строительнаго по церкви комитета только 500 р. сер.; 17-го сентября: почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части при духовно-учебныхъ заведеніяхъ: а) старобѣльскому 1-й гильдіи купцу Димитрію Кузнецову—за пожертвованіе въ пользу харьковской семинаріи 900 рублей, б) харьковскому потомственному почетному гражданину Семену Ковалеву, за пожертвованіе въ пользу харьковскаго духовнаго училища деньгами 300 рублей и вещами на 75 рублей, и в) купеческому сыну Николаю Дунаеву—за пожертвованіе 700 рублей въ пользу купянскаго духовнаго училища.

— Преосвященный Платонъ, епископъ костромской. донесъ Святѣйшему Сvноду, что преосвященный митрополитъ кіевскій пожертвовалъ: а) 3,000 рублей въ пользу костромской духовной семинаріи, съ тѣмъ, чтобы сумму эту внести на вѣчныя времена въ кредитное учрежденіе, и на проценты съ оной по $4\frac{1}{2}$ на рубль (135 р.) содержать одного изъ бѣдныхъ, отличныхъ по поведенію, прилежанію и успѣхамъ, учениковъ семинаріи, на что употреблять 75 рублей, а на остальныя около 60 рублей покупать для имѣющейся ученической библіо-

теки полезныя духовныя книги, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, и б) 1,500 рублей серебромъ въ пользу трехъ церквей костромской епархіи по 500 рублей на каждую, а именно: костромскаго уѣзда села Воронья и галичскаго погоста Воскресенье - Бартенившины и села Сигондина, съ тѣмъ, чтобы деньги эти внесены были въ государственный банкъ, а процентами отъ оныхъ пользовались причты тѣхъ церквей за поминовеніе его самого и родныхъ его живыхъ и умершихъ. Вслѣдствіе сего опредѣленіемъ Святѣйшаго Сvнода 26-го іюля сего 1862 года, положено: преосвященному митрополиту кіевскому Арсенію, за столь значительное на благое дѣло пожертвованіе, изъявить признательность Святѣйшаго Сvнода.

— Святѣйшій Сvнодъ опредѣленіемъ отъ 5-го сентября сего года положилъ: преосвященному Антонію, архіепископу кишиневскому, за его заботливость объ устройствѣ церкви при кишиневской семинаріи, а также участвовавшимъ въ семъ дѣлѣ пожертвованіями монастырямъ и лицамъ изъявить признательность Святѣйшаго Сvнода.

— Преосвященный архіепископъ воронежскій Іосифъ донесъ Святѣйшему Сvноду, что острогожскаго уѣзда, слободы Криничной, Рождество - Богородицкой церкви дьячекъ Василій Павловскій въ 1839 году, по бѣдности своей и по охотѣ къ подручному труду, открылъ въ своемъ домѣ школу и на первый разъ имѣлъ учениковъ человѣкъ до 15, послѣ того непрерывно до 1861 года обучалъ до 20 и 30 мальчиковъ и дѣвочекъ, получая въ награду за труды самую малость, иногда хлѣбомъ, а иногда и деньгами, посильно, отъ отцевъ тѣхъ дѣтей; 1861 г. онъ, по приглашенію духовнаго и свѣт-

скаго начальствъ, какъ привыкшій къ дѣлу и опытный, совершенно уже безмездно имѣлъ 47 учениковъ и учениць, и къ маю мѣсяцу сего года у него 42 человѣка обучены чтенію, изъ коихъ 14 человѣкъ мальчиковъ и 5 дѣвочекъ занимаются чистописаніемъ. Святѣйшій Сунодъ, по выслушаніи сего донесенія, опредѣленіемъ 3-го августа положилъ: преподать Павловскому благословеніе Святѣйшаго Сунода.

— По всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ совѣтѣ министровъ по вопросу — въ чьемъ вѣдѣніи должны находиться народныя училища, Государь Императоръ, выслушавъ сужденіе совѣта, 18-го января 1862 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) учрежденныя нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища оставить въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію оныхъ, по мѣрѣ возможности и 2) оставить на обязанности министерства народнаго просвѣщенія учреждать во всей Имперіи, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны находиться въ вѣдѣніи министерства; при чемъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда министерство народнаго просвѣщенія признаетъ сіе нужнымъ и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе. Святѣйшій Сунодъ, выслушивъ Высочайшее повелѣніе, постановилъ: давъ знать преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ о вышеизложенномъ Высочайшемъ повелѣніи, относительно завѣдыванія народными училищами, предписать имъ, преосвященнымъ, объявить ввѣренному имъ духовенству, что Святѣйшій

Сvнодъ не можетъ не отдать полной справедливости тому похвальному самоотверженію, съ которымъ духовенство посвятило себя дѣлу народнаго образованія. Въ послѣднее время стараніями духовныхъ лицъ учреждены многія тысячи училищъ на самыя ограниченныя средства и большею частію съ пожертвованіями изъ собственнаго весьма скуднаго состоянія. Призывая на сіи ревностныя начинанія и усилія благословеніе Божіе, Святѣйшій Сvнодъ сохраняетъ полную увѣренность, что православное духовенство, проникнутое сознаніемъ истиннаго своего значенія и призванія, останется вѣрнымъ священному долгу учить и наставлять народъ, и постоянно будетъ проводить въ его жизнь религіозно-нравственныя начала, что кроткимъ, отеческимъ обращеніемъ съ учениками, яснымъ и удобопонятнымъ для нихъ преподаваніемъ и внушеніемъ ихъ родителямъ пользы образованія, основаннаго на словѣ Божіемъ, духовенство не перестанетъ поддерживать и заслуживать всеобщее къ себѣ довѣріе для воспитанія народа въ духѣ православія и утвержденія въ немъ нравственныхъ правилъ христіанской жизни. При ожиданіи столь благихъ для государства послѣдствій отъ вліянія духовенства на народное образованіе, Святѣйшій Сvнодъ не сомнѣвается, что, въ силу настоящаго Высочайшаго повелѣнія, министерство народнаго просвѣщенія не откажетъ заведеннымъ и заводимымъ отъ духовенства приходскимъ школамъ въ своемъ содѣйстіи наравнѣ съ открываемыми свѣтскими училищами, что̀ послужитъ духовенству залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія въ священномъ дѣлѣ нравственнаго образованія и назиданія народа.

— Старшій учитель наукъ малолѣтнихъ пѣвчихъ с.

петербургскаго Исаакіевскаго собора Николай Волобуевъ представилъ 500 экземпляровъ брошюры его „О всенощномъ бдѣніи“, для безмездной раздачи по сельскимъ училищамъ. Святѣйшій Сѵнодъ, по выслушаніи сего, опредѣленіемъ 24-го августа положилъ: означенные экземпляры—препроводить къ преосвященнымъ: волынскому, подольскому и минскому по сто экземпляровъ каждому, а къ литовскому двѣсти экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы они розданы были лучшимъ воспитанникамъ сельскихъ приходскихъ училищъ. За тѣмъ учителю Волобуеву, за означенное его пожертвованіе, преподать благословеніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Вслѣдствіе ходатайства преосвященнаго Александра епископа полтавскаго, опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода 7-го сего августа разрѣшено изданіе Полтавскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей по представленной имъ, преосвященнымъ, программѣ.

— Государь Императоръ, въ 8-й день сего сентября, Всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить викарія новгородской епархіи епископа старорусскаго Ѳеофилакта къ ордену св. Владиміра 3-й степени.

— Государь Императоръ, въ 25-й день августа сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ сопричислить протоіерея лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка Николая Самчевскаго къ ордену св. Анны 3-й степени.

— Государь Императоръ, въ 4-й день сего августа, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода, отъ 4/10 минувшаго іюля, объ учрежденіи въ городѣ Старобѣльскѣ, вмѣсто существующей тамъ нынѣ богадѣльни, женской общины, подъ наименованіемъ Старобѣльской Скорбященской, и объ укрѣпленіи за сею общиною жертвуемаго въ пользу оной отъ

вдовы штабсъ-капитана Буличь усадебнаго мѣста съ постройками, огородомъ и садомъ въ городѣ Старобѣльскѣ.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. оберъ-прокурора, согласно съ постановленіемъ Святѣйшаго Сѵнода отъ $^{8}/_{18}$ августа сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: служащимъ въ пермской семинаріи начальникамъ и наставникамъ производить содержаніе наравнѣ съ служащими въ с. петербургской семинаріи, съ отнесеніемъ такого расхода на счетъ духовно-учебнаго капитала.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода, 22-го августа 1862 года, положено: на открывшіяся въ кіевской духовной академіи должности инспектора и профессора богословскихъ наукъ опредѣлить баккалавра той академіи архимандрита Сильвестра.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода, 31-го августа 1862 года, положено: инспектора литовской семинаріи архимандрита Іоанна опредѣлить намѣстникомъ виленскаго Свято-Духова монастыря и благочиннымъ монастырей виленской и ковенской губерніи, съ увольненіемъ отъ духовно-училищной службы, а на его мѣсто инспекторомъ литовской семинаріи назначить инспектора минской семинаріи архимандрита Модеста.

— Опредѣленіемъ Святѣйшаго Сѵнода, 3-го сентября 1862 года, положено: инспектора и наставника черниговской семинаріи игумена Іоасафа, опредѣлить на должность ректора и наставника богословскихъ наукъ въ пензенскую семинарію, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и назначеніемъ настоятелемъ третьекласснаго Спасо-Преображенскаго монастыря. За тѣмъ инспекторомъ черниговской семинаріи назначить инспектора воронежскаго духовнаго училища іеромонаха Веніамина.

— Уволены отъ духовно-училищной службы по прошеніямъ: 15-го сентября: учитель ярославской семинаріи Иванъ Ростиславовъ, учитель рязанской семинаріи Алексѣй Моревъ, учитель калужской семинаріи Димитрій Рождественскій и учитель владимірской семинаріи Михаилъ Соловьевъ; 18-го сентября: профессоръ орловской семинаріи Алексѣй Богословскій и профессоръ черниговской семинаріи Захарій Шморгуновъ.

I.

СЛОВО

НА ДЕНЬ СВ. ПАВЛА ИСПОВѢДНИКА (¹).

Св. Церковь, собравшая насъ нынѣ для прославленія памяти исповѣдника Христова Павла и для молитвеннаго общенія съ нимъ предъ Господомъ, въ торжественной пѣсни своей къ празднуемому святителю взываетъ: *свозопіетъ ти и Авель ко Господу и Захаріина кровь праведная.* Значитъ, есть нѣчто общее между смертію указанныхъ праведниковъ, послужившихъ истинѣ Христовой даже до пролитія своей крови.

О первомъ т. е. Авелѣ апостолъ Павелъ сказалъ, что онъ вѣрою принесъ Богу лучшую жертву. нежели Каинъ... и что ею онъ и по смерти говоритъ еще (Евр. 4, 4). Какое божественное сокровище въ душѣ нашей— вѣра! Говоритъ цѣлые вѣки и тысящелѣтія, и говоритъ о томъ, что всего отраднѣе человѣчеству—что сѣющіе здѣсь со слезами, тамъ съ радостію пожинаютъ и что нѣтъ скорби въ мірѣ, которая бы не была съ преизбыткомъ вознаграждена въ жизни вѣчной. — что это, какъ не даръ Божій, и даръ единственно только вѣрою намъ усвояемый и постигаемый нами не иначе. какъ посредствомъ той же вѣры? Вѣрою Авель и по

(¹) Память его 6 ноября.

смерти говоритъ еще. — конечно, въ ободреніе и утѣшеніе всѣхъ авелей земли, всѣхъ тѣхъ, которые, любя истину и добро и служа имъ отъ всего сердца и по чистой совѣсти, не только не видятъ сочувствія себѣ. но часто бываютъ укоряемы, гонимы и преслѣдуемы за то, что они не увлекаются всякимъ вѣтромъ мнѣній и ученій человѣческихъ, но стоятъ, и стоятъ твердо на не подвижномъ камнѣ исповѣданія Христова.

О второмъ, т. е. Захаріи, свидѣтельствуетъ самъ Спаситель, обличая лицемѣріе и злобу фарисеевъ и вообще беззаконныя ихъ дѣла: придетъ на васъ, говорилъ Онъ, вся кровь праведная, пролитая на землѣ. отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ (Мат. 23, 35). На этого новаго Авеля какой Каинъ поднялъ свою руку? Древнѣйшее преданіе Церкви говоритъ, что это сдѣлали слѣпые ревнители буквы законной, которые не умѣли и не хотѣли принять и оцѣнить радостной вѣсти Захаріи о Спасителѣ міра, воплотившемся отъ святой Дѣвы. Чудное дѣло! Виѳлеемскіе пастыри съ благоговѣніемъ и радостію спѣшатъ къ убогому вертепу; а учители и вожди этихъ, такъ называемыхъ. слѣпыхъ, сами погружены въ такой мракъ, что не только отвергаютъ вѣсть о родившейся Радости для всего міра. но еще спѣшатъ пролить кровь свидѣтеля истины!

Видите, бр., что гдѣ вѣра, какъ-бы она ни была проста. только была бы искрення и чистосердечна, тамъ свѣтъ и истина; гдѣ безвѣріе, какимъ-бы оно лоскомъ ни прикрывалось, тамъ тьма и ложь; и этой тьмы не можетъ прогнать никакое просвѣщеніе и никакая образованность! Какоежъ величайшее бѣдствіе жить на землѣ безъ вѣры! И это бѣдствіе еще болѣе плачевно потому. что ревнители безвѣрія, подобно древнимъ фарисеямъ. всегда готовы съ самоувѣренностію отвѣчать каждому: *не ужели и мы слѣпы?* (Іоан. 9, 40). Господь и Спаситель міра, исцѣливъ слѣпаго отъ рожденія и живою его вѣрою посрамивъ надменныхъ своимъ знаніемъ фа-

рисеевъ. для большаго разъясненія и приложенія къ нашей жизни этого славнаго чуда, сказалъ: на судъ пришелъ Я въ міръ сей, чтобъ невидящіе видѣли, и видящіе стали слѣпы (Іоан. 9, 39).—И на это многознаменательное и истинно цѣлебное для насъ слово послѣдовалъ тотъ гордый и полный самообольщенія отвѣтъ: не ужели и мы слѣпы? Примѣчайте, братіе, какъ сильна увѣренность въ своемъ знаніи и въ своей непогрѣшимости. Мало того, что сами отвергаютъ спасительную истину, приводящую ихъ въ сознаніе ихъ заблужденія; но еще хотятъ, чтобъ мракъ ихъ души распространялся на все ихъ окружающее, чтобъ все имъ сочувствовало. Не ужели и мы слѣпы?—какъ-бы такъ говорятъ они: „хороши-же слѣпцы, желательно, чтобъ такихъ слѣпцовъ было болѣе и болѣе.“ Но оставимъ тѣхъ, которые намѣренно бѣгутъ отъ истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, а вслушаемся лучше въ то, что верховный Врачь нашей души и тѣла сказалъ по этому случаю: еслибъ вы были слѣпы т. е. сознавали свою бѣдность и безсиліе въ добрѣ, то не имѣли бы на себѣ грѣха; но какъ вы говорите, что видите т. е. все знаете и не имѣете нужды ни въ чьемъ руководствѣ, то грѣхъ остается на васъ (41 ст.).

Святитель Христовъ Павелъ, пастырь добрый, положившій душу свою за овцы! къ вѣщаніямъ древнихъ мучениковъ ты присоединилъ и свой голосъ, и уже полторы тысячи лѣтъ — сынамъ православія — вѣщаешь устами матери нашей Церкви. Чтожь мы можемъ изъ твоихъ вѣщаній, изъ твоего служенія истинѣ Христовой, извлечь для себя поучительнаго и спасительнаго? Многое и многое... но вотъ одно, что̀ объемлетъ все твое служеніе и что содѣлало тебя *сетиломъ* каѳолической Церкви, за которую ты пострадалъ,—это сердечная увѣренность въ томъ, что *Церковь* есть *столпъ и утвержденіе истины*. Вотъ неподвижный камень, на которомъ окрѣпло и утвердилось твое исповѣданіе божественной Вѣры.

Кто исповѣдуетъ Меня предъ человѣками, говоритъ Господь, того и Я исповѣдую предъ Отцемъ моимъ небеснымъ. И въ другомъ мѣстѣ: создамъ церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ея (Матѳ. 16, 18). Поэтому апостолъ Павелъ называетъ ее — то домомъ Божіимъ, то Церковію Бога живаго, то столпомъ и утвержденіемъ истины (1 Тим. 3, 15). Чтожь отсюда слѣдуетъ, какая вытекаетъ для насъ обязанность? Та, христіане братія, что исповѣдникъ имени Христова, или истинный христіанинъ есть и долженъ быть въ тоже время покорный и послушный сынъ Церкви. Нельзя, любя господина, не любить его дома; кому дорогъ и любезенъ господинъ, тотъ непремѣнно будетъ съ любовію входить и въ его жилище. Если я сердцемъ и устами исповѣдую, что Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ коихъ я первый (1 Тим. 1, 15); то могу-ли я чуждаться Церкви, которая хранитъ для меня эту драгоцѣнную истину? Если я знаю и открыто признаю, что въ Іисусѣ Христѣ сокрыты для насъ всѣ сокровища премудрости и вѣденія (Колос. 2, 3); то могу-ли я, предаваясь той или другой наукѣ, тому или другому знанію, смотрѣть на Церковь, какъ на учрежденіе чуждое для меня и не имѣющее ничего общаго съ моимъ служеніемъ? Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ—и простыхъ и ученыхъ. *Во свѣтѣ твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. 35, 10), и узримъ всѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которые сами бѣгутъ отъ этого свѣта и не хотятъ имъ пользоваться. *Я свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12), сказалъ самъ Господь: внѣ свѣтлаго и живоноснаго ученія Его нѣтъ для насъ человѣковъ ни свѣта, ни истины.

И потому, въ заключеніе слова, вознесемъ молитвенно-благодарственную пѣснь св. Церкви къ Начальнику жизни и Совершителю нашего спасенія: *Ты Господи, мой свѣтъ, въ міръ пришелъ еси, Свѣтъ святый, обращаяй изъ мрачна невѣдѣнія вѣрою воспѣвающія Тя.* Аминь.

II.

ВИЛЕНСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО.

(*Окончаніе*).

б) при Ипатіѣ Поцѣѣ (1599—1613 г.).

Въ 1599 году умеръ митрополитъ Михаилъ Рогоза; мѣсто его занялъ въ томъ же году владимірскій и брестскій епископъ Ипатій Поцѣй. Еще въ санѣ епископа онъ болѣе другихъ западно-русскихъ іерарховъ трудился для уніи, ѣздилъ для утвержденія ея въ Римъ и въ послѣдствіи при слабомъ митрополитѣ Михаилѣ стоялъ уже во главѣ первыхъ іерарховъ уніятскихъ. Тѣмъ съ большею ревностію онъ взялся за дѣло уніи, когда сдѣлался митрополитомъ и слѣдовательно первымъ представителемъ уніятовъ. Онъ вступилъ на митрополичій престолъ, можно сказать, съ полнымъ сознаніемъ святости и законности уніи и съ горячею ревностію къ ея интересамъ. Считая унію дѣломъ вполнѣ законнымъ, онъ сталъ требовать ей всѣхъ тѣхъ правъ, которыми пользовались православные. Отсюда всѣ православныя церкви и имущества, по мысли Поцѣя, должны были перейти къ церкви уніятской. Чтобы привести свои планы въ исполненіе, Поцѣй долженъ былъ выдержать сильнѣйшую борьбу съ православными, которые не мог-

ли добровольно уступить то, чѣмъ владѣли въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ. Здѣсь-то и скрывается начало тѣхъ безчисленныхъ протестацій и судебныхъ дѣлъ, къ которымъ прибѣгали православные для отстраненія притязаній Поцѣя на церковныя имущества

Вильно, какъ средоточіе православія во всемъ литовскомъ краѣ, первое обратило на себя вниманіе вполнѣ преданнаго интересамъ уніи Поцѣя. Тотчасъ послѣ своего избранія въ санъ митрополичій въ 1599 году 24 сентября, Поцѣй, извѣщая (1) своего намѣстника въ Вильнѣ Іоанна Парѳеновича о своемъ избраніи, требовалъ отъ него свѣдѣній о митрополичьихъ отчинахъ и доходахъ и строгаго подчиненія себѣ всего виленскаго духовенства. Эти требованія Поцѣя встрѣтили себѣ не мало противодѣйствія въ тамошнемъ духовенствѣ, которое видѣло въ новомъ митрополитѣ явнаго измѣнника православію. Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ отношеніяхъ Поцѣя къ городскому духовенству, посмотримъ, въ какое отношеніе поставилъ онъ себя къ виленскому православному братству.

Отношенія эти, какъ показываютъ современные историческіе памятники, были вовсе не миролюбоваго характера. При первомъ же извѣщеніи своего виленскаго намѣстника Іоанна Парѳеновича о своемъ вступленіи на митрополичью каѳедру онъ прямо высказалъ, чего можетъ ожидать отъ него братство за свою твердость въ вѣрѣ и неподатливость всѣмъ притязаніямъ уніатовъ... Первый, на кого обрушился гнѣвъ Поцѣя, былъ братскій проповѣдникъ Стефанъ Зизаній, котораго, какъ мы знаемъ, не мало преслѣдовалъ за сильное противодѣй-

(1) Акт. Запад. Росс. т. IV, № 142.

ствіе унія и Михаилъ Рогоза. Стефанъ Зизаній скоро послѣ смерти Михаила, по просьбѣ братства, снова возвратился въ Вильно и жилъ въ братскомъ домѣ (¹). Личность подобная Зизанію не могла не обратить на себя вниманія новаго митрополита, сильнаго поборника уніи. Поцѣй первымъ своимъ пастырскимъ словомъ предаетъ проклятію Зизанія, повелѣваетъ даже Іоанну Парѳеновичу при содѣйствіи князя Войны запечатать Троицкій монастырь (²), въ которомъ проповѣдовалъ Зизаній, предварительно разузнавши, самъ ли Зизаній возвратился въ Троицкій монастырь или по просьбѣ бурмистровъ. Для бо́льшаго успѣха въ своемъ дѣлѣ Поцѣй писалъ и къ королю съ просьбою утвердить его рѣшеніе относительно Зизанія. Король съ своей стороны писалъ по этому случаю грамоту къ виленскимъ магистратскимъ сановникамъ и мѣщанамъ православной вѣры, требуя у нихъ полнаго подчиненія митрополиту, а относительно Зизанія далъ приказъ, чтобы они немедленно выгнали его изъ монастыря, какъ отлученнаго отъ Церкви, подъ опасеніемъ, въ случаѣ неисполненія королевской воли, уплаты трехъ тысячъ копъ грошей (³), которыхъ одна половина должна была поступить въ пользу короля, а другая въ пользу митрополита. Донесеніе магистрата и справка Іоанна Парѳеновича показали, что Зизаній поселился въ Троицкомъ монастырѣ съ согласія тамошняго архимандрита Іоасафа (⁴) и всего братства. Послѣ этого дѣло Зизанія такъ рѣшительно было поведено, что онъ не имѣлъ болѣе

(¹) Акт. Запад. Росс. т. IV, № 146.
(²) Тамъ-же № 142.
(³) Тамъ-же № 144.
(⁴) Тамъ-же № 145.

возможности жить въ братскомъ монастырѣ. Авторъ Перестроги, описывая бѣдствія, которымъ подвергались православные со стороны уніатовъ, говоритъ: „и Стефана Зизанія, дидаскала школьнаго и казнодѣю, который на васъ волалъ и книжки свои явнѣ друковалъ, обезчестили есте и на его здоровье такъ есте ся закладали, ажъ черезъ коминъ (печную трубу) вытиснувшися утекъ въ Вилна“ (1). Въ это же время должны были удалиться изъ Вильна два братскихъ священника Карпъ и Григорій, которые не хотѣли повиноваться митрополиту-отступнику (2).

Этотъ поступокъ Поцѣя съ Стефаномъ Зизаніемъ и двумя братскими священниками служилъ только началомъ той борьбы, въ которую онъ вступилъ съ виленскимъ братствомъ. Въ 1601 году, по старанію Поцѣя, виленское братство было лишено тѣхъ привилегій, которыя оно получило отъ прежнихъ королей (3). Братство представило на виленскомъ гродскомъ судѣ протестъ, въ которомъ жаловалось на незаконное отнятіе у него правъ и привилегій, о чемъ хлопоталъ предъ канцлеромъ литовскимъ и трибунальный судъ (4). Неуступчивый Поцѣй продолжалъ начатое имъ дѣло: въ скоромъ времени были отняты у братства два его дома — Гомшіевскій и Яцковскій, въ которыхъ братство отправляло свое богослуженіе, содержало священниковъ, больницу и школу. Это побудило братство обратиться къ королевскому суду; поэтому и былъ отправленъ отъ него въ 1603 году депутатъ на генеральный сеймъ, гдѣ

(1) Перестрога. Акт. Зап. Росс. т. IV, № 149, стр. 228.
(2) Акт. Зап. Росс. т. IV, № 159.
(3) Synopsis pod. 1601 r.
(4) Тамъ-же.

сеймъ и заставить всѣ несправедливости по отношенію къ братству сеймскихъ чиновниковъ и Ипатія Поцѣя (¹). Неизвѣстно рѣшеніе сейма по этому дѣлу, но можно думать, что братство не достигло своей цѣли. Дальнѣйшія событія показываютъ, что митрополитъ не хотѣлъ уступить братскимъ требованіямъ и при всякомъ случаѣ старался доказать ему, что оно подлежитъ суду его и всѣ его имущества должны быть въ вѣдѣніи его намѣстника. Поэтому миръ между Поцѣемъ и братствомъ не могъ быть возстановленъ и въ послѣдующее время. Измѣна Поцѣя православію и посягательство его на права православныхъ побудили братство отказать ему во всякомъ подчиненіи. Особенно характеристично обрисовываетъ такія отношенія братства къ Поцѣю одинъ щекотливый случай съ братскимъ діакономъ Антоніемъ Грековичемъ (²), бывшій въ 1605 году. Подвергшись братскому суду за предосудительныя связи съ одною монахинею—Екатериною Лычанкою, онъ обратился къ суду митрополита, у котораго надѣялся найти себѣ защиту, разумѣется, подъ условіемъ принятія уніи. Поцѣй дѣйствительно оправдалъ Грековича и готовъ былъ своею властію прикрыть его отъ братскаго суда. Завязалась упорная борьба между братствомъ и Поцѣемъ, который призывалъ братскихъ членовъ на судъ къ себѣ, какъ къ законному пастырю западно-русской церкви. Братство съ своей стороны, не признавая его своимъ пастыремъ, подало на него протестъ въ судъ трибунальный. Но процессъ этотъ кончился не въ пользу братства, потому что король по жалобѣ Поцѣя строжай-

(¹) Акт. Зап. Росс. т. IV, № 159.
(²) Справа виленскаго церков. братства стр.. 1—92.

ше запретилъ трибунальнымъ чиновникамъ позывать къ себѣ на судъ митрополита и въ тоже время приказалъ всѣмъ православнымъ находиться въ подчиненіи у Поцѣя и отнюдь не обращаться къ суду константинопольскаго патріарха (¹). Но вопросъ о подчиненіи всѣхъ православныхъ и въ частности братства Поцѣю не могъ быть рѣшенъ королевскимъ декретомъ. Всѣ, кому была дорога православная вѣра, никакъ не хотѣли вѣрить въ законность власти Поцѣя и готовы были упорно отстаивать верховную власть константинопольскаго патріарха надъ всею западно-русскою церковію. Виленское братство взяло на себя трудъ добиваться послѣднихъ результатовъ поднятой имъ войны съ Поцѣемъ за права православной церкви въ Литвѣ. Поэтому въ 1605 году оно снарядило на открывавшійся въ то время сеймъ своихъ пословъ, которыхъ снабдило инструкціею съ подписями и печатями многихъ сенаторовъ и дворянъ литовскихъ, членовъ братства (²). Главное требованіе братства, выраженное въ этой инструкціи, касалось того, о чемъ всего болѣе задумывались въ это время православные: братство требовало, чтобы православнымъ далъ былъ свой православный митрополитъ и православные епископы, подчиненные константинопольскому патріарху. Какъ ни законно было это требованіе, сеймъ 1605 года не далъ рѣшительнаго отвѣта на голосъ православныхъ. Уніаты по прежнему дѣйствовали въ духѣ Поцѣя и расхищали имущества церковныя и отнимали церкви; а православные съ своей стороны только подавали одну за другою протестаціи въ суды (³) и хлопота-

(¹) Витебск. Губ. Вѣдом. 1858 г. № 25.
(²) Synopsis pod. 1605 r.
(³) Synopsis pod. 1605 r.

ли о своихъ правахъ предъ королевскими чиновниками. Гораздо счастливѣе былъ для нихъ 1607 годъ. На сеймѣ этого года послы отъ виленскаго братства по прежнему явились съ инструкціею отъ братства, въ которой прописаны были всѣ притѣсненія и обиды, которыя терпѣла православная церковь въ Литвѣ. Сигизмундъ III на этотъ разъ измѣнилъ методу прежнихъ своихъ дѣйствій по отношенію къ православнымъ и грамотою отъ 18 іюня 1607 года удовлетворилъ очень справедливому требованію православныхъ, „хотѣчи, абы подъ счастливымъ панованьемъ его каждый веселился зъ вольности свободы и права своего" [1]. Православнымъ были возвращены всѣ права и привиллегіи прежнихъ временъ; дозволено было имѣть православныхъ митрополита, епископовъ, архимандритовъ и вообще всю іерархію въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха и замѣщать всѣ церковныя должности людьми греческой вѣры. Всѣ церковныя имущества утверждены за православными; уніятамъ вмѣнено въ обязанность жить съ православными мирно и каждому пользоваться своими правами. Понятно, что такое рѣшеніе сейма крайне не нравилось уніятамъ, которые со времени вступленія на митрополичью каѳедру Поцѣя уже довольно захватили церковныхъ имуществъ въ свои руки и привыкли видѣть православныхъ въ угнетеніи. Во всякомъ случаѣ сеймъ 1607 года принесъ православнымъ неоцѣненныя выгоды.

Но тѣмъ съ большею ревностію съ этого времени возстала противъ православныхъ вся латинская партія, руководившая до того времени уніатовъ и воодушеви-

---

[1] Акт. Зап. Росс. т. IV, № 171.

ла имъ новою враждою противъ православныхъ. Разумѣемъ борьбу латинской партіи и Ипатія Поцѣя съ виленскимъ православнымъ братствомъ за Троицкій монастырь, которая происходила главнымъ образомъ въ 1608 и 1609 году, хотя къ ней приготовлялись обѣ стороны гораздо раньше—съ самаго начала 1599 года.

Главными двигателями этой борьбы со стороны православныхъ были: Самуилъ Сенчиловичъ, архимандритъ Троицкаго монастыря, при которомъ помѣщалось братство, и Вареоломей Зашковскій, безженный священникъ перемышльской епархіи, назначенный митрополитомъ Поцѣемъ протоіереемъ каеедральной Пречистенской церкви. Самуилъ Сенчиловичъ сначала былъ инокомъ Супрасльскаго монастыря и бѣжалъ оттуда въ Вильно, спасаясь отъ поборниковъ уніи, но потомъ опять присталъ къ нимъ. Митрополитъ Поцѣй поставилъ его архимандритомъ Троицкаго монастыря (¹) и выхлопоталъ ему у короля привилегію на эту архимандрію и на имѣнія принадлежащія монастырю (²). Король, вопреки грамотѣ Стефана Баторія, признавшей верховный патронатъ надъ Троицкимъ монастыремъ за виленскими бурмистрами, предоставилъ Сенчиловичу пожизненное управленіе виленскимъ Троицкимъ монастыремъ, съ удаленіемъ отъ завѣдыванія имъ тамошнихъ православныхъ магистратскихъ урядниковъ (³), подъ тѣмъ предлогомъ, что бурмистры растеряли церковныя имущества и въ частности за то, что продали монастырскій фольварокъ Свинишники.

(¹) Relacia y uważenie postępkow niektórych około cerkwi Ruskich Wileńskich roku 1608 y 1609. Rozdział 2.

(²) Тамъ-же. Rozdział 2.

(³) Акт. зап. росс. т. IV, № 166.

Но крутыя мѣры Поцѣя ко введенію уніи въ Вильнѣ и сильное противодѣйствіе ему православныхъ побудили Самуила Сенчиловича, еще не вполнѣ преданнаго уніи, снова пристать къ православнымъ. Варѳоломей Зашковскій также присоединился къ нимъ. Одно обстоятельство еще болѣе скрѣпило союзъ этихъ двухъ людей, рѣшившихся на борьбу съ Поцѣемъ. Желая доставить уніятамъ больше средствъ къ торжеству надъ православными, Поцѣй рѣшился сформировать при Троицкомъ же монастырѣ уніятское братство, которое бы своимъ противодѣйствіемъ православному ослабило послѣднее. Исполнителемъ своей мысли онъ избралъ Іосифа Велямина-Рутскаго ([1]), ревностнаго уніята. Рутскій въ юности былъ протестантомъ, потомъ былъ обращенъ іезуитами въ латинство и отправленъ въ Римъ въ греко-славянскую коллегію для окончательнаго усовершенствованія въ богословскихъ наукахъ; въ послѣдствіи времени онъ, по мысли іезуитовъ, обратился въ унію, для которой много обѣщалъ своимъ образованіемъ и усердіемъ къ латинству ([2]). Всѣ виленскіе православные, а особенно братство, не могли равнодушно смотрѣть на такое распоряженіе Поцѣя относительно Троицкаго монастыря. А распространившіеся между православными слухи о томъ, что Рутскій хочетъ обратить монастырь въ іезуитскую коллегію, что самъ онъ латинскій священникъ, довели дѣло до того, что по всему городу закипѣла непримиримая вражда противъ Рутскаго. Самуилъ Сенчиловичъ и Варѳоломей Зашковскій первые возстали противъ него. Сенчиловичъ по это-

---

([1]) Relacia. Rozdział 3. Акт. Запад. Росс. т. IV, № 175.
([2]) Zywoty ss. Ewfrozyny i Parascewij. Stebelskj т. 2 стр. 181 — 184.

му поводу дѣлалъ частыя совѣщанія съ братствомъ и городскимъ духовенствомъ, на которыхъ рѣшено было силою выгнать Рутскаго изъ монастыря. Въ воскресенье 15-го декабря ([1]) предположено было явиться православнымъ въ Троицкій монастырь къ заутрени, выйти вмѣстѣ съ Рутскимъ во время великаго славословія на средину церкви и выгнать его съ словами: „изыди вонъ еретикъ, не имаши здѣ что творити." Городской судъ, узнавъ о семъ, приказывалъ городской ратушѣ слѣдить за этимъ волненіемъ, а въ то же время совѣтовалъ монахамъ и монахинямъ уніятскимъ не подавать никакого повода къ волненію. Городскія власти через цѣлую ночь съ субботы на воскресенье не выходили изъ ратуши, даже нѣсколькимъ цехамъ велѣно было быть готовыми по первому призыву. Узнавъ объ этомъ волненіи, Поцѣй съ своей стороны приказалъ выгнать Сенчиловича изъ монастыря и обязалъ всѣхъ монаховъ и монахинь отказать ему въ послушаніи ([2]).

Между тѣмъ наступалъ сеймъ 1609 года. Сенчиловичъ и его сотрудники стали заблаговременно къ нему приготовляться, дѣлали между собою совѣщанія и разсылали по различнымъ мѣстамъ универсалы и грамоты, въ которыхъ говорилось о новыхъ притѣсненіяхъ со стороны Поцѣя. Приготовившись такимъ образомъ, Сенчиловичъ съ виленскими братчиками явился на сеймъ и всѣми мѣрами старался возвратить православнымъ права, которыя оспаривалъ у нихъ Поцѣй ([3]). Общее всѣхъ

([1]) Relacia. Rozdział 3.

([2]) Relacia. Rozdział 3.

([3]) Авторъ Relacij, съ своей точки зрѣнія обсуживая дѣйствія Сенчиловича на сеймѣ, говоритъ о православныхъ послахъ, что они на сеймѣ бѣгали отъ сенатора къ сенатору, кричали, шумѣли и тѣмъ

православныхъ требованіе было то, чтобы дарованъ былъ православной церкви миръ и чтобы уніяты отказались отъ своихъ притязаній на права и привиллегіи, усвоенныя съ давнихъ временъ православнымъ. Поцѣй, желая выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ которое былъ поставленъ требованіями православныхъ, предложилъ имъ, для общаго соглашенія между собою, созвать соборъ; но православные отказались отъ этого, а сеймъ, желая успокоить сильно разгорячившихся противниковъ, постановилъ, чтобы православные и уніяты впредь не дѣлали никакихъ принужденій другъ другу и оставались при прежнихъ правахъ своихъ: нарушитель сеймоваго рѣшенія долженъ былъ подвергнуться денежному штрафу въ десять тысячъ злотыхъ. Всѣ судныя дѣла между православными и уніятами, по опредѣленію сейма, должны быть разбираемы въ судѣ трибунальномъ ([1]), т. е. назначенномъ отъ сейма. Конечно, такое рѣшеніе сейма не могло нравиться уніятамъ; главнымъ образомъ ихъ смущалъ судъ трибунальный, который, будучи составленъ нерѣдко изъ чиновниковъ разныхъ вѣроисповѣданій, могъ рѣшать спорныя дѣла совершенно безпристрастно. Но никакія усилія Поцѣя на сеймѣ не могли исправить дѣла: онъ достигъ только того, что выпросилъ у короля привиллегію Рутскому на троицкую архимандрію, а Сенчиловича предалъ проклятію.

Возвратившись въ Вильно еще до окончанія сейма, Рутскій явился къ королевскому чиновнику Яну Буйвиду съ королевскою грамотою и требовалъ, чтобы онъ

только мѣшали общимъ разсужденіямъ сейма о государствѣ. Relacia Rozdział 4.

([1]) Relacia Rozdział 4.

передалъ ему троицкій монастырь ([1]). Дѣло было уже почти кончено: чиновникъ представилъ новаго архимандрита монахамъ, которые приняли его очень спокойно и совершили вмѣстѣ съ нимъ богослуженіе. Но при выходѣ изъ церкви встрѣтили Рутскаго и Буйвида посланные отъ бурмистровъ и представили имъ свои грамоты на патронатство въ монастырѣ. Чиновникъ отдѣлался отъ пословъ магистратскихъ легко, сказавъ, что онъ только исполнялъ порученное ему дѣло, и пошелъ обѣдать къ Рутскому. Между тѣмъ, толпа мѣщанъ увеличивалась все болѣе и болѣе на монастырскомъ дворѣ, и Рутскій долженъ былъ почувствовать всю тяжесть своего положенія. Въ скоромъ времени онъ явился въ магистратъ и представилъ ему королевскую грамоту, данную ему на троицкую архимандрію. Засѣдавшіе въ то время въ магистратѣ бурмистры Иванъ Тупека и Исаакъ Кононовичъ — члены братства, представили ему свои привилегіи на патронатство въ Троицкомъ монастырѣ и не хотѣли вписать грамоты его въ городскія книги. Между тѣмъ народъ, узнавъ о замыслѣ уніятовъ отнять всѣ православныя церкви, пришелъ въ сильное волненіе; толпы собирались даже къ магистрату съ требованіемъ, чтобы прежнія права православныхъ остались не нарушенными ([2]).

Народное волненіе еще болѣе усилилось, когда прибылъ съ сейма Сенчиловичъ. Первымъ дѣломъ его было привесть въ дѣйствіе сеймовое рѣшеніе о ненарушимости правъ православныхъ. При этомъ онъ позвалъ митрополита и Рутскаго на земскій трибуналъ

([1]) Собр. Вил. грам. ч. II, № 18.

([2]) Relacia Rozdział 5.

свѣтскій и въ тоже время проклялъ Поцѣя, совершивъ торжественно литургію и крестный ходъ. Поцѣй съ своей стороны требовалъ, чтобы для изслѣдованія дѣла обѣ стороны судились предъ судомъ, составленнымъ исключительно изъ духовныхъ лицъ и даже латинянъ, основываясь на словахъ искаженной уніятами конституціи прошлаго сейма, въ которой они вмѣсто словъ: вольно всякому обиженному искать правды предъ трибуналомъ конституціи (constitutii) поставили (1): вольно всякому обиженному искать правды предъ трибуналомъ compositi judicii. Но трибунальные судьи дали этому искаженному мѣсту свое толкованіе, которое благопріятствовало православнымъ, и позвали Поцѣя и Рутскаго на свѣтскій трибунальный судъ, гдѣ засѣдали не латинскіе и уніятскіе духовные, а вообще лица разныхъ вѣроисповѣданій. Этотъ судъ лишилъ Поцѣя духовной юрисдикціи т. е. права управленія церковію, присудивъ это право константинопольскому патріарху; кромѣ того обязалъ Поцѣя и Рутскаго къ пенѣ, опредѣленной конституціею сейма 1608 года, т. е. къ уплатѣ 10000 злотыхъ. Но составившійся тогда же духовный латинскій трибуналъ своимъ опредѣленіемъ уничтожилъ рѣшенія трибунальнаго свѣтскаго суда, присудилъ Поцѣю всѣ виленскія церкви и монастырь Святой Троицы, осудилъ Сенчиловича и Вареоломея Зашковскаго за то, что они позывали на судъ своего архипастыря и усиливались отнять у него всѣ церкви въ Вильнѣ. Поцѣй самъ пріѣхалъ въ Вильно, чтобы привести въ исполненіе приговоръ латинскаго трибунала. Онъ вмѣстѣ съ Рутскимъ смѣло приступилъ къ обращенію въ унію всѣхъ

(1) Synopsis pod. 1609 г.

православныхъ церквей виленскихъ. Въ этомъ не мало помогъ имъ прибывшій тогда въ Вильно самъ король. Онъ послалъ чиновника своего Сенковскаго, который долженъ былъ объявить всему городскому духовенству волю короля объ отдачѣ Поцѣю всѣхъ церквей и привесть ее въ исполненіе. Прежде другихъ взята была имъ каѳедральная пречистенская церковь съ находившимся при ней митрополичьимъ домомъ, и передана Поцѣю. Затѣмъ была отнята у православныхъ церковь св. Николая. Къ 11-му числу мѣсяца августа 1609 года отняты были и многія другія православныя церкви и переданы Поцѣю ([1]).

Понятно, какія чувства должны были питать въ это время православные къ виновнику своего бѣдственнаго положенія—Поцѣю. Все время управленія Поцѣя уніатскою церковію ясно доказало имъ, что православная церковь страдала единственно отъ его горячей ревности къ уніи и что она до тѣхъ поръ не будетъ имѣть покоя, доколѣ онъ будетъ управлять дѣлами уніатской церкви. Эта непріязнь не замедлила обнаружиться и на самомъ дѣлѣ. Когда Поцѣй въ тотъ же день, ([2]) (11 августа 1609 г.), когда у православныхъ было отнято много церквей, окруженный многочисленною свитою, пѣшкомъ возвращался отъ виленскаго латинскаго епископа, одинъ мѣщанинъ бросился на него на рынкѣ предъ ратушью и нанесъ ему нѣсколько ударовъ по шеѣ. Онъ разсѣкъ цѣпь архіерейскаго креста и воротники верхняго и нижняго платья; да отсѣкъ два пальца лѣвой руки Поцѣя, которою тотъ сталъ защищать

([1]) Relacia Rozdział 7.
([2]) Тамъ же.

шею. Убійцу схватили и казнили смертію, а друзья Поцѣя стали прославлять мученикомъ своего митрополита.

Уніяты торжествовали свою побѣду надъ православными. Виленскія событія 1608 и 1609 годовъ доставили имъ новыя средства для будущей борьбы ихъ съ православными. Съ этого времени (¹) у нихъ явилась цѣлая корпорація съ притязаніями Поцѣя, подъ руководствомъ опытнаго въ дѣлѣ уніи Рутскаго,—разумѣемъ уніятское братство, основавшееся при Троицкомъ монастырѣ.

Православное же братство, вытѣсненное уніятами изъ Троицкаго монастыря, поселилось при церкви Святаго Духа, которую оно начало строить еще въ 1596 г. (²) Въ скоромъ времени при этой церкви былъ основанъ братскій монастырь. Православное братство, устроившись на новомъ мѣстѣ, съ самаго начала стало по прежнему привлекать къ себѣ православныхъ. Всѣ православные ремесленные цехи по прежнему стали обращать свѣчи, воскъ и всѣ доходы отъ выварки меда въ пользу церкви Святаго Духа. Уніяты видѣли и въ этомъ нарушеніе правъ Троицкаго монастыря, къ которому они относили всѣ привиллегіи, когда либо данныя православному троицкому братству. Поэтому Рутскій подалъ королю жалобу. Король немедленно грамотою (³) отъ 17 августа 1609 года предписалъ братствамъ радецкому, купецкому, кушнерскому и росскому обращать свои доходы не въ пользу церкви Святаго Духа, а въ пользу троицкой уніятской, подъ опасеніемъ денежнаго штра-

(¹) Synopsis pod. 1608 г.

(²) Synopsis pod 1596 г. Акт. Запад. Росс. т. IV, № 101.

(³) Собр. Вил. грам. ч. II. № 23.

фа и тѣлеснаго наказанія. Такія предписанія королевскія повторялись еще нѣсколько разъ (1).

Но не смотря на всѣ подобныя притѣсненія со стороны гражданскихъ и уніятскихъ властей, виленское православное братство при церкви Святаго Духа возрастало болѣе и болѣе и безбоязненно отстаивало права православной церкви въ самыя трудныя для ней времена. Непріязненныя отношенія къ братству Поцѣя вызвали это братство еще на большее и сильнѣйшее противодѣйствіе уніи и ея поборникамъ.

в) при Іосифѣ Велияминѣ Рутскомъ (1614 — 1632 г.).

При уніятскомъ митрополитѣ Іосифѣ Велияминѣ Рутскомъ унія болѣе и болѣе распространялась въ западно-русскомъ краѣ. Самъ митрополитъ, независимо отъ короля — покровителя уніатовъ, много придумывалъ средствъ для успѣховъ ея, хотя эти мѣры, по свойству своему будучи чисто латинскаго характера, какъ нельзя лучше подрывали основныя положенія уніи и сближали ее съ латинствомъ. Для большаго противодѣйствія православію Рутскій, обходя бѣлое духовенство, старался возвысить иночество и вызвать его на борьбу съ православіемъ. Съ этою цѣлію онъ организовалъ при отнятомъ у православныхъ Троицкомъ монастырѣ орденъ Базиліянцевъ, далъ этому ордену право имѣть прото-архимандрита, т. е. высшаго независимаго начальника, поставивъ въ зависимость отъ него всѣ уніятскіе литовскіе монастыри, а для большаго объединенія иноческихъ трудовъ на пользу уніи учредилъ такъ называемыя конгрегаціи или иноческіе съѣзды (2). Кро-

(1) Тамъ же ч. II, №№ 24 и 26.
(2) Опис. Кіев. Соф. собор. стр. 153.

мѣ того съ 1626 года открыта была въ Вильнѣ семинарія ([1]), изъ которой должны были выходить люди съ полною готовностію на дѣло уніи. Всѣ сіи мѣры сильно содѣйствовали если не внутреннему укрѣпленію уніи, то по крайней мѣрѣ расширенію ея предѣловъ.

Западно-русскіе православные, между тѣмъ, во все время управленія уніятскою церковію Рутскаго терпѣли одни насилія и угнетенія. Обѣщанія всѣхъ прежде бывшихъ сеймовъ, на которые являлись православные съ жалобами, мало облегчали тягостное положеніе ихъ: король Сигизмундъ III по первому совѣту латинской партіи уничтожалъ всѣ надежды православныхъ. Громкимъ, навсегда не умолкающимъ свидѣтелемъ плачевнаго состоянія православныхъ въ Литвѣ въ эти времена останется рѣчь ([2]) Лаврентія Древинскаго Чашника земли волынской, который явился на сеймъ 1620 года депутатомъ отъ виленскаго православнаго братства. Изобразивъ въ своей рѣчи всѣ насилія православнымъ въ разныхъ мѣстахъ Литвы, указавъ сейму въ этихъ притѣсненіяхъ вредъ государству, онъ требовалъ у сейма немедленнаго успокоенія православныхъ. „Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ)" говорилъ онъ, „если совершенное успокоеніе на этомъ сеймѣ и уврачеваніе столь тяжелыхъ язвъ не послѣдуетъ, то мы увидимъ себя принужденными возопить съ Пророкомъ: суди ми Боже и разсуди прю мою". Это былъ голосъ одного изъ членовъ виленскаго братства и вмѣстѣ голосъ всего западно-русскаго народа ([3]).

Бѣдствія православныхъ еще болѣе усиливались отъ

([1]) Тамъ же.

([2]) Истор. изв. объ Уніи Бант. Кам. стр. 69—74.

([3]) Synopsis pod 1620 г. и Истор. изв. объ Уніи Бант. Кам. стр. 69—74.

того, что въ то время чувствовался крайній недостатокъ въ высшей православной іерархіи. Гедеонъ Болобанъ, защитникъ православія, умеръ еще въ 1607 гогу [1]; за тѣмъ въ 1612 году [2] скончался и послѣдній православный епископъ Михаилъ перемышльскій и самборскій. Польское правительство было какъ бы глухо къ повсемѣстнымъ воплямъ православныхъ о томъ, чтобы имъ дана была іерархія: православной западно-русской церкви грозило оскудѣніе пастырей, не смотря на то, что сеймъ 1607 года своею конституціею на всегда обезпечилъ существованіе западно-русской іерархіи. Въ этомъ положеніи западно-русскіе православные могли ожидать себѣ помощи только отъ восточной церкви.

Случайное обстоятельство вывело православныхъ изъ затруднительнаго положенія. Въ 1620 году прибылъ въ Кіевъ въ срединѣ великаго поста іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, на возвратномъ пути изъ Москвы, гдѣ онъ поставилъ въ патріарха Филарета Никитича. Сначала западно-русскіе православные не смѣли обращаться къ нему съ своими требованіями относительно поставленія епископовъ. Виленское братство, живо сочувствовавшее интересамъ православной церкви въ Литвѣ, такъ говоритъ объ этомъ: „узнавъ о прибытіи іерусалимскаго патріарха Θеофана, мы, хотя не имѣли на счетъ его никакого подозрѣнія, но по причинѣ непріязненныхъ отношеній польскаго правительства къ турецкому султану, постановили не видѣться съ нимъ и не писать къ нему до полученія о немъ извѣстій отъ самаго правительства. Это рѣшеніе свое мы сохраняли

(1) Опис. Кіев. Соф. соб. стр. 151.

(2) Тамъ же стр. 154.

отъ средины поста, когда пріѣхалъ этотъ мужъ во владѣнія его королевскаго величества, почти до праздника Успенія.“ (¹) Но скоро и польское правительство признало его іерусалимскимъ патріархомъ, король очень благосклонно писалъ одно письмо къ самому патріарху, а другое къ кіевлянамъ, приказывая всѣмъ людямъ чиновнымъ принимать его съ подобающею честію, не дѣлать ему никакихъ непріятностей и провожать его чрезъ владѣнія королевскія. Для этой цѣли король даже назначилъ коморника своего Почановскаго, который долженъ былъ провожать патріарха до Хотина и получилъ на это отъ короля универсалъ (²). Кромѣ короля къ патріарху писали многіе знаменитые люди и въ своихъ письмахъ выражали къ нему свое уваженіе, именно: луцкій епископъ, подканцлеръ, бывшій въ то время кореннымъ канцлеромъ, Андрей Липскій, Криштофъ князь збаражскій, коронный конюшій. „Узнавши изъ этихъ писемъ“, пишетъ виленское братство, „что короля и сенаторы признаютъ Ѳеофана іерусалимскимъ патріархомъ, „человѣкомъ достойнымъ великаго уваженія и чести“, многіе изъ насъ отправились къ нему лично, другіе отправили письма съ послами и такимъ образомъ отдали духовный поклонъ“ (³). А когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Ѳеофанъ имѣлъ грамоту и отъ константинопольскаго патріарха Тимоѳея, въ которой поручалось ему исправить всѣ дѣла церковныя въ западнорусской митрополіи, и что при немъ находится даже экзархъ патріаршій, архимандритъ Арсеній (⁴), то пра-

(¹) Werificatia niewinnosci, стр. 5.
(²) Тамъ же стр. 18.
(³) Тамъ же стр. 7.
(⁴) Тамъ же стр. 8.

вославные, особенно казаки, обратились къ нему съ усильною просьбою поставить имъ митрополита и епископовъ. Въ основаніе этого они выставляли сеймовыя конституціи (особенно конституцію сейма 1609 года) ([1]) и примѣръ прежнихъ патріарховъ, которые отъ себя присылали въ Кіевъ митрополитовъ. Патріархъ склонился на ихъ просьбу и въ день Успенія Богородицы посвятилъ въ Кіевопечерской лаврѣ Іова Борецкаго, игумена Кіевомихайловскаго монастыря, въ санъ кіевскаго митрополита. Въ тоже время рукоположены были Іосифъ Курцевичъ на епископство владимірское и брестское и Мелетій Смотрицкій, архимандритъ виленскаго братства монастыря Святаго Духа, на архіепископію полоцкую и витебскую и еще нѣсколько епископовъ на другія епархіи ([2]). Всѣ они были поставлены безъ представленія о нихъ королю, поэтому до королевскаго утвержденія жили подъ покровительствомъ знаменитѣйшихъ патроновъ — князей острожскихъ, вишневецкихъ и другихъ.

Это возстановленіе западно-русской православной іерархіи сильно встревожило Рутскаго и уніатскихъ епископовъ. Тотчасъ по отъѣздѣ патріарха Ѳеофана они сдѣлали доносъ королю (отъ 7 февраля 1621 г.), что бывшій въ Кіевѣ патріархъ — самозванецъ, шпіонъ турецкаго султана, что онъ возмущалъ казаковъ противъ короля и что посвященные имъ митрополитъ Іовъ и епископы Курцевичъ и Смотрицкій также возмущаютъ противъ короля народъ во вредъ Польшѣ ([3]). Вилен-

---

([1]) Тамъ же.

([2]) Опис. Кіев. Соф. соб. стр. 156.

([3]) Этими клеветами особенно переполнена брошюра изданная виленскимъ уніатскимъ братствомъ подъ заглавіемъ: «List do Zakonnikow Cerkwie S. Ducha wilenskiego.

ское православное братство также не избѣжало этой клеветы; троицкое унiятское братство всѣми доводами старалось доказать, что православное братство возмутило противъ короля казаковъ и ратуетъ за русскую народность въ Литвѣ (1). Король Сигизмундъ III не позаботился изслѣдовать этотъ доносъ, а тотчасъ разослалъ по государству универсалы ловить епископовъ, поставленныхъ Ѳеофаномъ и представлять ихъ въ суды, какъ измѣнниковъ и предателей отечества. Это было время страданiй и лишенiй не для однихъ только православныхъ епископовъ, но и для всего западно-русскаго народа. Во многихъ городахъ открылись кровавыя сцены. Съ особенною силою излился гнѣвъ короля на виленскихъ гражданъ и въ частности на православное братство, которое король прямо обвинялъ въ возмущенiи народа и предалъ его вмѣстѣ со всѣми православными горожанами коммисарскому суду (2). Вслѣдствiе королевскаго гнѣва они подвергались всевозможнымъ преслѣдованiямъ: въ Вильнѣ православнымъ запрещалось молиться въ церквахъ, съ ними, какъ измѣнниками отечества, не дозволено было торговать и даже говорить; нѣкоторые честные граждане безъ всякаго изслѣдованiя были схвачены и посажены—одни въ ратушѣ, а другiе подъ ратушею—въ подземной тюрмѣ; православные члены ратуши были лишены своихъ мѣстъ, а у ремесленниковъ отняты были ключи отъ ихъ привиллегiй, а которые не хотѣли отдавать, тѣ подвергались пыткѣ и лишались права участвовать въ цеховыхъ собранiяхъ. Все это происходило на страстной и свѣтлой седмицахъ. Несчастнымъ узникамъ даже отка-

(1) List... стр. 15—18.

(2) Витебск. губ. Вѣдом. 1858 г. № 26.

зано было сходить въ церковь исповѣдаться и причаститься, не смотря на то, что они представляли въ заложники за себя своихъ женъ и дѣтей. По улицамъ Вильна только и слышны были возгласы: измѣнники, измѣнники! Русь нечестивая! шпіоны! „На нашъ монастырь", пишетъ виленское братство, „бросаютъ камни изъ пращей; на землю, домы и церковь пускаютъ изъ луковъ стрѣлы съ горючими веществами. На площадь нашего монастыря бросаютъ чрезъ каменную ограду зажженныя головни; между углами церковныхъ стѣнъ втыкаютъ натертые воскомъ, тлѣющіе куски сукна съ разными горючими веществами и фитилями". И тѣмъ болѣе были чувствительны для православныхъ эти преслѣдованія, что имъ даже запрещено было вносить въ суды свои протесты, и того, кто рѣшился бы хлопотать объ ихъ дѣлѣ, ожидали—неминуемое наказаніе или тюрьма (1).

Въ это время виленское православное братство, желая чѣмъ нибудь утишить незаконныя преслѣдованія православныхъ отъ гражданскихъ и уніятскихъ властей, издало отъ своего имени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Werificatia niewinnosci". Въ немъ авторъ, Мелетій Смотрицкій, старается доказать противникамъ, что возстановленіе западно-русской іерархіи законно, что Өеофанъ — истинный патріархъ, а не простой инокъ, не шпіонъ турецкаго султана, а доброжелатель короля, что поставленные имъ епископы рукоположены безъ всякаго нарушенія гражданскихъ и церковныхъ законовъ и что они отнюдь не возмущаютъ народъ, какъ это разглашаютъ уніяты. Это сочиненіе немедленно вызвало уніятовъ на упорную полемику. За нее взялось

(1) Werificatia niewinnosci, стр. 68—75.

виленское уніятское братство, которое отъ самаго начала своего появленія было въ сильнѣйшей оппозиціи съ православными. Оно издало съ своей стороны сочиненіе подъ заглавіемъ: „Sowita wina“. Главный предметъ его—это прежнія же обвиненія православныхъ въ измѣнѣ отечеству, въ тайныхъ сношеніяхъ ихъ съ турецкимъ правительствомъ. Главными измѣнниками выставляются въ немъ митрополитъ Борецкій и Смотрицкій. Со стороны православныхъ, въ опровержение сихъ клеветъ, издано новое сочиненіе—„Obrona Werificatiey“. Въ немъ Мелетій Смотрицкій опровергаетъ обвиненія, взнесенныя уніятами на него и Борецкаго и вопреки ревнителямъ уніи доказываетъ законность зависимости западно-русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. На этомъ дѣло не остановилось. Въ томъ же 1621 году уніятское братство написало противъ православнаго братства брошюру, наполненную самыми колкими и несправедливыми упреками, озаглавивъ ее: „List do Zakonnikow Monastera Cerkwie S. Ducha“. За нею въ скоромъ времени явилось другое уніятское сочиненіе: „Examen Obrony“. Оба эти сочиненія были вызваны вторымъ изданіемъ „Werificatiey“ и „Obrona“ и главнымъ своимъ предметомъ имѣютъ прежнія же уніятскія обвиненія противъ новопосвященныхъ епископовъ и еще противъ свято-духовскихъ монаховъ, которые взялись письменно защищать возстановленіе мѣстной высшей іерархіи. То и другое сочиненіе было опровергнуто православными: противъ перваго Смотрицкій написалъ „Elenchus pism uszczypliwych“, въ которомъ о лицахъ, писавшихъ этотъ „List“, отзывается, какъ о людяхъ не добросовѣстныхъ; въ концѣ сочиненія Смотрицкій помѣстилъ въ видѣ прибавленія такъ называе-

ный „Appendix na Examen Obrony". Въ немъ, какъ и во всѣхъ предыдущихъ своихъ сочиненіяхъ, онъ старается доказать, вопреки обвиненію уніятовъ, что чрезъ поставленіе Ѳеофаномъ западно-русскихъ епископовъ нисколько не нарушено право патронатства, принадлежащее королю, что король, какъ прежде такъ и теперь, имѣетъ право дарить каждому епископу и отнимать у каждаго изъ нихъ бенефиціи, и что напротивъ степень епископская и духовныя права съ нею соединенныя стоятъ въ совершенной независимости отъ королевской власти.

Когда такимъ образомъ виленское православное братство вело литературную полемику съ уніятскимъ за права православной церкви въ Литвѣ, внѣшнее положеніе православныхъ въ государствѣ нисколько не улучшалось: притязательность на церковныя права со стороны уніятскихъ властей и холодное равнодушіе польскаго правительства къ благосостоянію православнаго народа доводили этотъ несчастный народъ до крайняго униженія, а иногда даже до ожесточенія противъ притѣснителей. Достаточно припомнить народное волненіе, которое обнаружилось въ Витебскѣ въ 1623 году и жертвою котораго сдѣлался тамошній уніятскій архіепископъ Іоасафатъ Кунцевичъ, неумолимый гонитель православныхъ бѣлоруссовъ. Общія всѣмъ православнымъ бѣдствія не миновали и виленскаго братства, которое въ лицѣ своего старосты Лаврентія Древинскаго представило въ 1630 г. на варшавскій старостинскій судъ протестацію (¹), въ которой жаловалось на расхищеніе уніятами братскаго имущества и королевскихъ привиллегій, пожалованныхъ ему, а также на разныя обиды и притѣсненія православному народу......

(¹) Акт. Запад. Росс. Т. 1. стр. 351.

Конецъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ западно-русскихъ православныхъ положенъ былъ смертію Сигизмунда III, который во все продолженіе своего 44 лѣтняго царствованія былъ вѣрнымъ другомъ іезуитовъ и нé-другомъ своего государства, такъ что историкъ, обозрѣвая его царствованіе, могъ сказать: ileż zostało po nim złego, z podżeganéj wojny religijnéj? Ile ziarna niezhòd na przyszłosc? (Сколько послѣ него осталось зла отъ поджигаемой имъ борьбы религіозной! Сколько сѣмянъ несогласія въ будущемъ!) (¹).

Въ 1632 году на польскій престолъ избранъ былъ Владиславъ IV, бывшій кандидатомъ на московское царство. Православные ободрились. На сеймѣ, созванномъ для избранія короля, явились послами со стороны православныхъ: архимандритъ Петръ Могила, посланный туда престарѣлымъ митрополитомъ Исаіею Копинскимъ (²), члены разныхъ западно-русскихъ братствъ и въ частности виленскаго православнаго братства (³). Послѣднее чрезъ своихъ пословъ представило на сеймъ печатное собраніе всѣхъ когда либо полученныхъ имъ и всѣмъ православнымъ западно-русскимъ народомъ королевскихъ грамотъ и привиллегій подъ названіемъ „Synopsis“ и предложило его на разсмотрѣніе сейма. Надежды православныхъ сбылись. Новый король согласился на отобраніе у уніятовъ незаконно отнятыхъ ими православныхъ епархій и церквей съ ихъ имуществами. Голосъ православныхъ пословъ такъ былъ силенъ на сеймѣ, что и уніятскій митрополитъ Рутскій не въ силахъ былъ отклонить этого подрыва уніи. Вообще весь

(¹) Wilno. Krasz. T. 1. стр. 351.
(²) Опис. Кіев. Соф. соб. стр. 167.
(³) Synopsis въ предисловіи и Supplementum Synopsis.

ходъ дѣйствій сейма какъ нельзя лучше благопріятствовалъ православнымъ, какъ это показываетъ составленное виленскимъ братствомъ „Supplementum Synopsis", въ которомъ изложены дѣйствія православныхъ пословъ на сеймѣ. Виленское братство также не оставлено было на сеймѣ безъ вниманія. Между сеймовыми рѣшеніями относительно православныхъ есть статья, въ которой дозволяется не-унитамъ докончить начатую церковь Святаго Духа въ Вильнѣ и прекратить о ней судопроизводство (¹), которое поднято было Сигизмундомъ III-мъ вскорѣ послѣ поставленія патріархомъ Θеофаномъ православныхъ епископовъ для западно-русской церкви (²).

Слѣдующій 1633-й годъ былъ еще болѣе счастливъ для виленскаго православнаго братства, — но онъ есть и послѣдній годъ, къ которому относятся историческіе памятники, касающіеся виленскаго православнаго братства. Въ этомъ году братство получило отъ Владислава IV грамоту, въ которой утверждались всѣ братскія учрежденія: школа, типографія и госпитали, и кромѣ того предоставлялись вѣдѣнію братства, кромѣ виленскаго монастыря Святаго Духа, слѣдующіе монастыри — св. апостолъ Петра и Павла въ Минскѣ, Вевейскій, Цеперскій, Сновскій, Купятицкій и др., а само братство ограждалось отъ всѣхъ злоупотребленій со стороны судовъ и притязаній со стороны частныхъ лицъ (³); и такимъ образомъ въ самомъ началѣ царствованія этого короля оно получало уже гарантію будущихъ своихъ дѣйствій на пользу западно-русской церкви.

(¹) Опис. Кіев. Соф. Соб. 167.

(²) Витеб. губ. вѣд. 1858 г. № 26.

(³) Собр. Вил. грам. ч. II, № 42.

III.

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО,

ОБВИНЕНІЯ ПРОТИВЪ НЕГО

И ЕГО ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ:

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ (¹).

Общественныя и литературныя явленія послѣднихъ годовъ; недавно господствовавшія модныя воззрѣнія на духовенство; переворотъ въ воззрѣніяхъ и причины его; содержаніе нашей послѣдней статьи о духовенствѣ и его цивилизаторской дѣятельности.—Положеніе духовенства относительно правительства: сужденія объ этомъ литературнаго органа московской духовной академіи; наши замѣчанія о вредныхъ слѣдствіяхъ подобнаго положенія—для духовенства и его быта.—Положеніе духовенства относительно общества: есть ли общество для сельскаго духовенства? духовенство уѣздныхъ городовъ, малочисленность уѣзднаго общества и отношеніе къ нему духовенства; сношенія между членами самаго духовенства и обстоятельства, уменьшающія пользу отъ этихъ сношеній; отношеніе образованнаго общества столичныхъ и губернскихъ городовъ къ духовенству,—господство въ средѣ этого общества модныхъ воззрѣній на церковь и духовенство; холодность къ интересамъ вѣры въ самомъ духовенствѣ и объясненіе происхожденія ея; необходимость перемѣнить духовенству характеръ своей дѣятельности. — Положеніе духовенства относительно простаго народа: тѣсная связь духовенства съ народомъ; внутреннее основаніе этой связи; внѣшнія обстоятельства, поддерживающія связь духовенства съ простымъ народомъ; постоянное, часто безсознательное цивилизующее вліяніе духовенства на простой народъ; мѣшаетъ ли этому вліянію и въ какой мѣрѣ семинарское воспитаніе; количество образуемыхъ въ семинаріяхъ лицъ превышаетъ запросъ на нихъ,—слѣдствія этого; трудности пастырскаго служенія въ селахъ и услуги лицъ, несущихъ это служеніе, отечественному прогрес-

---

(¹) См. первыя статьи въ *Хр. Чт.* 1862 г. въ №№ 2 и 5.

су; надежды на облегченіе въ будущемъ трудностей—вслѣдствіе освобожденія крестьянъ и ихъ образованія; школы для простаго народа, заведенныя и заводимыя духовенствомъ: уменьшается ли заслуга духовенства отъ того, что оно завело школы по предписанію своего начальства.—Мнѣніе «Современной Лѣтописи» и «Дня» о переживаемой отечествомъ эпохѣ: чего духовенство въ такую эпоху должно ожидать отъ правительства и отъ литературы, и гдѣ ему больше всего предстоитъ сдѣлать въ пользу народнаго благоденствія.

Нѣтъ такой истины, которой кто нибудь не отрицалъ бы; нѣтъ такого добраго человѣка, котораго кто нибудь не ругалъ бы; нѣтъ такой нелѣпости, которой кто нибудь не считалъ бы настоящей истиной, и нѣтъ пошлаго человѣка, который бы не имѣлъ поклонниковъ и почитателей. Все это въ порядкѣ человѣческой природы—конечной и способной заблуждаться и ошибаться, и въ порядкѣ жизни человѣческой съ начала до конца міра. Но бываютъ времена, когда только любимыя, лелѣемыя, льстящія затаеннымъ думамъ и наклонностямъ большинства, мысли считаются за истину, когда извѣстныя антипатіи вмѣсто разсудка и точнаго опыта заправляютъ печатнымъ и устнымъ судомъ о людяхъ и ихъ дѣлахъ, когда люди одинъ передъ другимъ стараются отличиться въ непомѣрной похвалѣ однихъ и въ озлобленномъ порицаніи другихъ. Люди въ этомъ случаѣ теряютъ, такъ сказать, свою личность, свое отдѣльное сознаніе, живутъ общею жизнію, уносятся ея порывами и тонутъ въ ея водоворотѣ; голова и сердце бываютъ у всѣхъ какъ будто общія. Много нужно самостоятельности мышленія, много нужно твердости воли и убѣжденій, чтобы среди этой суматохи найтись и во время остановиться, когда всѣ бѣгутъ куда-то, и ушедшіе впередъ хвастаются своими успѣхами, а оставшіеся назади изо всѣхъ силъ догоняютъ и готовы затоптать человѣка, ставшаго имъ поперегъ дороги и рѣшивша-

гося подумать, бѣжать ему дальше или остановиться и отдохнуть.

Всѣ эти общія мысли пришли намъ въ голову, когда мы оглянулись на близкое прошлое и представили себѣ страшную суматоху въ общественной и литературной жизни послѣднихъ годовъ. Никогда столько нелѣпостей не выдавалось и не принималось за непреложныя истины, никогда клевета не встрѣчала такого общаго довѣрія, никогда самыя святыя истины не находили такъ мало защитниковъ, никогда судъ о людяхъ и ихъ дѣлахъ не бывалъ такъ односторонenъ и несправедливъ. Согласнымъ хоромъ пѣлись хвалебныя пѣсни молодому поколѣнію и его будущности; съ особеннымъ постоянствомъ, какъ будто получая за это жалованье, восторгались всякой строчкой *заморскаго оракула*, замѣнившаго—было для извѣстнаго класса читателей евангеліе своимъ звонкимъ *колоколомъ*; подъ его управленіемъ — распѣвали его же аріи, ругая Вѣру, Церковь, бракъ, собственность, существующій образъ правленія. Самые защитники того или другаго учрежденія, которыхъ на защиту вызывало ихъ оффиціальное положеніе, какъ-то особенно мягко и нѣжно опровергали обвинителей и не охотно вступались за то, чему служатъ; случалось такъ же, что къ защитѣ противъ извѣстныхъ нападеній они сами, чтобы не отстать отъ своихъ обвинителей, присоединяли нѣсколько новыхъ обвиненій защищаемой стороны, такъ что ихъ противники не знали, кто передъ ними—друзья или враги, и охотно хвалили передовыя—прогрессивныя тенденціи въ самыхъ врагахъ своихъ. Странное было время; мало было смѣльчаковъ, выступавшихъ съ крѣпкимъ словомъ убѣжденія противъ модныхъ мыслей, съ словомъ неодобренія и сожалѣнія—къ заблужденіямъ кричавшей

толпы; эти достойныя лица забрызгивались грязью клеветъ, ихъ семейный бытъ выдавался на позоръ міру, имъ грозили даже палками. Суматоха улеглась или улегается, воздухъ становится чище, теперь робкіе становятся смѣлыми, а смѣлые повторяютъ ученія, робко высказывавшіяся прежде и считавшіяся отсталыми.

Переворотъ быстръ. Но для этого переворота нужны были страшные пожары, нужно было вынаружиться безобразію многихъ истинъ, считавшихся за аксіомы. Пользовавшаяся привиллегіею на общія похвалы молодежь подвергается уже порицаніямъ не только въ обществѣ, но и въ литературѣ, которая прежде такъ слѣпо хвалила все въ ней; и даже,—какъ все измѣнчиво на свѣтѣ!—англійскій *колоколъ*, сзывавшій все молодое на рѣзню всего стараго въ Россіи, на звонъ котораго, точно солдаты на барабанный бой тревоги, тысячи бѣжали безъ оглядки, даже самъ пономарь и состоящіе при немъ звонари, звонившіе въ этотъ колоколъ, подверглись печатному осужденію, названы *безчестными* и въ приговорѣ дано имъ лишь право, съ обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ русскимъ милосердіемъ, для избѣжанія казни, обозвать себя *помѣшанными*. О людяхъ, своими *опасными* занятіями возбуждавшихъ нѣкогда сочувствіе въ обществѣ, теперь лишь сожалѣютъ, какъ о жертвахъ обмана со стороны разныхъ интригановъ, и какъ о слѣпыхъ орудіяхъ въ рукахъ *генерала отъ революціи*, стоящаго внѣ выстрѣловъ, мужественно проливающаго *чужую* кровь и призывающаго новыя массы для этого безцѣльнаго кровопролитія. Пожары петербургскіе своимъ дымомъ прогнали отъ русскихъ головъ наносную чуму революціи и умственнаго одурѣнія. Они прозрѣли и выздоровѣли для суда надъ

своими прежними авторитетами, для болѣе безпристрастнаго различенія честнаго писателя отъ ведернаго говоруна, клеветы отъ истины.

Когда мы писали свои первыя статьи въ защиту духовенства, общественное мнѣніе, на сколько оно выражалось въ литературѣ, было въ самой сильной степени возбуждено противъ него. Тогда такіе нелѣпые извѣты, какъ „*Одна изъ Кастъ*" г. Піотровскаго, принимались безъ повѣрки и считались за безъапелляціонный приговоръ суда присяжныхъ. Тогда, идя послѣдовательно, матеріалистическо-соціалистическіе органы нашей журналистики доводили общественную мысль до худо скрытаго подъ строками заключенія, что духовенство не только наше отечественное, но вообще духовенство, какъ классъ служителей вѣры и совершителей таинствъ и богослуженія, составляетъ для настоящаго времени анахронизмъ, что это одинъ изъ остатковъ суевѣрной темной стороны, что это сословіе рѣшительно безполезно, потому что высшихъ религіозныхъ интересовъ у человѣка нѣтъ, мало этого, оно вредно успѣхамъ прогресса, потому что оно своимъ ученіемъ лишь омрачаетъ умы народа. Тогда духовенство, какъ говорятъ ученые, отвергалось литературою *въ принципѣ*, и православные священники, будь они чисты, какъ ангелы, учены, какъ самый ученѣйшій изъ русскихъ публицистовъ, проповѣдывавшихъ подобныя ученія, честны на столько, на сколько можно быть человѣку честнымъ, все таки выходили сословіемъ лишнимъ, и должны были бы итти или въ каменьщики, или въ пивовары, потому что они тогда все таки были бы полезнѣе. Споръ защитниковъ духовенства съ противниками и порицателями переходилъ прямо изъ области частнаго спора,

изъ за частыхъ обвиненій, въ область спора между двумя школами: философія матеріалистической и спиритуалистической, атеистической и теистической. Но по особеннымъ обстоятельствамъ русскаго печатнаго слова литература наша не ставила этихъ вопросовъ о духовенствѣ такъ прямо и рѣзко, какъ того требуетъ послѣдовательная логика. Матеріалисты не договаривали своихъ послѣднихъ выводовъ касательно духовенства, публика была довольна снисходительностію ихъ и ихъ непослѣдовательность принимала за гуманность и терпимость: защитники духовенства опровергали то, что прямо говорилось о духовенствѣ ложнаго или преувеличеннаго, какъ бы боясь выставить наружу послѣдній выводъ модной философіи и вооружиться противъ ея началъ, необходимо ведшихъ къ такому выводу. Люди имѣютъ удивительную способность обманывать самихъ себя. Они принимаютъ и рукоплещутъ началамъ, и пятятся назадъ, лишь только увидятъ честный и откровенный выводъ всѣхъ слѣдствій изъ этихъ началъ. Соціалистическія и матеріалистическія начала проповѣдывались и принимались за послѣдніе результаты общечеловѣческаго развитія: но какъ скоро „*Молодая Россія*“—послѣдняя изъ прокламацій—честно и прямодушно досказалась до послѣднихъ выводовъ, необходимо слѣдовавшихъ изъ началъ, какъ послѣдовалъ отливъ сочувствія къ самымъ началамъ. Церковь и Вѣра, а съ ними и духовенство давно уже отвергались въ принципѣ, и никто изъ самыхъ ревностныхъ и изъ самыхъ проницательныхъ защитниковъ ихъ не возвысилъ голоса противъ такого отверженія: но когда послѣднее издѣліе подпольныхъ типографскихъ станковъ сказало, что Бога нѣтъ, что Вѣра и Церковь не нужны, общество отшатнулось и

сперва какъ то робко, а потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе заговорило за Бога, за Церковь, за духовенство. Самые рьяные тогда присмирѣли, нѣкоторые, прежде изъ-подъ-тишка издѣвавшіеся надъ Вѣрой, Церковію и духовенствомъ, журналы вдругъ перемѣнили тонъ, робкіе защитники сдѣлались смѣлыми, — День и Домашняя Беесѣда какъ будто передали свой духъ всѣмъ журналамъ. Въ первой статьѣ мы выразили убѣжденіе, что „какъ всякое направленіе начинаетъ уже переставать въ жизни, какъ скоро оно сознается философскимъ манеромъ и возводится въ теорію, такъ точно будетъ и съ философіей матеріалистической (¹), что стоитъ только этой философіи досказаться до послѣднихъ заключеній, подразумѣваемыхъ этой теоріей, какъ кредитъ къ ней упадетъ" (²). Наши надежды исполнились. И Молодая Россія, бывшая теоретическимъ торжествомъ соціалистическо-матеріалистической философіи, на практикѣ послужила къ ниспроверженію ея ученій, потому что прокламація не остановилась на полдорогѣ.

Между второй нашей статьей и настоящей прошло не много времени, а между тѣмъ многія побужденія, прежде водившія нашимъ перомъ, уже потеряли современность и силу. Прежде мы говорили противъ невѣжества озлобленныхъ враговъ касательно духовенства, теперь должны говорить иногда противъ невѣжества услужливыхъ друзей. Прежде мы защищались и борьба давала одушевленіе, теперь будемъ лишь холодно излагать положеніе духовенства, его настоящій бытъ, его совершенства и недостатки, чтобы понять совре-

---

(¹) *Христ. Чтен.* 1862 г. февр. стр. 251.
(²) Тамъ же стр. 254.

менное его значеніе въ цивилизаціи русской, причины уменьшенія значенія въ извѣстныхъ слояхъ общества и опредѣлить главное мѣсто его цивилизаторской дѣятельности.

Каково положеніе русскаго духовенства относительно правительства? Прекрасныя строки глубокаго пониманія положенія духовенства относительно правительства находимъ мы въ *Твореніяхъ святыхъ отцевъ* [1]. „Когда Петръ первый издалъ указъ, запрещающій монаху держать у себя въ кельи перо и чернила; когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди: духовенство должно было почувствовать, что государственная власть отселѣ становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствой и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отселѣ не безопасно“.

„Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель) и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда пріобрѣтеніе новыхъ имуществъ для церкви намѣренно было обставлено разными затрудненіями; когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе усиливался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизовалось; когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться на потребу не чисто церковную: ду-

---

(1) 2 книжка 1862 г.

ховенство должно было почувствовать, что и у собственныхъ средствъ оно не хозяинъ, а только приставникъ; что оно не можетъ отселѣ ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни тѣмъ менѣе ручаться, что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время. Духовенство поняло, что отселѣ властно оно безъ всякой помѣхи пригласить пожертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности впрочемъ, что крыша и ограда навсегда сохранятъ свое назначеніе„ ([1]).

„Когда духовенство видитъ, что законодательство сначала можетъ быть намѣренно, а за тѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидной послѣдовательностію проводитъ такое правило: „духовное лице православнаго исповѣданія за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньше, чѣмъ лица свѣтскія или духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должностяхъ“ ([2]): къ какому заключенію должно приходить духовенство? Къ тому безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе, намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ

([1]) «При двукратномъ сокращеніи числа монастырей, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, были обращены въ казармы и другія вовсе не церковныя зданія».

([2]) «Нужно сравнить только: содержаніе профессоровъ и учителей въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ съ содержаніемъ университетскихъ профессоровъ и гимназическихъ учителей, содержаніе православныхъ духовно-учебныхъ заведеній вообще съ содержаніемъ подобныхъ заведеній католическихъ; жалованье православныхъ священниковъ при полкахъ и жалованье лютеранскихъ пасторовъ на тѣхъ же самыхъ должностяхъ. Стоитъ обратить вниманіе и на то, что законоучителю вездѣ полагается жалованье меньше, чѣмъ прочимъ наставникамъ въ томъ же заведеніи и проч.»

презрѣніемъ, и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось священнымъ началамъ своей родины. Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?“

„Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ, законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть, съ обязанностію обиднаго надзора и съ обязанностію не менѣе обиднаго содѣйствія. Устраиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя, но въ рядъ съ другими ставитъ его въ положеніе чиновника, подвергнутаго всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администраціи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдаютъ дѣтей, духовное лицо принуждено таить отъ правительства; ибо законъ требуетъ, чтобы о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство. Не достаточно ли однѣхъ этихъ причинъ, чтобы сдѣлать духовенство тѣмъ, чѣмъ оно есть къ сожалѣнію теперь? А именно: сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, и вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни“.

„И однако изъ всѣхъ сословій просвѣщенныхъ и полупросвѣщенныхъ, наше духовенство, каково оно ни есть, есть сила наиболѣе хранительная въ государствѣ. И однако, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, духовная связь между имъ и народомъ не разорвана. Но чтобы укрѣпить эту связь, нужно поднять, ободрить, поощрить духовенство. Стоитъ осмотрѣться вокругъ себя, что сдѣлано уже и теперь при

данномъ вообще нѣкоторомъ просторѣ общественнымъ силамъ. Не смотря на всѣ толки, раздающіеся въ свѣтской литературѣ о необходимости народнаго образованія; не смотря на воскресныя школы, открываемыя съ такими торжественными кликами; чрезъ все это, въ сущности, дѣльнаго достигнуто очень не много, и усердіе нашего общества, сначала казавшееся столь горячимъ, видимо хладѣетъ. А между тѣмъ духовенство считаетъ своихъ учениковъ уже сотнями тысячъ, и безъ шума продолжаетъ свое дѣло учительства, не имѣя матеріальныхъ средствъ, и надобно сказать правду, не встрѣчая ни малѣйшихъ признаковъ общественнаго сочувствія. Законодательство обязано всѣми силами споспѣшествовать этому благому движенію". Оканчивая эту довольно длинную выдержку, сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній о положеніи духовенства относительно правительства. Трудно представить сословіе, которое не смотря на то, что ему ввѣрены самые высшіе интересы, было бы больше принижено администраціей въ своемъ отношеніи къ другимъ сословіямъ. Съ крестьянами оно не можетъ быть самостоятельно ни въ своихъ дѣйствіяхъ, ни въ своемъ поученіи: оно должно поддѣлываться подъ ихъ вкусъ, подъ ихъ суевѣрія, подъ ихъ дурныя привычки, потому что отъ нихъ оно получаетъ средства своего содержанія. Священникъ, напримѣръ, хотѣлъ бы, чтобы крестьяне соблюдали святость воскресныхъ и праздничныхъ дней, а ихъ гонитъ помѣщикъ на барщину или за ягодами въ лѣтнюю пору. Онъ скажетъ два-три слова о томъ, что праздничный день долженъ быть посвященъ Богу, слова его дойдутъ до помѣщика, и священника формально обвиняютъ въ возбужденіи крестьянъ къ неповиновенію. Станетъ ли

онъ вооружаться противъ пьянства, его спорва ласкательствами, потомъ доносами останавливаютъ питейные агенты. У священника есть земля, есть семья; прихожане и рады были бы помочь ему убрать хлѣбъ или скосить сѣно, да у нихъ три дня занято помѣщичьей работой, и три своей. Священнику остается праздничный день у прихожанъ и онъ собираетъ на *помочь* мужиковъ именно въ праздничный день, богоугодному препровожденію котораго онъ обязанъ былъ бы и словомъ и дѣломъ поучать своихъ пасомыхъ, и однакожъ вынужденъ поучать противному. А праздники деревенскіе! Сколько они представляютъ если не неотразимыхъ, то очень сильныхъ и потому извинительныхъ искушеній для причта. Это хожденіе со святой водой мимо хороводовъ, орлянокъ, другихъ разнаго рода игръ, мимо кучъ выпившихъ мужиковъ, сопровождающееся безотвязными умаливаніями со стороны хозяевъ—особенно зажиточныхъ—выпить и закусить: сколько здѣсь бываетъ смѣси святаго съ грязнымъ, сколько молодыхъ непьющихъ ничего священниковъ и причетниковъ были вынуждены колѣнопреклоненными мольбами прихожанъ въ первый разъ взять въ руки сосуды съ зельемъ, впослѣдствіи ставшимъ для нихъ потребностію, причиною неисправностей, нерадѣнія о своемъ дѣлѣ, заглушенія вкуса къ чтенію и образованію себя, и наконецъ причиною отставленія отъ мѣста. А между тѣмъ упорно отказываться отъ крестьянскихъ угощеній, самыхъ радушныхъ и самыхъ неотвязчивыхъ, считается прихожанами за проявленіе гордости въ священникѣ и причтѣ, отталкивающей ихъ отъ священнослужителей. Кто взвѣситъ всѣ эти обстоятельства, въ какихъ поставлено было духовенство къ помѣщикамъ и другимъ начальству-

ющимъ лицамъ, не исключая бурмистровъ, старостъ и писарей, и къ народу: тотъ затруднится бросить камень осужденія одинаково какъ въ робкаго и уступчиваго, такъ и въ нетрезваго священнослужителя. Тѣсно имъ было отвсюду и грязно около. Мудрено ли, что слово святой правды и кроткаго обличенія смолкло среди духовенства, и что нѣкоторые, хоть и не значительные по количеству, экземпляры духовенства страдаютъ нѣкоторыми болѣзнями, происходящими отъ нечистой окружающей ихъ атмосферы.

Стѣсненное такими обстоятельствами, духовенство въ странномъ положеніи находится къ *обществу* т. е. къ болѣе или менѣе образованнымъ классамъ русскаго народа. Для большинства русскаго духовенства, именно для всего сельскаго духовенства, *общество* не существуетъ, или почти не существуетъ. Оно живетъ и дѣйствуетъ среди безграмотнаго, совершенно необразованнаго народа. Въ рѣдкихъ мѣстахъ живутъ помѣщики, а еще болѣе рѣдкіе случаи, чтобы помѣщики снизошли до того, чтобы принять мѣстнаго священника, о діаконѣ и дьячкахъ ужъ и не говоримъ, — въ свое общество. Образованные болѣе или менѣе лица являются въ деревняхъ мелькомъ, то на слѣдствія, то проѣздомъ. Между тѣмъ у священниковъ есть и сознаются интересы духовные и общественные; между тѣмъ имъ, какъ всякому образованному человѣку, необходимъ образованный кругъ, въ которомъ бы они могли прислушаться къ понятіямъ и воззрѣніямъ другихъ лицъ и подѣлиться своими думами. Болѣе или менѣе частыя сношенія съ лицами образованными научили бы ихъ большей или меньшей изящности обхожденія, чистотѣ разговорнаго языка, опрятности въ одеждѣ, развивали бы кругъ ихъ

воззрѣній, не давая уснуть мысли и потеряться всякому стремленію къ самоусовершенствованію и самообразованію. Духовенство часто обвиняютъ въ грубости манеръ, въ неопрятности, въ запуганной робости: но, спрашиваемъ, вѣдь эти блага не прирождены, а развиваются окружающей средой? — Кто можетъ смягчить манеры сельскаго духовенства, научить его—вести себя съ приличнымъ достоинствомъ и свободою, когда всей жизни его суждено проходить въ сношеніяхъ съ грубыми, запуганными и грязными крестьянами? А между тѣмъ въ причтахъ замѣтно по всюду хотя безсознательное уваженіе къ бóльшей цивилизаціи, къ бóльшей образованности: священники, діаконы и причетники съ удовольствіемъ знакомятся и съ радушіемъ принимаютъ офицеровъ, которымъ приходится квартировать по близости, фелдфебелей, писарей полковыхъ; оттолкнутые и презираемые помѣщиками, они охотно знакомятся съ дворецкими, съ лакеями ихъ, уважая въ нихъ бóльшую выдержку внѣшнихъ манеръ и болѣе чистые костюмы. Не скроемъ, иногда именно эти связи съ полуобразованными лицами ведутъ къ большему огрубѣнію духовенства: но чтожъ дѣлать, когда лица, стоящія болѣе высоко въ отношеніи къ усвоенію плодовъ цивилизаціи, или живутъ далеко, или хоть близко, но держатъ себя далеко отъ духовенства!...

Въ нашихъ уѣздныхъ городахъ положеніе духовенства относительно общества измѣняется не много. Общество собственно и здѣсь существуетъ въ очень ограниченномъ количествѣ. Городничій, исправникъ, десятокъ чиновниковъ, два три инвалидныхъ офицера, десятка два купцовъ: вотъ весь составъ общества уѣзднаго города для пяти—двадцати священниковъ; да еще

развѣ смотрители и учители уѣздныхъ и духовныхъ училищъ, если есть училища въ городѣ. Но лица начальствующія, лица болѣе или менѣе достаточныя, точно также, какъ въ деревняхъ помѣщики, держатъ себя и въ уѣздныхъ городахъ на благородной дистанціи отъ духовенства, и допускаютъ до себя раза два-три въ годъ въ большіе праздники для служенія молебновъ, и по поводу семейныхъ событій—для крестинъ, похоронъ и т. д. Купцы и мѣщане—тѣ охотнѣе поддерживаютъ сношенія съ священниками и охотнѣе вступаютъ въ болѣе или менѣе частыя сношенія съ своимъ духовенствомъ. Городское духовенство не получаетъ жалованья, и содержится пожертвованіями за требоисправленія. А надобно сказать правду, что, какъ ни скудно содержаніе уѣзднаго городскаго духовенства,—все-таки оно собирается главнымъ—да почти что исключительнымъ—образомъ съ мѣщанъ и купцовъ. Очень естественно священнику сближаться съ тѣми, которые даютъ ему средства содержанія себя и своего семейства. Предоставляемъ всѣмъ обвинителямъ духовенства — посудить самимъ, на сколько благопріятствуетъ городскому уѣздному духовенству—облагородить свои внѣшнія манеры и внутренній свой духовный строй—общество уѣздныхъ городовъ, котораго одна половина отшатывается отъ него сама и ничѣмъ почти не заставляетъ сближаться съ нею, а другая, — будучи большею частію ниже духовенства по образованію, можетъ лишь принижать его —тѣмъ больше, чѣмъ чаще и тѣснѣе оно станетъ съ нею сближаться.

И то и другое духовенство — и сельское и городское — отдаленное отъ возвышающихъ и цивилизующихъ вліяній общества, кто знаетъ, какъ далеко мог-

ло бы заходить на пути одичанія, если-бы оно, хоть не часто, не сходилось съ членами же своего сословія— то на приходскихъ праздникахъ, то на семейныхъ торжествахъ своихъ. Равные, вообще говоря, по образованію, съ одинаковыми призваніями дѣятельности, съ одинаковыми воспоминаніями о своихъ школьныхъ и дѣтскихъ годахъ—они съ удовольствіемъ проводятъ время вмѣстѣ, и могли-бы и съ большею пользою собираться другъ къ другу, если бы стороннее, болѣе цивилизованное и облагороженное—общество своимъ вліяніемъ возвысило и облагородило ихъ вкусъ къ лучшимъ удовольствіямъ, если бы постоянное презрѣніе высшихъ къ ихъ званію не охлаждало ихъ ревности и уваженія къ прямымъ своимъ занятіямъ.

Отношеніе духовенства губернскихъ и столичныхъ городовъ къ мѣстнымъ образованнымъ людямъ страдаетъ отъ другихъ причинъ. Въ первой статьѣ своей мы уже указали эти причины, когда рѣшали вопросъ: „откуда и какъ образовалось въ образованномъ русскомъ сословіи то пренебреженіе, часто переходящее въ болѣе сильное и положительное чувство къ церкви и духовенству—въ ненависть?“ Мы указали тамъ, что начиная съ Петра Великаго чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и острѣе становилось пренебреженіе къ духовенству, что сначала это было безсознательнымъ рабскимъ подражаніемъ презрѣнію западныхъ народовъ къ ихъ духовенству, потомъ оно стало презрѣніемъ основаннымъ на началахъ французской энциклопедической философіи, презрѣніемъ богатыхъ и независимыхъ лицъ къ бѣднымъ и пресмыкающимся, наконецъ стало презрѣніемъ, основаннымъ на принимаемой модною матеріалистическою фолософіею за несомнѣнную той истинѣ, что вѣ-

ра сборъ суевѣрій, а духовенство—*темная*, омрачающая народное сознаніе, *каста*. Въ такомъ положеніи находятся или по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ стояли многіе изъ образованныхъ людей обществъ губернскихъ и столичныхъ городовъ къ Вѣрѣ, Церкви и духовенству. Тогда не рѣдкость было услышать отъ молодаго ученаго, разсуждающаго и рѣшающаго не задумываясь самые сложные вопросы иностранной и внутренней политики, что для него, какъ для Бокля, непонятно, какъ это умные люди могутъ еще поступать въ духовное сословіе, когда отечественный — общественный прогрессъ такъ нуждается въ образованныхъ дѣятеляхъ, что тѣмъ служить панихиды, да молебны, да проповѣдывать истины или извѣстныя испоконъ вѣка, или столь же безполезныя, какъ рѣшеніе вопроса *о происхожденіи Руси* и *о Ярославлѣ серебрѣ*, лучше бы духовенству для блага общества сдѣлаться землепашцами, каменотесами, духовно учебныя заведенія закрыть или присоединить къ свѣтскимъ, а изъ свѣтскихъ изгнать преподаваніе вѣры. Дивная была пора, существованію которой наши потомки въ XX столѣтіи съ трудомъ повѣрятъ!... А между тѣмъ современное поколѣніе признавало полную законность подобныхъ воззрѣній на духовенство, между тѣмъ число недоброжелателей его росло въ быстрой прогрессіи, между тѣмъ школьникъ, едва выучившійся читать, признакомъ своей неотсталости считалъ не слушать лекцій по Закону Божію, поиздѣваться надъ храмомъ и святынями, ругнуть „*попа*“ и „*семинариста*“, между тѣмъ вражда и презрѣніе къ духовенству изъ свѣтскихъ образованныхъ кружковъ проникали въ самое духовное сословіе —въ молодыхъ наставниковъ и молодыхъ учениковъ и

вели ихъ къ полному самоосужденію себя и къ безусловному удивленію къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ и къ свѣтской наукѣ, между тѣмъ предъ этимъ натискомъ извнѣ — предъ этой измѣной внутри себя, духовныя лица, имѣвшія въ самомъ своемъ призваніи побужденія въ своемъ положеніи возможность—отражать клеветы и нападенія, смолкли или изрѣдка и то какъ-то уклончиво и особенно ласково проговаривали нѣсколько апологетическихъ сентенцій, и всегда считали своимъ долгомъ и въ обществѣ и въ печати напасть на смѣлую и мужественную статью за вѣру и духовенство. Фактъ замѣчательный, и на немъ не мѣшаетъ остановиться. Откуда это равнодушіе въ отечественномъ духовенствѣ къ интересамъ Вѣры, надъ которою ругались, къ своимъ собственнымъ интересамъ, тѣсно и неразрывно связаннымъ съ Вѣрою и общественнымъ уваженіемъ къ ней? Отъ чего это западное духовенство отличается такою энергіею въ подобныхъ дѣлахъ, отъ чего, напримѣръ, не смотря на вопли и протесты общественнаго мнѣнія, французское духовенство такъ крѣпко защищаетъ папу,—отъ чего оно такъ упорно могло не давать одному знаменитѣйшему гебраисту Ренану занять мѣсто профессора въ College de France, потому только, что онъ раціоналистъ, отъ чего Шенкель и богословская партія въ Гейдельбергѣ оказались довольно энергичными для того, чтобы начать борьбу съ популярнѣйшимъ профессоромъ университета Куно Фишеромъ изъ-за его противурелигіознаго направленія и изгнать его; отъ чего напр. англійскіе эссеисты не только вызвали противъ себя новую отрасль литературы — въ Англіи, но ихъ еще позвали въ Court of Arch и предали суду? Отъ чего наконецъ и у насъ въ

былое время противъ возникавшихъ ересей и расколовъ духовенство—менѣе образованное—выставляло тотчасъ же Димитрія Ростовскаго, Никона, Питирима? Вопросъ, по нашему убѣжденію, важный и жизненный. Рѣшеніе его можетъ быть выведено историческимъ путемъ. У насъ съ того времени, какъ утвердилось прочное правительство, говоря прямѣе—со временъ Петра Великаго, все, что прежде управлялось само собою, что не входило въ кругъ общаго государственнаго управленія, хотя и не враждовало съ нимъ, было введено подъ строгую форму единоисточнаго управленія. Духовенство подпало этой общей участи и, съ уничтоженіемъ патріаршества, получило во внѣшней сторонѣ жизни своей характеръ какъ бы чиновническій и, оставаясь самостоятельнымъ собственно въ дѣлахъ Вѣры, въ распоряженіи внѣшними своими дѣйствіями подпало одинаково со всѣми другими сословіями контролю государства. Повитое разнообразными привиллегіями, защищаемое законами, оно стало просто чиновниками вѣдомства православнаго исповѣданія и, болѣе или менѣе исправно отбывая свои прямыя — такъ сказать чиновничьи—обязанности, спокойно задремало, увѣренное, что есть кому защищать его, и протирало глаза и начинало сонливо дѣйствовать тогда лишь, когда посылался къ нему тотъ или другой указъ, разсуждая очень здраво, что безъ указа оно ничего не имѣетъ права предпринять. Съ Петра Великаго по настоящее время смѣнилось уже по крайней мѣрѣ пять поколѣній священнослужителей: новое направленіе все больше и больше въѣдалось въ каждое слѣдующее поколѣніе, а правительство, умножая своихъ чиновниковъ, начиная съ губернаторовъ и кончая сотскими и становыми, все больше и больше ставило надсмотрщиковъ за

дѣятельностію духовенства въ видѣ впрочемъ содѣйствователей и охранителей интересовъ православной Церкви. Подобные помощники, кромѣ того, что убивали довѣренность народа къ своимъ пастырямъ, самихъ пастырей дѣлали не предпріимчивыми, лѣнивыми, какими-то машинами безъ духа и энергіи. Предпріимчивый раскольничій *большакъ*, не вспомоществуемый ни исправникомъ, ни становымъ, и именно потому, что онъ дѣйствовалъ безъ внѣшняго гражданскаго полномочія, вопреки ему, но во имя Христово, значилъ въ глазахъ народа больше, чѣмъ священникъ господствующей церкви съ правомъ, въ случаѣ, если неискусныя его вразумленія (для *искуства* и дѣйственности вразумленій тоже нуженъ воспитанный исторіею и развитый упражненіемъ навыкъ!) не вразумляли совратившихся,—пригласить полицейскую власть для вразумленія. Только въ настоящее время наше духовенство начинаетъ пробуждаться, хотя тоже большею частію по правительственнымъ распоряженіямъ;—иначе впрочемъ и быть не можетъ,—мы уже такъ привыкли къ нимъ и скоро отвыкнуть отъ вѣковой привычки для самостоятельной духовной дѣятельности трудно.—Духовенству дано было правительствомъ нѣсколько примѣровъ того, какимъ вредомъ и какими опасностями для него могутъ сопровождаться утомительное бдѣніе противъ враговъ православной Церкви и непрошеная ревность по Вѣрѣ. Отъ эпохи самостоятельной дѣятельности духовенства перешло въ эпоху Петровскую и послѣ-петровскую нѣсколько самостоятельныхъ характеровъ, напоминавшихъ собою Никона. Таковы напримѣръ были Стефанъ Яворскій, другъ его Θеофилактъ Лопатинскій и Арсеній Мацѣевичъ. Они были виноваты лишь въ

томъ, что на дѣло Вѣры и Церкви и на свое служеніе не смотрѣли, какъ только на форму и чиновничью службу, а крѣпко принимали къ сердцу интересы православія и дѣйствовали, какъ повелѣвали имъ ихъ убѣжденія. Исторія [1] *Камня Вѣры*, написаннаго противъ протестантовъ Стефаномъ Яворскимъ, или такъ называемое *Рѣшиловское Дѣло*, съ пытками, разстриженіями и ссылками въ Сибирь, и исторія *отобранія церковныхъ имуществъ* [2] хоть кого могли вразумить, что опасно выступать съ искренней защитой вѣроученія-ли то или практическихъ интересовъ Церкви православной, хоть и господствующей. — противъ даже „еретичествующихъ" лютеровъ и кальвиновъ, опасно бѣднымъ вопить, что имъ ѣсть нечего будетъ, не на что будетъ содержать свои школы, если отберутъ имѣнія. Правительство православное, подъ диктовку и по настояніямъ бывшихъ у него на службѣ нѣмцевъ и русскихъ вельможъ, измѣнившихъ святоотеческимъ преданіямъ, гнало самыхъ добросовѣстныхъ защитниковъ православія и пользъ православной Церкви. Всѣ видѣли, что отселѣ не безопасно „право править" слово истины, а лучше держаться въ сторонѣ, или ничего не говорить и не писать, или говорить и писать краснорѣчиво положимъ, но о предметахъ археологіи, или объ истинахъ самыхъ общихъ и для всѣхъ безобидныхъ, не касаясь современныхъ тре-

---

(1) Для ознакомленія съ этой печальной «Исторіей» рекомендуемъ изслѣдованія г. И. Чистовича, напечатанныя имъ въ Странникѣ (1861 г.) и въ Православномъ Обозрѣніи (1862 г. 2 №), а потомъ отдѣльными брошюрами подъ заглавіемъ: *Рѣшиловское Дѣло—Матеріалы для исторіи первой половины XVIII вѣка.*

(2) Новыя данныя о пострадавшемъ по поводу отобранія церковныхъ имуществъ ростовскомъ архіепископѣ Арсеніѣ Маціевичѣ и вообще объ отобраніи церк. имѣній напечатаны въ газетѣ *День* (см. №№ 15 и 16).

бованій жизни. Уроки молчанія даваемы были духовенству не одной только *тайной канцеляріей*: лица духовныя—сельскіе священники за частую получали подобные же уроки—не соваться въ жизнь со святыми истинами Вѣры—отъ помѣщиковъ и отъ низшихъ судебныхъ инстанцій. Архивы консисторій и уѣздныхъ и земскихъ судовъ—полны указаній на страдальцевъ своихъ убѣжденій среди духовенства; многіе другіе случаи живутъ лишь въ преданіи народномъ. Въ пору полнаго господства крѣпостнаго права помѣщикъ могъ, сколько угодно, оскорблять священника, могъ побить его—безнаказанно, при малѣйшемъ сопротивленіи, могъ, ничѣмъ не рискуя, настрочить жалобу на священника самъ или заставить ее написать своихъ крестьянъ, обязавъ ихъ на слѣдствіи показать противъ обвиняемаго. Вопіющія несправедливости духовенство видѣло около, терпѣло само, и подъ давленіемъ со всѣхъ сторонъ, подъ давленіемъ своей бѣдности, своей беззащитности (бѣдный—всегда болѣе или менѣе беззащитенъ!) въ страхѣ остаться безъ куска хлѣба—сомкнуло свои уста для провозвѣстія правды и истины; между тѣмъ вынужденное бездѣйствіе стало уже привычкой для него, оно потеряло энергію и сдѣлалось равнодушнымъ. Съ 19-го февраля положено основаніе новому порядку вещей, дающему сельскому духовенству бо́льшую свободу дѣйствій среди своихъ прихожанъ: но никакая административная мѣра не въ силахъ вдругъ преобразовать людей, перемѣнить ихъ привычки, сложившіяся подъ долговременнымъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. И вотъ запуганное, упавшее въ духѣ духовенство наше встрѣтилось лицомъ къ лицу съ новыми врагами—либералами, явившимися довольно дав-

но въ русскомъ обществѣ, но увеличившимися въ числѣ и получившими бо́льшую смѣлость въ послѣдніе годы въ слѣдствіе уменьшенія цензурныхъ строгостей и вслѣдствіе развитія подпольной литературы. Равнодушными глазами оно посмотрѣло и на этотъ новый походъ на него—на ватагу новыхъ *рыцарей тевтонскаго ордена*, несшихъ въ русскую практику самыя несбыточныя нѣмецкія теоріи, которыя не рѣшаются прилагать къ дѣлу на мѣстѣ ихъ происхожденія. Ему предписывали молодые законодатели уничтоженіе, а оно, привыкшее уже къ разнаго рода оскорбленіямъ и несправедливостямъ, и въ надеждѣ на всезащищающую его власть, и ухомъ не вело; довольно не двусмысленно говорили объ нелѣпости вѣры, таинствъ, чудесъ, смѣялись надъ догматами, и хоть бы одинъ голосъ печатно раздался изъ среды духовенства. Эта слабая дѣятельность его въ настоящихъ обстоятельствахъ не имѣла дурныхъ послѣдствій; но пора наконецъ намъ понять, что есть вещи, которыхъ не усмотритъ никакая власть и которыхъ не слѣдуетъ защищать властію и насиліемъ, что противъ знанія и идей нужно бороться знаніемъ же и идеями, противъ усиливающагося невѣрія — возставать съ твердымъ убѣжденіемъ и съ безстрашнымъ обличеніемъ неосновательности доводовъ невѣрія, что есть мнѣнія, которыя получаютъ силу потому только, что они пропускаются безъ вниманія тѣми, кого касаются, что необличенный въ своемъ фанатизмѣ и невѣжествѣ, но наказанный властію, невѣрующій либералъ можетъ показаться для своей партіи и для своихъ соумышленниковъ мученикомъ и страдальцемъ, что это послѣднее явлѣніе, такъ часто повторявшееся у *раскольниковъ старообрядцевъ*, можетъ одинаково повто-

риться и на нашихъ *раскольникахъ — новообрядцахъ* или на новыхъ либералахъ. Мы съ истинною радостію читали „Голосъ Московскаго священнослужителя" касательно усиленныхъ моленій церкви объ отвращеніи бѣдъ, грозящихъ православному отечеству, и глубоко пожалѣли, что неистовая брань *Свѣточа* противъ мужественнаго служителя Христова осталась безъ отвѣта въ духовныхъ журналахъ. Пора пользоваться и намъ, но для добра, тою частію свободы слова, которою пользуется русская печать, и мужественной, энергичной защитой Вѣры и Церкви напомнить эпоху самостоятельной жизни духовенства, — за нами стоятъ Гермогенъ, Палицынъ, Никонъ, съ ихъ мужественнымъ желаніемъ добра Церкви и отечеству. Чѣмъ чаще и отважнѣе нападенія на Вѣру и Церковь, тѣмъ бодрственнѣе, мужественнѣе и стойче должны быть защитники. И если послѣ основательныхъ и кроткихъ вразумленій пастырскимъ словомъ останутся еще въ нашемъ образованномъ обществѣ враги Вѣры и Церкви: тогда вы можете повторить слова Спасителя: *никто же изъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный, да сбудется писаніе.*

Положеніе духовенства среди народа, разумѣемъ простаго, самое знаменательное. Цивилизаторское вліяніе его на простой народъ особенно обширно и сильно. Другія сословія русскаго общества находятся подъ очень сложными цивилизующими вліяніями, иноземными и русскими; ихъ высшія, руководящія, нравственныя правила могутъ устанавливаться и просвѣтляться отъ частыхъ сношеній съ образованными людьми, отъ занятій наукой, литературой, поэзіей; и, какъ показываютъ примѣры послѣднихъ лѣтъ, образованныя сословія могутъ даже

намѣренно и упорно противиться внушеніямъ Церкви и презирать ея уставы. Сѣверная Пчела въ одной изъ передовыхъ своихъ статей высказала странное воззрѣніе на духовенство, что оно „солидарно съ обществомъ и не имѣетъ ни какой солидарности съ народомъ.“ По нашему искреннему убѣжденію слѣдовало бы сказать, и было бы болѣе справедливо сказать, на оборотъ — именно, что духовенство несравненно солидарнѣе съ народомъ, чѣмъ съ обществомъ. Общество наше со времени Преобразователя много прошло степеней развитія, много испытало перемѣнъ въ покроѣ платьевъ, въ прическѣ волосъ, въ воззрѣніяхъ эстетическихъ, философскихъ, религіозныхъ, соціальныхъ, экономическихъ: а народъ оставался одинъ и тотъ же, не брилъ онъ бородъ, не зналъ, падаетъ ли классицизмъ въ борьбѣ съ романтизмомъ, не слѣдилъ за *послѣдними словами науки* и не зналъ, французскіе ли энциклопедисты лучшіе философы, или ихъ смѣнили уже Гегель съ Бюхнеромъ. Въ внѣшней и внутренней жизни — т. е. въ своихъ высшихъ стремленіяхъ и чаяніяхъ — русскій народъ XIX столѣтія таковъ же, каковъ онъ былъ въ первые годы царствованія Петра Великаго; вмѣстѣ съ духовенствомъ онъ постоянно оставался при своихъ православныхъ воззрѣніяхъ въ ту самую пору, когда въ образованномъ классѣ все преемственно измѣнялось и замѣнялось одно другимъ. Народъ съ духовенствомъ во главѣ стоялъ—безмолвнымъ тори среди господства нашихъ русскихъ виговъ и радикаловъ. Вотъ почему духовенство, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, не разорвало связи съ народомъ, какъ разорвали связь съ нимъ другія образованныя сословія: народъ и духовенство соединены между собою вѣрованіями свои-

ми, и эта связь—вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія въ народѣ — еще больше укрѣпится. Въ послѣднюю пору наша литература стала очень усердно хлопотать о соединеніи образованныхъ людей съ народомъ. Ничто не соединитъ образованнаго человѣка съ народомъ, отпусти онъ хоть по колѣно бороду и одѣнься въ крестьянскій зипунъ, если онъ не соединится съ народомъ въ области духа, въ области вѣры православной, и наоборотъ. никакія другія отступленія не порвутъ окончательно связи между образованными сословіями и народомъ, если эта внутреннѣйшая связь не будетъ порвана. Это доказываетъ духовенство. Такую именно мысль проводитъ Сѣверная Пчела въ слѣдующихъ своихъ соображеніяхъ: „возмемся", говоритъ она. „за дѣло соединенія съ народомъ, будемъ хлопотать объ охраненіи и возвышеніи его человѣческихъ правъ и о приближеніи его къ идеалу человѣческаго совершенства. У народа идеалъ этотъ готовъ — это Христосъ. не помянувши имени котораго крестьянинъ не заложитъ сошника и не съѣстъ краюхи своего черстваго хлѣба. Пусть каждый честный человѣкъ ведетъ народъ по мѣрѣ своихъ силъ къ этому идеалу и самъ идетъ по тому же пути съ разумомъ во лбу и незлобіемъ въ сердцѣ. На этой дорогѣ есть пунктъ, на которомъ непремѣнно послѣдуетъ соединеніе съ народомъ всѣхъ добрыхъ людей. А кто пойдетъ иной дорогой,—ну чтожъ. худая трава изъ поля вонъ" (1). Во Христѣ и Христомъ—чрезъ Его святую Церковь духовенство связано съ народомъ. и изъ-за Христа и святой Церкви оно отказывается имѣть солидарность съ образованными

(1) Сѣв. Пч. 1862 г № 222.

сословіями, и тотчасъ же возстановитъ ее съ ними, но не иначе, какъ во имя и во славу Христа Спасителя.

Но не одни эти внутренніе интересы связываютъ духовенство и народъ. Солидарность укрѣпляется между ними одинаковостію внѣшнихъ условій ихъ жизни. Гдѣ и съ кѣмъ обращается большинство православнаго духовенства? — Въ деревняхъ — съ простымъ народомъ. Какъ мы уже выше сказали, образованныя сословія наши свысока и презрительно посматриваютъ на духовенство и изрѣдка, только въ оффиціальныхъ случаяхъ, вступаютъ съ нимъ въ сношенія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ большей части селъ и деревень, у духовныхъ не бываетъ вблизи ни одного образованнаго человѣка. Вся ихъ жизнь проходитъ среди простаго народа, и радости и несчастія послѣдняго, въ родѣ освобожденія крестьянъ, пожаровъ, неурожаевъ, по солидарности ихъ матеріальныхъ интересовъ, отражаются на духовенствѣ. Общественный праздникъ, общественное предпріятіе, общественное бѣдствіе у народа не обходятся безъ духовенства. Мы не скажемъ неправды, если скажемъ, что духовенство знакомѣе всѣхъ другихъ сословій съ духомъ народнымъ, что оно противъ воли должно участвовать и въ недостаткахъ и въ совершенствахъ русскаго народа. Пятилѣтній сынъ священника, деревенскаго, дьячка или пономаря, первыя свои связи заводитъ съ крестьянскими мальчиками; съ ними онъ играетъ, они бываютъ первыми его друзьями; изъ насъ не много лицъ, которые воспитывались бы подобно Моvсею при дворѣ какого нибудь русскаго фараона — въ роскоши, въ холѣ и заперти; полная и постоянная связь дѣтей духовныхъ съ крестьянскими продолжается до тѣхъ поръ, пока восьмилѣтняго поповича или дьяч-

ковича не посадитъ отецъ на телѣгу и не отвезетъ его въ училище. И здѣсь въ уѣздномъ городѣ, кромѣ своей братьи—учениковъ, духовный мальчикъ заводитъ игры и знакомство съ дѣтьми не помѣщиковъ, не купцовъ, а съ дѣтьми солдатъ, мѣщанъ, у которыхъ или вблизи которыхъ ему приходится жить на квартирѣ. На святки, на святую, на каникулы мальчикъ отправляется домой и снова у него начинаются игры и возобновляются прежнія сношенія съ старыми своими деревенскими друзьями и пріятелями; лѣтомъ вмѣстѣ съ ними бѣгаетъ въ одной рубашкѣ, босикомъ, и уже въ послѣднихъ классахъ семинаріи, когда сверстники крестьянскіе переженятся, семинаристъ по неволѣ рѣже прежняго встрѣчается съ ними. Самыя лѣтнія будничныя занятія особенно дьяческихъ и пономарскихъ дѣтей бываютъ одинаковы съ занятіями крестьянскихъ мальчиковъ: тѣ и другіе помогаютъ своимъ отцамъ въ полевыхъ работахъ. Мы всѣ почти выходимъ изъ народа и снова, худо ли хорошо ли образовавшись, возвращаемся въ народъ, и имѣемъ полное право сказать, что лучше другихъ образованныхъ господъ знакомы намъ и радости и горе крестьянина, что заунывная пѣсня сильнѣе хватаетъ насъ за сердце, что мы очень хорошо понимаемъ и грѣхи и добрыя качества народа, что, словомъ, мы солидарнѣе всѣхъ лицемѣрно болѣющихъ печальниковъ народнаго счастія съ своимъ народомъ. Мы всѣ знаемъ, на чемъ рожь растетъ, и искренно сожалѣемъ, когда лица, не знающія этого, принимаются отыскивать для народа учителей грамотности и доказывать при этомъ, что духовенство не годится для этого, что нужно поручить это дѣло или волостнымъ писарямъ, или студентамъ университетовъ, или отставнымъ солда-

тамъ, или же образовать учителей изъ простаго же народа.

Возвращаемся къ нашей основной точкѣ зрѣнія. Мы выходимъ изъ деревень и селъ, и, окончивъ семинарскій курсъ, снова возвращаемся священниками или діаконами въ села, а неокончившіе поступаютъ въ пономари или дьячки. Мы не расположены видѣть и представлять все семинарское образованіе наше прекраснымъ, много нужно бы въ немъ передѣлать, преобразовать; главнымъ образомъ и прежде всего нужно бы улучшить матеріальный бытъ наставниковъ и учениковъ; но и въ настоящемъ, весьма неудовлетворительномъ, состояніи своемъ семинаріи больше университетовъ и больше гимназій распространяютъ истинную цивилизацію по отечеству, хотя, можетъ быть, и не въ такой мѣрѣ, какъ свѣтскія учебныя и ученыя заведенія, содѣйствуютъ росту цивилизаціи въ себѣ самой. За исключеніемъ исправниковъ и становыхъ до послѣдняго времени деревни не видали образованныхъ людей около себя. Все, что образованіе давало простолюдину, давалось ему чрезъ духовенство, воспитывающееся въ духовныхъ училищахъ. Къ священнику или дьячку бѣжитъ крестьянинъ, чтобы написать письмо къ сыну, сданному въ солдаты, или ушедшему на столичныя заработки; къ нимъ же старушка крестьянка спѣшитъ, завернувъ въ тряпку письмо отъ сына, чтобы тѣ прочитали его. Священническій сынъ, пріѣхавшій на каникулы, разсказываетъ своимъ сверстникамъ о чудесахъ городской образованности и о чудесахъ науки, о томъ, что молнія бываетъ отъ электричества, что есть лодки, ѣздящія безъ парусовъ и веселъ, что существуетъ на свѣтѣ чугунка и что сто ты-

сячъ пудовъ можетъ вмѣсто лошадей везти паръ, что онъ видѣлъ ружья о шести стволахъ, что хлѣбъ можетъ родиться въ другихъ странахъ самъ сотъ, и сообщаетъ другія подобныя диковинки знанія и цивилизаціи. Священники же и дьячки — съ своими семействами, съ своею обстановкою, изъ которыхъ первые могли бы быть и желательно было бы, чтобы были болѣе образованы, а послѣдняя болѣе чиста и облагорожена, — служатъ примѣрами подражанія, представляя крестьянамъ, высшіе ихъ собственныхъ слѣды комфорта и удобствъ жизни; у нихъ крестьяне видятъ болѣе удобныя телѣги, самовары, болѣе удобныя вилы, грабли, болѣе чистыя комнаты, печку въ гумнѣ болѣе безопаснаго устройства, у нихъ находятъ мяту и горчицу для простудившихся, слабительное для объѣвшихся, пластыри, капли и т. д. Не смотря на ограниченность преподаванія медицины въ семинаріяхъ, семинаристы новгородской напр. губерніи въ 1853 году являлись по селамъ посильными фельдшерами, леча мятными каплями, опіумомъ, припарками, теплыми ваннами заболѣвающихъ холерою крестьянъ. Это болѣе или менѣе наглядныя, такъ сказать, реальныя услуги семинарій и духовенства сельскаго цивилизаціи простаго народа. Но кто возмется опредѣлить то нравственное цивилизующее вліяніе, какое они имѣютъ на народъ, какъ совершители богослуженія, какъ духовные отцы, и хоть изрѣдка проповѣдники истинъ Христова ученія! Въ деревняхъ нѣтъ книгъ, да и грамотныхъ мало было до послѣдней поры; русскіе поэты, русскіе художники, русскіе ученые пишутъ для общества, да для своего взаимнаго удовольствія; народъ не знаетъ ихъ: помѣщики жили тоже большею частію въ столицахъ и

городахъ, а жившіе въ деревняхъ жили для того, чтобы самолично распорядиться чернымъ трудомъ крестьянъ и ихъ временемъ, да собрать подати; становые и исправники наѣзжаютъ, чтобы наказать и произвести слѣдствіе; словомъ, для простаго народа цивилизующимъ мѣстомъ, или, правильнѣе, мѣстомъ истиннаго просвѣщенія и образованія, служитъ храмъ — съ своимъ болѣе или менѣе чистымъ убранствомъ, цивилизующими лицами—лица причта; философію, поэзію для него замѣняютъ проповѣдуемое священникомъ Христово ученіе, церковное богослуженіе, да дошедшая до него по наслѣдству родимая заунывная пѣсня, да мудрая прародительская поговорка. Нравственныя, умственныя и эстетическія силы простаго нашего народа въ своихъ высшихъ потребностяхъ удовлетворяются почти исключительно православнымъ духовенствомъ, и его положеніе среди народа дѣлаетъ этотъ народъ при всемъ его невѣжествѣ и безграмотности — народомъ недикимъ и въ своихъ высшихъ чаяніяхъ равнымъ высоко образованному профессору любаго университета. Смотря съ этой точки зрѣнія на намѣренія нѣкоторыхъ ретивыхъ цивилизаторовъ—облагодѣтельствовать Россію уничтоженіемъ въ ней храмовъ и духовенства, мы поражаемся прежде всего полнымъ невѣжествомъ подобныхъ господъ относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ: вѣдь это значило бы не содѣйствовать истинному прогрессу, а противодѣйствовать ему, и наши деревни обращать не въ цивилизованныя англійскія селенія, а въ дикіе острова или внутреннія части Африки, и въ самоѣдскія тундры. Философія и наука истинныя могутъ еще въ нѣкоторой мѣрѣ замѣнять собою образованіе чрезъ религію для избранныхъ своихъ: но что съ ни-

ми сдѣлаетъ простолюдинъ, которому одно воскресенье и праздникъ остаются для воспріятія и воспитанія въ себѣ всего честнаго, святаго, возвышающаго и облагороживающаго душу. Съ нѣкоторыхъ поръ вошло въ обычай—ругать стеченія народа ко святымъ мѣстамъ. ругать поэтому поводу и духовенство, за то, что оно не вооружается противъ подобныхъ странствованій и покровительствуетъ имъ. Но здѣсь нужно было бы спросить: лучше ли или хуже, т. е. образованнѣе или невѣжественнѣе, нравственнѣе или безнравственнѣе становится странникъ вслѣдствіе посѣщенія той или другой обители? Что путешествія снабжаютъ его новыми знаніями, которыя онъ, придя домой, можетъ сообщить своимъ деревенскимъ жителямъ, это несомнѣнно: но мы не думаемъ, чтобы истинно благочестивый странникъ сталъ послѣ горячей молитвы къ тому или другому угоднику менѣе нравственно-цивилизованнымъ. Вѣдь не ругаютъ же эти писатели лицъ, предпринимающихъ путешествія по западной Европѣ, напротивъ въ этихъ путешествіяхъ видятъ средство къ ознакомленію съ обычаями, знаніями, словомъ,—съ цивилизаціею запада; почему же бы съ этой точки зрѣнія—нашимъ цивилизаторамъ не взглянуть на благочестивыя странствованія нашихъ православныхъ соотечественниковъ. Кіевъ и Новгородъ, Сергіева Лавра и Воронежъ для нашего простолюдина тоже мѣста высшей цивилизаціи, сравнительно съ его родной деревней, какъ Лондонъ, Берлинъ и Парижъ сравнительно съ Петербургомъ, Москвой, тѣмъ же Кіевомъ или Новгородомъ — для богатыхъ и образованныхъ соотечественниковъ. Говорятъ еще, что отъ множества богомольцевъ страдаетъ народная экономія: матеріальный и близорукій взглядъ на благосостояніе на-

родное, даже на внѣшнее довольство! Притомъ да позволено будетъ здѣсь сказать, что благочестивыя путешествія предпринимаются у насъ большею частію либо калѣками, либо людьми слабыми, либо стариками и старухами — т. е. лицами больше *потребляющими*, чѣмъ *производящими*, что, оставляя свои семьи, они лишь облегчаютъ ихъ...

Ругнуть мимоходомъ или въ нарочитой статьѣ семинарское образованіе стало теперь столь же обыкновенною потребностію пишущей братіи, какъ похвалить мѣру освобожденія крестьянъ, гласность или Шекспира. Но при всей недостаточности семинарскаго воспитанія, если имѣть въ виду наше образованное сословіе, для котораго по степени и направленію его развитія дѣйствительно нужны были бы или вкрадчивые католическіе ксендзы или ученые англійскіе и германскіе пасторы,—да и тѣ, пожалуй не удовлетворили бы и не дали вѣры современнымъ скептикамъ,—семинарское образованіе даетъ простому народу болѣе образованныхъ пастырей, чѣмъ какихъ требуетъ уровень его собственнаго образованія. Къ чему священнику сельскому, какъ пастырю крестьянъ, неумѣющихъ читать по-русски, его латынь, его алгебра, его многія другія знанія, къ чему его искусство располагать свои проповѣди по образцу Цицерона, Боссюета, Бурдалу, Лакордера, аббата Феликса, по правиламъ Квинтилліана, Бургія, Блэра, риторикъ Кошанскаго или Греча? Гдѣ имъ приложеніе — этимъ знаніямъ? Не правда ли, вѣдь это роскошь? Не правда ли, что въ семинаріяхъ имѣютъ въ виду не столько приготовленіе лицъ на служеніе священникомъ въ деревнѣ, сколько дарованіе обществу образованныхъ личностей? Эхъ, гг. свѣтскіе писатели! Вотъ тогда вы бу-

дете имѣть право говорить о недостаточности семинарскаго образованія, когда въ свѣтскихъ уѣздныхъ и приходскихъ вашихъ училищахъ будутъ учителями люди, по степени знаній своихъ равняющіеся нынѣшнимъ профессорамъ вашихъ университетовъ; когда ваши учебныя заведенія распространятъ по всему народу, по селамъ и деревнямъ тѣ знанія и ту образованность, которыя доселѣ распространяются ими по привеллигированнымъ сословіямъ, — когда въ захолустьяхъ вы разставите своихъ, болѣе образованныхъ, чѣмъ наши семинаристы, учителей простаго народа, – вотъ тогда и указывайте на семинаріи, какъ на заведенія несоотвѣтствующія своему назначенію. Но къ тому времени, спѣшимъ замѣтить, и семинаріи улучшатся. А теперь, пока вы еще съ трудомъ замѣщаете наставниками каѳедры въ своихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пока еще вы хоть напримѣръ для философской каѳедры берете нашихъ же академическихъ или семинарскихъ наставниковъ и воспитанниковъ, и, отправляя сотни молодыхъ людей въ заграничные университеты, чтобы тамъ ихъ приготовить къ профессорскимъ занятіямъ, этимъ самымъ признаете недостаточность образованія, получаемаго въ отечественныхъ университетахъ, — погодите бросать камни осужденія въ духовное сословіе, которое кромѣ того, что для своихъ цѣлей имѣетъ всегда достаточное количество образованныхъ лицъ, подставляетъ еще такихъ лицъ въ другія вѣдомства, которое даетъ первоначальное образованіе 300,000 дѣтей неграмотныхъ милліоновъ, которое заводитъ школы въ вызывающемъ въ васъ сомнѣніе количествѣ 30,000, и все это совершаетъ при крайней ограниченности матеріальныхъ средствъ, подъ пощечинами, которыми вы

его подчуете, среди недовѣрія и полнѣйшаго безучастія образованнаго общества. Мы народъ бѣдный, народъ загнанный, мы учимся и живемъ на мѣдныя деньги: не обижайте же насъ, будьте справедливы къ намъ, бѣдняковъ грѣшно вѣдь обижать! Вы шумите, мы дѣлаемъ; вамъ нуженъ профессоръ для университета, мы отдаемъ; вамъ нужны учители для народныхъ школъ,— мы ихъ подставили въ изумившемъ васъ количествѣ: гдѣ же, въ чемъ же наша вина? Вы говорите, что мы должны быть образованнѣе, лучше; мы сами этого желаемъ болѣе конечно живо, чѣмъ вы, но говоримъ, что наше прямое служеніе обществу и Церкви не требуетъ еще многихъ знаній, которыя мы имѣемъ, что у насъ больше кандидатовъ для мѣстъ, чѣмъ сколько мѣстъ, что, словомъ сказать, имѣя въ виду большинство населенія, образованіе наше и по степени его и по числу образуемыхъ лицъ возвышается надъ потребностями и запросомъ на него.

И этой то неправильности запроса на семинарское образованіе съ количествомъ выпускаемыхъ изъ семинарій воспитанниковъ мы обязаны многими печальными явленіями среди насъ. Отецъ—бѣдный священникъ, еще болѣе бѣдный дьячокъ или пономарь, — мать вдова — просфирня, а иногда просто вдова съ пособіемъ отъ попечительства рублей въ 5—10—издерживаются, напрягаютъ всѣ силы, чтобъ сынъ ихъ кончилъ курсъ въ семинаріи; лошадки, коровы продаются, допускается, сознаемся, *нечестная* прибыль для этого, сынъ кончаетъ курсъ, и—два три года, иногда больше, сидитъ у отца или матери безъ мѣста, томимый неизбѣжной скукою (какой бы образованный молодой человѣкъ не поскучалъ безъ мѣста и безъ занятій!), забываетъ многое изъ

того, что зналъ, черствѣетъ и пошлѣетъ, и въ этомъ видѣ поступаетъ на первое священническое мѣсто, взявши иногда на свою шею нелюбимую старую жену, ворчливую тещу, пару свояченицъ, и, къ довершенію счастливой обстановки, во всемъ приходѣ не находя съ кѣмъ отвести душу, потому что въ глуши—среди простолюдиновъ—для человѣка, даже по семинарски образованнаго, нѣтъ общества. Безличныхъ собесѣдниковъ, безмолвнаго общества—т. е. книгъ нѣтъ, кромѣ богослужебныхъ, или такъ мало, что ихъ можно перечесть въ двѣ недѣли. Выписывать не начто. Годъ назадъ французскій епископъ Жакме укорялъ русскую церковь — т. е. духовенство въ томъ, что оно не занимается миссіонерствомъ. Къ фактамъ, указаннымъ протоіереемъ Васильевымъ и утверждающимъ, что миссіонерство есть и у насъ, мы могли бы прибавить еще вотъ какое замѣчаніе. И обыкновенное священническое сельское мѣсто въ существѣ дѣла есть еще чистая миссія у насъ. Семинаристъ двѣнадцать и больше лѣтъ учится, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія получаетъ приходъ, неизвѣстный ему, приходъ, состоящій изъ безграмотнаго и вовсе необразованнаго населенія, приходъ, въ который путь лежитъ чрезъ лѣса или болота, приходъ раскинувшійся иногда верстъ на 25, — чтобы начать здѣсь свое обзаведеніе съ перваго кола, ложки и горшка: что это какъ не *миссія?* Переѣхать изъ Чивита-Веккіи. Неаполя, Лондона или изъ Ливерпуля на англійскомъ или голландскомъ кораблѣ на западный берегъ Африки право иногда бываетъ легче, чѣмъ бѣдному новоопредѣленному священнику нѣсколько разъ проѣхать хоть напримѣръ изъ Новгорода—въ Бѣлозерскій или Кирилловскій уѣздъ: — одинъ разъ въ Новгородъ для подачи

прошенія, другой разъ на мѣсто для женитьбы, третій разъ въ Новгородъ для посвященія и четвертый разъ обратно на мѣсто службы съ тѣмъ, чтобы уже никогда не видать губернскаго города съ его удобствами и цивилизаціей, съ тѣмъ, чтобы раза три въ годъ, а иногда въ жизнь побывать въ уѣздномъ городѣ, и во всю жизнь остаться мирнымъ сельскимъ іереемъ въ глухомъ мѣстѣ—среди звѣрей, или среди людей похожихъ на звѣрей: что это, какъ не *миссія?*... Мы надѣемся, что съ одной стороны освобожденіе крестьянъ, а съ другой образованіе ихъ, начатое духовенствомъ же, сдѣлаютъ менѣе скучною, менѣе трудною жизнь деревенскаго священника, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждены, что долго-долго еще сельское духовенство будетъ стоять во главѣ дѣла распространенія цивилизаціи по деревнямъ, не смѣненное другимъ сословіемъ, что поколѣнія два или три минуютъ—прежде, чѣмъ самоотверженныя усилія духовенства создадутъ изъ сельскаго населенія — населеніе грамотное, образованное, съ которымъ будетъ возможенъ для него обмѣнъ мыслей и чувствъ, а главное— населеніе безъ западнаго презрѣнія и недовѣрія къ духовенству, – прежде, чѣмъ улучшатся пути сообщеній въ приходахъ, поочистятся обиталища крестьянъ, появятся въ деревняхъ книги, и наши пастухи, подобно шотландскимъ, вмѣсто плетенія лаптей будутъ въ поляхъ читать листки газетъ. Но когда наступитъ эта желанная пора, тогда безъ сомнѣнія болѣе справедливо самыя образованныя сословія отнесутся къ теперешнему духовенству, не будутъ корить его невѣжествомъ, когда оно и съ своими теперешними—конечно скудными — знаніями не знаетъ что дѣлать въ деревнѣ; тогда скажутъ, кто положилъ первыя прочныя основанія оте-

чественному истинному прогрессу: говорливые ли писатели второй половины XIX вѣка, до сихъ поръ еще не могущіе найти учителей для сельскихъ школъ, или бѣдное, загнанное, робкое, и не хваставшееся своими дѣлами духовенство, за неимѣніемъ другихъ учителей взявшееся учить народъ? Освободившись отъ переживаемыхъ нами модныхъ симпатій и антипатій, будущій историкъ отечественной цивилизаціи отдастъ должное нашей не шумной, но полезной дѣятельности, и безвѣстная священническая дочь Евгенія Василовская [1], съ 1822 года обучающая въ безвѣстной своей школѣ письму и грамотѣ безвѣстныхъ крестьянскихъ дѣтей, пожалуй будетъ тогда сочтена болѣе прогрессивнымъ дѣятелемъ, чѣмъ знаменитый современный публицистъ, расплывающійся въ фразахъ о необходимости народнаго образованія....

На это скажутъ намъ, какъ и говорили не разъ; „не велика важность, что духовенство завело школы, повинуясь предписаніямъ своего начальства; вотъ другое дѣло, еслибъ оно завело ихъ безъ предписаній, дойдя, какъ говорится „*собственнымъ умомъ*“ до убѣжденія въ необходимости школъ для народа; тогда бы и честь ему и слава, тогда бы и дѣло его было прочнѣе.“ Не смущайся, духовенство, если до тебя дойдутъ подобные упреки. Не все то хорошо, что мы сами свободно предпринимаемъ; и не все то дурно, что мы предпринима-

---

(1) *Христ. Чт.* 1862 г. Сентябрь. стр. 454. О пожертвованіяхъ духовенства и на народное образованіе и о затрудненіяхъ, какія приходится ему преодолѣвать въ этомъ случаѣ, можетъ дать понятіе донесеніе преосвященнаго Платона, епископа Костромскаго, содержаніе котораго напечатано въ *Христ. Чтеніи* — въ Сентябрской же книжкѣ (см. стр 451—453).

емъ по предписанію начальства. Здѣсь мы считаемъ не излишнимъ привести нѣсколько строкъ изъ свѣтскаго писателя, взявшаго себѣ задачею опредѣлить истинный либерализмъ: „Подло", пишетъ г. Скарятинъ, „отступать отъ своихъ убѣжденій въ угоду сильному, но не малодушно ли посреди обстоятельствъ, которыя насъ окружаютъ, бѣгая за какою то странною популярностію, молчать потому только, что воззрѣнія наши сходятся съ воззрѣніями сильнаго?" Не малодушно ли, прибавимъ, не стать за предписаніе начальства и за исполняющихъ его потому только, что это предписаніе начальства, а не прихоть толпы или не модная пѣсня литературы? Не малодушіе ли, не лакейство ли со стороны честнаго человѣка и гражданина похвалить, или по меньшей мѣрѣ смолчать, когда видишь, что толпа предлагаетъ требованія несправедливыя и нелѣпыя, требованія несогласныя съ вашими коренными убѣжденіями, а начальство требуетъ справедливости и равномѣрности? Въ комъ больше истиннаго либерализма, въ лакеѣ ли прихотей толпы, или въ честномъ защитникѣ и исполнителѣ добрыхъ предписаній и законныхъ требованій правительства? Ну вотъ хоть воскресныя школы, открытыя впрочемъ тоже по предписанію—литературы, а не—начальства, открытыя свободно—молодыми прогрессистами, по началу собиравшимися для обученія въ изумившемъ всѣхъ количествѣ, кажись бы, должны были процвѣтать и принести огромныя плоды, какъ учрежденія свободныя, а между тѣмъ они чахли—чахли, нѣкоторыя послужили мѣстомъ для распространенія ученій о пользѣ пожаровъ и теперь всѣ онѣ составляютъ предметъ археологіи, и скептикъ историкъ можетъ даже усумниться, существовали ль онѣ на Руси когда нибудь,

по крайней мѣрѣ, принесли-ль они какую нибудь пользу. Нѣтъ,—доброе дѣло и полезное предпріятіе, ктобъ ихъ ни задумалъ, начальство ли, подчиненные ли, если оно попадется въ честныя руки и умнымъ и добрымъ людямъ, не станетъ отъ того ни хуже ни ненадежнѣе. Въ настоящемъ случаѣ народныя сельскія школы, по собственному ли убѣжденію духовенства заведены онѣ, по предписанію ли епархіальнаго начальства, по Высочайшему ли изволенію, но если онѣ увеличиваются въ количествѣ, увеличиваютъ количество учениковъ у себя, онѣ значитъ ведутся честно и честно служатъ распространенію цивилизаціи и образованія по нашему бѣдному и невѣжественному простонародью. Мы скажемъ больше. Предписаніе даже было необходимо въ этомъ случаѣ—и потому, что духовенство давно уже привыкло дѣйствовать только по предписаніямъ, и безъ нихъ не рѣшаться ничего предпринимать. чтобы не попасть въ бѣду съ непрошеннымъ усердіемъ на пользу общую, и — потому, что дѣло распространенія грамотности въ народѣ долгое время встрѣчало препятствіе въ крѣпостномъ правѣ, по которому время и взрослыхъ и малолѣтнихъ крестьянъ считалось собственностію помѣщика. Школа отнимала бы конечно нѣсколько чернорабочихъ, хоть молодыхъ и слабыхъ, рукъ у помѣщика, да пожалуй могла бы еще научить эти руки писать просьбы и искать правды у власти противъ притѣсненій помѣщика. Пишущій эти замѣтки на примѣрѣ своего отца—священника знаетъ, какъ невыгодно смотрѣли бывшіе помѣщики на школы грамотности и на обученіе въ нихъ крестьянскихъ мальчиковъ. „Вы научите, батюшка, писать ихъ, такъ тамъ и возись съ ними, на помѣщика же напишутъ кляузу,“ говорилъ мѣстный владѣлецъ

моему родителю, лѣтъ 20 назадъ заведшему въ своемъ домѣ школу для крестьянскихъ дѣтей. Примѣръ этотъ не одинокій, и отсовѣтованье—конечно не было единственною мѣрою, какую употребляли помѣщики противъ школъ духовенства, — бывали мѣры и энергичнѣе. И нужны были и воля Государя и предписаніе епархіальнаго начальства, чтобы гарантировать духовенство въ дѣлѣ заведенія имъ школъ для народа отъ притязаній помѣщиковъ, или, вѣрнѣе, чтобы дать знать духовенству, что прежнія притязанія не имѣютъ уже больше силы и духовенство безпрепятственно можетъ начать свои цивилизаторскіе подвиги по деревнямъ. И оно ихъ начало, предпріятіе его встрѣчено въ народѣ сочувствіемъ, оно продолжаетъ свое дѣло безъ шуму, а дѣло между тѣмъ растетъ... И доколѣ литература ставитъ шумные вопросы о томъ, гдѣ взять учителей для простаго народа, какъ лучше устроить управленіе сельскихъ школъ, нужно ли централизовать оное или нѣтъ: одно поколѣніе крестьянъ будетъ уже обучено грамотности...

Оставимъ однакожъ полемику и обратимся къ положительной сторонѣ дѣла. Тысячелѣтіе кончилось: „россійское государство, читаемъ въ Современной Лѣтописи (¹), совершило свое матеріальное развитіе, и отнынѣ уже надъ нашею жизнію не будетъ, какъ прежде, властвовать одна—государственная необходимость; государство не будетъ уже исключительно занято заботами самосохраненія. Освободившись отъ труда собственнаго строенія, въ жертву которому шли всѣ народныя силы, государство получаетъ теперь возможность исполнять свое высшее назначеніе и сторицею отплачивать за эти жерт-

(¹) Соврем. Лѣтопись Русскаго Вѣстника № 37, стр. 12—13.

вы заботливымъ устраненіемъ всѣхъ препятствій и затрудненій въ самостоятельномъ и плодотворномъ развитіи народной жизни. Въ настоящее время требуется развитіе дѣятельной общественной жизни и личной энергіи; все, что клонится къ этой цѣли. все, что затрогиваетъ тайники народной жизни. все, что вызываетъ и возбуждаетъ интересы. соединяющіе людей, все это есть настоятельная необходимость нашей исторической жизни. Цѣлое тысячелѣтіе было необходимо для того, чтобы обезпечить и собрать русскую землю и устроить великое Россійское государство. Сколько усилій и трудовъ, сколько крови. сколько наконецъ времени пошло на это дѣло! Историческая судьба хотѣла, чтобы освобожденіе крестьянъ было заключительнымъ актомъ минувшаго тысячелѣтія. она хотѣла, чтобы всѣ тѣ тяжкія службы. которыхъ требовала государственная необходимость, были сняты съ сословій одна за другою, и чтобы къ началу новой исторіи Русскаго государства всѣ старые счеты были покончены. Отнынѣ во всей чистотѣ открывается для насъ будущее. открывается новая историческая жизнь съ новыми трудами и новыми задачами". Духовенство достаточно послужило въ послѣдніе полтора вѣка государственной силѣ. оно потеряло въ пользу государства свою самостоятельную дѣятельность: оно безмолвно почти уступило свои имѣнія и ни однимъ дѣйствіемъ не заслужило того. чтобы въ то время. когда другія сословія получаютъ большій просторъ для своихъ дѣйствій. на немъ лежали прежнія тягости. Безопаснѣе, чѣмъ кому нибудь. можно дозволить духовенству свободную дѣятельность безъ обиднаго надзора. справедливѣе. чѣмъ кому нибудь. должно помочь улучшенію его матеріальнаго быта. Небольшой

просторъ, данный духовенству, уже приноситъ плоды: государство дѣлаетъ простой народъ свободнымъ, духовенство старается сдѣлать—его грамотнымъ,—услуга едва ли не бо́льшая для цивилизаціи и благоденствія Россіи, чѣмъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Литература до сихъ поръ дѣйствуетъ только на очень незначительную часть отечественнаго населенія: духовенство приготовляетъ ей въ будущихъ поколѣніяхъ обширнѣйшее поле дѣятельности, равное по объему населенію Россіи. Пора же литературѣ—обращаться къ духовенству—безъ недовѣрія и ненависти, а съ словами ободренія и благодарности; пора ей перестать видѣть въ духовенствѣ какую-то *темную касту*, когда духовенство солидарнѣе всѣхъ съ милліонами русскаго народа и принимаетъ дѣятельное участіе въ его просвѣщеніи, пора перестать видѣть во всякомъ духовномъ обскуранта, регрессиста; истинное просвѣщеніе правильный прогрессъ не меньше, чѣмъ для другихъ, вожделѣнны для духовенства, и, на сколько то и другой утверждены въ отечествѣ, они утверждены и утверждаются при прямомъ участіи духовенства.

Газета „*День*", къ истинной радости всѣхъ благомыслящихъ людей возобновившая свое честное и разумное служеніе отечественному прогрессу, въ одной изъ передовыхъ статей своихъ, сдѣлала слѣдующую, на нашъ взглядъ, весьма справедливую оцѣнку послѣднихъ событій. „Какъ созерцаніе природы успокоиваетъ мятежъ личныхъ страстей человѣка и настроиваетъ его духъ въ согласный ладъ съ общимъ хоромъ природы,—такъ и созерцаніе величаваго образа русскаго народа, его внутренней прочной работы и непрестаннаго тайнодѣйствія его могущественныхъ историческихъ силъ,—такое

созерцаніе смиряетъ бунтъ личнаго эгоизма. поднимаетъ духъ. расширяетъ сердце, вводить его въ общеніе жизни съ милліонами жизней и съ жизнію всего исполинскаго народнаго организма. Ступайте въ глубь Россіи, прогуляйтесь по столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ,—загляните въ села, слободы и деревни, прислушайтесь къ народнымъ бесѣдамъ и толкамъ—и вамъ станетъ стыдно и совѣстно. вы покраснѣете за самого себя, вспомнивъ, съ какою важностію относились вы къ явленіямъ вашей общественной жизни. величая ихъ громкимъ именемъ „событій". какое значеніе придавали вы всей этой суетѣ и тревогѣ, всему этому мишурному блеску и треску. Какъ поблѣднѣютъ пугавшіе васъ призраки, какъ напрасны покажутся страхи и опасности, какими жалкими, наивными пигмеями окажутся грозные реформаторы!... Грозные призраки переворотовъ и потрясеній явятся не болѣе, какъ суетливымъ движеніемъ муравьиныхъ кочекъ на поверхности незыблемаго материка!... Тѣмъ выше цѣнимъ мы всякое проявленіе жизни самого народа. Въ эти два года народъ выросъ и продолжаетъ расти, какъ богатырь въ сказкѣ, не по днямъ, а по часамъ, не съ болѣзненною торопливостью. а со всею прочностію богатырскаго здоровья. Его движеніе совершается во очію; въ воздухѣ слышится и явственно раздается его не спѣшная, важная историческая поступь. Поэтому ни преждевременная старость нашего передоваго общества, ни тѣ симптомы зрѣлости, которыми мы иногда величаемся, принимая бездушный эклектизмъ за мудрость и неспособность вѣрить за трезвую безстрастность,—все это нисколько не смущаетъ насъ, въ виду самобытнаго поступательнаго движенія русскаго народа, совершающа-

гося въ направленіи, не рѣдко обратномъ движенію нашего, такъ называемаго образованнаго общества, независимо отъ *нашего* прогресса и подъ вліяніемъ инаго просвѣтительнаго начала. *Наша молодая Россія не та, которая сидитъ на скамьяхъ университетовъ и казенноучебныхъ заведеній,—а та, которая въ деревняхъ и селахъ, послушная историческому инстинкту, жадно учится грамотѣ со всею свѣжестью молодыхъ пробужденныхъ силъ*" (1). Итакъ, по мнѣнію „Дня", задатки будущаго благоденствія отечества не въ образованномъ такъ называемомъ обществѣ, а въ простомъ народѣ, „независимомъ отъ нашего прогресса",—въ той „жадности, съ какою онъ въ деревняхъ и селахъ учится грамотѣ" у православнаго отечественнаго духовенства, — въ его самобытномъ поступательномъ движеніи, совершаемомъ подъ просвѣтительнымъ вліяніемъ православной Церкви. Смотря съ этой точки зрѣнія на отечественный прогрессъ, мы смѣло можемъ сказать, что православное духовенство, просвѣщающее и обучающее народъ, оказываетъ самыя прочныя услуги отечественной цивилизаціи и дѣлу народнаго развитія.

---

(1) День № 35.

ПОѢЗДКА ВЪ ВИѲИНІЮ.

I.

Если великая Азія есть колыбель народовъ, то Малая Азія могла бъ быть названа ихъ школою или по крайней мѣрѣ палестрою. Переполненная памятниками минувшаго, пресыщенная такъ сказать историческою жизнію, она манитъ къ себѣ пытливаго изслѣдователя, какъ нянька манитъ дитя, тайными помаваніями, смыслъ коихъ имъ хорошо извѣстенъ, хотя и мало вразумителенъ. Смотря изъ Константинополя на малоазійскія горы, какъ-бы видишь ихъ многознаменательное киваніе тебѣ, ласкающее и раздражающее нетерпѣливую мысль, какъ бы слышишь ихъ тихій и привѣтливый зазывъ къ себѣ, на который противъ воли откликаешься радостнымъ трепетомъ. Кого увлекаетъ даже географическая карта, тому трудно удержаться отъ искусительнаго помысла странствовать, при видѣ самыхъ мѣстъ, о которыхъ говоритъ географія. Но какъ странствовать въ Турціи, и притомъ Азіатской, — человѣку, не привычному и нерасположенному къ верховой ѣздѣ, съ зловѣщимъ именемъ *Москова* — въ рѣзко выдающемся одѣяніи, весьма мало радующемъ сердце магометанина? Чтобы не вдругъ пуститься въ открытое море, рѣшено было сперва поплавать по заливу. Мы положили сначала заглянуть въ сосѣднюю *Виѳинію*.

Восточная оконечность *Пропонтиды* (Мармарнаго моря) вдается въ малоазійскій материкъ двумя длинными заливами, какъ бы хвостами: *Никомидійскимъ* и *Кійскимъ*. И тотъ и другой названы по имени лежащихъ въ глубинѣ ихъ городовъ (¹). Никомидійскій видѣнъ изъ Константинополя. Его можно бы далеко обнимать взоромъ, если бы купа *Принцевыхъ острововъ* не заставляла большей части его собою. Ежедневно можно видѣть бѣгущій по нему пароходъ, поддерживающій постоянное сношеніе между Діоклитіановою и Константиновою столицами. Отсюда бы слѣдовало намъ начать свое обозрѣніе Малой Азіи, ради полнаго удобства пути. Но удобство это и было причиною, что *Никомидія* оставлена пока до другаго времени. — Кійскій заливъ закрытъ отъ Константинополя длинною и возвышенною косою Виѳнійскою, сливающеюся перспективно съ южнымъ берегомъ Пропонтиды. Два раза въ недѣлю и его воды разсѣкаетъ и дымитъ пароходъ, обходя его немногія пристани. Онъ поддерживаетъ сообщеніе новой столицы турецкой съ старою, т. е. *Бруссою*. Я не разъ провожалъ его изъ оконъ глазами за мысъ *Дворцовый* (Серай — Бурну), за *св. Софію*, за мечеть *Ахмеда* и далѣе, далѣе въ море, пока онъ скрывался за голубымъ мысомъ *Посидоновымъ*. Къ дорогѣ я приготовлялъ себя заранѣе, вычитывая старыя и новыя описанія *Виѳиніи*, высматривая географическія карты ея, и даже выслушивая разные разсказы бывальцевъ, недостатка въ коихъ не могло быть. Когда такимъ образомъ съ моей стороны все, или весьма многое было готово, ожидалось ука-

(¹) Послѣдній впрочемъ теперь большею частію называется по имени другой пристани: *Мунданья*, а въ старину носилъ имя третьяго, теперь уже не существующаго, города: *Астако*.

заніе погоды да свободы. Первая явилась съ апрѣлемъ, вторая — съ Пасхою.

Во вторникъ на свѣтлой недѣлѣ 10 апрѣля мы отправились въ путь, въ числѣ 6 человѣкъ, четырехъ русскихъ и двухъ грековъ. Большинство численное было такимъ образомъ на сторонѣ славянской стихіи. На ея же сторонѣ и внѣшняя, матеріальная сила. Но внутренняя сила, движущая пружина поѣздки, была на сторонѣ властвующей стихіи Востока. Одинъ изъ грековъ былъ ученый профессоръ, историкъ и математикъ (въ слѣдствіе чего—нашъ путеводитель и казначей), а другой — поваръ, о значеніи коего излишне говорить. Пароходъ стоялъ у моста, соединяющаго онъ-полъ (пера-Пера) съ городомъ—этого perpetuum mobile Константинополя,—его пульса. Способному и досужему наблюдателю нравовъ достаточно провесть на мосту одинъ день, чтобы написать цѣлый томъ замѣтокъ о жизни этого историческаго перекрестка частей свѣта. Часа полтора и намъ пришлось неволею заняться наблюденіями. Мы пришли на пароходъ слишкомъ рано. Уже не одна тысяча турокъ, грековъ, армянъ, евреевъ, болгаръ, франковъ, руссовъ, персіянъ, негровъ, татаръ и горцевъ промелькнули передъ глазами нашими, и не одинъ пароходъ, свистя и шумя, отошелъ онъ моста то въ Босфоръ, то къ островамъ, то по Золотому Рогу, биткомъ набитый народомъ, какъ раздался первый свистъ на нашемъ пароходѣ, увѣдомлявшій всѣхъ, кому вѣдать слѣдовало, что черезъ полчаса идемъ и мы. Быстро стали прибывать къ намъ спутники, рѣдко кто съ сакъ-вояжемъ, а большею частію съ мѣшками, корзинами, сундуками, сверчеными постелями и даже домашними животными. Цѣна за мѣсто на палубѣ была 60 бумаж-

ныхъ піастровъ (кайме), а внутри парохода—100 піастровъ. Для всѣхъ пристаней залива она была одна и таже. Съ четвертымъ свисткомъ, пароходъ отдѣлился отъ моста, и мы понеслись подъ стѣны *Византіи*. Полубаснословный *Виза* или *Византъ*, ктó бы онъ ни былъ, достоинъ славы, доставшейся имени его, за одно то, что съумѣлъ выбрать для заселенія мѣсто, которому трудно отыскать подобное въ мірѣ. Но красоты независтной природы, доставшіяся разъ въ исключительный удѣлъ самолюбиваго человѣка, какъ все, чему касается тяжелая рука его, угодили въ тюрму. Ихъ нужно было заключить въ какую нибудь ограду, чтобы отразить столько извѣстный, и столько ненавистный земнородному, силлогизмъ: что твое, то общее; а что общее, то мое. Потребовались потому для Византіи стѣны, для утѣшенія называемыя бѣлокаменными, въ самомъ же дѣлѣ только выбѣленныя и то только снаружи. Въ древнія времена стѣнными постройками не забавлялись, какъ иногда бывало въ средніе вѣка. Византія славилась стѣнами. *Филиппъ* Македонскій не могъ взять ихъ. *Септимій Северъ* три года стоялъ подъ ними, и едва смогъ овладѣть городомъ. Въ отмщеніе онъ срылъ ихъ; но еще прежде Константина Византія уже опять была съ стѣнами. Онѣ изчезли потомъ въ стѣнахъ *Константинополя*, доведенныхъ въ теченіе многихъ вѣковъ до чудовищныхъ размѣровъ стѣнъ вавилонскихъ (1). Обѣгая

(1) Полагаютъ, что прежде всего на мѣстѣ нынѣшняго города было селеніе: *Лиго*. *Виза* далъ ему свое имя, которому суждено было пріобрѣсть такую огромную знаменитость. Каракалла, возстановившій срытое отцемъ *Византово*, далъ ему имя *Антоніи* или *Антонины* не пережившее повидимому императора. Въ третій разъ перемѣнилъ имя городу Константинъ. Пятое имя: *Новаго Рима* осталось за городомъ въ однихъ книгахъ. Шестое: *Истамбулъ* передѣлано изъ греческихъ

ихъ, пароходъ давалъ намъ случай высмотрѣть всю ихъ приморскую часть. Но совершенно напрасный трудъ былъ бы взяться рѣшать, что̀ въ нихъ къ какому времени относится. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что съ парохода этого сдѣлать нельзя. По привычкѣ къ типическому: завтра, я доселѣ не удосужился для археологическаго обозрѣнія Константинополя.

Громадный городъ слился въ одну дымную полосу какъ бы вспаханной, и заросшей всякимъ былiемъ, земли, рѣзко отдѣлявшейся отъ поморiя Ѳракiйскаго. *Принцевы* острова также остались позади насъ, и слились въ одинъ синiй холмъ, едва различавшiйся по цвѣту отъ дальнаго побережья никомидiйскаго. Мы неслись прямо на югъ въ упоръ горамъ, закрывавшимъ отъ насъ другой заливъ *Мармора* (1). Съ самаго утра небо было пасмурное. Когда мы выбрались въ море, насъ встрѣтилъ холодный вѣтеръ, нежданный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. 60-пiастровые пассажиры жались другъ къ другу, и искали спасенiя у трубы. Только послѣ полудня небо начало расчищаться, и солнце приласкало насъ лучемъ своимъ. Мы близились къ ко̀сѣ Виѳѵнiйской (2). До зеленыхъ, но неоживленныхъ, скатовъ ея было, по пословицѣ, рукой подать. Глаза гуляли по прибрежнымъ кустамъ, маня за собою праздное воображенiе. Зная, куда способно забресть послѣднее, я предпочелъ дать работу первымъ.

словъ: εἰς τὴν Πόλιν (а не изъ: *Константинополь*, какъ можно бы подумать).

(1) Греки называютъ Мармарное море: ὁ Μαρμαρᾶς.

(2) Мы нарочно удерживаемъ въ переводѣ собственныхъ именъ Греческихъ и ѳ и ѵ. Надѣемся, что ни одинъ историкъ, археологъ и филологъ не пожелаетъ изгнанiя ихъ изъ алфавита.

„А съ запада сопредѣльны *Пафлагонамъ Виѳины*. Попытаемся и до нихъ добраться. Ибо такой порядокъ и такое дѣленіе предписываетъ намъ природа мѣстъ. *Виѳинію* съ востока ограничиваютъ *Пафлагоны* и *Маріандины* и нѣкоторые изъ *Приипяжскихъ*, съ сѣвера—Понтійское море отъ впаденія *Сангарія* до устья, что у Византіи и Халкидона, съ запада—*Пропонтида*, а къ югу—*Мусія* и такъ называемая *притяжденная Фригія*, называемая также *Эллиспонтскою*. Разграничить предѣлы *Виѳиновъ*, *Фригіевъ*, *Мусовъ*, а также и *Доліоновъ*, что около *Кизика*, *Мигдоновъ* и *Троевъ* трудно. Что Виѳинія была прежде обиталищемъ мусовъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ *Скилаксъ Каріандскій*. Переименовались же Мусы Виѳинами отъ поселившихся здѣсь *Ѳраковъ*, и именно *Ѳиновъ* и *Виѳиновъ*." Вотъ что передаетъ о Виѳиніи старыхъ временъ *Страбонъ*. Въ видѣ личной догадки, онъ прибавляетъ, что прежде ѳиновъ и виѳиновъ туже страну заселяли еще другіе ѳраки, по имени *ѳеорики*. Наконецъ онъ утверждаетъ, что и самые мусы суть поселенцы ѳраковъ или такъ называемыхъ нынѣ (т. е. во время Страбона) *мисовъ* (¹). Выходитъ такимъ оброзомъ, что старожилы Виѳиніи были мусы, а мусы суть ѳраки. Народописаніе древности представляетъ хаосъ извѣстій нестройныхъ и годныхъ для какого угодно построенія. Любимая система древнихъ писателей греческихъ объяснять все поселеніями и переселеніями, принаровлена Страбономъ и

(¹) Мусы мало-азійскіе пишутся чрезъ υ — μυσοί, а мисы иллирійскіе черезъ οι—Μοισοί. Изъ вольнаго или невольнаго смѣшенія тѣхъ и другихъ выходитъ большая историческая путаница. Страбонъ однакоже благопріятствуетъ сему смѣшенію. Обстоятельство это между прочимъ можетъ подтверждать древность произношенія υ какъ οι, или по крайней мѣрѣ подобнымъ образомъ.

къ Виөиніи. Тамъ, гдѣ система эта отказывается идти далѣе, дѣло возвращается къ *өракамъ и пеласгамъ*, этимъ, навѣру принимаемымъ, аборигенамъ Архипелага. Если бы при передачѣ столькихъ именъ народныхъ, Страбонъ потрудился сообщить намъ хоть какія нибудь свѣдѣнія о языкѣ того или другаго современнаго ему народа, онъ бы оказалъ потомству безцѣнную услугу. Теперь изслѣдователю не остается ничего дѣлать, какъ только ловить собственныя имена лицъ и мѣстъ, встрѣчаемыя у древнихъ историковъ и географовъ, и по нимъ отыскивать тамъ и сямъ слѣды нынѣшняго заселенія Европы (1).

Исторія застаетъ Виөинію царствомъ. Когда Востокъ превратился въ Македонскую монархію, въ ея составъ вошла и Виөинія въ 328 г. до Рождества Христова, при царѣ *Згпетѣ*. Но по смерти сего *Зг* (или если угодно: *Жу-)пета*, *Никомидъ I* сбросилъ чуждое иго въ 281 г. Послѣдній изъ царей, *Никомидъ III* уступилъ землю римлянамъ въ 75 г. до Р. Х. До V вѣка Виөинія составляла нераздѣльную область римской имперіи. Въ этомъ вѣкѣ она раздѣлена была на собственно *Виөинію* (западную) и *Гоноріаду* (восточную). Кромѣ того извѣстно дѣленіе Виөиніи (конечно-запад-

(1) Я искалъ у Страбона чего нибудь звучащаго по славянски въ Виөиніи, но не отыскалъ. За то въ сосѣдней съ нею *Галатіи* (присвоиваемой этнографически французами) нашелъ народъ *толстобогихъ* (τολιστοβώγιοι) или *толстовоевъ* или наконецъ *толстобоевъ*. Страбонъ различаетъ тамъ три народа: *трокмдевъ*, *толстобогихъ* и *тектосаговъ*. Всѣ они говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, собирались для управленія общественными дѣлами въ мѣсто: *Дрүнéметъ*. Правитель верховный назывался *Диіотаръ* или *Бого—діdтаръ*. У толстобогихъ были двѣ крѣпости: *Блукіонъ* и *Пеіонъ*. *NB*. А что τόλιςο—толстый, тому примѣръ въ древне греческомъ словѣ: δολιχος—долгій, средне-греческомъ: Νέμιτζοι—нѣмцы и ново-греческомъ: Ἰάλιτα—Ялта.

ной) на *первую и вторую*. Съ VIII вѣка Виеинія стала подвергаться набѣгамъ ордъ великой Азіи, въ XI —была главною частію сельджуцкаго царства: *Румъ*, а въ XV вошла въ составъ *Турціи*.

Обогнувъ мысъ *Посидоновъ* (Бозъ-Бурну), мы вошли въ заливъ *Кійскій*, менѣе вдающійся въ материкъ, чѣмъ его сосѣдъ, хотя казавшійся не менѣе его обширнымъ. Пароходъ взялъ направленіе на юго-востокъ въ невысокой цѣпи горъ, изъ за которыхъ вставала бѣлая громада *Олимпа*, достойная соперница Олимпа Македонскаго. Я уже не однократно, съ помощію телескопа, гулялъ по вершинамъ его изъ Константинополя, напрасно отыскивая на нихъ какого нибудь изъ 30 бывшихъ монастырей. Знакомство мое съ нимъ не помѣшало мнѣ снова подивиться его величію, хотя не могу сказать: и красотѣ. Громадѣ его не достаетъ верхушки. Въ этомъ отношеніи именитая гора похожа на славный не менѣе ея *Парнассъ*. Именитость впрочемъ малоазійскаго Олимпа случайная. На подобную ему славу можетъ имѣть притязаніе еще не одинъ, извѣстный въ древности, Олимпъ. Въ то время какъ истинный Олимпъ досихъ поръ еще продолжаетъ называться *Элимбо*, всѣ другіе Олимпы уже извѣстны подъ другими именами. Мусійскій носитъ имя *горы Монаха* (Кешишь-дагъ).

По мѣрѣ приближенія нашего къ берегу, стали различаться по приморью скученныя села, бурыми пятнами рисовавшіяся посереди окружающей зелени. Одинъ изъ бывальцевъ мѣстъ сихъ разсказывалъ намъ, какъ какое село называется, сколько въ немъ жителей, церквей, мечетей, училищъ и пр. (¹). Наибольшимъ изъ нихъ

(¹) Начиная отъ мыса *Бозъ*, они идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ по окраинѣ: *Армуталу*—имѣетъ около 200 домовъ албанцевъ и 20 домовъ

кавалось село *Трилля* или *Трилія*, славное бывшимъ тутъ нѣкогда монастыремъ, давшимъ Церкви двухъ св. мужей *Стефана* (26 марта) и *Луку* (27 декабря). Въ другомъ селеніи *Элегмикъ* (Ἐλεγμοί) и до сихъ поръ существуютъ три (пустѣющіе) монастыря. Въ одномъ изъ нихъ, сказываютъ, есть царская гробница съ надписью, призывающая любознательниковъ къ изслѣдованію (1). Въ селѣ Сигѣ есть древняя церковь Архистратига Михаила времени Палеологовъ, сохранившаяся весьма хорошо. Панораму берега съ правой руки замыкалъ небольшой островъ: *Калолимносъ*. На немъ также есть христіанское селеніе. Оно принадлежитъ къ *никомидійской* епархіи. Всѣ же побережныя села залива—къ *прусской*. Одинъ *Кіосъ* принадлежитъ *никейской* епархіи. Въ гражданскомъ отношеніи *Мунданія* и *Кіосъ* составляютъ средоточіе округовъ (Каза́), заключающихъ въ себѣ каждый по 18 подвѣдомыхъ селъ и деревень.

Около 2-хъ часовъ мы остановились у пристани *мунданійской*. Пароходъ высадилъ насъ на *скалу*, т. е. широкій деревянный плотъ, высунувшійся на значительное разстояніе отъ берега въ море. Передъ нами было большое село, все сплошь деревянное, съ берега далеко не приглядное, хотя и украшенное садами. Со ска-

---

христіанскихъ, *Ніпакли* — 80 д. турецкихъ, *Фистикли*—30 д. турецкихъ, *Партлы*—40 д. тур., *Кардцалъ*—25 д. тур., *Буюкъ-кумль*—100 д. тур. (*Кіосъ*), *Элегмы* (Курсумлу) 60 д. тур. и 140 хр., *Неохори* (Бургасъ) 10 д. тур. 30 хр. (*Мунданія*), *Сигли* 30 д. тур. 150—хр. *Трилля*—50 д. турецкихъ и 500 христіанскихъ. Въ семъ послѣднемъ есть эллинское и первоначальное (взаимнаго обученія) училища. Въ Сиглѣ только первоначальное.

(1) Съ именемъ: Элегмы связывается память храбраго монаха *Иларіона*, въ 1308 г. предводившаго здѣсь народомъ противъ турковъ, и тѣмъ заслужившаго славу патріаршую и милость царскую (Пахим. том. 2. кн. 7). Гробница, вѣроятно,—имп. *Михаила Калафата*.

лы нѣтъ другой дороги, кромѣ ведущей въ таможню— единственное зданіе, напоминающее городъ. Оно прорѣзывается во всю ширину свою сведеннымъ аркою проходомъ, въ которомъ и остановили насъ мытари, съ крикомъ и шумомъ напавшіе на вещи наши, но оказавшіеся болѣе грозными, чѣмъ страшными. По внутреннюю сторону воротъ мы увидѣли длинный рядъ осѣдланныхъ лошадей и муловъ. Начались переговоры съ *аюхтами* и *суруджами* — шумные и скучные, кончившіеся тѣмъ, что мы заплатили по два икосáрья (бумажки въ 20 піастровъ) за лошадь до Бруссы, чтó составляетъ, по теперешнему курсу константинопольскому, 24 петинныхъ (металлическихъ) піастра или около 125 коп. сер. Раздѣлавшись съ этою заботою, мы отдохнули въ чьемъ-то саду на мягкой травѣ подъ тѣнію шелковицы, гдѣ „гиды“ наши сообщили намъ нѣсколько свѣдѣній о мѣстѣ, а мы мѣстнымъ жителямъ, смотрѣвшимъ на насъ изъ за воротъ, показали свой скиѳскій аппетитъ, видѣнный, конечно, предками ихъ уже и прежде, а именно за 1600 лѣтъ передъ симъ. Скиѳы были здѣсь во второй набѣгъ свой на Малую Азію, проходя изъ *Кіо* въ *Прусу*. Судя по тому, чтó они сдѣлали съ *Никеею* и *Никомидіею*, возвращаясь во свояси, можно не сомнѣваться, что и *Апáмія* (тогдашняя Мунданья) испытала на себѣ тяжелую руку расходившихся земляковъ, вѣрныхъ степной привычкѣ жечь и палить все, чего нельзя взять съ собою.

На мѣстѣ, гдѣ мы находились, въ стародавнія времена былъ городъ *Мирлія*, названный такъ или отъ *Мирлія*, вождя *колофонцевъ* или отъ *Мирлы амазонки*. Объ исторической жизни *Мирліи* ничего неизвѣстно. Географъ *Менекратъ* сообщилъ только къ свѣдѣнію нашему, что

на высотахъ около Мурліи жилъ народъ *ализоны*, смѣшиваемые иногда древними съ *амазонами*. Только послѣдняя страница темной исторіи мурлійской освѣщена предъ нами довольно ярко. *Филиппъ* V (сынъ *Димитрія* и отецъ *Персея*) срылъ Мурлію (вмѣстѣ съ Кіо) до основанія, и землю подарилъ *Прусію Зилъ*. *Зила* (а по нѣкоторымъ сынъ его *Никомидъ*) выстроилъ вновь городъ, и назвалъ его, въ честь жены своей *Апамы*. *Апаміей*. Подъ симъ именемъ городъ былъ извѣстенъ и даже славенъ. Оно пережило третіе названіе *Агриппова поселенія*, данное мѣсту при Августѣ въ честь *Марки Агриппы*. Ка̀къ и когда́ вмѣсто Апаміи стала извѣстна *Муданья* (τὰ Μουντανία и Μουτανια—по гречески, Moudania—по французскимъ картамъ. Modania по Гаммеру), не извѣстно (¹). Въ христіанскія времена здѣсь была митрополія. Въ Oriens Christianus указываются 13 архіереевъ апамійскихъ: *Феофилъ* (или *Феосевій*), *Евлсій* (400 г. по Р. Х.), *Филиппъ*. *Каллиникъ* (448), *Маркъ* (536). *Феопемптъ* (692), *Евстратій* (787), *Евлампій* (869), *Павелъ*, *Софроній* (879). *Георгій* (1146), *Исаакій* (1166) и безъименный нѣкто, упоминаемый въ граматѣ папы Григорія X, при императорѣ Михаилѣ Палеологѣ. Изъ актовъ патріархата константинопольскаго видно, что въ 1318 г. апамійская каѳедра была присоединена къ прусской. Памятникомъ минувшей значительности мѣста служатъ нынѣшнія немалочисленныя церкви ея (7 приходскихъ и 5 безприходныхъ), хотя всѣ новой постройки и ничѣмъ не замѣчательныя. Въ городѣ до 200 домовъ мусульманскихъ и до 500 христіанскихъ. Число

(¹) На каталанской картѣ (XII — XIII в.) на этомъ мѣстѣ означена пристань *Базинъ*.

всѣхъ жителей должно быть потому далеко ниже цифры указываемой въ Dictionnaire universele d'histoire et de Geographie (20,000). Христіане имѣютъ первоначальную школу.

На предложеніе осмотрѣть городъ обществомъ данъ былъ отвѣтъ отрицательный. Некогда было заняться этимъ. До Бруссы было 6 часовъ дороги; а надобно было добраться до нея засвѣтло. Изъ двухъ дорогъ, указанныхъ намъ агоятомъ, мы выбрали длиннѣйшую на томъ основаніи, что кратчайшая проходитъ мѣстами, затопленными водою. Отправились часа въ три. Ѣхали сначала берегомъ залива прямо на востокъ, а потомъ взяли вправо, и стали подниматься на горы по мягкой и тучной землѣ, покрытой богатою растительностію, преимущественно же шелковичными деревьями и виноградомъ. Часа черезъ два достигли перевала горы, увѣнчаннаго при пути ханомъ или кофейнею или караульнею—зданіемъ, похожимъ на все это. Спѣшившись, мы провели нѣсколько минутъ подъ сѣнію убогаго пріюта, исполняя странническій долгъ и частію разминая одеревенѣвшія ноги. Кругомъ хана степь безлѣсная и весьма небогатая видами. Одинъ только, стоявшій впереди насъ олицетворенной зимою, и такъ пріятно противорѣчившій окружающей зелени, *Олимпъ* выкупа́лъ горнюю пустыню великолѣпною игрою свѣта въ безчисленныхъ складкахъ своего громаднаго покрывала — оранжевыхъ, розовыхъ, фіолетовыхъ, лазуревыхъ. черныхъ. На этотъ невѣсомый брильянтъ устремились мы, оживленные отдыхомъ, по едва замѣтной наклонности. Вскорѣ, при поворотѣ за послѣднюю возвышенность, открылась передъ нами славная долина брусская, идущая параллельно Мармарному морю съ востока на западъ да-

лено въ глубь древней Мѵсіи до голубой цѣпи горъ, за которой начинаются историческія равнины Троянскія. Западающее солнце обливало ее тихимъ вечернимъ свѣтомъ, столько чарующей красоты придающимъ самому невидному мѣсту! Сказать ли, что образъ рая Божія — послѣдняя грань идеализаціи природы — видѣлся душѣ сквозь дивную роскошь долины? Но рай непритязательное сердце часто встрѣчаетъ и тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ радующей обстановки жизни, въ коей природа не принимаетъ ни малѣйшаго участія. Наши скѵѳы, если не первые, то и не послѣдніе, опустошавшіе долину эту, вѣроятно другой имѣли взглядъ на нее. Отобравъ у жителей ея все, что имѣло цѣну, они спѣшили возвратиться въ свои степи при-дунайскія или приднѣпровскія, гдѣ для нихъ безъ сомнѣнія было болѣе похожаго на рай, чѣмъ здѣсь. Рѣчь о *раѣ* зашла тутъ потому, что кого я ни распрашивалъ прежде о Бруссѣ, отъ всѣхъ слышалъ одинъ и тотъ же отзывъ о долинѣ брусской: „это рай". До истиннаго рая ей впрочемъ далеко. Изъ рая исходили четыре огромнѣйшія рѣки. А по брусской долинѣ течетъ одна малая рѣчка, которую вотще одно живое воображеніе уподобляетъ змѣѣ, извивающейся тысячью серебряныхъ колецъ по зеленому ковру (1). Вода есть душа пейзажа, слыхалъ я. Гдѣ нѣтъ ни моря, ни озера, ни рѣки, тамъ понятіе рая неприложимо. Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, что долина брусская безводна. Напротивъ это одно изъ самыхъ влажныхъ мѣстъ Малой Азіи. Можетъ быть въ низовьяхъ ея, у озеръ *Аполлоніи* и *Маньяса*, она дѣйствительно удовлетворяетъ тѣмъ понятіямъ, какія

---

(1) Les bains de Brousse. C. A. Bernard. 1842. pag. 63.

изгнанная изъ рая сладости, мысль можетъ составлять о немъ по глубоко напечатлѣнному въ сердцѣ образцу.

Городъ бѣлѣлъ своими мечетями на косогорѣ влѣво отъ дороги нашей. Онъ разбросанъ на большое пространство, и видимо заключаетъ въ себѣ большую населенность. Мы спустились въ глубь долины, дважды пересѣкли быстрый *Нилуфаръ* въ противоположныхъ одно другому теченіяхъ, вспомнили (кому это казалось занимательнымъ) о лицѣ, именемъ коего названа рѣчка, и стали подниматься къ городу въ двойномъ мракѣ ночи и густаго лѣса. Первое, съ чѣмъ мы встрѣтились въ первопрестольной столицѣ оттоманской, была толпа евреевъ, шумно возвращавшихся изъ за города, гдѣ они праздновали послѣдній день своей пасхи. Куда ни пойдешь, вездѣ васъ встрѣтишь, *отломившіяся вѣтви доброй Маслины*, уступившія мѣсто свое *прививкамъ дикой!* Разметавшая васъ по всему лицу земли, Рука *сильна*, по Апостолу, *паки прицѣпити* васъ. Если вы не думаете о томъ, потому что думать безполезно, то мы не можемъ забыть сего, зная, что забвеніе грѣшно. Для того, чтобы испечь хлѣбъ, требуется закваска стараго печенья; иначе выйдетъ опрѣснокъ. Человѣчество нашего времени видимо склоняется сердцемъ къ естественной, *прѣсной* формѣ жизни, отвращаясь заквашивающей примѣси. Васъ, старыя народности, съ праотеческимъ порядкомъ жизни, съ живымъ чувствомъ божества, съ дѣтскою вѣрою и юношескою любовію, приберегаетъ міроправительный Промыслъ для вливанія по временамъ въ новое смѣшеніе, грузно падающее на дно сосуда и упорно пристающее къ нему — въ уваженіе того, что это паденіе и приставаніе естественно и сообразно съ законами прѣснаго бытія. Но когда же вы прицѣпитесь

всѣ, добромасличныя отрасли? *Доидеже исполненіе языковъ внидетъ*, говоритъ Апостолъ. Долго ждать Церкви Божіей возврата отпавшаго Израиля. Языки не только не входятъ въ исполненіе цѣлаго, но напротивъ ущербляютъ и то, что близилось нѣкогда къ полнотѣ. Печальное доказательство тому хоть таже Брусса и вся Виѳvнія и вся Малая Азія, бывшія нѣкогда всецѣло христіанскими, и ставшія теперь въ свою очередь прививками отломившимися. Сколько разъ ни приражаешься мыслію къ безотрадному явленію магометанства, утвердившагося на мѣстахъ христіанскихъ, всегда получаешь ошеломляющій ударъ. Невольно повторяешь съ Апостоломъ заключительныя слова его бесѣды о таинственной Маслинѣ: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его!*

Чуть мы въѣхали на главную улицу города и огласили тишину ея стукомъ копытъ животныхъ, къ намъ адресованъ былъ со стороны живой и страстный вопросъ: „по чемъ лира?“ т. е. какая цѣна звонкой монетѣ на константинопольской биржѣ. Не смотря на смертное истомленіе, такой житейскій привѣтъ намъ города развеселилъ насъ. Вопросъ былъ сдѣланъ по гречески. Пасха такимъ образомъ не имѣла той силы надъ христіаниномъ, какую оказывала надъ евреемъ! Еврей, считаемый синонимомъ кошелька, пѣлъ и веселился подъ вліяніемъ высокихъ преданій религіи, а грекъ, потомокъ Мильтіада и Аристотеля и ученикъ Златоуста, счетами и итогами заявляетъ свое сочувствіе величайшему празднику своей Церкви? Не странно ли это?—Поблуждавши по улицамъ и закоулкамъ въ намѣреніи отыскать какую-то кому-то извѣстную квартиру, отличаю-

щуюся удобствомъ, и напрасно потреваживъ спокойствіе нѣсколькихъ домовъ, мы остановились въ Hôtel de France. Громкое имя на столько не соотвѣтствовало убогому заведенію, что даже, при неспособности моей дѣлать какія бы то ни было соображенія, это бросилось въ глаза мнѣ. Незамѣнимое питіе отчизны, приготовленное на олимпійской водѣ, собрало во едино разбитые члены тѣла, но не придало имъ потребной для умственной работы крѣпости. Я тяготился и рѣчью и мыслію и какимъ бы то ни было дѣломъ. Возможность заснуть привѣтствована была какъ счастіе; и я немедленно воспользовался ею при шумѣ, звонѣ и острословіи вечерней трапезы спутниковъ. Проснулся въ глубокой тишинѣ ночи, нарушаемой однимъ журчаніемъ потоковъ, несущихся по наклоннымъ улицамъ города съ сосѣднихъ высотъ. Въ окно свѣтилъ ущербленный мѣсяцъ... Мнѣ пришла на мысль аллюзія нашего славнаго путешественника—паломника, бывшаго также въ Бруссѣ на исходѣ мѣсяца и замѣчавшаго въ этомъ обстоятельствѣ знаменіе ущербленной и истощенной державы Османа, символизируемой мѣсяцемъ. Совпаденіе конечно не разительное, потому что можетъ повторяться множество разъ въ году, но все же сильное вызвать изъ души, настроенной поэтически, гармоническій отзвукъ. Жаль только при этомъ, что во 1-хъ археологія на столько же уступаетъ ущербленный мѣсяцъ Турціи, на сколько и Византіи, слѣдовательно когда знаменуется имъ ущербъ Ислама, естественно долженъ знаменоваться и—Византіи, а въ этомъ едва ли можно отыскать что нибудь достойное воодушевленія; во 2-хъ, астрономія, вопреки поэзіи, свидѣтельствуетъ, что и во время возрастанія и утвержденія Османовой державы

мѣсяцъ также постоянно ущерблялся, и конечно могъ бы затруднить тогдашняго посѣтителя Бруссы въ составленіи благихъ аллюзій. Грустно и такъ отъ явленія Османовой столицы въ отеческой Виѳиніи. Еще грустнѣе, когда въ виду неотразимаго факта, хочешь укрыться мыслію за призрачную аллюзію. Ущербляется магометанство, это конечно не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣдь ущербляется не одно магометанство. Ущербляется и христіанство въ своей формѣ—Церкви, въ своей жизни—Вѣрѣ, въ своей силѣ—молитвѣ. И то и другое подвѣваетъ одинъ и тотъ же разрушительный духъ, *духъ матеріи*, скажемъ мы, вовсе не думая играть словами. Мнѣ памятно одно мое странствованіе въ обществѣ человѣкъ 15 христіанъ, большею частію православныхъ, и стольkихъ же мусульманъ. Въ теченіе многихъ дней я ни разу не видѣлъ, чтобы кто нибудь изъ христіанъ помолился Богу, или хотя сдѣлалъ крестное знаменіе. А мусульмане 5 разъ въ сутки непремѣнно совершали краткую, но сосредоточенную, молитву колѣнопреклонную, не смотря на всѣ неудобства пути и видимые пересуды (чтобъ не сказать: насмѣшки) *невѣрныхъ*. „Фарисейство"! сказалъ мнѣ тогда, помню, одинъ изъ нашихъ ультрамытарей, кивая головою въ сторону на разостланный коврикъ съ смиренною фигурою араба, шептавшаго молитву и клавшаго поклоны. Нѣтъ! Знаменіе „ущербающаго мѣсяца" сложнѣе и мудренѣе, можетъ быть, чѣмъ сколько объясняетъ его та или другая пріятная аллюзія. Предки наши, во славу христіанства, вѣнчали храмы свои крестомъ, утвержденнымъ на полумѣсяцѣ. Но за то крестъ-то самый приковывали цѣпями къ церкви... Прошу снисхожденія и за мою аллюзію. Она была дѣломъ просонковъ. Не болѣе находя

успокоенія духу среди тишины ночной, сколько и подъ оглушительнымъ шумомъ дня, я поспѣшилъ укрыться вплоть, и заснулъ снова.

Среда, 11 апрѣля. По Страбону Пруса лежитъ на *Олимпѣ мисійскомъ*, на границѣ *фригов* и *мисов*. Выстроена вифинійскимъ царемъ *Прусіемъ* (¹), именемъ коего и названа. Современную себѣ Прусу осторожный географъ называетъ городомъ „съ хорошими законами“ (εὐνομουμένη). Въ то время она уже была подъ римскимъ владычествомъ. Ни при римлянахъ, ни при византійцахъ она не пользовалась даже второстепеннымъ значеніемъ, не бывши никогда областнымъ городомъ. Близость *Никеи* и *Никомидіи* ставила ее въ тѣнь. Появленіе новой столицы на Босфорѣ совсѣмъ закрыло ее политически. Но она имѣла другое, внутреннее и непреходящее, значеніе.—Ея цѣлительныя воды дѣлали ее лечебницею Константинополя. Императоры не разъ посѣщали городъ, ища въ немъ пособія отъ недуговъ. Здѣсь брали горячія ванны *Аркадій*, *Өеодора*, жена Юстиніанова и славная *Ирина* съ сыномъ, которому здѣсь умыслила печальный жребій. Сюда пріѣзжалъ печальный *Константинъ Багрянородный* въ 958 г. для леченія болѣе нравственнаго, нежели физическаго. Онъ искалъ у отшельниковъ олимпійскихъ сочувствія, молитвъ и душеполезныхъ бесѣдъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что одинъ изъ игуменовъ тамошнихъ монастырей (²) показалъ при

(¹) Которымъ изъ двухъ? Страбонъ говоритъ: тѣмъ, который воевалъ съ *Крезомъ*, но ни тотъ, ни другой не могли воевать съ Крезомъ, жившимъ въ VI в. до Р. Х. Итакъ или ошибся знаменитый географъ, или слово: κροῖσος—описка. Плиній увѣряетъ, что Прусу выстроилъ *Аннибалъ* во время гостьбы своей у *Прусія* (Страб. гл. 564. Плин. кн. V. гл. 32).

(²) Муч. Аөиногена.

этомъ царю собственноручную замѣтку отца его, въ которой Премудрый говорилъ, что въ томъ самомъ монастырѣ игуменъ Петръ предрекъ ему рожденіе сына, о которомъ также предсказалъ, что онъ передъ смертію посѣтитъ монастырь. Царь не возмутился духомъ отъ такого открытія; ибо чувствовалъ, что доживаетъ послѣдніе дни. Страшный *Андроникъ Комнинъ* также посѣтилъ городъ, но вмѣсто водъ упился кровію жителей.

Въ христіанскія времена въ Прусѣ была каѳедра митрополита. Рядъ прусскихъ іерарховъ начинается еще прежде Никейскаго собора. Первымъ въ ряду ихъ почитается священномученикъ *Александръ*, о которомъ кромѣ имени не извѣстно ничего. Память его, по греческимъ мѣсяцесловамъ, 9 іюня. За нимъ долженъ слѣдовать *Патрикій*, также священномученикъ, пострадавшій, какъ надобно думать, при Діоклитіанѣ; ибо въ житіи его (греческомъ) приводятся повторенныя имъ слова ев. мученика *Піонія*, пострадавшаго при Деціѣ. *Георгій*, засѣдавшій на Никейскомъ 1 соборѣ. *Тимоѳей*, также священномученикъ, пострадавшій при Юліанѣ, *Евстаѳій* (381), *Петръ* (431), *Стефанъ* (459), *Ѳеоктистъ* (553), *Полихроній* (680), *Ѳеодоръ* (787), *Никита* (879), *Патрикій* (?), *Левъ* (1232), *Неофитъ* (прежде поваръ имп. Андроника II), *Николай* (1315), *Неофитъ* (1580), *Хрисанѳъ* (1642), *Климентъ* (1644), *Гавріилъ* (1656 бывшій патріархъ вселенскій), *Парѳеній* (1660, потомъ патріархъ вселенскій), *Неофитъ* (17..), *Кириллъ* (1721), *Константій* (1860).—Въ спискѣ епархій константинопольскаго патріархата, приписываемомъ имп. *Льву Мудрому*, нѣтъ прусской епархіи ([1]). Въ *Андрониковомъ* спискѣ подъ

([1]) Говорю на основаніи одного рукописнаго *номима* халкинской училищной библіотеки, въ коемъ приводится каталогъ епархій, извѣстный подъ именемъ *Львова*.

числомъ 19 сказано: „Пруса изъ 100-й степени низ(sic)-ведена на 20-ю“. Туже іерархическую степень прусская каѳедра удерживаетъ за собою доселѣ (¹). Митрополитъ прусскій носилъ титло *екзарха Виѳиніи*, тогда какъ халкидонскій, никомидійскій и никейскій именуются экзархами *всей* Виѳиніи. — Кромѣ упомянутыхъ трехъ священномучениковъ, Прусѣ принадлежатъ еще три святыхъ имени: *Акакія*, *Менандра* и *Помена*—пресвитеровъ прусскихъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ св. Патрикіемъ. Не чуждо ея также и имя великаго подвижника *Іоанникія*, жившаго нѣкоторое время гдѣ-то возлѣ Прусы,—„на горѣ прусентійстѣй“, какъ говорится въ житіи его, и несомнѣнно бывавшаго здѣсь по сосѣдству много разъ. Еще болѣе близко Прусѣ имя преподобнаго *Евстратія* чудотворца́, коего монастырь называемый: *Агавровъ* (τῶν Ἀγαύρων) былъ если не въ самой Прусѣ, то весьма близко ея. Пусть во слѣдъ святымъ, какъ за свѣтомъ тѣнь, пройдетъ черезъ память нашу еще одно имя, пресловутое въ лѣтописяхъ церковныхъ—патріарха *Іоанна Векка*, здѣсь проживавшаго въ ссылкѣ съ января 1283 по май или іюнь 1284 года—въ воздаяніе своего не столько можетъ быть предательства, сколько человѣкоугодничества.

Съ X вѣка Пруса стала склоняться подъ иго иновѣрное. Въ 924 г. послѣ годичной осады ее взялъ *Сейфед-девлетъ*, срывшій стѣны ея до основанія. Itineraire de l'Orient (стр. 502), упомянувъ о семъ, одиноко стоящемъ въ исторіи. событіи, присовокупляетъ, что од-

(¹) Около 1880 г. прусская епархія дана была въ завѣдываніе никейскому митрополиту на всю жизнь его, ради того, что та одна не въ состояніи уже была содержать своего архіерея. Act. Patr. Const. CCCXCIII.

нимъ изъ послѣдствій крестовыхъ походовъ было возвращеніе Бруссы византійскимъ императорамъ. Слѣдовало бы потому предположить, что съ 924 до 1097 г. по крайней мѣрѣ Брусса не принадлежала болѣе имперіи. Между тѣмъ мы видѣли, что въ 959 г. ее посѣщалъ Константинъ VII, какъ свой городъ. Вѣроятнѣе, что завоеватель немедленно по разореніи города удалился изъ него, не могши держаться въ немъ. Стѣны города были выстроены вновь и по видимому крѣпче прежняго. Въ 1182 г. ихъ отчасти снова разрушилъ уже свой завоеватель *Андроникъ 1 Комнинъ*, изливш1й надъ городомъ столько жестокостей, что Сейфед-девлетовы должны были казаться милостію. Въ XIV вѣкѣ *Осминъ* три раза безуспѣшно осаждалъ городъ. Почти подъ самыми стѣнами его были выстроены двѣ крѣпости, изъ коихъ турки въ теченіе 10 лѣтъ постоянно безпокоили осажденыхъ. Оставленный самому себѣ, городъ мужественно боролся съ азіатскою ордою; но послѣ взятія турками горней крѣпости: *Адріаны*, для него не осталось надежды къ спасенію. Императоръ прислалъ приказаніе сдаться. 30-ю тысячами червонцевъ куплено было право свободнаго выхода изъ города всѣмъ, кто пожелаетъ. Постыдной памяти *Михаилъ Кёсифъ*, ренегатъ, любимецъ и пособникъ Османа, провелъ гарнизонъ и жителей до Кійской пристани (¹). Все это происходило въ 1325 г. Вѣсть о взятіи Бруссы застала Османа на смертномъ одрѣ. Слава дѣла этого досталась сыну его *Орхану*, который, по завѣщанію отца, сдѣлалъ изъ Бруссы сто-

(¹) Другой ренегатъ, *Өеренось-бей*, на свадьбу Байезида привелъ въ Бруссу и подарилъ Мураду I 100 мальчиковъ и дѣвочекъ отличной красоты изъ своего племени. Каждая жертва гнусной спекуляціи имѣла кромѣ того въ рукахъ своихъ богатые подарки новобрачнымъ.

лицу своей державы. Въ этомъ качествѣ городъ естественно привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе, и полезное и вредное для него. Знакомецъ нашъ *Тамерланъ*, послѣ Анкирской битвы, выжегъ Бруссу въ 1377 г. *Магометъ I* выстроилъ снова. Въ 1413 г. еще разъ ее взялъ и разграбилъ султанъ иконійскій. Съ обращеніемъ Бруссы въ областный городъ турецкой имперіи, кончились и ея слава и ея бѣдствія. Съ тѣхъ поръ ее опустошали одни пожары и землетрясенія. Въ Бруссѣ царствовали 4 султана: *Орханъ* (1325—1359), *Мурадъ I* (—1389), *Байезидъ I* (—1403) и *Магометъ I* (—1421). *Мурадъ II* хотя вступилъ на престолъ еще въ Бруссѣ, но жилъ и умеръ въ Адріанополѣ.

Кончивъ эту балластовую работу своихъ путевыхъ замѣтокъ, я съ тревогою посмотрѣлъ на сѣрое небо, вспрыснувшее уже на разсвѣтѣ легкимъ дождемъ землю, и грозившее помѣшать нашему обозрѣнію города. На домашнемъ совѣтѣ рѣшено было идти прежде всего въ знаменитыя бани, чтобы первое впечатлѣніе на насъ Бруссы получено было оттуда, откуда идетъ слава ея. Да и въ археологическомъ отношеніи бани эти—предметъ первостепенный. Проѣзжая мимо ихъ вчера, я успѣлъ различить вблизи ихъ портикъ съ колоннами, которыя на востокѣ обыкновенно считаютъ за собою три возраста: *языческій*, *христіанскій* и *магометанскій*. Довольно для меня, если онѣ окажутся и христіанскаго происхожденія. Сочинитель книги: Les Bains de Brousse передаетъ мѣстное повѣрье, что въ Бруссѣ всѣхъ бань около 3,000. Это конечно своего рода: „сорокъ сороковъ“. Общественныхъ бань съ горячею минеральною водою онъ же полагаетъ 18 — 20. Ему, изучившему Бруссу во всѣхъ подробностяхъ, можно бы, не колеб-

лась между двумя числами. указать точную и опредѣленную цифру, но вмѣсто нея онъ обозначилъ только число всѣхъ горячихъ ключей Бруссы. Ихъ 7. Мы отправились къ самому славному изъ нихъ: *Кюкюртлу* (сѣрный). Онъ находится къ сѣверу отъ города, на полчаса разстоянія отъ гостинницы. По дорогѣ мы видѣли мечеть *Мурада II* съ окружающими ее надгробными часовнями, но не имѣли столько любопытства, чтобы разсмотрѣть ее въ подробности. Послѣ константинопольскихъ мечетей брусскія кажутся ничтожными. Это относительно ихъ зодчества. Чтоже касается до ихъ историческаго значенія, то всѣ эти Байезиды и Мурады мнѣ кажутся такими болѣзненными наростами на исторіи востока, что чѣмъ менѣе видишь ихъ, тѣмъ яснѣе становится видѣніе. Заманчивая память *Маріи* (Мары) *Гюргевны*, княжны сербской, навязываемая мечети Мурада, не могла расположить насъ взглянуть на гробъ мнимой матери *Магомета завоевателя*. Болѣе нежели сомнительно ея почиваніе въ одномъ изъ тюльбе мечети. Магометъ II разогналъ гаремъ отца своего, и *Марѣ* отвелъ мѣсто для жительства въ Македоніи близъ Аѳонской горы, гдѣ она, вѣроятно, и окончила жизнь въ подвигахъ добродѣтели. Едва ли она могла пожелать сама, или другой кто пожелалъ бы погребсти останки ея возлѣ бывшаго мужа ([1]). Можетъ быть это иная княжна сербская — дочь Лазаря, бывшая въ замужествѣ за Байезидомъ ([2]).

([1]) «Elle repose comme chretienne à coté de ses enfans et de ses rivales dans le magnifique tombeau des Islam». Les Bains de Brousse. pag. 73. «Дѣти и соперницы» конечно игра воображенія. На тоже похожа и «великолѣпная гробница».

([2]) См. *Дюканжа*: Familiae Byzantin. p. 260. *Lemaire* (Histoire de

Кюкюртлу раздѣляется на *большой* и *малый*. Прежде названія эти выражали сущность дѣла. Теперь большой по виду уступаетъ малому. При маломъ выстроенъ длинный двуэтажный домъ съ обширнымъ дворомъ и садикомъ. Здѣсь останавливаются на лѣтніе мѣсяцы недужные, по крайней мѣрѣ—тѣ, коимъ затруднителенъ переходъ или переѣздъ изъ города сюда. Мы осмотрѣли внутреннее устройство заведенія. Ключь такъ горячъ, что невозможно держать руки въ водѣ. Паръ не жжетъ, какъ въ нашихъ баняхъ, но разслабляетъ въ одну минуту, и какъ бы душитъ. Охотники остались мыться въ банѣ. Я предпочелъ археологическую прогулку по окрестности. Прусскія воды извѣстны были въ глубокой древности ([1]), и безъ сомнѣнія имѣли при себѣ постройки. Я искалъ слѣдовъ ихъ въ Кюкюртлу. Точно нѣсколькихъ большихъ, правильно тесаныхъ камней и двѣ-три капители мраморныя, валявшіяся на дворѣ заведенія, свидѣтельствовали о бытности тутъ встарину большаго зданія. Когда я разсматривалъ скудные памятники минувшаго, ко мнѣ подошелъ одинъ поселянинъ съ запискою, прося прочитать, что̀ въ ней написано. Были написаны слова: Ἅγιος Πατρίκιος. Оказавъ эту услугу неграмотному туземцу, я вознагражденъ былъ за то извѣстіемъ отъ него, что именемъ, прописаннымъ въ запискѣ, называется то мѣсто, на которомъ мы стояли. Я былъ весьма утѣшенъ этимъ неожиданнымъ открытіемъ. Именами святыхъ обыкновенно называются на востокѣ церкви, посвященныя святымъ. *Святый Па-*

---

l'Empire de Turquie p. 98) говоритъ, что Мурадъ I былъ женатъ на княжнѣ сербской, а по Гаммеру — болгарской.

([1]) Было преданіе, что въ сихъ водахъ омылъ себя отъ крови, безвѣстно погибшаго, друга *Ила* Геркулесъ, Continuator Theophanis. p. 290.

трикій должно значить потому: храмъ св. Патрикія. Я былъ такимъ образомъ на мѣстѣ, гдѣ существовалъ нѣкогда храмъ св. Патрикія, а храмъ былъ конечно тамъ, гдѣ пострадалъ священномученикъ. Онъ замученъ былъ въ пріѣздъ въ Прусу для пользованія водами проконсула Виѳvніи *Юліана* (Юлія — по славянскому житію св. Патриція). Изъ житія священномученика можно выводить, что судъ надъ нимъ происходилъ здѣсь при водахъ— конечно потому, что проконсулъ здѣсь имѣлъ свое мѣстопребываніе. Правитель позвалъ предстоятеля христіанъ, и просилъ его объяснить, откуда и кто изводитъ на поверхность земную горячую воду. Онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, это дѣлаютъ боги *Асклипій* (эскулапъ) и *Сотирія* (спасеніе). Епископъ утверждалъ, что ихъ изводитъ Слово Божіе „воплотившееся и явившееся міру въ образѣ Христа." Доказательства своего мнѣнія проконсулъ конечно представить не могъ. Но отъ противника онъ потребовалъ доказательствъ. Нѣсколько текстовъ св. Писанія, сказанныхъ послѣднимъ, естественно не убѣдили его. Какой же могъ быть исходъ состязанія послѣ однихъ голословныхъ утвержденій? Обѣ стороны должны были остаться при своихъ убѣжденіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, что́ могъ сдѣлать болѣе христіанинъ, разсуждая съ невѣрнымъ? Высшимъ конечно внушеніемъ проконсулъ наведенъ былъ на мысль осмѣять всенародно поклонника Іисусова. Ты утверждаешь, сказалъ онъ Патрикію, что Христомъ, а не богами созданъ міръ. Посмотримъ же, избавитъ ли Онъ тебя отъ созданной имъ стихіи. Святителя бросили въ горячую воду. Но, противъ чаянія, онъ не только не сварился, но еще почувствовалъ столько прохлады, что въ восторгѣ отъ посѣщенія Божія началъ торжественно славословить

Бога! Споръ разрѣшился такимъ образомъ вполнѣ. И могло ли быть иначе? Христіанство чудесами насаждено, чудесами возращено и чудесами стоитъ до сихъ поръ. Усиліе враговъ и лживыхъ доброжелателей его свести его съ чудесной почвы весьма понятно, но совершенно напрасно. Ему нельзя сойти оттуда, какъ нельзя чувственному разсудку взойти туда. Но и къ чему это усиліе сводитъ? Передъ взоромъ разсудка есть же одно вѣчное, и ничѣмъ неотразимое, чудо—Богъ. А сей Богъ и есть вина, сущность и сила Вѣры нашей. Логическая непослѣдовательность потому была бы возставать противъ чудеснаго въ дѣйствіяхъ божества.—Что же проконсулъ? Велѣлъ отсѣчь голову исповѣднику Христову!

Въ сосѣдствѣ съ банями *Кюкюртлу* существуетъ глухое и разваливающееся, почти квадратное, зданіе, сведенное куполомъ. Оно кладено изъ остатковъ прежде бывшихъ построекъ, представляя въ стѣнахъ своихъ снаружи смѣсь мрамора, песчаника, ноздреватаго камня и кирпича. Къ сѣверной, входной, стѣнѣ его пристроенъ четырехколонный портикъ. На капители одной изъ колоннъ видѣнъ сглаженный враждебною рукою крестъ, а на другой—какой-то цвѣтокъ. Въ западномъ концѣ портика стоятъ двѣ полуразрушенныя гробницы, кладенныя изъ булыжника и вымазанныя снаружи глиной по общему обычаю турецкихъ надгробій. Внутренность зданія занята такими же гробницами не одинаковыхъ размѣровъ, разставленными впоперегъ его при боковыхъ стѣнахъ, 3 съ правой, и 5 — съ лѣвой стороны. Все это запустѣло снаружи и извнутрь, разсѣлось, сыплется, рушится... Я спросилъ въ сосѣдней булочнѣ, какъ называется зданіе. Отвѣчали: *тюльбе*. Но имѣетъ ли

этотъ тюльбе какое нибудь собственное имя, я не могъ дознаться. Можно бы не сомнѣваться, что на мѣстѣ его стоялъ нѣкогда христіанскій храмъ, которому принадлежали и означенныя выше 4 колонны. Самъ же онъ, въ свою очередь, смѣнилъ какой нибудь древнѣйшій храмъ языческій, можетъ быть, Асклипіевъ и Сотиріинъ. Большой мраморъ, вложенный въ западную стѣну зданія съ древнею надписью: ΕΤΩΝΚ (20-ти лѣтъ), доказываетъ, что за много вѣковъ прежде магометанскихъ покойниковъ здѣ погребались—вѣроятно тѣ, кои искали спасенія отъ недуговъ въ цѣлительныхъ водахъ.

Возвращаясь въ городъ, мы прошли мимо шелкодѣльной фабрики, самаго большаго зданія Бруссы послѣ *большой* мечети. Ради праздниковъ въ ней тогда не производились работы. Видѣли развалины другой фабрики, разрушенной землетрясеніемъ 1855 г., при чемъ погибло десятка два или три бѣдныхъ работницъ, все дѣвицъ христіанскихъ. Мы отыскали *Митрополію*. Она хотя стоитъ на большой улицѣ, но такъ застроена, что со внѣ вовсе не примѣтна. Малый дворъ раздѣляетъ собою три зданія: церковь, архіерейскій домъ и училище. Церковь во имя св. *Іоанна Богослова* новой постройки (1802 г.), полукаменная, полудеревянная, довольно обширна, но весьма не взрачна. При томъ же землетрясеніе до того исказило ее, что во многихъ мѣстахъ она похожа на балаганъ. Грустное впечатлѣніе оставила она на душу. Я спѣшилъ уйти изъ нея, не прочитавъ даже велеглаголевой ктиторской замѣтки, высѣченной на мраморной плитѣ въ притворѣ, и относящейся къ началу текущаго столѣтія. Преосвященнѣйшаго митрополита прусскаго *Констанція* мы не застали дома. Училище ради праздничныхъ дней было так-

же пусто. Не зная, что дѣлать болѣе, мы пошли далѣе. Узнавъ, что тутъ же не далеко квартируетъ заточенный по опредѣленію великой церкви, бывшій настоятель болгарской константинопольской церкви св. Стефана, епископъ *Иларіонъ*, мы навѣстили его по старому знакомству. Нашли изгнанника занимающагося турецкимъ языкомъ — отъ нечего дѣлать. Сначала онъ былъ сосланъ гораздо глубже въ Малую Азію. Но правительство, снисходя къ его просьбѣ, перемѣстило его потомъ сюда. Оно же даетъ ему и средства къ жизни. По виду, бывшій „священноначальникъ" (¹) благодушествуетъ. Увѣрялъ насъ, что никогда въ жизни не проводилъ времени въ такой тишинѣ духа, какъ теперь. Если и печалитъ его продолжающійся разладъ между его соплеменниками и греками; то по крайней мѣрѣ онъ имѣетъ утѣшеніе не сознавать себя болѣе ни дѣятелемъ, ни участникомъ его.

Мы поднялись къ вышгороду, обнесенному стѣнами, большею частію еще держащимися. Въ него ведутъ четверо воротъ. Мы шли главными, восточными, широкими и глубокими, сведенными аркою и выстроенными изъ большихъ, правильно сѣченныхъ камней въ перемежку съ мраморомъ, взятымъ изъ построекъ еще болѣе отдаленной эпохи. По сторонамъ ихъ со внѣшней стороны вставлены большіе камни съ греческими надписями (одна внизъ верхомъ), заключающими въ себѣ опредѣленія городскаго начальства (Дима) относи-

(¹) Чуждаясь вообще иноземщины, и въ частности всего греческаго, патріоты болгаре называютъ своихъ архіереевъ *священноначальниками*, *пастыреначальниками* и *началопастырями*. Послѣднее неудачно, но первыя два названія хороши, и могли бы быть приняты всѣми славянами.

тельно нѣкоторыхъ, чѣмъ-то отличившихся, гражданъ. Въ одной читается: Ὁ Δῆμος. Ἀθηναῖον Τειμόθ(εον...) πάντα καὶ πράξαν(τα...) τὰ ἄριςα. Въ другой: Ὁ Δῆμος. Διονύσιον Βασιλείδου καὶ Τίτθαν Ἀρχελάου καὶ Θεογένην Διονυσίου. Это значитъ, что аѳинянинъ *Тимоѳей*, *Діонисій Василидовъ*, *Титѳа Архелаевъ* и *Ѳеогенъ Діонисіевъ* рекомендуются памяти потомства благодарными современниками. На высотѣ одной изъ примыкающихъ совнѣ къ воротамъ стѣнъ видится начало надписи христіанскаго времени съ монограммою имени Христова. Но нѣсколько съ трудомъ различаемыхъ буквъ не даютъ никакого смысла. Въ крѣпости мы осмотрѣли сперва огромное зданіе бывшаго училища турецкаго, разрушенное въ большей части землетрясеніемъ. Его два большіе, на половину обрушенные, купола страшно зіяютъ своими безобразными отверстіями. Общественныя зданія турокъ, обыкновенно неприглядныя въ своемъ благосостояніи, дѣлаются ужасными въ запустѣніи. Отъ разрушающейся Турціи мы перешли къ разрушенной Византіи,—къ *Даулу-Монастырь*. Самое имя мѣста показываетъ, что тутъ былъ нѣкогда монастырь. Itineraire ошибочно называетъ мѣсто: *Даудъ*—монастырь, хотя не безъ основанія, повидимому, относитъ его къ послѣднимъ вѣкамъ византійской имперіи. Можетъ быть, это тотъ самый монастырь *Предтечи*, который выстроила императрица *Ирина*, жена *Іоанна Ватаци Дука*, славный разнообразнымъ искусствомъ мраморовъ (¹). Еще не давно можно было видѣть церковь монастырскую, хотя и обращенную въ мечеть. Теперь ея уже нѣтъ. На мѣстѣ ея стоитъ только что оконченная постройкою малая и непригладная

(¹) Ephraemius, стихи. 7900—7907.

мечеть. Объ исчезнувшемъ зданіи свидѣтельствуетъ множество обломковъ мраморныхъ, взятыхъ изъ старой и невошедшихъ въ новую постройку, съ разнообразною рѣзьбою церковнаго стиля и съ начерченнымъ на одномъ камнѣ словомъ: ἀρετή. Теперь всѣ они сложены, или лучше сказать, брошены за оградою мечети. Внутри мечети: *Даулу* погребенъ завоеватель Бруссы *Орханъ*. Его тюрбанъ и огромныя деревянныя четки до начала текущаго столѣтія висѣли надъ гробомъ его. Отъ перваго и самая мечеть получила свое имя. Тѣло отца своего *Османа* (¹), Орханъ похоронилъ вблизи первой, обращенной имъ въ мечеть, церкви. Скромный осмиугольный тюльбе вмѣщаетъ въ себѣ прахъ основателя нынѣ царствующей династіи оттоманской. Мы прибыли въ Бруссу по горячимъ слѣдамъ султана. *Абдулъ-Азисъ* привезъ на гробъ своего предка установленный имъ орденъ: *Османье*. Возлагая это отличіе на родную, и до него почти забытую, гробницу, его величество сказалъ, что онъ давно желалъ воздать этотъ долгъ признательности своему славному родоначальнику. Онъ приказалъ кромѣ того окружить гробъ серебряною рѣшеткою, и вообще завѣщалъ поддерживать славный памятникъ. Мы застали у тюльбе кучку народа и посреди его астролябію. Дѣло идетъ о размежеваніи сосѣдней земли. По видимому, имѣется въ виду оживленіе вышгорода заселеніемъ. Едва ли это удастся. Сосѣдство столькихъ развалинъ, не возстановимыхъ болѣе, не

(¹) Надобно писать: *Оѳманъ*. Свистящій звукъ ѳ (Анг. th) принимается обыкновенно невѣгласью за с; отчего изъ Оѳмана вышелъ Османъ. Суемудріе, думаю, сдѣлало изъ Оѳмана *Оттоманъ*. А немудріе нѣкоторыхъ изъ нашихъ готово вмѣсто ѳ писать уже *ф!* такъ что вмѣсто Оѳмана у насъ выйдетъ *Офманъ*!

благопріятствуетъ жизни. Лучше бы засадить его кипарисами. Могилы трехъ султановъ—завоевателей стоятъ этого символа неувяданія и тяжелаго благоуханія.—Мы прошли черезъ чей-то огородъ къ одной башнѣ, окопанной рвомъ, и соединяющейся съ крѣпостною площадью гнилымъ, деревяннымъ подъемнымъ мостикомъ. Оттуда полюбовались видомъ Бруссы, утопавшей въ зелени всѣхъ цвѣтовъ отъ нѣжно-жолтаго развивающихся лозъ виноградныхъ до пепельнаго нестарѣющихъ маслинъ. Что въ этомъ видѣ есть наиболѣе чарующее, природа ли сама, весна ли, миръ ли души, образы ли фантазіи, память ли чего нибудь другаго, похожаго на него, рѣшить трудно. Но чарующее было. Для меня и въ той мысли были чары, что зелень эта лежитъ покровомъ на исторической могилѣ двухъ тысячелѣтій, изъ коей любыя лица можешь вызывать по произволу, разставляя ихъ, какъ античныя статуи, въ саду воображенія.

Спустившись изъ крѣпости тѣми же сорокалѣстничными (¹) воротами, мы направились къ *большой мечети* (Улуг-джами). Она одна напоминаетъ въ Бруссѣ великолѣпные храмы Константинополя. Обширна, стройна и чиста. Ей не достаетъ средоточнаго купола, который бы могъ дать единство прочимъ 19 куполамъ, чтобы вполнѣ соперничать съ царскими мечетями столицы. Странно это отсутствіе! Не есть ли оно свидѣтельство первоначальнаго устройства магометанскихъ храмовъ Аравіи и Египта, имѣвшихъ, можетъ быть, видъ хана или монастыря, т. е. четыреугольника стѣнъ со внутреннею при нихъ крытою галлереею, куда сво-

(¹) *Кркъ—мендевенъ*. Отъ чего такое названіе, неизвѣстно.

бодно доходилъ чистый воздухъ, но не заходилъ палящій лучь солнца? Мы удовольствовались тѣмъ, что заглянули черезъ большую дверь молитвеннаго хана въ пустую внутренность его, занятую посрединѣ фонтаномъ и защищенную сверху проволочною сѣтью, и обошли кругомъ его. Вода движетъ въ Бруссѣ мельницы и фабрики, вода лечитъ недуги, вода по видимому поддерживаетъ и молитву.

Утомленные возвратились мы въ свою „отель". Еще со вчерашняго вечера ведутся переговоры о подводѣ въ *Никею*. Мунданійскій агентъ *Василій* сперва изъявилъ было желаніе везти насъ и туда, но потомъ отказался подъ разными предлогами, и привелъ намъ суруджіевъ турковъ. Тяжело показалось мнѣ это поступленіе въ вѣдѣніе иновѣрцевъ; но знатоки дѣла говорили не безпокоиться, увѣряли даже, что съ турками лучше вести дѣло. Мы обѣдали, когда пришли трое подрядчиковъ. Двое изъ нихъ отличались открытыми, умными и цвѣтущими лицами, затмѣвавшими совершенно сухой и хитрый обликъ Кvръ Васили. Мы довѣрчиво отдались покровительству ихъ честныхъ и добрыхъ глазъ, говорившихъ намъ въ пользу ихъ болѣе, чѣмъ всѣ ихъ (немногословныя впрочемъ) рѣчи. Они договорились за 80 двадцатокъ (¹) (1.600 піастровъ бумажныхъ) доставить насъ въ *Никею*, пробыть тамъ съ нами пятницу, и въ субботу вечеромъ привезть насъ въ *Кіо*. Положено было отправиться въ часъ. Между тѣмъ митрополитъ прислалъ своего „священнопроповѣдника" съ извѣщеніемъ, что онъ дома, и можетъ принять насъ, если мы поже-

---

(¹) 5 изъ нихъ, какъ мы узнали послѣ, достались Василю за факторство.

ляемъ. Пришелъ также навѣстить насъ и начальникъ святогробскаго Метоха. Мы распрашивали почтенныхъ отцевъ объ олимпійскихъ монастыряхъ; но ни тотъ ни другой, по новости своего пребыванія въ Бруссѣ, не могли сообщить намъ никакихъ о томъ свѣдѣній. Въ маѣ мѣсяцѣ гора заселяется пастухами, самыми лучшими путеводителями по ней. Съ ними можно доискаться всего, но отдаться въ руки ихъ не безопасно.

Часа въ два все было готово къ отъѣзду. Мы оставили старую столицу турецкую, довольные тѣмъ, что видѣли ее. Это второй по населенію городъ Малой Азіи. Въ немъ, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ на мѣстѣ, есть до 8,000 домовъ турецкихъ, около 1000 армянскихъ, 800 греческихъ, 400 еврейскихъ, 100 католическихъ и съ десятокъ протестантскихъ (¹), — около 300 мечетей, 3 православныя церкви, 3 греческихъ училища взаимнаго обученія и 2 эллинскихъ, около 60 фабрикъ и множество магазиновъ и лавокъ. Это главный городъ эйялета тогоже имени, отъ котораго только недавно отдѣлилась Никомидія съ своимъ округомъ, раздѣливъ съ нимъ снова славу Виѳинійской столицы. Къ прибытію султана здѣсь приготовлена была земледѣльческая выставка области, которую его величество разсматривалъ съ большимъ любопытствомъ. Посѣщеніе его ознаменовалось по обычаю раздачею наградъ, а именно орденовъ и милостынныхъ денегъ; при чемъ не было обращаемо вниманіе на различіе вѣры и вѣроисповѣданія. Паша удостоился получить *меджидье* 2-й степени, а митропо-

(¹) Itineraire увѣряетъ, что по переписи 1852 г., въ Бруссѣ было 73.000 жителей, между коими 11.000 армянъ и 600 грековъ. Не легко размѣстить въ 800 домахъ 600 человѣкъ, равно какъ и въ 1.000 домахъ 11.000 человѣкъ.

лить—3-й степени. Кромѣ того много роздано было серебряныхъ медалей съ надписью: *Брусса*, на память пребыванія здѣсь султана. Вообще же впечатлѣніе благопріятное оставила его поѣздка въ Виѳvнію. Говорятъ, что она будетъ началомъ многихъ другихъ поѣздокъ его по имперіи, болѣе продолжительныхъ, имѣющихъ простираться до Палестины и Египта.

Прекрасная погода напутствовала насъ при выѣздѣ изъ Бруссы, и не оставляла до самой ночи. Мы пересѣкали діагональю равнину, направляясь на сѣверовостокъ къ грядѣ горъ: *Катырлы*. Черезъ два часа достигли селенія: *Кестель*, расположеннаго на скатѣ холма, верхушку котораго занимаетъ овалъ крѣпостныхъ стѣнъ средневѣковой постройки, теперь запустѣлыхъ и служащихъ загономъ для овецъ. Полагать можно, что *Кестель* есть испорченное Castellum. Обогнувъ холмъ, мы взяли направленіе прямо на востокъ, то несясь, то едва подвигаясь по другой долинѣ, параллельной брусской, и, вѣрнѣе, составляющей часть ея. Насъ отдѣлялъ отъ нея не высокій хребетъ, заслонявшій отъ насъ Олимпъ, и отвращавшій взоръ нашъ по неволѣ къ противоположной цѣпи горъ, которая все болѣе и болѣе загораживала намъ дорогу, сходясь съ высотами, подъ сѣнію коихъ мы ѣхали. Долина сжималась. Мы поровнялись съ озеромъ, казавшимся совершенно чернымъ отъ отраженія въ немъ прилежащихъ высотъ *Катырлы*. Видъ этой черной неподвижной массы не вызывалъ на веселость. На картахъ озеро называется: *Кымъ*, т. е. птичьимъ, а по мѣстнымъ свѣдѣніямъ имя его: *кымъ-кон-маззель*, т. е. озеро, на которомъ не садятся птицы. Отъ чего онѣ не садятся, и точно ли не садятся, нашъ суруджи не могъ дать намъ отвѣта. Пересѣкши впада-

ющую въ озеро рѣчку: *Мехремли*, мы стали подниматься на высоту, оканчивающую протяженіе долины съ востока. Мы поднялись уже значительно высоко, какъ зрѣлище заходящаго солнца приковало къ себѣ взоръ нашъ. Было нѣчто чудно плѣнительное въ этихъ, брызжущихъ изъ подъ земли, огнистыхъ лучахъ, обдававшихъ моремъ золота все необъятное протяженіе равнины. Но то была одна минута. Лучъ погасъ, и черная котловина дохнула сыро могилой. Скорѣе отъ нея къ высотамъ, еще подернутымъ багрянцемъ отлетѣвшей жизни! Но и съ ними будетъ тоже. Все упокоится, и будетъ спать „до радостнаго утра." Душенъ ты и страшенъ покровъ смертный!

Мы еще съ часъ времени ѣхали по горней пустынѣ, вдаваясь въ густѣвшій съ каждою минутою мракъ. Утомленіе не разъ уже рисовало намъ впереди дороги очерки кровель ожидаемой деревни. Наконецъ совсѣмъ стемнѣло. Я терялъ терпѣніе, и начиналъ ублажать того, кто не путешествуетъ. Суруджи на разспросы наши давалъ отвѣты, сколько лаконическіе, столько же и пиеническіе. Смыслъ ихъ впрочемъ былъ ясенъ — рано или поздно доѣдемъ. Выразительнѣе ихъ былъ, раздавшійся наконецъ слѣва, лай собаки. Вскорѣ желанная деревня обозначила себя яркимъ огнемъ, исходившимъ изъ растворенной двери дома. Мы направились прямо къ нему, и спѣшились передъ кофейной, служащей вмѣстѣ и заѣзжимъ домомъ. Пріютившее насъ подъ кровъ свой, зданіе состояло изъ одной, почти квадратной, комнаты, раздѣленной на три продольныя части, среднюю проходную на уровнѣ земли, и двѣ боковыя, возвышенныя надъ первою болѣе, чѣмъ на аршинъ, и широкія столько, что можно улечься человѣку поперегъ ихъ.

Прямо противъ входа былъ очагъ. Объ боковыя стѣны почти сплошь состояли изъ оконъ. Устройство не затѣйливое, но весьма пригодное для разбитаго и преутружденнаго странника. Кофейня была полна народу — все турковъ. Занявъ въ ней самое почетное мѣсто, мы показали обществу свой самоваръ, а общество угостило слухъ монголо-арабскою музыкою на какомъ-то писклявомъ инструментѣ. Деревня называется *Тимбосъ*. Жителей немного и всѣ—турки.

Четвертокъ, 12 априля. Въ сплошный рядъ оконъ бѣлѣвшій востокъ столько уже посылалъ свѣта, что трудно было озабоченному духу не понять, что пора проснуться. Отрясши немощь и лѣность, мы встали, пропѣли пасхальную полунощницу къ немалому удивленію встававшихъ или еще спавшихъ турокъ, подкрѣпились опять чаемъ, и отправились въ длинный девятичасовый путь. На снѣжной вершинѣ Олимпа уже играли багряные лучи, еще не видимаго намъ, солнца. Тонкій холодъ свѣжилъ тѣло и придавалъ душѣ бодрость, дерзавшую вызывать опасность лицемъ къ лицу. Было весело и торжественно. Это точно было „радостное утро." Отъ самой деревни начинается спускъ въ ущелье: *Кизильджикъ-богазъ.* Оно идетъ извилинами, и тянется на полчаса неспѣшнаго пути. Не отличается оно особенною дикостію, но слыветъ зловѣщимъ. Есть мѣстное распоряженіе начальства не ѣздить по нему ночью. Ибо не болѣе, какъ за 12 дней передъ симъ, въ немъ произошла стычка солдатъ съ разбойниками, изъ коихъ 4 остались на мѣстѣ, а прочіе скрылись. Горькая приправа сладкому удовольствію путешествовать. Пока мы ѣхали этимъ безводнымъ *проливомъ* (богазъ-проливъ), нашъ суруджи разсказалъ намъ исторію славнаго въ

здѣшнемъ краѣ, современнаго намъ, разбойника *Кюрь-Юсуфъ* (Курда Іосифа), убившаго въ теченіе 4-хъ лѣтъ отъ 100 до 150 человѣкъ, и однажды гдѣ-то въ подобномъ же ущельѣ перевязавшаго въ одну ночь 36 человѣкъ. Мѣстомъ похожденій его былъ городокъ *Биледжикъ*. За годъ передъ симъ онъ былъ пойманъ въ Биледжикѣ въ кофейнѣ, куда не рѣдко приходилъ отъ избытка самонадѣянности. Увѣряютъ, что онъ успѣлъ награбить около 4-хъ милліоновъ піастровъ. Въ настоящее время содержится въ тюрмѣ. Уже болѣе половины награбленныхъ денегъ объявилъ подъ пыткою. — Выѣхавъ на широкую долину *Енишерскую*, нетерпѣливые всадники понеслись съ безуміемъ удали, не всѣмъ сподручной. Не довольно какъ будто однѣхъ не предвидѣнныхъ опасностей дороги; хочется еще накликать бѣду. Таковъ человѣкъ, ропщущій иногда на Промыслъ! На поляхъ Виѳиніи впрочемъ изстари водилось такъ. Крестоносцы не только бились съ сарацинами, но еще заводили турниры, на которыхъ ломали копья и ребра.—Енишерскую долину можно бы считать продолженіемъ Брусской. Она также тянется съ запада на востокъ, имѣя по сѣверную сторону все тотъ же хребетъ *Катырлы*, отдѣляющій ее отъ котловины никейскаго озера, а по южную—отроги нескончаемаго Олимпа. Великолѣпный видъ представляетъ цѣпь снѣжныхъ громадъ, начинающихся Олимпомъ, и уходящихъ глубоко въ Азію, можетъ быть, до *Анкиры*, можетъ быть, до *Кесаріи*. Въ четырехъ мѣстахъ она встаетъ надъ общимъ уровнемъ купами остроконечныхъ массъ, по видимому не уступающихъ Олимпу въ высотѣ. Къ сожалѣнію, при мнѣ не было хорошей карты, чтобы угадать, какая масса къ какому мѣсту Малой Азіи принадлежитъ. Черезъ два

часа большею частію спѣшнаго пути мы доѣхали до турецкой деревушки *Чартакъ*, а по картамъ *Чаталъ*. Не смотря на ея малонаселенность и видимую бѣдность, въ ней есть училище. Слитные и рѣзкіе голоса дѣтскіе вылетали по временамъ изъ-за разбитой оконничины придорожной избы, раздирая слухъ и вызывая воображеніе къ представленіямъ другаго рода разноголосицы, еще болѣе вѣрной акустической свободѣ природы. Черезъ полчаса дороги по топкому лугу, составлявшему нѣкогда какъ бы часть сосѣдняго озера, мы проѣхали черезъ другую деревню *Кара*, пересѣкая, какъ и вчера, долину діагонально, по направленію къ сѣверо-востоку. Городъ *Енишеръ* (новый городъ) остался вправѣ отъ насъ. Онъ тонулъ въ темной зелени садовъ, и въ общемъ видѣ долины казался пятномъ на ней. Здѣсь была первая столица Турціи. Тутъ жилъ *Османъ*. Отсюда онъ разорялъ Виѳинію, воюя Никею и Прусу. Здѣсь, въ этой колыбели, еще легко было задушить христіанству чудовище, имѣвшее причинить столько зла образованному міру. Но не было ни умѣнья, ни мужества, ни охоты сдѣлать это. Крестоносцы опошлили великое предпріятіе. Ошеломленная отовсюдными ударами, имперія нянькой присѣла къ погибельной колыбели, и стала ласкать и кормить дитя. И дитя выросло. Отвратимъ взоръ отъ этого *Новгорода* съ его печальнымъ полтысячелѣтіемъ! Мы дѣйствительно отвернулись отъ него, и направились къ хребту *Катырлы*, за которымъ по расчету уже должно было оканчиваться никейское озеро, и слѣд., намъ не къ чему было уже подаваться болѣе на востокъ. Хребетъ однакоже не представлялъ никакого проѣзда черезъ него. Очевидно, нужно было пересѣчь его по вершинѣ. Мы на-

прав иаясь къ самой высшей точкѣ его, имѣвшей видъ сѣдла, и именующейся *Пaмбуджакъ*. Труденъ былъ подъемъ нашъ. Къ усталости присоединился палящій зной полудня. Желаніе отдыха было всеобщее и какъ бы страстное. Каждый поворотъ дороги сулилъ намъ деревню и съ нею перспективу утѣшеній, истинную цѣну коихъ знаетъ только усталый путникъ. Мы поравнялись наконецъ и съ „сѣдломъ." Несравненный видъ на Енишерскую долину и на снѣжную цѣпь малоазійскихъ горъ могъ бы вознаградить труженика за терпѣніе; но не кому было смотрѣть на него. Взоры всѣхъ были устремлены впередъ, на кроющуюся за „сѣдломъ" деревню. Она называется: *Пaмбуджакъ-дервенъ* (проходъ Пaмбуджакъ). Мы спѣшились у кофейни. Первымъ дѣломъ нашимъ было идти взглянуть на озеро, украшенное знакомымъ именемъ *Асканія*, хотя и неизвѣстно какого. Видъ его поразительно хорошъ. Оно такъ велико, что кажется моремъ. Все обрамлено горами съ богатѣйшею растительностію, и совершенно пустынно. На всей поверхности его мы не увидѣли ни одного судна, ни даже лодки. А Никея? Гдѣже Никея? Ей мѣсто въ восточномъ концѣ озера. Я искалъ знаменитыхъ стѣнъ ея на примыкающихъ къ берегу высотахъ, воображая почему-то, что она разбросана по косогору, подобно столькимъ другимъ древнимъ городамъ Греціи. Странно, какъ составилось у меня такое предположеніе. А. Н. Муравьевъ, при всей наглядной подробности описанія Никеи, оставилъ читателя въ совершенномъ невѣдѣніи относительно самаго простаго предмета — мѣстоположенія ея (¹). „Смотрите сюда," сказалъ мнѣ ученый

(¹) Припоминаются мнѣ при этомъ многочисленныя описанія храма св. Петра въ Римѣ. Прочитайте ихъ со всею неподготовленностію во-

спутникъ. пріучившій взоръ свой къ чертежамъ геометріи. „Вотъ этотъ прямолинейный узоръ краснаго цвѣта и долженъ быть Никея." Я посмотрѣлъ въ зрительную трубку, и точно увидѣлъ высокія полуразрушенныя стѣны со множествомъ башенъ, замыкающія въ себѣ огромный пустырь съ кучею зданій въ сѣверовосточномъ углу. Это была она—Никея блаженной и блажимой всѣмъ христіанствомъ памяти. Усладивши духъ видѣніемъ, столько желаннымъ, мы возвратились къ своему пристанищу, гдѣ страннолюбіе и расчетъ собрали съ деревни все, чѣмъ можно было утѣшить многострастную плоть.

Населеніе деревни все состоитъ изъ православныхъ христіанъ грековъ, утратившихъ къ сожалѣнію языкъ отцевъ своихъ. Говорятъ всѣ они по турецки, но молятся по гречески. Въ селеніи считается около 80 домовъ-мазанокъ. Почти такого же вида и церковь во имя св. великомученика Георгія. Убожество ея крайнее. Для любопытныхъ есть въ ней мраморная плита съ надписью языческаго времени: Εὔξενος Μηνᾶ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ Νίκαια χαῖρε, и изображеніемъ минуты смертнаго разлученія, болѣе или менѣе общимъ древнему міру грекоримскому. Другою, гораздо позднѣйшею, рукою высѣчено на томъ же мраморѣ: Χρύσανθος. ΑΩΖʹ. По всей вѣроятности, камень этотъ перенесенъ сюда изъ Никеи. Село самое едва ли имѣло такую глубокую древность. Въ силу

вичка въ подобномъ дѣлѣ. Вы составите понятіе, что боковыя галлереи собора всѣ заставлены памятниками папамъ и другимъ лицамъ до того, что и пройти негдѣ. Между тѣмъ памятники поставлены при самыхъ стѣнахъ или даже въ стѣнахъ и галлереи остаются совершенно свободными. Таковъ оптическій законъ наблюденія! Чѣмъ яснѣе видишь одну какую нибудь часть предмета, тѣмъ тусклѣе кажутся остальныя, всего же болѣе—тѣ, которыя стоятъ *на первомъ планѣ*.

мѣстнаго преданія, оно заселилось выходцами изъ *Авлоны*, которые первоначально промышляли здѣсь разбоемъ, пользуясь удобною для того мѣстностію, но потомъ, оженившись и обзаведшись хозяйствомъ, предпочли вести жизнь мирную. Съ 1846 г. у нихъ заведена уже и школа, характеризуемая названіемъ общей. Въ ней обучаютъ дѣтей греческому чтенію по Псалтири и Октоиху. Опеку надъ языкомъ здѣсь держитъ пока одно богослуженіе. Волей или неволей изъ церкви слова заходятъ и въ домы. Толпа народа, собравшаяся смотрѣть на насъ, слушая нашу греческую рѣчь, большею частію казалась понимающею ее, а самъ старый Каведжи и зять его говорили даже свободно роднымъ словомъ. Мы застали еще продолжающимся праздникъ пасхи. Народъ веселился въ домахъ, или бездѣйствовалъ, бродя по улицѣ. Впрочемъ, какъ намъ объяснили, не пасхѣ собственно праздновали сегодня, а четвергу. По какому-то неписанному уставу во многихъ мѣстахъ на востокѣ три первые четверга послѣ пасхи считаютъ праздниками. А въ старину вмѣсто 3-хъ праздновали 7. При этомъ естественно было намъ припомнить странный праздникъ своего *семика*, не смотря на его худую славу, очевидно возникшаго на церковной почвѣ. *Седьмый* четвертокъ, *девятая* пятница, *десятое* воскресенье... откуда взялись этѣ своевольныя прикрасы къ тому, что безъ нихъ было бы еще прекраснѣе?

Мы простились съ авлонитами, пожелавъ имъ возвратить утраченную рѣчь своего племени, столько нужную Малой Азіи. Спускъ съ горы былъ не менѣе труденъ, чѣмъ подъемъ, а несравненно болѣе опасенъ. Почти цѣлый часъ мы употребили на это. За тѣмъ еще часа полтора ѣхали прибрежною равниною, дыша ея густымъ,

болотнымъ воздухомъ, въ лѣтнюю пору весьма нездоровымъ. Озеро слало намъ свой безчувственный лепетъ, — тотъ самый, которому внимали за вѣки и за десятки вѣковъ передъ симъ *македонцы*, строившіе Никею, *скиѳы*, жегшіе ее, *византійцы*, защищавшіе, *крестоносцы*, осаждавшіе, *сарацины*, разрушавшіе Умолкли всѣ разноязычные клики. А неумолкающая стихія продолжаетъ говорить свою нескончаемую проповѣдь о суетѣ суетъ. Ея шумъ перемогъ и бранные громы, и мирные лики, и ключь торжества, и вой печали, и ревъ звѣрей, и стонъ жертвъ. Онъ не заглушилъ только тихаго и безстрастнаго глагола божественной истины. Не только волны озера, но всѣ озера и моря, и земля и небо прейдутъ, а черта едина отъ рѣчей Господнихъ, исповѣданныхъ никейскимъ символомъ, не прейдетъ.

А.

О ШКОЛАХЪ ГРАМОТНОСТИ,

ОТКРЫТЫХЪ ГЛАВНЫМЪ ОБРАЗОМЪ ПРАВОСЛАВНЫМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ.

Въ мартовской книжкѣ Христіанскаго Чтенія помѣщенъ былъ списокъ школъ для простаго народа въ 48 епархіяхъ и число учащихся въ нихъ обоего пола за ноябрь мѣсяцъ прошлаго года. Дальнѣйшія свѣденія показываютъ, что грамотность между простымъ народомъ распространяется болѣе и болѣе, число школъ умножается, увеличивается и число учащихся въ нихъ. Не вдаваясь ни въ какія изслѣдованія, представляемъ подобный же списокъ народныхъ школъ и учащихся въ нихъ за апрѣль мѣсяцъ настоящаго года,—предъ окончаніемъ ученія въ народныхъ школахъ по случаю лѣтнихъ работъ.

къ 1 апрѣля 1862 года состояло:

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ:	ШКОЛЪ.	УЧАЩИХСЯ.	
		МУЖЕСК.	ЖЕНСКАГО.
1. Архангельской	148	2.090	485
Астраханской	61	2.105	366
Варшавской	11	79	34
Владимірской	290	5.307	704

	ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	ШКОЛЪ.	УЧАЩИХСЯ.	
			МУЖСК.	ЖЕНСКАГО.
5.	Вологодской	524	8 921	1.057
	Волынской	1.237	10.979	856
	Воронежской	267	4.999	377
	Вятской	507	5.736	1.489
	Грузинской	23	630	84
10.	Донской	191	2.574	356
	Екатеринославской	287	6.024	574
	Иркутской	41	672	76
	Кавказской	48	880	49
	Казанской	267	3.215	523
15.	Калужской	338	4.672	383
	Кишиневской	711	10.374	1.227
	Кіевской	1.364	24.792	6.894
	Костромской	762	7 960	1.740
	Курской	231	3.231	587
20.	Литовской	279	5.105	234
	Минской	627	8.930	1.435
	Могилевской	170	2.292	289
	Московской	165	2 487	399
	Нижегородской	862	6 302	589
25.	Новгородской	407	5.238	918
	Олонецкой	2[illegible]1	1.631	633
	Оренбургской	107	1.080	752
	Орловской	784	12.503	1.345
	Пензенской	359	7.063	534
30.	Пермской	228	3.226	819
	Подольской	1.260	19 601	4.320
	Полоцкой	231	1.982	214
	Полтавской	352	4.560	563
	Псковской	64	851	293
35.	Рязанской	805	18.180	1 844
	Рижской	286	5.222	4.36[illegible]
	Самарской	231	5.115	948
	С.-Петербургской	259	5 764	1.384
	Саратовской	609	8.328	1.3[illegible]6
40.	Симбирской	406	4 099	2.366
	Смоленской	749	12 664	718
	Таврической	67	2.564	355
	Тамбовской	229	4.162	303
	Тверской	939	13.319	2.677

ВЪ ЕПАРХІЯХЪ.	школъ.	учащихся.	
		мужск.	женскаго.
45. Тобольской	182	2.170	249
Тульской	1.227	16.722	923
Уфимской	158	2.340	606
Харьковской	263	6.495	801
Херсонской	412	8.098	684
50. Черниговской	842	13.897	2.367
Ярославской	343	3.326	591
Всего въ 51 епархіи . . .	21.421	319.776	53.712

Отношеніе числа школъ къ числу жителей православнаго вѣроисповѣданія въ разныхъ епархіяхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: одна школа приходится въ епархіяхъ:

Рижской на	617	Литовской	2.428
Тульской	906	Симбирской	2.492
Кишиневской . . .	920	С.-Петербургской .	2.529
Волынской	920	Калужской	2.692
Подольской	1.034	Ярославской	2.786
Кіевской	1.144	Пензенской	2.976
Минской	1.165	Астраханской . . .	3.134
Олонецкой	1.327	Екатеринославской.	3.141
Нижегородской . .	1.352	Оренбургской . . .	3.284
Костромской. . . .	1.386	Вятской	3.848
Смоленской	1.435	Казанской	3.887
Тверской	1.540	Уфимской	4.072
Черниговской . . .	1.617	Донской	4.164
Архангельской . .	1.692	Владимірской . . .	4 198
Рязанской	1.708	Могилевской	4.396
Вологодской	1.745	Полтавской	4.716
Орловской	1.787	Тобольской	5.058
Полоцкой	2.060	Самарской	5.389
Варшавской	2.224	Харьковской	5.477
Новгородской . . .	2.272	Псковской	6 439
Саратовской . . .	2.272	Воронежской . . .	6.669
Херсонской	2.363	Курской	7.247

Кавказской	7.681	Московской	8.435
Тамбовской	8.023	Иркутской	9.978
Пермской	8.307		

Отношеніе числа учащихся мужескаго пола къ общему числу православнаго народонаселенія представляется въ такомъ видѣ:

на 1.000 человѣкъ—учащихся въ епархіяхъ:

Рижской	58,1	Калужской	10,7
Кіевской	32,3	Владимірской	9,3
Тульской	31,	Харьковской	9,1
Кишиневской	30,3	Полоцкой	8,5
Подольской	29,6	Симбирской	8,5
Рязанской	26,2	Самарской	8,4
Минской	25,3	Ярославской	7,8
Смоленской	24,5	Уфимской	7,6
Астраханской ...	22,3	Донской	6,7
Черниговской ...	21,1	Казанской	6,4
Вологодской	20,6	Могилевской	6,3
Волынской	19,7	Вятской	6,2
Тверской	19,4	Оренбургской	6,1
Херсонской	18,3	Воронежской	5,7
Орловской......	18,3	Полтавской	5,5
С.-Петербургской..	17,4	Тобольской	4,9
Архангельской ...	17,4	Кавказской	4,7
Костромской	16,4	Тамбовской	4,6
Литовской	15,2	Курской	3,9
Пензенской	13,7	Варшавской	3,8
Екатеринославской .	13,3	Московской	3,7
Олонецкой	12,3	Пермской	3,6
Саратовской	12,3	Иркутской	3,2
Новгородской	12,1	Псковской	2,2
Нижегородской ...	11,5		

Отношеніе учащихся женскаго пола къ общему числу народонаселенія такое: на 1000 человѣкъ—приходится въ епархіяхъ:

Рижской	50,2	Варшавской	8,2
Кіевской	8,6	Подольской	6,5

Олонецкой	4,4	Смоленской	1,2
Симбирской	4,4	Ярославской	1,1
С.-Петербургской . .	4,2	Псковской	1,1
Оренбургской	4,2	Владимірской	1,
Кишиневской	3,9	Харьковской	1,
Минской	3,8	Казанской	0,9
Астраханской	3,7	Нижегородской	0.9
Архангельской	3,6	Пензенской	0,9
Тверской	3.4	Донской	0,8
Черниговской . , . .	3,3	Калужской	0,8
Костромской	3,	Полоцкой	0,8
Рязанской	2,6	Пермской	0.8
Вологодской	2,1	Могилевской	0.7
Новгородской	1,8	Литовской	0.6
Херсонской	1,8	Курской	0,6
Орловской	1,8	Полтавской	0,6
Саратовской	1,8	Московской	0,5
Уфимской	1,8	Тобольской.	0,5
Тульской	1,6	Воронежской	0,4
Вятской	1.4	Иркутской	0.3
Волынской	1,4	Тамбовской	0,3
Самарской , ...	1,4	Кавказской	0,2
Екатеринославской . .	1,2		

ОБЪЯВЛЕНІЯ О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ — ОТЪ КАНЦЕЛЯРІИ АКАДЕМИЧЕСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1) Коллежскимъ ассессоромъ В. И. Аристовымъ представлено въ пользу народныхъ приходскихъ сельскихъ школъ *девяносто одинъ рубль*; изъ нихъ по двадцати пяти рублей препровождено къ епархіальнымъ преосвященнымъ: новгородскому (викарію), саратовскому и симбирскому и 15 р. кишиневскому на пріобрѣтеніе по ихъ усмотрѣнію учебныхъ пособій, необходимыхъ для школъ, заведенныхъ мѣстнымъ духовенствомъ ихъ епар-

хій. Вмѣстѣ съ прежними 88-ю коп. остается, за издержками на пересылку, въ наличности 98 коп.

2) Эк. проф. А. Предтеченскимъ представлено для сельскихъ приходскихъ школъ *сто экземпляровъ* сочиненія: „*О необходимости священства противъ безпоповцевъ*". Сорокъ экземпляровъ препровождено канцеляріей къ преосвященному олонецкому, тридцать къ черниговскому и тридцать къ новгородскому для передачи, по ихъ усмотрѣнію, въ сельскія школы.

3) Пожертвованія на образованіе сельскаго народонаселенія и на вспомоществованіе своекоштнымъ студентамъ с. петербургской духовной академіи и впредь будутъ принимаемы въ канцеляріи академическаго правленія—подъ росписку завѣдывающаго сборомъ эк. проф. А. И. Предтеченскаго.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1863 ГОДУ ИЗДАНІЯ ДУХОВНАГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

СТРАННИКЪ.

Духовный журналъ «Странникъ» будетъ, съ Божіею помощію, продолжаться и въ 1863 году, по тойже, одобренной святѣйшимъ Сунодомъ, программѣ, въ томъ-же духѣ и направленія, какъ и въ прежніе годы.

Постоянно-возрастающее число читателей «Странника», во всѣхъ сословіяхъ, заставляетъ думать, что выполненіе его программы удовлетворительно. Конечно, не все и не для всѣхъ въ содержаніи нашего журнала имѣетъ одинаковое значеніе; но такова вообще судьба дѣлъ человѣческихъ, и особенно такова участь повременныхъ изданій. Вполнѣ сознавая несовершенство своихъ трудовъ, и прося извиненія въ нѣкоторыхъ неважныхъ недосмотрахъ, мы успокоиваемся по крайней мѣрѣ на той мысли, что никогда не подавали своимъ читателямъ повода къ ослабленію убѣжденій во всемъ томъ, что относится къ животу и благочестію, а напротивъ всячески старались своимъ изданіемъ распространять въ обществѣ такія понятія о предметахъ вѣры и нравственной дѣятельности, которыя совершенно оправдываются ученіемъ православной Церкви и духомъ истиннаго христіанства.

По возможности преслѣдовали мы своимъ вниманіемъ и осо-

бенности въ религіозныхъ и нравственныхъ стремленіяхъ нашего общества; но никакъ не позволяли себѣ суетныхъ и безплодныхъ полемическихъ выходокъ, а старались ввести въ свой журналъ полемику другаго рода: современному заблужденію противупоставляли положительную истину, которая говоритъ сама за себя и, не смѣясь, посмѣвается надъ суемудріемъ кичливаго умствованія. Мы не забѣгали впередъ этого священнаго свѣточа, не становились во главѣ чистаго ученія вѣры и Церкви, чтобы защищать и охранять его авторитетомъ ума: но священныя его скрижали предносили предъ собою и сами защищались ими.

Являлись иногда люди, которымъ не нравились наши убѣжденія, и которыхъ невѣріе, съ свойственною ему самонадѣянностію и худо скрываемою злостію, вооружалось противъ этихъ убѣжденій — не силою доказательствъ, а насмѣшкою, кощунствомъ и клеветою: но, обманувшись нашею невинною стратагемою, они думали, будто нападаютъ на насъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ возставали на авторитетъ истинъ, уважаемыхъ исторіею Церкви, и осмѣливались даже называть суевѣріемъ то, что во всѣ времена было предметомъ церковной вѣры и оправдывается примѣрами благочестивой отеческой жизни.

Помнимъ, обвиняли насъ и въ томъ, будто пути спасенія, по нашимъ представленіямъ, слишкомъ исключительны, будто мы видимъ ихъ только въ подвижничествѣ, или аскетизмѣ. Но наши обвинители, конечно, сами хорошо знаютъ, что христіанская жизнь обществъ и частныхъ лицъ идетъ не однимъ и тѣмъ же уровнемъ. Истинное христіанство, по самому своему существу, есть подвижничество, и на какомъ бы пути ни дѣйствовало, оно вездѣ благоугодно Господу. Но что дивнаго, если плоды жизни духовной преимущественно проявляются тамъ, гдѣ обильнѣе изливаются токи благодати Божіей,—на почвѣ, нарочито къ тому приготовленной? Тѣмъ не менѣе, присматриваясь къ различнымъ уровнямъ благочестивой жизни, «Странникъ» не могъ не замѣчать, какъ иногда и изъ низшихъ слоевъ христіанскаго общества выходилъ на поверхность почвы драгоцѣнный

перлъ во славу Божію и становился украшеніемъ Церкви Христовой. Съ полнымъ сочувствіемъ относясь и къ труженичеству, несущему свой крестъ путемъ обыкновенной жизни и прикрывающему свои подвиги христіанскимъ смиреніемъ, мы не позволяемъ себѣ смежать очей своихъ предъ тѣмъ, что, возлюбивъ свѣтъ, путемъ высокаго самоотверженія постепенно приближалось къ свѣту, и для наблюденія становилось предметомъ особенно осязательнымъ,—образцемъ, достойнымъ подражанія тѣхъ, кто желаетъ достигнуть въ мѣру возраста Христова. Для кого эта мѣра представляется недостижимою, пусть по крайней мѣрѣ воздастъ за нее славу Богу, дивному во всѣхъ путахъ своихъ.

Слѣдуя строго предначертанной нами программѣ, мы всегда имѣли возможность съ одной стороны поддерживать разнообразіе въ содержаніи своего журнала и представлять всякому читателю нравящуюся ему пищу, а съ другой—вызвать на литературные труды и сельскихъ нашихъ собратій, неодинаково безъ сомнѣнія настроенныхъ и неравно готовыхъ къ изложенію всякаго рода истинъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ служенію.

Кто не знаетъ, что въ иныя минуты мы способны бываемъ заниматься чтеніемъ, требующимъ болѣе серьезной дѣятельности ума и усиленнаго размышленія, и это на ту пору служитъ намъ удобопереработываемою и нужною пищею души; а въ иное время мы чувствуемъ, что для насъ полезнѣе было бы не столько холодное и утомительное размышленіе о предметахъ вѣры и нравственности, сколько оживленіе и возбужденіе чувства назидательными сказаніями о событіяхъ, представляющими христіанскую жизнь и дѣятельность въ самыхъ примѣрахъ. Имѣя это въ виду, мы старались по возможности удовлетворять духовнымъ потребностямъ нашихъ читателей примѣнительно ко всѣмъ настроеніямъ ихъ душъ, и вмѣстѣ заботились о томъ, чтобы и пастыри Церкви, и отцы семействъ, могли найти въ нашемъ журналѣ и указать какъ духовнымъ, такъ и плотскимъ своимъ дѣтямъ, чтеніе именно такое, какое всего ближе къ умственному и нравственному ихъ состоянію.

Что наши читатели дѣйствительно поняли эту цѣль и сочув-

ствуютъ нашимъ намѣреніямъ, можно судить по множеству лицъ, особенно изъ среды провинціальнаго духовенства, присылающихъ свои труды въ нашу редакцію. Принимая эти плоды дѣлателей въ благодатномъ вертоградѣ Христовомъ съ искреннею признательностію, мы многимъ изъ нихъ дали уже мѣсто на страницахъ нашего журнала, а другіе, еще не вошедшіе въ журналъ и одобренные къ печатанію, войдутъ въ него, по мѣрѣ возможности. Надѣемся, что всѣ братія наши о Христѣ, ревнующіе о пользѣ общественнаго образованія въ духѣ православной Церкви, не откажутъ намъ и на будущее время своимъ содѣйствіемъ.

Объемъ журнала «Странникъ» въ слѣдующемъ 1863 году будетъ прежній. Та же остается и цѣна его, то есть, за 12 книжекъ или за 4 тома: 3 р. 50 к., а съ пересылкою и доставкою на домъ 4 р.; за прилагаемые иногда портреты и другія приложенія особой цѣны не назначается.

Въ настоящее время въ редакціи журнала «Странникъ» составилось многочисленное собраніе проповѣдей, которыя присылаются въ нее отвсюду, и изъ которыхъ очень многія, несмотря на несомнѣнное ихъ достоинство, не могутъ быть напечатаны въ журналѣ, единственно по недостатку мѣста и по условіямъ програмы. Между тѣмъ, доходятъ до насъ слухи, что пастыри Церкви вездѣ, а особенно въ сельскихъ приходахъ и въ отдаленныхъ епархіяхъ, чувствуютъ недостатокъ въ проповѣднической литературѣ, примѣнимой къ понятію и нуждамъ низшаго сословія. Имѣя въ виду содѣйствовать восполненію этого важнаго недостатка, редакція журнала «Странникъ» рѣшилась, независимо отъ журнала, издать въ будущемъ 1863 году особый томъ проповѣдей, изложенныхъ популярно и соотвѣтствующихъ современнымъ потребностямъ нашего общества. Этотъ томъ составится изъ проповѣдей на всѣ воскресные и праздничные дни цѣлаго года и будетъ издаваться по частямъ, при каждой книжкѣ журнала, такъ что листа по три ихъ будетъ высылаемо подписчикамъ за мѣсяцъ впередъ, чтобы они могли воспользоваться ими въ томъ же году. Желающіе получать предполагаемый томъ Проповѣдей (въ объемѣ равномъ тремъ книжкамъ

Странника) благоволятъ къ назначенной цѣнѣ за журналъ прилагать 1 руб. сер.

Нѣкоторые читатели нашего журнала заявили намъ желаніе получать при «Странникѣ» статьи, приспособленныя особенно къ дѣтскому возрасту, чтобы души дѣтей, занятыя пріятнымъ и вмѣстѣ полезнымъ чтеніемъ, незамѣтно питались истинами вѣры и назидались правилами и примѣрами благочестивой жизни, понятными и доступными для нѣжнаго ихъ сердца. Это желаніе благочестивыхъ и попечительныхъ родителей подало намъ мысль издавать съ 1863 года ежегодно по одному тому «Чтенія для Дѣтей»; такъ чтобы по нѣсколько листовъ этого тома также прилагать къ каждой книжкѣ журнала. Цѣна и за этотъ томъ, въ такомъ же объемѣ, назначается 1 р. сер.

Подписчики на журналъ «Странникъ» не поставляются въ необходимость непремѣнно получать томъ Проповѣдей и томъ Чтенія для Дѣтей и высылать за это два рубля. Нежелающіе этихъ прибавленій могутъ выписывать одинъ журналъ. Можно также, кому заблагоразсудится, требовать отъ редакціи который нибудь одинъ прибавочный къ журналу томъ и высылать для этого, сверхъ цѣны за журналъ, еще одинъ рубль. Но подписка на томъ Проповѣдей и томъ Чтенія для Дѣтей—безъ журнала—не принимается: потому что отдѣльная продажа того или другаго тома въ 30 слишкомъ листовъ для редакціи была бы убыточна, а съ пересылкою и невозможна.

При высылкѣ денегъ какъ за журналъ, такъ и за означенныя прибавленія допускается, по прежнему, полугодовая и даже третная разсрочка.

Надписывать свои требованія, по прежнему, такъ: Въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ и издатель:

Законоучитель Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, Протоіерей Василій *Гречулевичъ*.

I.

О ЛЮБВИ КЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВУ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СОВРЕМЕННЫМЪ ПОТРЕБНОСТЯМЪ ЖИЗНИ.

(*Окончаніе*).

IX.

О ХРИСТІАНСКОМЪ ВОСПИТАНІИ И ОБРАЗОВАНІИ ЧЕЛОВѢКА.

На какую бы сторону человѣческой жизни и дѣятельности ни обратили мы свое вниманіе, — легко примѣтимъ, что то или другое воспитаніе и образованіе производитъ различныхъ общественныхъ дѣятелей съ тѣмъ или другимъ характеромъ, образомъ мыслей и убѣжденій, съ такими или другими наклонностями и привычками, съ такими или иными отношеніями къ другимъ людямъ. Въ свою очередь люди, вынесшіе изъ своего воспитанія и образованія извѣстное направленіе, дѣйствуя на другихъ словомъ, примѣромъ, силою власти, превосходствомъ ума, твердостію характера, образуютъ новое поколѣніе людей, живущихъ и дѣйствующихъ въ ихъ направленіи и духѣ, или благотворномъ и полезномъ, или, напротивъ, погибельномъ и разрушительномъ для блага общественнаго. Такимъ-то образомъ въ области религіи постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣ-

ніе, развивается и усиливается или духъ благочестія и вѣры, или же духъ суевѣрія, предразсудковъ, невѣрія и безбожія, разврата и нечестія, — въ области жизни общественной—духъ порядка, повиновенія закону, духъ истинной свободы гражданской и живой любви къ отечеству, или же духъ безпорядка и самоуправства, своеволія и буйства въ его различныхъ видахъ и проявленіяхъ.

Отсюда не трудно понять, что вопросъ о воспитаніи и образованіи человѣка имѣетъ сколько близкое, столько же и важное отношеніе ко всѣмъ вопросамъ, касающимся нравственнаго или матеріальнаго блага общества. Ложное и превратное воспитаніе конечно дастъ вредныхъ, недобросовѣстныхъ дѣятелей общественной жизни: воспитаніе правильное и доброе дастъ и обществу дѣятелей честныхъ и добросовѣстныхъ, усердныхъ и ревностныхъ хранителей его блага. — Неудивительно поэтому, что воспитаніе всегда признавалось однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ къ достиженію общественнаго благоустройства и благополучія: самые древніе, равно какъ и новые народы, законодатели и мудрецы, правительства, какъ и частныя лица, всегда заботились,—разумѣется, сообразно съ своими частными видами и цѣлями, — установить такой или иной образъ воспитанія и образованія народнаго. Неудивительно, что и нынѣ вопросъ о воспитаніи и образованіи признается однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ какъ общественной жизни, такъ и науки.

Божественная религія Іисуса Христа, имѣющая своею цѣлію—воспитаніе всего человѣчества на землѣ для жизни небесной,—не оставляетъ человѣка безъ своего руководства и въ вопросѣ о воспитаніи человѣка, какъ жителя земли и члена общества гражданскаго, для жиз-

ни временной, земной. Правда, въ ученіи христіанскомъ мы не найдемъ многихъ изъ тѣхъ правилъ, совѣтовъ и наставленій, которые находимъ въ современныхъ ученыхъ теоріяхъ о воспитаніи, и изъ которыхъ многіе неоспоримо имѣютъ за собою достоинство истины, подтверждаемой не одними отвлеченными соображеніями ума, но и опытомъ жизни. Такъ, напримѣръ, въ ученіи христіанскомъ вы не найдете наставленій о томъ, какіе пріемы, какой методъ употреблять вамъ при обученіи дѣтей или юношей той или другой наукѣ, какой порядокъ и постепенность наблюдать при сообщеніи имъ тѣхъ или другихъ познаній—естественныхъ, историческихъ, и т. д., какъ наилучше распредѣлять часы учебныхъ занятій, какому воспитанію и образованію отдавать преимущество, открытому или закрытому, домашнему или общественному, и т. д. Словомъ: мы не найдемъ въ богооткровенномъ ученіи христіанскомъ системы воспитанія полной и подробной, объемлющей всѣ частныя нужды и потребности, случаи и обстоятельства воспитанія человѣка. Предоставляя всѣ эти частности житейскому благоразумію и опытности самого человѣка, христіанство съ своей стороны предлагаетъ ему начало и основаніе воспитанія,—такое начало, которое съ одной стороны доступно принятію и пониманію всѣхъ и каждаго,—родителей и воспитателей, точно также, какъ ихъ дѣтей и воспитанниковъ, съ другой—съ одинаковою легкостію и удобствомъ прилагаемое ко всѣмъ частнымъ случаямъ и потребностямъ воспитанія того или другаго народа и вѣка.—Какое же начало?—То, которое составляетъ основу самаго христіанства, которымъ оно существенно отличается отъ всѣхъ ученій человѣческихъ. Это—живая и всеобъемлющая любовь къ Богу

и ближнему. Безъ нея нѣтъ и не можетъ быть истиннаго христіанства: безъ нея нѣтъ и не можетъ быть и воспитанія истинно добраго и правильнаго, истинно христіанскаго и человѣческаго.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, не проникнутый живою вѣрою и любовію къ Іисусу Христу, никогда, даже въ самыхъ лучшихъ и благороднѣйшихъ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, не бываетъ совершенно чуждымъ духа самолюбія и самоугожденія. А при такомъ направленіи собственной жизни, онъ естественно смотритъ и на жизнь другихъ съ той же точки зрѣнія, какъ и на свою собственную, — почитаетъ въ другихъ совершенствомъ преимущественно и даже исключительно только то, что привыкъ считать хорошимъ и совершеннымъ въ себѣ самомъ, добрымъ то, что кажется ему добрымъ по его личнымъ убѣжденіямъ и понятіямъ. Сдѣлайте такого человѣка воспитателемъ, — и онъ, даже незамѣтно для самаго себя, безъ собственнаго вѣдома и сознанія, передастъ своимъ воспитанникамъ не только общіе недостатки своего вѣка, но и свои личные, умственные или нравственные, и передастъ тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ легче и скорѣе дѣтскій и юношескій возрастъ принимаютъ внушенія и впечатлѣнія другихъ людей, особенно по чему либо достойныхъ въ ихъ глазахъ довѣрія и уваженія. Отсюда уже само собою очевидно, что внѣ ученія христіанскаго нѣтъ и не можетъ быть съ одной стороны правильной, установившейся системы воспитанія—такъ какъ здѣсь каждый воспитатель смотритъ на дѣло воспитанія съ *своей*, личной точки зрѣнія; — съ другой стороны каждая система воспитанія и образованія, внѣ христіанства, всегда будетъ имѣть въ себѣ весьма важные недостатки и несовершенства. Поэто-

му здѣсь и вопросъ о воспитаніи на всегда долженъ остаться вопросомъ сомнительнымъ и неразрѣшимымъ, предметомъ споровъ и разногласій—не только въ отношеніи къ тѣмъ или другимъ частностямъ воспитанія, но и въ отношеніи къ самому началу и основанію его.

Чтобы по возможности устранить всѣ недостатки и несовершенства въ воспитаніи, христіанство предлагаетъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ—а потому и воспитателямъ, какъ и воспитываемымъ—въ образецъ совершенства человѣческаго не мысли и убѣжденія, не достоинства и совершенства того или другаго человѣка, но образъ жизни Іисуса Христа, божественный законъ Евангелія. Вдыхая въ своихъ послѣдователей живѣйшую любовь къ Іисусу Христу, оно поэтому даетъ имъ внутреннее, выходящее изъ глубины души и сердца, побужденіе подражать примѣру Его жизни, и все направлять къ славѣ Его имени, все и всѣхъ вести къ той цѣли, которую имѣетъ Евангеліе. И не трудно понять, что наилучшій и самый совершенный воспитатель единственно тотъ, кто всѣ свои наставленія и увѣщанія, всѣ поступки, всю жизнь сообразуетъ съ закономъ истинно-христіанской любви къ Спасителю человѣчества Іисусу Христу. Онъ уже не станетъ смотрѣть на себя, какъ на нѣкоторое средоточіе и начало въ дѣлѣ воспитанія, какъ на образецъ совершенства, но какъ на орудіе, какъ на органъ, чрезъ который самъ Богъ дѣйствуетъ ко благу юныхъ питомцевъ и ко благу всего общества,—и потому онъ всегда будетъ чуждъ самолюбія и эгоизма, своеволія и произвола въ дѣлѣ воспитанія. Свои мнѣнія и убѣжденія, свой личный образъ мыслей и поступковъ сообразуя съ ученіемъ и жизнію Богочеловѣка Іисуса Христа, онъ и для питомцевъ всегда

будетъ примѣромъ, достойнымъ подражанія. А обращая всѣ мысли и сердца своихъ питомцевъ къ образу жизни Богочеловѣка, онъ всегда будетъ указывать имъ на примѣръ и образецъ, безъ всякаго сравненія высшій всякаго совершенства человѣческаго.

Проникнутый живою, истинно-христіанскою любовію къ Іисусу Христу, воспитатель всегда будетъ имѣть и самый высокій взглядъ на своихъ юныхъ питомцевъ. По ученію самаго Іисуса Христа, они—не человѣческіе только дѣти, но и благодатные чада Божіи, не члены только царства земнаго, но и небеснаго. *Блюдите*, говоритъ Спаситель, *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ: яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Матѳ. 18, 10). Собственнымъ примѣромъ побуждая къ исполненію этого повелѣнія, Онъ говоритъ: *оставите дѣтей приходити ко Мнѣ и не браните имъ: таковыхъ бо есть царствіе Божіе* (Лук. 18, 16). Такое ученіе Христа - Спасителя съ одной стороны освящаетъ естественную любовь и привязанность родителей и воспитателей къ дѣтямъ, съ другой—вдыхаетъ въ сердце ихъ высокое уваженіе къ жизни и личности ихъ питомцевъ.

Если воспитатель истинно проникнутъ этою живою любовію къ Іисусу Христу, равно какъ и живою, христіанскою любовію къ своимъ питомцамъ: тогда онъ будетъ имѣть и всѣ добрыя качества, которыхъ мы только можемъ пожелать отъ воспитателей.

Такъ отъ воспитателей прежде всего, безъ сомнѣнія, требуется постоянное вниманіе и усердіе къ своему дѣлу, иначе сказать: постоянное вниманіе къ умственнымъ и нравственнымъ, къ духовнымъ и физическимъ нуждамъ своихъ питомцевъ. Само собою очевидно,

что такое вниманіе требуетъ терпѣнія и труда, неутомимаго и постояннаго наблюденія надъ жизнію и поведеніемъ питомцевъ. — Но кто же болѣе и лучше другихъ можетъ слѣдить за жизнію ихъ, какъ не тотъ, кто всѣмъ сердцемъ любитъ ихъ ради Бога и Спасителя? Кто, болѣе его, способенъ вникать въ ихъ нужды съ любовію отца, брата и друга? Кто, болѣе его, способенъ заниматься этимъ дѣломъ съ полнымъ и совершеннымъ самоотверженіемъ,—не какъ однимъ только ремесломъ, дающимъ средства жизни, не какъ занятіемъ, вынуждаемымъ извѣстными условіями и отношеніями жизни, но какъ дѣломъ самой высокой важности, какъ цѣлію и призваніемъ всей своей жизни? О, если бы всѣ родители и воспитатели были проникнуты этою живою любовію къ своимъ питомцамъ, этимъ сознаніемъ своего высокаго призванія! Тогда, безъ сомнѣнія, мы не увидѣли бы отцовъ и матерей, оставляющихъ собственныхъ дѣтей безъ своего личнаго надзора и вниманія ради пустыхъ и ничтожныхъ удовольствій и развлеченій свѣта, равно какъ и воспитателей, ради подобныхъ же своекорыстныхъ и самолюбивыхъ побужденій, пренебрегающихъ своими обязанностями!...

Отъ воспитателей и руководителей дѣтства и юношества мы требуемъ кротости въ обращеніи съ юными питомцами, желаемъ, чтобы они не были въ отношеніи къ питомцамъ или жестоки, или горды и своенравны, или наглы и придирчивы,—однимъ словомъ: мы требуемъ отъ воспитателей обращенія съ дѣтьми и питомцами человѣколюбиваго, гуманнаго. Но какое же ученіе болѣе способно внушить намъ такое обращеніе съ нашими питомцами, кромѣ ученія нашего Спасителя? Станетъ ли тотъ воспитатель руководиться духомъ тще-

славія и гордости, наглости и жестокости въ отношеніи къ питомцамъ, который истинно проникнутъ любовію къ Богу и человѣчеству, и видитъ въ нихъ не только людей себѣ подобныхъ, но и чадъ Отца небеснаго. столько же, или, можетъ быть, и болѣе его имѣющихъ право на милость и благоволеніе Божіе. своихъ братій, меньшихъ по естественному рожденію, но не меньшихъ, а можетъ быть и большихъ его по дарамъ благодати Божіей?

Впрочемъ, если мы имѣемъ свѣтлый и разумный взглядъ на предметъ воспитанія; то, безъ сомнѣнія, не одобримъ въ родителяхъ и воспитателяхъ и чрезмѣрной, неразумной любви къ дѣтямъ и питомцамъ, которая съ одинаковымъ равнодушіемъ смотритъ какъ на естественные недостатки ихъ возраста, такъ и на дѣла или положительно преступныя и порочныя, или же заключающія въ себѣ сѣмя и залогъ будущихъ пороковъ и преступленій, — той слѣпой любви, которая, напримѣръ, наглость и дерзость готова извинять, или даже почитать совершенствомъ въ дѣтяхъ, какъ смѣлость и развязность въ обращеніи; ядовитую и злобную насмѣшку надъ сверстниками или даже надъ людьми старшими и достойными всякаго уваженія, какъ проблескъ остроумія и счастливыхъ дарованій. Такую любовь и здравый смыслъ признаетъ неразумною, и ученіе христіанское — не нравственнымъ достоинствомъ въ родителяхъ и воспитателяхъ, а напротивъ величайшимъ нравственнымъ недостаткомъ, и осуждаетъ ее наравнѣ съ излишнею и неумѣстною суровостію и жестокостію въ отношеніи къ дѣтямъ. „Нѣкоторые родители," говоритъ св. Тихонъ Воронежскій, „такъ нѣжно и слабо дѣтей своихъ воспитываютъ и содержатъ, что не хотятъ ихъ за преступленія наказывать, и такъ безстрашно и своевольно ихъ попущаютъ жить; другіе безмѣрную стро-

гость употребляютъ, и болѣе гнѣвъ и ярость свою надъ ними совершаютъ, нежели наказуютъ ихъ. Обои. и тѣ и другіе, погрѣшаютъ. Вездѣ бо излишество порочно; строгость и милость безразсудная во всякомъ чинѣ охуждается. Сія въ разслабленіе, своевольство, развращеніе и явную погибель приводитъ юныхъ, отъ природы ко злу всякому склонныхъ; оная огорченіе, раздраженіе и уныніе въ нихъ содѣваетъ. Вездѣ бо умѣренность и средній путь похваляется. Сего ради родителямъ благочестивымъ средняго пути держаться должно... Не должно въ наказаніи безмѣрной строгости употреблять, якоже Апостолъ повелѣваетъ: *отцы, не раздражайте чадъ своихъ, да не унываютъ* (Колос. 3, 21), но среднимъ путемъ поступать" (¹).

Чтобы находить средній путь между излишней слабостію и чрезмѣрной строгостію, — для этого опять требуется величайшее вниманіе со стороны родителей и воспитателей. Если гдѣ, то здѣсь представляется имъ одна изъ самыхъ важныхъ и труднѣйшихъ задачъ воспитанія. Гдѣ же мы найдемъ ключъ къ ея разрѣшенію?

Наша строгость, умѣряющая излишнюю, неразумную любовь къ питомцамъ, съ одной стороны можетъ имѣть различныя степени—упрека, увѣщанія, строгаго выговора, положительнаго наказанія; съ другой стороны она необходимо должна быть соразмѣряема не только съ степенью вины питомцевъ, но и съ побудительными причинами и обстоятельствами ихъ преступленій, съ ихъ природнымъ характеромъ и темпераментомъ, со степенью ихъ чувствительности, съ большимъ или меньшимъ раскрытіемъ въ нихъ смысла и сознанія. Довольно мягкое и сносное для одного изъ питомцевъ, можетъ быть весьма тяжелымъ и жесткимъ для другаго. Если

(¹) Соч. св. Тихона, т. IX. О должн. родит. и дѣт. ихъ, стр. 69 и 74.

вы въ этомъ отношеніи дѣйствуете не осмотрительно: то ваша строгость во всякомъ случаѣ не достигнетъ надлежащей цѣли воспитанія. Если она нисколько не дѣйствуетъ на вашего питомца, то она—хуже положительной слабости, потому что въ такомъ случаѣ она лишаетъ васъ и любви вашихъ питомцевъ, и страха предъ вами, который хотя не долженъ быть главнымъ побужденіемъ къ доброй жизни и поведенію, тѣмъ не менѣе не долженъ быть и оставляемъ вовсе, особенно въ ту пору, когда человѣкъ еще не пользуется полною силою разсудка и не имѣетъ вполнѣ опредѣленнаго, установившагося характера, ни образа мыслей и убѣжденій. Если же ваша строгость, какого бы рода она ни была, переходитъ надлежащую мѣру,—то превращается въ суровость и жестокость, которая въ свою очередь можетъ быть крайне погибельна для вашихъ питомцевъ, какъ потому, что убиваетъ ихъ физически и нравственно, такъ и потому, что оставляетъ вамъ одну ихъ наружность, но совершенно закрываетъ отъ вашего наблюденія внутренній міръ ихъ души и сердца, вовсе лишаетъ васъ ихъ довѣренности и откровенности, заранѣе пріучаетъ ихъ къ двоедушію и лицемѣрію, словомъ: она вырываетъ ихъ изъ вашихъ рукъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, нужно величайшее умѣнье и искусство для того, чтобы находить истинную, вполнѣ благотворную для питомцевъ средину между излишнею, неразумною снисходительностію къ нимъ, равно какъ и суровостію и жестокостію. И сколько бы ни писали наставленій и правилъ въ руководство воспитателямъ въ этомъ отношеніи,—во всякомъ случаѣ эти наставленія едва ли могутъ быть всегда вѣрнымъ и несомнѣннымъ средствомъ къ достиженію цѣлей воспитанія.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ бы вы могли обуздать, на-

примѣръ, неразумную суровость и жестокость иныхъ воспитателей и родителей въ отношеніи къ ихъ дѣтямъ и питомцамъ? Тѣмъ ли, что совершенно уничтожите въ дѣлѣ воспитанія всякія грубыя, тѣлесныя наказанія? Да, желательно было бы, чтобы всѣ родители и воспитатели имѣли надъ своими питомцами такую нравственную силу и власть, чтобы могли обходиться безъ подобныхъ средствъ въ дѣлѣ воспитанія. Но съ другой стороны жестокость воспитателя, если только она въ немъ есть дѣйствительно, можетъ обнаружить себя въ тысячѣ другихъ формъ и отношеній къ питомцамъ, съ послѣдствіями не менѣе ужасными и погибельными для нихъ. Развѣ грубая брань не такъ же разрушительно можетъ дѣйствовать на духовную и физическую сторону питомцевъ, какъ и грубое тѣлесное наказаніе? Если вы воспретите брань рѣзкую и грубую, — какъ она и должна быть всегда строго воспрещаема, — то опять суровость и жестокость неразумныхъ воспитателей можетъ обнаружить себя въ формахъ тонкихъ и облагороженныхъ, но тѣмъ не менѣе тяжелыхъ и жесткихъ. Въ самомъ дѣлѣ, гордость и презрѣніе, холодность и равнодушіе, обращеніе вѣжливое, но полное самого ѣдкаго и ядовитаго сарказма въ отношеніи къ питомцамъ, мнимо-нѣжные и мягкіе звуки голоса, въ которыхъ однакожъ живо даетъ себя чувствовать досада, ненависть, злоба, гнѣвъ и другія низкія и постыдныя движенія души, — все это развѣ не можетъ дѣйствовать самымъ ужаснымъ и гибельнымъ образомъ на нѣжную и воспріимчивую природу дѣтей, или приводя ихъ въ уныніе и отчаяніе, или возбуждая въ ихъ сердцѣ ненависть и озлобленіе противъ самаго воспитателя? Такимъ образомъ, никакія правила касательно обращенія воспитателей съ воспитанниками не могутъ обнять всѣхъ

нуждъ и потребностей воспитанія съ этой стороны: жизнь, по своей необъятной обширности и полнотѣ, и въ этомъ случаѣ убѣжитъ отъ нашихъ, самыхъ тщательныхъ и внимательныхъ, самыхъ повидимому всестороннихъ наблюденій и изслѣдованій.—Начертите образъ воспитанія самаго гуманнаго: если въ сердцѣ вашего воспитателя не будетъ истинной любви къ питомцамъ, тогда онъ внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, можетъ быть, и станетъ исполнять ваши предписанія, тѣмъ не менѣе и въ гуманной формѣ онъ будетъ безмѣрно жестокъ и суровъ, подобно волку въ овчей одеждѣ. Съ другой стороны, если вашъ воспитатель самъ по себѣ по чему либо слабъ и снисходителенъ до излишества, такъ что молчаніемъ готовъ проходить самыя тяжелыя и важныя преступленія въ жизни и поведеніи своихъ питомцевъ, — тогда, безъ сомнѣнія, ваши совѣты и наставленія нисколько не сдѣлаютъ его лучшимъ, а скорѣе послужатъ мягкимъ возглавіемъ, на которомъ успокоится его совѣсть.

Нѣтъ, воспитаніе съ этой стороны только тогда будетъ прочно и истинно направлено къ своей великой цѣли, когда начало его будетъ столь же широко и всеобъемлюще, какъ и сама жизнь, для которой мы воспитываемъ человѣка. Для жизни же нужно начало живое и жизненное, а не одни мертвыя и сухія правила и совѣты. А такимъ началомъ единственно и можетъ быть истинная, христіанская любовь къ Богу и въ Немъ и для Него къ нашимъ юнымъ питомцамъ. Только она одна можетъ поселить въ сердцѣ воспитателей ту заботливость и предупредительность въ отношеніи къ питомцамъ, которая бываетъ готова съ величайшимъ вниманіемъ слѣдить за самыми малѣйшими проявленіями въ нихъ добра и зла, и всегда умѣетъ находить самыя

лучшія и вѣрныя средства къ тому, чтобы заранѣе пресѣкать одно и давать развитіе и надлежащее направленіе другому. Только истинно-христіанская и евангельская любовь къ питомцамъ можетъ дать воспитателямъ тотъ духъ благости и кротости, который въ самыхъ сильныхъ обличеніяхъ, выговорахъ и наказаніяхъ,—даже безъ руководства всякихъ внѣшнихъ правилъ и наставленій, — бываетъ чуждъ высокомѣрія и наглости, безумнаго, незаконнаго произвола и жестокости, мелочной, капризной придирчивости и бездушнаго формализма. Только при этомъ условіи всѣ ваши правила, совѣты, наставленія о воспитаніи—если только они сами по себѣ основательны и разумны — могутъ принести плодъ сторицею; ибо только въ этомъ случаѣ они упадутъ на почву добрую. Въ противномъ случаѣ вліяніе ихъ весьма ничтожно и незначительно: они могутъ только нѣсколько смягчить и облагородить внѣшнія условія воспитанія и образованія, могутъ пожалуй нѣсколько содѣйствовать развитію умственной стороны вашихъ питомцевъ, придать имъ нѣкотораго рода аккуратность и лоскъ во внѣшнемъ обращеніи, но мало будутъ имѣть вліянія на ихъ сердце и вообще на ихъ нравственный характеръ.

Говоря такимъ образомъ, мы очевидно первою, самою главною и важною задачею всякаго воспитанія и образованія полагаемъ развитіе въ питомцахъ нравственной стороны, образованіе въ нихъ добраго, нравственнаго характера; и потому поставляемъ уже менѣе важнымъ образованіе, напримѣръ, ихъ ума, укрѣпленіе ихъ здоровья, и т. п., хотя, какъ само собою очевидно, и эти предметы воспитанія никогда и ни въ какомъ случаѣ не должны быть оставляемы безъ вниманія, потому что они въ свою очередь должны служить средствомъ къ достиженію первой и главной цѣли воспитанія,—

развитія и образованія нравственной стороны человѣка.

Развитіе въ человѣкѣ посредствомъ воспитанія истинно-добраго, человѣческаго и христіанскаго характера, самымъ близкимъ и вѣрнымъ путемъ ведетъ человѣка къ достиженію всѣхъ цѣлей его бытія и жизни.—Такъ, цѣль воспитанія въ отношеніи собственно къ религіи христіанской состоитъ въ приготовленіи человѣка къ вѣчной, блаженной жизни: нѣтъ нужды и доказывать много, что этой цѣли никакъ нельзя достигнуть, какъ только воспитавъ человѣка въ духѣ нравственнаго закона евангельскаго, въ духѣ истинной и живой любви къ Богу и ближнему.—Въ отношеніи же собственно къ человѣку, какъ жителю земли и члену общества человѣческаго, цѣль воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы и ему доставить временное, земное счастіе и благоденствіе, и обществу дать въ немъ дѣятельнаго и полезнаго члена. И здѣсь-то, даже при бѣгломъ и поверхностномъ взглядѣ, мы легко и удобно можемъ видѣть, какъ христіанство, воспитывая людей для своихъ высокихъ, не земныхъ цѣлей, въ тоже время наилучшимъ образомъ воспитываетъ ихъ и для достиженія всѣхъ цѣлей жизни ихъ на землѣ.

Что болѣе всего и прежде всего нужно для временнаго, земнаго счастія человѣка? — Въ чемъ бы ни полагали вы такое счастіе,—въ богатствѣ, славѣ, въ мудрости и знаніяхъ, — во всякомъ случаѣ вы не можете не признать, что никакого счастія нельзя и представить себѣ безъ внутренняго мира и спокойствія души, безъ довольства сердечнаго. Въ самомъ дѣлѣ, велико ли еще счастіе—быть богатымъ и славнымъ, но въ тоже время никогда не чувствовать въ себѣ полнаго мира и довольства сердца, вѣчно мучиться и терзаться то упреками совѣсти, то ненасытнымъ желаніемъ еще

большаго богатства, то безмѣрнымъ честолюбіемъ, то другими страстями не менѣе жестокими и мучительными? Велико ли еще счастіе—обогатить свой умъ множествомъ знаній самыхъ обширныхъ, глубокихъ и разнообразныхъ, но въ тоже время не умѣть управлять самимъ собою, быть вѣчно рабомъ своихъ страстей?...

Здѣсь мысль невольно останавливается на томъ, какъ нашъ положительный вѣкъ самый образъ воспитанія и образованія направляетъ къ тому исключительно, чтобы доставить человѣку такое наружное счастіе, мало, или и нисколько не заботясь о воспитаніи и образованіи человѣка въ духѣ вѣры Христовой, въ которой одной можно найти истинное, достойное человѣка счастіе. Нынѣ въ воспитаніи часто имѣютъ въ виду только матеріальный бытъ человѣка, его внѣшнюю сторону. Очень многіе родители и воспитатели, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, съ первымъ раскрытіемъ смысла и сознанія въ дѣтяхъ, начинаютъ наполнять ихъ головы великимъ множествомъ такихъ свѣденій, которыя въ послѣдствіи послужили бы имъ средствомъ обогатиться, или занять видное мѣсто въ обществѣ, однимъ словомъ, составить себѣ, какъ говорятъ, блестящую карьеру. Не охуждаемъ такой заботливости родителей и воспитателей безусловно; но охуждаемъ, когда это дѣлается съ забвеніемъ и опущеніемъ самаго существеннаго и главнаго,—когда при этомъ прежде всего и болѣе всего не стараются внушать дѣтямъ познаніе божественной религіи Іисуса Христа и возбудить въ ихъ нѣжномъ и воспріимчивомъ сердцѣ любовь къ Нему и Его божественному ученію. Ибо только это ученіе полнымъ и надлежащимъ образомъ можетъ научить человѣка управлять самимъ собою, только оно силою дышущей въ немъ любви и самоотверженія можетъ дать человѣку силу обуздывать

и побѣждать свои страсти; только оно, возбуждая въ душѣ человѣка живое стремленіе къ Богу, источнику жизни, свѣта и блаженства, вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ въ немъ благоговѣйный, сыновній страхъ предъ Богомъ, — страхъ отчужденія отъ жизни въ Богѣ и съ Богомъ, страхъ потери вѣчнаго и нетлѣннаго сокровища своего сердца. Этотъ сыновній благоговѣйный страхъ предъ Богомъ—сердцевѣдцемъ, всевѣдущимъ судіею не только нашихъ дѣлъ, но и самыхъ тайныхъ мыслей и желаній, внѣдренный въ сердце дитяти, дѣлается потомъ самымъ лучшимъ и надежнѣйшимъ, хотя и невидимымъ руководителемъ его на всю жизнь, даетъ ему силу противодѣйствовать всѣмъ соблазнамъ и искушеніямъ со внѣ, равно какъ и въ себѣ самомъ обуздывать и подавлять самые зародыши нечистыхъ пожеланій и страстей, возмущающихъ внутренній миръ души нашей, переполняющихъ ядовитою отравою самыя повидимому лучшія наслажденія жизни, дѣлающихъ человѣка несчастнымъ среди самой роскошной и великолѣпной, самой удобной и комфортной жизни. И потому повторяемъ: тѣ родители поступаютъ крайне опрометчиво и неразумно, даже въ отношеніи къ земному благополучію и счастію своихъ дѣтей, которые мало или же и вовсе не обращаютъ вниманія собственно на религіозное воспитаніе ихъ.

Правда, большая часть родителей стараются дать своимъ дѣтямъ и религіозное воспитаніе нѣкотораго рода, — сообщить имъ кое-какія понятія о предметахъ вѣры христіанской, знаніе которыхъ необходимо человѣку вообще, и въ частности — необходимо ихъ питомцу для того, чтобы онъ могъ дать *отвѣтъ на испытаніи* при поступленіи въ то или другое учебное заведеніе, или же на ту или другую общественную должность. Многіе для этой цѣли приглашаютъ и служите-

лей Вѣры. Но какъ бы ни былъ хорошъ и опытенъ такой учитель, хотя бы онъ самымъ превосходнымъ образомъ умѣлъ передавать дитяти истины Вѣры—языкомъ сколько понятнымъ уму, столько же и близкимъ сердцу,—онъ еще не много сдѣлаетъ касательно религіознаго образованія дитяти, если не помогутъ ему въ этомъ сами отцы, матери и воспитатели. Въ самомъ дѣлѣ, если общій строй вашей домашней (или, пожалуй, и школьной) жизни идетъ вовсе не по духу христіанскому, если вы не словомъ, а самымъ дѣломъ даете живо чувствовать вашему дитяти, что ученіе христіанства нисколько не выше обыкновенныхъ предметовъ знанія и мудрости человѣческой, что все оно поэтому можетъ быть заключено только въ извѣстные уроки и часы ученія: то много ли въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ для вашего дитяти самый лучшій законоучитель? Что сказать о тѣхъ отцахъ и матеряхъ, наставникахъ и воспитателяхъ, которые не только не таятъ отъ дѣтей своихъ предубѣжденій противъ Вѣры и Церкви, своего невѣрія, кощунства и вольномыслія, но высказываютъ ихъ явно и нагло, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ своихъ юныхъ питомцевъ? Конечно, не много, можетъ быть, мы найдемъ такихъ дѣтоубійцъ; но увы! хоть не многіе, а есть и такіе! Что можетъ при такихъ условіяхъ, при такомъ непрерывномъ, нравственно-погибельномъ вліяніи, сдѣлать самый лучшій и ревностный учитель закона Божія? Успѣетъ ли онъ одинъ возрастить пшеницу на нивѣ, на которой очень многіе постоянно сѣютъ терніе, и съ величайшимъ стараніемъ и заботой усиливаются сохранить и возрастить свой посѣвъ, вырывая для этого самые нѣжные зародыши пшеницы,—самые начатки евангельской любви и вѣры,

которые сѣятелю слова Божія удалось заронить въ души питомцевъ?.. Правда, и подобные люди не хотятъ оставить своихъ питомцевъ безъ всякой нравственной опоры: они думаютъ замѣнить нравственныя правила Евангелія въ жизни дѣтей, какъ и въ своей собственной, ученіемъ о естественной, человѣческой любви къ себѣ подобнымъ, — гуманностью, здравымъ смысломъ, естественнымъ закономъ совѣсти, опытомъ жизни, наукой, приличіями свѣта... Не станемъ, потому что и не мѣсто здѣсь, подробно изслѣдывать, какъ всѣ эти опоры нравственно-человѣческой жизни, даже всѣ вмѣстѣ взятыя, ничтожны, слабы и жалки внѣ ученія христіанскаго; какъ онѣ мало, или даже и вовсе не помогаютъ человѣку обуздывать и укрощать свои страсти,—и слѣдовательно стремиться къ истинному счастію въ жизни. Вѣковой опытъ исторіи, какъ и опытъ современной намъ жизни, можетъ представить намъ тысячи примѣровъ въ доказательство того, какъ люди по видимому самые гуманные, самые ученѣйшіе и мудрѣйшіе, самые опытные знатоки людей и свѣта, но чуждые христіанства, не только не дѣлались побѣдителями своихъ страстей, а напротивъ раболѣпствовали имъ хуже людей простыхъ и необразованныхъ, какъ самыя свои знанія и мудрость они дѣлали орудіями страстей самыхъ низкихъ и постыдныхъ. И напротивъ исторія христіанства представляетъ намъ тысячи примѣровъ, какъ люди, не слишкомъ свѣдущіе въ ученіи о естественной любви къ человѣчеству, мало знакомые съ опытомъ жизни и свѣта, умѣли побѣждать и укрощать свои страсти силою христіанскаго благочестія, страхомъ Божіимъ, всепобѣждающею любовію къ своему Богу и Спасителю. — *Аще Мнѣ не вѣруете, дѣломъ моимъ вѣруйте* (Іоан. 10, 38), сказалъ нѣкогда Господь невѣровавшимъ Ему іудеямъ:

если и мы не вѣруемъ простому слову и ученію христіанства, повѣримъ по крайней мѣрѣ живому опыту и свидѣтельству исторіи и жизни, — повѣримъ тому, что только христіанство можетъ дать человѣку силу управлять собою и обуздывать свои страсти, и такимъ образомъ дать ему внутренній миръ съ самимъ собою и съ своею совѣстію,—этотъ непремѣнный залогъ всякаго счастія на землѣ, въ чемъ бы оно ни состояло... Правда, и внѣ христіанства, воспитывая человѣка въ сомнѣніи и невѣріи, въ невѣжествѣ относительно истинъ Вѣры и вѣчнаго назначенія человѣка, вы можете доставить ему нѣкотораго рода внутренній миръ, и онъ будетъ, съ полнымъ спокойствіемъ сердца, безъ упрековъ совѣсти, безъ опасенія и страха предаваться всѣмъ наслажденіямъ чувственнымъ, всему удобству и комфорту внѣшней жизни, всему разгулу страстей и пороковъ, и такимъ образомъ считать себя и внутренно и внѣшно истинно-счастливымъ и довольнымъ. Но такой внутренній миръ крайне ложенъ и обманчивъ; такое счастіе крайне не прочно и недолговременно. Въ бо́льшей части людей оно оканчивается пресыщеніемъ и разочарованіемъ, въ иныхъ — убійственнымъ сомнѣніемъ и отчаяніемъ, ненавистію къ самой жизни и человѣчеству; и только въ немногихъ, въ которыхъ еще не вполнѣ заглохли чувство истины и желаніе блага, переходомъ къ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ истинно-христіанскимъ, въ которыхъ они и находятъ истинный миръ и успокоеніе своей душѣ, истинное счастіе человѣка...

Даруя внутренній миръ душѣ, какъ залогъ земнаго счастія, христіанство въ тоже время даетъ своему питомцу и другія весьма сильныя и дѣйствительныя средства къ устроенію его земнаго благоденствія.

Есть люди особенно счастливые, которымъ или права рожденія, или другія какія либо обстоятельства даютъ въ изобиліи все, что только нужно для временной. земной жизни человѣка; и есть люди, которые имѣютъ состояніе посредственное, или же и никакого не имѣютъ. Но въ какомъ бы состояніи ни находился человѣкъ, всегда ему для жизни необходимо *терпѣніе* и *трудъ*.—Вы получили славное и достойное уваженіе имя отъ своихъ предковъ? И по здравому человѣческому смыслу, и по ученію христіанскому, вы непремѣнно обязаны сохранить это имя если не въ полномъ его блескѣ, по крайней мѣрѣ честнымъ и незапятнаннымъ; вы обязаны совершить дѣла если не столько же важныя, какія совершали ваши предки, по крайней мѣрѣ всю вашу жизнь и дѣятельность направлять къ дѣламъ благимъ и общеполезнымъ, если только вы не хотите,—какъ дѣлаютъ нѣкоторые,—поддерживать славу и достоинство вашего имени однимъ пустымъ, мелочнымъ тщеславіемъ, жалкой гордостію и спѣсью предъ лицами другихъ сословій, ложными понятіями о чести, пустою роскошью и внѣшнимъ блескомъ. Итакъ вамъ необходимъ трудъ, а если трудъ, то—и терпѣніе.—Вы получили отъ предковъ огромное имущество, вы повидимому совершенно обезпечены отъ всѣхъ нуждъ жизни?—Тѣмъ не менѣе и вамъ необходимо терпѣніе и трудъ: иначе и огромное богатство, какъ доказываетъ опытъ жизни, безъ труда и терпѣнія, безъ умѣнья и искусства управлять имъ, можетъ исчезнуть и оставить своего обладателя нищимъ; а если бы этого и не случилось, вамъ во всякомъ случаѣ необходимо заблаговременно вооружиться трудомъ и терпѣніемъ противъ какихъ либо внезапныхъ и неожиданныхъ ударовъ жизни, которые могутъ потрясти ваше счастливое состояніе; а если бы

и этого не было, то терпѣніе и трудъ вамъ необходимы для того, чтобъ среди оружающей васъ роскоши и довольства вамъ не сдѣлаться жалкою жертвою собственныхъ прихотей и страстей.—Вы не получили отъ своихъ предковъ ничего и ничего не имѣете? Тѣмъ болѣе вамъ нужно терпѣніе и трудъ, чтобъ пріобрѣтать хотя что нибудь. хотя самое необходимое для жизни.

Итакъ, если вы желаете внѣшняго, земнаго благоденствія и счастія своему питомцу; то внушайте ему съ самыхъ юныхъ лѣтъ, съ первымъ раскрытіемъ его смысла и сознанія, что одно изъ необходимыхъ условій счастливой жизни на землѣ есть трудъ и терпѣніе,—и, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, опять призовите себѣ въ помощь божественную религію Іисуса Христа, и внушайте эту истину во имя живой любви къ Искупителю и Спасителю человѣчества, во имя любви къ Отцу небесному, который положилъ человѣку путемъ непрестаннаго труда и терпѣнія достигать временнаго счастія на землѣ, и въ тоже время, тѣмъ же путемъ итти къ отечеству небесному. Живая и пламенная любовь къ Богу, проникающая все существо человѣка, сильнѣе всякихъ человѣческихъ расчетовъ и побужденій можетъ заставить вашего питомца трудиться и терпѣть во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни,—даже и тамъ, гдѣ трудъ не обѣщаетъ ничего великаго и блистательнаго. Всѣ другія побужденія—расчеты честолюбія, желаніе богатства, могутъ ослабѣть, могутъ даже привести человѣка къ отчаянію, когда онъ горькимъ опытомъ жизни убѣждается, что его желанія и намѣренія—однѣ мечты, не выполнимыя на дѣлѣ. Но никогда не ослабѣетъ въ трудѣ и терпѣніи истинно-христіанская любовь къ Богу, потому что она облегчаетъ трудъ самый тяжелый, дѣлаетъ самое терпѣніе

пріятнымъ и вожделѣннымъ, какъ подвигъ для Бога, какъ жертву, Ему пріятную.

Если вы въ такомъ именно духѣ и характерѣ успѣли настроить и укрѣпить вашихъ питомцевъ; то этимъ самымъ вы уже сдѣлали не маловажную услугу цѣлому обществу.—Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрите внимательнѣе общественную жизнь,—и вы легко замѣтите, какъ много бѣдствій обществу приносятъ люди, съ издѣтства не пріученные къ труду и терпѣнію, проникнутому духомъ христіанства. Откуда столь частыя и обыкновенныя явленія кражи и воровства? Откуда притворное нищенство и бродяжничество? Откуда эти несчастныя и жалкія существа, своею невинностію и цѣломудріемъ покупающія себѣ средства жизни?—Во многихъ, очень во многихъ случаяхъ — отъ недостатка воспитанія истинно-христіанскаго,—ибо опытъ показываетъ, что вообще между такими лицами часто попадаются получившіе воспитаніе, въ обыкновенномъ мірскомъ смыслѣ, очень достаточное, даже блестящее, — отъ недостатка тѣхъ глубокихъ убѣжденій въ необходимости трудиться и терпѣть, которыя можетъ дать человѣку только одно христіанство и которыхъ не можетъ преодолѣть никакая внѣшняя скудость и недостатокъ средствъ жизни, никакія искушенія и соблазны роскоши и богатства, столь часто увлекающіе еще чистую и невинную, но не опытную и не утвержденную въ ученіи христіанскомъ душу, не укрѣпленную силою всепобѣждающей любви къ своему Богу и Спасителю и Его Божественному ученію. — Откуда опять эта наклонность къ безпутной роскоши, къ мотовству, къ лѣности и праздности, къ разврату—въ людяхъ, имѣющихъ всѣ средства жизни въ изобиліи? Не ошибемся, если скажемъ, что и въ нихъ эти пороки очень часто происходятъ отъ вос-

питанія, не проникнутаго духомъ истинно-христіанскимъ.

Впрочемъ, не въ томъ только состоитъ благотворное вліяніе истинно-христіанскаго воспитанія въ отношеніи къ цѣлому обществу, что оно пріучаетъ своихъ питомцевъ къ труду и терпѣнію. Между трудомъ и трудомъ, между терпѣніемъ и терпѣніемъ можетъ быть величайшая разница. Терпятъ и трудятся, и составляютъ себѣ внѣшнее счастіе и благополучіе люди и не получившіе воспитанія истинно-христіанскаго, но ихъ трудъ и терпѣніе часто дѣлаютъ ихъ не только безполезными, но и положительно вредными дѣятелями общественной жизни. Такъ терпитъ и трудится иной торговецъ, наживающій себѣ состояніе ложью, обманомъ, лицемѣріемъ, клятвопреступленіемъ; такъ часто трудится ростовщикъ, безсовѣстный судья; такъ трудятся болѣе или менѣе всѣ, въ своемъ трудѣ и терпѣніи имѣющіе цѣлію исключительно себя, свое самолюбіе и честолюбіе, а не благо общества. Но не такихъ тружениковъ, не такихъ общественныхъ дѣятелей имѣетъ цѣлію—воспитать и образовать христіанство. Какъ религія высочайшей и совершеннѣйшей любви къ Богу и человѣчеству, любви, естественный плодъ которой - самоотверженіе, христіанство учитъ своихъ питомцевъ терпѣнію и труду всегда благотворному и полезному для общественной жизни, труду, который всегда содѣйствуетъ процвѣтанію и возрастанію общества, и движетъ его по пути истиннаго прогресса. Въ этомъ отношеніи вліяніе христіанства, какъ начала воспитанія и образованія, на жизнь общественную, можно сказать, необозримо велико и благотворно.

Такъ, если вашъ питомецъ, сдѣлавшись гражданиномъ, вынесъ на поприще общественной жизни непоколебимыя убѣжденія истинно-христіанскія, если онъ

подлинно, не на словахъ, а на дѣлѣ проникнуть живою любовію къ Богу и ближнему: то какихъ благихъ плодовъ вы не можете ожидать отъ его трудовъ для общества? Его трудъ всегда будетъ честенъ и добросовѣстенъ: потому что онъ будетъ трудиться не по однимъ внѣшнимъ, большею частію своекорыстнымъ побужденіямъ выгодъ и награды, но прежде и болѣе всего по внутреннему, искреннему желанію принести истинное и прочное благо обществу. Его трудъ всегда будетъ обнимать всю область дѣятельности, которая только будетъ ему предоставлена,—въ своемъ родѣ онъ всегда будетъ полонъ и всесторонен; потому что истинная любовь естественно побудитъ его вникать во всѣ нужды лицъ, имѣющихъ къ нему то или другое отношеніе. Его трудъ, наконецъ, всегда будетъ идти отъ совершенства къ совершенству, отъ лучшаго къ лучшему; потому что истинно-христіанская любовь къ ближнему какъ пользуется ко благу его тѣми средствами, которыя имѣетъ, такъ всегда желаетъ и ищетъ новыхъ, болѣе вѣрныхъ и сильныхъ.

Подлинно, ученіе Христово какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ дѣлѣ воспитанія и образованія человѣка есть руководство самое вѣрное и надежное. Правда, многіе изъ нынѣшнихъ мудрецовъ не признаютъ за нимъ этой высокой важности. Но истина отъ этого не перестаетъ быть истиной. *Камень, его же небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла* (Лук. 20. 17). Какъ была, такъ и всегда будетъ не ложною истина, возвѣщенная Апостоломъ: *тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8).

Ѳ. Надеждинъ.

II.

СВЯТЫЙ ПЕРВОМУЧЕНИКЪ СТЕФАНЪ.

(Дѣян. 6—8, 2) (¹).

Св. первомученикъ Стефанъ былъ одинъ изъ семи діаконовъ, поставленныхъ апостолами.

Читая со вниманіемъ и участіемъ сердца исторію первоначальнаго распространенія Вѣры, — распространенія, которое исполнено было всей божественной мудрости и которое ничѣмъ не могло быть остановлено,— нельзя не сказать съ Апостоломъ: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко не испытани судове Его, и не изслѣдовани путіе Его* (Рим. 11, 33)! Въ теченіе одного дня пятидесятницы и немногихъ дней послѣ нея—сколько великаго и необычайнаго совершилось въ Іерусалимѣ, и среди друзей и среди враговъ Спасителя! „Удивительно, говоритъ св. Златоустъ, что гдѣ Христосъ былъ преданъ смерти, тамъ и распространялась проповѣдь (о Немъ). И не только никто изъ учениковъ не соблазнялся, видя, что апостолы подвергаются бичеванію, одни имъ угрожаютъ, другіе искушаютъ Духа (Святаго), а иные ропщутъ; но болѣе и болѣе

(¹) Воспоминается 27 дек. и 2 авг.

умножалось число вѣрующихъ" (1). Сила Божія проявлялась во всемъ, особенно же въ безсиліи враговъ Мессіи.

Но чѣмъ многочисленнѣе становилось христіанское общество: тѣмъ болѣе оказывалось оно смѣшаннымъ: потому что іудеи на большіе праздники сходились въ Іерусалимъ со всѣхъ странъ свѣта. Священный Дѣеписатель дѣлитъ ихъ, пользуясь тогдашнимъ образомъ выраженія, на два класса: на *евреевъ и еллинистовъ*. Подъ первыми онъ разумѣетъ тѣхъ іудеевъ, которые, по возвращеніи изъ плѣна, жили въ Іерусалимѣ и Палестинѣ, читали священное Писаніе въ подлинникѣ и, въ обыкновенной жизни, большею частію употребляли между собою очень близкое къ еврейскому сирохалдейское нарѣчіе, при богослуженіи же пользовались этимъ нарѣчіемъ постоянно. Отъ этихъ іудеевъ онъ отличаетъ тѣхъ, которые жили въ разсѣяніи по разнымъ странамъ, внѣ Палестины, а въ Іерусалимъ приходили только на праздники и часто проживали тамъ долгое время, говорили по гречески (2), и этотъ-же языкъ употребляли при богослуженіи вмѣстѣ съ переводомъ LXX. Евреи слишкомъ презрительно трактовали еллинистовъ (сн. Іоанн. 7, 35) (3), хвалясь предъ ними тѣмъ, что жили они на святой землѣ, говорили на священномъ языкѣ и, по причинѣ близости храма, чаще могли совершать молитвы при святилищѣ. Увлекаясь этими преимуществами, даже и по обращеніи въ христіанство, они поступали съ еллинистами не совсѣмъ дружелюбно; и, въ

(1) Бес. 14 на Дѣян. ап. по русск. пер. Спб. 1856. 1, 256.

(2) *Злат.* также стр. 247. — *Прозелиты* подъ этимъ названіемъ не разумѣлись, ибо въ ст. 5 они такъ и называются *прозелитами*

(3) *Lightfoot.* Hor. Hebraic. p. 1031.

одномъ обстоятельствѣ, подали имъ поводъ къ жалобѣ предъ апостолами. Дѣло было такъ: у христіанъ, для поддержанія бѣдныхъ изъ членовъ Церкви, учреждена была общественная касса, завѣдываніе которою принадлежало апостоламъ (Дѣян. 4, 35). Но двѣнадцати человѣкамъ трудно было, при ежедневной раздачѣ пожертвованій каждому изъ нуждавшихся, обойтись безъ помощниковъ, если желательно было, чтобы это дѣло шло легче, скорѣе, и безъ всякаго ущерба для болѣе важнаго дѣла — *служенія слову* проповѣди. Не видно, впрочемъ, чтобы этими помощниками постоянно были одни и тѣже лица. По всей вѣроятности, апостолы избирали то того, то другого, какъ находили то лучшимъ. Между тѣмъ, такъ какъ они сами родились въ святой землѣ, такъ какъ, вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ, они прошли многія области ея и въ этомъ странствованіи пріобрѣли себѣ много знакомыхъ, то весьма естественно допустить, что святые апостолы, при выборѣ себѣ помощниковъ, останавливали вниманіе болѣе на евреяхъ, чѣмъ на еллинистахъ. Поэтому, когда съ умноженіемъ учениковъ, естественно, умножился и трудъ въ раздаяніи потребностей ([1]), евреи стали, въ духѣ всегдашней ревности къ еллинистамъ, болѣе помогать своимъ вдовицамъ — изъ евреекъ, вдовицами же изъ еллинистокъ пренебрегали ([2]). Отсюда

([1]) Διακονία (6, 1) — *служеніе* (Лук. 10, 40. 17, 8), въ частности *служеніе* любви (Мѳ. 25, 44), *служеніе благотворительности* (св. Рим. 15, 25. 2 Кор. 8, 20. Евр. 6, 10), — здѣсь: раздаяніе насущныхъ потребностей, какъ открывается изъ прибавленія καθημερινῇ — *ежедневный* (ст. 1) и τραπέζαις—*при трапезахъ* (ст. 2). «Смотри, какъ онъ называетъ это *служеніемъ*, а не просто милостынею, возвышая чрезъ то и подающихъ, и пріемлющихъ». *Злат.* также, стр. 252.

([2]) «Это (небреженіе о вдовицахъ) происходило не отъ недоброже-

возникли жалобы со стороны еллинистовъ, жалобы, какъ видимъ изъ послѣдующаго, не вовсе неосновательныя. Св. апостолы, когда до нихъ дошелъ ропотъ еллинистовъ, находя, что доколѣ содержаніе общества будетъ лежать на нихъ самихъ, дотолѣ имъ нужно будетъ употреблять, если не тѣхъ, то другихъ помощниковъ, а въ такомъ случаѣ всегда могутъ быть какія нибудь неисправности или недоразумѣнія, — рѣшились сдѣлать измѣненіе въ попечительствѣ. Они призвали множество учениковъ; потому что это дѣло касалось всего общества, и объявили имъ: *неугодно есть*—неприлично—*намъ, оставльшимъ Слово Божіе, служити трапезамъ. Усмотрите убо, братіе, мужи отъ васъ свидѣтельствованы семь, исполнены Духа Свята и премудрости, ихже поставимъ надъ службою сею: мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (6, 3. 4).

Мудрость предложенія, сдѣланнаго апостолами обществу, была такъ очевидна, что не могла не заслужить рѣшительнаго одобренія евреевъ, какъ и еллинистовъ. Поэтому тотчасъ же приступлено было къ избранію діаконовъ. Выборъ палъ на Стефана, Филиппа, Прохора, Никанора, Тимона, Пармена и Николая (ст. 5) ([1]).

За избраніемъ слѣдовало посвященіе; ибо одно избраніе, само по себѣ, еще не давало сана, не давая потребной для сана особой благодати. Ихъ поставили

лательства, но, вѣроятно, по причинѣ многолюдства.» *Злат.* также стр. 252.

([1]) Изъ того обстоятельства, что всѣ имена избранныхъ суть имена греческія, можно со всею простотою и, слѣдовательно, съ достаточною основательностію заключать, что всѣ эти лица были изъ еллинистовъ, хотя, съ другой стороны, извѣстно, что и евреи, перенявъ со временъ Александра великаго многое отъ грековъ, перенимали отъ нихъ и греческія имена.

предъ апостолами. Апостолы обратились къ Богу съ молитвою о ниспосланіи избраннымъ благодати, возложили руки на каждаго изъ нихъ и такимъ образомъ посвятили ихъ на служеніе: *и помолившеся* (апостолы) *возложиша на ня руцѣ*, (ст. 6) т. е. совершили рукоположеніе съ молитвою ([1]). Изъ семи избранныхъ діаконовъ, по руковозложеніи апостольскомъ, преимущественно предъ всѣми, сподобился силъ свыше, *по мѣрѣ вѣры* (Римл. 12, 6), св. Стефанъ ([2]). Еще прежде поставленія его въ діаконское званіе, о немъ одномъ изъ всѣхъ избранныхъ упомянулъ Лука, какъ о мужѣ, *исполненномъ вѣры и Духа Свята* (ст. 5), т. е. какъ о такомъ ученикѣ Господнемъ, который, по своему свѣтлому и твердому убѣжденію въ истинности Евангелія и по безграничному упованію на имя препрославленнаго Сына Божія и Сына человѣческаго, былъ найденъ достойнымъ и способнымъ получить большую мѣру дарованій Духа Святаго (сн. Дѣян. 2, 38), къ очищенію и освященію своего внутренняго человѣка и къ просвѣщенію разумомъ Христовымъ своихъ братій по плоти. А послѣ того, какъ апостолы, помолившеся, возложили на него руки, Стефанъ, говорится, *исполнь вѣры и силы*, *творяше знаменія и чудеса велія въ людехъ* (ст. 8), каковы напр. исцѣленіе больныхъ ([3]); и еще: *и не можаху противу стати премудрости и Духу, имъ же глаголаше* (ст. 10). Видимо надъ нимъ совершилось то, что обѣщалъ Господь своимъ ученикамъ. Совершилось вполнѣ или отчасти это слово: *знаменія вѣровав-*

([1]) Ἐχειροτονήθησαν διὰ προσευχῆς. *Злат.* на эти сл.

([2]) «Ибо хотя рукоположеніе было общее, но онъ получилъ большую благодать» *Злат.* 264.

([3]) *Злат.* стр. 270; Четьи Мин. 27 дек.

шимъ сія послѣдуютъ: именемъ моимъ бѣсы изженутъ: языки возглаголютъ новы: змія возмутъ: аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ: на недужныя руки возложатъ, и здрави будутъ (Мар. 16, 17. 18). Совершилось и другое: *Азъ дамъ вамъ уста и премудрость, ей же не возмогутъ противитися или отвѣщати вси противляющіися вамъ* (Лук. 21, 15). *Егда поведутъ вы предающе, не прежде пецытеся, что возглаголете, ни поучайтеся: но еже аще дастся вамъ въ той часъ, се глаголите: не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Святый* (Марк. 13, 11). *Рѣки воды живыя* (Іоан. 7, 38) проистекли отъ него къ исцѣленію недугующихъ, и къ обращенію или посрамленію невѣрныхъ ([1]). Для этого исполненнаго ревности мужа, не довольно было одного лишь служенія нуждамъ бѣдныхъ братій, безпристрастнаго и искренняго,—и остававшееся за симъ время онъ, какъ вѣрный слуга Господень, употреблялъ на то, чтобы со всею силою служить самимъ апостоламъ въ ихъ высокомъ дѣлѣ распространенія Евангелія: онъ являлся учителемъ христіанскимъ — съ словомъ *премудрости*, и подтверждалъ эту премудрость великими чудесами во имя Іисуса Христа.

Труды Стефана въ проповѣданіи слова Божія, кажется, преимущественно посвящены были еллинистамъ. вѣроятно потому, что онъ самъ принадлежалъ къ нимъ. И ихъ хотѣлъ онъ сдѣлать причастниками той же благодати, какой сподобился самъ. Эти труды были не напрасны. Впрочемъ, нѣкоторые изъ еллинистовъ еще не

([1]) «Прежде онъ не творилъ знаменій, но (сталъ творить), когда уже сдѣлался извѣстнымъ, дабы явно было, что для этого недовольно одной благодати, но нужно еще рукоположеніе, которое умножало (дары Духа.» *Злат.* стр. 264.

хотѣли обратиться къ Спасителю и, въ слѣпой ревности за ветхій Завѣтъ, усиливались самаго Стефана возвратить къ прежней его вѣрѣ. Отсюда возникла сильная борьба противоположныхъ воззрѣній религіозныхъ между имъ и членами многихъ еллиническихъ синагогъ. Такъ какъ иноземные іудеи, при своихъ молитвенныхъ собраніяхъ и при истолкованіи священнаго Писанія, употребляли языкъ греческій, то и не посѣщали они синагогъ еврейскихъ, а устроили для себя свои—особыя синагоги. Такихъ синагогъ тогда насчитывали въ Іерусалимѣ отъ шестидесяти до осьмидесяти. Говоря объ оппозиціи, сдѣланной Стефану, Лука упоминаетъ (ст. 9) во-первыхъ о такъ-называемой синагогѣ либертинцевъ, т. е. синагогѣ, построенной усердіемъ отпущенниковъ римскаго происхожденія, принявшихъ іудейство ([1]), или лучше, такихъ іудеевъ, которые взяты были въ плѣнъ Помпеемъ, приведены въ Римъ, и тамъ проданы, какъ невольники, но потомъ отпущены своими господами на волю и возвратились въ Іерусалимъ ([2]). Затѣмъ упоминаетъ объ іудеяхъ, бывшихъ родомъ изъ Киринеи и Александріи (въ Африкѣ), изъ Киликіи и *Асіи*, т. е. той провинціи азійской, которой главнымъ городомъ былъ Ефесъ (изъ Іоніи или малой Азіи—сн. Дѣян. 2,9).

([1]) *Olhshaus* и. по видим., *Злат.*

([2]) Значеніе слова принято нами а) потому что города или страны съ именемъ Либерты древнѣйшая географія не знаетъ; б) что слово Libertinus также легко могло перейти въ греческій языкъ, какъ напр. census, centurio; в) что слово это отъ прочихъ именъ, означающихъ народы, явно отличается прибавленіемъ τῆς λεγομένης и г) что такъ разумѣлъ его св. Златоустъ (стр. 265): «*Либертинцами* называются римскіе вольноотпущенные: такъ какъ здѣсь было много иностранцевъ, то и они имѣли синагоги, въ которыхъ читали законъ и совершали молитвы.» О многочисленности іудейскихъ отпущенниковъ въ Римѣ свидѣтельствуютъ *Тацитъ* (Annal. 2, 85) и *Филонъ* (Legatio ad Caj.).

Изъ этихъ-то синагогъ, такъ сказать, представлявшихъ іудейство трехъ странъ свѣта: Европы, Африки и Азіи ([1]), были лица (по всей вѣроятности, раввины и ученики ихъ), опровергавшіе, что говорилъ Стефанъ, возражавшіе ему и вообще старавшіеся разрушить дѣйствіе его проповѣди.

Что касается до самаго спора, то въ немъ мудрованія человѣческія были постоянно разрушаемы и посрамляемы мудростію Божіею. Человѣческія сужденія и хитросплетенія (*состязанія*) не въ состояніи были опровергнуть Стефана, исполненнаго Духомъ Святымъ (ст. 10). Но противники скоро выказали себя чадами вѣка сего, мудрѣйшими въ своемъ родѣ, чѣмъ сыны свѣта божественнаго; потому что они скоро начертили себѣ планъ такого рода: нельзя намъ одолѣть истины, такъ нельзя ли погубить ея проповѣдника? И вотъ, въ раздраженіи и гнѣвѣ ([2]), дѣйствуя въ духѣ древняго змія, который есть діаволъ и сатана,—они положили: не выступать самимъ имъ прямо противъ Стефана; но повести обвиненіе его публично и оффиціально, какъ прилично честнымъ людямъ. Ибо въ противномъ случаѣ всегда можно было опасаться, что, подъ личиною религіозной ревности ихъ, люди проницательные легко съумѣютъ открыть ихъ личную вражду и злобу ([3]). Поэтому они тайно подстрекнули такихъ людей, которые, будучи сами исполнены ревности не по разуму, всегда готовы были сдѣлаться орудіями злобы,—въ слѣдствіе ли какихъ либо мнимо-религіозныхъ внушеній, или просто

([1]) Четьи Мин. 27 Дек.
([2]) *Злат.* стр. 265. 266.
([3]) *Злат.* также.

въ надеждѣ награды (¹). Эти люди стали всюду говорить: *слышахомъ его глаголюща глаголы хульныя на Моисея и на Бога* (ст. 11). Для того, чтобы легче повести дѣло, они выдаютъ себя непосредственными слышателями такихъ рѣчей, которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, не слыхали. За тѣмъ, ко лжи присоединяютъ еще коварство: говорятъ вообще и неопредѣленно о „хульныхъ словахъ на Моисея и на Бога", предоставляя разгоряченному воображенію слушателей развивать эту тему, какъ угодно. Только одно высказываютъ они опредѣленно: „хула"—чтобы показать, что дѣло идетъ о преступленіи, достойномъ наказанія смертію (сн. Мѳ. 26, 65. 66).

Чрезъ такую клевету они успѣли взволновать народъ и старцевъ и книжниковъ (ст. 12). Расчетъ былъ вѣрный: толпа, особенно развратная городская чернь, какова была чернь іерусалимская, могла увлечься къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ обвиненнаго (сн. Лук. 23, 23); и вотъ свѣтскіе и духовные начальники могли и должны были придать злому дѣлу видъ законности.

Послѣ этихъ предисловій внезапно напали на Стефана, схватили его и представили на судъ къ синедріону, о которомъ они уже знали, что онъ около этого времени соберется.

За насиліемъ наступило изслѣдованіе. Одно стоило другаго. Лжесвидѣтели выступили противъ Стефана съ показаніемъ (ст. 13): *человѣкъ сей* (выраженіе презрѣнія—Лук. 15, 30) *не престаетъ глаголы хульные глаголя на мѣсто святое сіе* (т. е. храмъ 21, 28. 25, 8. 1 Ездр. 9, 8. Пс. 23, 3. Ис. 60, 13) *и законъ* (Моисеевы установленія ст. 14. Мѳ. 5, 17. 18). Въ подтвержденіе

(¹) *Злат.* также.

своей общей фразы, они съ презрѣніемъ привели и нѣчто особенное, слышанное ими, какъ говорили, отъ самаго Стефана (ст. 14): *Іисусъ Назорей* [1] (опять выраженіе презрѣнія Мѳ. 26, 11. Дѣян. 24, 5. сн. Іоанн. 1, 46) *сей разоритъ мѣсто сіе и измѣнитъ обычаи, яже предаде намъ Моисей* (т. е. которые онъ принялъ отъ самаго Бога, чтобы передать, какъ божественные, своему народу сн. 7, 38).

Изъ этого показанія мы можемъ лучше понять то, что враги Стефана вездѣ говорили о немъ въ формѣ неопредѣленной. *Хула на Бога* (ст. 11) состояла въ томъ, что Стефанъ говорилъ о приближавшемся разрушеніи храма. Іудеи и теперь, какъ нѣкогда во дни Іереміи (7, 11), считали это зданіе за неприкосновенную и неразрушимую святыню; поэтому они смотрѣли, какъ на хулу противъ самаго Господа, на то, если бы кто-нибудь возъимѣлъ только мысль, будто это величественное жилище Бога Израилева когда нибудь будетъ въ запустѣніи. *Хулою закона* (ст. 13), — судя по связи ея съ хулою на храмъ,—они, значитъ, считали мысль объ уничтоженіи внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ, соблюденіе которыхъ обусловливалось существованіемъ іерусалимскаго святилища.

Еще раньше, за нѣсколько недѣль, синедріону принесена была подобная-же жалоба на Іисуса Христа [2] (Мѳ. 26, 61). Неудивительно, что и святой первомученикъ, въ своей пламенной ревности о Спасителѣ, могъ высказывать нѣчто, подобное показаніямъ свидѣтелей, во славу Его.

---

(1) *Злат.* стр. 271.

(2) «Тоже говорили они, когда и Христа обвиняли: *разоряяй церковь Божію*» (Мѳ. 27, 40). *Злат.* стр. 266.

Если евангелистъ Лука свидѣтелей прямо называетъ *свидѣтелями ложными* (ст. 13), то это произошло по той-же причинѣ, которая уполномочила и евангелиста Матѳея на подобное сужденіе. Стефанъ, какъ прежде Іисусъ Христосъ (Іоанн. 2, 19—22. Матѳ. 26, 61), говорилъ не такъ—не въ томъ смыслѣ, какой приписывали ему. Безъ сомнѣнія, святой человѣкъ, знакомый съ предсказаніями о городѣ и храмѣ, высказанными Господомъ, за нѣсколько дней предъ страданіями Его, на горѣ Елеонской, — во время своихъ жаркихъ и непреоборимыхъ — полныхъ вѣры, силы, премудрости и Духа — преній (ст. 8. 10) о достоинствѣ Іисуса, какъ Мессіи, дозволилъ себѣ высказать нѣчто страшное — и о страшной судьбѣ, ожидавшей народъ Божій за отверженіе имъ Сына Божія [1]. Отъ этого-то ужаснаго грѣха произошло непостижимое ослѣпленіе іудеевъ, произведшее бунтъ противъ римлянъ; и они сами, а не Іисусъ, исполнили кару Божію. Но если такая судьба ожидала храмъ; если Іисусъ оказывался дѣйствительно Мессіею; если теперь Его царство должно было занять мѣсто ветхаго царства Израилева: то Стефанъ, въ духѣ древнихъ пророковъ (Ис. 66, 1—3. Іерем. 31, 31 и д. сн. Дѣян. 7, 49. 50), конечно, могъ ожидать также и болѣе-совершеннаго религіознаго устройства—чрезъ Іисуса Христа, ни мало не отвергая при этомъ божественности древнихъ Моисеевыхъ уставовъ, какъ и Іисусъ Христосъ пришелъ не отвергнуть, *не разорить законъ и пророки, но исполнить*. И вотъ это-то прозвучало хулою въ ушахъ тѣхъ, которые считали Іисуса Христа *льсте-*

(1) «Для того и состязались съ нимъ, чтобы вынудить сказать что-нибудь подобное.» и т. д. *Злат.* стр. 265.

цомъ, обманщикомъ, и которые въ Моисеевомъ законѣ видѣли самый высшій, совершеннѣйшій и ни чѣмъ незамѣнимый образъ богопочтенія.

И воззрѣвше нань вси сѣдящіи въ сонмищи, видѣша лице его, яко лице ангела (ст. 15). Невинность и спокойствіе души, при чистой совѣсти, при непоколебимой вѣрѣ ([1]), уповаціи и любви къ Спасителю, просвѣтляютъ лице Стефана. „Это была благодать ([2])", просіявшая нѣкогда и отъ лица Моисея. Угрызеніе совѣсти волнуетъ грудь богоубійственныхъ судей; тихое изумленіе и грусть изображается во взглядахъ не многихъ людей благомыслящихъ; глубокое, величественное молчаніе господствуетъ въ обширной залѣ,—такъ называемой залѣ Газиѳъ, помѣщавшейся во дворѣ храма и частію внѣ его ([3]); наконецъ, предсѣдатель собранія—первосвященникъ, которымъ былъ въ это время Каіафа, прерываетъ страшную тишину судебнымъ вопросомъ: такъ ли это,—какъ показали свидѣтели,—*аще убо сія тако суть* (7, 1)?

Какъ обвиненіе состояло изъ двухъ пунктовъ, то и отвѣтъ Стефана сложился изъ двухъ частей.

Прежде всего представимъ, въ общемъ очеркѣ, ихъ содержаніе.

Въ первой части (7, 2 — 43) Стефанъ обстоятельно доказываетъ, какъ далекъ онъ отъ мысли считать законъ Моисеевъ не божественнымъ и презирать его. Но то, что у него называется закономъ, онъ понимаетъ глубже и разумнѣе своихъ противниковъ. Подъ закономъ они разумѣли почти только множество религіоз-

---

([1]) *Злат.* стр. 270.
([2]) *Злат.* стр. 267.
([3]) *Otto* Lexic. Rabbin.

ныхъ обрядовъ. предписанныхъ Моисеемъ. А Стефанъ подъ нимъ разумѣетъ всѣ учрежденія, распоряженія и указанія, сдѣланныя Богомъ чрезъ Моисея. Таково было самое древнее и истинное понятіе о законѣ, какъ открывается изъ всего содержанія священныхъ его памятниковъ. Поэтому онъ не могъ отдѣлять заповѣдей Божіихъ отъ дѣлъ Божіихъ и его рѣчь необходимо обратилась въ сокращенную исторію народа Божія. Къ тому-же, идя путемъ ветхозавѣтной исторіи, которую такъ любили слушать іудеи (см. Пс. 73. 104. 105. 135. Юдиѳь 5, 6 и д. Сирах. 44 гл. Дѣян. 13, 14 и д.), онъ могъ надѣяться и бо́льшаго вниманія отъ своихъ слушателей. И вотъ этимъ-то путемъ онъ и ознакомилъ ихъ съ своимъ исповѣданіемъ вѣры, и вмѣстѣ въ примѣрѣ отцевъ показалъ своимъ противникамъ, каково ихъ собственное настоящее поведеніе. Главныя мысли здѣсь слѣдующія:

Прекрасно начинаетъ Стефанъ отъ призванія Авраама, потому что оно служило основаніемъ того порядка вещей, который данъ былъ чрезъ Моисея. Съ человѣкомъ, котораго іудеи называли отцомъ своимъ (Матѳ. 3, 9), открылся дивный планъ тѣхъ дѣйствій Божіихъ, которыя имѣли цѣлію вѣчное спасеніе всѣхъ людей, но предварительно—до исполненія временъ—должны были ограничиться однимъ лишь потомствомъ Авраама. Святый первомученикъ выставляетъ на видъ именно то, какъ благость Божія привела Авраама въ Ханаанъ и эту прекрасную страну обѣщала въ собственность собственно не ему, но его потомкамъ; при чемъ возвѣстила и судьбу ихъ до ихъ вступленія въ обѣтованную землю.

Упомянувъ о божественномъ установленіи обрѣзанія,

Стефанъ переходитъ къ рѣчи о Исаакѣ, Іаковѣ и его сыновьяхъ—двѣнадцати родоначальникахъ Израилевыхъ. Затѣмъ, исторія Іосифа даетъ ему случай, съ цѣлію обличенія слушателей, хотя еще не рѣзкаго, изложить то, какъ тогда (не то же ли и теперь?) увлекаемые страстями чада народа Божія преслѣдовали праведниковъ; но Господь помогъ Іосифу, защитилъ и возвеличилъ его, сдѣлавъ его спасителемъ своего дома и виновникомъ переселенія Іакова съ дѣтьми его въ Египетъ.

О пребываніи въ этой странѣ говоритъ не много—столько лишь, сколько требовалось для того, чтобы показать исполненіе божественныхъ предсказаній (сн. ст. 6. 7) и объяснить ближайшій поводъ къ притѣсненію Израиля въ Египтѣ (ст. 17—19).

Но такое жестокое обращеніе съ потомками Авраама подвигло Господа къ спасенію и освобожденію своего народа чрезъ Моисея. Что̀ теперь говоритъ Стефанъ объ этомъ человѣкѣ Божіемъ, то не только доказываетъ его твердую вѣру въ божественное происхожденіе закона, но вмѣстѣ служитъ и прекраснымъ указаніемъ на поведеніе синедріона въ отношеніи къ Іисусу Христу. Поэтому онъ выставляетъ на видъ особенно то—

Какъ уже въ самой ранней судьбѣ Моисея осязательно открылась десница Господня (ст. 20—22);

Какъ въ возрастѣ мужественномъ Моисей обнаружилъ намѣреніе и рѣшимость освободить Израиля, но, сверхъ всякаго ожиданія, былъ не признанъ и постыженъ ими (ст. 23—29);

Впрочемъ, вскорѣ за тѣмъ самъ Богъ призвалъ его, и далъ этому человѣку, нѣкогда отвергнутому израильтянами, порученіе и полномочіе спасти свой народъ (ст. 30—35);

Моисей не только вывелъ Израиля изъ Египта и, въ теченіе долгаго времени, водилъ его въ пустынѣ; но ещe предвозвѣстилъ втораго будущаго Избавителя, Законодателя и Вождя народа Божія (ст. 36. 37),—замѣчаніе, показывающее, какъ правъ Стефанъ, ожидавшій отъ Бога новаго устроенія вещей;

Но какъ въ началѣ израильтяне отвергли Моисея, такъ и послѣ его законодательства и во все время его управленія, вопреки всѣмъ доказательствамъ его божественнаго посланничества, оставались непослушными ему и неблагодарными,—за то и наказаны Богомъ (ст. 38—43).

Достаточно раскрывъ такимъ образомъ, что у него, при его вѣрномъ и искреннемъ убѣжденіи въ божественности Моисеева домостроительства, вовсе не могло быть и мысли о какой нибудь хулѣ на Моисея, Стефанъ во второй части своей рѣчи старается тѣмъ-же путемъ отстранить и взведенную на него хулу на храмъ Божій, а именно:

Онъ прямо признаетъ божественное установленіе скиніи свидѣнія, а слѣдовательно и относящагося къ ней богослуженія (ст. 44—45);

Ясно замѣчаетъ, какъ подвижная скинія, по желанію и плану Давида, была обращена въ великолѣпный храмъ сыномъ его Соломономъ (ст. 46—47);

Но—продолжаетъ—*Вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ*... Здѣсь святый витія, вѣроятно, былъ остановленъ; и рѣчь его вдругъ приняла другое направленіе до тѣхъ поръ, пока ярость враговъ сдѣлала невозможнымъ всякое съ его стороны слово.

Обратимся къ частностямъ.

По замѣчанію св. Златоуста, вопросъ первосвященни-

ка былъ уже рѣшенъ еще прежде, чѣмъ Стефанъ открылъ уста свои. Такъ какъ „все (что говорили на Стефана) была клевета, то Богъ опровергаетъ ее и самымъ видомъ его, просвѣтивъ лице его, *яко лице Ангела*. Прежде всего самое лице защищаетъ его (¹)“. Впрочемъ, не только глаза должны были видѣть истину, но должны были и уши услышать о невинности и правотѣ обвиненнаго, и къ божественному знаменію присоединяется вразумительное слово.

Мужіе, братіе и отцы послушайте,—такъ начинаетъ Стефанъ. Тѣхъ, которые схватили и привели его сюда, онъ называетъ *братіями*, а къ членамъ высшаго судилища прилагаетъ почетное имя: *отцы*; и такимъ образомъ, по примѣру своего Спасителя, кроткаго и смиреннаго сердцемъ, соединяетъ въ себѣ кроткую любовь ко врагамъ съ подобающимъ уваженіемъ къ сану.

Богъ славы явися отцу нашему Авраамy сущу въ Месопотаміи, прежде даже не вселитися ему въ Харранъ; и рече къ нему: изыди изъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и пріиди въ землю, юже ти покажу (ст. 3). Уже первое слово заключаетъ въ себѣ опровerженіе того, будто Стефанъ произносилъ хулу на Бога Израилева; потому что онъ называетъ Его *Богомъ славы*, т. е. Богомъ, который не только самъ въ Себѣ есть существо высочайшее и святѣйшее, но и во всѣхъ дѣлахъ своихъ является царемъ славы, Господомъ силъ, достойнымъ пріять отъ людей славу и честь и силу (сн. Пс. 23, 7. 8. 28, 1. 95, 7. 8. Апок. 4, 9. 11), котораго, слѣдовательно, и Стефанъ чтитъ благоговѣйно, а не хулитъ.

(¹) *Злат*. стр. 272. 267.

Имѣя въ виду не только защитить себя, но и обличить обвинителей, Стефанъ направляетъ свою рѣчь такъ, чтобы высказать слѣдующую мысль: „тѣ, которые всегда пользовались особеннымъ благоволеніемъ (Божіимъ), воздали своему благодѣтелю противнымъ“ (1). Поэтому онъ представляетъ всю ихъ исторію, какъ непрерывный рядъ божественныхъ благодѣяній, какова она и дѣйствительно. Ихъ родоначальникъ Авраамъ жилъ въ *Месопотаміи*, т. е. въ той (сѣверной) части ея, которую издавна населяли халдеи и которая отъ нихъ получила свое названіе *земли халдейской*, какъ называетъ ее и Стефанъ нѣсколько ниже (ст. 4). Здѣсь, именно въ Урѣ, городѣ халдейскомъ (между Тигромъ и Низибисомъ) (Быт. 15, 7. см. 11, 28. 31), Господь, по благости своей, сподобилъ Авраама своего явленія, въ которомъ призывалъ его идти въ другую землю. Уже и это странствованіе Авраама, которое приходилось ему предпринять вмѣстѣ съ отцемъ его Ѳаррою, было дѣйствіемъ особеннаго промышленія Божія. Повинуясь высокому призванію, онъ отправился на западъ Месопотаміи и на первый разъ остановился въ *Харранѣ* (городѣ между Хаборромъ и Евфратомъ).

Но не здѣсь было мѣсто его назначенія. Богъ явился ему во второй разъ здѣсь въ Харранѣ, уже по смерти идолопоклонствовавшаго отца его (Іис. Нав. 24, 2), съ прежнимъ повелѣніемъ, и такимъ образомъ *преселилъ его*, говоритъ Стефанъ, *въ землю сію*, *на ней же вы нынѣ живете* (2). Можно ли было выразительнѣе

(1) *Злат.* стр. 268.

(2) По древнему іудейскому преданію (*Phil.* de Abrah; *Ioseph* Antiqu.), основаніе котораго находится въ приведенныхъ мѣстахъ книги Бытія, а слѣды въ другихъ священныхъ книгахъ (Неем. 9, 7. Юдиѳ. 5, 6. 7),

напомянуть имъ о любви и благости къ нимъ Бога?!
Въ томъ-же духѣ продолжаетъ:

И не даде ему наслѣдія въ ней, ниже стопы ногу (ст. 5),—не далъ въ наслѣдство даже столько мѣста, чтобы поставить, говоря извѣстнымъ приточнымъ выраженіемъ (Втор. 2, 5. Быт. 8, 9), ногу. Авраамъ, дѣйствительно, всегда признавалъ себя и былъ странникомъ и пришельцемъ (Быт. 23, 4. Евр. 11, 8. 13), на что уже и Моисей намекаетъ сряду-же послѣ разсказа о вступленіи его въ Ханаанъ: *Хананеи же тогда живяху на земли* (¹) (Быт. 12, 6). *И обѣща дати ему ю во одержаніе, и сѣмени его по немъ, не сущу ему чаду*: но обѣщалъ дать ее во владѣніе ему, т. е. потомству его (Быт. 12, 7), когда еще онъ былъ бездѣтенъ. По истинѣ, Златоустъ, кажется, читалъ въ сердцѣ Стефана, когда говорилъ: „онъ показываетъ, что это обѣтованіе дано было прежде мѣста, прежде обрѣзанія, прежде жертвы, прежде храма, и что они не по достоинству получили обрѣзаніе и законъ, но что единственно за послушаніе (Авраамово) наградою была эта земля... Здѣсь выражается и величіе Божіе и вѣра Авраама. Увѣренность Авраама въ этомъ, еще *не сущу ему чаду*, доказываетъ и послушаніе и вѣру его“ (²).

Какъ много любилъ Богъ потомковъ Авраама, какъ отечески заботился о нихъ, когда ихъ еще не было.

было два божественныхъ явленія Аврааму прежде поселенія его въ Ханаанѣ. Стефанъ въ настоящемъ мѣстѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ ниже, слѣдуетъ этому преданію. Мысль о двухъ богоявленіяхъ часто повторяется въ Златоустовыхъ Бесѣдахъ на книгу Бытія. См. напр. Ч. 2. стр. 191. 201. 325. 363 по русск. пер. 1852. С.п.б. Тоже въ Бес. на Дѣян. стр. 269.

(¹) *Злат*. Бесѣд. на Быт. Ч. 2 стр. 202. 211.

(²) *Злат*. на Дѣян. стр. 272. 273; и подробнѣе въ Бесѣд. на Быт Ч. 2. стр. 192 и д.

это Стефанъ доказываетъ тѣмъ, что Богъ еще бездѣтному родоначальнику предъуказалъ судьбу его потомства. Они, сказалъ Богъ (Быт. 15, 13. 14), будутъ *пришельцами*—временными обитателями—*въ земли чуждей* и будутъ здѣсь *въ порабощеніи и притѣсненіи* у жителей туземныхъ, *лѣтъ четыреста* (ст. 6) (¹); *и языку, ему же поработаютъ, сужду Азъ, рече Богъ*, т. е. накажу этотъ народъ (²), сотворю отмщеніе ему (³); послѣ чего (⁴) *изыдутъ* они изъ Египта, возвратятся въ Хананъ, *и послужатъ Ми на мѣстѣ семъ* (ст. 7) (⁵). Вотъ, каково было назначеніе Израиля! Въ прекрасной странѣ ему оставалось только служить Богу своему, съ благодарностію, упованіемъ и любовію. Оборотъ рѣчи, совершенно въ духѣ закона: *вѣмъ бо, яко заповѣсть сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ: и сохранятъ пути Господни, творити правду и судъ: яко да наведетъ Господь на Авраама вся, елика глагола къ нему* (Быт. 18, 19).

Существенную статью въ томъ, что іудеи называли закономъ, составляло обрѣзаніе. На него смотрѣли, какъ

(¹) *Четыреста лѣтъ:* круглое число вмѣсто 405 л., протекшихъ отъ рожденія Исаака, какъ перваго пришельца, изъ потомковъ Авраама; полное же число лѣтъ отъ времени пришествія Авраама изъ его родины на землю обѣтованную, *яко на чужду* (Евр. 11, 9), или, какъ выражается апостолъ Павелъ, отъ обѣтованія до закона, было 430 лѣтъ (Исх. 12, 40. Гал. 3, 17), а самое пребываніе въ Египтѣ или это порабощеніе въ землѣ чуждей, о которомъ говоритъ Стефанъ, также какъ и о странствованіи патріарховъ, равнялось половинѣ послѣдняго числа.

(²) Κρίνω — Іоанн. 18, 31. Псал. 7, 12. Прем. 11, 9.

(³) *Злат.* Бесѣд. на Быт. стр. 330.

(⁴) Οὕτως — продолженіе рѣчи, какъ Дѣян. 17, 33. 28, 14.

(⁵) Послѣднія слова не находятся въ обѣтованіи Аврааму, на которое указывается первыми словами, и взяты Стефаномъ, вѣроятно, изъ божественной рѣчи къ Моисею, касающейся ближайшаго исполненія обѣтованія (Исх. 3, 12), впрочемъ взяты не вопреки всему духу и перваго обѣтованія (Быт. 15, 18).

на самое важное дѣйствіе, и отъ него производили всѣ преимущества народа Божія. Стефану, оклеветанному въ хулѣ на законъ, нужно было оправдаться и съ этой стороны. И онъ сдѣлалъ это, но такъ, что, хотя и приписалъ Богу установленіе обрѣзанія и въ немъ видѣлъ внѣшній знакъ установленнаго Богомъ завѣта съ Авраамомъ, но въ тоже время низложилъ и гордость іудейскаго предразсудка тѣмъ, что уже предварительно поставилъ на видъ обѣтованіе Божіе и заслугу вѣры Авраамовой; и такимъ образомъ, подобно ап. Павлу (Римл. гл. 4), указалъ въ обрѣзаніи только утвержденіе того, что Богъ далъ уже прежде, единственно по своей милости, и что Авраамъ, рабъ его, принялъ съ благодарностію и смиреніемъ. *И даде ему*, говоритъ Стефанъ послѣ приведенной рѣчи, *завѣтъ обрѣзанія* (ст 8), т. е. обрѣзаніе, какъ знаменіе завѣта, — сокращенное выраженіе того, что такъ написано въ законѣ Моисея: *и обрѣжете плоть крайнюю вашу, и будетъ въ знаменіе завѣта между Мною и вами. И будетъ завѣтъ мой на плоти вашей въ завѣтъ вѣченъ* (Быт. 17, 11. 13).

Объ Исаакѣ Стефанъ говоритъ кратко (именно, что Авраамъ обрѣзалъ его *въ осьмой день*, т. е. какъ заповѣдано было въ завѣтѣ обрѣзанія). Еще короче говоритъ объ Іаковѣ и двѣнадцати патріархахъ. Но тѣмъ долѣе останавливается онъ на разсказѣ объ Іосифѣ и его братьяхъ. Что хочетъ онъ разсказать объ Іосифѣ, „тоже было и со Христомъ; ибо Іосифъ былъ прообразомъ Его. Это имѣя въ виду, Стефанъ и излагаетъ вполнѣ исторію" (¹). Дѣйствительно, сходство въ судьбѣ того и другаго лица и въ поведеніи израильтянъ въ отношеніи къ нимъ несомнѣнно:

(¹) *Злат.* стр. 284.

Патріархи позавидовали Іосифу и продали его въ Египетъ съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ и умеръ въ неволѣ (ст. 9). Изъ ненависти и зависти іудеи предали Господа нашего Пилату, купивши Его на смерть за тридцать сребренниковъ (Мате. 23. 9—10. 18).

Но *Богъ бѣ съ нимъ* (сн. Быт. 39, 2),—съ Іосифомъ, какъ его помощникъ и покровитель ([1]), и—проданнаго въ рабство сдѣлалъ правителемъ тамъ, гдѣ думали, что онъ будетъ рабомъ ([2]). И съ Іисусомъ былъ Богъ (*Богъ бяше съ нимъ* Дѣян. 10, 38); и какъ Іосифа избавилъ Онъ *отъ всѣхъ скорбей его* (ст. 10) или бѣдствій, такъ и Іисуса *сотворилъ есть и Господомъ и Христомъ, разрѣшивъ болѣзни смертныя, якоже не бяше мощно держиму быти Ему отъ нея* (2, 24. 36). „Какъ (Іосифъ) дѣлается правителемъ тамъ, куда его продали; такъ и Христосъ являетъ силу въ смерти“ ([3]).

Братья Іосифа думали сдѣлать ему зло, а Богъ обратилъ его въ добро, такъ какъ далъ ему сохранить жизнь великому числу людей (Быт. 50, 20). Ибо именно Богъ далъ Іосифу мудрость, а мудрость снискала ему благоволеніе Фараона, который и поставилъ его начальникомъ надъ всѣмъ Египтомъ и надъ всѣмъ домомъ своимъ,—и вотъ возвеличенный Іосифъ сдѣлался не только избавителемъ своихъ братьевъ отъ голода, но и попечителемъ всѣхъ (ст. 10—13). Враги Іисуса Христа думали удовлетворить своему чувству ненависти и мщенія, предавъ Его крестной смерти, а Онъ теперь, воскресшій и прославленный, ходатайствуетъ о

([1]) Значеніе выраженія—у Іисус. Нав. 1, 17. Мѳ. 28. 20. Іоанн. 3, 2. Дѣян. 18, 10.

([2]) *Злат.* стр. 288.

([3]) *Злат.* стр. 288.

прощенія за всѣхъ, которые приходятъ къ Нему, подобно братьямъ Іосифа, съ покаяніемъ (50, 16—18), и вѣруютъ въ Него (¹).

Тѣ изъ присутствовавшихъ въ синедріонѣ, которые по чувствамъ своимъ подобны были братьямъ Іосифа, не могли не тронуться такимъ повѣствованіемъ Стефана; ибо оно преподано было *во свидѣтельство имъ*.

За тѣмъ св. первомученикъ естественно переходитъ къ повѣствованію объ умноженіи и притѣсненіи Израиля въ Египтѣ, упомянувъ для сего, предварительно и кратко, о малочисленности семейства Іакова, о смерти этого родоначальника и сыновей его, и о поселеніи въ Ханаанѣ (ст. 14—19).

Со времени поселенія Іакова и семейства его въ Египтѣ приближалось время исполненію обѣтованія, которое Богъ съ клятвою, показывавшею непреложность воли Его (Евр. 6, 13—20), далъ Аврааму — еще бездѣтному (сн. выше ст. 5—7. Быт. 12, 7. 15, 13 и сл. 22, 16. 17. Втор. 8, 18. 9, 5). Начало къ этому было положено еще при Іаковѣ, при которомъ семейство одного человѣка возрасло до семидесяти пяти душъ. Но съ тѣхъ поръ потомки Авраама умножались въ плодоносной долинѣ Египта самымъ необыкновеннымъ образомъ. Это благословеніе Господа, обнаруживавшееся надъ мирнымъ пастушескимъ народомъ, не возбуждало ни зависти, ни опасенія ни въ туземныхъ жителяхъ, ни въ Фараонѣ, доколѣ благодѣянія, оказанныя странѣ патріархомъ Іосифомъ, воспоминались съ благодарностію. Подъ конецъ времени, назначеннаго Богомъ для пребыванія евреевъ въ Египтѣ, вступилъ на престолъ дру-

(¹) См. еще Записк. на кн. Быт. стр. 305—307 по изд. 1819.

гой *царь* (изъ другой династіи) [1], *не знавшій*, т. е. мало цѣнившій (сн. 1 Сол. 5, 12. 1 Пар. 17, 18) заслуги Іосифа [2], а потому не дорожившій и народомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Посему онъ прибѣгнулъ къ хитрости и жестокости, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему умноженію израильтянъ и чтобы тѣхъ, которые еще были въ живыхъ, угнетать рабствомъ самымъ тяжелымъ (сн. Исх. 1, 8 и д. Юдиѳ. 5, 11). И Богъ попустилъ это зло, потому что находилъ въ немъ возможность во всемъ величіи открыться Помощникомъ и Избавителемъ потомковъ своего друга Авраама, которому въ свое время и предвозвѣстилъ объ этомъ (сн. ст. 7).

Божественное опредѣленіе объ освобожденіи евреевъ изъ Египта, о содѣланіи ихъ народомъ избраннымъ, о возвращеніи ихъ въ землю отцовъ ихъ,—суждено было совершить человѣку избранному и хранимому самимъ Богомъ. То былъ Моисей.

Теперь Стефанъ дошелъ до важнѣйшаго пункта той части апологіи, которая была направлена противъ обвиненія въ хулѣ на законъ. Поэтому онъ со всею обстоятельностію говоритъ о Моисеѣ, излагаетъ божественное о немъ попеченіе, говоритъ о законѣ, данномъ чрезъ Моисея, — все это для того, чтобы о вѣрѣ его — Стефана касательно этого предмета, именно о такой вѣрѣ, какая прилична истинному израильтянину, не оставалось въ слушателяхъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но при этомъ онъ не забываетъ и другой части своей задачи, не забываетъ въ поведеніи израильтянъ по отношенію къ

---

(1) *Ioseph.* Antiquit. 2, 9.

(2) «Египтяне, когда съ продолженіемъ времени благодѣянія Іосифа пришли въ забвеніе»... *Флавій* тамъ-же.

Моисею указать образъ поведенія ихъ потомковъ по отношенію къ Іисусу Христу, котораго Моисей былъ прообразомъ.

Уже самое время рожденія Моисея указываетъ на высокое о немъ—божественное попеченіе. *Въ неже время родися Моисей* (ст. 20). „То удивительно, замѣчаетъ св. Златоустъ. что будущій избавитель рождается не прежде и не послѣ, но среди самаго бѣдствія“ (¹).

Необыкновенная красота младенца, въ которой нельзя было не видѣть особенной о немъ благопопечительности и воли Божіей, соединившись съ столь-естественною и угодною Богу любовію къ дѣтямъ, внушила родителямъ его мысль безстрашно презрѣть богомерзское повелѣніе царево и до такой степени утвердила ихъ вѣру въ промыслъ Божій и въ успѣхъ своей попытки спасти Моисея, что они три мѣсяца хранили его, хотя эта попытка для многихъ и многихъ могла представляться напрасною и страшною. Объ этой красотѣ Стефанъ, по свойственному евреямъ глубокознаменательному выраженію превосходной степени, говоритъ такъ: *и бѣ угоденъ Богови*—былъ прекрасенъ (²) предъ очами самаго Бога и по непогрѣшимому сужденію Божію, какъ возлюбленный Богу (³), слѣдовательно и со стороны людей достойный всякой любви и всякаго пожертвованія. Посему-то говорится и въ другомъ мѣстѣ: *вѣрою*

(¹) Стр. 289.

(²) Ἀστεῖος—собственно *городской*, въ противоположность ἄγροικος; затѣмъ: *изящный*, *благовоспитанный*, *красивый*—εὐπρόσωπος, χαρίεις, καλός, γελοιώδης (*Suidas*). Въ евр. вм. его, стоитъ tov (Исх. 2, 2). У Филона (de vita Mos.): γεννηθεὶς οὖν ὁ παῖς εὐθὺς ὄψιν ἐνέφηνεν ἀστειοτέραν ἢ κατ ἰδιώτην!

(³) Въ сирск. переводѣ: et dilectus fuit Deo. *Флавій*, приписавъ Моисею — εὐμορφίαν, θαυμαστὸν κάλλος, называетъ его потомъ παῖδα μορφῇ θεῖον (Antiqu. 2, 9. 7).

Моисей родився сокровенъ бысть три мѣсяцы отъ отецъ своихъ, зане видѣша красно отроча: и не убояшася повелѣнія царева (Евр. 11, 23).

„Когда же всѣ человѣческія надежды истощились, и когда онъ былъ брошенъ, тогда явилось во всемъ свѣтѣ домостроительство Божіе (1).“ *Извержена же его* (брошеннаго на берегу рѣки Исх. 2, 3) *взятъ его дщи Фараонова и воспита и себѣ въ сына* (ст. 21). Будущему избавителю, законодателю и вождю народа Божія не пришлось рости въ рабскомъ угнетеніи и невѣжествѣ; и Богъ далъ ему возможность получить самое высшее, въ свое время, человѣческое образованіе, дабы и въ этомъ отношеніи не быть ему ниже враговъ, съ которыми предстояла борьба, и дабы самая мудрость человѣческая впослѣдствіи послужила дѣлу Божію (2), при силѣ вѣры, твердо хранимой Моисеемъ, въ своемъ сердцѣ (сн. Евр. 11, 24—26), и помогшей ему стать выше всѣхъ зловредныхъ вліяній тойже мудрости. Египетская мудрость, высшая, по тогдашнимъ понятіямъ, мудрости всякаго другаго народа (сн. 3 Цар. 4, 30. Исх. 19, 11. 12),—представила Моисею все богатство своихъ сокровищъ для того, чтобы, при благословеніи Божіемъ, образовать въ немъ человѣка *сильнаго въ словесѣхъ и дѣлѣхъ* (ст. 22)—дивнаго по великому дару убѣжденія (3) и премудрому исполненію намѣреній и дѣлъ Божіихъ.

На сороковомъ году, говоритъ Стефанъ (ст. 23), слѣдуя устному преданію (4), ибо въ Писаніи нѣтъ этой

(1) *Злат.* стр. 289.

(2) Сн. Августин. Христ. Наук. стр. 155 по р. пер. 1835. Кіевъ.

(3) Πλήθει ὁμιλεῖν πιθανώτατος — *Іосифъ Флав.* о Моисеѣ (Antiqu. 3, 1. 4).

(4) Въ Bereschith-Rabba (*у Лихфута*) читается: «сорокъ лѣтъ жилъ Моисей при дворѣ Фараона, сорокъ л. въ землѣ мадіамской и сорокъ

частности (просто сказано: *бысть во дни многія оны* Исх. 2, 11),—на сороковомъ году, слѣдовательно въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ. Моисей возъимѣлъ великое намѣреніе освободить своихъ *братьевъ*—израильтянъ отъ рабскаго ига. Полный сознанія своего высокаго предназначенія, полный высокаго чувства самоотверженія для славы Божіей и счастія ближнихъ, онъ оставилъ царскій дворъ, всѣ удовольствія его краткія—грѣховныя, всѣ удобства и преимущества, соединенныя съ именемъ сына дочери царской, и поспѣшилъ къ своему угнетенному народу, чтобы ближе видѣть страданія его и помочь ему (сн. Евр. 11, 25 и д.). „Сдѣлалъ это, провидя нѣчто великое" (1). *Сильный дѣломъ*, какъ уже назвалъ его Стефанъ, онъ не устрашился при видѣ несправедливости и убилъ египтянина, когда тотъ жестоко поступилъ съ свободно-рожденнымъ израильтяниномъ, какъ съ рабомъ (ст. 24). То было дѣломъ пламенной ревности за правду, а Стефанъ указываетъ и другую причину: *мняше разумѣти братіямъ своимъ, яко Богъ рукою его дастъ имъ спасеніе: они же не разумѣша* (ст. 25). Напротивъ, когда на слѣдующій день онъ нечаянно явился къ двумъ ссорившимся изъ братій своихъ—евреевъ, изъ которыхъ одинъ еще обижалъ или билъ другаго (Исх. 2, 13); и когда Моисей сталъ убѣжденіями склонять ихъ къ миру, —одинъ изъ нихъ *отринулъ* его, не узнавъ Богомъ избраннаго избавителя. Въ лицѣ этого человѣка отринули Моисея и всѣ израильтяне (сн. ст. 35). Онъ понялъ теперь, что время его призванія еще не наступило, что едва-явившагося защитника израильтянъ уже ждетъ

л. служилъ Израилю». Послѣднее указаніе, а также и общее число лѣтъ есть и въ пятокнижіи (Втор. 31, 2. 34, 7. 1, 3 .

(1) *Злат.* на посл. къ Евр. стр. 404.

смерть отъ руки Фараона (Исх. 2, 15), что ему слѣдуетъ прежде всего спасать самого себя,—и убѣжалъ изъ Египта: *бѣжа же Моисей о словеси семъ* (ст. 26—29).

Іисусъ Назорянинъ, родившійся среди самыхъ дивныхъ событій, въ лучшую пору человѣческой жизни вступилъ въ служеніе своему народу, который жестоко страдалъ подъ игомъ Ирода, римлянъ и—еще болѣе — своихъ грѣховъ. Онъ былъ *пророкъ силенъ словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми* (Лук. 24, 19). Своими знаменіями и чудесами Онъ давалъ разумѣть, что посланъ *ко овцамъ погибшимъ дома Израилева*. Они же не разумѣли: свои не приняли Его;... говорили: нѣтъ у нась царя, кромѣ кесаря ([1])...; изгнали Его изъ страны живыхъ... Не думалъ ли и Стефанъ намекнуть на что нибудь подобное своимъ разсказомъ о Моисеѣ?

И бысть пришлецъ въ земли мадіамстѣй, идѣже роди сына два. И исполнившимся лѣтомъ четыредесятимъ, явися ему въ пустыни горы синайскія ангелъ Господень въ пламени огненнѣ въ купинѣ (ст. 29. 30) — въ пламени горящаго кустарника. „Видишь ли, какъ это домостроительство (Божіе) не останавливается временемъ! Ибо, когда онъ былъ бѣглецомъ и странникомъ, когда уже много времени провелъ въ странѣ чужой и имѣлъ уже двоихъ сыновъ, когда и не думалъ возвращаться оттуда,—тогда является ему ангелъ Господень въ пламени кустарника... И гдѣ является? Въ пустынѣ, а не въ храмѣ. Видишь ли, какія совершились чудеса, и еще нигдѣ не было ни храма, ни жертвоприношенія. И здѣсь, въ пустынѣ (является) не просто, но въ купинѣ" ([2]).

([1]) *Вас. вел.* Бес. 1 на шестодн.
([2]) *Злат.* стр. 291.

Это было, по свидѣтельству Моисея (Исх. 2, 1), при горѣ Хоривѣ, а по словамъ Стефана, при Синаѣ. Первое имя носитъ западная вершина, второе—восточная, отличающаяся большею высотою; впрочемъ, и весь этотъ горный хребетъ называется Хоривомъ.

Явившійся *Ангелъ Господень* самъ себя называетъ у Стефана, какъ и у Моисея, Богомъ отцевъ ихъ, тѣмъ самымъ, который предвозвѣстилъ Аврааму страданіе его потомковъ въ Египтѣ и обѣщалъ свое чудесное избавленіе ихъ: *Азъ Богъ отецъ твоихъ: Богъ Авраамовъ и Богъ Исаковъ и Богъ Іаковль... Видя видѣхъ озлобленіе людей моихъ, иже во Египтѣ, и стенаніе ихъ услышахъ, и снидохъ изъяти ихъ: и нынѣ гряди, послю тя во Египетъ* (ст. 32. 34). Этого Ангела называетъ Стефанъ, какъ и Моисей, Богомъ: *рече же ему Господь* (ст. 31. 33 сн. 35). Итакъ, это Ангелъ великаго совѣта (Исаіи 6, 9), или Слово, которое было въ началѣ у Бога, и которое было Богъ (ибо *Бога никтоже видѣ, нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* Іоанн. 1, 12. 18). „*Ангеломъ* Сына Божія называетъ", говоритъ Златоустъ [1].

Намека на Іисуса Христа и на Синедріонъ нельзя не признать въ замѣчаніи Стефана о божественномъ призваніи Моисея: *сего Моисея, егоже отринуша, рекше: кто тя постави начальника и судію? Сего Богъ князя и избавителя посла рукою Ангела* (или чрезъ Ангела), *явльшагося ему въ купинѣ* (ст. 35). Впечатлѣніе отъ этого намека могло быть только усилено послѣдующими словами: *сей изведе ихъ, сотворь чудеса и знаменія въ земли египетстѣй, и въ чермномъ мори, и въ пустыни, лѣтъ*

---

(1) *Злат.* тамже.

четыредесять (ст. 36). Стефанъ выразительно напоминаетъ, какъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Моисеемъ народу, въ особенности о переходѣ чрезъ чермное море, ознаменовавшемъ окончательное избавленіе отъ рабства египетскаго, такъ и о славѣ, дарованной Моисею отъ Бога,—напоминаетъ для того, чтобы тѣмъ болѣе обнаружить безстыдство людей, противившихся Моисею, и чтобы уже не казалось страннымъ неблагодарное и упорное поведеніе евреевъ въ отношеніи къ Мессіи (*вы бо есте сынове избившихъ пророки*, говорилъ и самъ Іисусъ Христосъ. Матѳ. 23, 31).

Рѣчь свою о Моисеѣ, веденную съ явнымъ намекомъ на Іисуса Христа, Стефанъ запечатлѣваетъ пророчествомъ. Приведеніе его именно здѣсь — сдѣлано съ величайшею мудростію. Слова изъ Второзаконія (18, 15): *пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашея, яко мене: того послушайте* (ст. 37), — какбы насильно заставляютъ слушателей сравнить Моисея, этого не признаннаго и отверженнаго Израилемъ, но избраннаго и прославленнаго Богомъ избавителя и вождя, сравнить съ Іисусомъ. Духъ Божій обличаетъ слушателей съ непреоборимою силою, во грѣхѣ ихъ, *яко не вѣруютъ* (Іоанн. 16, 9). Кто же теперь осмѣлился бы осуждать Стефана за то, что онъ говорилъ объ измѣненіи Моисеевыхъ обычаевъ, когда тотже Моисей изрекъ обѣтованіе о пророкѣ *такомъ, какимъ* былъ онъ самъ, т. е. о Избавителѣ, вождѣ и законодателѣ, который, слѣдовательно, имѣлъ дать и отличное отъ Моисеева домостроительство царствія Божія, и которому однако слѣдовало повиноваться по заповѣди тогоже Моисея? *Того послушайте*... Стефанъ не прибавилъ угрозы Моисея слушателю непокорному — *Азъ отмщу отъ него*

(Втор. 18, 19), какъ сдѣлалъ это (по евр. т.) прежде него ап. Петръ (Дѣян. 3, 23); но книжники и законники знали Писаніе и сами могли доразумѣвать, что Духъ, теперь обличавшій ихъ о грѣхѣ, обличалъ ихъ и о судѣ. Ибо *не вѣруяй въ Него, уже осужденъ есть* (Іоан. 3, 18).

Доселѣ св. Стефанъ говорилъ о Моисеѣ, только какъ о божественномъ посланникѣ и избавителѣ израильтянъ; теперь (въ связи съ 37 ст.) изображаетъ его, какъ божественнаго законодателя и указываетъ на бывшее уже и при Моисеѣ непослушаніе евреевъ, привлекшее на нихъ страшныя наказанія отъ Бога. Указываетъ же Стефанъ на это, имѣя въ виду доказать, что, по нелицепріятному и неизмѣнному правосудію Божію, и его современниковъ можетъ постигнуть такая-же судьба, если они будутъ упорствовать въ невѣріи и непослушаніи.

Убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи закона и глубокое благоговѣніе къ нему Стефанъ высказываетъ самымъ достойнымъ образомъ: онъ во-первыхъ, представляетъ Моисея ходатаемъ между Богомъ и Его народомъ (сн. Гал. 3, 19), ходатаемъ, котораго призвалъ на это Ангелъ Господень (ст. 30) и съ которымъ говорилъ онъ—этотъ Ангелъ и вмѣстѣ Богъ—въ слухъ народа (Исх. 19, 19); за тѣмъ выводитъ отсюда слѣдствіе, что предписанія, данныя Моисеемъ Израилю, суть спасительныя откровенія Божіи. *Сей есть бывый въ церкви* (въ собраніи народа при Синаѣ), *въ пустыни* (слѣдовательно, „когда, еще не было ни храма, ни жертвоприношенія“ [1]) *со Ангеломъ глаголавшимъ ему на горѣ Си-*

---

[1] *Злат.* стр. 302.

найстѣй и со отцы нашими. иже пріятъ словеса жива дати намъ (ст. 38). *Пріятъ словеса жива*: такъ и Моисей говоритъ о томъ. чтó далъ ему Богъ и чтó онъ передалъ народу: *яко не тщетно слово сіе вамъ: зане сія жизнь ваша*—источникъ святыхъ мыслей и расположеній, чувствованій и дѣяній, и всякаго счастія временнаго и вѣчнаго. если только вы послушаете словъ сихъ (Втор. 32, 47. сн. Іоанн. 5. 39. 6, 68).

Но *отцы наши не восхотѣши послушати. но отринуша й* (ст. 39). Израильтяне, при своемъ жестокосердіи, не съумѣли оцѣнить ни этого великаго благодѣянія Божія, ни того человѣка. чрезъ котораго оно было оказано имъ. Пока Моисей. въ теченіе 40 дней. находился на Синаѣ, въ средѣ облака, для полученія божественнаго закона ко благу Израиля. народъ успѣлъ уже забыть все, что сдѣлалъ для него человѣкъ Божій и готовъ былъ сдѣлать. Любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ. столь обычнымъ на идольскихъ празднествахъ Египта, пробудилась въ нихъ съ дикою силою: *обратишася сердцемъ своимъ во Египетъ*. Послушаніе Господу. торжественно заповѣданное Моисеемъ. исчезло изъ ихъ сердца. Невидимое и святое не удовлетворяло ихъ болѣе; и, осуетившись помышленіями своими, они превратили славу нетлѣннаго Бога въ недостойный образъ тельца и съ торжествомъ кричали: *сіи бози твои, Израилю, иже изведоша тя изъ земли египетскія* Устроили высокій жертвенникъ, принесли на немъ жертву идолу и веселились предъ дѣломъ рукъ своихъ: *сѣдоша людіе ясти и пити и восташа играти* (ст. 40. 41. Исх. 32, 4 — 6).

Какая безстыдная неблагодарность къ Господу и Его посланнику! Могла ли она остаться безнаказанною?

Отвратися Богъ (отъ нихъ) *и предаде ихъ служити воемъ небеснымъ* (ст. 42. 43). Іегова отнялъ отъ нихъ свою помощь и благословеніе, *предалъ ихъ* — попустилъ имъ (сн. Рим. 1, 24) ходить въ похотяхъ сердца ихъ; и вотъ они не остановились на служеніи тельцу, но отъ языческихъ народовъ, съ которыми пришли въ соприкосновеніе, заразились почитаніемъ солнца, луны и звѣздъ подъ многоразличными образами животныхъ и человѣка, и погрязли въ страшную мерзость дѣтоубійства и отвратительный развратъ, соединенные съ такимъ идолослуженіемъ. Правда, въ теченіе 40 лѣтъ, проведенныхъ въ пустынѣ, многіе изъ израильтянъ приносили жертвы и совершали празднества въ честь Іеговы (напр. Исх. 24, 4 и 9. Числ. 9, 1), но только по внѣшности, изъ страха наказанія; сердцемъ же своимъ они вообще были привержены къ богамъ чуждымъ — *въ слѣдъ кумировъ отецъ ихъ быша очеса ихъ* (Іезек. 20. 24. 7. 8. Лев. 17, 8. 9. 18, 21. 20, 2—4). По сему-то и *писано есть*, говоритъ Стефанъ, *въ книзѣ пророкъ*, т. е. у одного изъ двѣнадцати такъ-называемыхъ меньшихъ пророковъ, которыхъ богодухновенныя писанія были собраны въ священномъ канонѣ въ одно отдѣленіе (сн. Сирах. 49, 10), именно у пророка Амоса (5, 25—27): *еда заколенія и требы принесосте Ми въ пустыни лѣтъ четыредесять доме Израилевъ? И воспріясте скинію Молохову, и звѣзду бога вашего Ремфана, образы, яже сотвористе покланятися имъ: и преселю вы далѣе Вавилона*. Знакъ богопросвѣщенной мудрости первомученика именно въ томъ, что угрозу наказаніемъ Божіимъ онъ высказываетъ не самъ отъ себя, но устами Пророка. Слушатели ничего не могли возразить на это; а съ другой стороны, не могли отразить и удара, какой пра-

веднымъ судомъ и осужденіемъ отцевъ ихъ нанесенъ былъ ихъ собственному сердцу. Здѣсь оканчиваетъ Стефанъ первую часть своей апологіи: онъ высказалъ все, чтó требовалось для него и для іудеевъ.

Какъ древніе израильтяне много оскорбляли пророка Іеремію за то, что онъ, видя неисправимость ихъ сердца, говорилъ о разрушеніи города и храма, какъ ему кричали (Іерем. 7, 4): *храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень*—составляютъ эти зданія,—не можетъ быть, чтобы ихъ разрушили язычники; такъ было и со Стефаномъ (6, 13). Свое защищеніе онъ ведетъ и теперь, какъ прежде, въ духѣ закона и пророковъ.

Исторія представляетъ неопровержимое свидѣтельство на то, что патріархи не знали никакого неподвижнаго мѣста священнаго, не имѣли какой нибудь, посвященной для богослуженія, палатки, и однако они чистосердечно поклонялись Всевышнему, сотворившему небо и землю; и жертвы ихъ, приносимыя съ вѣрою и любовію, были угодны Богу вездѣ, гдѣ бы ихъ ни приносили ([1]). *Сѣнь*, говоритъ, *свидѣнія бяше отцемъ нашимъ въ пустынѣ* (ст. 44). *Свидѣнія*, т. е. свидѣтельства, объявленія (сн. Евр. 4, 5) воли Божіей (сн. Исх. 29, 42. 43. 25, 22. Числ. 7, 89), такъ какъ и воля Божія, коль скоро она была объявляема, называлась иногда свидѣтельствомъ (Псал. 131, 12. 4 Цар. 11, 12. сн. 1 Кор. 1, 6. 2, 1), чтó въ особенности должно сказать о десятословіи или скрижаляхъ Завѣта ([2]) (Исх.

([1]) Слѣдующее далѣе изъясненіе болѣе справедливо, что намеки на мысль его можно находить, съ св. Златоустомъ, и въ предшествующемъ отдѣленіи рѣчи Стефана; см. напр. *Злат.* на Дѣян стр. 268.

([2]) *Μαρτυρίου σκηνὴ ὡς ἔχουσα τὰς πλάκας τοῦ νόμου. τὸν γὰρ νόμον ἐντολὰς ἔλεγον, καὶ μαρτυρια καὶ δικαιωματα.* Suid.

16, 34. 31, 18). Скинія была, какбы такъ говоритъ Стефанъ, имѣя въ виду свое предъ симъ замѣчаніе о наклонности евреевъ къ символическому богослуженію. обнаружившееся еще въ пустынѣ, — была „для того. чтобы они имѣли Бога свидѣтелемъ. Для этого только она и существовала„ (¹). Здѣсь именно и являлъ Богъ свое присутствіе: *и да сотвориши Ми освященіе и явлюся въ васъ* (Исх. 25, 8). Возвышеніе Стефана надъ іудейскимъ предразсудкомъ, считавшимъ національное святилище безусловно-совершеннымъ. усматривается и въ ближайшемъ, повидимому незначительномъ, замѣчаніи объ образѣ устроенія скиніи: *якоже повелѣ глаголяй Моисеови, сотворити ю по образу, егоже видѣ* (сн. Исх. 25, 40). *Сотворити ю*, т. е. какъ самую скинію и священныя, къ ней относящіяся, вещи (ст. 9. 26. 30) (²). такъ и ея богослуженіе (сн. Евр. 8. 5. 6). Этимъ замѣчаніемъ св. Стефанъ, съ одной стороны, засвидѣтельствовалъ свою вѣру въ божественное происхожденіе скиніи и ветхозавѣтнаго священства, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, давалъ ясно понять своимъ слушателямъ, что, по ученію самаго Моисея, скинія не представляла святилища истиннаго (Евр. 8, 2), а только *противообразъ*—копію съ истиннаго святилища, которой первообразъ на небѣ,—мысль, обстоятельнѣе изъясненная въ посл. къ Евреямъ (гл. 8. 9).

Подъ предводительствомъ преемника Моисеева—Іисуса Навина израильтяне завоевали Ханаанъ, тогда еще принадлежавшій язычникамъ (*во одержаніе языковъ, ихже*

(¹) *Злат.* стр. 307.

(²) Menachot. fol. 29: R. lose filius R. lehuda dixit: arca foederis, mensa et candelabrum ignea descenderunt de coelo, quae Moses vidit, et ad modum eorum confecit.

нырину Богъ отъ лица отецъ нашихъ ст. 45. сн. 2 Цар. 7, 23). Такимъ образомъ святая скинія, принятая отцами нашими отъ предковъ, умершихъ въ пустынѣ, дошла до Палестины (*юже и внесоша пріемше отцы наши*...), и святилище Божіе оставалось здѣсь переноснымъ, подвижнымъ святилищемъ значительное время — *даже до днiй Давида*, пока этотъ мужъ по сердцу Божію не возъимѣлъ желанія устроить Господу неподвижное, славное жилище, сынъ же его такое желаніе и осуществилъ (ст. 46. 47). *Испроси обрѣсти селеніе Богу Іаковлеву*, говоритъ Стефанъ о Давидѣ, видимо выражаясь его собственнымъ, столь-умилительнымъ для слушателей языкомъ (*яко клятся Господеви, обѣщася Богу Іаковлю: аще вниду въ селеніе дому моего, или взыду на одръ постели моея... дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю* Псал. 131, 2–5. сн. 2 Цар. гл. 7). *Соломонъ же созда ему храмъ*—первый и великолѣпный.

Но какъ самъ Соломонъ видѣлъ, что никакой храмъ на землѣ не можетъ вмѣстить славы Владыки вселенной (Цар. 8, 27); такъ думаетъ и Стефанъ (ст. 48—50): *Вышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ*, — и истинность своего убѣжденія подтверждаетъ словами пророка Исаіи (66, 2): *якоже и пророкъ глаголетъ: небо Мнѣ престолъ есть, земля же подножіе ногама моима. Кій храмъ созиждете Ми, глаголетъ Господь; или кое мѣсто покоищу моему; не рука ли моя сотвори сія вся.* На основаніи словъ Пророка, предрекшаго запустѣніе перваго храма, онъ могъ допустить также и возможность разрушенія храма втораго и вмѣстѣ правду Божію въ этомъ разрушеніи—за грѣхи Израиля.

Но вдругъ онъ прервалъ рѣчь (ибо мы не видимъ далѣе ничего похожаго на продолженіе ветхозавѣтной ис-

торіи или на какіе либо изъ нея выводы; и самый тонъ измѣняется). Вѣроятно, именитые слушатели, утомившись продолжительною рѣчью, не лишенною горькихъ для нихъ, хотя и не прямо высказанныхъ, обличеній и ясно понимая, въ особенности, то, къ чему направлялось приведеніе мѣста пророческаго,—съумѣли выказать свое негодованіе какимъ либо образомъ. Истину Духа Божія, они нашли невыносимою, и вразумительное, кроткое слово Господа въ устахъ святаго свидѣтеля обратилось въ пламенный мечъ. Какъ мечъ, оно проникло до глубины сожженной ихъ совѣсти и открыло всю ихъ внутреннюю, сокровенную срамоту окрашенныхъ гробовъ (ст. 51. 52). Оно открыло ихъ жестоковыйность, за которую Богъ упрекалъ уже отцевъ ихъ (Исх. 33, 3) упрямыхъ (сн. Мѳ. 19, 8. Сир. 16, 11), не умѣвшихъ, такъ сказать, склонять свою крѣпкую шею (Второз. 10, 6) подъ иго закона Божія и внимавшихъ не заповѣдямъ, не увѣщаніямъ Божіимъ, а своимъ собственнымъ похотямъ [1]. Открыло ихъ лицемѣріе, носившее на тѣлѣ знакъ обрѣзанія и тѣмъ гордившееся, но нимало не помышлявшее о томъ, что̀ само это—рукотворенное (Еф. 2, 11) обрѣзаніе означало, чего оно требовало, и безъ чего было недѣйствительнымъ (Рим. 2, 25—29). Лицемѣры не помышляли объ обрѣзаніи нерукотворенномъ (Кол. 2, 11), объ обрѣзаніи сердца: объ отсѣченіи дебелости сердца [2].

---

(1) «Когда Богъ не желалъ, чтобы были жертвы, вы приносили жертвы; а когда желалъ, вы не приносили ихъ; когда Онъ не хотѣлъ давать вамъ заповѣдей, вы требовали ихъ, а когда получили, то не радѣли о нихъ. И еще: когда существовалъ храмъ, вы служили идоламъ, а когда Ему угодно, чтобъ вы служили Ему безъ храма, вы дѣлаете противное». *Злат.* стр. 308.

(2) Τὸ περιτέμνεσθαι, ἡδονῶν καὶ παθῶν πάντων ἐκτομὴν, καὶ δόξης ἀνέρεσιν ἀσεβοῦς σημαίνει. *Philo* De migr. Abrah. 1,450.

препятствующей утѣшаться закономъ (Псал. 118, 70), объ очищеніи его отъ всякой скверны плоти и духа, отъ всякой злобы и лукавства, о всецѣлой преданности Богу, о приближеніи къ нему сердцемъ — не устами (Іерем. 4, 4 и у Симмаха; 9, 26. Езек. 44, 7. Второз. 30, 6. Лев. 26, 41) [1]. Не помышляли объ отсѣченіи дебелости слуха, препятствующей слову Божію проникать до раздѣленія души же и духа, или объ оживленіи чувства истины чрезъ благопокорливое слышаніе сего слова: *кому возглаголю, и кому засвидѣтельствую, и услышитъ? Се необрѣзана ушеса ихъ, и слышати не возмогутъ: се слово Господне бысть къ нимъ въ поношеніе и не воспріимутъ того* (Іер. 6, 10). Отъ того они впали въ грѣхи отцевъ своихъ: подобно имъ, они упорствовали противъ Духа Святаго, открывавшагося въ дѣлахъ и словахъ Іисуса Христа и апостоловъ [2]; смотря не видѣли, и слушая не слышали, какъ и отцы ихъ (Ис. 6, 10. Матѳ. 13, 13 — 15). Они хвалились (см. Рим. 2, 23) закономъ, со всею торжественностію даннымъ на Синаѣ, и позорили его своею жизнію: *пріясте законъ устроеніемъ ангельскимъ, и не сохранисте* (ст. 53). *Устроеніемъ ангельскимъ* — при служеніи ангеловъ, т. е. въ слѣдствіе распоряженій этихъ служебныхъ духовъ, въ служеніе посылаемыхъ за хотящихъ наслѣдовати спасеніе, или, въ частности, въ слѣдствіе провозглашенія ими закона [3]; потому что употребленное

---

(1) *Необрѣзанный, необрѣзаніе,* — нечистый, нечистота: Суд. 13, 18. Цар. 17, 26. 36. Ис. 52, 1. Іезек. 28, 10. Еф. 2, 11. см. Лев. 19, 23.

(2) Рѣчь именно объ этомъ, ибо глаголъ въ настоящемъ времени: *противитеся.* См. *Augustin.* Tract. 6 in Ioann.

(3) Εἰς (въ εἰς διαταγάς) значитъ: *чрезъ, въ слѣдствіе, при,* какъ у Мѳ. 12, 41 (*покаяшася проповѣдію Іонинею* — εἰς τὸ κήρυγμα Ἰωνᾶ); существительное во множественномъ числѣ или по разнообразію распоряженій, или по множеству ангеловъ.

Стефаномъ слово употребляется о правительственныхъ распоряженіяхъ или объ обнародованіи ихъ (*διαταγή, διατάσσω*—Римл. 13, 1. 2. 1 Кор. 7, 17. 9, 14. 11, 34. 16, 1. Мѳ. 11, 1. Лук. 3, 13. 8, 55. 17, 9. 10. Дѣян. 7, 44. 18, 2. 20, 13. 23, 31. 24, 23. Тит. 1, 5. Евр. 11, 23. Суд. 5, 9. Псал. 118, 8). Впрочемъ, выраженіе сіе должно понимать богоприлично, и между ангелами отличать, согласно съ Апостоломъ (Евр. 12, 26) и съ самимъ Стефаномъ (ст. 38. 30), Ангела Іеговы, Ангела великаго совѣта (1), хотя нужно сознаться, что уяснить это различеніе для человѣка не возможно (2). Имя *ангеловъ* въ исторіи синайскаго законодательства у Моисея не встрѣчается (Исх. гл. 19). Св. Стефанъ, находя особенное побужденіе упомянуть о нихъ (именно въ томъ, чтобы показать ложное отношеніе іудеевъ ко всѣмъ безъ исключенія лицамъ, такъ или иначе участвовавшимъ въ синайскомъ законодательствѣ) (3), слѣдовалъ здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, древнему іудейскому преданію. Одна мысль преданія— о присутствіи ангеловъ при синайскомъ законодательствѣ примѣчается во Втор. 33, 2 (по перев. LXX): *Господь отъ Синаи пріиде..., одесную Его ангели съ Нимъ*;

(1) «Нѣкоторые утверждаютъ, что, по словамъ его, законъ былъ составленъ ангелами, но это несправедливо; потому что, когда же ангелы являлись составляющими законъ? Но онъ называетъ его *устроеннымъ*, т. е. врученнымъ Моисею Ангеломъ, явившимся ему въ купинѣ.» *Злат.* на Дѣян. стр. 309.

(2) «Соединеніе являющагося Бога съ Ангеломъ, орудіемъ явленія, бываетъ иногда столь глубоко, что одно и тоже дѣйствіе откровенія безъ различія приписывается и тому и другому (Исх. 20, 1. Дѣян. 7, 38. 53. Гал. 3, 19. Евр. 2, 2) и что видящій оное не можетъ отдѣлить дѣйствующей причины отъ орудія, какъ то случилось съ Іоанномъ Апок. 22, 6—9. Записк. на кн. Быт. 2, 88.

(3) «Здѣсь онъ представляетъ ихъ не покорными и Богу и ангеламъ и пророкамъ и Духу и всѣмъ»... *Злат.* на Дѣян. стр. 309.

также у Псалмопѣвца (67, 18): *колесницы Божія тмами темъ, тысяща гобзующихъ: Господь въ нихъ въ Синаи во святѣмъ*. Другая, болѣе опредѣленная, о служеніи ангеловъ при этомъ законодательствѣ, и именно о провозглашеніи закона (не непосредственномъ отъ самаго Бога, а посредственномъ — устами ангеловъ) высказывается у евреевъ временъ Спасителя (¹) и у всѣхъ раввиновъ (въ Таргумѣ, въ Талмудѣ, въ Мидрашѣ, Пийютѣ) (²) и, очевидно, есть выраженіе самаго древняго и непререкаемаго вѣрованія, потому что, кромѣ настоящаго мѣста Дѣяній, эта мысль засвидѣтельствована, хотя также кратко, и другими священными и богодухновенными книгами новаго Завѣта. Такъ въ посланіи къ Галатамъ (3, 19) говорится о законѣ: *вчиненъ ангелы* (*διαταγεὶς δι᾽ ἀγγέλων*) *рукою ходатая*, — данъ при служеніи ангеловъ, переданъ чрезъ Моисея (³). Еще опредѣленнѣе въ посланіи къ Евреямъ: *глаголанное Ангелы слово* (*ὁ δι᾽ ἀγγέλων λαληθεὶς λόγος* Евр. 2, 2), т. е. не трубный звукъ, отъ котораго оно отличается (*гласъ глаголовъ* 12, 19. Втор. 4, 12), но *слово твердое*, или не нарушимый законъ Моисеевъ (10, 28). На основаніи всѣхъ этихъ показаній можно уже и въ самомъ повѣствованіи Моисея о законодательствѣ находить намекъ на то, что

(¹) «Лучшему, что есть въ нашемъ законѣ, мы научены Богомъ чрезъ ангеловъ — *ἡμῶν τὰ κάλλιστα τῶν δογμάτων καὶ τὰ ὁσιώτατα τῶν ἐν τοῖς νόμοις δι᾽ ἀγγέλων παρὰ τοῦ Θεοῦ μαθόντων*. *Ioseph* Antiqu. 15.

(²) Говорится напр.. «только эти слова—*Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене* — мы получили непосредственно изъ устъ Всемогущаго. Все прочее—рукою Ангела.»

Или еще: «Ivit Moses ad Angelos ministerii, quia eos moverat a tempore datae legis». Echa Rabbini. praef. f. 40.

(³) *Θеодор*. на это м. *Ἐτέθη δὲ ἀγγέλων ὑπουργούντων, καὶ τῇ τούτου θέσει Μωυσέως διακονοῦντος*.

оно совершилось не безъ устроенія ангеловъ ([1]), хотя прямо говорить объ этомъ своему народу онъ не находилъ нужнымъ или, можетъ быть, считалъ не безопаснымъ.

Обличительная, полная истины и силы рѣчь Стефана была подобна рѣчи Спасителя (Мѳ. гл. 23). Ученикъ говорилъ совершенно въ духѣ Учителя. Удивительно ли, что злобные лицемѣры, сраженные въ душѣ, караемые совѣстію, снѣдаемые гордостію и эгоизмомъ, и не находя ни единыя вины въ обвиненномъ ([2]), забыли о своемъ достоинствѣ начальниковъ Израиля и, въ самомъ низкомъ проявленіи досады, скрежетали зубами? *Распыхахуся сердцы своими и скрежетаху зубы нань* (ст. 54).

И можно ли было ожидать чего либо лучшаго? Это былъ судъ Каіафы,—судъ, вторично допущенный Богомъ, какъ новое свидѣтельство того, что на такихъ судахъ не спасетъ никакая апологія.

Подвигъ исповѣдника кончался, наступалъ подвигъ мученика и первомученика.

Стефанъ перестаЛъ говорить и, въ высшей степени, какбы для новаго подвига — подвига до крови (Евр. 12, 4), исполнившись Духа Господня, возвысившись надъ всѣмъ земнымъ, отъ зрѣлища — уже не скрывавшихъ своего негодованія судей—обратилъ взоръ свой на небо (ст. 55), гдѣ былъ Спаситель — его надежда, Начальникъ и Совершитель Вѣры, на котораго взира-

---

([1]) «Что же мы скажемъ? То, что тогда присутствовали ангелы, которымъ ввѣренъ былъ народъ (еврейскій), которые и производили трубные звуки, огонь, мракъ, и прочее» *Злат.* на посл. къ Евр. стр. 55.

([2]) *Злат.* на Дѣян. стр. 318: «не нашедъ въ словахъ (Стефана) причины къ убіенію его, еще бѣснуются и ищутъ этой причины».

ютъ всѣ текущіе на предлежащій подвигъ (Евр. 12, 1. 2). Подвижнику Вѣры настало время приступить съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да пріиметъ милость и благодать обрящетъ во благовременну помощь (4, 16). Тогда отверзлись—предъ нимъ небеса и тотъ, чье лице являлось собравшемуся сонмищу, какъ лице ангела, самъ увидѣлъ теперь зрѣлище, подобное тому, какое непрестанно видятъ ангелы (Мѳ. 18, 10): увидѣлъ славу Божію и Іисуса, стоящаго одесную Бога. Въ другихъ мѣстахъ слова Божія, гдѣ говорится о прославленномъ состояніи Спасителя, Онъ называется не стоящимъ одесную Отца, но сѣдящимъ (Еф. 1, 20. Колос. 3, 1. Евр. 1, 3. 8, 1. 10, 12. 12, 2). Только здѣсь (и ст. 36) иначе. Господь какъ бы возсталъ отъ высокаго жилища своего, въ готовности помочь свидѣтелю своему (1), укрѣпить его въ подвигѣ за Вѣру, подобно какъ ангелъ въ Геѳсиманіи укрѣплялъ удрученнаго смертельною скорбію Сына человѣческаго (Лук. 22, 43). Сидѣть, говоритъ одинъ отецъ Церкви, свойственно судіи, а стоять—помощнику и ратоборцу. Такимъ и видитъ его Стефанъ (2).

Преисполненный неземной радости, восхищенный видѣніемъ Того, въ Кого вѣровалъ, святый мужъ не могъ не сказать того, чтò видѣлъ (сн. Дѣян. 4, 20) (3), и, въ слухъ всѣхъ враговъ своихъ, исповѣдалъ божественное величіе Мессіи:

---

(1) Ἵνα δείξῃ τὴν ἀντίληψιν τὴν εἰς τὸν μάρτυρα, какъ говоритъ *Златоустъ* (въ Catena'хъ у Крамера), при чемъ въ объясненіе приводитъ текстъ (Псал. 11. 6): *нынѣ воскресну*—ἀναστήσομαι—*глаголетъ Господь, положуся во спасеніе...*

(2) *Св. Григорій Двоесловъ*, Homil. 29 in Fest. Adcens. Подобно выражаются св. *Амвр. Медіол.* Epist. 82; *Экум.* in Acta Ap.

(3) *Augustin.* Serm. 94 de diversis.

И рече: се вижу небеса отверста, и Сына человѣча одесную стояща Бога (ст. 66). Чувственными моими очами ([1]) вижу предреченнаго Даніиломъ — дошедшаго до Ветхаго деньми—Сына человѣческаго; вижу данную Ему власть надъ всѣми народами, которая не прейдетъ, и царство Его, которое не разсыплется; вижу—за пріятіе смерти славою и честію вѣнчанна — того самаго Іисуса, *Егоже вы нынѣ предатели и убійцы бысте* (Дан. 6. 13. 14. Евр. 2, 6—9 Дѣян. 7, 52) ([2]).

Этого было уже слишкомъ-много для іудеевъ. Исповѣданіе Стефана, произнесенное предъ бѣснующимися судьями, можетъ-быть еще и ради ихъ самихъ, подобно, какъ бы гласъ съ небесе (*народа ради* Іоанн. 12, 29. 30), внушавшій вѣровать во свѣтъ, пока имѣли свѣтъ (12, 36), или какъ послѣдній призывъ къ покаянію, къ оставленію неровной борьбы съ Богомъ (сн. Дѣян.

([1]) *Augustin*, Ep. 222. *Кириллъ іерусал*. Огласит. поуч. 17, стр. 392 по русск. перев. 1822 Спб.: «...увидѣлъ не собственною силою, но, какъ говоритъ божественное Писаніе, *сый исполнь Духа Свята*»...

([2]) Имя *Сына человѣческаго* въ св. Писаніи употребляется не къ уничиженію Спасителя (противное видимъ у Ев. Іоанн. 5, 27 и у самаго Стефана, который ниже ст. 59 называетъ Его *Господомъ*). Оно было употребляемо для обозначенія человѣческой природы Іисуса Христа и въ соотвѣтствіе пророчеству Даніила (*Өеодор*. на Дан. гл. 7; сн. Апок. 14, 14. 1, 13. Мө. 26, 64. 24, 30), которое у евреевъ постоянно было понимаемо о Мессіи (*Ярхи* на Дан. гл. 7; Талмуд. Сангедр., и др.), почему наименованіе это и было употребляемо, безъ изъясненія, особенно Іисусомъ Христомъ, какъ уже значительно-извѣстное, по крайней мѣрѣ, священникамъ и книжникамъ (сн. Лук. 22, 67—70). Для Стефана, въ его обращеніи къ невѣрнымъ іудеямъ, это наименованіе представляло особенную важность. Вмѣсто: *Сына Божія*, сказалъ: *Сына человѣческаго*,—по замѣчанію Августина (Serm. 4 de sanctis), — ut ad confutandum Iudaeorum incredulitatem, ille Martyri estonderetur in coelo, qui a perfidis negabatur in mundo; et illi testimonium coelestis veritas daret, cui fidem terrena impietas derogaret.

6, 39. 9, 5) (¹),—это исповѣданіе сопровождалось тѣмъже, чѣмъ исповѣданіе, произнесенное Спасителемъ (Мѳ. 26, 64. 65). Только здѣсь не ожидали, пока еще первосвященникъ *растерзаетъ ризы своя*,—рѣшеніе его, и безъ этого знаменія, можно было предвидѣть безъ ошибки; и вотъ присутствующіе громкимъ голосомъ закричавъ, про Стефана, т. е. что онъ хулитъ Бога или достоинъ смерти, какъ богохульникъ, затыкали уши свои, чтобы не слышать такого богохульства (ст. 57), хотѣли показать, что они люди святые, у которыхъ волосы становятся дыбомъ при одномъ словѣ неправды (Сирах. 27, 14. Ис. 33, 15), а на самомъ дѣлѣ обнаруживали въ себѣ злобу и тактику аспида затыкающаго уши свои, чтобы не слышать словъ обаятеля, искуснаго въ заклинаніяхъ (Пс. 57, 5. 6) (²).

Кричавшіе единодушно устремились на Стефана и повлекли его за городъ на побіеніе камнями (ст. 58), какъ богохульника (³) (Іоанн. 10, 33). Куда именно направили они стопы свои, скорые на пролитіе крови,—къ тому ли каменистому мѣсту іосафатовой долины, гдѣ гора елеонская обращается къ Геѳсиманіи и Силоаму, или къ открытому мѣсту, на сѣверъ, гдѣ лежитъ дорога въ Самарію и Дамаскъ,—это съ точностію неизвѣстно. Ибо о мѣстѣ кончины первомученика существуютъ

(¹) *Злат.* послѣ словъ, приведенныхъ выше (изъ Caten'ъ Крамера) продолжаетъ: *ἵνα οὖν πολλὴν τῷ ἀθλητῇ τὴν προθυμίαν παράσχῃ καὶ πείσῃ τοὺς μαινομένους ἐκδίκως καθυφεῖναι τῆς κατ᾽ αὐτοῦ λύττης, τὸ τε βοηθοῦντος ἐπιδείκνυται σχῆμα.* Подобно въ бес. па Дѣяп стр. 319. 320: «сказалъ это, съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ», и т. д. См. также *Августина* De diversis. Serm. 98.

(²) *Bochart.* Hierozoïc. P. 2. L. 3. 1. 6. Болѣе у *Calmet* Proleg. et Dissertat. in S. Scriptur. 1729 1, 376 squ.

(³) Aures clauserunt, et ad lapides cucurrerunt *August.* Serm. 1 de sanctis.

два преданія. По одному—древнѣйшему — она послѣдовала на сѣверъ отъ Іерусалима у Дамасскихъ воротъ; по другому, которое разсказываютъ новѣйшіе путешественники (¹), это было на пути, ведущемъ, чрезъ такъ-называемыя нынѣ ворота св. Стефана, къ небольшой крутизнѣ по близости кедрскаго потока и противъ Геѳсиманіи (²). Но что нужды до точности? Сущность показанія, сдѣланнаго священнымъ дѣеписателемъ, ничего не теряетъ въ своемъ назиданіи, напротивъ еще нѣчто пріобрѣтаетъ, хотя любознательность, можетъ быть, желала бы подробностей. Законники вывели его, говоритъ, *внѣ града*. Законники, конечно, соблюли законъ (Лев. 24, 14. 3 Цар. 21, 10. 13); но дѣлать такое замѣчаніе — ради іудеевъ было неинтересно, ради язычниковъ—еще менѣе. Кто понимаетъ, какъ глубоко лежала въ дѣеписателѣ, непрестанномъ спутникѣ апостола Павла, наклонность раскрывать христіанство преимущественно въ томъ, такъ сказать, духѣ его, который составляетъ отличительную особенность писаній апостола языковъ и который выразился, между прочимъ, въ посланіи къ Евреямъ,—тотъ не можетъ оставлять приведенное выраженіе внѣ надлежащей связи съ подобнымъ выраженіемъ этого посланія: *Іисусъ... внѣ вратъ пострадати изволи. Тѣмже убо да исходимъ къ Нему внѣ стана, поношеніе Его носяще* (Евр. 13, 12. 13). И такъ, и по мѣсту своему кончина Стефана упо-

(¹) Напр. Путешеств. ко св. мѣстамъ въ 1830 г. С.П.Б. 1, 237. изд. 1833. Тоже въ Четьи Мин. 27 дек., гдѣ прибавляется также, что, при кончинѣ Стефана, стояше отдалече на нѣкоемъ камени, зря съ горы Пречистая Дѣва со святымъ Іоанномъ Богословомъ...

(²) См. *Robinson* Neue Untersush. ub. d. Topogr. Ierusal. 1847. Halle. *Raumer* Palästina 1850. Leipz. S. 255. 275.

доблялась кончинѣ Спасителя ([1]), какъ уподоблялась она и по предсмертнымъ молитвамъ. Явившійся въ отверстыхъ небесахъ, нѣкогда поруганный до крестной смерти, а теперь стоящій одесную престола Божія, Сынъ человѣческій далъ взиравшему на Него съ упованіемъ подвижнику Вѣры какбы осязательное знаменіе того, что онъ истинно идетъ по стопамъ божественнаго Подвигоположника и Совершителя Вѣры, и только *потребу* имѣетъ *терпѣнія, да волю Божію* исполнивъ, *пріиметъ обѣтованіе* (10, 35 и д. 12, 2. 3) ([2]). Сидѣвшіе на Моvсеевомъ сѣдалищѣ и всѣ единомысленные съ ними изгоняли Стефана отъ своихъ сонмищъ, не понимая, что чрезъ это онъ и тѣломъ оказывался тамъ, гдѣ давно уже и постоянно былъ духомъ — *за вратами*, *внѣ стана* (внѣ винограднику Мѳ. 21, 39), куда они изгнали самаго Мессію, гдѣ сами они — опять не понимая того — послужили совершенію единой и единственной очистительной жертвы, согласно съ ветхозавѣтнымъ предуказаніемъ (Евр. 13, 11. 12. 9, 12. Лев. 16, 27), и гдѣ—истинное мѣсто всякаго послѣдователя Христова. *Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его, и рабъ яко Господь его. Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Мѳ. 10, 25. Іоанн. 15, 20). Принадлежать къ обществу лицъ, изгнавшихъ изъ своего общества Мессію, значило не взирать на Него, не итти *къ Нему*, не итти туда, куда шелъ Онъ,—отречься отъ Него (Мѳ. 10, 33. 38); быть изгнаннымъ отъ нихъ, оставить *станъ* ихъ,

---

([1]) Это сближеніе дѣлаетъ уже св. *Златоустъ*, хотя безъ подробностей: «понять смерть внѣ города, какъ (было) со Христомъ» на Дѣян. стр. 32?. Тоже въ Четьи-Мин. 27 дек.

([2]) Сн. *Злат.* на Евр. стр. 332.

всю жизнь по уставамъ, по духу этого стана [1], значило нести отъ него *поруганіе*, но поруганіе такое, которое несъ самъ Мессія,—*поруганіе Христово*, за которымъ слѣдуетъ блаженное мздовоздаяніе (Евр. 12, 2. 3. 11, 26). Это *язвы*, *мертвость Господа Іисуса* — залогъ того, что *и животъ Іисусовъ въ тѣлѣ нашемъ явится. Аще бо съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ*; *аще терпимъ*, *съ Нимъ и воцаримся* (Гал. 6, 17. 2 Кор. 4, 10. 2 Тим. 2, 11. 12).

Да стремится же и каждый подвижникъ Вѣры — *къ Нему*, за станъ, въ которомъ осудили Спасителя [2],—туда, гдѣ распяли Его. Чѣмъ ближе къ Голгоѳѣ, тѣмъ явственнѣе образъ распятаго на ней; и чѣмъ живѣе видѣніе этого образа, тѣмъ ближе вѣнецъ и тверже подвигъ (Евр. 12, 1—3). *Понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ*, *радуйтеся*, *да и въ явленіе славы Его*, *возрадуетеся веселящеся* (1 Петр. 4, 13).

По закону Моѵсееву, на приговореннаго къ смерти должны были бросить камень прежде всѣхъ свидѣтели (Второз. 17, 7). Премудрый законодатель дѣйствовалъ на совѣсть, предполагая, что едва ли найдется человѣкъ, который рѣшился бы казнить того, кого по совѣсти признаетъ невиннымъ; и видно, что синедріонъ умѣлъ выбирать людей для своихъ цѣлей, когда замѣчается, что такіе люди нашлись для обвиненія и побіенія Стефана. Чтобы дѣло свое сдѣлать безпрепятственнѣе [3], свидѣтели сняли свои верхнія одежды и поло-

---

[1] «*Внѣ стана*, т. е. изъ жизни по закону—*ἔξω τῆς κατὰ νόμον γενόμενης πολιτείας*, нося поруганіе за того, кто сохранилъ (законъ)». *Ѳеодор*. на это м.

[2] «Внѣ міра» *Злат*. на э. м. стр. 514.

[3] *Ѳеофилактъ*.

жили ихъ у ногъ одного юноши, именемъ Савла, который и хранилъ ихъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, что онъ вполнѣ одобряетъ убійство и самъ, вмѣстѣ съ свидѣтелями, совершаетъ его: *и изведше внѣ града, каменіемъ побиваху его. И свидѣтеліе, снемше ризы своя положиша, при ногу юноши, нарицаемаго Савла* (сн. 8, 1. 22, 20) [1].

И каменіемъ побиваху Стефана молящася и глаголюща... (ст. 59).

Поразительно для непривычнаго взгляда, но умилительно для вѣрующаго сердца видѣть состояніе души Стефана при совершеніи подвига до крови, и въ особенности открывшуюся здѣсь противоположность между пламеннымъ негодованіемъ, съ какимъ онъ только-что говорилъ противъ грѣха судей своихъ, и все-прощающею любовію, какую показалъ, когда судьи обратились въ палачей.

Его молитва обращена къ тому-же лицу Пресвятой Троицы, которое онъ видѣлъ въ отверстыхъ небесахъ, — къ Іисусу распятому и превознесенному, который спасти до конца можетъ приходящихъ чрезъ Него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о насъ

---

(1) *Злат.* Бес. 22 на 1 Кор. стр. 405... «онъ дѣйствовалъ тогда всею душею и жалѣлъ, что не имѣлъ тысячи рукъ, дабы всѣми ими поразить Стефана; впрочемъ, и безъ того нашелъ способъ поразить его многочисленными руками, — руками лжесвидѣтелей, которыхъ стерегъ одежды». *Августинъ:* Serm. 316. t. 5 col. 1269 ed. 1683. Serm. 315 ibid. c. 1266. Serm. 279 de Paulo apost. ib. col. 1129. *Григорій Двоесловъ* (Бес. на Еванг. по русск. перев. 1, 196): «извѣстно, что, когда Стефанъ умиралъ за вѣру, Савлъ стерегъ одежду побивающихъ его камнями. Слѣдовательно, руками побивающихъ камнями металъ камни самъ тотъ, кто выставлялъ на позорище всѣхъ, опытныхъ въ метаніи камней; и не смотря на то, онъ трудами въ св. Церкви опередилъ того самаго, котораго преслѣдованіемъ содѣлалъ мученикомъ».

(Евр. 7, 25) (1). И молится Стефанъ во первыхъ за себя, притомъ почти тѣми-же словами, какія произнесъ Спаситель со креста (Лук. 23, 26) и какія св. первомученикъ, можетъ быть, самъ слышалъ изъ святѣйшихъ устъ его: *Господи Іисусе, пріими духъ мой*. Наименованіе Іисуса Христа *Господомъ* выражаетъ вѣру въ Него, какъ истиннаго Бога, такъ какъ и въ первоначальномъ мѣстѣ (Псал. 30), на которое намекается словами Спасителя (*Отче! въ руцѣ твои предаю духъ мой*), равно и настоящими словами Стефана, молитва обращена къ истинному Богу (Іеговѣ); выражаетъ вѣру твердую и непоколебимую, ибо изрекается въ минуты несомнѣнной смерти не только предъ ревнителями закона, которыхъ не было нужды раздражать, но и богомудрымъ ревнителемъ закона,—того закона, который, какъ извѣстно, строго осуждалъ всякое усвоеніе божественнаго достоинства тому, что́ не Богъ. Это почитаніе Сына, *предъ* всѣми *человѣки* (Мѳ. 10, 32) явленное Стефаномъ, есть вмѣстѣ истинное почитаніе Отца, по сказанному: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца; иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца пославшаго Его. Никто же пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. 5, 25 и 14, 6. сн. 10, 29). *Господи Іисусе, пріими духъ мой*. Слышу злорѣчія многихъ, отвсюду ужасъ... умышляютъ исторгнуть душу мою (Псал. 30, 14): *пріими* ее—сохрани *въ руцѣ* твоей, могуществомъ твоимъ (2): *пріими въ вѣчные кровы*, о нихже реклъ еси: *въ дому От-*

---

(1) «Tu dixisti Patri, ego tibi. Mediatorem agnosco» *Augustin*. Serm. 316 c. 1269.

(2) «*Руками* здѣсь означилъ онъ помощь» *Ѳеодор*. на Псал. 30. 6. «Этимъ онъ показываетъ и научаетъ ихъ, что онъ не погибаетъ» *Злат*. на это м. Дѣяній стр. 320.

ца Моего обители многи суть (Лук. 16, 9. Іоан. 14, 2); *пріими, яко всеплодіе жертвенное* въ пренебесный свой жертвенникъ, ибо *азъ уже жренъ бываю* (Прем. Солом. 3, 6. 2 Тим. 4, 6) (1). *Яко Ты еси защититель мой. Въ руцѣ твои предложу духъ мой: избавилъ мя еси, Господи Боже истины* (Псал. 30, 5. 6).

Видимъ, что это молитва смиренія, но и вмѣстѣ молитва дерзновенія, о которомъ сказано: *не отлагайте дерзновенія вашего, еже иматъ мздовоздаяніе велико* (Евр. 10, 35). Сіе дерзновеніе возможно только для имущихъ таинство вѣры въ чистой совѣсти и сія молитва—для подвизавшихся подвигомъ добрымъ: *тѣмже страждущіи по волѣ Божіей, яко вѣрну зиждителю, да предадятъ души своя во благотвореніи* (2 Петр. 4, 19).

Послѣ молитвы о себѣ, Стефанъ, преклонивъ колѣна, въ этомъ положеніи, выражающемъ совершенную покорность души и напряженность молитвы (см. Марк. 15, 19. Лук. 22, 41. Дѣян. 9, 40. 20, 36. 21, 5) (2), употребилъ нѣсколько остававшихся ему минутъ жизни на молитву за враговъ, опять также по подобію молитвы со креста:

Преклонь же колѣна (ст. 60)... При первой молитвѣ, онъ стоялъ—знакъ непоколебимой вѣры взиравшаго на Начальника и Совершителя вѣры (3): „видѣлъ Іисуса стояща, посему и самъ стоялъ, не падалъ. Стоявшій горѣ, взирая на борьбу ратника своего, далъ ему силы, да не падетъ (4).“ При послѣдней молитвѣ, онъ пре-

---

(1) *Августин.* Serm. 315 de Steph l. c. col. 1265 св. *Злат.* на 2 Тим. стр. 126. 131; *Феодор.* на 2 Тим. 4, 6.

(2) «Молится... не просто, но со тщаніемъ» *Злат.* на Дѣян. стр. 322.

(3) *Амврос.* in Psalm. 61.

(4) *Август.* l. c. col. 1260.

клонилъ колѣна—знакъ глубочайшаго смиренія и урокъ для всѣхъ грѣшниковъ, которые желали-бы молитвы праведнаго: „хотя и праведникъ, хотя и приблизившійся къ вѣнцу, онъ однако не возмечталъ о себѣ, но преклонилъ колѣна,—смотрѣлъ не на то, чего былъ достоинъ получить въ молитвѣ, а на то, чего заслуживали эти люди, отъ которыхъ, хотѣлъ, чтобы удалено было страшное наказаніе. Велико смиреніе Стефана; — это значитъ: велика виновность (еврейскаго) народа" (1).

Возопи гласомъ веліимъ. Велій гласъ Стефана — всего подъ каменнымъ дождемъ обагрявшагося кровію, и уже тѣломъ изнемогавшаго, и *отъ союзовъ естественныхъ разрѣшавшагося*, (2)—*велій гласъ* угодника Божія назнаменовалъ въ немъ жертву, но жертву живую (Рим. 12), назнаменовалъ все его благодушіе среди страданій (сн. Евр. 12, 2. 3), его радость, какою и апостолы радовались, сподобившись за имя Господа Іисуса безчестіе пріяти (Дѣян. 5, 41), словомъ—силу Божію, въ немощи совершающуюся (2 Кор. 12, 9).

Не постави имъ грѣха сего,—или: *отпусти имъ* (Лук. 23, 34), да не соберутъ себѣ, по жестокости и нераскаянному сердцу, гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія (Рим. 2, 5). *Блаженъ мужъ, ему же не вмѣнитъ Господь грѣха* (Псал. 31, 2).

И сія рекъ успе. Не прежде сподобился христіанскія кончины живота, непостыдной и мирной, въ надеждѣ блаженнаго воскресенія, какъ со всею искренностію и тщаніемъ помолившись за враговъ, за которыхъ и въ молитвѣ Господней наученъ былъ молиться: *и остави*

(1) *Augustin.* l. c. col. 1266. 1269. 1270. 1274. 1276.

(2) Четьи-мин, 27 дек.

намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ (1).

„О блаженное успеніе и истинный покой, восклицаетъ бл. Августинъ! Вотъ гдѣ (истинное) успокоеніе—въ молитвѣ за враговъ (2).“

Кончина Стефана представляетъ одно изъ самыхъ-свѣтлыхъ явленій въ исторіи первенствующей Церкви. Гдѣ, въ какихъ лѣтописяхъ, найдемъ столь-совершенное изображеніе чистоты, святости и блаженства умирающихъ, какое изображаютъ послѣдніе стихи седьмой главы Дѣяній Апостольскихъ? И этотъ свѣтъ, озаряющій зрѣлище послѣднихъ минутъ мученика, становится еще сильнѣе отъ своей противоположности съ нѣкоторыми мрачными явленіями, какія ему предшествовали. Изъ апостоловъ—первый, кто умеръ, былъ предатель. Изъ апостольскихъ учениковъ—первые, чья смерть разсказана намъ, были лжецы и лицемѣры. Царство Сына человѣческаго, съ первыхъ же дней своего существованія, открылось въ борьбѣ съ княземъ тьмы и силами ада. Съ мученичествомъ Стефана небесный свѣтъ возсіяваетъ снова. Откровеніе такого высокаго характера въ минуту смерти было однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ божественности Вѣры, однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ побужденій къ ея исповѣданію, и какбы несомнѣннымъ пророчествомъ о ея будущей, окончательной побѣдѣ.

Для насъ, достигшихъ послѣднихъ временъ (1 Кор. 10, 11), когда, чрезъ длинный рядъ прошедшихъ и давно прошедшихъ, прославившихъ Евангеліе, подвиговъ мученичества, можно постепенно дойти и до того, который былъ ихъ началомъ и примѣромъ, — эти мысли

---

(1) «Diaconus erat, Evangelia legebat» *August*. l. c. col. 1483.

(2) L. c. col. 276. 1271.

слишкомъ-просты и обыкновенны. Едвали такими были онѣ и для друзей почившаго святаго. Хотя Іисусъ Христосъ и воскресъ изъ мертвыхъ, но едвали всѣ ученики Его способны были представить себѣ полное торжество креста надъ смертію. Даже, спустя нѣсколько лѣтъ позднѣе, апостолъ Павелъ писалъ солунскимъ христіанамъ, что не слѣдуетъ имъ скорбѣть объ умершихъ, какъ скорбятъ не имѣющіе упованія. А теперь, въ самомъ началѣ христіанства, горесть христіанъ должна была въ самомъ дѣлѣ быть истинно-великою, когда они видѣли тѣло одного изъ своихъ братій и ревнителей вѣры лежащимъ у ногъ Савла, дышавшаго угрозами и убійствомъ на учениковъ Господнихъ (9, 1). Что кровь мучениковъ есть сѣмя христіанства, этой истины тогда еще не знали, хотя, не зная, ей служили (8, 1).

Впрочемъ, попустившій пролить *кровь* неповиннаго, какъ *воду окрестъ Іерусалима* (Псал. 78, 3) — *внѣ града*, не попустилъ въ конецъ поругаться надъ прахомъ преподобнаго ужаснѣйшимъ поруганіемъ—*погребеніемъ ослимъ* (Іерем. 22, 19. Езек. 6, 3). Ибо *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его*.

Среди печали однихъ и ярости другихъ нашлись и друзья у Стефана, неубоявшіеся изступленныхъ враговъ его. Священный Дѣеписатель не называетъ ихъ ни братіями, ни учениками, ни подобными сему именами, означающими христіанъ; а говоритъ: *мужіе благоговѣйніи*,—выраженіе, которое у него употребляется объ іудеяхъ и отчасти о прозелитахъ (Дѣян. 2, 5. сн. 10, 2. 13, 16. 26. 43. 50). И такъ это были благочестивые евреи или (что вѣроятнѣе) [1] еллинисты, достойные

[1] Обыкновенно хоронили родственники умершаго (Быт. 25, 9. 35, 29. Суд. 16, 31), друзья, ученики (3 Цар. 13, 30. Марк. 6, 29),

подражатели Товита и Товiи и другихъ набожныхъ предковъ (Тов. 1, 18 и д. 2, 3 и дал. 12, 12. 2 Цар. 2, 5), признававшiе невинность Стефана и считавшiе своею священною обязанностiю, презрѣвъ страхъ людской, оказать послѣднiй долгъ невинному, въ чувствѣ страха Господня. Они не могли потерпѣть, чтобы *тѣло его мертвое повержено* было *на знои дневнѣмъ и на мразѣ нощнѣмъ* (Iер. 36, 30), чтобы исполнилась обычная при подобныхъ случаяхъ воля враговъ ([1]), какъ изобразилъ ее Псалмопѣвецъ: *положиша трупiя рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ* (Псал. 78, 2). Еще не привлечены были эти люди въ послушанiе Вѣры; но, кажется, уже не далеки были отъ Евангелiя и принадлежали къ чаявшимъ *царствiя Божiя*. Эти *благоговѣйные мужи* воздали Стефану всѣ печальныя почести iудейскаго погребенiя: обмыли тѣло его, обвили его пеленами, можетъ быть, *со ароматы, якоже обычай есть iудеомъ погребати* (Iоан. 19, 20), и положили во гробѣ ([2]). За тѣмъ, въ знакъ своего высокаго уваженiя и любви къ нему ([3]), сдѣлали *плачь велiй надъ нимъ*—сильный плачь и рыданiе ([4]), въ теченiе, можетъ быть, семи дней, обыкновенный срокъ плача по умершихъ (Сирах. 22, 11. Цар. 31, 13). Такъ нѣкогда Iосифъ плакалъ надъ прахомъ отца своего (Быт. 50, 10).

„И кто не заплакалъ бы, говоритъ св. Златоустъ ([5]),

([1]) См. Четьи-Мин. 27 декаб. въ концѣ. А если этого не было, то оказывали честь нисколько не лучшую: хоронили на одномъ изъ двухъ кладбищъ назначенныхъ для казненныхъ преступниковъ *Ligtf*. Hor. hebr.

([2]) Всѣ эти понятiя совмѣщаются въ словѣ συνεκόμισαν 8, 2.

([3]) *Злат*. на Дѣян. стр. 321.

([5]) Съ ударенiемъ себя въ грудь—κοπετος.

([4]) Тамъ же стр. 322.

видя этого кроткаго агнца, побитаго камнями и лежавшаго мертвымъ? Достойную его надгробную надпись оставилъ Евангелистъ, сказавъ: *и преклонь колѣна, возопи гласомъ веліимъ*"...

Видно, что златословесный истолкователь Дѣяній особенно чтилъ въ Стефанѣ его любовь ко врагамъ, за которыхъ онъ молился. Эту черту особенно выставляли въ примѣръ для подражанія и другіе учители Церкви, каковъ напр. бл. Августинъ ([1]). Но какъ эта любовь, такъ и другія добродѣтели первомученика, а равно и его мудрое разумѣніе закона и Евангелія, и сила убѣжденія и все, что открывается въ немъ истиннаго, добраго, праведнаго, прелюбезнаго и достохвальнаго,—все это проистекло отъ вѣры пламенной, непоколебимой и разумной, безъ которой невозможно угодить Богу, такъ какъ безъ нея все, что бы мы ни мыслили, что бы ни чувствовали и ни дѣлали, есть грѣхъ (Рим. 14, 23). Эту-то вѣру—душу добраго подвига, залогъ непостыднаго теченія (2 Тим. 4, 6) — внушалъ палестинскимъ евреямъ писатель посланія къ евреямъ, когда имъ, удрученнымъ скорбію среди гоненій отъ враговъ Вѣры, указывалъ на прежде пострадавшихъ въ Іудеѣ мучениковъ и наставниковъ Вѣры, разумѣя подъ ними, безъ сомнѣнія, и св. первомученика. Да подражаемъ и мы этой вѣрѣ:

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ (Евр. 13, 7).

([1]) Во всѣхъ словахъ о Стефанѣ. Напр: «maxime, ergo, fratres, exemplo hujus martyris, inimicos nostros amare discamus» L. c. col. 1269.

III.

ОТЕЧЕСТВО И ЦЕРКОВЬ ВЪ 1862 ГОДУ:

ВЗГЛЯДЪ НА СОБЫТІЯ ИСТЕКАЮЩАГО ГОДА

И ОБОЗРѢНІЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ.

Общая характеристика года: трудности, испытанныя отечествомъ по крестьянскому дѣлу; затрудненія другаго рода — манифестаціи, прокламаціи заморскія и подпольныя, теоріи нигилизма и соціализма, безбожія и анархіи; источникъ этого рода затрудненій и средства избѣжать ихъ. Кто выигралъ отъ всей этой суматохи? Обстоятельства, содѣйствовавшія повороту русской мысли отъ нигилизма и соціалистическаго матеріализма къ вѣрѣ въ святое, самоотверженное и законное; урокъ обществу на будущее время; прогрессивная дѣятельность правительства и отношеніе къ ней нашихъ агитаторовъ, твердость и снисходительность перваго. — Обзоръ самыхъ важныхъ законодательныхъ мѣръ правительства гражданскаго: основныя положенія о гласномъ судопроизводствѣ и о земскомъ и городскомъ самоуправленіи; христіанскій взглядъ на эту реформу; много ли поможетъ отечеству измѣненіе формъ суда и насколько пользы можно ждать въ этомъ случаѣ отъ общественнаго мнѣнія; христіанскій идеалъ судіи и правителя и необходимость—въ виду реформы суда и управленія — усилить въ отечествѣ религіозно-нравственное и умственно-юридическое образованіе; положеніе духовенства относительно реформы судопроизводства. Новое постановленіе касательно принятія нехристіанъ въ православную церковь, и нѣсколько замѣчаній касательно этого постановленія.—Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ; еврейскій вопросъ въ свѣтской литературѣ; мнѣнія объ евреяхъ Дня и Основы. Законодательныя распоряженія духовнаго начальства: постановленіе о выборѣ настоятелей въ общежительные монастыри, смыслъ и значеніе этого постановленія; выборъ благочинныхъ самимъ духовенствомъ — въ епархіяхъ кіевской, подольской и полтавской; сужденіе о выборномъ началѣ — въ его приложеніи къ духовенству — въ журналахъ свѣтскихъ и духовныхъ; нѣсколько замѣчаній нашихъ объ условіяхъ, необходимыхъ для того, чтобы выборное начало принесло одну пользу — безъ вреда.

Трудный годъ пережили и отечество и отечественная церковь: смуты и „*шатанія*“, такъ частыя въ исторіи

русскаго государства, отмѣтили и послѣдній тысячный годъ его существованія. Видно, нашему отечеству суждено Промысломъ крѣпнуть среди испытаній, которыми, какъ молотомъ, куется его булатная крѣпость. Уничтоженіе крѣпостнаго права и введеніе въ жизнь общественную новаго порядка, болѣе христіанскаго, человѣколюбиваго и правомѣрнаго, заключеніе договорныхъ или уставныхъ грамотъ между землевладѣльцами и крестьянами—не могли не сопровождаться затрудненіями, недоразумѣніями—особенно при невѣжествѣ и безграмотности нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя сами возможности слѣдить за правительственными распоряженіями, готовы между тѣмъ вѣрить самымъ ложнымъ и нелѣпымъ слухамъ. Пустая басня, проходя чрезъ пустыри и ненаселенныя пространства, изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, какъ комъ снѣга, способна вырости до громадныхъ размѣровъ и волновать умы—тѣмъ легче, чѣмъ они невѣжественнѣе и довѣрчивѣе. При всемъ томъ, имѣя въ виду воспитанную вѣками недовѣрчивость крестьянъ къ помѣщикамъ, сожалѣнія помѣщиковъ объ утрачиваемыхъ ими правахъ и великія надежды возлагаемыя первыми на милости Милостиваго Царя, можно было бы опасаться бо́льшихъ затрудненій и волненій при заключеніи уставныхъ грамотъ. и если дѣйствительныя меньше ожидаемыхъ, то въ этомъ случаѣ много обязано отечество мировымъ посредникамъ, которыхъ честныя, чуждыя пристрастія къ своимъ сословнымъ интересамъ, рѣшенія и разбирательства по спорнымъ и тяжебнымъ случаямъ нѣсколько поколебали обычное въ крестьянахъ недовѣріе къ цивилизованному *люду*, — уступчивости самихъ помѣщиковъ, здравому смыслу крестьянъ, и отчасти внушені-

ямъ священниковъ [1]. Этотъ родъ затрудненій и волненій вездѣ и всегда сопровождалъ болѣе или менѣе важныя общественныя реформы. Зло гораздо легче и незамѣтнѣе входитъ въ жизнь какъ обществъ, такъ и частныхъ лицъ, чѣмъ уничтожается сознательными распоряженіями правительствъ и усиліями отдѣльныхъ личностей. Безъ пожертвованій, безъ усилій, безъ подвиговъ, безъ жалобъ и недоумѣній дѣло исправленія общественнаго и личнаго не обходится: робкіе пугаются, рьяные забѣгаютъ впередъ, сторона теряющая ропщетъ, сторона пріобрѣтающая—не показываетъ надлежащей умѣренности. Но каковы бы ни были временныя затрудненія и волненія при введеніи той или другой благой реформы, тѣ слѣдствія, которыхъ всякій христіанинъ, равно какъ и всякій политико-экономъ, вправѣ ожидать отъ уничтоженія крѣпостнаго права, выкупаютъ собою временныя неурядицы. Цѣлымъ поколѣніямъ за частую приходится въ исторіи выказывать самопожертвованіе въ пользу счастія послѣдующихъ поколѣній, лить потъ и кровь, чтобы на удобренной почвѣ возрасли прекрасные и спѣлые плоды для ихъ сыновей и внуковъ. Христіанскій законъ любви къ ближнему руководилъ Освободителемъ крестьянъ: дай Богъ, чтобы съ христіанскими же чувствами любви и правды было доводимо до

---

(1) Такъ напримѣръ казанской губ. села Сергіевскаго священникъ *Александръ Бузановскій* своимъ вліяніемъ способствовалъ къ вразумленію и успокоенію временно-обязанныхъ крестьянъ Спасскаго уѣзда (см. *Христ. Чт.* 1862 г. Августъ стр. 240). Кромѣ того Святѣйшій Сvнодъ, съ цѣлію доставить духовенству возможность болѣе широкаго содѣйствія мирному и правильному исходу крестьянскаго дѣла, предписалъ епархіальнымъ архіереямъ разрѣшать по ихъ усмотрѣнію печатаніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ проповѣдей, въ которыхъ духовенство касается крестьянскаго вопроса (см. Христ. Чт. 1862 г. іюнь стр. 886).

конда великое дѣло; тогда затрудненія, если не отстранятся, то значительно облегчатся.

Но не эти затрудненія сдѣлали переживаемый отечеством годъ особенно труднымъ годомъ, а затрудненія совсѣмъ другаго рода. Не наша отечественная исторія создала бѣдствія, омрачившія исполняющій годъ, а исторія чужая намъ; не свои прежніе долги платила Россія, когда ея родный прогрессивный людъ преподносилъ то тайныя прокламаціи, то уличныя демонстраціи, то заносныя теоріи невѣрія и безбожія, анархіи и безпорядка, то пожары, сдѣлавшіеся для мирныхъ и честныхъ граждан и поселянъ страхами дня и ночи,—она очень довѣрилась нѣкоторымъ спекулянтамъ мысли и дѣла и забыла единственно-вѣрнаго Мздовоздаятеля. Евангелисты могутъ быть и философы и политико-экономы, увлекательны могутъ быть ихъ рѣчи и проекты: но единственно-прочная истина, единственно спасительная и благотворная нравственность — истина и нравственность Евангелія. Кто станетъ созидать систему истинъ, противныхъ Евангелію, кто захочетъ постановить дѣятельность человѣка и обществъ на другихъ нравственныхъ началахъ, а не на началахъ любви и мира, самоотверженія и незлобія, хоть напримѣръ на началахъ эгоизма, тотъ будетъ строить зданіе на пескѣ, которое, не бывъ еще окончено, погребетъ подъ своими развалинами самихъ строителей и шумомъ своего паденія переполошитъ и дальнихъ и ближнихъ. Въ нравственномъ міроправленіи вселенной все такъ устроено, что лишь истинно доброе и честное—живуче, а доброе *повидимому* и честное тоже только *по видимому* скоро показываютъ настоящія свои свойства. Давно ли наши писатели чуть не сулили наступленія золотаго вѣка для Россіи отъ

гласности, отъ свободы торговли, отъ перенесенія къ намъ западныхъ торговыхъ компаній, таможенныхъ политическихъ, экономическихъ, философскихъ и историческихъ теорій: компаніи лопаются — потому, говорятъ, что дѣла ведутся нечестно управляющими, политическія теоріи обнаружили свою пользу бездѣльными манифестаціями и кровожадными воззваніями, философскія теоріи самыя модныя оказались неудовлетворительными при свѣтѣ одного романа. Хвалили гласность, свободу,—гласность наша оказалась способною на скандалы, на безосновательные доносы, на клевету,—свобода была понята въ родѣ своеволія и въ родѣ права оскорбить всякаго, думающаго иначе, чѣмъ мы. Страсть къ реформамъ—обнаруживалась однимъ отрицаніемъ всего существующаго, бездѣятельнымъ презрѣніемъ всего, кромѣ собственной личности, исканіемъ вездѣ однихъ недостатковъ. Чего же намъ не доставало? Не доставало любви, *не мыслящей зла никому*, не доставало безкорыстной честности, не желающей воспользоваться чужой копѣйкой, не доставало истинно-христіанской свободы, уважающей и свои и чужія мнѣнія, свои и чужія права, свою и чужую честь, не доставало самоотверженія, способнаго отказаться отъ своей неосновательной мысли, сознаться въ очевидной беззаконности предпріятія своего и средствъ осуществленія его,—и наоборотъ слишкомъ много было въ насъ самолюбія, изъ-за своей утѣхи способнаго обругать честнаго человѣка, думающаго иначе, много было лицемѣрія, надѣвающаго маску безсеребренничества и хватающаго первый чужой грошъ, много было полуазіатскаго деспотизма, изъ-за прихотливыхъ затѣй готоваго перевернуть вверхъ дномъ весь общественный и нравственный порядокъ, за одно честное,

чуждое посягательства, слово чуть-чуть не на кол садить того или другаго уважаемого дотолѣ писателя, слишкомъ много было дерзкой заносчивости — вѣрить въ свою безошибочность и въ свою способность судить обо всемъ въ свѣтѣ и всѣмъ въ свѣтѣ управлять; словомъ: въ насъ было много противу-христіанскаго и слишкомъ мало христіанскаго, слишкомъ еще сказывались въ насъ подъ человѣчными фразами безчеловѣчные инстинкты, — старые языческіе принципы, возчищенные на западѣ, еще не преклонились предъ предназначенными къ господству въ жизни человѣчества нравственными заповѣдями Евангелія. Какъ христіане и какъ русскіе—мы желаемъ свободы, но безъ демонстрацій и бунтовъ, безъ правъ непрошенаго вмѣшательства въ быть частный и клеветъ на личный характеръ,—желаемъ гласности, но безъ обиднаго пристрастія въ пользу однихъ и столь же обиднаго нерасположенія къ другимъ лицамъ, сословіямъ и теоріямъ,—желаемъ, чтобы каждый говорилъ *истину ко искреннему своему*,—но безъ желчи и презрѣнія. Только такая свобода, только такая гласность, только такой прогрессъ суть вещи истинно прекрасныя и прочныя, потому что—христіанскія, и только тогда будетъ истинная свобода въ мірѣ, когда будетъ такая гласность и такой прогрессъ. Наступятъ ли они когда нибудь здѣсь на землѣ,—утверждать не беремся: но всегда къ нимъ слѣдуетъ стремиться.—Изъ угнетеній низшихъ высшими, изъ возстаній низшихъ противъ высшихъ, изъ замѣнъ одного рода деспотизма—болѣе грубаго—болѣе тонкимъ, писали мы въ одной статьѣ, слагается вся исторія западной Европы, взявшей по необходимости много языческаго въ свою жизнь, и видимо дающая все больше и боль-

ше простора и значенія нравственнымъ христіанскимъ началамъ. Неужели и намъ — младшимъ историческимъ братьямъ — слѣдуетъ повторить весь этотъ скорбный путь историческаго самоочищенія, пережить всѣ роды деспотизма, начиная съ военнаго и оканчивая литературнымъ, переиспытать всѣ виды возстаній, воззваній, бунтовъ, какіе бывали на западѣ — потому только, что такъ было на западѣ? Не разумнѣе ли на оборотъ, не повторяя ошибокъ, записанныхъ въ исторіи другихъ старшихъ народовъ, сразу же начать дѣло собственнаго дальнѣйшаго прогресса сознаніемъ необходимости введенія для этого въ жизнь высокихъ христіанскихъ началъ — начать такимъ образомъ съ того пункта, на которомъ остановился западъ?

Странная судьба постигаетъ наше образованіе: сколько въ разное время разныхъ разностей перенесено къ намъ въ послѣднія полтора столѣтія съ запада, и важныхъ, и неважныхъ, касавшихся практической жизни, и религіозно-нравственныхъ понятій, и сколько уже оказалось въ нихъ съ теченіемъ времени смѣшнаго, вреднаго, уродовавшаго нашу жизнь, или по меньшей мѣрѣ не соотвѣтствовавшаго народному характеру. Централизація и бюрократія перешли къ намъ оттуда, и всѣ уже теперь недовольны ими, а между тѣмъ желаютъ перенести новую политическую систему — соціализмъ, вызванный на западѣ пролетаріатомъ, пока еще неизвѣстнымъ у насъ. Перешла къ намъ философія Вольфа и долгое время господствовала, а теперь снова желали бы посадить въ русскія головы Бюхнера или Шопенгауера. Въ поэзіи и искуствѣ подражательность безъ самостоятельнаго народнаго творчества осуждается въ настоящее время всѣми литературными критиками, а

между тѣмъ тою же самою подражательностію хвалятся въ отношеніи политическихъ теорій и философіи.

Была пора въ истекающемъ году (дай Богъ, чтобы она не повторилась), когда самые увѣренные въ прочности правительства колебались въ своей увѣренности, когда промотавшіе свое состояніе или не имѣвшіе его никогда надѣялись поживиться отъ соціалистическихъ затѣй, а люди, скопившіе себѣ и своимъ дѣтямъ честнымъ трудомъ состояніе, не нашутку опасались остаться при проэктированномъ переворотѣ безъ куска хлѣба, когда во всей столицѣ съ утра до вечера говорили то о состоявшейся сего дня, то о назначенной послѣ завтра демонстраціи, то о сегодняшнемъ, то объ имѣющемъ быть въ понедѣльникъ или вторникъ пожарѣ въ такомъ то и такомъ то мѣстѣ, когда мирный трудъ прерывался, а нелѣпые и угрожающіе слухи передавались изъ конца въ конецъ, и всѣ жили какъ будто на бивакахъ. Въ такія времена всеобщихъ бѣдствій и опасеній Христова Церковь издавна пріобрѣтаетъ значеніе большее обыкновеннаго, а друзья порядка тѣснѣе соединяются около законной власти. Въ этомъ отношеніи совершенно оправдалась надъ Россіей пословица: нѣтъ худа безъ добра. И догматы вѣры, и правила нравственности, и церковные обряды, и благочестивые обычаи русскаго народа и законы гражданскіе, и власти высшія и низшія: всѣмъ и всему доставалось отъ неизвѣстныхъ темныхъ реформаторовъ. Манеры и тонъ ихъ проэктовъ измѣнялись сообразно временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Стоявшіе подъ прикрытіемъ англійскихъ законовъ объ убѣжищѣ, литераторы, разумѣется, были безцеремоннѣе другихъ, клевета и цинизмъ были здѣсь доведены до послѣдней степени безобразія; отъ своихъ

учителей, въ этомъ ремеслѣ не отставали, ставшіе подъ защиту права подпольеъ составители подметныхъ писемъ и прокламацій; нѣкоторые впрочемъ и издающіеся въ отечествѣ журналы, хотя поскрытнѣе и похитрѣе, а тоже пробовали кусать и общественный и религіозный порядокъ, первый особенно осторожно, а послѣдній довольно недвусмысленно. И кто бы могъ подумать изъ тѣхъ, которые были свидѣтелями явленій конца прошлаго года и первыхъ пяти мѣсяцевъ нынѣшняго, что этотъ разгулъ мысли, слова, пера, печати и дѣла уляжется такъ скоро, что отвергаемая власть еще болѣе укрѣпится для великихъ и благодѣтельныхъ реформъ, что отрицаемыя Вѣра и Церковь соберутъ снова около себя большую часть отторгнутыхъ отъ нихъ симпатій, что имя либерала сдѣлается ругательнымъ словомъ, — матеріалиста — синонимомъ невѣжды, — соціалиста — вора и поджигателя, что самые препрославленные писатели потеряютъ кредитъ, а демонстраторы и прокламаторы — общественное сочувствіе. Переворотъ въ области руской мысли и обращеніе ея отъ нигилизма, матеріализма и эгоизма къ вѣрѣ въ святое и самоотверженное предчувствовался впрочемъ раньше еще: невозможно же было долгое время поддерживать въ обществѣ всякими органами значеніе самой удушливой и самой мрачной доктрины, мертвящей умъ и чувство. Какъ на первое знаменіе паденія ея мы можемъ указать на ученыя статьи г. Юркевича, разоблачившія недостатокъ научной основательности въ проповѣдникахъ теорій; но особенно яркими и блестящими знаменіями въ этомъ случаѣ послужили: романъ Тургенева — „*Отцы и Дѣти*" съ одной стороны и неуклюжія побранки этого произведенія въ матеріалистическихъ органахъ съ дру-

гой. Авторитетъ противурелигіозной, противунравственной теоріи потрясенъ произведеніемъ поэта, и представители матеріалистическаго направленія своею ожесточенною злобою противъ поэта уже показывали ясно, что ихъ положеніе не дозволяетъ послѣ этого славнаго протеста спокойно самоуслаждаться своею непобѣдимостію. Но долго еще дѣла находились бы въ нерѣшительномъ положеніи; міръ колебался бы между выборомъ, дѣйствительно ли нигилизмъ въ существѣ своемъ сухъ, мраченъ и золъ, какъ Базаровъ, или это только сказка поэта; разрѣшенію сомнѣній пособило, по странному стеченію обстоятельствъ, то, чѣмъ, по видимому, должно было завершиться торжество нигилизма. Мы разумѣемъ здѣсь *„молодую россію,“* въ которой теоретическій нигилизмъ прилагался съ безжалостною послѣдовательностію къ религіозному, нравственному, семейному, общественному и государственному быту. Тутъ общество увидѣло, что поэтъ многаго не досказалъ еще относительно крайнихъ слѣдствій нигилизма, что *врагъ теоріи* былъ болѣе сдержанъ въ выставленіи ея недостатковъ, чѣмъ друзья и поклонники ея. Но дѣло все таки не было еще очевидно для массъ образованныхъ и полуобразованныхъ людей: лишь для особенно понятливыхъ объяснилось, что не все то золото, что блеститъ, и не все то истина, что насилуетъ и оскорбляетъ самыя общеуважаемыя чувства. Нѣкоторые въ романѣ Тургенева не видѣли ничего, кромѣ талантливаго произведенія, и не понимали всей великости современнаго его значенія; прокламаціи не знали, а если и знали, то не ставили ее въ теоретическое отношеніе къ модной философіи. Для вразумленія непонятливыхъ и для возбужденія апатичныхъ нужны были явленія болѣе осязательныя, и бо-

лѣе яркія, которыя могли бы освѣтить дѣло нигилизма для самаго слабаго зрѣнія и поощрить къ дѣятельности лѣнивыхъ и сонныхъ. Майскіе и іюньскіе пожары въ Петербургѣ и потомъ огромные пожары въ отечественныхъ городахъ и селахъ слишкомъ были ярки, чтобы не освѣтить нигилизма, поставившаго себѣ задачей все отрицать въ области мысли и разрушать на практикѣ, и слишкомъ большой шумъ произвели, чтобы не разбудить спавшихъ и не заставить ихъ подумать по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы впередъ мирнаго сна ихъ не тревожили такіе нечаянные фейерверки. Можетъ быть нѣкоторые, можетъ быть большая часть пожаровъ, можетъ быть всѣ не были ни въ какой связи съ теоріей нигилизма,—въ связи, разумѣется, практически-логической; но если они случайность на практикѣ, то тѣмъ не менѣе для всѣхъ мыслящихъ умовъ, знакомыхъ съ заграничной и подпольной русской прессой, они не могли и не должны были представляться случайностію, а должны были, справедливо или нѣтъ—все равно, быть поставлены въ извѣстныя отношенія: матеріалистическая теорія съ соціалистической прокламаціей, прокламація, обѣщавшая не оставить камня на камнѣ,—съ повсюдными и частыми пожарами, на самомъ дѣлѣ превращавшими улицы въ обгорѣлыя развалины и застроенные рынки въ площади, пожаръ духовный, давно уже жегшій все дорогое и святое для человѣка,—съ пожаромъ вещественнымъ, испепелявшимъ собственность. Повторяемъ: можетъ быть всѣ слухи о поджогахъ, о какой-то партіи пожарно-политической—ложь и выдумка, и пожары въ этомъ смыслѣ случайность, но они не случайность въ высшемъ, такъ сказать, метафизическомъ смыслѣ. Для всякаго вѣрующаго въ бытіе Высшей Разумной Силы,

тѣмъ болѣе для всякаго христіанина они могутъ и должны представляться или посѣщеніями Божественной правды, или средствами Божественной мудрости обратить заблуждающееся поколѣніе отъ идольскихъ требъ къ служенію единому Богу, отъ ученій человѣческихъ — къ Евангелію, отъ невѣрія или по меньшей мѣрѣ отъ холодности къ Вѣрѣ — къ усердію и ревности ко Церкви православной. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они имѣли разумную цѣль и послужили сильными и дѣйствительными средствами; но, какъ средства человѣческія для извѣстныхъ цѣлей, сознательно употребленныя, если только они были такими средствами, они повели совсѣмъ къ противоположнымъ цѣлямъ. Такъ часто Божественная мудрость изъ зла, свободно предпринимаемаго человѣкомъ, дѣлаетъ средство для добра. Но одно уже то, что Божественная мудрость нашла необходимымъ употребить или допустить такія грозныя средства вразумленія, свидѣтельствуетъ о великости отступленія нашего отъ порядка Божественнаго міроуправленія. Переворотъ въ общественномъ мнѣніи былъ болѣе быстръ, чѣмъ какъ можно было ожидать. Старые идолы и авторитеты уже не видятъ около себя прежняго множества поклонниковъ; жрецы ихъ, одною своею одеждою возбуждавшіе благоговѣніе, принуждены были опасаться разъяренной черни и перемѣнить костюмы: составители прокламацій и устно и печатно поносились тѣми, которые прежде, чѣмъ равнодушно, иногда смотрѣли на проповѣдуемыя ими теоріи; а издатели англійско-русскаго журнала обзываемы были и безчеловѣчными и безнравственными. Будь произнесенъ подобный приговоръ года за два, даже мѣсяцевъ за пять, извѣстная статья Русскаго Вѣстника была бы прибита къ позор-

ному столбу, а теперь нашелся одинъ только запоздалый порицатель приговора на александровской мануфактурѣ, да нѣкоторые журналы напали еще на Русскій Вѣстникъ за бранчивый тонъ его статьи. Выиграла одна законная власть, да возвысился авторитетъ божественнаго ученія въ глазахъ многихъ, забывшихъ о немъ, да еще сбылись вѣщія опасенія *московскаго священнослужителя* за угрожающія отечеству бѣды, — опасенія, которыя онъ повѣдалъ міру, наученный словомъ Божіимъ распознавать *знаменія времени*. Церковь православная, къ которой искони прибѣгаетъ русскій народъ за небесными утѣшеніями во дни земныхъ несчастій и скорбей, и на этотъ разъ предупредила желанія народа, установивъ по случаю пожаровъ усиленныя молитвы къ карающей Правдѣ Божіей, и не одинъ погорѣвшій, разоренный торговецъ излилъ и облегчилъ въ храмѣ Божіемъ свою скорбь предъ Господомъ. Съ небывалой силой сказались въ русскомъ обществѣ воспитываемыя Христовой вѣрой начала христіанскаго милосердія; пожертвованія въ пользу погорѣвшихъ, по поданному первороднымъ сыномъ русской церкви — Государемъ Императоромъ примѣру, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ достигли огромныхъ размѣровъ; въ нихъ приняли участіе августѣйшія лица, торговыя сословія, аристократія, монастыри, духовенство и простой народъ, и они показали міру и ученому свѣту, что тамъ еще можно несчастію надѣяться на помощь, гдѣ Евангеліе удерживаетъ силу надъ умами и сердцами, что механика въ политической экономіи, строющая общественное благоденствіе на эгоизмѣ, безсильна противъ грозныхъ бѣдствій — въ родѣ пожара 28-го мая, и что здѣсь необходимы высокія нравственныя возбужденія Вѣры.

Да, трудный, и вмѣстѣ знаменательный годъ пережили и отечество и Церковь. Такія событія, какъ—нынѣшняго года, нескоро забываются въ народной памяти. Они даютъ урокъ обществу зорко слѣдить за самыми отвлеченными теоріями и не пропускать мимо глазъ самыхъ, по видимому, безвредныхъ явленій, не молчать, когда тамъ или въ другомъ мѣстѣ появляются прокламаціи, чтобы безразсудныя и темныя партіи знали, что общество и общественное мнѣніе не за нихъ. А, дѣйствительно, до сей поры общество наше или безучастно смотрѣло на явленія среди его и молчало, предоставляя частнымъ кружкамъ отъ его лица проповѣдывать самыя странныя ученія и произносить самые поспѣшные и несправедливые приговоры;—опытность молчала, невѣжество и молодость гремѣли, честный человѣкъ прятался, а лукавый говорунъ растлѣвалъ общественную мысль; на честнаго человѣка взводили безчестящія его небылицы, а сторонніе—тоже честные—люди пропускали ихъ мимо ушей, забывая, что дерзость, пропущенная ими сегодня, потому что она касается ихъ собрата, завтра можетъ опозорить и ихъ самихъ. Можетъ быть общество имѣетъ свои историческія причины вести себя подобнымъ образомъ, но пора понять, что съ 1855 года произошелъ великій переворотъ въ родной странѣ, что, когда надзоръ администраціи ослабляется, тогда въ обществѣ долженъ усиливаться нравственный надзоръ и только подъ этимъ условіемъ возможно и дѣйствительно полезно отсутствіе опеки государственной и предоставленіе обществу самоуправленія. Человѣкъ можетъ быть чрезвычайно честенъ и добръ—и въ тоже время можетъ заблуждаться; не обличаемый ни кѣмъ въ своемъ заблужденіи, развивая его нѣсколько лѣтъ

во множествѣ статей, онъ можетъ притти къ мысли о своей непогрѣшимости и многихъ восприимчивыхъ, неопытныхъ читателей увлечь на сторону своего заблужденія, и, ободренный безмолвіемъ однихъ, восторгами другихъ, можетъ приняться за практическую пропаганду своего заблужденія, и, при всей своей честности, при всемъ своемъ талантѣ и благихъ намѣреніяхъ,—преждевременно и безполезно погибнуть, не вразумленный во-время обществомъ. Въ этомъ случаѣ заповѣдь Спасителя о вразумленіи заблуждающихъ относительно вѣры можетъ имѣть одинаково - благотворное приложеніе ко всякаго рода заблужденіямъ, философскимъ и литературнымъ, печатнымъ и устнымъ, — и благовременный приговоръ общества извѣстному невразумляющемуся теоретику—публицисту въ родѣ того, что онъ для общества отщепенецъ или мытарь, могъ бы много золъ предотвратить и поубавить спѣси и самоувѣренности со многихъ—прежде, чѣмъ они доведены были бы властію до невозможности писать. *Слышимъ, что нѣкоторые поступаютъ у васъ безчинно, ни чего не дѣлаютъ, и суетятся: Таковыхъ увѣщаваемъ и убѣждаемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ; вы же, братія, не унывайте, дѣлая добро; если же кто не послушаетъ слова нашего въ семъ посланіи, того имѣйте на замѣчаніи, и не сообщайтесь съ нимъ, чтобы устыдить его. Но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата* (2 Ѳесс. 3, 11—15),—эта заповѣдь Апостола могла-бы быть прекраснымъ руководствомъ въ употребленіи обществомъ своего надзора и руководства надъ безчинствующими писателями и прокламаторами—прошедшими и будущими. Такой именно смыслъ вразумительнаго общественнаго вліянія для

частныхъ лицъ имѣютъ тѣ адресы, которые составляются такъ часто въ Англіи по поводу разныхъ возмутительныхъ памфлетовъ и дерзкихъ нападеній на Вѣру.

Общество и народъ ожидали улучшеній и преобразованій въ жизни своей — государственной, сословной, семейной, воспитательно-учебной; Государь все время своего царствованія посвятилъ введенію новыхъ, — болѣе свободныхъ, началъ въ жизнь русскую; церковь православная не могла не радоваться этому прогрессу, потому что истинное совершенствованіе и счастіе человѣка и общества составляетъ одну изъ причинъ посольства Сына Божія въ погибавшій и несчастный міръ. Реформы слѣдовали за реформами и встрѣчали справедливое сочувствіе въ литературѣ. Всякій честный человѣкъ радовался за отечество. Лишь нѣкоторые теоретики, которые, не такъ какъ Моисей, сочли лучшимъ убраться въ цивилизованную Англію, чѣмъ страдать съ своимъ народомъ, для которыхъ извѣстныя соціалистическія и матеріалистическія идеи — дороже и жизни и собственности милліоновъ живыхъ существъ, оставались недовольны реформами, находя ихъ не полными, не соотвѣтствующими своимъ заморскимъ или своимъ подпольнымъ, во всякомъ случаѣ — своимъ личнымъ идеаламъ. Громкія ругательства заморскаго оракула и презрительное отношеніе ко всѣмъ прежнимъ и новымъ отечественнымъ учрежденіямъ нашихъ нигилистическихъ органовъ воспитали ту не довольную ни чѣмъ партію, которая потомъ упражнялась въ подкидываніи писемъ, въ составленіи и распространеніи прокламацій. Люди, отвѣчавшіе на скромное замѣчаніе ругательствами, на законныя требованія власти демонстра-

ціями, истинно-ученыхъ людей—называвшіе отсталыми и рутинерами, серьезныя произведенія—затхлыми, невразумлявшіеся, когда имъ ясно, какъ дважды два, доказывали(?) ихъ невѣжество или ихъ недобросовѣстность, такіе люди однако глубоко были убѣждены сами и громко говорили другимъ, что они-то именно истинные прогрессисты, и беззастѣнчиво величали себя надеждами отечества, безъапелляціонными реформаторами, а другихъ обзывали „*обскурантами*, *узколобыми бѣдняженами*, *реакціонерами*, *партіей отсталыхъ*“, и, добиваясь свободы мысли и слова, не прочь были погрозить побоищи человѣку, отставшему или не приставшему къ ихъ „таинствамъ“. Прогрессъ русскій подвергался серьезному испытанію: это почтенное знамя, подъ которымъ шло и идетъ правительство, которому общество отдало свое сочувствіе, которое сулило счастіе родинѣ, обрамили на первыхъ порахъ люди, производившіе безцѣльныя сумятоки, во имя прогресса требовавшіе самыхъ многочисленныхъ убійствъ и отнимавшіе самыя дорогія вѣрованія и учрежденія у русскаго народа. Въ виду такихъ явленій, не дѣлающихъ чести обществу, среди котораго они совершались, честному прогрессисту можно было серьезно опасаться, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не настал поворотъ къ прежнему порядку вещей, какъ бы правительство не отступилось отъ своихъ преобразованій въ духѣ свободы и христіанскаго человѣколюбія, какъ бы оно не смѣшивало горсти лжепрогрессистовъ съ массой общества и народа. Къ счастію всѣхъ честныхъ людей, правительство, глубоко увѣренное въ честности своихъ предначертаній—и полагаясь на здравый смыслъ народа, на молитвы Православной Церкви и на помощь Бога, помогающаго честному дѣлу, могло

въ одно и тоже время и милосердно отнестись къ заблужденіямъ теоретиковъ и къ увлеченіямъ молодежи и твердо стоять на избранномъ имъ пути прогресса. Будетъ время, когда оцѣнятъ отступничество нѣкоторыхъ честныхъ либераловъ отъ того прогресса, который проповѣдывала невинная молодежь, которую растлѣвала заморская печать во всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ основахъ, оцѣнятъ твердость правительства, мужественно продолжавшаго свое дѣло народнаго прогресса и снисходительно поступившаго съ увлеченными на опасный путь, когда честные писатели, стоявшіе за правительство и противъ прокламацій, не станутъ трактоваться рабами, а напротивъ назовутъ лакеями не доученой молодежи господъ, поставившихъ популярность выше честности, двусмысленно ведшихъ себя относительно дикихъ явленій, совершавшихся около нихъ, или прямо защищавшихъ эти явленія. „Тогда, повторимъ слова Русскаго Вѣстника, превратится въ смѣшное воспоминаніе тотъ чудовищный поразительный фактъ, оскорбляющій теперь до послѣдней глубины наше народное чувство,—тотъ фактъ, что нѣсколько господъ, которымъ нечего дѣлать, нѣсколько человѣкъ, неспособныхъ контролировать свои собственныя мысли, считаютъ себя вправѣ распоряжаться судьбами народа съ тысячелѣтней исторіей (бѣдный тысячелѣтній народъ, за что суждено тебѣ такое униженіе?), предписывая законы его неучащейся молодежи и его недоученымъ передовымъ людямъ. Въ далекой перспективѣ воспоминанія станетъ также смѣшонъ, а не отвратителенъ, этотъ осторожный и благоговѣйный тонъ, съ которымъ говорятъ у насъ о вышеупомянутыхъ законодателяхъ даже тѣ изъ нашей пишущей братіи, которые

въ душѣ или исподтишка осмѣливаются роптать и негодовать на нихъ" (¹).

Всѣ эти общія замѣчанія и сужденія невольно, можно сказать, легли на бумагу, когда мы припоминали близкія къ намъ явленія и событія текущаго года. Честный, прямой, хоть можетъ быть и несправедливый, судъ о недалекомъ прошедшемъ, кто знаетъ, можетъ быть пригодится для будущаго—хоть и отдаленнаго. Теперь перейдемъ къ обозрѣнію отрадныхъ явленій въ отечественной и церковной жизни за истекающій годъ, и скажемъ прежде всего о мѣрахъ гражданскаго правительства—самыхъ важныхъ, которыя прямо или посредственно касаются церкви и духовенства, и за тѣмъ о законодательствѣ церковномъ русскомъ.

Изъ всѣхъ дѣлъ Государя Императора съ начала Его царствованія одно развѣ освобожденіе крестьянъ можетъ по своей важности равняться съ указомъ правительствующему сенату, даннымъ 29 сентября настоящаго года о гласномъ судопроизводствѣ, и съ дарованіемъ права земству управлять самому касающимися до него дѣлами. Надѣливъ свободой милліоны крестьянъ, Государь-христіанинъ увѣнчалъ личную свободу всѣхъ своихъ подданныхъ неотъемлемымъ правомъ на справедливый и гласный судъ и правомъ всего земства на участіе во внутреннемъ управленіи своими дѣлами. Мы не станемъ ни перепечатывать, ни разбирать *основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи и новыхъ постановленій касательно земскаго самоуправленія*, ни доказывать, что новый порядокъ разум-

(¹) *Соврем. Лѣт.* № 23.

нѣе и правомѣрнѣе прежняго—бюрократическаго, что онъ введенъ во всѣхъ государствахъ западной Европы. Мы намѣрены только показать, что онъ сообразнѣе съ духомъ Евангелія и съ практикою христіанской Церкви.

Здѣсь можетъ быть приведена прежде всего заповѣдь Спасителя: *если согрѣшаетъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтверждалось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ къ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь* (Мѳ. 18, 15 — 17). Въ то время, когда малыя христіанскія общины существовали, какъ крошечные оазисы, среди громаднаго языческаго населенія, и были подвластны языческому правительству, апостолъ Павелъ писалъ коринѳянамъ: *какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ* (т. е. у язычниковъ), *а не у святыхъ... Вы, когда имѣете житейскія тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значущихъ въ церкви. Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими? Но братъ съ братомъ судится, и притомъ предъ невѣрными* (1 Кор. 6, 1. 4—6). Касательно самоуправленія и избирательнаго начала мы находимъ слѣдующее указаніе въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ: *когда умножились ученики, произошелъ у эллинистовъ ропотъ на евреевъ за то, что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи потребностей. Тогда двѣнадцать апостоловъ, созвавъ множество учениковъ, сказали: не хорошо намъ, оставивъ слово Божіе, пещись о столахъ. И такъ братія, выбери-*

те изъ среды себя семь человѣкъ изслѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости; ихъ поставимъ на сію службу. А мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служеніи слова. И одобрено было сіе предложеніе всѣмъ собраніемъ; и избрали Стефана, мужа исполненнаго вѣры и Духа Святаго, и Филиппа и Прохора и Никанора и Тимона и Пармена и Николая антіохійца, обращеннаго изъ язычниковъ. Ихъ поставили предъ апостолами; и сіи, помолясь, возложили на нихъ руки (Дѣян. 6, 1—6). Великія начала самоуправленія, избранія достойныхъ представителей для суда надъ собою и для своего руководства, и соборный способъ законодательства и рѣшенія важныхъ дѣлъ никогда не прекращали своего дѣйствованія въ истинной Христовой Церкви. Но Церковь утверждалась уже среди тысячелѣтняго человѣческаго общества—въ своемъ устройствѣ, управленіи и законодательствѣ державшагося другихъ началъ: началъ деспотизма, централизаціи и рабства (римскаго). Она не объявляла себя насильственнымъ реформаторомъ общественнаго строя, выработаннаго вѣками господства эгоизма и насилій. Римское законодательство продолжало существовать сперва въ Римской, потомъ въ Византійской имперіи. Точно также продолжали дѣйствовать племенныя начала германскихъ народовъ, принявшихъ христіанство, начала личной—нѣсколько анархической или своевольной—свободы: Церковь Христова насильственно не вводила реформы и въ этотъ общественный строй. Напротивъ сама нерѣдко терпѣла отъ языческихъ древне-римскихъ и германскихъ началъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и случаяхъ къ своимъ собственнымъ возвышеннымъ началамъ примѣшивала или деспотическіе принципы Рима или анархическіе принципы Германіи: изъ

этой амальгамы христіанскаго съ языческимъ явились: римская церковь съ своимъ іерархическимъ деспотизмомъ, и разнообразныя протестантскія секты, многочисленностію своею напоминающія древнія многочисленныя племенныя наименованія германцевъ. Между тѣмъ идеалъ общественнаго строя, судоустройства, законодательства и управленія продолжалъ стоять лицемъ къ лицу предъ этими уклонявшимися въ разныя стороны историческими направленіями. Не безъ борьбы пріобрѣтали, не безъ борьбы и теряли свое господство оба эти направленія — римское деспотически-бюрократическое, и германское анархически-личное. Изъ борьбы, наконецъ, послѣ многократныхъ междоусобій и революцій, выродился настоящій конституціонный порядокъ управленія въ западныхъ государствахъ. Путемъ вѣковыхъ смутъ, послѣ долгихъ мукъ и страданій, западныя государства въ своемъ общественномъ устройствѣ возвращаются къ идеаламъ судоустройства и законодательства, преднаписаннымъ въ новомъ Завѣтѣ и постоянно дѣйствовавшимъ въ Церкви Христовой,—возвращаются отъ традиціонныхъ идеаловъ Рима и началъ германскаго племеннаго быта: но смуты и борьба до сей поры продолжаются тамъ между началами германскимъ и римскимъ, онѣ очевидны въ французскихъ республиканцахъ, борющихся съ бонапартизмомъ, въ борьбѣ прусскаго кабинета съ нижней палатой, въ замыслахъ Мадзини противоположныхъ результатамъ, достигнутымъ Викторомъ Эммануиломъ, и готовятъ западу новые скорбные годы междоусобій и революцій. —Обращаемся теперь къ славянскому племени.

Племя это не выступило въ исторію съ такимъ шумомъ, какъ германское; нѣкоторыя вѣтви его подпали

въ теченіи времени господству германцевъ, другія деспотической власти католическаго Рима съ его іезуитами, или—магометанской Турціи. Единственно сильный славянскій народъ—народъ русскій, перенесшій иго татарское, разгромъ наполеоновскій, находится въ особенно счастливыхъ историческихъ условіяхъ. Среди его—истинная церковь, сохранившая въ чистотѣ идеалы управленія, законодательства и церковнаго суда; предъ нимъ опыты почти полуторатысячной исторіи западныхъ народовъ и плоды ихъ развитія: остается пользоваться даровою историческою опытностію, вкушать плоды, зрѣвшіе полторы тысячи лѣтъ, и руководствоваться кромѣ того еще чистымъ ученіемъ православнаго христіанства. Чтó другіе народы завоевывали, за чтó они проливали кровь, то намъ даруетъ безъ борьбы, безъ революцій, безъ принужденій самъ Царь. Чтó у другихъ народовъ до сей поры еще носитъ внутри себя вражду и сѣмена новыхъ смутъ, то намъ даруется при тишинѣ и, надѣемся, утвердится и разовьется въ мирѣ. Счастливыя историческія условія русскаго народа не могутъ однакожъ освобождать его отъ усилій—самостоятельнаго и самодѣятельнаго историческаго развитія.

„Реформы, самыя благія на бумагѣ, сами собою почти безсильны, пока общество не воспользуется ими, и не оживитъ ихъ своею же собственною жизнію. Законодатель походитъ на ваятеля. Ваятель можетъ придать самыя изящныя и великолѣпныя формы своей статуѣ: но мраморъ останется все таки однимъ только холоднымъ и неподвижнымъ камнемъ, пока въ немъ самомъ не пробудятся теплота и сердцебіеніе жизни" (¹).

(¹) Сѣв. Пчела № 266.

Высочайшая воля даетъ намъ только однѣ формы гласнаго судопроизводства, мы заимствуемъ и можемъ заимствовать у западныхъ народовъ одинъ только *внѣшній* порядокъ его; но честности и неподкупности англійскихъ судей намъ не перенести къ себѣ, ихъ безтрепетной энергіи, не взирающей на санъ подсудимаго, и ихъ юридической образованности, знающей законы и умѣющей понимать силу искушеній, никакое административное распоряженіе, никакое самое полное знакомство съ порядкомъ теченія дѣлъ на западѣ не дадутъ нашимъ окружнымъ судамъ, мировымъ судьямъ и судебнымъ палатамъ. Въ самой Англіи въ былую пору гласнымъ судомъ произносились приговоры, которые Маколей называетъ *судебными* или *юридическими убійствами* и ея настоящее судебное развитіе есть результатъ возвышенія въ ея народѣ умственнаго и нравственнаго воспитанія.

Обыкновенно ссылаются на общественное мнѣніе, что при гласномъ судѣ оно направитъ и судей и присяжныхъ на путь правды и законности, что оно спасетъ подсудимыхъ отъ злоупотребленій власти: увы, и опыты давно минувшихъ дней, и явленія не давнія, факты исторіи всемірной и исторіи церковной, слишкомъ хорошо и ясно показываютъ, что общественное мнѣніе — руководитель слишкомъ ненадежный, что здѣсь часто приходится качествомъ мнѣнія жертвовать количеству голосовъ и истинѣ уступать предъ силой господствующихъ предразсудковъ и возбужденныхъ страстей. Мы знаемъ, что подъ крики общественнаго мнѣнія: *распни распни Его* — распятъ былъ *не имѣвшій ни единаго грѣха*, что общественное мнѣніе создало и поддерживало величайшія злоупотребленія въ мірѣ и цер-

кви — папскую власть, гоненія за вѣру, инквизицію, ауто-да-фе, что общественное мнѣніе не спасло отъ смерти Сократа, что общественное мнѣніе требовало въ XVII столѣтіи въ Англіи—казни всѣхъ папистовъ, что „присяжные раздѣляли тогда чувства, которыя были общи всей націи, что общее мнѣніе твердило, что истый папистъ считалъ всякую ложь, полезную для своей церкви, не только извинительною, но и похвальною, что невинная кровь проливалась тамъ подъ формами правосудія (¹), что раболѣпные предъ господствовавшими тогда торіями судьи и шерифы бѣдственныхъ дней 1685 г. не успѣвали проливать англійской крови такъ быстро, какъ того требовали англійскіе поэты“ (²), что на оборотъ въ католическихъ странахъ общественное же мнѣніе требовало казни протестантовъ и установленія ежегодныхъ праздниковъ въ память избіенія ихъ, что въ менѣе просвѣщенные вѣка общественное мнѣніе заставляло судей произносить приговоры надъ старухами, обвиняемыми въ томъ, что онѣ ѣздили на метлахъ, или въ томъ, что онѣ причиняли скотскій падежъ, —надъ учеными, открывавшими новые законы природы и колебавшими общепринятые предразсудки, что общественное мнѣніе въ дни страстной седмицы воздвигало толпы западныхъ христіанъ—для избіенія евреевъ, что у насъ напримѣръ общественное мнѣніе требовало въ юнѣ настоящаго года того, противъ чего оно было въ февралѣ и январѣ, что, словомъ сказать, общественное мнѣніе не можетъ быть исключительнымъ и основнымъ руководителемъ ни въ дѣятельности частной-лич-

(¹) Исторія Англіи. Томъ 6, стр. 234, 235.
(²) Тамъ же, стр. 401.

ной; ни въ дѣятельности общественной, что оно не спасетъ судей и присяжныхъ отъ несправедливыхъ приговоровъ, потому что само можетъ быть и бываетъ несправедливо и возбуждено до послѣдней степени господствующими предразсудками. *Горе вамъ, егда добрѣ рекутъ о васъ вси человѣцы.* Общественное мнѣніе, если его сдѣлать абсолютнымъ и безконтрольнымъ началомъ дѣятельности общественныхъ дѣятелей, способно образовать въ средѣ ихъ лакеевъ толпы и большинства, вмѣсто прежнихъ лакеевъ вельможъ и власти, а не самоотверженныхъ и честныхъ слугъ народнаго благоденствія и блюстителей правды: вмѣсто того, чтобы быть полезными и честными, люди тогда будутъ стараться только сдѣлаться *популярными.*

Говоря такъ, мы вовсе не расположены совершенно отрицать значеніе общественнаго мнѣнія, а только доказываемъ, что оно вещь слишкомъ текучая и измѣнчивая, чтобы одно могло вести человѣческое правосудіе къ идеалу небеснаго правосудія. Мы не настолько простодушны, чтобы вѣрить, что земное правосудіе можетъ быть абсолютно-правосудно, но говоримъ, что въ данный періодъ времени возможно совершенное правосудіе не можетъ быть исключительно основано на зависимости судовъ отъ общественнаго мнѣнія. „Пусть будутъ учреждены суды въ самомъ совершенномъ родѣ по своему устройству; но если при этомъ не будутъ распространены и утверждены въ обществѣ нравственныя понятія о правдѣ, справедливости и честности, то откуда тогда возьмутся правдивые судьи, которые бы прямо держали вѣсы правосудія“ (1)?

(1) Дух. Бес. № 39. стр. 286.

Эти справедливыя слова мы заимствуемъ изъ проповѣди одного почтеннаго священника, который дѣлаетъ по поводу преобразованій слѣдующія справедливыя замѣчанія. „Сердце человѣческое склонно къ увлеченію чѣмъ либо однимъ до забвенія всего другаго, хотя бы и существенно необходимаго. Такъ и въ настоящую пору стремленія къ улучшеніямъ, ставшаго какъ бы душею современнаго общества, съ грустію должно замѣтить, что мысль о нуждѣ нравственнаго преобразованія, о возбужденіи духа вѣры въ народѣ, о распространеніи и утвержденіи въ немъ чистыхъ нравственныхъ понятій и правилъ, — мысль объ этомъ какъ бы чужда современному обществу. Даже болѣе, современное общество смотритъ на перемѣну внѣшнихъ отношеній и условій жизни, какъ на самое основное цѣлебное средство; мысль о религіозномъ и нравственномъ воздѣйствіи на жизнь общества оно отстраняетъ подъ тѣмъ страннымъ предлогомъ, будто вѣра и нравственность имѣютъ своимъ предметомъ одно невидимое и неземное, будто онѣ безучастны къ тому или другому гражданскому положенію; наконецъ, когда заходитъ рѣчь о воспитаніи народа и юношества, то почти всѣ указываютъ главнымъ образомъ на нужду распространенія такъ называемыхъ полезныхъ знаній, имѣющихъ прямое приложеніе къ устроенію внѣшняго быта; объ ученіи же нравственномъ говорится вскользь какъ бы изъ одного приличія. Безъ внутренняго преобразованія сердца всѣ внѣшнія преобразованія не достигаютъ своей цѣли. Но это внутреннее преобразованіе не можетъ начаться въ насъ повелѣніемъ власти, какъ начинаются внѣшнія преобразованія“ (1).

(1) Тамъ же, стр. 263.

Основной источникъ суда и правды земныхъ — судъ и правда небесные. Необходимое условіе установленія въ мірѣ правосудія, подобнаго правосудію небесному. — это воспитаніе въ общественныхъ дѣятеляхъ и въ самой средѣ народной тѣхъ высокихъ внутреннихъ настроеній, съ какими, по ученію Евангелія, должны христіанскіе начальники принимать должности. *Вы знаете*, сказалъ Іисусъ Христосъ двумъ своимъ ученикамъ, просившимъ Его о важныхъ начальственныхъ мѣстахъ въ Его царствѣ, *вы знаете, что князи народовъ господствуютъ надъ ними и вельможи властвуютъ ими. Но между вами да не будетъ такъ. А кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ слуга. И кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ всѣмъ рабъ* (Мѳ. 20, 25—27; Марк. 10, 35—45). Не вдругъ могли подобнымъ образомъ устроиться общества человѣческія, чтобы правители языческіе преобразовались въ правителей христіанскихъ, которые бы съ любовію брали на себя трудъ служить нуждамъ подчиненныхъ и ищущихъ суда и правды, ихъ благосостоянію и охраненію ихъ правъ. Первые правители Церкви—апостолы представили высокіе примѣры подобнаго рода правителей. Чтобы эти самые идеалы вошли въ общую жизнь міра, для этого недостаточными оказались всѣ прошедшіе съ того времени 18½ вѣковъ и смѣемъ думать, что въ 1862 г. христіанскій идеалъ правителя и судіи не много еще осуществленъ. Все, что до сихъ поръ родъ человѣческій сдѣлалъ, своими гласными судами, подчиняющими приговоръ судей и распоряженія властей контролю общественнаго мнѣнія, это въ самыхъ передовыхъ странахъ—нѣкоторыя гарантіи противъ произвола приговоровъ судебныхъ и противъ насилій правителей: но чтобы

правитель или судія принимали и проходили свои должности единственно изъ любви къ ближнимъ, а не изъ желанія пріобрѣсти высокое положеніе, средства къ болѣе или менѣе обезпеченному содержанію, этого ждать можно развѣ въ будущемъ. Что христіанскій правитель, христіанскій судія долженъ быть самоотверженнымъ слугою общества (¹),—эта истина признана уже въ нѣкоторыхъ странахъ...

По началамъ евангельской любви къ Богу и ближнимъ власть не должна тяготиться рабскимъ служеніемъ благу ближнихъ, а должна совершать оное съ радостію изъ любви къ нимъ. *Сынъ человѣческій пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ* (Мѳ. 20, 28). *Въ ученіи нашемъ нѣтъ ни заблужденій, ни нечистыхъ побужденій, ни лукавства: но какъ Богъ удостоилъ насъ того, чтобы вѣрить намъ благовѣстіе, такъ мы и говоримъ, угождая не человѣкамъ, но Богу, испытывающему сердца наши. Ибо никогда не было у насъ предъ вами ни словъ ласкательства, какъ вы знаете, ни видовъ корысти: Богъ свидѣтель! Не ищемъ славы человѣческой ни отъ васъ, ни отъ другихъ.—Мы могли явиться съ важностію, какъ апостолы Христовы, но были тихи среди васъ, подобно какъ кормилица нѣжно обходится съ дѣтьми своими... Вы помните, братія, трудъ нашъ и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого изъ васъ, мы проповѣдывали у васъ благовѣстіе Божіе. Свидѣтели вы и Богъ, какъ благоговѣйно и праведно и безукоризненно мы поступали предъ вами вѣрующими* (1 Ѳесс. 2, 3—9),—писалъ одинъ изъ первыхъ начальниковъ христіанскихъ общинъ.

(¹) Essays by Macoley. Edit, Thauchnitz. t. III. p.p. 146. 147.

Вотъ высокіе идеалы истинно-христіанскихъ начальниковъ, далеко еще не достигнутые ни въ какой странѣ, но которые однакожъ ждутъ своего осуществленія, и которые въ настоящее время полезно было бы предносить предъ очами всѣмъ, которыхъ облекутъ судебною властію на новыхъ гласныхъ началахъ. Будемъ надѣяться, что въ будущемъ наступитъ такое время, когда властію не будутъ называть сборъ тѣхъ или другихъ правъ безъ обязанностей или обязанностей безъ правъ— т. е. въ послѣднемъ случаѣ ношу тягостей различныхъ, налагаемыхъ подвластными на извѣстныхъ лицъ и принимаемыхъ и носимыхъ изъ тщеславія, а когда власть будетъ свободно употреблять свои права и радостно исполнять свои обязанности, проникнутая любовію къ управляемымъ ближнимъ и окруженная и защищаемая ихъ любовію, повиновеніемъ и довѣріемъ.

Страхъ гласности и общественнаго суда можетъ спасти отъ нѣкоторыхъ—очевидныхъ злоупотребленій: но онъ же можетъ судью заставить поддаться моднымъ современнымъ требованіямъ и господствующимъ предразсудкамъ массъ въ ущербъ честности и чистой правдѣ, какъ заставляетъ художника жертвовать чистыми требованіями искусства испорченному вкусу толпы: какъ заставляетъ иногда профессора либеральничать въ своей наукѣ для доставленія удовольствія либеральнымъ слушателямъ и истиной науки жертвовать моднымъ бреднямъ; кромѣ того онъ не дастъ судьямъ самоотверженнаго настроенія, чтобы они чужое дѣло разбирали, какъ собственное, въ присяжныхъ не разовьетъ усердія—безмездно проходить свою службу, отрываться отъ прямыхъ своихъ занятій для совѣщаній о виновности или невинности подсудимаго, — не разовьетъ въ нихъ юри-

дической совѣсти, человѣколюбія, справедливости; наконецъ страхъ гласности и общественнаго мнѣнія не дастъ ни судьямъ, ни присяжнымъ юридическаго образованія, судейской опытности, безъ которыхъ при доброй волѣ, при личной честности—самый усердный судья, самые совѣстливые присяжные могутъ произносить или слишкомъ строгіе или слишкомъ снисходительные приговоры.

Что же, спросите, изъ всего этого слѣдуетъ?—Первое то, что указомъ 29 сентября измѣнены только формы судопроизводства, но несправедливости суда могутъ еще остаться, что для измѣненія русскаго суда въ самомъ своемъ качествѣ нужны—нравственное и умственное-юридическое воспитаніе народа. *Не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная* (Римл. 12, 2), писалъ Апостолъ въ наставленіе и руководство первыхъ христіанъ, обратившихся изъ іудеевъ и язычниковъ. Ученіе Христово преподало имъ новыя и высокія понятія о личномъ назначеніи человѣка, о взаимныхъ отношеніяхъ людей и объ отношеніи ихъ къ Богу, между тѣмъ какъ общество языческое, среди котораго они должны были оставаться, и на которое они должны были преобразовательно подѣйствовать, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ стояло въ прямомъ и рѣшительномъ противорѣчіи съ высокими истинами христіанства. И Апостолъ совѣтуетъ начать преобразованія не съ измѣненія своего внѣшняго быта, но съ обновленія ума т. е. съ существеннаго усвоенія новыхъ понятій и побужденій къ дѣятельности, возвѣщенныхъ христіанствомъ. Такъ точно слѣдуетъ поступать при всякой реформѣ, чтобы реформа

оказалась прочною и полезною;—не одну внѣшность, не однѣ формы измѣнять, а измѣнять самыя понятія и побужденія къ дѣятельности къ лучшему, нужно преобразовать вмѣстѣ съ судами и судей, послѣднихъ сдѣлать болѣе справедливыми, болѣе самоотверженными, честными, человѣколюбивыми, болѣе свѣдующими въ юриспруденціи и опытными. Въ томъ и другомъ отношеніи духовенство, хотя о немъ и не упомянуто въ *„основныхъ положеніяхъ о гласномъ судопроизводствѣ“*, можетъ оказать, и должно озаботиться оказать безцѣнныя услуги введенію благой реформы въ народную русскую жизнь. Нравственно-религіозное воспитаніе общества и народа (другаго нравственнаго воспитанія мы не признаемъ, по крайней мѣрѣ для массъ народа), уясненіе и вкорененіе въ души высокихъ понятій христіанскихъ о добрѣ и злѣ, о свободѣ и равенствѣ людей, о любви къ самымъ злодѣямъ и врагамъ,—о правдѣ и чистотѣ приговоровъ и суда, составляя его прямую религіозную обязанность, теперь составляютъ обязанность пастырей, какъ слугъ государства, безмолвно вызывающаго ихъ своей реформой на усиленіе нравственно-религіознаго воспитанія въ народѣ. Мы могли бы желать, чтобы и въ воспитательныхъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, воспитанники которыхъ займутъ конечно большую часть высшихъ судебныхъ мѣстъ, было усилено изученіе Христова ученія догматическаго, нравственнаго и историческаго, въ степени близкой къ той, въ какой изучаютъ религію въ англійскихъ университетскихъ коллегіяхъ и школахъ, воспитывающихъ лучшихъ и гуманнѣйшихъ судей въ мірѣ,—вопреки мнѣнію русскаго педагога, признаваемаго первымъ (¹), вовсе изгоняющаго

(¹) Имѣемъ въ виду г. Пирогова.

изъ университетовъ преподаваніе богословія. Мы желали бы, чтобы теперь особенно духовенство съ своихъ каѳедръ церковныхъ, на исповѣди и при другихъ случаяхъ не упускало изъ виду — новой открывающейся отечественной потребности въ судьяхъ справедливыхъ, самоотверженныхъ и честныхъ и здѣсь по крайней мѣрѣ внушало имъ тѣ высокія понятія о достоинствѣ человѣка, любви и правдѣ, которыя проповѣданы Евангеліемъ. Взятые духовенствомъ на себя труды распространенія грамотности и первоначальнаго образованія по простому народу теперь получаютъ вдвое высшую цѣну; не говоря уже о томъ, что нравственное воспитаніе народа при такихъ сельскихъ учителяхъ не будетъ упущено изъ виду, самая грамотность теперь особенно дѣлается необходимою. Въ Англіи перы, судьи, адвокаты, врачи, большинство чиновниковъ, духовенство, офицеры, придворные чины и лица свыше 60 лѣтъ освобождаются отъ обязанности нести присяжную службу, — и составъ присяжныхъ, не получающихъ никакого вознагражденія за труды, состоитъ тамъ преимущественно изъ мелочныхъ торговцевъ, арендаторовъ и промышленниковъ. По всей вѣроятности обязанность нести безъ вознагражденія службу присяжныхъ и у насъ падетъ главнымъ образомъ на подобныхъ же членовъ общества: поэтому заботы духовенства о первоначальномъ воспитаніи и образованіи народа теперь какъ нельзя больше кстати и онѣ въ интересахъ объявляемыхъ реформъ касательно судопроизводства и самоуправленія должны быть поощрены и правительствомъ и литературой и усилены самимъ духовенствомъ.

О духовенствѣ ни слова не сказано въ основныхъ положеніяхъ о гласномъ судопроизводствѣ, т. е. будетъ

ли оно подчинено въ своихъ гражданскихъ собственно дѣлахъ суду присяжныхъ или жалобы на него по прежнему будутъ начинаться въ консисторіяхъ. Мы думаемъ, что дѣла и иски гражданскіе отойдутъ при этомъ судопроизводствѣ отъ консисторій, и отъ души радуемся и за консисторіи, потому что такимъ образомъ уменьшится въ нихъ число дѣлъ и бумагъ, число въ настоящее время громадное (однихъ исходящихъ бумахъ бываетъ въ консисторіяхъ отъ 15,000 до 20,000), и за духовенство, которое такимъ образомъ будетъ участвовать въ благахъ реформы наравнѣ съ другими сословіями.

Другое важное государственное постановленіе касается собственно церковной области. Имъ опредѣляется болѣе разумный и болѣе согласный съ понятіями христіанской свободы порядокъ приготовленія иновѣрцевъ-нехристіанъ къ принятію православной вѣры и совершенія надъ ними крещенія. Основная мысль этого постановленія та, чтобы вступающіе въ Церковь Христову вступали въ нее съ разумнымъ и болѣе или менѣе отчетливымъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ христіанства предъ ихъ прежними вѣрами. Потому-то и постановляется — лицъ, недостигшихъ еще 14 лѣтняго возраста, не крестить безъ согласія родителей и опекуновъ — и притомъ письменнаго, и только опасно больные всякаго возраста могутъ быть крещены, если будетъ доказано, что они въ полномъ сознаніи желаютъ креститься. Другихъ подробностей этого постановленія мы не выписываемъ (1); но на слѣдующую мы не мо-

(1) Желающіе знать подробности постановленія могутъ найти ихъ въ Христ. Чт. іюль, стр. 873—878.

жемъ не обратить вниманія. Прежде каждому, принимающему христіанство, выдавалось извѣстное вспоможеніе и, говорятъ, бывали случаи, особенно съ евреями, что они по нѣскольку разъ крестились въ разныхъ городахъ и мѣстахъ: теперь лишь тѣ изъ обращающихся получаютъ вспоможеніе, которые должны бываютъ оставить свою прежнюю осѣдлость и водвориться между христіанами. Мѣра совершенно справедливая. Интересамъ истинной вѣры должны служить истинныя по самой своей природѣ доказательства, а не награды и наказанія. Безъ сомнѣнія гораздо легче найти доказательства въ пользу божественности Евангелія, чѣмъ корана: но одинаково легко посредствомъ наградъ купить іудея въ магометанство, какъ и въ христіанство. Вотъ почему мы радуемся этому постановленію; пусть обращающихся будетъ меньше, но мы будемъ увѣрены, что они обращены не заманчивыми матеріальными обѣщаніями, а силой слова Божія и усердіемъ служителей вѣры. Послѣдній пунктъ постановленія,—именно, что „въ случаѣ принятія преступникомъ христіанства наказаніе, опредѣленное въ законѣ за какое либо преступленіе или проступокъ, можетъ быть не только уменьшаемо въ мѣрѣ, но даже смягчаемо и въ степени и въ самомъ родѣ онаго, когда иновѣрецъ не-христіанскаго вѣроисповѣданія во время слѣдствія или суда приметъ православную или другую христіанскую вѣру,“—представляется намъ не совсѣмъ послѣдовательнымъ. Намъ кажется, что это тоже значитъ принимать въ Церковь слабодушныхъ лицемѣровъ, наружныхъ исповѣдниковъ христіанства, а не людей съ честнымъ и разумнымъ убѣжденіемъ. Воды крещенія омываютъ грѣхи и преступленія предъ Богомъ, но не предъ людьми и обществомъ. Эта

льгота несправедлива: за одно и тоже преступленіе христіанинъ преступникъ потерпитъ наказаніе во всей его законной силѣ, а магометанину и іудею, во время слѣдствія и суда надъ нимъ принявшему христіанство, наказаніе будетъ смягчено. Въ отношеніи къ преступникамъ-то именно *искусъ* долженъ быть дольше, для нихъ-то именно не надобно устанавливать никакихъ мірскихъ льготъ, когда они желаютъ принять христіанство; тогда можно будетъ основательно надѣяться, что принявшій его исправится и какъ гражданинъ (¹). Льгота эта отличается іезуитско-прозелитскимъ характеромъ, о которомъ Маколей замѣтилъ: „іезуитскій духовникъ былъ строгъ или снисходителенъ до-нельзя смотря по характеру кающагося. Его первою заботою было никого не выпустить изъ лона римской церкви. Пусть это будутъ дурные люди, все же лучше, если они будутъ дурными католиками, чѣмъ хорошими протестантами. Пусть будетъ это разбойникъ, развратникъ, подкупной убійца, все же онъ не еретикъ". Характеръ миссіонерской практики православной Церкви иной: она

(¹) Напримѣръ чрезвычайно невыгодное впечатлѣніе оставляетъ послѣ прочтенія слѣдующій разсказъ о принятіи еврейкою православной вѣры: начальникъ ровенской уѣздной полиціи телеграммой отъ 14-го сентября просилъ кіевскаго полиціймейстера распорядиться о задержаніи мѣщанина калужской губ. Митрофана Копорскаго, который въ 12 часовъ ночи, уѣзжая изъ Ровна въ Кіевъ, увезъ (?!) дочь мѣщанина еврея Маха—дѣвицу Либу, которая вмѣстѣ съ нимъ *обокрала* Бозлина. Когда по распоряженію мѣстнаго начальства задержали упомянутыхъ лицъ на заставѣ съ разными въ двухъ чемоданахъ и сакъ-вояжѣ вещами, бумагами и деньгами, то еврейка Либа Махъ изъявила желаніе принять православную вѣру, что и было совершено 28-го сентебра въ Θеодосіевской печерской церкви. Мѣщанинъ Копорскій отправленъ въ ровенскую уѣздную полицію, а перекрещенная еврейка оставлена въ Кіевѣ до новаго распоряженія» (Кіев. Телегр.; Сѣверная Пчела, № 290. 1862 г.). *Обокрала, задержана полиціей и приняла православную вѣру?!..* Странная послѣдовательность дѣйствій!

не отказываетъ въ общеніи съ нею самымъ страшнымъ преступникамъ, она не можетъ отказываться принимать ихъ, когда они обращаются къ ней съ чистымъ раскаяніемъ, но не въ ея правилахъ, не въ ея духѣ сманивать къ себѣ какимъ бы то ни было образомъ прозелитовъ.

Съ этой точки зрѣнія мы рады за православную Церковь, — рады за гуманное направленіе правительства, когда послѣднее предоставило въ нынѣшнемъ же году во всей имперіи одинаковыя съ христіанами права службы и жительства всѣмъ евреямъ, окончившимъ курсъ въ университетахъ. Существовавшія до сихъ поръ стѣсненія и ограниченія для евреевъ могли еще въ нѣкоторой мѣрѣ честолюбивыхъ или корыстолюбивыхъ изъ нихъ заставлять дѣлаться христіанами по имени: теперь, когда они сравнены въ правахъ и преимуществахъ, всякое пріобрѣтеніе еврея православной Церкви будетъ пріобрѣтеніемъ ей честнаго и вѣрнаго сына. Во всякомъ случаѣ — это постановленіе не опасно для православія. Пусть и университетскіе и не видавшіе университетовъ евреи разселятся по Россіи: они не совратятъ въ жидовство ни одного христіанина; но, какъ справедливо замѣчаетъ Костомаровъ, отъ этого сосѣдства могутъ пасть благосостояніе и матеріальное богатство русскаго народа, которое перейдетъ въ руки евреевъ, и пострадать народная нравственность, которую губитъ своими шинками евреи имѣютъ удивительную способность.

„*Вопросъ о евреяхъ*" еще прежде этого постановленія впрочемъ сдѣлался предметомъ споровъ въ свѣтской литературѣ изъ-за того, что „*Основа*" назвала евреевъ жидами.

Вслѣдъ за протестомъ еврейскаго журнала „Сіонъ“ появились протесты противъ Основы въ другихъ журналахъ. Еще больше статей, и большихъ и маленькихъ, появилось въ журналахъ вслѣдъ за новымъ государственнымъ постановленіемъ относительно гражданскихъ правъ евреевъ: во всѣхъ ихъ выражалась болѣзненная нѣжность къ новымъ русскимъ гражданамъ и вопросъ о евреяхъ рѣшался вездѣ самымъ либеральнымъ образомъ. Только „День“ и „Основа“ взглянули на еврейскій вопросъ не такъ, какъ другіе журналы, и на нашъ взглядъ судили о немъ основательнѣе. Вотъ, напримѣръ, что пишется въ передовой статьѣ „Дня“: Еврей, признавая истиннымъ ученіе Талмуда, не можетъ иначе дѣйствовать, какъ въ духѣ своего ученія, противоположнаго всѣмъ началамъ, которыя легли въ основу частнаго, общественнаго и государственнаго быта въ христіанской землѣ. Мы никогда не враждовали съ евреями. Мы признаемъ великія дарованія этого народа и искренно сожалѣемъ объ его заблужденіи... Но мы не можемъ желать для нихъ административныхъ и законодательныхъ правъ въ Россіи, въ странѣ, которая предноситъ предъ собою знамя христіанства, создалась и развивается на началахъ христіанской истины и, повторяемъ, не въ иномъ смыслѣ признаемъ возможнымъ будущее примѣненіе новаго закона о евреяхъ. Допустить евреевъ къ участію въ законодательствѣ или въ народномъ представительствѣ какъ въ Англіи (кромѣ дѣлъ ихъ непосредственно касающихся) мы считаемъ возможнымъ только тогда, когда бы мы объявили, что отрекаемся и отказываемся отъ христіанскаго путеводящаго свѣта. Совмѣщеніе же съ одной стороны признанія за евреями такихъ правъ, — съ другой соблюд-

альной вѣрности христіанскому знамени,—есть ложь и лицемѣріе, вредныя для народной нравственности, и потому неспособныя даже дать на практикѣ никакихъ прочно полезныхъ результатовъ. Можно допустить евреевъ въ разныя должности, но не въ тѣ должности, гдѣ власти ихъ подчиняется быть христіанъ, гдѣ они могутъ имѣть вредное вліяніе на администрацію и законодательство христіанской страны (¹)". При прежнемъ канцелярскомъ порядкѣ судопроизводства, евреи могли быть еще судьями, не оскорбляя предубѣжденныхъ противъ нихъ православныхъ, но при новомъ порядкѣ едва ли нашъ православный простолюдинъ не будетъ глубоко оскорбленъ—необходимостію искать суда и расправы у еврея-судьи...

Между тѣмъ „у насъ не сознанная потребность факта вызываетъ отвлеченное понятіе, а послѣднее принимается за необходимость въ его общемъ значеніи, и потомъ уже мы ищемъ факта... Отъ этого у насъ шаткость въ сужденіяхъ, нетвердость въ приговорахъ, несообразность слова съ дѣломъ!" Наша свѣтская литература, выходя изъ общаго понятія о равноправности человѣка, изъ сантиментальнаго сочувствія угнетеннымъ евреямъ, восторженно сперва привѣтствовала новое положеніе, дарующее евреямъ льготы, а потомъ, когда Основа и День отнеслись къ этому дѣлу съ практическимъ знакомствомъ съ евреями, послышался страшный взрывъ негодованія во многихъ, преимущественно петербургскихъ журналахъ, служащихъ по прогрессивной и либеральной части. Одна газета зашла наконецъ такъ далеко, что утверждала, будто для исправленія

(¹) *День*, № 19 стр. 2.

правосудія въ Россіи необходимо допустить въ личный составъ судовъ—нѣмецкихъ евреевъ. Подобныя литературныя явленія прибавляютъ еще одно доказательство въ пользу той истины, что наше образованное общество не только въ области мысли, но и въ области чувства, любви, состраданія, не умѣетъ быть самостоятельнымъ и платитъ дань подражательности западной Европѣ. Дѣло въ томъ, что еврейскій вопросъ имѣетъ извѣстность европейскую; французы, нѣмцы, англичане дали ему самое либеральное разрѣшеніе. . Значитъ и намъ можно тутъ полиберальничать безопасно и въ собственномъ сердцѣ почувствовать себя передовымъ человѣкомъ!.. На этотъ разъ мы несравненно больше уважаемъ то знакомство съ бытомъ евреевъ малороссійскихъ, съ ихъ отношеніями къ малороссійскому населенію, которое заставило г. Костомарова высказать нѣсколько горькихъ истинъ и основательныхъ опасеній за іудеевъ, и то знаніе еврейскаго Талмуда, которое дало г. Александрову силу и мужество возстать на современное убѣжденіе въ способности евреевъ въ настоящее время быть равноправными гражданами въ любомъ христіанскомъ обществѣ. Самыя замѣчательныя строки изъ сихъ статей мы считаемъ полезнымъ привести для своихъ читателей. „Утверждать, что христіанство и Моисеевъ законъ одинаково основаны на 10-ти заповѣдяхъ, и что затѣмъ нѣтъ никакого препятствія еврею исполнять у насъ служебную обязанность точно также хорошо, какъ и христіанину, значитъ разомъ вычеркивать изъ исторіи человѣчества всѣ осмнадцать вѣковъ христіанства!.. Для чего же послѣ этого намъ и называть себя христіанами, коли мы въ сущности своей, въ основѣ, ничѣмъ не отлича-

еися отъ іудействующихъ, не признаемъ за собою никакого дальнѣйшаго успѣха въ развитіи нашей гражданственности... Іудаизмъ можетъ быть понятъ и раскрытъ только въ Талмудѣ, въ немъ воплотился нынѣ весь духъ еврейскаго народа, въ немъ вся тайна и разгадка тѣхъ непонятныхъ и грустныхъ явленій, изъ которыхъ сложились бытъ и исторія этого народа. Что бы дать нѣкоторое понятіе о томъ, чѣмъ становится Талмудъ и его послѣдователи въ отношеніи къ христіанству, я приведу нѣсколько извлеченій, взятыхъ цѣликомъ изъ Талмуда и другихъ книгъ, составляющихъ одно съ нимъ цѣлое... Вотъ чему учитъ нынѣшній Талмудъ и библія, толкованная раввинами въ духѣ его: Человѣкомъ не признается никто другой, кромѣ іудея, ибо одни іудеи произошли отъ перваго человѣка, а всѣ прочіе народы отъ нечистаго духа. Они одни происходятъ отъ Адама, Авеля, Авраама и Моисея, а всѣ прочіе народы и въ особенности христіане, отъ діавола, Каина, Исава и Іисуса Христа. Они единый народъ пріятный Богу, Который избралъ его своимъ народомъ и поставилъ его владыкой надъ всѣми прочими.—Всякое зло, запрещаемое закономъ іудейскимъ противъ брата, противъ ближняго своего, запрещено только относительно самихъ іудеевъ; ибо не-іудей не есть для нихъ ни братъ, ни ближній, ни товарищъ; онъ не достоинъ никакого снисхожденія и никакого милосердія.—Всякій подкупъ, неправедная мзда и лицемѣріе дозволяются іудеями относительно христіанъ.... Человѣку праведному (іудею) дозволяется обманывать: съ невинными будь невиненъ, съ нечестивымъ (христіаниномъ) будь нечестивъ... Іудей можетъ красть у христіанина. Свидѣтельство не-іудея да отвергнется безъ

исключенія. Законъ іудейскій запрещаетъ іудеямъ освободить не-іудея отъ какой бы то ни было опасности, которой подвергается жизнь его, ибо сказано въ Талмудѣ: запрещается спасать отъ смерти *акума* или не-іудея, ибо спасти его — значитъ увеличить число ихъ; этому же сказано: да не помилуеши ихъ. — Убивайте праведнѣйшаго изъ язычниковъ или не-іудеевъ: онъ повиненъ смерти уже тѣмъ однимъ, что не-іудей, и потому самому не можетъ быть чѣмъ либо годнымъ. Отрицающій ученіе іудейское долженъ быть названъ еретикомъ, и законъ повелѣваетъ его ненавидѣть и губить. Чтобы судить вѣрнѣе о евреяхъ и о томъ, въ какой мѣрѣ они способны къ равноправности съ христіанами, для этого надобно знать Талмудъ; тогда мы не будемъ болѣе ходить во тьмѣ и филантропическія движенія наши будутъ болѣе сообразны съ желанной цѣлію. А то много у насъ хорошихъ стремленій, много сознанія того, чему бы слѣдовало быть, но нѣтъ у насъ того *знанія дѣла*, безъ котораго мы будемъ постоянно увлекаться, либеральничать, кидаться опрометью за идеями вѣка, не чуя земли подъ собою, не отдавъ себѣ напередъ отчета: куда идемъ, чего хотимъ" (¹). Тоже самое, что г. Александровъ говоритъ о теоретическихъ взглядахъ евреевъ, вѣрующихъ въ Талмудъ, г. Костомаровъ утверждаетъ относительно ихъ историческаго поведенія въ Малороссіи и относительно ихъ современнаго состоянія тамъ. „Въ нашей родинѣ (т. е. въ Малороссіи), пишетъ Костомаровъ, іудеи дѣйствовали съ такимъ же тактомъ, какъ и вездѣ, и если они здѣсь испомѣстились особеннымъ образомъ, то это зависѣло отъ тѣхъ сторонъ.

(¹) *День* № 25.

которыми они воспользовались, найдя ихъ въ землѣ нашей. Слабѣйшая сторона нашего общества въ эпоху соединенія нашего съ Польшею, состояла въ разрывѣ между панствомъ и народомъ. Іудеи ударили прямо въ эту струну. Способствуя порабощенію и униженію народа, они въ тоже время обращали въ свою пользу значительную выгоду, какую получало панство, мазали пановъ по тѣлу собственнымъ ихъ саломъ, какъ выразился одинъ изъ нашихъ старыхъ лѣтописцевъ. Порабощенное состояніе земледѣльцевъ, продолжившееся и впослѣдствіи, причина, поводъ, что іудеи продолжали держать въ рукахъ промышленность и торговлю, лелѣяли барскую лѣнь сильнаго пана и апатичную лѣнь забитаго мужика. Они не питали симпатіи ни къ тому, ни къ другому, а пользовались только невѣстнымъ ихъ положеніемъ. Нравственные интересы края существуютъ для нихъ только по отношенію къ себѣ. Столкнулся ли іудей съ человѣкомъ нравственнымъ, котораго ни какъ нельзя искусить на худое,—онъ пользуется, на сколько можетъ, тѣмъ отношеніемъ, въ какое съ нимъ поставленъ; онъ даже можетъ его побудить на какое нибудь доброе дѣло, но имѣетъ въ виду только то, что ему перепадетъ изъ этого добраго дѣла; но если передъ нимъ субъектъ безнравственный, онъ также станетъ потворствовать его дурнымъ побужденіямъ, чтобы воспользоваться ими. Жившіе въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ знаютъ, какъ часто іудеи развиваютъ у поселянъ склонность къ пьянству, охотно даютъ ему на *боргъ* водки, чтобы потомъ запутать, разорить, чтобы все достояніе пьяницы перешло въ ихъ шинки, какъ побуждаютъ поселянъ на воровство и принимаютъ краденыя вещи, какъ услуживаютъ разврату и соблазня-

ютъ женщинъ, какъ умѣютъ изыскать всевозможныя страсти, чтобы довести человѣка до положенія, выгоднаго для себя, хотя бы окончательно разрушительнаго для него. Это дѣлается однако не по какому либо глубоко безнравственному побужденію, не по склонности къ злу, а по холодности и безучастію къ міру, стоящему за предѣлами іудейства. Іудей рѣдко будетъ сознательно дѣлать зло, какъ и добро; онъ посторонній причинамъ, управляющимъ тѣмъ, что вокругъ него происходитъ; ему посторонни и свѣтлыя и темныя жизненныя явленія: его дѣло пользоваться ими, когда случай представляется, когда они сами, такъ сказать, напрашиваются быть ему полезными" (1). Іудей для украинца не милъ потому, что онъ считаетъ еврея способнымъ его обмануть, воспользоваться его стѣсненнымъ положеніемъ для своихъ выгодъ, прижать его, если будетъ случай. Въ іудействѣ вообще для южнорусса есть что-то, если не враждебное, не постоянно тяготящее, то холодное, безчувственное къ его состоянію, прозябающее въ его средѣ только для себя, проходящее по одной съ нимъ жизненной дорогѣ, но къ другимъ цѣлямъ. Онъ знаетъ, что іудей всегда ему посторонній; высѣчетъ ли его экономъ — іудей не почтитъ сочувствіемъ его ранъ; возмутъ ли у него дочь на растлѣніе, — іудей посмѣется надъ его горемъ, а можетъ быть и самъ поможетъ его совершенію; повезутъ ли сына его въ рекруты, — іудей не раздѣлитъ съ нимъ семейнаго горя; неурожай ли у него, пожаръ ли, — іудей не пожалѣетъ объ этомъ, если не увидитъ, что бѣдствія эти простираются на него самаго. Нѣтъ у него съ іудеемъ ни

(1) *Основа*. 1862 г. № 1. Статья [illegible] *Іудеихъ*; стр. 17, 18

дружеской беседы, или общей трапезы; поселянинъ обращается къ нему только тогда, когда есть нужда и притомъ зная, что іудей будетъ наблюдать одну свою пользу. .. Признаемся, намъ не случалось видѣть, чтобы русскій сошелся и подружился съ евреемъ; это трудно видѣть даже между образованными людьми обѣихъ націй. Въ іудеѣ, развитомъ человѣкѣ, нерѣдко русскій встрѣчаетъ какую то холодность, сухость, безсердечность: такъ и видно, что за предѣлами его іудейства для него хоть волкъ траву ѣшь" (¹). Евреи по своей религіи, по своимъ вѣрованіямъ и надеждамъ неизбѣжно должны стоять особнякомъ отъ той страны, гдѣ проживаютъ: иначе они будутъ переродки, а не евреи" (²).

Сравнивая эти трезвыя и правдивыя сужденія *Дня* и *Основы*, гг. Александрова и Кастомарова съ риторическими и сантиментальными возгласами другихъ журналовъ и писателей въ пользу евреевъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ нашъ положительный, реальный вѣкъ хоть и вооружаются противъ схоластики въ пользу индукціи, противъ отвлеченностей и общихъ правилъ въ пользу изученія частныхъ фактовъ, но методъ индуктивный какъ-то особенно рѣдко прилагается къ дѣлу самыми восторженными почитателями философіи Бекона. У насъ все почти выводится не изъ частныхъ фактовъ, а изъ общихъ положеній, реформы требуются и предлагаются не въ слѣдствіе знанія частныхъ сторонъ преобразуемаго дѣла, а какъ слѣдствіе той или другой общей истины. Выходя напр. изъ идеи равенства всѣхъ людей и равноправности всѣхъ гражданъ, можно ко-

(¹) *Основа*. Тамъ же, стр. 45.

(²) Тамъ же; стр. 57.

нечно, требовать полнаго уравненія евреевъ съ христіанами въ гражданскихъ правахъ; но это будетъ заключеніе чистой математики, — вѣрное само въ себѣ, но, какъ многіе вѣрные выводы, долженствующее измѣниться въ приложеніи къ дѣлу. Іудеи, какъ люди, конечно, равны русскимъ: но что, если сами іудеи считаютъ себя не равными, а высшими русскихъ, высшими всѣхъ колѣнъ и племенъ земныхъ, предназначенными не къ равенству, а къ господству надъ другими народами? Іудеи народъ умный и способный, слѣдовательно глупо было бы не пользоваться государству ихъ гражданскими услугами: но что, если они всякую страну, всякій народъ, среди котораго живутъ, считаютъ чуждыми для себя. что. если они по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ считаютъ для себя справедливымъ обмануть, притѣснить, наконецъ произнести несправедливый приговоръ надъ христіаниномъ? Іезуиты, говорятъ, народъ умный и очень ловкій: но вѣрно всякій прогрессистъ и всякій любящій свое отечество русскій не хотѣлъ бы, чтобы они сдѣлались нашими администраторами, судіями и начальниками. Мясная пища питательнѣе растительной: но слѣдуетъ ли отсюда, что для того, чтобы лошадь везла лучше, корова давала больше молока, ихъ слѣдуетъ кормить мясомъ? Что ожидаетъ русскихъ евреевъ въ будущемъ? „Что если наше цивилизованное общество. послѣ многотрудной борьбы съ своими недостатками и страстями, кидаясь то въ ту. то въ другую сторону, доходя почти до отчаянія и потерявъ вѣру въ свою нравственную мощь. обратится къ этому нѣкогда отверженному народу и призоветъ его, какъ нѣкогда наши предки варяговъ, устроить у себя нарядъ?“ (¹) Мы

(¹) Слова изъ той же статьи Костомарова; стр. 47.

не желаемъ этому вѣрить, хотя восторженные возгласы въ пользу евреевъ въ нашихъ журналахъ нѣсколько оправдываютъ это странное опасеніе г. Костомарова.

Отъ законоположеній государственныхъ обратимся теперь къ законодательнымъ распоряженіямъ Святѣйшаго Синода и епархіальнаго начальства, имѣя въ тоже время въ виду и толки, возбужденные этими распоряженіями въ литературѣ.

Здѣсь особенно знаменательнымъ и важнымъ кажется намъ постановленіе касательно избранія настоятелей въ общежительныхъ монастыряхъ. Излагать въ подробностяхъ это постановленіе было бы излишне: читатели могутъ найти его въ одной изъ предъидущихъ книжекъ *Христіанскаго Чтенія* (1). Означеннымъ постановленіемъ вводится или точнѣе возстановляется образъ избранія настоятеля въ общежительные монастыри мѣстною монастырскою братіею. Въ эпоху усиленія централизаціи въ Россіи и монастыри подверглись той же участи: и сюда—въ эти обители, куда люди добровольно удаляются отъ міра для молитвы, стали назначаться въ настоятели вмѣсто лицъ, снискавшихъ уваженіе и довѣріе братіи, лица, заслужившія довѣріе правительства,—лица не настолько знакомыя съ монастырскою жизнію, чтобы руководить ею, часто переходившія изъ монастыря въ монастырь. Монастыри приняли въ слѣдствіе этого казенный характеръ. „Въ общежительный монастырь опредѣлялся иногда настоятель изъ посторонникъ, не знающій особенныхъ постановленій и правилъ того монастыря, или вообще незнакомый съ устройствомъ общежительныхъ монастырей, или даже совсѣмъ

---

(1) Христ. Чт. 1862 г. Начальств. распоряженія, стр. 225.

не имѣющій опытности въ монашеской жизни, только что постриженный изъ бѣднаго духовенства. Таковый не безъ труда входилъ съ мѣстною братіею въ отношеніе братолюбія и единодушія, не всегда вѣрно поддерживалъ мѣстный порядокъ, мало ему извѣстный, и иногда не удерживался и отъ нововведеній, смущающихъ и разстроивающихъ братство. По древней простотѣ кромѣ того въ нѣкоторыхъ общежительныхъ монастыряхъ завѣдываніе ими слишкомъ исключительно сосредоточивается въ настоятелѣ. Отъ того произволъ настоятеля иногда переступалъ предѣлы; не представлялось удобства приспособлять людей къ прохожденію должностей, а въ случаѣ тяжкой болѣзни или смерти настоятеля иногда не оставалось лица, отвѣтствующаго за точную извѣстность и цѣлость монастырской собственности". Въ предупрежденіе такихъ неблагопріятныхъ случаевъ и опредѣленъ новый порядокъ избранія настоятелей. Въ основѣ постановленія лежитъ избирательное-выборное начало: избраніе поручается самой братіи и главнымъ образомъ изъ членовъ своего же монастыря, и даже съ тайною подачею голосовъ, одобреніе избраннаго предоставляется мѣстному архіерею, утвержденіе Святѣйшему Синоду; мѣстные монастырскіе обычаи и уставы не дозволяется настоятелямъ самовольно уничтожать, и въ предотвращеніе произвола каждому настоятелю приказано описать ихъ обстоятельно для утвержденія епархіальнымъ архіереемъ и для неизмѣннаго храненія. Выборное начало снова такимъ образомъ получаетъ приложеніе въ церковной практикѣ: оно ведетъ свое начало со времени избранія семи діаконовъ въ апостольской Церкви, оно никогда не переставало дѣйствовать въ древней вселенской Церкви, хотя въ разныя времена и

въ разныхъ мѣстахъ сообразно съ мѣстными и времененными условіями оно было ограничиваемо и область его приложенія стѣсняема. Остается желать, чтобы оно получило на будущее время болѣе широкое приложеніе въ церковной практикѣ.

Сознаніе важности и большей жизненности выборнаго начала сравнительно съ началомъ чиновническимъ выразилось въ нѣкоторыхъ епархіяхъ новымъ порядкомъ избранія благочинныхъ. Кіевскій преосвященный митрополитъ Арсеній въ текущемъ году сдѣлалъ слѣдующее важное распоряженіе по епархіальному управленію: *подвергнуть благочинныхъ выбору самаго духовенства*. Вопросъ объ этомъ поднятъ былъ еще раньше въ 1861 г. новымъ духовнымъ журналомъ: *Духъ Христіанина*. Составитель *„епархіальнаго листка“* изъ дѣла Святѣйшаго Синода (1825 г. № 124/972) извлекъ слѣдующія правила: „Избраніе въ кандидаты на вакансіи благочинныхъ производить того же округа священно-и-церковнослужителямъ изъ среды священниковъ такихъ, которые ближе извѣстны имъ по образу жизни, безпристрастію, расторопности, опытности въ дѣлахъ церковныхъ и въ знаніи церковныхъ правъ. Для сего имѣетъ консисторія или духовное правленіе назначить срокъ съѣзда священно-и-церковнослужителямъ къ какой нибудь церкви того города или округа, гдѣ вакансія благочиннаго, и отправить въ оную въ епархіальныхъ городахъ члена консисторіи, а въ уѣздныхъ—члена духовнаго правленія. По собраніи же и по испрошеніи Божьяго благословенія начать таковое избраніе, но членамъ консисторіи или духовнаго правленія въ оное ни тайнымъ, ни явнымъ образомъ не вмѣшиваться, а наблюдать только за чиннымъ порядкомъ выбора. По учиненіи выбо-

ра на каждую вакансію не менѣе двухъ кандидатовъ за подписаніемъ всѣхъ избиравшихъ и члена, представить епархіальному архіерею.—Въ число кандидатовъ поставлять и градскихъ священниковъ въ ближнія къ городамъ благочинія, но не занятыхъ никакими другими должностями: ибо указомъ 1780 г. Октября 15 дня велѣно коммиссіи сверхъ назначенныхъ должностей не налагать. Тоже сказано въ 4 пунктѣ указа 1791 г. 7 октября о духовныхъ депутатахъ. Изъ присутствующихъ же въ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ въ благочинные, какъ донынѣ было, не назначать, ибо сія исполнительная должность съ судейскою не совмѣстна и присутствующимъ отъ мѣстъ своихъ безъ особаго позволенія начальства отлучаться не велѣно. А по сему, если присутствующіе въ консисторіяхъ и духовныхъ правленіяхъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправляютъ должность благочинныхъ, то, оставя ихъ при одной только должности, для исправленія другой избрать кандидатовъ, или по мѣстной удобности поручать таковыя церкви сосѣднимъ благочиннымъ. На семъ основаніи выбирать также кандидатовъ на вакансіи въ увѣщатели подсудимыхъ, въ депутаты и духовники, а ежели епархіальное начальство признаетъ нужнымъ, то и въ присутствующіе консисторіи и духовнаго правленія“. Это указаніе, сдѣланное журналомъ на недавнюю практику, скоро въ трехъ епархіахъ нашло себѣ практическое приложеніе, сперва въ кіевской, и вслѣдъ за тѣмъ въ полтавской и подольской. Въ кіевской епархіи избранные 29 марта опредѣлены преосвященнымъ митрополитомъ на должности, и имъ резолюціей объявлено, что „они остаются въ сей должности только на пять лѣтъ, съ тѣмъ однакожъ, что по истеченіи этого срока они

могутъ быть избраны духовенствомъ и на слѣдующее пятилѣтіе, и что изъ числа избирателей и избираемыхъ не исключаются и нынѣ увольняемые благочинные и даже имѣютъ въ семъ отношеніи нѣкоторое преимущество предъ прочими" (¹).

Журналы духовные и свѣтскіе съ сочувствіемъ занялись этою дѣйствительно-важною преобразовательною мѣрою въ духовной администраціи. Статьей 67 Устава духовныхъ консисторій постановляется: „избраніе и опредѣленіе довѣренныхъ лицъ на мѣста и должности, чрезъ которыхъ производится управленіе и надзоръ въ епархіальномъ вѣдомствѣ, зависитъ отъ усмотрѣнія эпархіальнаго архіерея, которому консисторія на открывающееся мѣсто представляетъ кандидатовъ съ подробными о нихъ справками". Касательно такого способа избранія благочинныхъ протоіерей Карелинъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „Консисторія можетъ знать эпархіальное духовенство лишь на столько, на сколько имѣетъ о немъ свѣдѣній въ оффиціальныхъ бумагахъ, изъ которыхъ она и дѣлаетъ справки. У нея подъ рукою формулярные списки, изъ которыхъ видно, кто изъ священниковъ окончилъ курсъ во второмъ, кто въ первомъ разрядѣ, кто былъ судимъ и штрафованъ, кто нѣтъ; чѣмъ кто награжденъ и какого кто поведенія. На сколько такія указанія опредѣляютъ достоинство священника, всякому понятно: кончившихъ курсъ со степенью студента можетъ быть много въ извѣстномъ благочинническомъ округѣ, а кто изъ нихъ болѣе образованъ, кто изъ нихъ вовсе перестал заниматься и кто продолжаетъ свое образованіе, особенно же кто

(¹) Кіевскія Епарх. Вѣдомости.

успѣшнѣе прилагаетъ свои познанія къ жизни и дѣятельности,—этого консисторія знать не можетъ; далѣе—иной, не бывшій подъ судомъ и штрафомъ, только случайно избѣжалъ этого, а въ округѣ онъ извѣстенъ не съ доброй стороны; наконецъ—общія отмѣтки поведенія весьма мало характеризуютъ отмѣчаемыхъ. Если и предположимъ, что выборъ консисторіи, не смотря на всѣ эти неудобства, иногда падаетъ на кандидата достойнаго; то со стороны ввѣряемаго ему духовенства все таки не устраняются частнымъ случаемъ сомнѣнія въ справедливости избранія, которое въ принципѣ вообще несостоятельно. Плодомъ этихъ сомнѣній является у духовенства недовѣріе къ избранному и охлажденіе при исполненіи своихъ обязанностей, вся тяжесть труда ложится поэтому на одного благочиннаго. Одинъ изъ под чиненныхъ благочиннаго считаетъ себя старше его курсомъ по воспитанію, другой выше стоялъ въ спискахъ семинарскихъ" (¹). Можетъ быть, можно было бы сказать и больше противъ прежняго порядка избранія благочинныхъ, но сказанное сказано вѣрно и обсужено съ практическимъ пониманіемъ дѣла. Точно также вѣрно выставлены въ замѣткѣ о. Карелина большія преимущества новаго порядка избранія благочинныхъ: „священники одного округа или уѣзда болѣе или менѣе знакомы между собою по семинаріи, потомъ, сталкиваясь на приходахъ своими интересами, нравственными и матеріальными, они весьма близко знаютъ пастырскую дѣятельность каждаго изъ своей среды, равно и степень нравственныхъ достоинствъ каждаго, а потому при избраніи одного изъ среды себя благочиннымъ у всѣхъ

(¹) *Прав. Обозр.* 1862 г. № 8. *См. Замѣтки*; стр. 42. 43.

у нихъ при общемъ совѣщаніи всегда достанетъ настолько справедливости, чтобы по-мимо эгоистическихъ разсчетовъ указать на достойнаго кандидата, который могъ бы не только строго исполнять распоряженія епархіальнаго начальства, но былъ бы въ кругу ихъ миротворцемъ, связующимъ звѣномъ между ними и начальствомъ и защитникомъ правъ каждаго. Кромѣ того, такой порядокъ избранія можетъ оказать и нравственное вліяніе на духовенство. Какъ бы ни была непривлекательна должность благочиннаго, требующая и усиленныхъ трудовъ и излишнихъ расходовъ и подвергающая отвѣтственности, но при всемъ томъ она получитъ и свѣтлыя стороны въ общемъ, искреннемъ довѣріи къ избранному. Избиратели и избранные сольются такимъ образомъ между собою и, въ духѣ любви и единенія, дружнѣе станутъ стремиться къ преуспѣянію въ дѣлахъ Церкви на общую пользу" (¹). „Неужели", спрашиваетъ Сынъ Отечества, „настоящее духовенство, не смотря на свое образованіе, въ чемъ всѣ благонамѣренные люди отдаютъ ему справедливость, не смотря на выходки нѣкоторыхъ журнальныхъ свистуновъ, неужели, говоримъ, настоящее духовенство не заслуживаетъ того, чтобы ему самому отдать право избранія на должность благочиннаго изъ среды себя? Если и прежніе десятоначальники избираемы были самимъ духовенствомъ, если и нынѣ всѣмъ государственнымъ сословіямъ, не исключая и крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, дано право свободнаго выбора изъ среды себя на служеніе судебное и административное, и выборъ ихъ, если только онъ свободный,

(¹) Тамъ же; стр. 43, 44.

всегда оправдывается: почему же духовенству не предоставить сего права, которое можно назвать не притязательнымъ, а вполнѣ справедливымъ, необходимымъ, даже канонически священнымъ! Или неужели епархіальное начальство убѣждено въ томъ, что если самому духовенству дать право избранія изъ среды себя благочинныхъ, то оно не воспользуется имъ, не оцѣнитъ его и не съумѣетъ выбрать себѣ ближайшимъ начальникомъ человѣка умнаго, благонамѣреннаго, честнаго, которымъ было бы довольно и начальство?... Не думаемъ, чтобы избраніе самимъ духовенствомъ изъ среды себя благочинныхъ, въ какомъ либо отношеніи могло ограничивать или унижать священную власть нашихъ архипастырей. Утвержденіе избранныхъ духовенствомъ—одного изъ двухъ или трехъ кандидатовъ—съ двумя помощниками всегда должно зависѣть отъ совершительной власти архіерея, облеченнаго для сего особенною благодатію, и мы не смѣемъ думать, чтобы кто нибудь рѣшился говорить противъ этой неотъемлемой власти, дарованной имъ, какъ преемникамъ Апостоловъ, Самимъ Господомъ... Нельзя не упомянуть еще и о томъ, что въ настоящее время благочинный — личность мало извѣстная въ обществѣ. Но какъ бы въ глазахъ народа возвысилось лицо благочиннаго и его настоящее значеніе отъ одного порядка избранія, которое должно происходить непремѣнно въ церкви послѣ торжественной соборной литургіи, при собраніи народа, при чемъ должно быть объясняемо присутствующимъ значеніе обязанностей, возлагаемыхъ на благочиннаго, его отношеній къ духовенству и обществу“ (1).

(1) *Сынъ Отечества*. 1862 г. № 206.

Мы выписали все это для того, чтобы самимъ не повторять того, что высказано уже другими и что мы признаемъ совершенно справедливымъ. Къ сказанному другими мы можемъ еще прибавить слѣдующее. Отечественная церковь всегда, какъ и древняя вселенская Церковь, основныя правила своего управленія приспособляла къ временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ гражданскаго общества. Въ пору централизаціи и бюрократіи у насъ начала эти проникли и въ область церковнаго управленія, хотя въ немъ все еще оставалось больше, чѣмъ въ другихъ сферахъ отечественнаго управленія, христіанскихъ началъ самоуправленія. Оно было у насъ единственнымъ сословіемъ, у котораго имѣлись свои суды для себя изъ лицъ своего же сословія, которое имѣло свои особенныя учебныя заведенія, свои особенныя суммы. Въ настоящее время, когда начала централизаціи въ гражданскомъ быту уступаютъ господство началамъ мѣстнаго *самоуправленія* и гласнаго судопроизводства, церковь съ пользою для себя и для отечества можетъ и должна возвратиться къ своей прежней практикѣ и сдѣлать это тѣмъ съ большею рѣшительностію, не рискуя привнести разладъ въ строй отечественной жизни. Выборное начало доколѣ еще приложено на практикѣ къ общежительнымъ монастырямъ и въ трехъ епархіяхъ — къ должностямъ благочинныхъ: остается желать, чтобы оно получило приложеніе къ другимъ учрежденіямъ церковнымъ.

Представленное нами обозрѣніе законодательныхъ и судебныхъ реформъ въ отечествѣ и церкви даетъ знать, что выборное начало вводится въ жизнь самимъ правительствомъ. Какъ мы уже сказали, это начало составляетъ одно изъ самыхъ очевидныхъ слѣдствій евангель-

скаго ученія и одно изъ самыхъ жизненныхъ и постоянныхъ правилъ Христовой вселенской Церкви. Но это начало, можетъ быть, больше, чѣмъ начало чиновническое, требуетъ нравственнаго и умственнаго развитія въ избирающей средѣ и въ избираемыхъ представителяхъ. И Милль совершенно справедливо въ своихъ „*Размышленіяхъ о представительномъ управленіи*" замѣчаетъ, что „тамъ, гдѣ народъ образованъ умственно и нравственно (educated), представительное управленіе есть единственно законная форма" (¹). Изъ этихъ словъ Милля слѣдуютъ сами собою заключенія: 1) что тамъ, гдѣ народъ еще не образованъ, тамъ для того, чтобы представительное или выборное начала принесли пользу, надобно озаботиться его образованіемъ; 2) что можетъ быть больше, чѣмъ другія сословія, сословіе духовное способно къ самоуправленію, такъ какъ оно все почти образовано и притомъ въ одинаковомъ направленіи. Не скроемъ однакоже, что и этотъ родъ управленія не безъ большихъ опасностей и искушеній, которыя всегда нужно имѣть въ виду при составленіи правилъ для него. Честолюбіе и корысть одинаково могутъ испортить все дѣло и здѣсь, какъ и въ бюрократіи. От. протоіерей Карединъ не хочетъ видѣть опасностей, сопряженныхъ съ выборнымъ началомъ. „Можетъ показаться", пишетъ онъ, „что съ перемѣною порядка избранія благочинныхъ, они изъ лицъ начальствующихъ сдѣлаются зависимыми отъ избирателей. Правда, произволъ найдетъ себѣ ограниченіе въ этомъ обстоятельствѣ, что желанно и духовенству и духовному начальству. Предполагаемой же

(¹) Considerations on Representative Government. By Iohn Stuart Mill. New-York. 1862.

зависимости, вредной для исполненія долга справедливости, мы увѣрены, не будетъ. Или у насъ мало вѣры въ силу правды и истины? Гдѣ же уже на нее и положиться, если нельзя положиться въ средѣ пастырей церкви"? Все это очень благонамѣренно и благородно — со стороны отца протоіерея, но едвали вѣрно. Кому неизвѣстны подробности о подкупахъ, о кліентахъ, о разныхъ продѣлкахъ, о громадныхъ суммахъ, издерживаемыхъ на избирателей, и другія грязныя явленія, сопровождающія парламентскіе выборы въ Англіи; кто не знаетъ, что тамъ въ высшее законодательное собраніе нерѣдко попадались лица, не самыя умныя и не самыя честныя, а самыя щедрыя и самыя ловкія, что тамъ нѣкогда министровъ подкупалъ Людовикъ XIV, а министры подкупали палату. Подобныя же явленія могутъ повториться и у насъ; мы вѣримъ тоже *„въ силу правды и истины"*, но очень хорошо знаемъ, что природѣ человѣческой вообще доступны и побужденія честолюбія и корысти, что судья или начальникъ, служащій по выборамъ, въ видахъ популярности и выбора на слѣдующіе сроки можетъ быть снисходителенъ—въ ущербъ справедливости, строгъ къ неимѣющему голоса и милостивъ къ имѣющему, можетъ лакействовать предъ избирателями предъ наступленіемъ выборовъ и продолжать тоже самое лакейство послѣ выбора при самомъ исполненіи должности, наклоняя дѣла въ пользу большинства, избравшаго его, и противъ меньшинства, стоявшаго за другаго кандидата. Что же изъ этаго всего слѣдуетъ? Не хотимъ ли мы сказать этимъ, что выборное начало хуже чиновническаго? Нимало: мы отдаемъ преимущество первому, но утверждаемъ, что не формы правленія и суда, окончательно поправляютъ дѣло и ве-

дутъ народы и сословія къ благоденствію, а честность и правда нравственная частныхъ лицъ и воспитаніе евангельскаго самоотверженія и христіанской любви и въ начальникахъ и въ подчиненныхъ. Когда начальникъ будетъ принимать на себя санъ не по честолюбію или корыстолюбивымъ разсчетамъ, а въ чувствѣ самоотверженной любви къ ближнимъ—съ искреннимъ желаніемъ праведно служить справедливости и счастію своихъ собратій, когда выбравшіе способны станутъ самые строгіе приговоры надъ ними—признать справедливыми и не отказать въ своемъ голосѣ на будущихъ выборахъ тому судьѣ, котораго приговоръ справедливо покаралъ ихъ: вотъ въ такомъ случаѣ нѣтъ лучше, какъ избирать начальниковъ и судей голосованіемъ и тогда выборное начало принесетъ несомнѣнные плоды. Не въ формахъ—дѣло, а въ нравственномъ и умственномъ образованіи членовъ общества. Государства гибнутъ—при самой широкой демократіи, и твердо стоятъ при самой тѣсной олигархіи. Безнравственныя цѣли преслѣдуются и достигаются при самыхъ полныхъ республиканскихъ учрежденіяхъ, и благодѣтельныя реформы совершаются въ самыхъ неограниченныхъ монархіяхъ. Народъ не всегда избираетъ своими представителями и руководителями Перикла и Демосѳена, а нерѣдко Клеона или Димада, не всегда стоитъ за Линкольна, вооружающагося противъ рабства, а и за Девиса, защищающаго невольничество, не всегда за правду и истину, а иногда и за эгоистическія выгоды, не за неподкупнаго и справедливаго судью и начальника, а и за ловкаго интригана, умѣющаго и имѣющаго средства въ ущербъ правдѣ и закону—играть въ популярность, можетъ поддаться наущеніямъ *архіереевъ и старцевъ* до того, что будетъ требо-

вать казни Божественному Учителю, Исцѣлителю своихъ больныхъ, Очистителю прокаженныхъ, своему Благодѣтелю и Чудотворцу, и прощенія разбойнику Вараввѣ, и своими криками сдѣлаетъ напрасною попытку благороднаго начальника спасти Праведника (Мѳ. 27, 17 — 26) отъ завистливыхъ фарисеевъ. Вотъ почему, если когда, то особенно теперь должно быть усилено нравственно-религіозное и умственное образованіе въ нашемъ отечествѣ, и пастырямъ церкви открывается великая миссія—не смотря ни на какія укоризны и препятствія—послужить распространенію и укорененію высокихъ христіанскихъ понятій о любви и правдѣ, о добрѣ и честности, между всѣми сословіями призываемаго къ обновленію жизни своей русскаго народа, и въ тоже время подумать о своихъ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ для народа учителей нравственности, и о необходимости и настоятельной нуждѣ преобразованія ихъ. Этого требуютъ отъ нихъ и вѣра и патріотизмъ.

ГРАМОТА

СВЯТѢЙШАГО ВСЕЛЕНСКАГО ПАТРІАРХА ІОАКИМА,

ВКУПѢ СЪ СВЯТЫМЪ СОБОРОМЪ,

НА ИМЯ РЕДАКЦІИ ИЗДАВАЕМОЙ ВЪ ПАРИЖѢ ГАЗЕТЫ «L'UNION CHRÉTIENNE» (1).

„Іоакимъ, Божіею милостію архіепископъ Константинополя, новаго Рима, и вселенскій патріархъ.

„Мудрые и всеполезные мужи, высокопочтеннѣйшій протоіерей господинъ Іосифъ Васильевъ и благочести-

---

(1) Посланіе сіе адресовано такъ: «Высокопочтеннѣйшему господину (Киръ) Іосифу Васильеву и благочестивому и достопочитаемому Аббату Гете, мужамъ мудрымъ и всеполезнымъ, достойнымъ представителямъ редакціи издаваемаго въ Парижѣ журнала «L'Union Chrétienne», чадамъ нашимъ о Господѣ возлюбленнымъ и превожделеннымъ» Въ объясненіе происхожденія его представляемъ выписку изъ письма о. протоіерея Васильева къ г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода отъ $^{19}/_{31}$ октября 1862 г:

Въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ ($^{15}/_{27}$) дня мы, я и отецъ Владиміръ Гете, имѣли честь и радость получить одобрительную для «L'Union Chrétienne» грамату отъ вселенскаго патріарха Іоакима и состоящаго при немъ собора двѣнадцати митрополитовъ.

Мѣсяцевъ за шесть предъ симъ я былъ извѣщенъ частнымъ письмомъ изъ Константинополя, что первый іерархъ православной Церкви и единовѣрные намъ восточные епископы со вниманіемъ и любовію читаютъ наше скромное еженедѣльное изданіе, имѣющее цѣлію соединеніе церквей на почвѣ православія. Вскорѣ послѣ я былъ почтенъ

вый и достопочитаемый аббатъ Гете, достойные представители редакціи издаваемаго въ Парижѣ журнала „L'Union Chrétienne", чада наша о Господѣ возлюбленныя и превожделенныя!

„Благодать вамъ, миръ и милость отъ Христа Спасителя нашего!

„Не неизвѣстны были намъ доблестные и полезные

благосклоннымъ письмомъ Аѳанасія, митрополита керкирскаго (Корфу). Церковный предстоятель іоническихъ острововъ радуется появленію въ свѣтъ «Христіанскаго Единенія» на защиту православія, похваляетъ христіанскую ревность и труды моего недостоинства, ободряетъ къ продолженію дѣла и осѣняетъ оное архипастырскимъ благословеніемъ.— Спустя недолго послѣ прибылъ изъ Константинополя въ Парижъ ученый монахъ и писатель, Апостолъ Макракисъ, и доставилъ мнѣ письмо отъ митрополита кесарійскаго Паисія, перваго члена патріаршаго синода, мужа необыкновенно чтимаго за твердость въ вѣрѣ и строгость жизни.—Преемникъ св. Василія Великаго также не щадитъ ни похвалъ, ни одобреній, ни благословеній и молитвъ «Христіанскому Единенію» и его грѣшному основателю.

Въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ проживающій въ Парижѣ для усовершенствованія себя въ наукахъ (онъ уже учился въ Германіи, гдѣ получилъ степень доктора богословія) бывшій при патріархѣ константинопольскомъ діаконъ, а нынѣ состоящій при аѳинскомъ университетѣ профессоръ богословія Евстафій Клеовулъ получилъ извѣстіе изъ Константинополя, что вселенскій патріархъ желаетъ имѣть все изданіе «Христіанскаго Единенія». Въ слѣдствіе сего я и о. Гете поднесли его святѣйшеству полное собраніе нашего журнала при почтительнѣйшемъ письмѣ.

Отвѣтомъ на сіе была грамата святѣйшаго вселенскаго патріарха Іоанникія вкупѣ со Священнымъ Синодомъ, состоящимъ изъ двѣнадцати митрополитовъ.

Препроводившій намъ сей документъ, повѣренный по ученымъ дѣламъ патріархіи, Поликроніадесъ, извѣстилъ насъ, что его святѣйшество изъявилъ согласіе на напечатаніе его писанія въ «Христіанскомъ Единеніи».

Считаю излишнимъ высчитывать важность сего писанія, ибо она очевидна и по самому отечеству и по своему содержанію.—Да видитъ же западъ смыслъ и духъ православія, и да молитъ предъ его истиною, святостью и любовью.

Кромѣ «Христіанскаго Единенія» грамота святѣйшаго Іоанникія была добровольно напечатана въ журналѣ «La Semaine Universelle», и бу-

труды издателей „Христіанскаго Единенія" въ охраненіи цѣлости вѣры Христовой; давно уже мы превозносили оные похвалами и напутствовали благословеніями. Нынѣ же съ радостью получили мы любезное письмо вашего благочестія съ приложеніемъ къ оному драгоцѣннаго собранія всего вашего изданія.

детъ напечатана въ «L'Esprit Public» et Le Nord». Трудно надѣяться, чтобъ другія здѣшнія періодическія изданія, напоенныя фанатизмомъ, или невѣріемъ, дали мѣсто въ своихъ столбцахъ высокому слову православныхъ восточныхъ іерарховъ. Но по частнымъ свѣденіямъ извѣстно, что грамата обратила на себя вниманіе, смѣшанное съ удивленіемъ.

«Христіанское Единеніе» уже пользовалось большимъ значеніемъ на востокѣ, равно какъ и серьезнымъ вниманіемъ на западѣ. — Большая часть статей, помѣщенныхъ въ этомъ листкѣ, переводятся и помѣщаются въ православныхъ журналахъ, какъ то: «Единодушіе» (Ὁμόνοια патріаршій листокъ въ Константинополѣ), «Благочестіе» (Εὐσέβεια въ Смирнѣ), евангельскій проповѣдникъ (Εὐαγγελικὸς Κῆρυξ въ Аѳинахъ), Кліо (Κλειὼ въ Тріестѣ). Но патріаршее свидѣтельство даетъ, такъ сказать, исключительный вѣсъ «Христіанскому Единенію». Не знаю, удостоивалось ли какое либо періодическое изданіе столь высокаго одобренія и ободренія».

За тѣмъ о. протоіерей Васильевъ испрашиваетъ своему изданію сочувствія, благословенія, и благовременной помощи нашихъ отечественныхъ іерарховъ, и прибавляетъ: «Въ настоящее время, при угрожающемъ переломѣ папства, особенно важно заявленіе православія. Ибо Римъ силенъ не приверженностію къ нему, а привычкою, онъ стоитъ не вѣрою, а искуснымъ устройствомъ, голоса, вопіющіе въ пользу его, не столько одушевлены благочестіемъ, сколько расчетомъ. — Этотъ Іерихонъ силенъ противъ внѣшней силы; но падетъ предъ силою вѣры. *Вѣрою стѣны іерихонскія падоша.* Съ кивотомъ давно мы уже нѣсколько разъ обходили эти стѣны, но ни разу не исполняли Божія повелѣнія—испустить сильный вопль. Начинаетъ едва слышный голосъ, пусть другіе усилятъ его».

Достоинства изданія L'Union Chrétienne извѣстны отчасти и русскимъ читателямъ духовныхъ изданій,—по крайней мѣрѣ по тѣмъ переводнымъ статьямъ изъ него, которыя помѣщались въ разныхъ духовныхъ изданіяхъ нашихъ. Годовая цѣна за L'Union Chrétienne для петербургскихъ подписчиковъ семь рублей, а для иногородныхъ десять рублей серебромъ.

„Узнавши изъ онаго точнѣе вашу цѣль, мы возблагодарили Бога всяческихъ, призвавшаго всѣхъ людей къ единенію и дающаго глаголъ благовѣствующимъ оное силою многою. Воистину мы относимъ ко внушенію Божію, не только вашу благодѣтельную мысль для тѣла Церкви, но и во Христѣ единодушіе и сотрудничество, а равно и искренность и богоугодность цѣли трудовъ вашихъ и законность и благоприличіе употребляемыхъ вами средствъ, и вѣрность руководителей, которымъ слѣдуете, и твердыя и непоколебимыя основанія, на которыхъ право созидаетесь, и удивительную кротость слова, доходящаго до слуха не яко во огни, не яко въ трусѣ, но въ гласѣ хлада тонка, проникающаго въ душу съ кротостью, достойною Бога, коего дѣлу служите, являющаго силу свою не крѣпостію слова, но простотою.

„Вы же, возлюбленные, извѣстно пріимете достойную мзду вашихъ священныхъ трудовъ въ пользу святаго дѣла."

„Что же касается нашей православной восточной Церкви, она всегда со скорбію взирала на удаленіе отъ нея нѣкогда столь почтенныхъ ей сестеръ западныхъ церквей, а особенно церкви древняго Рима.—Хотя Церковь наша и утѣшается сознаніемъ своей невинности, что въ началѣ она не была причиною раздѣленія, а потомъ не увеличивала, ни укрѣпляла онаго; однакожъ она никогда не переставала со слезами возносить теплыя молитвы Богу и Спасителю своему, сотворившему обоя едино и средостѣніе ограды разрушившему, да приведетъ церкви къ единодушію, даровавъ намъ единство вѣры, и общеніе Духа Святаго. Чтобы умилостивить Его, она показываетъ Ему язвы своего мучени-

чества и раны претерпѣваемыя ею за православную вѣру въ продолженіи столькихъ вѣковъ отъ нарушителей мира и кроткаго ея во Христѣ пребыванія; что безъ сомнѣнія не неизвѣстно вашей мудрости.

„И такъ, мѣрность наша и окружающій насъ священный соборъ преосвященнѣйшихъ митрополитовъ, нашихъ во Святомъ Духѣ братій и сослужителей, извѣстившись, особенно изъ вашихъ писаній, о божественной ревности вашей о вожделенномъ соединеніи церквей, и исполняясь духовной радости, вѣнчаемъ ваше святое дѣло достойнѣйшими похвалами, изъ глубины души преподаемъ вамъ и соревнующимъ вамъ сотрудникамъ наши патріаршія и соборныя благожеланія и благословенія, молясь о скоромъ достиженіи цѣли „Христіанскаго Единенія“. И какъ утѣшительно было намъ видѣть въ писаніи вашей честности мужа западнаго съ восточнымъ братски единомысленныхъ въ любви къ истинѣ и вмѣстѣ подписавшихся; такъ да дастъ Господь намъ и всему христіанскому міру узрѣть, во глубинѣ судебъ и щедротъ всемогущаго Бога, и нѣкогда бывшія сестры церковь восточную и западную утвердившимися искренно и не лестно въ единеніи духа, въ союзѣ мира, яко да будутъ всѣ едино тѣло Христово во славу Отца, Сына и Святаго Духа, въ Троицѣ нераздѣльнѣй и неслитнѣй покланяемаго Бога нашего, Его же благодать и неисчетная милость да будетъ съ вами! Индикта V, 23 августа 1862 года.

ПОДПИСАЛИ:

† Архіепископъ константинопольскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Паисій, митр. кесарійскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Паисій, митр. ефесскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Меѳодій, предстоятель карпатскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Стефанъ, митр. ларисскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Софроній, митр. артскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Хрисанѳъ, митр. смирнскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Мелетій, митр. митиленскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Дороѳей, митр. димитріадскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Діонисій, митр. мелникскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Мелетій, митр. рашкопрезренскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Анѳимій, митр. бѣлградскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† Агапій, митр. гревенскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ ОБЩАГО ПРИСУТСТВІЯ

ИЗЪ ДУХОВНЫХЪ И СВѢТСКИХЪ ЛИЦЪ ДЛЯ ИЗЫСКАНІЯ СПОСОБОВЪ КЪ БОЛЬШЕМУ ОБЕЗПЕЧЕНІЮ БЫТА ДУХОВЕНСТВА.

Государь Императоръ, въ совѣтѣ министровъ, 28-го іюня сего года, утвердивъ предположеніе объ образованіи особаго присутствія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства, Высочайше повелѣть соизволилъ, потребовать заключенія Святѣйшаго Синода, не встрѣтитъ ли онъ препятствія сдѣлать учрежденіе сіе общеизвѣстнымъ. Святѣйшій Синодъ, которому сообщено было объ этомъ, съ приложеніемъ проекта Высочайшаго повелѣнія объ образованіи означеннаго особаго присутствія, нынѣ увѣдомилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора, что пріемля Монаршую волю относительно учрежденія сего присутствія съ чувствованіями глубочайшей признательности, Святѣйшій Синодъ находитъ, что если правительствомъ признано будетъ необходимымъ сдѣлать это учрежденіе общеизвѣстнымъ, то и онъ, съ своей стороны, не найдетъ уважительныхъ основаній прекословить опубликованію этой мѣры, какъ свидѣтельствующей объ отеческомъ попеченіи Его Императорскаго Величества о благѣ духовенства. По всеподданнѣйшему докладу г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю

Императору изъясненнаго отзыва Святѣйшаго Синода на счетъ напечатанія текста означеннаго повелѣнія, Высочайше разрѣшено это исполнить.

Въ запискѣ объ образованіи особаго присутствія для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства изъяснено: Государь Императоръ, во вниманіи къ настоятельной потребности въ большемъ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ православнаго духовенства въ имперіи, Высочайше повелѣть соизволилъ:

I. Составить особое присутствіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которому поручить изысканіе способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства и между прочимъ именно:

1) Къ расширенію средствъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства; 2) къ увеличенію личныхъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ; 3) къ открытію дѣтямъ священно-и-церковно-служителей путей, для обезпеченія своего существованія, на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности; 4) къ открытію духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ.

II. Всѣ постановленія сего присутствія всеподданнѣйше представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

III. Членами сего присутствія, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, быть, со стороны духовной тѣмъ же лицамъ, которыя, въ продолженіе занятій комитета будутъ составлять присутствіе Святѣйшаго Синода, а со стороны свѣтской: генералъ-адъютанту князю Долгорукову, министру внутреннихъ дѣлъ, министру государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурору Святѣйшаго Си-

нода и директору духовно-учебнаго управленія, статсъ-секретарю князю Урусову. Управленіе дѣлами присутствія возложить на служащихъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ: тайнаго совѣтника графа Толстаго и каммергера Батюшкова и служащаго по православному духовному вѣдомству, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домонтовича.

IV. Исполненіе настоящаго Высочайшаго повеленія возложить на министра внутреннихъ дѣлъ и на оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода по принадлежности.

V. Дѣлопроизводство по комитету предоставить въ завѣдываніе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

При семъ Государю Императору благоугодно было отозваться, что хотя предметы, поручаемые разсмотрѣнію сего присутствія, относясь исключительно къ усиленію матеріальныхъ средствъ духовенства и къ расширенію его правъ и преимуществъ въ составѣ гражданскаго вѣдомства, нисколько не касаются до внутренняго устройства самой церкви, а тѣмъ менѣе, ея святаго ученія, всегда неприкосновеннаго: со всѣмъ тѣмъ Его Величество повелѣть соизволилъ, при развитіи выше указанныхъ основаній, строго и неуклонно держаться постановленій св. церкви, дѣяній вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. отецъ.

Его Императорскому Величеству также угодно, чтобы могущія быть предоставленными православному духовенству новыя права и преимущества ни въ чемъ не стѣсняли тѣхъ, которыя присвоены духовенству другихъ исповѣданій въ имперіи, сохраняющихъ полную независимость, законами для нихъ обезпеченную.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ ЗА 1862 ГОДЪ.

I.

ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Стран.

Міръ, по взору Евангелія, и гоненіе его на духъ христіанства . . . 3— 18
О христіанской чистотѣ сердца . . . 129—145
О вѣрѣ, какъ основаніи нравственной жизни . . . 146—152
Слово въ день двунадесяти св. апостолъ . . . 273—281
Пустынники. Картина аскетической жизни IV вѣка . . 282—330
Бесѣда о жизни и подвигахъ св. Маріи Магдалины . . 455—469
Правда Божія и человѣческая . . . 470—476
Слово въ день св. Павла исповѣдника . . . 585—588
О любви къ человѣчеству въ отношеніи къ современнымъ потребностямъ жизни . . . 707—730

II.

УЧЕНО-БОГОСЛОВСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Разборъ сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о Ноевомъ потопѣ сравнительно съ ученіемъ слова Божія объ этомъ предметѣ . . . 19— 39
Историческій списокъ константинопольскихъ патріарховъ отъ взятія Константинополя турками (1453 г.) до 1836 года, отъ Георгія II (Схоларія) до Григорія VI . . . 40— 64
Охраненіе православной Вѣры въ древней вселенской Церкви 153—202
О священствѣ противъ безпоповцевъ. По поводу появившихся въ литературѣ толковъ объ этомъ предметѣ . . 331—404
Виленское православное братство . . . 477—514. 589—614
Св. первомученикъ Стефанъ . . . 731—784

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЦЕРКОВНЫХЪ ДѢЛЪ И БОГОСЛОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Стран.

Замѣтки по поводу изданныхъ Д. Е. Кожанчиковымъ сочиненій о расколѣ . . . . 65—110

О національномъ и религіозномъ движеніи русскаго народа въ Галиціи . . . . 111—128

Критическія замѣтки . . . . 203—219

Миссіонерскія извѣстія изъ Китая . . . . 220—224

Начальственныя распоряженія по вѣдомству православнаго исповѣданія . . . . . . 225—270. 445—454. [illegible]—584

Свѣтская власть папъ предъ судомъ латинскаго духовенства . . . . 405—444

7 и 8 сентября въ Новгородѣ: тысячелѣтіе Россіи . . 515—546

Воспоминанія о покойномъ баккалаврѣ Д. Н. Щадеевѣ, и нѣкоторыя размышленія, вызванныя воспоминаніями . 547—569

Извѣстіе объ открытіи женскаго училища въ городѣ Арзамасѣ нижегородской губерніи . . . . 570—575

Русское православное духовенство, обвиненія противъ него и его цивилизаторская дѣятельность; современныя замѣтки 615—659

Поѣздка въ Виѳинію . . . . 660—701

Замѣтки о школахъ грамотности, открытыхъ главнымъ образомъ православнымъ духовенствомъ . . . . 702—706

Отечество и церковь въ 1862 году: взглядъ на событія истекающаго года и обозрѣніе законодательныхъ мѣръ . 785—843

Грамота святѣйшаго вселенскаго патріарха Іоакима, вкупѣ съ святымъ соборомъ, на имя редакціи издаваемой въ Парижѣ газеты «L'Union Crétienne» . . . . 844—849

Объ образованіи общаго присутствія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства . . . . 850—852

Объявленія отъ канцеляріи академическаго правленія . 271—272